

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

1

2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Бумага офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №124.

Подписано в печать 28.02.2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко
Заведующая редакцией:
А.А. Ведерникова

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Белозеров В.И.</i> Социология спорта в Великобритании и США	5
<i>Васильев В.П.</i> Институциональное регулирование социально-экономической динамики: выход на устойчивую траекторию развития	15
<i>Кудрявцев В.А., Грудина Т.Н., Лось Е.В.</i> Русская социологическая мысль о проблеме смертной казни	26
<i>Цзо Ци.</i> Данные в цифровой экономике	40
<i>Блошко В.В., Капустин В.В.</i> Развитие методологии социальных технологий патриотического воспитания молодежи	51
<i>Ягина О.М.</i> Социологические проблемы охраны психического здоровья в современном обществе	60

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Аносов С.С.</i> Гражданская активность некоммерческих организаций, работающих с молодежью в Сибирском Федеральном округе	70
<i>Ардашев Р.Г.</i> Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе	79
<i>Дзугев Х.В., Березина (Корниенко) Н.В.</i> Отношение к традиционным и другим религиям в республиках Северного Кавказа	87
<i>Иванов Р.В.</i> Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности	101
<i>Осеев А.А.</i> Социальные функции и социальный портрет пенсионеров в российском обществе. Пенсионеры – особая социальная группа, составляющая социальной целостности и носитель социальной организации общества	123
<i>Пружинин А.Н., Поджидаева А.Ю.</i> Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций	144

<i>Трескин П.А.</i> Особенности удаленной работы: опыт адаптации некоммерческих организаций	154
<i>Фарахутдинов Ш.Ф., Ключева В.П.</i> Этническая идентичность населения Тюменской области	163
<i>Чудновская И.Н., Бухтиярова И.Н., Липатова М.Е.</i> Модель коммуникации в цифровом образовательном пространстве в рефлексии студентов	173
<i>Гаврилова Ю.В., Попова А.А.</i> Роль депривации в трансформациях индивидуального религиозного сознания в условиях пандемии COVID-19	184
<i>Костикова Ю.В., Григорян М.И.</i> «Граммар-наци» как представители интернет молодежной субкультуры	193
<i>Королева-Конопляная Г.И.</i> Социальная адаптация молодежи в условиях информационного общества	199

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Евенко С.Л., Смирнов Н.Н.</i> Научные подходы управления профессиональной карьерой военнослужащего в социологии	205
<i>Игумнов О.А., Иванов С.Ю.</i> Социоресурсный подход в социальном управлении: постановка проблемы	215
<i>Кирсанова Ю.А.</i> Содержание концепции инноватора: обобщение международного опыта	225
<i>Литинская Е.Ю., Матюшина Ю.Б., Петров Д.С.</i> Теоретико-методологические аспекты изучения социальной адаптации работающих бедных	232
<i>Тимофеев М.О.</i> Развитие методологии социологического сопровождения групп военнослужащих, выполняющих профессиональные задачи в условиях социальной депривации	239

Трифорова В.Ю. Стратегическая сессия как социальная технология формирования организационной культуры компании 249

Узунов В.В. Роль и место социальной консолидации в стратегии развития Республики Крым 253

Яковлева О.И. Проблема адаптации молодых специалистов к профессиональной деятельности в экстремальных условиях 260

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Пустарнакова А.А., Нифатов А.А., Батищева Т.А. Воздействие русской культуры на социальные процессы: на примере города Самары 267

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Давыдов В.А. Историческое познание в контексте социальной эпистемологии 273

Колганов С.В., Глухов П.С. Человеческий потенциал сквозь призму философии русского космизма 277

Музафарова Н.Р. Феномен цаца в философии северного буддизма 281

Попов В.В., Буланая Ю.В. Становление индивидуального бытия индивида в семейном бытии традиционного и включающего общества: экзистенциалистский и феноменологический аспекты 285

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Капралова Е.А. Феномен социального благополучия в виртуально-цифровой реальности 292

Ни Ваяан Радита Нови Пуспитасари, Хендрикус Паулус Каунанг. Развитие глобальной солидарности в религиозных общинах в условиях пандемии COVID-19: на примере Бали, Флоресе и Индонезии 299

Сафронов А.В. Дуализм в общественном сознании: почему сложный концепт Спинозы оказался популярнее простого концепта Декарта 307

Шукшина Л.В., Фирсов А.А., Мизонова О.В. Особенности восприятия брендов поколением Z 326

Голубева К.А. Социальный механизм повышения уровня финансовой культуры 335

Погребной Д.Н., Осипенко Э.Б. Типологические особенности служебного поведения военнослужащих ВС РФ: управленческий аспект 340

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Равочкин Н.Н. Эмоции молодежи в постковидном городе: социологический анализ. Специфика проявления эмоций 347

Федоров Н.Ю. Категория человеческого капитала в социологической vs экономической теории 352

Сингаевская М.В. Структура и функции общественного мнения в политике 360

Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Хунагов Р.Д. Интеграция в полиэтничном обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы 373

Социология спорта в Великобритании и США

Белозеров Виталий Иванович,

аучный сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vibelozerovv@gmail.com

В статье рассматриваются основные фигуры, с которыми связано становление социологии спорта в Великобритании (Эрик Даннинг, Норберт Элиас) и США (Джон Лой), поскольку ученые из этих стран являются лидерами в данной предметной области. Выделяются характерные черты и основные направления исследований социологии спорта в каждой из вышеназванных стран. Отмечается, что в Великобритании традиционно большое значение уделялось футболу, который в данной стране можно назвать национальным видом спорта. В то время как в США социология спорта изначально была связано с физической культурой и значением спорта для процесса социализации, которые изучались преимущественно в ведущих университетах страны. Делается вывод о том, что современная социология спорта представляет собой неоднородное предметное поле, которое включает в себя множество различных направлений исследований.

Ключевые слова: спорт, социология спорта, футбол, физическая культура, социализация, Эрик Даннинг, Норберт Элиас, Джон Лой.

Социология спорта как область исследований сформировалась в 1960-е годы для изучения «социального поведения в контексте спорта» [11, p. 24], то есть таких фундаментальных социальных явлений, как социализация, социальный контроль, социальный конфликт, социальная стратификация и социальные изменения. Тем не менее, спорт по-прежнему находится на периферии внимания не только социологии, но и других академических дисциплин. Однако социология спорта прошла большой путь, оформились основные направления и центры исследований в данной области.

Анализ спорта как составляющей культуры – это доминирующая тема в социологических исследованиях, которая получила распространение во всех странах, хотя сегодня получают распространение и другие темы. Популярность социологии спорта увеличивается, поскольку продолжается «рост индустрии досуга и активного участия в спорте» [20, p. 8]. Современная социология спорта рассматривается как одна из самых живых и плодотворных областей знания, подверженная постоянным изменениям, однако можно выделить основные направления исследований, которые получили наибольшее распространение.

Примерно с 1970-х годов можно говорить о социологии спорта как самостоятельном направлении социологических исследований, в котором доминируют представители Великобритании и США. В Великобритании интерес к данной теме обусловлен, в первую очередь, традиционно высоким значением спорта в жизни социума. Большой вклад в развитие социологии спорта в Великобритании внесли такие ученые, как Эрик Даннинг и Норберт Элиас.

Элиас уехал из Германии, где учился и сформировался как ученый, после прихода к власти Гитлера и оказал наиболее серьезное влияние на социологию в Великобритании [9, p. 303–319; 18,

р. 145–146]. Поэтому, несмотря на свое немецкое происхождение, он рассматривается как представитель английской школы социологии спорта. Его идеи получили в этой области оказались востребованы в Великобритании больше, чем в какой-либо другой из стран, где он жил и работал, тем более что многие работы по данной теме были написаны им совместно с Даннингом [4; 5].

По словам Хорна и Малкольма, одной из первых появившихся «британских» социологических статей о спорте была написана именно Элиасом, а созданная им школа социологии спорта получила название Лестерской, по имени города, в котором Элиас получил свою первую профессорскую должность [9, р. 310]. Тем не менее, его можно назвать межнациональным социологом, которому удалось если не стереть, то хотя бы смягчить границы между социологами в разных странах.

Элиас выступал против границ, в том числе и дисциплинарных, и считал, что разделение таких дисциплин, как социология, психология и биология является неверным. Он предлагал устранить искусственные дисциплинарные барьеры и опираться на междисциплинарный подход, который может помочь увидеть, как переплетаются различные биологические, психологические и социологические аспекты человеческой жизни и достичь более глубокого понимания человеческих обществ [3, р. 96]. При этом Элиас рассматривал спорт как своеобразные модели социального поведения, которые встречаются в общественной жизни.

В основе большинства видов спорта можно найти испытание силы и выявление сильнейшего, то есть конкуренцию, которая «является основной ситуацией, с которой сталкиваются всякий раз, когда люди вступают или оказываются в отношениях с другими людьми... Они составляют нормальную часть всех человеческих взаимоотношений» [3, р. 73]. Но при этом спорт позволяет испытать азарт борьбы без опасностей и рисков, которые могут присутствовать в реальной жизни.

Элиас вообще рассматривал спорт как одну из составляющих процесса «цивилизации», позволившего снизить уровень насилия в обществе [2, р. 57]. Если обратиться к истории, то можно увидеть, что в прошлом была гораздо большая терпимость к физическому насилию, как в обществе, так и в спорте по сравнению с современными временами. Например, серьезные травмы и смертельные случаи не были редкостью, поскольку некоторые народные футбольные игры были не более чем полуинституционализированными драками между соперничающими группами или сообществами [5, р. 179]. Однако постепенно народный футбол, как и кулачные бои и другие формы спортивных состязаний подверглись «цивилизации», что привело к появлению соответствующих правил. Спорт позволял выражать эмоциональные всплески, неприемлемые в других сферах повседневной жизни, способствуя распространению контроля над агрессией. Элиас считал, что произошел переход от аффективного, то есть доставляющего удовольствие, к инструментальному/рациональному насилию, то есть насилие больше не «используется как самоцель, но как средство для достижения долгосрочной цели – победы» [5, р. 229]. В частности, в британском футболе отмечалось стремительное снижение уровня насилия, что Элиас объяснял развитием цивилизационного процесса. Однако с начала 1960-х годов появилось футбольное хулиганство, то есть насилие было перенесено с футбольного поля на трибуны.

Элиас считал, что такое явление, как футбольное хулиганство можно объяснить тем, что параллельно с «цивилизацией» спорта происходила его «демократизация», то есть включение в спортивные практики широких слоев населения. Описывая развитие спорта в Великобритании, Джулианотти, во многом опираясь на Элиаса, писал: «Возникновение современного спорта тесно связано с социальными отношениями между британскими высшими и средними классами и группами, нахо-

дящимися ниже в социальной структуре как дома, так и за рубежом («аутсайдеры»)» [18, р. 152]. «Цивилизованные» высший и средний классы использовали спортивные ритуалы, чтобы дистанцироваться от «нецивилизованных» посторонних. Крикет и теннис, например, включали различные кодексы цивилизованного поведения в отношении следования правилам, командной работы, подчинения своему капитану и принятия решения «беспристрастной» суверенной фигуры (судьи). Но поскольку спортивные мероприятия обычно устраивались для посторонних или включали в себя эти «нецивилизованные» группы в качестве участников, насилие вернулось в спорт в новых формах, подобных футбольному хулиганству.

Элиас описывал футбольное насилие как «синдром аутсайдера, как форму поведения и чувств, характерную для молодых аутсайдеров, когда они могут собраться вместе и образовать огромную толпу» [2, р. 57], ставшую распространенной, когда большее количество «грубых» мужчин из рабочего класса оказалось вовлечено в спорт. «Грубые» болельщики постепенно вытесняли в футболе более уважаемых зрителей, демонстрируя процесс демократизации в спорте.

С Элиасом сложно согласиться в том, что спорт помогает «цивилизации», пропагандируя контролируемый отказ от эмоций, агрессии и насилия, хотя нельзя не признать, что он внес важный вклад в изучение спортивных состязаний и связанных с ними социальных практик. Впрочем, и сам Элиас в поздних работах писал, что «профессионализация и коммерциализация производства досуга привела в таких обществах, как наше, к различным типам произвольных... проявлений спонтанности» [1, р. 49], то есть снижении контроля.

В целом, Элиас и Даннинг, в чьих работах спорт всегда занимал видное место, фактически заложили одну из традиций изучения спорта в Великобритании и создали школу социологии спорта в Университете Лестера [18, р.

7]. Впоследствии в ее рамках продолжили работать Патрик Мерфи, Айван Уоддингтон, Кеннет Шэрд, Грант Джарвье, Джозеф Магауйр, Доминик Малкольм, Стюарт Смит, Кен Грин и другие авторы. Если говорить об особенностях развития социологии спорта в Великобритании, то можно выделить следующие аспекты.

Первый связан с преобладанием междисциплинарных исследований, в рамках которых их авторы, представители разных научных дисциплин (не только социологи), изучают социальные аспекты спортивной деятельности.

Вторая отличительная черта находит отражение в тематике публикаций. И здесь в первую очередь следует указать на характерную для английских исследователей проблему футбольного хулиганства. Выше уже упоминалось, что ее разработка связана с работами Даннинга и Элиаса. Последующие «футбольные исследования» акцентируют внимание на особенности вовлеченности в спортивные практики различных социальных групп, включая вопросы участия в них инвалидов. Кроме этой темы, получают освещение проблемы глобализации и коммерциализации футбола, который считается национальным видом спорта в Англии.

Третья особенность находит отражение в наличии довольно хорошо очерченных теоретических рамок социологии спорта в Великобритании. Возможно, это связано с тем, что в отличие от американских исследований этой области, в дискурсе английской социологии спорта изначально преобладала теоретическая модель, нежели эмпирическая. Как отмечает Малкольм, именно английские социологи спорта являются лидерами по числу подготовленных учебников по данной дисциплине. Более того, до сих пор большинство социологов, работающих в данной области, связаны с Великобританией [15, р. 150], что объясняет доминирование англоязычных исследований в социологии спорта.

Тем не менее, в Америке формируются свои подходы и темы исследова-

ния. В американской социологии проблематика спорта появилась позднее, чем в европейской, так как изначально в США изучали преимущественно в контексте физической культуры. Однако с 1960-х годов началось бурное развитие социологических исследований в данной области. При этом многие американские авторы не видели особой необходимости в том, чтобы опираться на труды европейских мыслителей по той причине, что траектории развития самого спорта в Европе и США были весьма различны. Отличались как организационные механизмы в отношении участия в занятиях спортом и профессиональных спортивных соревнованиях, так и спортивная культура, которая базировалась в Европе больше на коллективизме, а в Северной Америке – на индивидуализме [7].

При этом современные социологи из Северной Америки, которые занимаются теорией спорта, во многом ориентируются на европейских ученых [15, р. 39–40]. Однако есть основания полагать, что социология спорта в США – это изначально самобытное направление, которое постепенно начинает оказывать влияние на развитие исследований во всех странах, способствуя постепенной унификации данной области социологии, или ее «американизации» [20, р. 8], как назвал этот процесс австрийский социолог Отмар Вайс.

Американские социологи Ингхэм и Доннелли считают, что «тема, которая лучше всего отражает миссию социологии спорта в ранний период, это социализация» [10], по крайней мере в Северной Америке. Они указывают, что именно социализация привлекла первых спортивных социологов, поскольку позволяла рассмотреть в контексте спорта гендерные различия, расовые различия, социальную мобильность, профессиональные траектории, субкультуры и многие другие темы, традиционные для американской социологии. Социология спорта в Северной Америке фактически формировалась на основе изучения социальных проблем, актуальных для американского общества.

Социализация стала своеобразной аналитической базой для изучения множества социальных явлений, характерных для спортивной сферы.

На первых порах в США наибольший интерес к спортивной социологии проявили в так называемых «Университетах Большой десятки», которые соперничали между собой в соревнованиях по регби, а также в Чикагском университете. То есть развитие социологии спорта активнее всего шло в академических заведениях, включенных в спортивную жизнь и имеющих возможность ее изучать. И в этом состоит еще одна из особенностей социологии спорта в Северной Америке: она развивалась на базе университетов и колледжей, учащиеся которых занимались спортом и состязались друг с другом. Другая особенность, о которой уже было упомянуто выше, заключается во внимании к социальным проблемам, свойственным американскому обществу.

Лидерами американской социологии спорта на начальном этапе ее развития (1960–1970-е гг.) можно назвать Кеньона, Лоя и Лушена [10, р. 374], которые определяли ее предметное поле в первые десятилетия и видели эту область как сферу эмпирических исследований. На рубеже 1970–1980-х гг. появились теоретические работы, которые связывают с такими авторами, как Ингхам, Грюно, Харди и Гуттманн [6; 7; 8], которые считали основой для изучения европейскую социологию. Они способствовали, в частности, популяризации в Америке работ Элиаса и Даннинга. С этого момента можно говорить о том, что в американской социологии спорта развиваются не только эмпирические, но и теоретические исследования.

В американской социологии спорта можно выделить три поколения ученых, которые различаются по областям исследования и карьерным траекториям: – те, кто начал заниматься этой областью до ее институционализации на рубеже 1960–1970-х гг., то есть в то время, когда она была достаточно маргинальной, поэтому их можно назвать миссионерами;

- второе поколение, включившееся в работу в начале 1970-х гг. и сделавшее акцент на эмпирических исследованиях, рассматривая социологию спорта как, в первую очередь, прикладное направление; это период активного развития социологии спорта в образовательных учреждениях, поэтому его можно назвать образовательным;
- третье поколение, вышедшее на сцену в 1980-х гг., уделяло гораздо больше внимания теоретической базе, но не забывало и об эмпирических исследованиях; это период наибольшего разнообразия, поэтому его можно назвать специализированным [12, р. 513; 14, р. 97].

Тем не менее, сложно говорить о каком-либо единстве среди представителей каждого из поколений, поскольку исследования были весьма разнообразными, преемственность между ними можно проследить далеко не всегда. С 1990-х гг. начинается период, который Лой называет международным [12, р. 513] вследствие интернационализации исследований, поэтому с этого времени говорить об американской специфике довольно сложно.

Важнейшим автором для американской социологии спорта является как раз Джон Лой, который стоял у истоков ее формирования в 1960-е гг. и продолжает свою работу до сих пор, хотя сейчас и менее активно, так как находится на пенсии. Необходимо сказать, что он многое сделал для систематизации американских исследований по социологии спорта, публикуя обзорные статьи о том, как развивается данное направление. «Первоначальный интерес к социологии спорта проявили ученые за пределами Северной Америки» [14, р. 92], однако со второй половины 1960-х гг. американские исследователи также начали уделять внимание данной области, что можно объяснить появлением соответствующего комитета в Международной социологической ассоциации.

Необходимо отметить, что социологическое понимание спорта оконча-

тельно оформляется только к середине 1960-х гг. Если до этого времени ученые опирались на широкое толкование спорта как игры, то в современной социологии спорт – это вполне определенный вид игр: структурированный, целенаправленный и соревновательный [16, р. 13–14]. Подобное определение спорта отсылает, в первую очередь, к статье американского социолога Джона Лоя [13], который постарался разобраться с тем, что из себя представляет спорт и каковы основные перспективы его изучения. Лой одним из первых предпринял попытку систематизировать различные определения и пришел к выводу, что для социологии спорт – это:

- особый вид игровой деятельности, который сопровождается демонстрацией физической силы;
- институционализированная игра, жестко формализованная, так как основана на правилах;
- социальный институт, включающий в себя множество организаций, регламентирующих поведение в сфере спорта;
- особая форма социальной активности, или социальная ситуация, предполагающая взаимодействие индивидов [13].

Рассматривая характеристики спорта в различном его понимании, Лой и пришел к выводу о том, что социологическое определение спорта должно показать, что это структурированная правилами, целенаправленная (ориентированная на победу), соревновательная, но при этом игровая физическая активность. И современные определения спорта не сильно отличаются от того, которое Лой сформулировал более 50 лет назад.

Систематизировав идеи Лоя, можно сказать, что спорт включает в себя 4 аспекта, представляющих интерес для социологии:

- 1) организационный, предполагающий формирование клубов, команд и прочих образований, их финансирование и управление ими, а также проведение различных спортивных мероприятий;

- 2) технологический, включающий как материальное оборудование, так и навыки и знания, которыми обладают не только спортсмены, но также тренеры, врачи и другие участники спортивных состязаний, способные менять сложившиеся паттерны поведения и даже правила в различных видах спорта;
- 3) символический, который включает, во-первых, различные обычаи, традиции и ритуалы, соблюдение которых представляется довольно важным, во-вторых, атрибутику команд и соревнований, продажа товаров с которой приносит прибыль, как и все виды коммерциализации спорта;
- 4) образовательный, который тесно связан с технологическим, поскольку предполагает совершенствование различных навыков и приобретение новых знаний, в том числе и во время тренировок.

Лой вместе с Джеральдом Кеньоном в середине 1960-х гг. предложил свое представление о том, какие направления исследований могут быть наиболее интересными для социологии спорта:

1. *Компьютерное моделирование.* Несмотря на то, что статья была опубликована в 1965 г., авторы посчитали, что технологический прогресс в отношении компьютеров идет быстрее, чем ожидалось, поэтому компьютерное моделирование может использоваться для изучения социальной динамики команд, развития и упадка отдельных видов спорта, а также поведения зрителей.
2. *Моделирование игровых ситуаций.* Предполагалось, что интерес будет представлять моделирование среды, окружающей игру, что позволило бы найти компромисс между неконтролируемыми фактическими условиями и искусственными лабораторными экспериментами для изучения возможных паттернов поведения в различных ситуациях.
3. *Междисциплинарные исследования.* Поскольку спорт активно изучали не только социологи, но также фи-

зиологи и психологи, то совместная работа могла бы привести к новым знаниям, поскольку очевидно, что максимальные спортивные результаты не могут быть объяснены только физиологией, поскольку необходимо учитывать множество различных факторов.

4. *Разработка моделей социального развития.* Построение статических и динамических моделей (уже не игровых ситуаций, как во втором пункте) могло бы стать основой для описания и объяснения значения спорта для отдельных индивидов и социальных групп. В частности, можно было бы попробовать предсказать, какое времяпрепровождения (интеллектуальное или физическое, возможно, связанное с конкретным видом спорта) будет пользоваться наибольшей популярностью у каких-либо социальных групп.
5. *Межнациональные и межкультурные исследования.* Их главную функцию авторы видели в том, чтобы понять, могут ли сформулированные теории и законы распространяться на другие страны и другие культуры.
6. *Теория игр.* Продолжение теории игр, которая не заинтересовала исследователей, изучающих спорт, в значительной степени, но может быть основательно разработана в сфере спорта, а впоследствии использована и для других областей общественной жизни.
7. *Значение спорта и физической активности как досуга.* Эта тема рассматривалась как одна из самых перспективных, поскольку к тому времени результаты ряда исследований уже были представлены на национальных и международных конференциях. Предполагалось, что она потребует сбора большего количества эмпирических данных, то есть будет преимущественно направлением эмпирических исследований.
8. *Социальные изменения и спорт.* Отмечая быстроту социальных из-

менений, авторы указывали на то, что в обществе происходит быстрое изменение не только ценностей, но и социальных институтов. Многие из этих изменений ярко манифестируются в сфере спорта и могут помочь объяснить процессы, происходящие в обществе [11, р. 68–69].

Современная американская социология спорта, как ее характеризует Лой, представляет собой совокупность исследований по самым разным темам, лишенным какого-либо методологического единства [12, р. 513]. В фокусе внимания ученых оказываются исследования спортивных субкультур, медиа и кинематографии, а также расовой и этнической принадлежности спортсменов, гендер и сексуальность, идентичность и многие другие вопросы. Но, по мнению Лоя, американской социологии спорта катастрофически не хватает обобщений (в частности, об отношениях между спортом и обществом), и их разработка может сегодня рассматриваться как одна из основных задач. Речь идет, например, о выявлении фундаментальных характеристик и аспектов спорта, которые могут быть проанализированы на основе теорий социального взаимодействия и социальной структуры. На сегодняшний день увидеть связь исследований спорта с общей социологической теорией довольно сложно, поэтому Лой и говорит лишь о совокупности разрозненных исследований, которым не хватает обобщений. В современном обществе наблюдается «тенденция к стандартизации и глобализации спортивных практик» [17], поэтому вполне могут быть предприняты попытки выявления характерных черт современного спорта.

Таким образом, Элиас закладывает традицию рассмотрения спорта в качестве важного элемента культуры большинства обществ. Однако затем наблюдается доминирование американских исследований, преимущественно эмпирических [16, р. 4–7]. Поэтому современная социология спорта во многом может рассматриваться преимущественно как американский про-

ект, поскольку именно авторы из США и Канады определяют основные направления современных исследований [19, р. 1049–1050]. Специфика социологии спорта в США заключается в том, что она возникла позднее, чем в Европе (в конце 1960-х – начале 1970-х гг.) всегда была тесно переплетена с социальными проблемами, волновавшими американское общество.

В целом, очевидно, что социология спорта в каждой отдельной стране имеет свои уникальные особенности, поскольку «ни наука, ни спорт не существуют в вакууме; на них влияет общество, частью которого они являются» [20, р. 10], но именно в США это проявилось наиболее отчетливо.

Главными исследовательскими центрами на сегодняшний день являются:

- 1) в Европе – Университет Лоуборо, Лидский университет Беккета, Университет Брайтона и Даремский университет в Великобритании, а также Норвежский институт спорта;
- 2) в Северной Америке – Альбертский университет, Университет Британской Колумбии, Университет Оттавы и Университет Торонто [19, р. 1034–1036].

Однако исследования, которые проводятся в Норвегии, не получили столь широкого освещения, как другие, поэтому их влияние на международное научное сообщество значительно слабее, и можно утверждать, что основные исследования по спорту в современной социологии проводятся в Великобритании, США и Канаде.

Социология спорта стала достаточно быстроразвивающейся областью знания в XXI веке, однако исследовательские центры расположены преимущественно в трех вышеназванных странах, поэтому и можно говорить о том, что это преимущественно англо-американский проект.

Тем не менее, социологические исследования спорта в Европе и Северной Америке имеют существенные различия, поскольку являются результатами разного социального и культурного

контекста, который становится очевиден при проведении сравнительного анализа. По словам Гуттманна, ключом к пониманию различий между британской и американской социологией спорта может быть особая конфигурация спортивной культуры по разные стороны Атлантики [7], которая определяет интерес к тем или иным темам.

Тем самым, современную социологию спорт нельзя рассматривать как методологически единую дисциплину, поскольку «существуют важные различия» [15, р. 33] между основными исследовательскими центрами, которые признаются большей частью научного сообщества. Хотя в последние годы в американской социологии спорта также наблюдается переход от количественных исследованиям к качественным, которые прежде были более характерны для Европы.

В частности, Тиан и Вайс считают, что существует определенный консенсус относительно наиболее востребованных направлений исследований [19, р. 1038]. С их точки зрения, современную социологию спорта можно охарактеризовать следующим образом:

- продолжает набирать популярность гендерная проблематика, которая лучше разработана в США, чем в Европе, хотя современные исследования спорта по-прежнему представляют собой англо-американский проект;
- культура чаще анализируется в Европе, часто в контексте тела и гендера (что может объяснить меньшее распространение чисто гендерных исследований в Европе), хотя также популярны и исследования футбола, который всегда играл важную роль в развитии этой области в Великобритании, в том числе и через изучение футбольного хулиганства;
- по обе стороны океана значительно вырос интерес к идентичности, которая также зачастую связывается с телом и здоровым образом жизни, причем здоровье все чаще становится предметом обсуждения в исследованиях по спорту;

- политические аспекты широко представлены как в европейских, так и в американских исследованиях спорта, которые рассматривают то, как власть и идеология проявляются в различиях и неравенстве; эта тема стабильно вызывает интерес ученых в Европе, а в Северной Америке ее востребованность даже растет;
- медиа и их роль в спорте в целом больше важны для европейских социологов, в то время как американские рассматривают СМИ преимущественно в контексте гендера или расы [19].

Однако Тиан и Вайс также считают, что есть темы, по которым можно выявить существенные различия: в Европе уделяют больше внимания молодежи, а также спорту в контексте глобализации, в то время как в США чаще рассматривают «спортивное потребление» в капиталистическом обществе и повседневную физическую активность в контексте предотвращения проблем со здоровьем, в первую очередь, ожирения [19, р. 1038–1039].

При этом необходимо понимать, что и европейская социология спорта не является единой, она «характеризуется неоднородностью и разнообразием» [20, р. 7], у нее появляются новые направления исследований. В частности, все больший интерес представляют исследования спорта как средства культурного диалога, учитывая этническое и культурное разнообразие населения Европы. Социология спорта, с одной стороны, динамичная область исследований, которая, с другой стороны, также демонстрирует некоторую стабильность в отношении наиболее востребованных тем.

Литература

1. Elias N. Spontaneity and self-consciousness // *Excitement Processes: Norbert Elias's Unpublished Works on Sports, Leisure, Body, Culture* / ed. by J. Haut, P. Dolan, D. Reicher and R. Sánchez García. Springer: Wiesbaden, 2019.
2. Elias N. *The Germans*. Cambridge: Polity, 1986.

3. Elias N. What is Sociology? London: Hutchinson, 1978.
4. Elias N., Dunning E. Dynamics of sports groups with special reference to football // *British Journal of Sociology*. 1966. Vol. 17. No. 4.
5. Elias N., Dunning E. Quest for excitement – Sport and leisure in the civilizing process. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
6. Gruneau R. Review of “Surfing subcultures of Australia and New Zealand” // *ICSS Bulletin* 21. 1981.
7. Guttman A. From ritual to record: A retrospective critique // *Sport History Review*. 2001. Vol. 32. No. 1.
8. Hardy S., Ingham A. Games, structures, and agency: Historians on the American play movement // *Journal of Social History*. 1983. Vol. 17. No. 2.
9. Horne J., Malcolm D. Sociology of Sport: United Kingdom. Sociology of Sport: A Global Subdiscipline in Review / ed. by K. Young. (Research in the Sociology of Sport. Vol. 9). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2016.
10. Ingham A., Donnelly P. A Sociology of North American Sociology of Sport: Disunity in Unity, 1965 to 1996 // *Sociology of Sport Journal*. 1997. Vol. 14. No. 4.
11. Kenyon G.S., Loy J.W. Toward a Sociology of Sport // *Journal of Health, Physical Education, Recreation*. 1965. Vol. 36. No. 5.
12. Loy J.W. Assessing the sociology of sport: On theory and method // *International Review for the Sociology of Sport*. 2015. Vol. 50. No. 4–5.
13. Loy J.W. The Nature of Sport: A Definitional Effort // *Quest*. 1968. Vol. 10. No. 1.
14. Loy J.W., Kenyon G.S., Mcpherson B.D. The Emergence and Development of the Sociology of Sport as an Academic Specialty // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 1980. Vol. 51. No. 1.
15. Malcolm D. Sport and Sociology. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2012.
16. Malcolm D. The social construction of the sociology of sport: A professional Project // *International Review for the Sociology of Sport*. 2014. V.49 (1).
17. Renson R. The cultural dilemma of traditional games // *Dimensions in Fields of Play* ed. by M.C. Duncan, G. Chick and A. Aycok. Greenwich: Ablex, 1998.
18. Sport and Modern Social Theorists: Theorizing Homo Ludens / ed. by R. Giulianotti. New York: Palgrave Macmillan, 2004.
19. Tian E., Wise N. An Atlantic divide? Mapping the knowledge domain of European and North American-based sociology of sport, 2008–2018 // *International Review for the Sociology of Sport*. 2020. Vol. 55. No. 8.
20. Weiss O. Perspectives on the sociology of sport in Europe // *European Journal for Sport and Society*. 2004. Vol. 1. No. 1.

SOCIOLOGY OF SPORTS IN GREAT BRITAIN AND IN THE USA

Belozеров V.I.

Lomonosov Moscow State University

The article discusses the main figures associated with the formation of the sociology of sports in the UK (Eric Dunning, Norbert Elias) and the USA (John Loy), because scientists from these countries are the main leaders in this subject area. The characteristic features and main directions of research in the sociology of sports in each of the above countries are highlighted. It is noted that in the UK traditionally great importance was given to football, which is a national sport in this country. While in the United States, the sociology of sports was initially associated with physical culture and the significance of sports for the process of socialization. These subjects were studied mainly at the country's leading universities. It is concluded that the modern sociology of sport is a heterogeneous subject field, which includes many different areas of research.

Keywords: sport, sociology of sport, football, physical education, socialization, Eric Dunning, Norbert Elias, John Loy.

References

1. Elias N. Spontaneity and self-consciousness // *Excitement Processes: Norbert Elias's Unpublished Works on Sports*,

- Leisure, Body, Culture / ed. by J. Haut, P. Dolan, D. Reicher and R. Sánchez García. Springer: Wiesbaden, 2019.
2. Elias N. *The Germans*. Cambridge: Polity, 1986.
 3. Elias N. *What is Sociology?* London: Hutchinson, 1978.
 4. Elias N., Dunning E. Dynamics of sports groups with special reference to football // *British Journal of Sociology*. 1966. Vol. 17. No. 4.
 5. Elias N., Dunning E. *Quest for excitement – Sport and leisure in the civilizing process*. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
 6. Gruneau R. Review of “Surfing subcultures of Australia and New Zealand” // *ICSS Bulletin* 21. 1981.
 7. Guttman A. From ritual to record: A retrospective critique // *Sport History Review*. 2001. Vol. 32. No. 1.
 8. Hardy S., Ingham A. Games, structures, and agency: Historians on the American play movement // *Journal of Social History*. 1983. Vol. 17. No. 2.
 9. Horne J., Malcolm D. *Sociology of Sport: United Kingdom. Sociology of Sport: A Global Subdiscipline in Review* / ed. by K. Young. (Research in the Sociology of Sport. Vol. 9). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2016.
 10. Ingham A., Donnelly P. *A Sociology of North American Sociology of Sport: Disunity in Unity, 1965 to 1996* // *Sociology of Sport Journal*. 1997. Vol. 14. No. 4.
 11. Kenyon G.S., Loy J.W. *Toward a Sociology of Sport* // *Journal of Health, Physical Education, Recreation*. 1965. Vol. 36. No. 5.
 12. Loy J.W. *Assessing the sociology of sport: On theory and method* // *International Review for the Sociology of Sport*. 2015. Vol. 50. No. 4–5.
 13. Loy J.W. *The Nature of Sport: A Definitional Effort* // *Quest*. 1968. Vol. 10. No. 1.
 14. Loy J.W., Kenyon G.S., McPherson B.D. *The Emergence and Development of the Sociology of Sport as an Academic Specialty* // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 1980. Vol. 51. No. 1.
 15. Malcolm D. *Sport and Sociology*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2012.
 16. Malcolm D. *The social construction of the sociology of sport: A professional Project* // *International Review for the Sociology of Sport*. 2014. V.49 (1).
 17. Renson R. *The cultural dilemma of traditional games* // *Dimensions in Fields of Play* ed. by M.C. Duncan, G. Chick and A. Aycock. Greenwich: Ablex, 1998.
 18. *Sport and Modern Social Theorists: Theorizing Homo Ludens* / ed. by R. Giulianotti. New York: Palgrave Macmillan, 2004.
 19. Tian E., Wise N. *An Atlantic divide? Mapping the knowledge domain of European and North American-based sociology of sport, 2008–2018* // *International Review for the Sociology of Sport*. 2020. Vol. 55. No. 8.
 20. Weiss O. *Perspectives on the sociology of sport in Europe* // *European Journal for Sport and Society*. 2004. Vol. 1. No. 1.

Институциональное регулирование социально-экономической динамики: выход на устойчивую траекторию развития

Васильев Владимир Петрович,

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vasvp15@gmail.com

В статье анализируются новые формы и методы системы макроуправления, актуализированные экономической рецессией, возникшей под воздействием COVID-19 и предшествующих депрессионных темпов экономического роста. Это процессы перераспределения роста участия государства в социально-экономическом развитии как в институциональной сфере, так и в области государственных финансов.

Показано, что трансформации институтов государственного управления обусловлена долгосрочным влиянием особенностей информационного общества и концептуализацией современного устойчивого роста по направлениям благосостояние, сокращение бедности, экология. В РФ осуществляется переход к новой форме институционального регулирования социально-экономической динамики на основе системы среднесрочного стратегического планирования в диапазоне от разработки ключевых долгосрочных стратегий развития до операционного управления конкретными проектами. Представлены современные национальные цели развития и их индикаторы, структурированы имеющиеся риски элементов стратегического планирования, требующие учета при разработке последующих системных решений. Уточнены актуальные принципы социального государства, показаны институциональные новации организации социальной защиты населения в контексте стратегического планирования, взаимодействия федеральных и региональных органов управления в проблемном поле социальной помощи и социального страхования населения.

Ключевые слова: стратегическое планирование, национальные цели, национальные проекты, COVID-19, социальное государство, социальная защита, прожиточный минимум.

Введение

Падение темпов экономического роста, сокращение доходов населения, вызванные пандемией 2019–2021 гг. вновь поставили вопрос о роли государственного регулирования социально-экономической динамики. Социальные практики, включая события мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., подтвердили необходимость государственных инвестиций для сокращения безработицы, роста доходов граждан и достижения потенциального ВВП. В большинстве развитых стран наблюдается увеличение бюджетных расходов, инвестиций, которые вместе с рыночным финансовым механизмом ломают тренд стада в направлении экономического роста.

Роль государства в социально-экономическом развитии не беспредельна. Во-первых, наряду или в кооперации с государством, в рыночной экономике основным субъектом выступают коммерческие и некоммерческие организации. Их экономическая деятельность предопределяет масштабы и темпы социально-экономического развития. Во-вторых, благополучие, мотивация, социальные ценности формируются в семье, также выступающей субъектом экономической и социальной политики.

Целый ряд вопросов воздействия государства на социально-экономическую динамику остается дискуссионными. Это проблемы масштабов и методов государственного регулирования, соотношения экономического роста и распределения благ, стимулирования технологических инноваций и защиты окружающей среды, цифрового развития и свободы, демократии, что нашло отражение в работах зарубежных [Piketty, 2013; Джессоп, 2019] и российских авторов [Ну-

реев, Латов, 2021; Левацов, Великая, Шушпанов, 2021; Рубинштейн, Городецкий, Гринберг, 2020].

Форсированная обращенность к запросам общества скорректировала некоторые среднесрочные цели и механизмы обеспечения социальной динамики в РФ. В 2019–2020 гг. был намечен ряд мер, преобразующих направления государственного воздействия на социально-экономическую практику. Эти меры задали новый вектор социальных изменений, оказались актуальными в условиях новой реальности 2020/21 гг.

К таким трансформациям можно отнести направления, непосредственно влияющие на тренды социальных процессов: переход от концепции сокращения социальных расходов к увеличению затрат для малообеспеченных групп населения; изменение системы поддержки рождаемости: от социальных инвестиций, непосредственно направленных на рост количества детей в семье, к материальной поддержке молодых семей и их качества жизни как основе расширенного воспроизводства; переход от акцента на макроэкономическую сбалансированность к программе запуска нового инвестиционного цикла; корректировка национальных проектов. Очевидными стали социальные риски оптимизационных новаций в сфере обеспеченности и доступности медицинских услуг. Оказались недоучтенными важные для общества преобразования в области здравоохранения, цифрового развития, образования – отраслей, во многом определяющих качество жизни человека. Задачи формирования социального капитала, доверия и взаимности вступили в противоречие с известными образами административной социально-экономической стратегии [Мэнинг, Парисон, 2003].

Новые условия развития систем государственного управления

Минувшее десятилетие в мировой экономике связано с двумя серьезными кризисами: мировой экономической кризис 2008–2009 гг. и рецессия 2020–2021 гг., вызванная COVID-2019. Экономическая рецессия и рост безработицы предпо-

делили рост участия государства в экономическом развитии как в институциональной сфере, так и в области государственных финансов (табл. 1).

Таблица 1. Доля расходов консолидированного бюджета в ВВП (%)

Страна	2020 г.	2019 г.
Франция	62.1	55.4
Италия	57.3	48.6
Дания	54	49.2
Швеция	52.9	49.3
Великобритания	52	39.1
Германия	51.1	45.2
Исландия	49.7	43.4
Израиль	46.9	39.8
Соединенные Штаты	44	35.68

Источник: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/government-spending-to-gdp>

Величина государственных расходов 2020 г. превысила аналогичные показатели кризисного 2009 г. и впервые превысила во Франции, Великобритании и Германии 50% долю ВВП.

В РФ масштаб государственного воздействия актуализируется рядом специфических обстоятельств развития, которые ведут со стороны многих групп населения к восприятию государства как единственного субъекта социально-экономической динамики. Общие особенности, определяющие масштаб и роль государства в социально-экономическом развитии можно представить следующим образом (рис. 1).

• Традиции (коллективизм – индивидуализм)
• Значительная занятость в госструктурах
• Государственные социальные фонды социального страхования и поддержки населения
• Инфраструктура – в государственной собственности (совместная собственность с монопольными структурами)
• Региональные социально-экономические диспропорции
• Управленческая вертикаль власти

Рис. 1. Условия роста масштабов государственного управления в РФ

Социально-экономические практики многих стран мира выявили новые направления социально-экономической динамики постиндустриального общества. Их масштабы, дивиденды и риски требуют стратегических, комплексных управленческих решений, принимаемых на макроуровне и требующих межгосударственного подхода. По сути, доминирующей международной программой становится стратегия устойчивого развития, не только направленная на интересы будущих поколений, но и на реализацию современных потребностей населения: обеспечение благосостояния, сокращение бедности, решение уже сегодня острых экологических проблем,

На основе программы ООН до 2030 г. [Преобразования, 2015] ряд стран, международных экономических организаций, интеграционных объединений приняли соответствующие институциональные меры в области защиты окружающей среды. Экономические нормативы сокращения вредных выбросов в атмосферу и препятствия ухудшению климатических условий жизнедеятельности адаптируются к национальным налоговым системам, введению новых налогов платежей и сборов, ограничивающих «внешние эффекты». С 2023 г. европейские страны вводят дополнительные таможенные сборы на товары, несущие «экологический след»

Продвижение концепции устойчивого роста в сферу государственного управления воспроизводит противоречие между защитой окружающей среды и экономическим ростом как целью экономической динамики. Однако, достижение целей повышения благосостояния невозможно реализовать без роста выпуска, от которого зависит оплата труда и другие доходы населения. Поэтому институциональное стимулирование экономического роста и инвестиции в объекты общественных благ остаются стратегическими направлениями государственного управления. При этом возникает задача сбалансированности экономического роста с ре-

шением многообразных экологических проблем.

Новым этапом информационного общества является «цифровая революция», продвижение новых технологий на все стадии процесса воспроизводства товаров и услуг, представляемых населению, и системы управления как на уровне компаний, так и на уровне государственных структур [World, 2016]. Новые компьютерные технологии позволяют обогатить арсенал методов управления по широкой линейке от управления непосредственно процессом производства до проектирования и мониторинга реализации новых проектов (рис. 2).

• Большие данные
• Технологии виртуальной и дополненной реальности
• Нейротехнологии и искусственный интеллект
• Системы распределенного реестра
• Квантовые технологии
• Новые производственные технологии
• Промышленный интернет
• Компоненты робототехники и сенсорика
• Технологии беспроводной связи

Рис. 2. Новые компьютерные технологии для управления

Новые технологические решения, активно применяемые на уровне крупного и среднего бизнеса, начинают адаптироваться к государственным управленческим структурам, формируются основы «цифрового правительства» (e-government) по следующим направлениям:

- взаимодействия с бизнесом, бизнес-компаниями и предприятиями (G2B, government-to-business);
- с гражданами, населением (G2C, government-to-citizen), предоставляя им доступ к открытым данным;
- с государственными органами и служащими (G2G, government-to-government).

Формируется отечественная элементная база, программирование технологических блоков, унификация, синхронизация и санации нормативных ак-

тов, необходимых для создания и мониторинга программ и проектов. Эти задачи находятся в единстве с трансформацией института государственной службы, переобучения и рекрутирования служащих с новыми образовательными компетенциями и соответствующей мотивацией. На государственную службу рекрутируются специалисты с компетенциями и навыками работы с технологиями больших данных, искусственного интеллекта, системы распределенного реестра, нейротехнологий.

Правительством РФ разработаны стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики и социальной сферы, составной частью которой является переход Государственной информационной системы на специализированную платформу «ГосТех». Одновременно, предполагается внедрение искусственного интеллекта в федеральных органах власти и появление на госслужбе дата-сайентистов¹, которые на основе аналитических данных выстраивают модели управления.

Однако применение новых технологий в системе государственного управления оказались сопряжено с необходимостью санации многочисленных нормативных актов, носящих не редко противоречивый характер и другие недостатки, не позволяющие формализовать проектное содержание.

Система стратегического планирования

Новые и весьма разнообразные тенденции социально-экономической динамики ставят вопрос о комплексировании задач на макроуровне управления и выявления приоритетов в среднесрочной перспективе развития. В РФ сформирована новая система определения целей развития, концентрации ресурсов и операционного управления и контроля достижения индикаторов среднесрочной динамики, получившая характеристику стратегиче-

¹ Новый тип госслужащих, обладающий компетенциями в области визуализации данных, машинного и глубокого обучения, распознавания образов, анализа неструктурированных данных для получения ключевых управленческих идей и моделей.

ского планирования [Федеральный закон от 28 июня 2014].

Во второй половине 2000-х г. был осуществлен переход к долгосрочному определению основных направлений социально-экономического развития. Первым инструментом комплексного решения целевых задач стали федеральные целевые программы (ФЦП)², затем на уровне исполнительной власти были приняты Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.,³ Прогноз долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.⁴

Значительная часть намеченных результатов названных институциональных решений не была выполнена. Одна из главных управленческих проблем состояла в отсутствии эффективного механизма финансирования, рубежного мониторинга и попытке «распланировать» весь комплекс социально-экономической динамики.

Эти недостатки должна преодолеть система среднесрочного стратегического планирования на 6-и летний период, сбалансированная по источникам финансирования и ежегодным индикаторам реализации соответствующих крупных национальных проектов. В отличие от традиционного бюджетного планирования национальные проекты, разрабатываются на основе определения общенациональных приоритетных целей, определению которых предшествует разработка ряда долгосрочных стратегий и прогнозов социально-экономической динамики. Национальные проекты комплексуют процесс управления от уровня федерального центра до муниципальных структур власти. Среднесрочное бюджетирование и обеспечение финансирования масштабных национальных проектов

² <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/Title/>

³ <http://static.government.ru/media/files/aa00FKSheDLiM99HECrygytfgZzrnAX.pdf>

⁴ <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>

позволяет заключать долгосрочные контракты с органами власти, обеспечивая устойчивость и предсказуемость результатов.

Современные алгоритмы стратегического планирования на уровне государства можно представить следующим образом (рис. 3).

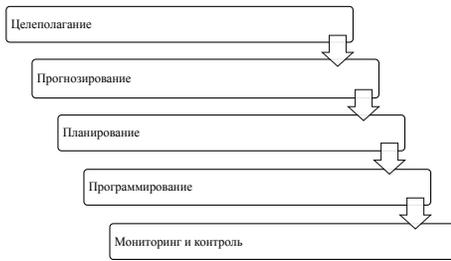

Рис. 3. Процесс стратегического планирования

Алгоритмы государственного стратегического планирования по форме практически совпадают с соответствующими универсальными принципами разработки стратегии в бизнес-структурах [Основы, 2016]. Однако, на всех стадиях процесса стратегического планирования на макроуровне имеются значительные различия, которые на практике показали невозмож-

ность копирования некоторых отработанных в бизнесе форм проектирования и планирования.

Создание проектных офисов не получило развития – управлением национальных проектов руководит соподчиненная иерархия: заместитель председателя правительства – министр – заместитель министра. Целеполагание основано не на традиционных ценностях бизнеса (получение прибыли, завоевание сегмента рынка, повышение рыночной стоимости компании), а на принципах обеспечения национальной безопасности, социального развития и макроэкономической динамики. Стратегии развития формируют долгосрочные цели социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, стратегические национальные приоритеты, пути и основные инструменты их достижения, прогнозируют риски социально-экономического развития и угрозы национальной безопасности [Указ от 08.11.2021 № 633].

В 2021 г. система стратегических разработок на уровне государственного стратегического планирования была реструктуризирована и в настоящее время представлена следующим образом (рис. 2).

Целеполагание	Прогнозирование	Целеполагание на отраслевом и территориальном уровне	Государственная программа вооружения и национальные проекты
Ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации	Стратегический прогноз Российской Федерации	Отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации	Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации, единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и основы государственной политики, доктрины, стратегии, концепции в сфере обеспечения национальной безопасности	Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период	Стратегия пространственного развития Российской Федерации	Государственные программы Российской Федерации, государственная программа вооружения и национальные проекты
Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации	Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации	Стратегии социально-экономического развития макрорегионов	

Рис. 4. Система форм стратегического планирования

Целеполагание направлено на выявление основных направлений соци-

ально-экономического развития, рациональных с точки зрения общественных

целей и ценностей действий властных структур [Вебер, 1990]. Рациональность предполагает выявление реально достигаемых целей, наличия средств для их достижения и общественной эффективности, как критерия гармонизации интересов различных слоев социальной стратификации.

В формировании целевых установок участвует значительное количество экспертов, что предопределяет наличие субъективного фактора, не всегда сочетающегося с объективным стратегическим анализом. Определение приоритетов развития, построенного на основе экономико-математических моделей, поэтапно корректируется с использованием экспертных оценок. Ряд методик статистических показателей, применяемых в расчетах, используют дооценки, на экспертном уровне формируются «консенсус прогнозы», основанные на ряде готовых исследований зарубежных и международных организаций.

COVID-19, повлиявший не только на здоровье населения, но и обрушил темпы экономического роста, сократил бюджетные поступления и увеличил бюджетные расходы. В этих условиях были переформатированы национальные цели развития, сроки их реализации пролонгированы до 2030 г. (вместо 2024 г.), что с формальной стороны отличается от норм стратегического планирования, предусматривающих 6-и летний цикл.

Изменение состава и количества национальных целей в 2020 г. привело к уточнению некоторых индикаторов, не основанных на предшествующих трендах развития и вызывающих риски невыполнения.

Так, индикатор достижения средней продолжительности предстоящей жизни с 80 лет снижен до 78 лет к 2030 г., исклучена цель вхождения к 2024 г. в первую пятерку стран по размерам ВВП (по ППС)⁵. Среди вновь обозначен-

ных приоритетов и соответствующих индикаторов развития воспроизведена цель «вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования». Однако, ориентация на этот показатель обусловлена занимаемым РФ 33 местом в ранжированном индексе образования, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения⁶. Это – индекс доступа к образованию, но не его качества. Очевидно, что потребностью общества является повышение качества образования, а не вхождение в более высокие уровни международных рейтингов. По названному, не актуальному для РФ, индикатору (уровень грамотности и количество лет обучения) нет и соответствующих разделов национальных проектов.

Реализуемые национальные цели социально-экономического развития в настоящее время представлены следующим образом [Указ от 21.07.2020 № 474] (рис. 5).

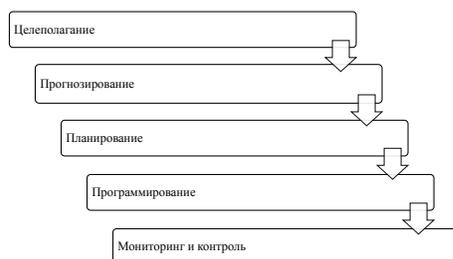

Рис. 5. Национальные цели развития до 2030 г.

Бюджетное финансирование и операционное управление исполнительных органов власти в настоящее время осуществляется по широкому кругу проблем – долгосрочные целевые проекты, федеральные целевые программы, развернутая структура национальных проектов. В 2021 г. к ним добавились 42 «инициативы», распределенных по шести направлениям: социальная сфера, строительство, экология, цифровая трансформация, технологический ры-

⁵ Результат мог быть достигнут по варианту более высоких темпов роста ВВП и меньших темпов инфляции чем в Германии, занимающей пятое место.

⁶ <https://hdr.undp.org/>

вок и государство для граждан⁷. Риском системы управления является насыщение исполнительной власти операционными функциями, не свойственным органам государственного управления. Часть функций, главным образом «инициатив», ориентированных на быстрый общественный отклик, можно делегировать на уровень агентств, функциональной обязанностью которых является оказание услуг.

Модернизация функций социального государства

Принципы социального государства, провозглашенные Л. фон Штейном в середине XIX века, и введенные в социальные практики сначала в Германии, затем и в других странах в ответ на обострение «социального вопроса» означали финансирование нового механизма социального страхования предпринимателями из выручки коммерческих структур [Штейн, 1872]. В своем более позднем развитии виде социальное страхование, финансируемое работодателем (в ряде стран одновременно и работниками) в настоящее время функционирует в трех сферах:

- пенсионное страхование,
- страхование по безработице,
- медицинское страхование,
- страхование по болезни и несчастным случаям на производстве.

Особенностью российских институтов социального страхования является отсутствие специального фонда страхования по безработице (фонда занятости), и, поэтому, финансирование служб занятости, пособий по безработице осуществляется из бюджетных источников. Кроме того, из государственного бюджета на постоянной основе направляются трансферы в бюджет Пенсионного фонда, находящегося в несбалансированном состоянии.

Другое направление воздействия государства на позитивную динамику социальных отношений, формирование устойчивого социального и человеческого капитала общества [Bourdieu, 1093] – ресурсное управление отрасля-

ми социальной сферы (здравоохранение, образование, культура) и оказание социальной (финансовой) помощи уязвимым слоям населения.

COVID-19 изменил вектор и темпы реализации программ в области социального развития. Были переформатированы национальные проекты, определены источники дополнительного финансирования социальных проектов и программ. Приоритетными индикаторами в настоящее время выступают, следующие социальные программы:

Уроки COVID-19 обусловили форсированное решение двух проблем здравоохранения населения РФ. Во-первых, создание в РФ «санитарного щита», чтобы стать территорией безопасности для здоровья. Во-вторых, реконструкция и модернизация материальной базы первичного звена здравоохранения и его кадровое обеспечение. В – третьих, систематизация и увеличение денежных выплат населению по критерию нуждаемости.

Особенность этих задач – чувствительность населения, накопленное негативное восприятие, ассоциирующее с деятельностью федеральной и местной власти. Показательным является мнение граждан, высказанное в 2020 г. при обсуждении поправок к Конституции РФ. По данным мониторингового исследования ВЦИОМ 2020 г. о важности для россиян поправок, планируемых к внесению в Конституцию РФ. список возглавили поступившие поправки об обеспечении государством доступности и качества медицинского обслуживания: 95% заявили о важности, считают это важным всего 4%⁸.

Институциональным укреплением системы здравоохранения РФ является закрепление в новой редакции Конституции РФ управленческий и финансовых взаимосвязей в области здравоохранения по вертикали власти (федеральная, субъекта федерации, муници-

⁸ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucionnyye-popravki-rejting-predpochtenij-rossiyan>

⁷ <http://government.ru/docs/43451/>

пальная). К ведению Российской Федерации отнесено установление единых

правовых основ системы здравоохранения.

Сохранение населения, здоровье и благополучие людей	Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство	Цифровая трансформация	Комфортная и безопасная среда для жизни
повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет;	обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции;	достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления;	улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно и увеличение объема жилищного строительства не менее чем до 120 млн кв. метров в год;
снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года;	увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн человек;	увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов	улучшение качества городской среды в полтора раза; обеспечение доли дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующей нормативным требованиям, на уровне не менее 85 процентов;
увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 процентов	обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности	рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», до 97 процентов	создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами, обеспечивающей сортировку отходов в объеме 100 процентов и снижение объема отходов, направляемых на полигоны, в два раза;

Рис. 6. Основные индикаторы национальных целей социального развития

В совместном ведении Российской Федерации и её субъектов находятся координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи; сохранение и укрепление общественного здоровья; создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение Конституции. Органы местного самоуправления в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи [Конституция, 2021].

Конституционные поправки открывают путь пространственного выравнивания обеспеченности качественным здравоохранением, вводя в поле ответственности федеральные органы власти и финансово подкрепляя весьма напряженные муниципальные бюджеты для решения проблем здравоохране-

ния. Такой подход реализуется в национальном проекте «Здравоохранение», где предусмотрены ресурсы для муниципальных проектов.

Новая стратегия социального развития с учетом постпандемийного развития выстраивается на основе единства социального пространственного развития, координации решения проблем социальной защиты населения и реализации принципов бюджетного федерализма.

Противоречием пространственного развития РФ является социальная дифференциация не защищенных слоев населения, которая зависит от ресурсных возможностей регионов, ценовой дифференциацией, демографического состава населения. Значительно дифференцирован уровень прожиточного минимума, который является основным критериальным показателем при определении нуждаемости населения для назначения адресной поддержки (табл. 2).

Таблица 2. Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах Российской Федерации за IV квартал 2019 г.

Название субъекта	Все население (трудоспособное, пенсионеры дети)	Место, занимаемое в Российской Федерации по величине прожиточного минимума всего населения
Российская Федерация	10609	
Чукотский автономный округ	22098	1
Камчатский край	20604	2
Ненецкий автономный округ	20453	3
Магаданская область	19695	4
Республика Саха (Якутия)	17286	5
г. Москва	16843	6
Республика Адыгея	9119	80
Оренбургская область	8991	81
Ставропольский край	8973	82
Республика Татарстан	8938	83
Саратовская область	8809	85

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020, с. 274

Данные таблицы 2 показывают значительную региональную дифференциацию по величине прожиточного минимума. Так прожиточный минимум в Саратовской области на 17% ниже среднего по России. Одновременно, в Ненецком автономном округе величина прожиточного минимума выше среднероссийского на 192, 8%.

Различия в величине прожиточного минимума предопределены дифференциацией уровня цен, основного потребительского спроса, заданного уровнем оплаты труда как основного структурного элемента дохода. В связи с этим возникает проблема справедливой уни-

фицированности критериальной основы определения нуждаемости и уровня бедности в стране. В связи с этим в настоящее время происходит переход к значениям уровня бедности на основе определения доли от медианного дохода населения. С 2021 г. – это 42% медианы. Дополнительным показателем для определения нуждаемости является наличие собственности, позволяющей извлекать семейные доходы. Новым управленческим решением выступает анализ региональной ситуации, приближение ряда регионов к 42% медианному уровню и поиску источников возрастающей социальной помощи населению. Новая система оценки уровня бедности приближает существующую методику к оценке, адаптированной к определению социальной эксклюзии, принятой в ряде европейских стран.

В структуре доходов населения социальные выплаты занимают значительное место (более 20%). На фоне не сбалансированных муниципальных бюджетов дальнейший рост материальной помощи ассоциирован либо с поиском новых источников финансирования, либо с перераспределением направленности социальной помощи на основе адресной поддержки наиболее нуждающихся групп населения.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990–808 с.
2. Дорога к Хайеку: монография / коллектив авторов; под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: КНОРУС, 2021. – 236 с.
3. Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государственного управления: Международный опыт: – М.: Весь мир, 2003–495 с.
4. Основы менеджмента [Текст]: Майкл Х. Мескон, Майкл Альберт, Франклин Хедоури; [пер. с англ. и ред. О.И. Медведь]. – 3-е изд. – Москва [и др.]: Вильямс, 2016. – 665 с.

5. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, 2015 г. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf;
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с.
7. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов: [монография] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.] / Отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 128 с.
8. Штейн, Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872. – 281 с.
9. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетей, 2020–424 с
10. Bourdieu, Pierre. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital*, in: Kreckel, Reinhard (ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)*. Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198.
11. Thomas Piketty. *Le Capital au XXIe siècle*, Éditions du Seuil Paris, 2013; Джессоп Б. 2019. Государство: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом “Дело” РАНХиГС. 504 с.
12. World Development Report 2016: Digital Dividends. World Bank Publications (January 14, 2016)
13. Конституция Российской Федерации. М., АСТ, 2021 г. – 96 с.
14. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»
15. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического

планирования в Российской Федерации»

16. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»

INSTITUTIONAL REGULATION OF SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS: ENTERING A SUSTAINABLE DEVELOPMENT TRAJECTORY

Vasiliev V.P.

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes new forms and methods of the macro-management system, updated by the economic recession that arose under the influence of COVID-19 and the previous depressive rates of economic growth. These processes have predetermined the growth of the state's participation in socio-economic development both in the institutional sphere and in the public financial area.

It is shown that the transformation of public administration institutions is due to the long-term influence of the features of the information society and the conceptualization of modern sustainable growth in the areas of welfare, poverty reduction, and ecology. The Russian Federation is transitioning to a new form of institutional regulation of socio-economic dynamics based on a system of medium-term strategic planning in the range from the development of key long-term development strategies to the operational management of specific projects. The modern national development goals and their indicators are presented, the existing risks of strategic planning are structured, which require consideration when developing subsequent system solutions. The current principles of the welfare state have been clarified, institutional innovations in the organization of social protection of the population are shown in the context of strategic planning, the interaction of federal and regional authorities in the problematic field of social assistance and social insurance of the population.

Keywords: strategic planning, national goals, national projects, COVID-19, welfare state, social protection, living wage.

References

1. Weber M. Basic sociological concepts // Weber M. Selected works. М.: Progress, 1990–808 p.

2. The Road to Hayek: a monograph / collective of authors; edited by R.M. Nureyev, Yu.V. Latov. – 2nd ed., pererab, and add. – Moscow: KNORUS, 2021– – 236 p.
3. Manning N., Parison N. Public administration reform: International experience: Moscow: The Whole World, 2003–495 p.
4. Fundamentals of Management [Text]: Michael H. Mescon, Michael Albert, Franklin Hedouri; [trans. from English and edited by O.I. Medved]. – 3rd ed. – Moscow [et al.]: Williams, 2016. – 665 p.
5. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: Stat. sat. / Rosstat. M. M., 2020. – 1242 p.
6. Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf;
7. The social state and civil society in the context of the implementation of national projects: [monograph] / V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova [et al.] / Ed. V.K. Levashov; FNISTC RAS. – M.: FNISTC RAS, 2021. – 128 p.
8. Stein, L. von. History of the French Social Movement
9. Constitution of the Russian Federation. Moscow, AST, 2021–96 p
10. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation»
11. Decree of the President of the Russian Federation No. 633 dated 08.11.2021 «On Approval of the Fundamentals of State Policy in the field of Strategic Planning in the Russian Federation»
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 dated 21.07.2020 «On National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030»

Русская социологическая мысль о проблеме смертной казни

Кудрявцев Владимир Александрович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladikudr@mail.ru

Грудина Татьяна Николаевна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tngrudina@gmail.com

Лось Екатерина Владимировна,

кандидат социологических наук, ведущий специалист Отдела клиентского опыта МРФ «Центр» ПАО «Ростелеком», ассистент кафедры социологии и культурологии факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: catherinef@rambler.ru

В статье анализируются взгляды на проблему смертной казни представителей русской социологической, социально-философской и социально-правовой мысли преимущественно конца XIX – первой половины XX вв., а также обосновывается авторская позиция. Поскольку уже несколько десятилетий в России не применяется данный вид уголовного наказания, но периодические опросы общественного мнения показывают спорность в суждениях о сохранении или же отмене введенного моратория на смертную казнь, то рассмотрение столь острого и вместе с тем достаточно сложного с нравственной точки зрения вопроса представляется темой актуальной и своевременной. Кроме того, проблему смертной казни важно понимать объемно и системно, а русская социологическая и в целом общественная мысль как раз отличается своим универсальным подходом к анализу социальных процессов. Авторы подробно излагают взгляды Вл. Соловьева, сравнив сформулированные им «доктрину отмщения» и «доктрину словесного вразумления», анализируют аргументы против смертной казни в рамках философско-мировоззренческой концепции Н.А. Бердяева, рассматривают позиции по данному вопросу таких мыслителей, как С.Н. Булгаков и В.В. Розанов. В статье также приводятся взгляды известных криминалистов, юристов и правоведов конца XIX в. – М.Н. Гернета, Г.И. Солнцева,

И.В. Васильева, Н.С. Таганцева, подробно анализируется магистерская диссертация «Исследование о смертной казни» (1867) А.Ф. Кистяковского. Акцентируется внимание и на взаимосвязи характера преступления и тяжести наказания в рамках социологии П.А. Сорокина, а также приводятся доводы современных исследователей – социолога И.В. Бестужева-Лады и юриста И.И. Карпеца. Несмотря на то, что подавляющее большинство рассмотренных в статье мыслителей выступали против смертной казни, авторы убеждены, что без глубокого понимания кризисных тенденций как в российском обществе (бездуховность, безответственность, отсутствие качества в управлении всеми сферами жизнедеятельности и пр.), так и в российской науке (излишний прагматизм, утилитаризм, предельное обобщение при игнорировании индивидуально-личностного строения общественного бытия и сознания и др.) невозможно найти верные векторы решения столь сложной проблемы.

Ключевые слова: смертная казнь, русская социологическая мысль, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Сорокин, российское общество, мораторий

В настоящий момент напряженные дискуссии в обществе по поводу отмены или сохранения моратория на смертную казнь в России ушли на задний план, иногда всплывая в информационном пространстве. Пандемия, только жирно подчеркнувшая дискретность и атомизацию социума, ухудшение экономического положения в стране и мире, общецивилизационный кризис будущего человечества с полной его флуктуацией и непредсказуемостью, с очевидным крахом международной и внутригосударственной системы права как многовекового остова западной цивилизации, – все это породило целый комплекс страхов, неуверенности, растерянности как в элитах, так и в массах. Именно этими реалиями жизни и характеристиками общественного и личного сознания ныне почти целиком определяется содержание политологического, экономического, социологического, ценностно-этического дискурса. Тем не менее, зафиксированный еще экзистенциалистами, а позже развитый постмодернистами в 1960–1970-е гг. прошлого столетия антропологический кризис, выраженный в ценностном релятивизме и плюрализме, продолжении и усилении тенденции к нравственно-нормативной деформации огромных слоев общества на всех его «этажах» и во всех его срезах, – все это никуда не делось. Все это в комплексе дает основания сделать неутешительный прогноз: количество преступлений против личности, причем зачастую в крайних, зверских формах, как минимум, не уменьшится, а как максимум увеличится. В любом случае, ушедшая теперь в тень проблема смертной казни обещает в скором времени дать о себе знать. А значит возобновятся и споры по поводу ее вновь введения. Готово ли сегодня общественное сознание и власть адекватно подойти к действительно решению данной проблемы? Напряженные раздумья на сей счет наших социальных мыслителей, как нам кажется, помогут прийти к верным и взвешенным решениям.

Если обратиться к мировой истории, то очевидно, что смертная казнь как социокультурный феномен существует достаточно давно. Можно вспомнить хотя бы расправу над пытавшимся убить Людовика XV Робером-Франсуа Дамьеном, всю жестокость которой описывал М. Фуко в своей работе «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (1975). Уже в начале XIX в., когда страх наказания вошел в плоть и кровь европейца и общественные нравы смягчились, а уголовно-исправительная система становилась более гуманной, широкое распространение получили тюрьмы как средства изоляции злодеев, а не их физического устранения. От жесткой общественно-государственной мести преступнику в крайних формах «публичность смещается к судебному разбирательству и приговору» [23, С. 14]. Если обратиться к истории России, то высшая мера наказания в разные времена назначалась за убийство, кражу, государственную измену, разбой, поджог, ложный донос и даже аборт. Из истории правления царя Алексея Михайловича можно вспомнить московский пожар 1634 г., причиной которого, как посчитал правитель, послужило курение, его и запретили потом, а смертная казнь была устрашением для страсти к вредной привычке [13]. В период царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II ее вовсе отменили, а в середине XIX в. смертная казнь «была предусмотрена только за государственные и карантинные преступления» [Цит. по 6, С. 65]. В СССР смертная казнь периодически отменялась и восстанавливалась, что напрямую связано с происходящими в тот период историческими событиями: обе революции 1917 г., гражданская война, Великая Отечественная война, послевоенный период восстановления. В перестроечное время произошло сокращение числа приговоренных к высшей мере наказания: 1987 г. – 344 человека, 1990 г. – 195 человек [11, С. 476–481]. В постсоветский период, в связи с формированием новой законодательной базы РФ, продолжилось снижение показателей,

а впоследствии смертная казнь постепенно уходит из активной правоприменительной практики и с апреля 1997 г. на нее накладывается мораторий.

Отметим, что проблему смертной казни можно понять и рассматривать только в более целостном и объемном контексте, а в фокусе русской социологической мысли как раз были такие универсальные понятия, как солидарность, правосознание, борьба за индивидуализм, «правда-истина», «правда-справедливость» и пр. В дискуссии принимали участие такие выдающиеся умы, как Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, М.Н. Гернет и др. Тот факт, что практически все мыслители, зачастую объединенные на почве христианского мировоззрения, оценивали правомерность применения смертной казни, говорит о том, что рассматриваемый вопрос является сложным, болезненным и неоднозначным с точки зрения нравственно-духовных ценностей, поскольку санкция на казнь ставит под сомнение достижение совершенного устройства государства и общества.

Философски масштабной фигурой, уделявшей внимание рассматриваемой проблеме, является Вл. Соловьев (1853–1900). Обратимся к его фундаментальному произведению позднего периода творчества «Оправдание добра» (1897), где мыслитель специально и подробно останавливается на проблеме смертной казни в главе «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения». Как Б. Спиноза, И. Кант и неокантианцы, Соловьев именно нравственный аспект жизни видит центральным при рассмотрении данной проблемы: «По истинному понятию о наказании положительная его задача относительно преступника есть не физическое его мучение, а нравственное излечение или исправление» [17, С. 310]. Обращаясь чуть ли не ко временам князей Владимира и Ярослава Мудрого, философ констатирует: «Учреждение смертной казни есть последняя важная позиция, которую варварское уголовное право (прямая трансформация дикого

обычая) еще отстаивает в современной жизни» [16, С. 166]. Каковы же его главные аргументы?

Соловьев выделяет две противоположные доктрины, которые для краткости называет «доктриной отмщения» и «доктриной словесного вразумления». В рамках первого принципа восстановления права посредством справедливого воздаяния подразумевалось «уравнение наказания с преступлением лишь в относительно количественном смысле (мера наказания), т.е. они требуют, чтобы преступление, более тяжкое сравнительно с другим, подвергалось и более тяжкому наказанию, так, чтобы вообще была лестница (scala) наказаний, соответствующая лестнице преступлений» [17, С. 299]. Такого рода наказания по своей жестокости возрастали в зависимости от степени тяжести совершенного преступления. Именно поэтому, как отмечает Соловьев, возникает необходимость нравственного оправдания подобного рода наказаний, «но при этом основание (а следовательно, и вершина) карательной лестницы остается неопределенным, а потому и характер самих наказаний может быть какой угодно – бесчеловечно жестокий и, напротив, крайне мягкий» [17]. Например, в некоторых законодательных системах за незначительные по тяжести преступления полагались денежные штрафы, в других же смертная казнь применялась даже в случаях кражи (до недавнего времени так было и в современном Китае). Нельзя не обратить внимание на то, что такой подход был больше присущ обществу на самых примитивных этапах его развития, поэтому свою позицию мыслитель аргументирует следующим образом: «Лучшим опровержением доктрины может служить то обстоятельство, что наибольшее ее применение мы находим в некоторых законодательствах народов полудиких или же в законах варварских времен, где, например, за известное увечье виновный подвергался такому же увечью, где за дерзкие речи отрезали язык и т.п.» [17]. Вместе с тем Соловьев добавляет, что эта тен-

денция всегда опиралась на принцип устрашения и возмездия, но подчеркивает, что «конечно, страх есть один из важных мотивов человеческой природы, однако он не имеет в ней решающего значения. Все более возрастающее число самоубийств доказывает, что и смерть не страшна для многих» [17.С. 300]. Тот факт, что смертная казнь как наказание постепенно уходит из законодательных норм многих стран, Соловьев считает большим нравственным достижением, и эта тенденция «показывает, что иная, нравственная точка зрения уже проникла в эту область и сделала в ней значительные завоевания» [17.С. 301]. Но все же и в западных, и в российских пенитенциарных системах до сих пор присутствует и насилие, и чрезмерные наказания, в том числе и смертная казнь, которую гуманист Соловьев считает неприемлемой для развитого гражданского общества.

Что касается второй доктрины, «доктрины словесного вразумления», мыслитель отмечает ее эффективность только тогда, когда человек, совершивший преступление, раскаивается и желает исправления, в противном случае, данный принцип совершенно не оправдан и даже неуместен. Соловьев отмечает: «Одно из двух. Или остановленный нами преступник еще не утратил человеческих чувств, и тогда он, разумеется, будет только благодарен, что его вовремя избавили от греха, не менее благодарен, чем упавший за то, что его вытащили из воды... Или же преступник настолько потерял человеческие чувства, что остается недовольным, что ему помешали резать его жертву, но к человеку в таком состоянии обращаться со словом разумного убеждения было бы уже верхом нелепости – все равно, что мертвецки пьяному говорить о пользе воздержания, вместо того чтобы облить его холодной водой» [17, С. 304]. С точки зрения Соловьева, если человек совершает преступление обдуманно, имея злой умысел, то здравые убеждения подействуют на него только в порядке исключения, на которое в ситуации смертельной опасности

рассчитывать не стоит. Вместе с тем, он неизменно отстаивает нравственный принцип при рассмотрении феномена смертной казни и проявления всякого зла в принципе: «Противодействовать злу злом непозволительно и бесполезно; ненавидеть злодея за его злодеяние и поэтому мстить ему есть нравственное ребячество» [Там же]. В качестве решающего аргумента он призывает обращаться к голосу совести и попытаться остановить преступную волю, дать возможность злоумышленнику опомниться и одуматься.

Подытожив сказанное, необходимо отметить, что в целом Вл. Соловьев не оправдывает применение смертной казни с нравственной точки зрения, поскольку она отрицает в преступнике человека с присущим ему правом на существование и раскаяние, но в то же время мыслитель не приемлет равнодушное отношение к самому факту преступления, так как в этом случае не будет никакого противодействия злему умыслу, и судьба обижаемых целиком и полностью окажется в руках худших и безнравственных людей. Он отмечает: «Нравственное начало требует реального противодействия преступлениям и определяет это противодействие (или наказание в широком смысле этого слова, не совпадающем с понятием возмездия) как правомерное средство деятельного человеколюбия, законно и принудительно ограничивающее внешние проявления злой воли не только ради безопасности общества и его мирных членов, но непременно также и в интересах самого преступника» [17, С. 308]. Именно поэтому сам процесс определения степени наказания и его непосредственного применения является многоаспектным, сложным и трудным, ведь изначально посылом должна выступать гуманность и соблюдение прав всех сторон: права пострадавшего на защиту и возмещение ущерба, права общества на обеспечение безопасности, и наконец, права преступника на исправление и нравственное перерождение, что тоже может быть возможным и во что не терять веру сам

Соловьев. Главным условием достижения такого равенства являются люди, олицетворяющие собой закон, которые окажутся способны к столь трудной задаче, это должны быть «лучшие из юристов, психиатров и лиц с религиозным призванием» [17, С. 311].

Другой выдающийся религиозный философ, Н.А. Бердяев (1874–1948), также занимался исследованием вопроса смертной казни в рамках своей философско-мировоззренческой концепции. В работе «О назначении человека» (1931) он отмечал следующее: «Смертная казнь есть древний инстинкт кровавой мести и человеческих жертвоприношений, принявший цивилизованные государственно-правовые формы. Если война и дуэль не есть убийство, ибо человек идет на войну не только убивать, но и умирать и всегда рискует своей жизнью, то смертная казнь есть чистое убийство... В смертной казни мы имеем самый яркий пример перехода государства за допустимые пределы, ибо жизнь человеческая не принадлежит государству, она принадлежит Богу» [2, С. 180–181]. Очевидно, что Бердяев выносит в центр обсуждения проблему соотношения евангельского христианского учения и его абсолютные духовно-нравственные ценности с реальностью несовершенства самого общества и государственного устройства, которые остаются греховными и порочными даже тогда, когда своей основой провозглашают христиански идеалы.

В статье «Казнь и убийство» (1906) Бердяев выступает с осуждением террористических методов борьбы самодержавия в период революции 1905 г., которые практиковались в обществе: «Кровь, которую проливает русское правительство, убийства, которые оно совершает, не могут быть подведены под юридический институт смертной казни. Этот криминальный институт давно уже признан нецелесообразным наукой уголовного права, давно уже восстало против него моральное сознание человечества» [1, С. 202]. В работе «Русская идея» (1946) Бердяев часто,

но, вместе с тем, не акцентируя внимания отдельно, упоминает смертную казнь. Он пишет, что «отрицание смертной казни входит в русскую идею» [3, С. 82], и далее: «лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалеют преступника. У них нет западного культа холодной справедливости. Человек для них выше принципа собственности, и это определяет русскую социальную мораль. Жалость к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность — очень русские черты» [3, С. 121]. Таким образом, Н.А. Бердяев выступает против смертной казни и считает ее применение противоречащим русской ментальности. Бердяев, конечно, христианский модернист, однако он, хотя и радикально гуманно, мыслит в русле церковной традиции.

С.Н. Булгаков (1871–1944) также имел большой интерес к рассматриваемому вопросу. Он придерживался позиции, согласно которой в истории возможен нравственный прогресс как рост снисхождения к преступлениям. Но он также отмечал, что абсолютное преобразование общества в безупречную гармонию возможно только в рамках эсхатологического и едва ли постижимого прорыва за пределы истории. Рациональными действиями организовать такой прорыв невозможно, он достижим лишь благодаря нравственному совершенству и следованию религиозным догмам. В работе «О смертной казни» (1907) он пишет: «Всякое убийство есть дело ненависти. Не может быть, чтобы человек убивал человека из любви к нему. Смертная казнь есть один из самых ужасных видов убийств, потому что она есть холодное, расчетливое, сознательное, принципиальное убийство — убийство без всякого аффекта, без всякой страсти, без всякой цели, убийство ради убийства. И в этом главный ее грех и ужас» [5, С. 211]. Подобная позиция также была высказана в романе «Идиот» (1868) писателем Ф.М. Достоевским. «Убивать за убийство, — говорит князь Мышкин, — несоразмерно

большее наказание, чем само преступление. Убийство по приговору несоизмеримо ужаснее, чем убийство разбойниче... тут всю последнюю надежду, с которою умирать в десять раз легче, отнимают наверно; тут приговор, и в том, что наверно не избежешь, вся ужасная-то мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете... Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!» [8, С. 24]. Сам Достоевский столкнулся со смертной казнью лицом к лицу, и если бы приговор был приведен в исполнение, то мы бы не узнали многих его произведений, обладающих такой глубиной и духовным содержанием и сильно повлиявших на общественное сознание.

В.В. Розанов (1856–1919) с его эпатажной манерой и любовью к жизни по данной проблеме рассуждает так: «Эти живодерни именуются отчего-то и обставлены в “делопроизводстве” не своими словами, не собственными названиями, а уворованными чужими словами из лексикона добропорядочных людей: “уголовный суд”, “приговор о смертной казни”, “суд приговорил такого-то к повешению”, “приговорил к расстрелянию”. Когда нужно говорить просто: “Мы, судьи, удавили сегодня Петра”, “мы приказали солдатам Николаю и Фаддею застрелить мещанина Семена”... Дьявольская эта вещь, при свете дня, в торжественной обстановке, творится только государством... Все остальные, “последние люди”, стыдятся этого: и “среди бела дня зарезал” – это звучит как жалоба на последнюю степень бесстыдства, вызова человеку и человечеству» [14, С. 247–248]. Очевидно, что рассуждения Розанова очень созвучны традиции социальной мысли русского Серебряного века.

Далее обратимся к взглядам видного криминалиста, профессора М.Н. Гернета (1874–1953), которые имели весомое значение с точки зрения пропаганды идей несовместимости смерт-

ной казни и передовых принципов цивилизованного общества. В сборниках «Против смертной казни» (1906) и «О смертной казни. Мнения русских криминалистов» (1909), а также крупной монографии «Смертная казнь» (1913), наполненной огромным фактическим материалом и статистическими данными, с опорой на богатый исторический опыт по данному вопросу и апеллируя к истории, Гернет высказывает собственную точку зрения. Он отмечает: «Смертная казнь считает годы своего существования тысячелетиями, а свои жертвы – миллионами. Пройдя долгий кровавый путь, она с гордостью указывает своим противникам, что ее жертвенники стоят почти во всех государствах... Не зная ранее врагов, не имевшая противников, она теперь принуждена вести упорную борьбу за свое сохранение, и в лицо ей все чаще бросают позорные упреки и тяжкие обвинения» [7, С. 133]. Его убеждения звучат крайне однозначно: «окружающая нас русская действительность с ее ежедневными смертными приговорами и с ее еженощными привидениями их в исполнение дает все новые и новые факты, громко кричащие об ужасе, бессили и несправедливости этого наказания» [7, С. 143–144]. Гернет справедливо обращает внимание, что назначение смертной казни в приговоре носит дифференцированный характер. Продолжая тему нравственной компоненты усовершенствования общества со стороны государства, его политики и действий, высказанную ранее многими учеными, он отводит первостепенную роль именно нравственному подходу к данной проблеме. Вместе с тем, ученый считает, что сам народ сможет противостоять всем тем настроениям, которые возникали в обществе раньше, и так актуально звучат сейчас.

Отметим, что принципиальными противниками смертной казни были также и другие видные криминалисты двадцатых годов XIX в. – профессор Казанского университета Г.И. Солнцев и видный представитель Московского университета того же времени И.В. Ва-

сильев. Правовед Г.С. Фельдштейн приводит главный аргумент их позиции: «Употребление казней никогда не делало людей лучшими... чрезмерные судные наказания ожесточают сердца... смерть гражданина в обыкновенном состоянии общества ни полезна, ни нужна» [21, С. 164]. Вместе с тем отмечается еще и тот аспект, что даже со всеми осторожностями в суждениях по поводу преступления можно ошибиться и осудить невиновного, что бывают случаи, когда истина спустя долгое время открывается, когда осуждены бывают люди, которые не совершали вменяемых им злодеяний. Подобные взгляды и убеждения организациями воплотились летом 1908 г., когда появилось предложение по созданию в России «Лиги борьбы против смертной казни». Данная организация признавала наказание смертной казнью не совместимым ни с началами христианской морали, ни с идеей правды и справедливости как основы правового порядка в государстве, ни даже с принципами разумной уголовной политики.

«Лига» считала смертную казнь средством неподходящим для рациональной борьбы с преступностью. Так, позиция криминалиста Н.С. Таганцева совпадает с этими взглядами по данному вопросу: «Я сорок лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все то, что нецелесообразно, то вредно и при известных условиях несправедливо». [20, С. 153]. Другому известному криминалисту, историку права, общественному деятелю, профессору Н.П. Загоскину принадлежит следующая мысль, высказанная им в 1892 г.: «Смертная казнь чужда правовому мировоззрению русского народа, как чуждо ему суровое отношение к преступнику вообще. “Повинную голову меч не сечет”, – говорит русская народная пословица. Русский народ из глубины веков унаследовал себе воззрение на преступление как на “грех”, “прегрешение”, “несчастье”. “Несчастливые”, “не-

счастливые” – так до сих пор называется наш народ присужденных к наказанию преступников, готовый поделиться с такими “несчастливыми” последним трудовым грошем своим» [24, С. 14]. Вслед за Н.А. Бердяевым, профессор полагает, что неприятие смертной казни заложено в самом менталитете русского народа.

Еще одной крупной работой того времени, посвященной рассматриваемой проблеме, была магистерская диссертация «Исследование о смертной казни» (1867) профессора Киевского университета А.Ф. Кистяковского (1833–1885), отца социолога и правоведа Б.А. Кистяковского. В ней профессор задается следующими вопросами: Устрашает ли смертная казнь или нет? Сможет ли она уменьшить число преступлений? Возможно ли с помощью смертной казни искоренить известный род преступлений? За счет того, что отношение к этой проблеме в данной работе рассматривается глубоко исторически, диссертация вызвала большой интерес в самых разных слоях русского общества. А.Ф. Кистяковский полагает, что «возобновлять вечный вопрос и безысходный спор о справедливости и несправедливости смертной казни – бесполезная и пустая работа. Но зато с философско-исторической стороны смертная казнь есть мало разработанный и потому богатейший материал исследования» [10, С. 6]. Вопрос о смертной казни, по мнению А.Ф. Кистяковского, возможно решить лишь тогда, когда мы признаем в качестве верховного судьи весь пройденный нами исторический опыт прошлого и настоящего, когда мы сможем подчинить личные наши убеждения и взгляды неживому авторитету объективной действительности.

Рассуждая о крайних мерах необходимости использования смертной казни в первобытных обществах, в силу примитивности нравов и отсутствия сдерживающих регуляторов поведения, А.Ф. Кистяковский пишет о том, что в тех исторических условиях высшая мера наказания носила характер

вынужденного и достаточно частого явления, хотя и не считалась чем-то необходимым, даже справедливым. С образованием государства получилось достичь некоего формального внутреннего единства (умственно-го, нравственного, религиозного и пр.), в связи с чем, необходимость прибегать к жестоким мерам постепенно отпадает. Жизнь в государстве, с точки зрения А.Ф. Кистяковского, подразумевала достижение определенных социально-экономических и духовно-нравственных совершенствований, что означало смену жестокой системы наказаний и смягчение нравов, а значит имеет место нравственная обусловленность постепенного отказа от смертной казни. На данном этапе и происходит формирование философского убеждения в том, что смертная казнь выступает наказанием ненужным, несправедливым и бесполезным. В рамках данного подхода неоспоримым является факт того, что необходимость применять смертную казнь все больше уменьшается по мере развития народов. Также он упоминает о том, что на начало XIX в. в Англии, во Франции принимается ряд законов, которые приводят к сокращению числа смертных приговоров и их исполнению. Неизбежностью на пути к ее отмене послужила не столько воля законодателей и воздействие убеждений определенных мыслителей, сколько те перемены, которые происходят в сознании самого народа. «Кто определенно и когда именно научил европейские народы не применять смертную казнь за религиозные и нравственные преступления? Разве многие из присяжных, не допускавшие и не допускающие смертной казни за преступления против собственности, читали сочинение Беккариа или другого писателя, противника смертной казни, или даже слышали их имена? Разве есть какой-нибудь закон или какое-нибудь положительное определение о крайне ограниченном в действительности применении смертной казни за некоторые преступления, за которые до сих пор, так же, как и прежде, закон угрожает

этим наказанием? Кто внушил европейским народам то отвращение, которое они питают к обязанности и личности палача?» [10, С. 267]. Таким образом, прогресс общественной жизни предполагает отмирание смертной казни как меры наказания.

Классик русской социологии П.А. Сорокин (1889–1968) в своей работе «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) рассматривал взаимосвязь преступления и наказания, каким образом происходила эволюция наказания, а также насколько неодинаково влияют наказания на поведение людей. Он также писал о праве наказывать и карательном преискуранте, отмечая что между преступлением и наказанием существует причинно-следственная связь. Сорокин был убежден, что наказание носит карательный характер, т.е. является возмездием за совершенное преступление, и, как правило, эквивалентно ему по своему характеру, тем самым наказание причиняет страдание, а потому оказывает влияние на повторяемость преступного поведения. Также Сорокин указывал на принцип талиона, который послужил эволюции уголовного наказания, способствовавшей ограничению кар, их интенсивности, а также количеству по отношению к совершившим преступление лицам. Социолог писал: «Аресты и обыски, устрашения и «милости», тюрьмы и виселицы, самосуды и смертные казни, денежные пени и конфискации, полицейская опека и деспотизм, уничтожение свободы печати и других неотъемлемых прав, короче, весь арсенал карательных мер в подобных случаях становится неизбежен. Становится неизбежным потому, что добровольного подчинения власти нет, и у последней нет иного средства для правления, кроме кар и параллельных им наград» [18]. В духе нравственного императива звучит и другое рассуждение Сорокина: «Если индивид не обладает твердыми убеждениями по поводу того, что правильно, а что нет, если он не верит в Бога или в абсолютные моральные ценности, если он больше не питает уважения к своим

обязанностям, и, наконец, если его поинтересуют удовольствия и чувственных ценностей являются наиважнейшими в жизни, что может вести и контролировать его поведение по отношению к другим людям? Ничего, кроме желаний и волеизъявления. В таких условиях человек теряет всякий моральный или рациональный контроль и даже просто здравый смысл. Что может удержать его от нарушения прав, интересов и благополучия других людей? Ничего, кроме физической силы» [19, С. 142]. Вот почему вся история преступлений и наказаний сводится к соотношению поведения индивидуума и власти, которая способна его обуздать, а значит именно физическое насилие способно заменить справедливость. Но тогда неизбежным последствием станет увеличение числа конфликтов, кровавых революций и войн.

Российский социолог И.В. Бестужев-Лада (1927–2015), в связи с проблемой смертной казни, пишет о том, что в обществе очень высоки показатели преступности и она непрерывно воспроизводится, поскольку имеет социальные корни. В отношении того, откуда эти корни растут, ученый одним из первых называет подрыв и развал семьи: «Почти миллион разводов ежегодно оставляет после себя почти три четверти миллиона детей-полусирот при живых родителях. Подумал ли кто-нибудь, как сказываются годы кошмара, предшествующие разводу? Какой степени ожесточенности достигает даже нормальный поначалу ребенок, пройдя к 10–12 годам все круги домашнего ада? А оставшийся без отца и отбившийся от рук матери? А избалованный до потери сознания бабушкой и дедушкой или чрезмерно чадолюбивыми родителями?» [4, С. 277]. Помимо кризиса семьи социальные корни преступности связаны с проблемами школы и ее бюрократической «заорганизованностью», с проблемами «теневой экономики», наркомании, алкоголизма, и в целом падения моральных устоев общества. Таким образом, «развертывать борьбу с преступностью надо не с тех или иных положений уголовно-

го кодекса (какими бы они, эти положения, ни были), а с изменения социальных условий, преступность рождающих. Не за верхушки крапиву дергать, обжигаясь и чертыхаясь, – она же все равно разрастется! – а под корень брать, в соответствующих рукавицах, умеючи» [4, С. 282]. Именно поэтому в вопросе отмены или сохранения смертной казни нужно руководствоваться принципами гласности, возможностью применения «каторги», исправительных работ и очень значительных штрафов при наличии смягчающих обстоятельств. Бестужев-Лада убежден, что «подлинный» гуманизм поможет выбрать верный сценарий.

Схожую позицию высказывал и юрист И.И. Карпец (1921–1993), полагая, что отношение к смертной казни является показателем уровня социального и культурного развития общества: чем оно примитивнее, тем безнравственнее существующие в нем формы наказания. Однако, «с учетом современного состояния общественной психологии, уровня сознательности людей, их культурности, их понимания справедливости и гуманности я высказываюсь за сохранение в законе этой меры наказания, но в очень ограниченных пределах» [9, С. 363]. Вынесение смертного приговора должно происходить только после самого тщательного, исчерпывающего следствия и судебного разбирательства, после того, как в обществе будут преодолены ведущие к преступлениям недостатки и противоречия. Но до этого еще очень далеко, следовательно, и до окончательного решения вопроса отмены смертной казни. В свою очередь, академик и правозащитник А.Д. Сахаров (1921–1989) высказывал сожаление о том, что смертная казнь еще существует во многих странах (на тот момент она существовала и в нашей стране). По его мнению, это чрезвычайно жестоко наказание, которое порой бывает еще более жестоким, чем само преступление, и всегда остается вероятность судебных ошибок. «Я выступал и выступаю против смертной казни (и не только в СССР) еще и пото-

му, – отмечал академик, – что эта мера наказания предусматривает наличие постоянного страшного аппарата исполнителей, целого института смертной казни» [15, С. 337]. Все это дегуманизирует общество.

Хотелось бы также вспомнить широко известное произведение выдающегося американского писателя Т. Драйзера «Американская трагедия» (1925), в котором автор описал пронзительную историю молодого и амбициозного Клайда Гриффитса, с детства стремившегося войти в высшие слои американского общества и совершившего ради этого преступление. Драйзер сумел очень тонко показать не только нравы и устои Соединенных Штатов Америки конца XIX столетия, которые во многом сформировали личность Клайда и его стремление во что бы то ни стало достичь материального благополучия, но и специфику вынесения судебного приговора, а также практику выступления обвинения и защиты на заседаниях суда присяжных. Насколько страшным, по сути, было убийство беременной возлюбленной главным героем ради богатой и более перспективной девушки, настолько же суровым и справедливым кажется вынесение приговора смертной казни. Однако, обращаясь к религиозному смыслу такого наказания и оставляя открытым вопрос о возможности духовного исправления преступника, Драйзер не дает читателю окончательного понимания, как следует воспринимать смертную казнь, предоставляя право решения ему самому. Способен ли человек, убивший, пусть и не хладнокровно, но осознанно и спланированно, невиновную девушку ради возможности попасть в высший свет, раскаяться в содеянном и встать на путь духовного исправления? Может ли длительное заключение вместо смертной казни способствовать воспитанию настоящего Человека и Личности? Или такие преступления справедливо должны наказываться высшей мерой, тем самым, становясь примером пресечения такого поведения, которое порицается обществом? Несмотря

на то, что подавляющее большинство рассмотренных выше авторов выступали против смертной казни, данное произведение наглядно, на основе человеческой жизни и смерти (а Драйзер взял за основу реальные криминальные хроники), показывает, насколько сложно принимать такого рода решения и насколько убедительными они должны выглядеть в глазах общественного мнения.

А ведь капитализм и его ценности, содержащиеся в понятии «американская мечта», очень прочно вошли в менталитет современных россиян и подобных Клайду Гриффитсу, не говоря уже об откровенных извергах, мафиях и террористах, с каждым годом будет становиться все больше и больше. Именно поэтому проблема смертной казни является остро обсуждаемым вопросом, поскольку несмотря на мораторий, основанный на псевдочеловеческих принципах, данный вид наказания, при ухудшении и радикализации криминальной ситуации в стране, может быть вновь вынужденно введен в уголовно-процессуальную практику. По данным ФОМ, в 2019 г. 68% респондентов посчитали допустимым применение смертной казни за сексуальные преступления против несовершеннолетних, 57% опрошенных поддержали смертные приговоры за убийство, 53% – за терроризм и 52% за изнасилование [12]. Однако, ориентироваться лишь на общественное мнение в данном вопросе было бы неправильным. Для возврата подобных судебных решений в юридическую и государственно-общественную практику потребуется высокий уровень развития судебно-правовой системы, усиление оперативно-следственного аппарата, принципы объективности и качества при отборе должностных лиц, ведущих подобные уголовные дела. Необходимо кропотливое, строгое соблюдение законности, воспитание чувства справедливости, объективности и непредвзятости, т.е. всех тех ценностей, которые лежат в основе развитого правового государства и которые сильно деформированы в условиях об-

щего ценностного и антропологического кризиса.

Вопрос введения смертной казни в современной России – это проблема не только насущно-историческая, общественная, образовательная, воспитательная, ценностно-нравственная, но и, что почти всегда забывается, персоналистическая. В каком-то смысле общественные отношения реально являются суммой и результатом личных социальных мировоззрений и выборов с их проекцией в социальную сферу. Однако, при этом весь корпус общественных наук, включая правоведение и социологию, до сих пор опирается на свои теоретические подходы, на принципы и методы позитивизма, прагматизма, утилитаризма. Стилизация, предельное обобщение при игнорировании конкретного, отдельного, индивидуально-личностного строения общественного бытия и сознания и при одновременном культе прав и свобод личности, к тому же воспитанной теперь сугубо потребительски, паразитарно и безответственно, – все это стало общим местом социальной теории и практики.

Становится очевидно, что нужна существенная корректировка теории, причем, теории, учитывающей то, что случилось с человеком за последние десятилетия. Еще П.И. Новгородцев (1866–1924), наблюдая за реформой юстиции в тогдашней Германии, отмечал, что судебно-правовая реформа зависит от юстиции, а юстиция – это служанка, но служанка с короной власти: от того, как она сформулирует и сгруппирует всю систему законов, зависит и вся юридическая, социальная, образовательная и воспитательная практика. Мало того, Новгородцев с его либерально-личностной этико-нормативной установкой и христианским пониманием нравственных пределов закона как такового (в отличие от «благодати») полагал, что вся совокупность законов должна не препятствовать, а способствовать росту нравственного сознания общества на его пути к идеалу справедливости. Эта высокая задача может носить изначально-

но персоналистический и только уже потом общественный характер. Нужно разрабатывать онтологию личного морального выбора и дальнейшей трансформации человека, которым вся система права, как минимум, не должна мешать. Только нравственно-правовое качество и уровень отдельной личности определяет религиозный, моральный, правовой, политический, бытовой климат в обществе, а саму личность никогда не следует рассматривать как средство осуществления всегда утопической, абстрактной общественной гармонии.

Мы понимаем, что рассматриваемая в данной статье проблематика смертной казни – это ракурс, по сути, в чем-то противоположный этикоцентрической, панморалистской установке главных школ и представителей русской социологии, что это ракурс сосредоточения внимания исследователя на негативно-запретительной стороне правоведения, сферы закона, меры его социальной компетенции. Это установка, ориентированная на «худшие образцы» членов общества и имеющая цель защитить стабильность, спокойствие социума, достоинство и безопасность самой жизни личности. Однако, даже в такой предельно интимной и чувствительной сфере жизни нужно ориентироваться на высокий социально-нравственный идеал и понимать, что общественная кара (отмщение, справедливое возмездие) в виде смертной казни даже самому закоренелому преступнику может затрагивать общественным интересам и опасениям (социальному и групповому эгоизму), но не решает в принципе главных на сегодня проблем моральной, правовой, ценностной деградации, а только усугубляет тенденцию нравственных деформаций в России.

Надо признать, что на данном, переходном этапе своего развития Россия, исторически и нравственно потрясенная искаженными ценностями сначала дореволюционной интеллигенции, потом продолжительной идеологией, политикой и всей практикой большевистской власти с ее безжалостностью к че-

ловеку и, одновременно, духовно полым тотальным «коммунистическим воспитанием граждан», а теперь и постсоветскими буржуазно-капиталистическими реалиями и слишком низкими смыслами, с продолжением моральной деформации личного и общественного сознания, находится в состоянии системного кризиса. А различные виды будоражающих общество преступлений против личности, общества и государства, особенно жестокие злодеяния, с элементами демонической одержимости, невменяемости и садизма (или, наоборот, цинизма и холодного расчета при совершении преступления и полного презрения к страданиям жертвы), – все это закономерные следствия и «издержки» ложного пути, по которому мы идем вот уже второй век. Нужно понимать, что все это происходит в ситуации слома традиции и насаждения извне «новой нормальности», которая уже завела западное общество (а во многом и Россию) в исторические тупики, рассмотренные более полувека назад еще П.А. Сорокиным. Для достижения истинно нормального общественного состояния нужно бороться с породившими такое положение дел нравственно-правовыми первопричинами. Это растущее социально-экономическое расслоение, проявление коррупции на всех уровнях, рост преступности в силу отсутствия цельного мировоззрения и связанного с этим катастрофического падения нравственных устоев. На выправление ценностей правосознания надеялись классики русской социологии и общественной мысли конца XIX – начала XX вв., когда рассматривали проблему отмены или утверждения смертной казни.

Закончить хотелось бы выдержками из работы «Смысл жизни» (1925) С.Л. Франка (1877–1950): «Если нельзя... сотворить благо, то можно и должно ограждать его; если нельзя истребить зло, то можно обуздать его и не позволить ему разрушать жизнь. Никакие самые суровые кары, вплоть до смертной казни, не уничтожают ни одного атома зла в мире: ибо зло в своем бытии неу-

ловимо для внешних мер; но следует ли из этого, что мы должны давать убийцам и насильникам свободно губить и калечить жизнь и не имеем права их обуздать. Государство, справедливо говорит Вл. Соловьев, существует не для того, чтобы осуществить рай на земле, оно бессильно совершить это, но оно существует, чтобы предупредить осуществление ада на земле» [22. С. 212–213]. В каждом случае при вынесении приговора необходим строго кропотливый, гуманный персоналистический подход к преступнику с учетом всех возможных оснований и обстоятельств совершенного им злодеяния. Только так, лично, можно решить эту сложнейшую проблему, избегая как идей «розового» гуманизма, во многом приущего рассмотренным выше русским социальным мыслителям, так и провокации распыла ожесточения, ненависти и жажды отмщения в обществе. Нужно помнить, что, даже справедливо казня отпетого негодяя и злодея, власть всех уровней не в силах уничтожить в мире ни одного атома зла.

Литература

1. Бердяев Н.А. Казнь и убийство/ Смертная казнь: за и против. Отв. ред. С.Г. Келина. М., 1989.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008.
4. Бестужев-Лада И.В. Гуманизм и псевдогуманизм/ Смертная казнь: за и против. Отв. ред. С.Г. Келина. М., 1989.
5. Булгаков С.Н. О смертной казни / Смертная казнь: за и против. Отв. ред. С.Г. Келина. М., 1989.
6. Буйанский С.Г. Смертная казнь: все «за» и «против»//Общественные науки и современность. 2000. № 5.
7. Гернет М.Н. Смертная казнь и общественное мнение/ Смертная казнь: за и против. Отв. ред. С.Г. Келина. М., 1989.
8. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: Идит: Роман. Ч.1–3. М., 2008.

9. Карпец И.И. Польза или зло? / Смертная казнь: за и против. Отв. ред. С.Г. Келина. М., 1989.
10. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. М, 2010.
11. Коробеев А.И. Лестница уголовных наказаний в России: понятие, классификация и виды. Saarbrücken, 2014.
12. Отношение к смертной казни // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285/> (дата обращения: 11.09.2021).
13. Отношение к табакокурению на Руси менялось неоднократно // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cgon.rospotrebnadzor.ru/content/33/4266#> (дата обращения: 11.09.2021).
14. Розанов В.В. Лукавые слова/ Смертная казнь: за и против.Отв. ред.С.Г.Келина.М., 1989.
15. Сахаров А.Д. Тревога и надежда: в 2 тт. Статьи. Письма. Выступления. Интервью(1958–1986). Т. 2. М., 2006.
16. Соловьев В.С. О смертной казни/ Смертная казнь: за и против. Отв. ред. С.Г. Келина. М., 1989.
17. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 2018.
18. Сорокин П.А. Заметки социолога. О чем говорит террор большевиков// <https://www.yabloko.ru/Themes/History/Sorokin/sorokin-3.html/> [Электронный ресурс] – Режим доступа: (дата обращения: 11.09.2021).
19. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты/Сост. подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова.Сыктывкар, 2018.
20. Таганцев Н.С. По законопроекту об отмене смертной казни/ Смертная казнь: за и против. Отв. ред.С.Г.Келина.М.,1989
21. Фельдштейн Г.С. Противники смертной казни в русской криминалистической литературе второй половины XVIII века и первой половины XIX века/Смертная казнь: за и против. Отв.ред.С.Г.Келина.М.,1989
22. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.,1992
23. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы.М.,2019
24. Шишов О.Ф. Смертная казнь в истории России/ Смертная казнь: за и против. Отв. ред. С.Г. Келина. М.,1989.

RUSSIAN SOCIOLOGICAL THOUGHT ABOUT THE DEATH PENALTY PROBLEM

Kudryavtsev V.A., Grudina T.N., Los E.V.

Lomonosov Moscow State University; Bauman Moscow State Technical University

The article analyzes the views on the death penalty problem of Russian sociological, socio-philosophical and socio-legal thought representatives mainly of the late 19th – first half of the 20th centuries, and the author’s position is also substantiated. Since this type of criminal punishment has not been applied in Russia for several decades, but periodic opinion polls show controversy in judgments about the preservation or abolition of the imposed moratorium on the death penalty, consideration of such an acute and at the same time rather complicated from a moral point of view issue is a topic relevant and timely. In addition, it is important to understand the death penalty problem in a volumetric and systemic way, and Russian sociological and social thought in general is distinguished by its universal approach to the analysis of social processes. Authors set out in detail the views of V.I. Soloviev, comparing his “doctrine of revenge” and “doctrine of verbal admonition”, analyze the arguments against the death penalty in N.A. Berdyayev’s philosophical and worldview concept, consider the position on this issue in the concepts of S.N. Bulgakov and V.V. Rozanov. The article also provides the views of well-known criminologists, lawyers and legal scholars of the late 19th century, such as M.N. Gernet, G.I. Solntsev, I.V. Vasiliev, N.S. Tagantsev, a detailed analysis of the master’s thesis “Research on the death penalty” (1867) by A.F. Kistyakovsky. Attention is also focused on the relationship between the nature of the crime and the severity of punishment in the framework of P.A. Sorokin’s sociology, as well as the arguments of sociologist I.V. Bestuzhev-Lada and lawyer I.I. Karpets. Despite the fact that the overwhelming majority of the thinkers considered in the article opposed

the death penalty, the authors are convinced that without a deep understanding of crisis trends both in Russian society (lack of spirituality, irresponsibility, lack of quality in managing all spheres of life, etc.), and in Russian science (excessive pragmatism, utilitarianism, extreme generalization while ignoring the personal structure of social life and consciousness, etc.) cannot find the right vectors for solving such a complex problem.

Keywords: death penalty, Russian sociological thought, V.I. Soloviev, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, P.A. Sorokin, Russian society, moratorium.

References

1. Berdyaev N.A. Execution and murder / Death penalty: for and against. Rep. ed. S.G. Kelina. M., 1989.
2. Berdyaev N.A. On the appointment of a person. M., 1993.
3. Berdyaev N.A. Russian idea. SPb., 2008.
4. Bestuzhev-Lada I.V. Humanism and pseudo-humanism / The death penalty: for and against. Rep. ed. S.G. Kelin. M., 1989.
5. Bulgakov S.N. On the death penalty / The death penalty: for and against. Rep. ed. S.G. Kelin. M., 1989.
6. Buyansky S.G. The death penalty: all the pros and cons // Social sciences and modernity. 2000. No. 5.
7. Gernet M.N. The death penalty and public opinion / The death penalty: for and against. Rep. ed. S.G. Kelin. M., 1989.
8. Dostoevsky F.M. *Sobr. cit.: Idiot: Roman. Part 1–3.* M., 2008.
9. Karpets I.I. Benefit or evil? / The death penalty: for and against. Responsible ed. S.G. Kelin. M., 1989.
10. Kistyakovskiy A.F. Study on the death penalty. M, 2010.
11. Korobeev A.I. Ladder of criminal penalties in Russia: concept, classification and types. Saarbrücken, 2014.
12. Attitude towards the death penalty // [Electronic resource] – Access mode: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14285/> (date of access: 09/11/2021).
13. Attitudes towards smoking in Russia have changed repeatedly // [Electronic resource] – Access mode: <http://cgon.rospotrebnadzor.ru/content/33/4266#> (date of access: 09/11/2021).
14. Rozanov V.V. *Sly words / The death penalty: for and against.* Edited by S.G. Kelina. M., 1989.
15. Sakharov A.D. Anxiety and hope: in 2 vols. Articles. Letters. Performances. Interview (1958–1986). T.2. M., 2006.
16. Soloviev V.S. On the death penalty / The death penalty: for and against. Rep. ed. S.G. Kelin. M., 1989.
17. Soloviev V.S. justification for goodness. Moral Philosophy. M., 2018.
18. Sorokin P.A. Sociologist's Notes. What does the Bolshevik terror talk about// <https://www.yabloko.ru/Themes/History/Sorokin/sorokin-3.html/> [Electronic resource] – Access mode: (date of access: 09/11/2021).
19. Sorokin P.A. The crisis of our time. Russia and the United States / Comp. prepared text, intro. Art. and comment. V.V. Sapova. Syktyvkar, 2018.
20. Tagantsev N.S. On the draft law on the abolition of the death penalty / The death penalty: for and against. Responsible editor S.G. Kelina. M., 1989
21. Feldstein G.S. Opponents of the death penalty in Russian forensic literature of the second half of the 18th century and the first half of the 19th century / Death penalty: for and against. Responsible editor S.G. Kelina. M., 1989
22. Frank S.L. Spiritual foundations of society. M., 1992
23. Foucault M. Supervise and Punish: The Birth of Prison. M., 2019
24. Shishov O.F. The death penalty in the history of Russia / The death penalty: for and against. Rep. ed. S.G. Kelin. M., 1989.

Данные в цифровой экономике

Цзо Ци,

аспирант кафедры истории и теории социологии

МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: zq840474927@126.com

В статье изучается понятие данных, приводятся дефиниции, в которых оно раскрывается как значение чисел, их характеристика, классификация и т.д. Делается вывод о том, что именно базовые концепции могут помочь читателям понять концепцию данных в целом. В статье также рассказывается о применении данных во многих областях, включая медицину, образование, транспорт и выращивание сельскохозяйственных культур, и приводятся конкретные примеры для того, чтобы помочь читателям лучше понять текущее применение данных в некоторых отраслях. В статье также показано, что использование данных в определенной степени повлияло на общество. Понимание, анализ и решение этих проблем будет способствовать долгосрочному развитию данных в эпоху цифровой экономики. Новизна статьи заключается в раскрытии значения данных в цифровой экономике с социологической точки зрения и использовании комбинации теории и практики для иллюстрации роли данных на этом этапе.

Ключевые слова: данные, цифровая экономика, ИКТ-технология, большие данные, цифровой субъект, цифровизация.

Введение

Цифровая экономика развивается уже более 30 лет, и в настоящее время нет единого вывода по этой концепции. Некоторые ученые считают, что цифровая экономика – это новый вид экономической деятельности, не изменивший социальных отношений, и что цифровизация – это всего лишь простой процесс технологической модернизации; а некоторые ученые считают, что развитие цифровой экономики – это новая экономическая форма, которая мало чем отличается от концепций информационного общества и цифрового общества. Я согласен с последним. Цифровая экономика – это экономическая форма. Механизм ее действия заключается в основном в том, что экономическая деятельность, порождаемая ИКТ-технологиями, распространяется на все уровни общества и, следовательно, меняет деятельность во всех сферах общества. По сравнению с цифровой деятельностью людей в начале XXI века только с помощью телефонов, компьютеров и другого оборудования, популяризация мобильных и портативных устройств, таких как смартфоны и ноутбуки, ускорила процесс вхождения людей в цифровую жизнь.

В Указе Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» дается такая формулировка: «цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹.

¹. Указ Президента Российской Федерации № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» от 09 мая 2017 г. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 "On the Strategy for the Development of the

О.Ю. Денисова, комментируя роль данных в современном мире, говорит, что сравнить их можно только с высочайшей ролью нефти в XXI веке². Данные, сравнимые с полезностью нефти, показывают нам то, что они являются основой развития цифровой экономики и всего общества.

Что такое данные?

Л.В. Калягина думает, что данные – это воспринимаемые человеком факты, события, сообщения, измеряемые характеристики, регистрируемые сигналы³. На сайте Википедии написано, что данные (в пер. “калька” от лат. “факт”, от англ. data, от слав. “дати” (греч. δῶναι), от рус. “дать, давать”) – это представление фактов и идей в формализованном виде, пригодном для передачи и обработки в некотором информационном процессе⁴. На мой взгляд, данные используются для отражения характеристик объекта, независимо от объекта. Сами данные существуют объективно, являются объективным отражением объекта и не имеют субъективного характера. Но когда они уже используются, в них включается субъективное сознание пользователя. Например, многим людям нравятся привлекательные фотографии домашних зверей на Facebook. Фиксируется при этом количество репостов, времени просмотра и нахождения в определенном пространстве. Вся эта совокупность информации помогает потом судить, что человеку наверняка понравится милый котенок. Изображение кота отражает субъективное сознание пользователя.

Люди используют данные в течение долгого времени. Будь то большое количество неофициальных наблюдений,

Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” of September 5, 2017. [In Russian].

² М.О. Колбанёв, И.И. Палкин, Т.М. Татарникова. О роли данных в цифровой экономике// ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ. 2020. № 59. С. 124–136.

³ Калягина Л.В., Разумов П.Е. Категория «данные»: понятие, сущность, подходы к анализу. Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 4. С. 3–8.

⁴ URL: <http://ru.wikipedia.org/> (википедия).

проводимых ежедневно, или количественные исследования, проводимые на профессиональном уровне с использованием передовых алгоритмов за последние несколько столетий, все они связаны с данными⁵. С XX-ого века производство микроэлектроники начало развиваться быстрее нашими темпами. Люди больше не полагаются на невооруженный глаз и простые инструменты для сбора данных о состоянии и поведении объективных объектов. Вместо этого они начинают использовать микроэлектронные устройства, включая датчики, для электронного сбора и хранения данных. С развитием и популяризацией ИКТ-технологий, анализ и хранение данных стали более точными и удобными. На мой взгляд данные в цифровую эпоху в основном относятся к качественным или количественным переменным статуса, поведения, активности и состава людей и вещей, участвующих в различных социальных мероприятиях с помощью ИКТ-технологий, и могут напрямую влиять на цифровую экономику.

После появления концепции больших данных изучаемое нами понятие [данные] стало возможно разделить на большие данные (big data) и малые данные (small data) в соответствии с их масштабом. В эпоху отсутствия мощных вычислительных мощностей ИКТ-технологий, таких как компьютеры, люди не могли собирать, обрабатывать, анализировать и использовать крупномасштабные данные. Они тогда могли судить об общей ситуации с данными, только постоянно совершенствуя методы вычислений и анализируя малые данные. В эту эпоху люди в основном использовали только данные малого типа (small data). Но даже если статистические методы в это время были в наибольшей степени максимизированы и оптимизированы, люди по-прежнему не могли напрямую судить об общих характеристиках данных на основе их данного типа. Сейчас же, в отличие

⁵ Виктор Майер-Шенбергер. Большие данные. Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2012. 261с.

от того времени, мы уже можем собирать, обрабатывать и анализировать сотни миллионов данных, которые именуются большими данными.

Большие данные позволяют напрямую анализировать данные в целом и интуитивно получать точные характеристики данных. Что касается характеристик больших данных, их обычно описывают аббревиатурой из пяти английских букв «V»:

Volume: объем данных огромен (но нельзя указать никаких конкретных критериев, как сказала О.Ю. Денисова: «вчера было большим, сегодня уже таковым не является, а завтра и вовсе может оказаться маленьким.»⁶);

Velocity: с появлением новых типов данных увеличилась быстрота (поскольку большие данные содержат большой объем данных в реальном времени, они требуют быстрого хранения и анализа данных, чтобы гарантировать ценность данных);

Variety: существует множество источников и типов данных;

Value: плотность значений данных мала по сравнению с их огромным объемом, можно использовать очень много данных, которые умещаются при этом в маленький объем пространства;

Veracity: ценная информация может быть получена только путем обеспечения достоверности и достоверности данных.

Большие данные широко используются и продвигаются из-за их коммерческой ценности. Наиболее ярким примером является то, что Интернет-платформы используют такие данные, как записи просмотров пользователей, списки избранного, ключевые слова для поиска и т.д., для определения потенциальных потребностей клиентов и продвижения рекламных объявлений с целью получения прибыли. Но помимо данных в реальном времени для коммерческих целей, в больших данных есть и социальные дан-

ные⁷. Социальные данные также имеют большую ценность. Это цифровая форма социальных связей и поведения людей. Они могут способствовать развитию искусственного интеллекта и других ИКТ-технологий, а также могут способствовать развитию общества.

Согласно статистике Китайского института исследований бизнес-индустрии в 2021 году количество пользователей Интернета в мире достигнет 4,047 миллиарда человек⁸. Другими словами, более половины людей в мире уже подключены к Интернету. Цифровые следы, оставленные людьми при использовании Интернета, включая лайки, совместное использование, записи и их историю, комментарии, а также использование оборудования и программного обеспечения, являются данными. Эти цифровые следы, которые люди оставляют при использовании Интернета, могут генерировать данные. Кроме того, экспоненты считают, что люди всегда накладываются на сети, состоящие из людей и нечеловеческих существ, и не могут быть изолированы от этих сетей⁹.

Что еще важнее, так это то, что цифровой след оставляют не только действующие в сети люди, но и вещи, которые с людьми связаны, деятельность всего общества. Эти источники включают: человеческое поведение, бизнес-операции и управление, изменения рынка и управление государством и многое другое. С помощью информационных технологий цифровой след сокращает расстояние между странами, компаниями и рынками и укрепляет связи между различными организациями в этой социальной сети. Что касается данных, к которым мы можем получить доступ в жизни, например, Интернет транс-

⁷ Денисова О.Ю., Мухутдинов Э.А. Большие данные – это не только размер данных // Вестник Казанского технологического университета. 2015. Т. 18, № 4. С. 226–230.

⁸ URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1711140638860540352&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 2021,12,10)

⁹ Lupton, Deborah. Digital sociology. Routledge, 2014. P. 230. pp.23

⁶ Денисова О.Ю., Мухутдинов Э.А. Большие данные – это не только размер данных // Вестник Казанского технологического университета. 2015. Т. 18, № 4. С. 226–230.

портных средств использует датчики в автомобилях и дорогах для сбора данных во время движения транспортных средств; чтобы определять и прогнозировать заболевания людей, государство снабжает пациентов носимыми датчиками. Приведенные выше данные могут быть применены к социальной активности в эпоху цифровых технологий. Следовательно, в эпоху цифровых технологий источники данных шире, объем данных больше, а данные, собранные на основе технологий, более точны.

Для описания сущностных характеристик данных О. Горюнова выдвигает понятие цифрового субъекта (digital subject). Этим понятием она пытается описать человека, включенного в современные цифровые технологии. Цифровой субъект формируется на основании потока данных, которые собираются с его истории просмотров или запросов поисковых систем, записей позиционирования мобильного телефона, банковских транзакций, данных датчиков, данных распознавания лиц, данных биометрического распознавания движения или почтовых ящиков для входящих сообщений и другие подобные вещи¹⁰.

Цифровая тематика любого субъекта (человека) основана на разнообразии данных. Чтобы определить характеристики одного или нескольких объектов исследования, необходимо комплексно собрать данные с разных точек зрения, и только тогда эти данные смогут отразить разнообразие людей, их непохожесть друг на друга. Как сказала О. Горюнова:

“That individual was most likely a woman who lived on a particular South London street, ordered organic vegetables and many books, used London Overground, and was not on Twitter. As more details followed, Bernardi realized the person was me.”¹¹

¹⁰ Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Persons. Theory, Culture & Society. DOI: 10.1177/0263276419840409

¹¹ Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Persons. Theory, Culture & Society. DOI: 10.1177/0263276419840409

Роль данных

После того, как мы довольно подробно остановились на том, что представляют из себя данные, нужно определиться с тем, а каково же их значение для нашего общества и жизни в эпоху цифровых технологий? Или какова роль данных?

Для этого нам нужно сначала понять цифровую экономику. В отношении цифровой экономики страны всего мира придерживаются разных мнений. Западные страны, во главе с Европой и США, рассматривают цифровую экономику как цифровую экономическую деятельность, которая включает в себя цифровой контент, цифровые медиа и электронную торговлю. Например, в марте 2018 года Бюро экономического анализа (BEA) при Министерстве торговли США продолжило идею 1998 года и определило цифровую экономику как: (1) цифровую инфраструктуру, необходимую для существования и работы компьютеров и сетей; (2) через цифровые транзакции (электронная коммерция), которые происходят в системе; (3) контент (цифровые носители), создаваемый и доступный пользователям цифровой экономики¹².

Китай, Россия и другие страны придерживаются разных взглядов: В программе «Цифровая экономика РФ», например, написано: “Цифровая экономика – экономический уклад, характеризующийся переходом на качественно новый уровень использования информационно-телекоммуникационных технологий во всех сферах социально-экономической деятельности”¹³. Но есть и другое определение, которое считается самым репрезентативным на сегод-

¹² BEA. Digital Economy [Электронный ресурс] – / BEA. – Bureau of Economic Analysis U.S. DEPARTMENT OF COMMERCE. Режим доступа: URL.: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy>, свободный – (дата обращения 22.07.2021)

¹³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р The program “Digital Economy of the Russian Federation”. Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017. No. 1632-r. [In Russian].

нашний день. Оно было дано на саммите G20 в 2016 г. в Ханчжоу в документе «Инициатива по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики G20». В нем говорится, что цифровая экономика – это тактика ведения народного хозяйства, где оцифрованные знания и информация – это ключевой производственный фактор, современные информационные сети – это носитель информации, а информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) – это движущая сила производительности и оптимизации структуры экономики¹⁴.

Страны Европы и Америки считают, что данные в основном используются в отраслях, связанных с ИКТ-технологиями, таких как электронная коммерция и цифровые медиа, в то время как Китай и Россия считают, что данные станут необходимым производственным фактором в цифровом обществе. Их роль эквивалентна капиталу, земле, труду и статусу знания.

Из двух вышеупомянутых точек зрения я предпочитаю последнюю. Поскольку роль данных намного больше, чем поля, упомянутые в западных странах. По мере того, как ИКТ-технологии постепенно распространяются в различные отрасли, данные постепенно становятся постоянными посредниками для взаимодействия людей и объектов и вмешиваются в деятельность всех слоев общества. Также в процессе своего существования они становятся и необходимым фактором производства. Основная причина, по которой западные страны не согласны с новой экономической формой цифровой экономики, заключается в том, что появление новых факторов производства, таких как данные, неизбежно изменит долю капитала во всех факторах производства, а капитал всегда воровался западными капиталистическими странами и стран третьего мира, стран

с развивающейся экономикой, для которых теперь данные стали возможностью уйти от этой зависимости. Следовательно, в эпоху цифровой экономики данные должны иметь более важное значение.

В эпоху цифровой экономики традиционные первичные, вторичные и третичные отрасли промышленности терпят цифровую трансформацию с помощью ИКТ-технологий, как мы уже отметили. Однако цифровая трансформация достигается не за одну операцию, это процесс постепенного обновления. В этом долгосрочном процессе необходимо постоянно вкладывать новые данные, чтобы реализовать процесс оцифровки. Можно даже привести следующую аналогию: цифровая модернизация похожа на преобразование традиционного автомобиля внутреннего сгорания в электромобиль. ИКТ-технология – это измененный электродвигатель, а входные данные – это электричество, используемое для зарядки электромобиль.

Данные не только обеспечивают мощность для модернизации промышленности, но и могут определять поведение людей. Это связано с тем, что данные могут фиксировать поведение людей, и, анализируя характеристики данных, можно составить оптимальный план, определяющий их поведение. Например, в области спорта китайский спринтер Су Бинтянь сформировал модель данных на основе своей траектории спринта и постоянно корректировал свои спринтерские действия, расстояние между шагами и другое поведение на основе анализа данных. Таким образом, Су Бинтянь добился лучшего результата в личной истории на Японских Олимпийских играх 2021 года и побил азиатский рекорд в беге на 100 метров.

Конечно, роль данных в цифровой экономике не ограничивается какими-то сферами, она имеет универсальное значение. Появление данных делает деятельность предприятий и отдельных лиц более гибкой, более направленной и стандартизированной. Стандартизированные виды деятель-

¹⁴ Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей; Пер. с кит. – М.: Интеллектуальная литература, 2016. – 250 с.

ности и поведения можно точно оценить и даже спрогнозировать заранее. Например, Wal-Mart в США использует анализ больших данных для точного управления складированием, в основном решая ситуацию с отставанием запасов и потерей складских запасов и избегая огромных потерь.

Приложение данных

1. Медицина

Разумеется, данные могут использоваться во многих социальных областях, включая медицину и здравоохранение. Люди используют цифровое оборудование для анализа данных о человеческой деятельности и составе человеческого тела. В медицине большие данные используются с целью протеомики (изучения всего набора белков в организме). Протеома характеризуется быстрым увеличением информации, данных, электронных инструментов, публикаций, баз данных, программного обеспечения и стандартов, все из которых стремятся объединить крупномасштабные агрегаты экспериментальной информации о мириадах видов белков в формы, которые можно исследовать, запрашивать, исследовать, добывать, очищать, извлекать и отображать¹⁵. Поэтому, определив состав и структуру белка, можно заранее спрогнозировать заболевание. Сейчас эта технология используется для проверки здоровья новорожденных плодов: если уродства и врожденные заболевания плода можно спрогнозировать заранее, можно заранее принять меры.

Помимо прогнозного анализа заболеваний, некоторые больницы начали создавать файлы данных о пациентах. В файле записываются идентификационные данные пациента, группа крови, история болезни, методы лечения, отслеживание состояния и другие данные. Эти данные принадлежат только пациенту, и их нельзя просматривать и использовать без согласия пациента. Лечащий врач должен просматривать

данные с разрешения пациента. Создание файлов данных может помочь врачам быстро понять состояние пациента и обеспечить важную основу для удаленного лечения и последующего обзора.

2. Образование

Использование данных может способствовать реформе и развитию образования. Образование имеет характеристики времени и обеспечивает цифровую трансформацию. С одной стороны, данные могут собирать информацию о процессе обучения студентов на всем протяжении, действительно отражать статус и проблемы студентов в процессе обучения и реализовывать улучшение методов и содержания обучения посредством моделирования и анализа собранных массивных данных. С другой стороны, с точки зрения управления, большие данные за счет всестороннего сбора и высокой степени интеграции всей информации об образовательных объектах позволяют эффективно принимать решения, делая их максимально объективными, построенными на многопредметном анализе всей деятельности ученика и преподавателей.

3. Транспорт

В эпоху цифровой экономики транспорт стал более цифровым и интеллектуальным, и данные по-прежнему играют важную роль в этом процессе. Интеллектуальное оборудование новых автомобилей может собирать большой объем данных в режиме реального времени, которые могут помочь водителям и диспетчерам городского движения получать информацию о дороге. Получив эту информацию, водитель может заранее скорректировать маршрут движения, а менеджер может решить проблему с пробками.

Во-вторых, данные о движении по дороге могут быть собраны для обеспечения поддержки данных для автономного вождения и вождения с помощником. Поскольку при автономном вождении в основном используется технология искусственного интеллекта

¹⁵ Mackenzie A., McNally R. Living multiples: how large-scale scientific data-mining pursues identity and difference // *Theory, Culture and Society*. 2013. No. 4. pp. n/a.

та, а дорожные данные позволяют моделировать технологию искусственного интеллекта вождения в виртуальном пространстве, чтобы улучшить способность технологии вспомогательного вождения справляться с большим количеством ситуаций.

4. Сельское хозяйство

Развитие сельского хозяйства сталкивается со все более жесткими ресурсными и экологическими ограничениями, порождающими массу проблем, связанных с обеспечением производства и получением с него доходов. Сельское хозяйство нужно срочно преобразовать и модернизировать, оптимизировать структуру и повысить его качество и эффективность. Датчики могут собирать информацию о сельскохозяйственных культурах в реальном времени, включая базовые данные, такие как температура, влажность и концентрация углекислого газа, а также более глубокие данные для мониторинга состояния, такие как состояние питательных веществ в растении, поток стеблей, состояние насекомых и pH почвы при мониторинге растений¹⁶. Эти данные могут не только отражать состояние роста сельскохозяйственных культур в режиме реального времени, но также предоставлять справочные данные для выращивания сельскохозяйственных культур в будущем.

Влияние данных

Мы уже упоминали о положительном влиянии данных на производство в цифровую эпоху, но появление данных также оказывает огромное влияние и на социальное развитие.

1. Истощение окружающей среды и ресурсов

Rareshide M. сказал: «Стоимость электричества, однако, остается уникальным фактором при принятии таких решений.»¹⁷ Как мы все знаем, энергоресур-

¹⁶ Сюй Шивэй, Ван Дунцзе, Ли Чжэминь. Исследования по применению больших данных для содействия модернизации сельского хозяйства. // Сельскохозяйственные науки Китая. 2015, № 48. С. 3429–3438.

¹⁷ Rareshide, M. (2017, October 23) 'Power in the Data Center and its Cost Across the U.S', retrieved

сы – это одно из необходимых условий использования данных. Современные методы производства электроэнергии в основном производятся путем преобразования угля, природного газа и других источников энергии. Чтобы поддерживать бесперебойную работу данных, каждый год необходимо потреблять большое количество электроэнергии. Ожидается, что в глобальном масштабе центры обработки данных будут использовать от 196¹⁸ до 400¹⁹ тераватт-часов в 2020 году. Это означает, что центры обработки данных будут потреблять 1–2% мирового спроса на электроэнергию. Такое огромное потребление энергии неизбежно нанесет огромный ущерб окружающей среде, но объем хранения и использования данных все еще увеличивается из года в год. Хотя некоторые интернет-компании пытаются все больше использовать возобновляемые источники энергии в качестве своей выходной мощности, все еще остается спорным, предназначены ли эти возобновляемые источники энергии изначально для замены источников энергии в других отраслях промышленности.

Кроме того, парниковые газы, выбрасываемые при таких операциях, как хранение и анализ данных, ускорили глобальное потепление. По словам Pearce. F, мировые центры обработки данных ежегодно выбрасывают столько же CO², сколько и мировая авиационная промышленность, около 900 миллиардов килограммов CO² ²⁰. Более того, коэффициент преобразования энергии не может достичь 100% во время работы оборудования, а часть, которая

April 7, 2018, from <https://info.siteselectiongroup.com/blog/power-in-the-data-center-and-its-costs-across-the-united-states>

¹⁸ Masanet E, Shehabi A, Lei N, et al. Recalibrating global data center energy-use estimates// SCIENCE. 2020 № 48. P. 984–986.

¹⁹ Hintemann, R. (2020). Efficiency gains are not enough: Data center energy consumption continue to rise significantly. [cited 18 June 2020]: Available from: https://www.researchgate.net/publication/342643762_New_perspectives_on_internet_electricity_use_in_2030 [accessed Dec 12 2021].

²⁰ Air Transport Action Group (2020). Facts And Figures. <https://www.atag.org/facts-figures.html>

не может быть преобразована, может рассеиваться только в виде тепловой энергии. Этого достаточно, чтобы доказать, что использование данных ускорило рост глобальной температуры.

2. Ограничения данных о людях

Ранее мы упоминали, что данные могут стандартизировать человеческое поведение и способствовать человеческому развитию. Однако есть и другая сторона этого, связанная с тем, что со временем данные начнут использоваться для своего доминирования. По мере того, как разнообразие данных в цифровую эпоху становится более сложным и детализированным, власть доминирующего органа также будет возрастать по мере расширения масштабов сбора и использования данных.

Когда данные используются в качестве стандарта для измерения активности пользователей, сами данные также создают новые ограничения для людей. Когда деятельность и поведение людей основываются на данных в качестве цели и эталона, эти действия теряют свое значение. Гонщики Формулы корректируют свои привычки вождения с помощью датчиков в автомобиле, чтобы достичь наилучшего уровня, но такие чрезмерные ограничения не могут заставить их достичь прорывных результатов, потому что все давно предопределено.

3. Проблемы безопасности и конфиденциальности данных

Безопасность данных всегда была темой, которую нельзя отделить от сбора и применения данных. Данные содержат важную информацию, которая напрямую связана с безопасностью людей, предприятий и даже страны. Отсутствие защиты может привести к серьезным потерям или даже опасности.

В.М. Курейчик выделяет три угрозы данных: 1) пространственная угроза; 2) коммуникативная угроза; 3) деструктивная угроза²¹. На мой взгляд, разрушительные угрозы вирусов и шифрова-

²¹ Курейчик, В.М. Угрозы в области хранения данных / В.М. Курейчик, О.Н. Сахарова, С.С. Пи-

ния данных являются наиболее серьезными среди остальных. В первой половине 2021 года программы-вымогатели атаковали 304,7 миллиона глобальных сетевых устройств²². Проблемы безопасности данных заставят людей беспокоиться об их использовании и напрямую влияют на развитие цифровой экономики, поэтому обеспечение безопасности данных стало одной из самых актуальных задач в цифровую эпоху.

Американский ученый Э. Ларсон (Erik Larson) указал в книге «Naked Consumer», что компании используют электронные информационные технологии для тщательного мониторинга конфиденциальности личных данных потребителей, чтобы установить хорошие отношения с существующими клиентами и предоставлять целевую рекламу для получения экономической выгоды²³. Но поскольку отделить конфиденциальные данные от общедоступных обычно трудно, то компании неизбежно будут казаться и закрытой информации о людях в процессе сбора. Использование такой закрытой информации может вызывать негативную реакцию потребителей, их полное сопротивление.

Предположение

В ответ на вышеупомянутые факторы, с точки зрения практичности и развития данных, я хотел бы сделать несколько предложений:

1) Данные неизбежны для использования ресурсов. Активное освоение новых источников энергии может эффективно решить проблему ущерба окружающей среде. Кроме того, способствовать развитию ИКТ-технологий для достижения низкого энергопотребления и высокой эффективности при хранении и использовании данных;

2) Достижение баланса между данными и людьми могло бы стать гаран-

рожков // Инженерный вестник Дона. – 2021. – № 7(79). – С. 281–294.

²² URL: <https://cloud.tencent.com/developer/article/1867188> (дата обращения: 12,12,2021)

²³ Erik Larson, Naked Consumer: How Our Private Lives Become Public Commodities [M], Tandem Library, 1994. 288с.

том прав людей в соответствии с предпосылкой стандартизации;

3) Обеспечение безопасности данных является краеугольным камнем развития данных и цифровой экономики. Безопасность данных эквивалентна собственности и личной безопасности людей. Необходимо обеспечивать безопасность данных и частную жизнь граждан с помощью технических, судебных и этических средств.

Заключение

Данные – это отражение реальности людей и общества. Будучи основным средством производства в эпоху цифровой экономики, они имеют огромный импульс для развития цифровой экономики. Наборы данных включают как традиционные небольшие данные, так и большие данные. В эпоху цифровой экономики большие данные постепенно применяются в таких областях, как медицина, образование, транспорт и выращивание сельскохозяйственных культур и т.д. Но проникая в нашу жизнь, они в то же время становятся и причиной новых опасностей, окружающих человек. Поэтому для того, чтобы их использование было максимально эффективным, нужно обеспечить долгосрочное продвижение данных в цифровую экономику, поддерживая баланс между данными, людьми и обществом.

Литература

1. Виктор Майер-Шенбергер. Большие данные. Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 2012. 261с.
2. Денисова О.Ю., Мухутдинов Э.А. Большие данные – это не только размер данных // Вестник Казанского технологического университета. 2015. Т. 18, № 4. С. 226–230.
3. Калягина Л.В., Разумов П.Е. Категория «данные»: понятие, сущность, подходы к анализу. Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 4. С. 3–8.
4. Курейчик, В.М. Угрозы в области хранения данных / В.М. Курей-

чик, О.Н. Сахарова, С.С. Пирожков // Инженерный вестник Дона. – 2021. – № 7(79). – С. 281–294.

5. М.О. Колбанёв, И.И. Палкин, Т.М. Татарникова. О роли данных в цифровой экономике// ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ. 2020. № 59. С. 124–136.
6. Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей; Пер. с кит. – М.: Интеллектуальная литература, 2016. – 250 с.
7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.
8. Сюй Шивэй, Ван Дунцзе, Ли Чжэминь. Исследования по применению больших данных для содействия модернизации сельского хозяйства. // Сельскохозяйственные науки Китая. 2015, № 48. С. 3429–3438. [на китайском языке]
9. Указ Президента Российской Федерации № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» от 09 мая 2017 г.
10. Air Transport Action Group (2020). Facts And Figures. <https://www.atag.org/facts-figures.html>
11. BEA. Digital Economy [Электронный ресурс]– / BEA. – Bureau of Economic Analysis U.S. DEPARTMENT OF COMMERCE. Режим доступа: URL.: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy>, свободный – (дата обращения 22.07.2021)
12. Masanet E, Shehabi A, Lei N, et al. Recalibrating global data center energy-use estimates// SCIENCE. 2020 № 48. P. 984–986.
13. Erik Larson, Naked Consumer: How Our Private Lives Become Public Commodities [M], Tandem Library, 1994. 288с.
14. Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Per-

- sons. Theory, Culture & Society. DOI: 10.1177/0263276419840409
15. Hintemann, R. (2020). Efficiency gains are not enough: Data center energy consumption continue storise significantly. [cited18June2020]: Available from: https://www.researchgate.net/publication/342643762_New_perspectives_on_internet_electricity_use_in_2030 [accessed Dec 12 2021].
 16. Lupton, Deborah. Digital sociology. Routledge, 2014. P. 230. pp.23
 17. Mackenzie A., McNally R. Living multiples: how large-scale scientific data-mining pursues identity and difference // Theory, Culture and Society. 2013. No. 4. pp. n/a.
 18. Rareshide, M. (2017, October 23) 'Power in the Data Center and its Cost Across the U.S', retrieved April 7, 2018, from <https://info.siteselectiongroup.com/blog/power-in-the-data-center-and-its-costs-across-the-united-states>
 2. Denisova O. Yu., Mukhutdinov E.A. Big data is not only the size of data // Bulletin of Kazan Technological University. 2015. Vol. 18, No. 4, pp. 226–230.
 3. L. V. Kalyagina, P.E. Razumov Category «data»: concept, essence, approaches to analysis. Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2014. No. 4. P. 3–8.
 4. Kureichik, V.M. Threats in the field of data storage / V.M. Kureichik, O.N. Sakharova, S.S. Pirozhkov // Engineering Bulletin of the Don. – 2021. – No. 7 (79). – S. 281–294.
 5. M.O. Kolbanev, I.I. Palkin, T.M. Tatarnikov. On the role of data in the digital economy // HYDROMETEOROLOGY AND ECOLOGY. 2020. No. 59. S. 124–136.
 6. Ma Huateng et al. China's Digital Transformation. Experience of transforming the infrastructure of the national economy / Ma Huateng, Meng Zhaoli, Yang Delhi, Wang Hualei; Per. with whale. – M.: Intellectual literature, 2016. 250 p.
 7. The program "Digital Economy of the Russian Federation". Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017. No. 1632-r. [In Russian].
 8. Xu Shiwei, Wang Dongjie, Li Zhemin. Research on the application of big data to support agricultural modernization. // Agricultural sciences of China. 2015, No. 48, pp. 3429–3438. [In Chinese]
 9. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" of September 5, 2017. [In Russian].
 10. Air Transport Action Group (2020). Facts And Figures. <https://www.atag.org/Facts-Figures.html>
 11. BEA. Digital Economy [Электронный ресурс]– / BEA. – Bureau of Economic Analysis U.S. DEHARTMENT OF COMMERCE. Режим доступа: URL: <https://www.bea.gov/data/special-topics/digital-economy>, свободный – (дата обращения 22.07.2021)
 12. Masanet E, Shehabi A, Lei N, et al. Recalibrating global data center energy-use estimates// SCIENCE. 2020 № 48. P. 984–986.
 13. Erik Larson, Naked Consumer: How Our Private Lives Become Public Commodities [M], Tandem Library, 1994. 288с.
 14. Goriunova, O. (2019). The Digital Subject: People as Data as Persons. Theory, Culture & Society. DOI: 10.1177/0263276419840409
 15. Hintemann, R. (2020). Efficiency gains are not enough: Data center energy consump-

DATA IN THE DIGITAL ECONOMY

Zuo Qi, Hu Yue
MSU

The article tells what data is, and introduces some basic concepts about data, such as number meaning, characteristics, classification, etc. Basic concepts can help readers understand the concept of data as a whole. The article also introduces the application of data in many fields including medical care, education, transportation and agricultural planting, and gives specific examples to help readers better understand the current application of data in some industries. The article also reveals that the use of data has had a certain degree of impact on society. Understanding, analyzing and solving these problems will help promote the long-term development of data in the digital economy era. The novelty of the article lies in revealing the significance of data in the digital economy from a sociological perspective, and using a combination of theory and practice to illustrate the role of data at this stage.

Keywords: data, digital economy, ICT technology, big data, digital entity, digitalization.

Reference

1. Viktor Mayer-Schönberger, Kenneth Cukie. Big data. Hangzhou: Zhejiang People's Publishing House, 2012. 261p.

- tion continue storise significantly. [cited-18June2020]: Available from: https://www.researchgate.net/publication/342643762_New_perspectives_on_internet_electricity_use_in_2030 [accessed Dec 12 2021].
16. Lupton, Deborah. Digital sociology. Routledge, 2014. P. 230. pp.23
 17. Mackenzie A., McNally R. Living multiples: how large-scale scientific data-mining pursues identity and difference // Theory, Culture and Society. 2013. No. 4. pp. n/a.
 18. Rareshide, M. (2017, October 23) 'Power in the Data Center and its Cost Across the U.S', retrieved April 7, 2018, from <https://info.siteselectiongroup.com/blog/power-in-the-data-center-and-its-costs-across-the-united-states>

Развитие методологии социальных технологий патриотического воспитания молодежи

Блошко Виталий Васильевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ФГКВОВ ВО «Военный университет» МО РФ

Капустин Владимир Владимирович,

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии ФГКВОВ ВО «Военный университет» МО РФ

В статье раскрываются основные научные подходы в исследовании современных социальных технологий. Проанализирован широкий спектр различных оснований для классификации социальных технологий, применяемых в патриотическом воспитании граждан России и прежде всего молодежи. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых по данному направлению позволил выделить существующие классификации этих технологий по различным признакам. Особый интерес вызывают патриотические социальные технологии в производственно-экономической сфере. Ставится вопрос о целесообразности использования определенных социальных технологий в школах и ВУЗах. Они рассмотрены с точки зрения их возможности и эффективности их применения в процессе патриотического воспитания граждан современной России и целесообразности их использования в тех мерах и программах, которые применяются в стране на государственном уровне.

Ключевые слова: патриотизм, социальные технологии патриотического воспитания, глобализация, социальные программы.

Актуальность проблемы. Согласно директиве президента В.В. Путина, современной России патриотизм является национальной идеей, на во многом которой базируется внутренняя политика и культура нашего государства [1]. Уже из этого следует существенная важность патриотического воспитания граждан всех социальных слоев и возрастов. Однако есть и многочисленные объективные причины, по которым патриотизм в современном мире играет важнейшую роль в обществе любого успешного и процветающего государства.

Прежде всего, патриотизм на протяжении многих веков истории человечества являлся той социальной основой, на которой базировалось любое долговечное и успешное государство [10]. Вплоть до XX века именно патриотизм, в конечном счете, всегда играл решающую роль в мотивации граждан защищать свою страну и добиваться ее процветания. Хотя это несколько изменилось во время холодной войны, когда декларируемым мотиватором стала идеология, даже в это время во многом именно патриотические чувства играли решающую роль, когда дело касалось личных причин для поддержки своего государства каждым отдельным человеком [10]. После ее окончания и крушения модели мирового идеологического противостояния, патриотизм снова вышел на первый план в каждом отдельном государстве, некогда следовавшем той или иной идеологической доктрине. Это легко прослеживается в открытой декларируемой политике таких стран, как Россия, США, Китай, Великобритания, Япония – именно патриотизм используется ими в качестве основополагающего фундамента для вовлеченности граждан в социальную и политическую жизнь каждой из них [6].

Хотя в западных странах в настоящее время все еще существуют ярко

выраженные глобалистские тенденции, они все же идут на спад, что очевидно демонстрируется примерами «брекзита» 2020 года, когда граждане Великобритании проголосовали за выход их государства из состава Евросоюза – их доминирующей мотивацией был именно патриотизм, т.е. приоритет интересов их собственных граждан над интересами граждан других стран из данного союзного блока [14]. Аналогичным примером можно считать популярность лозунга «America First» президента Дональда Трампа, основа политики которого, опять же, строилась на приоритетности интересов граждан США над интересами граждан других стран, защиту которых прежние администрации США десятилетиями декларировали в качестве одной из основных целей во внешней политике этой страны [14].

Однако как идеи глобализма, так и патриотизм воспитывается в гражданах любого государства прежде всего посредством социальных технологий. Хотя люди способны испытывать патриотические чувства и без активного вмешательства и пропаганды со стороны государства [6, 10], тем не менее, при подобном пассивном отношении к патриотическому воспитанию эти чувства более близки по смыслу к трибализму и любви к «малой родине», нежели систематической любви ко всему тому, что определяет государство, в котором проживает население той или иной страны. Иначе говоря, люди будут стремиться защищать и бороться только за то, что является сферой их личных интересов в силу тех или иных неподконтрольных государству обстоятельств. Иначе говоря, при отсутствии проведения систематических мероприятий для патриотического воспитания, все то, что по субъективным ощущениям не влияет на качество жизни каждого отдельного гражданина, чаще всего не будет восприниматься им как нечто, о чем он должен заботиться и что он должен защищать [8].

Краткий обзор литературы. Для реализации данной политики и проведения данных мероприятий и применя-

ются социальные технологии, которые можно определить как набор различных методов, приемов и тактик воздействий, которые применяются с целью достижения определенных целей, задаваемых в процессе планирования социального развития общества, решения различной природы социальных задач, а также для реализации таких коммуникативных воздействий, которые некоторым образом меняют сознание людей в социуме посредством корректировки их культурных, социальных и политических взглядов [3].

Согласно работам Грызовой У.И., Шохова А.С., Реут Д.В., социальные технологии применяются в политике с целью формирования общественного мнения и проведения идеологической работы с населением [3, 13]. При этом в процессе государственного управления они применяются по большей части для разработки и реализации программ социально-экономического развития, стратегии развития различных отраслей экономики, создания законопроектов. Как следует из работ Чуканова Н.А. и Давыдова И.Н [12], применение социальных технологий повышает скорость процесса разработки и принятия государственных документов разной степени важности, и в то же время выделяет эти документы большей системностью и глубиной, так как включение в процесс их обсуждения все большего числа экспертов из различных научных школ и направлений, а также вовлечение граждан разных слоев общества приводит к всестороннему рассмотрению их преимуществ и недостатков.

Обе эти сферы напрямую затрагивают и патриотическое воспитание, поскольку государственная стратегия по данному направлению регулируется политически и юридически, во многом опираясь на настроения в обществе в тот или иной момент времени и в зависимости от внутри- и внешнеполитической обстановки [6].

Существует несколько различных классификаций применяемых в настоящее время социальных технологий. Рассмотрим их в контексте примене-

ния в области патриотического воспитания молодежи в России. Как правило, ее осуществляют по таким параметрам, как виды, уровни, области применения, масштаб, и так далее. В таблице 1 приведена классификация по масштабу объекта, подвергаемому воздействию с помощью той или иной социальной технологии [6]. Эти технологии включают в себя те методы, проблемы, способы их постановки и решения, которые помогают уяснить и разрешить как внутренние тенденции развития общества, так и общемировые связи социума и природы [11]. Иначе говоря, вне-

дрение данных социальных технологий прямо, либо косвенно положительно влияет на качество жизни людей и повышает уровень их социальной защищенности. Примером такой технологии является глобальное моделирование, которое заключается в исследовании и поиске решения таких вопросов, как сохранение общемирового благополучия, защита природных ресурсов, обеспечение населения планеты этими ресурсами, безопасностью, энергией, возможностями улучшения материального состояния и так далее.

Таблица 1. Классификация социальных технологий по масштабу объекта воздействия и возможности их применения в патриотическом воспитании

Масштаб	Цели использования и решаемые ими задачи	Применение в патриотическом воспитании
Глобальные	Общемировое благополучие, обеспечение населения планеты ресурсами и социальными благами, материальными средствами; защита природы и сохранение ее ресурсов для будущих поколений; глобальная безопасность	Не применяются, т.к. апеллируют к идеям глобализма, зачастую противоречащим патриотизму
Региональные	Закономерности территориальной общественной жизни и возможностей ее целенаправленного и планомерного изменения с целью улучшения благополучия населения отдельного региона	Применяются, поскольку государство может считаться регионом в данном случае, имея четко очерченные границы и интересы, обособленные от общемировых
Локальные	Решение местных проблем в узко очерченных географических локациях, которые могут иметь в наличии как типовые, так и специфические особенности, характерные только для этой конкретной области	Могут применяться при условии, что до общества доносится идея о том, что благополучие их «малой родины» напрямую коррелирует с благополучием всего региона и/или страны

В современной литературе [6, 10, 14] зачастую распространена классификация социальных технологий по тем сферам деятельности, в которых они применяются. Их, как правило, делят на три категории: бизнес, государствен-

ное управление и негосударственные НКО [9]. Данная классификация и оценка возможности применения соответствующих социальных технологий в патриотическом воспитании приведена в таблице 2.

Таблица 2. Классификация социальных технологий по сферам деятельности, и возможности их применения в патриотическом воспитании

Сфера деятельности	Цели использования и решаемые ими задачи	Применение в патриотическом воспитании
Бизнес	Расширение аудитории целевой аудитории, поиск новых клиентов, популяризация товаров и услуг	Не применяются, поскольку направлены главным образом на продвижение определенного продукта, а не идеи
Государственное управление	Социальные технологии используются для внедрения изменений в общественном мнении, инструмент контроля над общественными изменениями, способ познания и менеджмента, трансформации социальных объектов	Применяются, поскольку, так как напрямую позволяют воздействовать на население страны для продвижения государственной политики

Сфера деятельности	Цели использования и решаемые ими задачи	Применение в патриотическом воспитании
Негосударственные НКО	Продвижение определенных идей и постановка задач, обусловленных самой целью существования организации, как правило перед лимитированной частью общества в силу ограниченности ресурсов и возможностей.	Могут использоваться в тех случаях, если некоммерческая организация занимается прямо или косвенно вопросами патриотизма и продвигает идеи любви к своей стране

Помимо того, социальные технологии часто делят по уровню сложности решаемых ими задач, на частные (узконаправленные, как правило применяемые только в строго определенных условиях) либо универсальные (применяемые в широком спектре возможных ситуаций). И те, и другие в настоящее время используются в патриотическом воспитании [9].

В литературе по социологии также встречается деление социальных технологий по уровню сложности их использования [6, 12], а именно:

1. Простые – те, что доступны любому человеку, даже не обладающему специфическими знаниями и умениями;
2. Сложные – технологии, требующие определенной квалификации у того, кто их применяет;
3. Комплексные – это те социальные технологии, для успешного применения которых требуется наличие нескольких специалистов, квалифицированных в различных профессиональных областях.

Каждая из этих категорий в разной степени подходит для использования в патриотическом воспитании, поскольку сам процесс этого воспитания подразумевает как участие государства в широком смысле, так и содействие узкого, неспециализированного социального круга, например, семьи или боевого подразделения в армии.

Помимо того, социальные технологии также разделяют по сферам их применения, таким, как производственно-экономическая, общественно-политическая, духовно-культурная и сфера социально-бытовых отношений [9]. С точки зрения патриотического воспитания, здесь уместно рассматривать все перечисленные сферы примене-

ния. Вопросы вызывают только социальные технологии производственно-экономической сферы, поскольку они прежде всего направлены на регуляцию бизнеса, что достаточно редко связывается государством с патриотическими программами в условиях рыночной экономики [11]. Хотя сама идея продвижения отечественной продукции и создания рабочих мест на родине и относится к разряду патриотических, все же акцент, как правило, делается именно на экономической составляющей данной проблемы, а патриотическая при этом играет вторичную роль [11].

Достаточно часто в социологии встречается классификация социальных технологий по объекту и предмету, а также по итоговому результату их применения [8]. Но когда речь заходит о вопросах патриотического воспитания, весьма интересной представляется дифференциация по степени новизны – в этом случае их делят на традиционные и инновационные [8, 10], представленные в таблице 3. И те, и другие, широко применяются в социальных программах, направленных на патриотическое воспитание.

Традиционные при этом играют важнейшую роль, поскольку сама концепция патриотизма и патриотического воспитания существовала и развивалась в большинстве государств мира в течение многих веков. Примером такой технологии могут служить публичные выступления региональных лидеров с целью информирования населения о происходящем в их регионе.

Инновационные же важны потому, что технологический прогресс последних десятилетий открыл множество возможностей, которых не было на протяжении этих веков, и необходимо искать возможности их применения, а также

вырабатывать оптимальные стратегии и тактики их использования в патриотическом воспитании населения. Ярким примером такой технологии на сегодняшний день являются новостные лен-

ты в социальных сетях, содержание которых может меняться и подстраиваться как под интересы пользователей, так и под задачи администрации этих порталов [13].

Таблица 3. Классификация социальных технологий по их новизне, и возможности их применения в патриотическом воспитании

Новизна социальной технологии	Преимущества	Недостатки	Применение в патриотическом воспитании
Традиционные	Большой опыт применения, широкий спектр хорошо исследованных технологий, прогнозируемость результатов	Низкий уровень адаптивности в условиях стремительно меняющейся обстановки в мире и технологического прогресса	С успехом применяются на протяжении многих веков; предрасполагают к использованию, поскольку сам по себе патриотизм зачастую базируется на традициях и исторически обусловленных обычаях
Инновационные	Как правило существенно больший охват аудитории и гибкость в применении, перспективы развития на будущее, большое количество неисследованных возможностей применения	Не во всех случаях результаты использования поддаются прогнозу, зачастую нет полного понимания возможных последствий и КПД	Применяются, поскольку, так как напрямую позволяют воздействовать на население страны для продвижения государственной политики

Получив некоторое представление об основных видах классификации социальных технологий, используемых в современном мире для патриотического воспитания граждан любого государства, следует перейти к более конкретному рассмотрению как самих применяемых технологий и целей их применения, так и к более релевантной зоне применения, т.е. непосредственно в России.

По мнению многих авторов [6, 8, 11], школьные годы являются ключевым этапом формирования патриотического мировоззрения молодежи. Разумеется, осмысление полученных знаний и представлений, как правило, приходит к людям в более позднем возрасте, однако в реалиях России фундамент патриотизма закладывается именно в подростковом возрасте, через систему общего образования [8]. Соответственно, говоря о социальных технологиях патриотического воспитания нужно прежде всего обратить внимание на те из них, что применяются в общеобразовательных учреждениях, то есть, в школах и ВУЗах.

К числу эффективных методов патриотического воспитания молодежи

относят различные виды уроков, посвященных прежде всего героическому прошлому их страны и народа. Они могут принимать различные формы: интегрированные, дискуссионные, семинарные, лекционные, проблемные, игровые и пр. Основной принцип при этом – интеграционный, то есть в процессе проведения такого урока предполагается синтез нескольких предметов и дисциплин, в данном случае соединяемых проблемой патриотизма [4].

Кроме того, к той же категории относятся различные дидактические приемы и методы. Наиболее яркими примерами здесь могут служить метод исследования, заключающийся в проведении социальных опросов, интервью и т.д., а также метод художественного исполнения, который заключается, например, в изображении определенной эпохи истории государства в некоторой эмблеме-символе.

В данном методе определяющее значение для преподавателя имеют данные об уровне и характере эмоционального отношения слушателей и учащихся к той или иной исторической эпохе или личности. При этом предполага-

ется, что учащиеся должны изобразить некоторые конкретные детали, субъективно ассоциирующиеся у них предметом изучения и обсуждения, с использованием некоторой цветовой гаммы, которую они считают подходящей для данного изображения [4].

Подобная работа приводит участников к тщательному осмыслению характера обсуждаемых события и личностей, а также позволяет создать определенный ассоциативный ряд, почувствовав при этом собственную причастность к этой памяти посредством личного приложения некоторых усилий для признания значимости данных событий.

Говоря об исследовательском методе, который также считается довольно эффективным с точки зрения патриотического воспитания молодежи, нужно также подчеркнуть, что как и в методе художественного исполнения, ключевым механизмом закрепления значимости предмета обсуждения является собственная инициатива учащихся, которые подталкиваются к тому, чтобы приложить некоторые усилия к получению информации по осуждаемой проблематике [4, 8]. Интервьюирование предполагает, что интервьюер должен лично найти свидетелей или по крайней мере современников обсуждаемых ими событий – ярким примером здесь может служить поиск родственника, который лично принимал участие в определенном военном конфликте, который и является предметом обсуждения в данном случае. Таким образом ученик получит информацию из «живого» источника, зачастую обладающего большим авторитетом, нежели любой формальный официальный источник сведений по обсуждаемой теме, что приведет к еще большему ощущению личной связи с этой проблематикой и, следовательно, большему участию и не безразличию к историческим предпосылкам и последствиям этих событий [4].

Отдельно стоит заметить, что данные методы оказывают содействие в формировании гражданского сознания и социально-коммуникативных навыков. У учащихся происходит актив-

ное обогащение их социального опыта посредством их участия в жизни общества и взаимодействия с другими людьми посредством диалога, что приводит к более высокому уровню усвоения фактического материала, а также синтезу практического опыта, чувств и полученных знаний [8].

Формирование патриотического сознания вместе с получением соответствующих знаний и опыта с целью подготовки молодежи к самостоятельной жизни и ведению трудовой деятельности по выбранному ими направлению является ключевыми задачами современной системы образования, и приведенные выше примеры социальных технологий наряду со многими другими на практике решают эту задачу при правильном применении [8, 11]. Здесь имеет большое значение выбор непосредственно методов обучения и воспитания, а также способы приобщения учащихся к тем духовным, культурным и историческим ценностям, которые способствуют росту патриотических чувств.

В России изучение истории государства и его народов, Отечества, его традиций в военной, культурной и трудовой сферах, а также обычаев и традиций, присущих всему населению страны или значительной его части, является ключевым направлением в системе патриотического воспитания. В силу специфики культурно-исторических особенностей страны, а также текущей ситуации на мировой арене, когда другими государствами повсеместно подвергаются сомнению основополагающие тезисы истории России и ее фактологическая база, военная история имеет особую роль в процессах, связанных с патриотическим воспитанием молодежи [7, 14]. На сегодняшний день подобная исторически-просветительская подготовка регламентирована [4] и содержит в себе следующие компоненты:

1. Непосредственное взаимодействие с ветеранами Великой Отечественной войны;
2. Участие в проведении дней воинской славы Российской Федерации;

3. Изучение истории России и государств, правопреемником которого является РФ;
4. Изучение истории «малой родины» и региона непосредственного проживания;
5. Ознакомление с образом жизни и порядками солдат и офицеров армии как в прошлом, так и в настоящем, а также с различными видами творчества, посвященному данной сфере жизнедеятельности граждан;
6. Изучение и ознакомление с военной и государственной символикой;
7. Увековечение и демонстрация уважения к памяти павших воинов РФ и СССР, а также изучение их подвигов.

Выводы. Социальные технологии имеют самое широкое применение в самых разных аспектах патриотического воспитания граждан любой страны, в сущности, являясь полноценным и безальтернативным инструментарием для проведения любой политики патриотической направленности.

Существуют различные способы классифицировать технологии по тому или иному признаку, но вне зависимости от выбранного типа классификации, в контексте обсуждаемой проблематики необходимо прежде ориентироваться на возможность применения той или иной категории социальных технологий в процессах патриотического воспитания, поскольку не все из них подходят для реализации данной цели.

Наиболее широкий охват населения имеют технологии, которые применимы в системах массового образования, поскольку через эти системы проходит подавляющее большинство граждан государства. Таким образом, прежде всего нужно обращать внимание на те из них, которые могут и должны использоваться в школах и ВУЗах, что имеет важное значение еще и потому, что ученики данных заведений, как правило, посещают их в том возрасте, когда они наиболее открыты для усвоения новых знаний, а их картина мира, в том числе их патриотические взгляды, все еще находятся в процессе формирования [6, 8].

При этом важно иметь в виду, что, возможно, главным критерием дифференциации в ближайшем будущем станет деление социальных технологий на традиционные и инновационные, поскольку именно последние обладают неопределенным потенциалом, который пока только предстоит исследовать в том числе в контексте патриотического воспитания.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Гидиринский В.И. Русская идея и армия (философско-исторический анализ). – М., 1997.
3. Грызова, У.И. Социальные технологии: информационно-коммуникативная типология / У.И. Грызова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 3. – С. 80–83..
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493.
5. Корнилова М.Ю., Томилин А.Н. Теоретико-методологические подходы к патриотическому воспитанию курсантов // Современный мир: опыт, проблемы и перспективы развития. 2016. Т. 1. № 1. С. 70–75.
6. Лопуха А.Д., Володин Р.В. Педагогические условия обеспечения эффективности управления патриотическим воспитанием курсантов в военном вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2016. № 1 (21). С. 91–96.
7. Лутовинов В.И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию. М., 2006.

8. Михалева Е.В. Мотивация участия молодежи в добровольческой деятельности // Аллея Науки. 2016. № 4.
9. Морозова Е.П., Загребельная С.В. Система критериев и показателей комплексной оценки деятельности образовательной организации по духовно-нравственному воспитанию // Педагогическое образование и наука. 2016. № 4. С. 78–83.
10. Оганян К.К. Методологический анализ социальных технологий формирования профессиональных лидеров // СПб., 2011.
11. Плохова И.А. Роль волонтерского движения в патриотическом воспитании молодежи (на примере социологического исследования при ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова») // Электронный журнал «Общество. Культура. Наука. Образование».
12. Чуканов Н.А., Давыдов И.Н. Научно-социальный прогресс / – Хабаровск: Вель, 2015. – 256 с.
13. Шохов А. С., Реут Д.В. Сознание: инструкция пользователя / Шохов А.С. – 1. – Одесса: BMB, 2009. – 464 с. – ISBN 978–966–413–135.
14. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.

DEVELOPMENT OF THE METHODOLOGY OF SOCIAL TECHNOLOGIES OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Bloshko V.V., Kapustin V.V.

Federal State Educational Institution «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article reveals the main scientific approaches in the study of modern social technologies. The authors analyzed a wide range of different grounds for classifying the social technologies of patriotic education of Russian citizens and, above all, young people. The theoretical analysis of the studies of domestic and foreign scientists in this area made it possible to identify the existing classifications of these technologies according to various criteria. Patriotic social technologies aroused particular interest in the pro-

duction and economic sphere. There is a question about the advisability of using certain social technologies in schools and universities. They are considered from the point of view of their possibility and effectiveness of their application in the process of patriotic education of citizens of modern Russia and the expediency of their use in those measures and programs that are used in the country at the state level.

Keywords: patriotism, social technologies of patriotic education, globalization, social programs.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 N 6-FKZ, of December 30, 2008 N 7-FKZ, of 05.02 .2014 N 2-FKZ, dated 07/01/2020 N 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 07/01/2020, N 31, art. 4398.
2. Gidirinsky V.I. Russian idea and army (philosophical and historical analysis). – M., 1997.
3. Gryzova, U.I. Social technologies: information and communication typology / U.I. Gryzova // Intellect. Innovation. Investments. – 2012. – No. 3. – S. 80–83 ..
4. State program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020”, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493.
5. Kornilova M. Yu., Tomilin A.N. Theoretical and methodological approaches to the patriotic education of cadets // Modern world: experience, problems and development prospects. 2016. V. 1. No. 1. S. 70–75.
6. Lopukha A.D., Volodin R.V. Pedagogical conditions for ensuring the effectiveness of managing the patriotic education of cadets in a military university // Professional education in Russia and abroad, 2016. No. 1 (21). pp. 91–96.
7. Lutovinov V.I. Criteria and bases of methodology for evaluating the results of work on patriotic education. M., 2006.
8. Mikhaleva E.V. Motivation of youth participation in volunteer activities // Alley of Science. 2016. No. 4.
9. Morozova E.P., Zagrebelyaya S.V. System of criteria and indicators for a comprehen-

- sive assessment of the activities of an educational organization for spiritual and moral education // Pedagogical education and science. 2016. No. 4. P. 78–83.
10. Oganyan K.K. Methodological analysis of social technologies for the formation of professional leaders // St. Petersburg., 2011.
 11. Plokhova I.A. The role of the volunteer movement in the patriotic education of youth (on the example of a sociological study at Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov) // Society. Culture. The science. Education”.
 12. Chukanov N.A., Davydov I.N. Scientific and social progress / – Khabarovsk: Vel, 2015. – 256 p.
 13. Shokhov A.S., Reut D.V. Consciousness: user manual / Shokhov A.S. – 1. – Odessa: VMV, 2009. – 464 p. – ISBN 978–966–413–135.
 14. Hatemi, P., Plutzer, E., Berkman, M. There Are Many Ways to Be Patriotic // PennState College of Liberal Arts Poll Reports. – 2019.

Социологические проблемы охраны психического здоровья в современном обществе

Ягина Ольга Михайловна,

аспирант названия кафедры социологии управления, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: olgamihsuzdal@gmail.com

Здоровье является важным социальным критерием степени развития и благополучия страны и общества, в значительной степени влияет на демографическую ситуацию, состояние национальной безопасности, процессы и результаты экономического, социального, культурного развития страны и тому подобное. Психическое здоровье относится к проблемам, которые со временем требуют все большего внимания общества и государства. Причинами этого является рост распространенности психических расстройств и нетрудоспособности, которая формируется как следствие этой патологии, нарушения социального функционирования и качества жизни не только самих пациентов, но и их родственников, что обуславливает значительные затраты общества на лечение и реабилитацию лиц с нарушениями психического здоровья. Особенно актуальным на современном этапе развития общества становится изучение психологического здоровья и благополучия личности в экстремальных условиях жизнеобеспечения, что, прежде всего, обусловлено значительным увеличением количества природных, антропогенных и техногенных экстремальных воздействий на человека.

Сохранение высокого уровня психического здоровья среди населения – одна из важнейших проблем настоящего, признанная важнейшей составляющей высокого уровня качества жизни, позволяющая людям считать свою жизнь полноценной и значимой, быть активными и творческими членами общества. Высокий уровень психического здоровья населения является важным фактором социального единства, производительности труда, общественного спокойствия и стабильности окружающей среды, что способствует росту социального капитала и экономическому развитию общества. Утверждение и внедрение мер государственной стратегии охраны психического здоровья приблизит страну к высококачественной профилактике психических расстройств, современному эффективному лечению и реабилитации, гуманному и дестигматизиро-

ванному отношению к лицам, нуждающимся в помощи в этой сфере, в целом будет укреплять психическое благополучие и потенциал здоровья населения, национальную безопасность государства.

Ключевые слова: профилактика психических расстройств, охрана психического здоровья, психическое благополучие.

Общепризнано, что здоровье является важным социальным критерием степени развития и благополучия страны и общества, в значительной степени влияет на демографическую ситуацию, состояние национальной безопасности, процессы и результаты экономического, социального, культурного развития страны и тому подобное. Психическое здоровье как фактор соматического здоровья обуславливает состояние здоровья опосредованно поведением, связанным со здоровьем и образом жизни.

Психическое здоровье также считается резервом сил организма человека, благодаря которому он может преодолевать стрессы, и определяется совокупностью социальных и физических составляющих; а с начала XX века к этому добавляется еще и «психический аспект» – переживание чувств и эмоций с соответствующими реакциями психики на внешние и внутренние раздражители.

Межотраслевое внимание к психическому и психологическому здоровью является приоритетным направлением социальной политики большинства развитых стран, поскольку решение этой проблемы на общественно-государственном уровне может быть только при комплексном подходе, создании и реализации эффективной межотраслевой системы мероприятий [1]. Одно из важнейших мест в этой системе принадлежит психологической практике, как сфере оказания квалифицированной психологической помощи и услуг населению. В самом широком смысле психологическая практика и психологи, которые ее осуществляют, призваны достигать весьма гуманные, социально-значимые цели – профилактику психических расстройств и обеспечения психологического благополучия населения [2].

ВОЗ определяет психическое здоровье, как состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество. Показателем психического здо-

ровья является не только отсутствие психических заболеваний; психическое развитие соответствует возрасту, благоприятно функционируют высшие отделы центральной нервной системы.

Душевное здоровье определяется как оптимальное для личности, общества и жизненных перспектив состояние человека [3]. По мнению Петрова Н.Н., душа человека многогранна. Каждая ее грань может давать человеку и радость жизни, и ощущение полноты существования, и душевную боль. Организм души, подобно организму телесному, таит в себе множество и жизненных, и болезненных проявлений [4].

Важно, что проблемы с психикой имеют прямую связь с ростом алкоголизации и наркомании – общественно опасных болезней, тяжелого бремени социума и государства, распространенность которых будет расти, в т.ч. и с современными многочисленными рисками-последствиями.

Особенно опасным, с точки зрения сохранения здоровья, является то, что люди не обращаются за специализированной помощью на ранних стадиях, когда еще есть возможность эффективно повлиять на состояние человека и создать качественные условия улучшения здоровья – чаще за помощью обращаются тогда, когда состояние психики уже мешает социальной адаптации в обществе и адекватной жизнедеятельности человека. Положительным является то, что предельными состояниями (депрессия, невроз, астенические синдромы и т. п.) сегодня в России занимаются врачи почти специальности, то есть облегчение получает лицо на первичном звене оказания медико-социальной помощи.

Сохранение высокого уровня психического здоровья среди населения – одна из важнейших проблем настоящего, признанная важнейшей составляющей высокого уровня качества жизни, позволяющая людям считать свою жизнь полноценной и значимой, быть активными и творческими членами общества. Высокий уровень психического здоровья населения является важным

фактором социального единства, производительности труда, общественного спокойствия и стабильности окружающей среды, что способствует росту социального капитала и экономическому развитию общества.

Психологическое здоровье человека связано с его психологическим благополучием, качеством жизни в целом [4]. Выделяется «актуальное психологическое благополучие» и «идеальное психологическое благополучие», в котором представление об «идеальном» выступает глобальным инструментом оценки человеком своего бытия [4]. На сегодняшний день учеными активно изучается связь психологического благополучия с различными особенностями личности (важными жизненными ориентациями, суверенностью психологического пространства, стратегиями жизни и тому подобное) и ее социальными характеристиками, разрабатывается надежный инструментарий для измерения психологического благополучия [5].

Особенно актуальным на современном этапе развития общества становится изучение психологического здоровья и благополучия личности в экстремальных условиях жизнеобеспечения, что, прежде всего, обусловлено значительным увеличением количества природных, антропогенных и техногенных экстремальных воздействий на человека. Психически здоровым считается человек, у которого отсутствуют клинически выраженные проявления психопатологии и которому не установлен диагноз психического заболевания. [5].

Развитие нервно-психических заболеваний обуславливается генетическими, социальными факторами, соматическими заболеваниями. С точки зрения зарубежных ученых, 70% хронических заболеваний имеют психосоматическую основу [2]. Доказано, что детерминантами нарушения психического здоровья являются определенные режимы жизнедеятельности человека, среди которых: режим активности и загруженности рабочего времени, наличие и продолжительность, система-

тичность активного и пассивного отдыха, качество и продолжительность сна и пробуждения и тому подобное. Следовательно, условия и качество жизни являются непосредственно влияющими факторами психического здоровья.

В последнее время специалисты в области психического здоровья из многих стран мира выражают большую обеспокоенность масштабами психической патологии, её значительной распространенности и перманентным увеличением медико-социальных последствий психических расстройств (коморбидности, суицидов, нарушений социального функционирования), соответственно, ростом объемов расходов общества и государства для удержания ситуации.

Проблема профилактики и заботы о психическом здоровье сегодня вышла за пределы отдельного человека или определенных малых социальных групп. Эта проблема в России приобрела уже национальный характер и становится все более масштабной. За последние 20 лет не было той сферы жизнедеятельности, которая бы не реформировалась, иногда по нескольку раз. Неудачи реформ, их непоследовательность негативно сказываются на состоянии людей, они начинают жить в состоянии ожидания худшего. Социальные институты общества призваны регулировать и решать многочисленные социально личностные и другие проблемы и противоречия, отстают от реалий нового века и фактически не справляются со своими задачами, особенно в сфере духовной жизни, психического благополучия и здоровья людей.

Несмотря на серьезность угрозы, мировое сообщество активно работает над выработкой современных подходов к сохранению и улучшению психического здоровья населения. Технологии здравоохранения обеспечат дальнейшее увеличение среднего возраста населения во всем мире, облегчат состояния организма при физических и психических нарушениях, а также улучшат здоровье в целом [11]. Деятельность Всемирной организации здравоохране-

ния определяет приоритетными вопросы сохранения и укрепления психического здоровья являются приоритетными, особенно с начала периода эпидемии COVID-19 [5].

По статистике, второе и третье место среди основных причин глобального бремени болезней в России, после ишемической болезни сердца, занимают самоубийства и психические расстройства. По данным отечественных и зарубежных исследователей, получают соответствующую помощь психиатра лишь 10% всех лиц, которым она нужна, поскольку не ведется еще учет лиц с хроническими психосоматическими и посттравматическими стрессовыми расстройствами среди населения. Значительное экономическое бремя, обусловленное временной и стойкой утратой трудоспособности вследствие психических расстройств, проявляется потерями валового внутреннего продукта [5; 6].

Актуальность разработки современных, научно обоснованных подходов к сохранению и укреплению психического здоровья, государственного управления системой его охраны обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований этой тематики.

Отсутствие целостной и реально функционирующей государственной и общественной системы обеспечения психического здоровья личности дорого обходится и человеку, и обществу. Растущее количество разводов и детей, выросших в неполноценных семьях (в том числе, и в условиях приюта), несоответствие выбора профессии внутренним желаниям, низкая производительность труда и систем управления, увеличение социальной и творческой апатии в обществе, низкая удовлетворенность жизнью и неумение преодолевать жизненные трудности и возникающие проблемы, высокая степень зависимости (от наркотиков, алкоголя, игры), заболеваемости и смертности – все это результат несоответствия психосоциального развития личности современного человека социально-

экономическим, политическим, информационным, технологическим, экологическим и другим процессам, событиям.

По прогнозам ВОЗ, до конца 2022 году психические расстройства войдут в первую пятерку заболеваний, которые приведут к значительным человеческим потерям [6]. Показатели психической «нормы» и «не нормы» до сих пор четко не разработаны. Норма определяется на основании социологических, социальных, психологических, медицинских критериев, которые, в общем, исходят из представления о том, чего в норме не должно быть. Такой подход можно обозначить как «субъективно-негативный».

В последние десятилетия растет количество исследований влияния на большие группы населения макро-социальных стрессовых ситуаций, связанных с трансформацией общества. Примерно половина городского населения в странах с низким и средним уровнем дохода живет в бедности, и десятки миллионов взрослых и детей являются бездомными.

Бедность и состояния, ассоциированные с ней, такие, как девиации, безработица, низкий образовательный уровень, малообеспеченность и бездомность, распространены не только в бедных странах – они характерны также для населения во многих странах [4].

На сегодняшний день в докладе ВОЗ также указывается, что психическое здоровье человека в современном мире определяется влияниями социальных, психологических, экологических и других факторов, отмечается непосредственное влияние социальных факторов на психическое здоровье больших групп населения, в результате чего под влиянием важных для большинства людей экономических и политических ситуаций возникают социально-стрессовые расстройства. В условиях социальных изменений у многих людей развивается состояние психической дезадаптации, невротические и психосоматические расстройства. Массовые проявления состояний психоэмоционального перенапряжения

и психической дезадаптации, по сути, стали следствием «коллективной травмы» [9].

По эпидемиологической оценке состояния психического здоровья населения Европы, осуществленной Европейской коллегией нейропсихофармакологии (ЭСМП), распространенность психических расстройств в Европе на конец 2020 г. составила 38,2% (в 2005 г. – 26,6%). С поправкой на возраст и коморбидность определено, что расстройства психического здоровья имеют 164,8 млн человек (1/3 населения Европы). Существенный рост распространенности получен за счет повышения частоты выявления патологии у детей, подростков и пожилых людей [2].

К наиболее распространенным в Европе заболеваниям относятся тревожные расстройства (14%), инсомнии (7%), большая депрессия (6,9%), соматоформные расстройства (6,3%), алкогольная и химическая зависимости (4%), синдром дефицита внимания и гиперактивности (5% у детей) и деменция (от 1 до 30% в зависимости от возраста). В приведенном обзоре ECNP подчеркнуто, что болезни мозга и психические расстройства влекут за собой потери трудоспособности у 26,6% населения Европы, значительно превышая данный показатель на других континентах [7].

В каждой четвертой семье хотя бы один ее член страдает поведенческими или психическими расстройствами. Родные не только обеспечивают больному физическую и эмоциональную поддержку, но и несут на себе бремя стигматизации и дискриминации. Психические и поведенческие расстройства составляют 12% глобального бремени заболеваний, но фактически не отражают того, какими значимыми они являются в действительности для человечества. Согласно показателю DALY [11] к 2020 году бремя расстройств психики и поведения будет составлять 15% среди всех болезней.

Измерить потери, связанные со снижением качества жизни, а также с трудностями, которые ложатся на семью,

где есть больные с психическими расстройствами, очень трудно, но с уверенностью можно утверждать, что во всех странах психические расстройства становятся причиной страданий массы людей, приводят к огромным потерям, вызванным потерей трудоспособности и снижением производительности труда, а также поглощают значительную часть ресурсов общества. В частности, затраты государств на лечение психических расстройств к 2025 году повысятся на 15%.

Считается, что расстройства психики и поведения распространены и поражают почти 25% людей в определенные периоды их жизни [9], влияя на качество жизни своих семей, всего общества, на экономическое положение в стране и тому подобное.

Психическое здоровье является одним из важных объектов социальной политики. Важным результатом многолетней подготовки и множества проведенных консультаций с целью подготовки программы реформ в области охраны психического здоровья в Европе, было принятие представителями министерств здравоохранения 53 стран Европейского региона Хельсинской декларации, а также доклад, опубликованный в 2019 году «Охрана психического здоровья: проблемы и пути их решения» по улучшению психического здоровья населения, предложив стратегию психического здоровья для ЕС.

Зеленая книга определяет приоритетами развития поддержку, содействие психическому здоровью всех лиц, пропаганда психического здоровья; профилактику, особенно лицам, которым больше всего угрожает потеря психического здоровья; улучшение качества жизни психически больных и нетрудоспособных путем интеграции, социальной инклюзии и защиты их прав, свобод, достоинств; разработку принципов и развитие системы информации, сотрудничества в сфере проведения научных исследований и распространения знаний по охране, сохранению, улучшению психического здоровья в странах ЕС [3].

Среди приоритетов, упоминаемых в резолюции Европарламента относительно психического здоровья, достойным внимания является профилактика депрессий и суицида, обеспечение психического здоровья молодежи, содействие психическому здоровью пожилых людей, психическое здоровье в образовании и на работе [4].

Психическое здоровье относится к проблемам, которые со временем требуют все большего внимания общества и государства. Причинами этого является рост распространенности психических расстройств и нетрудоспособности, которая формируется как следствие этой патологии, нарушения социального функционирования и качества жизни не только самих пациентов, но и их родственников, что обуславливает значительные затраты общества на лечение и реабилитацию лиц с нарушениями психического здоровья.

По мнению некоторых ученых, психическое здоровье населения – это, прежде всего, художественный, культурный, интеллектуальный, производственный потенциал нации. Учитывая весомое влияние психической деятельности на социальную и общественную активность человека, а также нарушение социального функционирования при наличии психических расстройств, психиатрия считается дисциплиной не только медицинской, но и социальной [5; 7].

Реформа, направленная на развитие социально ориентированной психиатрической помощи, включает ее децентрализацию, дестигматизацию, максимальное использование возможностей и расширения сети амбулаторных учреждений (диспансеров, консультативных поликлиник, кабинетов, центров психологической помощи и др.) и внебольничной помощи (дневных стационаров, бригад поддержки в обществе, стационаров на дому, психиатрического патронажа), интеграцию в первичное звено медицинской помощи [7; 8], создание психиатрических отделений в многопрофильных больницах. Модернизация стационарного звена пси-

хической помощи связана с созданием высокоспециализированных отделений кризисной помощи, реабилитации, геронтологии, первого психотического эпизода и т.д. [9].

Сейчас разработан и рассматривается экспертным сообществом стратегический документ в отношении сохранения и улучшения психического здоровья нации (Стратегия охраны психического здоровья до 2025 года [13]), в разрезе современных вызовов России, с определением основных принципов развития и совершенствования системы оказания психиатрической помощи, например Концепции государственной политики в области психического здоровья, с учетом соответствующих рекомендаций ВОЗ, стратегий ЕС и стран мира в данной сфере деятельности государства. Особого внимания требует развитие систем стандартизации и оценки качества оказания психиатрической помощи (с учетом мировых приоритетов в области обеспечения психического здоровья, опыта WHO Tool Kit и соответствующих индикаторов, которые эффективно используются зарубежными коллегами).

Всемирная организация здравоохранения, руководствуясь принципами вышеупомянутой Хельсинкской декларации, определяет первоочередные задачи в сфере психического здоровья до 2030 года [12]:

- содействие расширению осознания важности значения психического благополучия;
- осуществлять совместные действия, направленные на борьбу со стигматизацией, дискриминацией и неравенством, а также расширять права и возможности лиц с нарушениями психического здоровья и членов их семей, оказывать поддержку с целью их привлечения к активному участию в этом процессе;
- разрабатывать и внедрять комплексные, интегрированные и эффективные системы охраны психического здоровья, включая такие факторы, как укрепление здоровья, профилактика, лечение и реабили-

- тация, уход и восстановление здоровья;
- обеспечивать удовлетворение потребности квалифицированному персоналу, который способен эффективно работать в сфере психического здоровья;
 - признавать важное значение знаний и опыта пользователей служб охраны психического здоровья и лиц, осуществляющих за ними уход, как основы для планирования и развития таких служб [8].

Приобретенные собственный опыт России и опыт стран мира (Германии, Польши, Дании, Швеции, Армении и проч.) свидетельствуют о том, что решать проблемы, освещенные в статье, необходимо в условиях системного и межотраслевого, межсекторального подходов, что собственно и должно быть определено в государственной стратегии – Программе по сохранению и укреплению психического здоровья нации, основав ее на главных международных рекомендациях – рычагах влияния на ситуацию в сфере психического здоровья, содержащихся в документах, разработанных Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Всемирной психиатрической ассоциацией (WPA) и Европейской психиатрической ассоциации (EPA). Стратегические, каждая страна имеет собственные особенности мероприятий выполнения стратегии, обоснованно отражают приоритеты развития данного государства, особенности его социально-экономической ситуации, эпидемиологии психических расстройств и т.п.

При разработке Концепции государственной политики в области психического здоровья во внимание необходимо взять направления по совершенствованию систем управления, стратегического планирования и финансирования; трансформировать действующий порядок оказания психиатрической помощи с привлечением членов семей и общин к оказанию помощи; реформирование системы активизируя оказания помощи первичного уровня дифференцированной помощи (с учетом возрас-

та, пола, характера расстройства, жизненных обстоятельств и т. п.) и стимулируя работу центров психо-социальной помощи; критерии определения необходимости предоставления комплексных услуг; важность информирования и осведомленности граждан для предупреждения и борьбы со стигматизацией лиц, страдающих расстройствами психического здоровья, совершенствования систем подготовки новых профессиональных кадров, развития их культурных и языковых компетенций и т.д.

Здравоохранение является стратегической обязанностью и задачей государства. Необходимо создавать специальные условия по эффективному сохранению и укреплению психического здоровья, повышению качества жизни людей с психическими особенностями и членов их семей, особенно в вопросах государственного управления медико-социальным обеспечением, повышения доверия к государственному управлению.

К общим вопросам, которые влияют на состояние и сохранение психического здоровья населения, а также, которые требуют научного рассмотрения и решения с целью стратегического сохранения здоровья отнесем также:

- внедрение лучших образцов медико-психологических практик, психиатрической (психотерапевтической) помощи и эффективных организационных мер по ее оказанию, включая формирование действенной системы подготовки специалистов в сфере психического здоровья с возможностью оказания квалифицированной помощи;
- для эффективного оказания психиатрической помощи необходимо постоянно проводить мониторинг состояния психического здоровья, удовлетворенности населения полученной помощью и выявления потребностей и проблем данной отрасли. Для этого необходимо, в частности, разработать индикаторы, усовершенствовать существующую систему сбора статистических данных,

- провести разномасштабные эпидемиологические исследования;
- защита информационного пространства страны, формирование положительного настроя в обществе (организация эффективной работы органов государственного управления, укрепления доверия к государственным институтам, противодействие коррупции, формирование ответственной информационной политики в отечественных СМИ: подъем культуры дискуссии, патриотическое воспитание для укрепления патриотического духа, воспитание высокого уровня нравственности нации.

На сегодня в сфере охраны психического здоровья и благополучия остаются нерешенными вопросы, требующие научного обоснования о структурной организации системы и служб оказания психиатрической и психологической помощи; повышения эффективности лечебно-профилактических мероприятий; совершенствования профессиональной подготовки и качественного кадрового обеспечения; совершенствования законодательной базы; имплементации стратегических стандартов рамочных документов международных и национальных организаций и определения прямых и косвенных расходов на охрану психического здоровья.

Утверждение и внедрение мер государственной стратегии охраны психического здоровья приблизит страну к высококачественной профилактике психических расстройств, современному эффективному лечению и реабилитации, гуманному и дестигматизированному отношению к лицам, нуждающимся в помощи в этой сфере, в целом будет укреплять психическое благополучие и потенциал здоровья населения, национальную безопасность государства.

Литература

1. Диагностика и содержание представлений о психических переживаниях человека у обучающихся, имеющих ограниченные воз-

можности здоровья / Ю.Ю. Лиханов, Е.К. Мячина, Е.А. Стебляк, Д.М. Усенко // *Мать и дитя в Кузбассе*. – 2021. – № 4(87). – С. 58–63. – DOI 10.24412/2686–7338–2021–4–58–63.

2. Заочинский, М.С. Психологическая диагностика психического здоровья студентов / М.С. Заочинский // *Инновации. Наука. Образование*. – 2021. – № 27. – С. 1632–1636.
3. Опыт работы психиатрической и психотерапевтической служб инфекционного стационара в условиях пандемии COVID-19 / Г.А. Прокопович, Т.В. Владыкина, М.С. Сивашова, О.Н. Зуева // *Обзорные психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*. – 2021. – № 1. – С. 67–76. – DOI 10.31363/2313-7053-2021-1-67-76.
4. Петрова, Н.Н. Распространенность, структура и факторы риска психических расстройств у лиц старшего возраста / Н.Н. Петрова, Д.А. Хвостикова // *Успехи геронтологии*. – 2021. – Т. 34. – № 1. – С. 152–159. – DOI 10.34922/AE.2021.34.1.021.
5. Савин, С.З. Особенности государственных стратегий России и Китая в сфере охраны психического здоровья на примере ювенильных депрессий / С.З. Савин, Н.Э. Косых, Е.В. Солодкая // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2021. – № 3. – С. 122–135. – DOI 10.31857/S013128120015352–8.
6. Соловьев, А.Г. Межведомственные направления оказания помощи лицам пенсионного возраста с психическими расстройствами / А.Г. Соловьев, Е.Г. Ичитовкина // *Медицинский вестник МВД*. – 2021. – Т. 112. – № 3(112). – С. 16–18. – DOI 10.52341/20738080_2021_112_3_1.
7. Федеральная инновационная площадка: изучение склонности обучающихся в медицинском университете к аддиктивному поведению / М.В. Дмитриев, В.А. Андреев, Е.В. Дмитриева [и др.] // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. – 2021. – Т. 20. –

- № 3. – С. 179–185. – DOI 10.37903/vsgma.2021.3.23.
8. Хроническая боль в Международной классификации болезней 11-го пересмотра / Н.С. Бофанова, Р.Р. Масаева, О.С. Вербицкая [и др.] // Российский журнал боли. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 36–39. – DOI 10.17116/pain20211901136.
 9. Царукян, М.О. Особенности психических состояний и свойств личности студентов-клинических психологов в процессе социально-психологической адаптации / М.О. Царукян, В.В. Болучевская // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2021. – № 1(24). – С. 167–171.
 10. Шредер, О.Б. Изучение потенциала мобильных приложений при поддержке пациентов с психическими расстройствами / О.Б. Шредер // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2021. – № 1(7). – С. 107–111.
 11. Интернет-ресурс: https://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b3a1/676c/7631/400a/0000/original/Global-Trends-2030-RUS.pdf?1408971903
 12. Интернет-ресурс: <https://www.who.int/ru/news/item/08-10-2021-who-report-highlights-global-shortfall-in-investment-in-mental-health>
 13. Европейская рамочная основа для действий по охране психического здоровья на 2021–2025 гг. // <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-policy/european-programme-of-work/flagship-initiatives/the-pan-european-mental-health-coalition/who-european-framework-for-action-on-mental-health-20212025>

MODERN METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF MENTAL HEALTH

Yagina O.M.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Health is an important social criterion for the degree of development and well-being of the country and society, to a large extent affects the demographic situation, the state of national security, the processes and results of the economic, social, cultural development of the country, and the like. Mental health is one of the problems that over time require more and more attention from society and the state. The reasons for this are an increase in the prevalence of mental disorders and disability, which is formed as a result of this pathology, a violation of social functioning and quality of life not only of the patients themselves, but also of their relatives, which causes significant costs for society for the treatment and rehabilitation of people with mental health disorders. Especially relevant at the present stage of development of society is the study of the psychological health and well-being of the individual in extreme conditions of life support, which is primarily due to a significant increase in the number of natural, anthropogenic and man-made extreme impacts on humans.

Maintaining a high level of mental health among the population is one of the most important problems of the present, recognized as the most important component of a high level of quality of life, allowing people to consider their life full and meaningful, to be active and creative members of society. A high level of mental health of the population is an important factor in social cohesion, labor productivity, social peace and environmental stability, which contributes to the growth of social capital and the economic development of society. Approval and implementation of measures of the state mental health strategy will bring the country closer to high-quality prevention of mental disorders, modern effective treatment and rehabilitation, humane and de-stigmatized attitude towards persons in need of assistance in this area, in general, will strengthen mental well-being and health potential of the population, national security states.

Keywords: prevention of mental disorders, mental health, mental well-being.

References

1. Likhanov Yu. Yu., Myachina E.K., Steblyak E.A., Usenko D.M. Diagnosis and content of ideas about the mental experiences of a person in students with disabilities // Mother and Child in Kuzbass. – 2021. – No. 4 (87). – S. 58–63. – DOI 10.24412/2686-7338-2021-4-58-63.
2. Zaochinsky, M.S. Psychological diagnostics of students' mental health / M.S. Zaoc-

- hinsky // Innovations. The science. Education. – 2021. – No. 27. – S. 1632–1636.
3. Prokopovich G. A., Vladykina T.V., Sivashova M.S., Zueva O.N. Experience in the work of psychiatric and psychotherapeutic services of an infectious diseases hospital in the context of the COVID-19 pandemic // Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev. – 2021. – No. 1. – P. 67–76. – DOI 10.31363/2313–7053–2021–1–67–76.
 4. Petrova, N.N. Prevalence, structure and risk factors of mental disorders in older people / N.N. Petrova, D.A. Khvostikova // Advances in Gerontology. – 2021. – T. 34. – No. 1. – S. 152–159. – DOI 10.34922/AE.2021.34.1.021.
 5. Savin, S.Z., Kosykh, N.E., Solodkaya, E.V., Problems of the Far East. – 2021. – No. 3. – P. 122–135. – DOI 10.31857/S013128120015352–8.
 6. Solovyov, A.G. Interdepartmental directions of assistance to persons of retirement age with mental disorders / A.G. Solovyov, E.G. Ichitovkina // Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs. – 2021. – T. 112. – No. 3 (112). – P. 16–18. – DOI 10.52341/20738080_2021_112_3_16.
 7. Dmitriev M. V., Andreev V.A., Dmitrieva E.V. [et al.] Studying the propensity of students at a medical university to addictive behavior [et al.] Federal innovation platform: Bulletin of the Smolensk State Medical Academy. – 2021. – T. 20. – No. 3. – S. 179–185. – DOI 10.37903/vsgma.2021.3.23.
 8. Chronic pain in the International Classification of Diseases of the 11th revision / N.S. Bofanova, R.R. Masaeva, O.S. Verbitskaya [et al.] // Russian Journal of Pain. – 2021. – T. 19. – No. 1. – S. 36–39. – DOI 10.17116/pain20211901136.
 9. Tsarukyan, M.O. Features of mental states and personality traits of students-clinical psychologists in the process of social and psychological adaptation / M.O. Tsarukyan, V.V. Boluchevskaya // Forum. Series: Humanitarian and economic sciences. – 2021. – No. 1 (24). – S. 167–171.
 10. Schroeder, O.B. Exploring the potential of mobile applications with the support of patients with mental disorders / O.B. Schroeder // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Workers of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2021. – No. 1(7). – S. 107–111.
 11. Internet resource: https://www.nkibrics.ru/system/asset_publications/data/53c7/b3a1/676c/7631/400a/0000/original/Global-Trends-2030-RUS.pdf?1408971903
 12. Internet resource: <https://www.who.int/ru/news/item/08–10–2021-who-report-highlights-global-shortfall-in-investment-in-mental-health>
 13. European Framework for Action on Mental Health 2021–2025. // <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-policy/european-programme-of-work/flagship-initiatives/the-pan-european-mental-health-coalition/who-european-framework-for-action-on-mental-health-20212025>

Гражданская активность некоммерческих организаций, работающих с молодежью в Сибирском Федеральном округе

Аносов Сергей Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

E-mail: ssanosov@mail.ru

В статье приводятся результаты качественного исследования, направленного на анализ реализации гражданских инициатив некоммерческими организациями, работающими с молодежью в Сибирском федеральном округе. В качестве методов исследования выступало экспертное интервью руководителей НКО, работающих с молодежью, а также проводился контент-анализ и символический анализ сайтов некоммерческих организаций, публикаций в СМИ и социальных сетях рассматриваемых НКО. В результате исследования выявлено, что на сегодняшний день функционируют уже не работающие схемы старого социального межсекторного взаимодействия; что были актуальны до пандемии и виртуализации; на работу некоммерческого сектора влияет инертность власти и неготовность менять формат и форму взаимодействия, так же как и органы власти в некосмическом секторе видят больше повод для формирования своего имиджа, а не реального решения проблем молодежи, результатом этого выступает сегментированная работа с отдельными группами молодежи, при игнорировании других социальных сообществ молодежи (не столь выгодных или благополучных), а также фиксация трансформации условий и особенностей работы некоммерческих организаций с молодежью из реальной в виртуальную сферу.

Ключевые слова: гражданская активность, некоммерческие организации, молодежь, социальное взаимодействие, межсекторное взаимодействие, виртуализация услуг, цифровизация коммуникации, Сибирский Федеральный округ.

На сегодняшний день в России около 220 тысяч НКО, при этом только 20% активно работают и вовлечены в социально значимые проекты на разном уровне [17]. При этом, некоммерческому сектору принадлежит существенная доля реализации социальных проектов, направленных на разные сферы деятельности общественного воспроизводства. Частично это объясняется несостоятельностью работы государственного аппарата, частично больше мобильности некоммерческих организаций в отличие от ригидных официальных структур, а отчасти и большей мобильностью, и готовностью подстраиваться под новые внешние условия и самих членов некоммерческих организаций.

Результатом этого становится достаточно значимый показатель гражданских инициатив, которые реализуются в рамках работы некоммерческих организаций. Социальное развитие опирается на социальную структуру, формируемую некоммерческим сектором. Поэтому, можно утверждать, что гражданская активность различных субъектов общественного воспроизводства выступает залогом интенсивного развития системы. Об этом мы находим размышления в Р.В. Иванова [3,4], о работе институтов гражданского общества в исследовании М.В. Поповой [9] и А.Н. Пружинина [10] и частично в исследованиях автора [1,2] о механизмах работы некоммерческих организаций в исследованиях О.А. Полюшкевич [5–8], П.А. Трескина [11–16] и других.

Особое место в работе гражданских инициатив принадлежит НКО, занимающимся молодежью. Практически любая некоммерческая организация может работать с молодежью как социальной группой, но мы рассматривали только те, кто работает только с молодежью. Это важно, потому что опре-

деляет основной спектр тех вопросов, что актуальны для современных молодых людей, так как благодаря участию в проектах НКО молодежь получает реализацию и признание, проявляет социальную и гражданскую активность и формирует социально ответственный слой общества.

Гражданские инициативы, проявленные в виде разнообразных форм гражданской активности, показывают ценностно-смысловые и формально-логические области реализации молодых людей в современном обществе. Гражданская активность при этом выступает критерием включенности и социальной актуальности той или иной сферы.

Методология исследования

Исследование осуществлено при помощи качественной методологии. Основой стали материалы экспертного интервью, руководителей некоммерческих организаций из разных регионов РФ (18 человек), контент-анализа и символического анализа материалов сайтов НКО (46 сайтов). Интервью брались лично или через веб-трансляции платформ zoom и skype.

В анализе присутствовали некоммерческие организации, работающие с молодежью в сфере патриотического, военного и спортивного воспитания (16%), работающие в сфере политической активности, правового просвещения и гражданской ответственности (12%), ЗОЖ и здоровья (8%), образования (25%), культурного просвещения и сохранения национально-культурного и религиозного наследия (22%), молодежные волонтерские центры (17%).

Анализ материалов сайтов позволил сформировать базу гражданской активности некоммерческого сектора в СФО, занимающихся молодежью. А также анализировались сайты и издания присутствующие в регионе, освещающие те же события, что отражены на сайтах и социальных сетях общественных организаций. Анализ экспертного интервью выявил типы и формы гражданской активности некоммерческих организаций, работающих с молодежью.

Критериями выбора некоммерческих организаций, работающих с молодежью, были следующие:

- 1) Известность в регионе (освещение работы в материалах СМИ, участие в организации и проведении симпозиумов, тиражировании информации);
- 2) Опыт организации (существование более трех лет);
- 3) Стабильное финансовое положение (привлечение государственных и частных инвестиций в проекты);
- 4) Победа в конкурсах грантов (как федерального значения (конкурс Президентских грантов для НКО), так и регионального (Гранты Губернского собрания, гранты муниципалитетов и проч.);
- 5) Регулярно существующие (на постоянной основе) проекты работы с молодежью.
- 6) Наличие сайта и представленность в социальных сетях (Instagram, Facebook, V Kontakte).

Анализ результатов исследования

В ходе анализа данных установлено, что многие существующие муниципальные и региональные конкурсы, программы и проекты, направленные на работу с молодежью, были инициированы и проведены некоммерческими организациями. Наиболее успешные из них органы власти, в лице министерств по молодежной политике или муниципальных отделов или управлений по работе с молодежью брали под свое покровительство (иными словами, включали в план своих мероприятий) и получали высокие показатели статистики и эффективности собственной работы, при этом, не выполняя никакую работу.

Да все общественные организации находятся в тисках органов власти: с одной стороны самостоятельно ничего не сделаешь и вынужден к ним обращаться за разрешением, с другой, они в организации мероприятий ничего не делают, но отчитываются и в СМИ выставляют себя чуть ли не единоличными организаторами. Изменить ситуацию не знаю как можно, но это ставит

всех общественников зависимую позицию и связывает им руки. (Т.Ю., руководитель молодежного волонтерского центра, 25 лет, Красноярск).

Если бы органы власти выступали равноправными партнерами – то это было бы просто здорово, так они же только бюрократии и официоза напустят, а потом еще и себя во главу угла во всех СМИ поставят, очень обесценивают труд общественников этим. (С.В., руководитель молодежного креативного центра, 29 лет, Омск).

При анализе сайтов некоммерческих организаций – информация о социальном партнерстве с органами власти освещается нейтрально и более формально, тогда как на сайте администрации и в иных СМИ – вклад органов власти в три раза чаще выделяется как ключевой и значимый, в отличие от работы самой некоммерческой организации, инициатива которой реализовалась в конкретном населенном пункте.

Достаточно редко некоммерческие организации, работающие с молодежью, организуют мероприятия на своей территории, из-за ограниченности площадей, малого вмещения количества людей и т.д. И мероприятия вынуждены проводить на публичных городских / сельских территориях, где включается в их работу местная администрация или руководство коворкинг-центров, а следом и бизнес структуры. Эта территориально-пространственная ограниченность НКО приводит к зависимости от власти и бизнеса.

Большинство гражданских инициатив проходит на территории сторонних организаций, так как они имеют либо очень маленькие площади, либо сами проекты и мероприятия обладают масштабностью и необходимы специальные пространства (залы, спортивные клубы и т.д.). И тут без партнерства не обойтись. Но вот партнерство на равных условиях мало кому удается. Представители бизнеса, предоставляя свои помещения, занимаются социальной рекламой и строят длинные имиджевые программы социальной представленности в регионах пребывания.

Представители власти не упускают возможности превознести свой вклад в развитие региона. И мы становимся заложниками чужих условий. (Т.А., руководитель молодежного центра патристического воспитания, 29 лет, Новосибирск).

Качество работы некоммерческих организаций зависит от того, что и где они проводят. Я не знаю ни одного предприятия, что могло бы провести значимое крупное мероприятие у себя на территории. И решить этот вопрос путем взятия в безвозмездную аренд у КУМИ мало реален, так как это помещение еще надо содержать, а на это также нужны средства. К тому же некоммерческим организациям предлагают не очень благоустроенные и отремонтированные помещения. Результатом этого становится невыгодное партнерство с той же властью и бизнесом по арендуемым территориям для проведения мероприятий. (Р.А., руководитель молодежного центра для инвалидов, 32 года, Красноярск).

Вопросы проблем с площадью проведения мероприятий практически не освещаются ни на сайтах НКО, ни на страницах СМИ и сети интернет, но выступают проблемой для организаторов. Тут сказывается недостаток опыта и социально открытости для привлечения общественности к решению актуальных проблем. А также перенос акцентов важности: для руководства НКО важнее само мероприятие, а не то, где оно проведено и кто какие предпочтения в результате получает или не получает. Эффект ложной скромности негативно сказывается на представителях НКО.

Продвижение идей развития молодежи, переключения внимания молодежи на социально значимые сферы и области общественной жизни являются приоритетной сферой для многих организаций. Тут же важным аспектом выступает привлечение волонтеров среди молодежи для участия в молодежные проекты и инициатив в разных сферах. Иными словами, это сфера деятельности, которая повышает известность, ак-

туальность и модность участия в общественных инициативах молодежи и для молодежи. Благодаря этому формируется социально активный слой внутри молодежи как социальной группы, который может выступать драйвером трансформаций и перемен.

Работа всех некоммерческих организаций направлена на повышение компетентности и грамотности разных социальных групп в отдельных сферах. Особо это касается молодежи: начиная от активизации ее усилий и представлений о социальной активности и волонтерстве, заканчивая не безучастностью к важным событиям и процессом общества, готовностью быть на передовой социальных взаимодействий. Это, наверное, относится к миссии любой общественной организации, которая реализуется через конкретную работу НКО. (О.А., молодежный центр защиты экологии, 30 лет, Иркутск).

Развитие готовности молодежи принимать участие в общественной жизни выступает основной задачей для многих общественных организаций. Социально активная молодежь готовая принимать участие в различных гражданских инициативах – вот залог нашего будущего. И работа общественной организации, работающей с молодежью начиная от политики, заканчивая экологией, начиная от волонтерства заканчивая образованием, начиная от религии и заканчивая правом имеет одну цель – социальная активность молодежи и ее включенность и не безразличность в социальной среде. (Т.А., молодежный центр правовых консультаций, 33 года, Новосибирск).

Осуществление конкретной помощи молодежи какой-то группы. Например, молодых инвалидов или талантливой, спортивной, креативной молодежи, молодежного шахматного клуба или молодых представителей паркур и т.д. Это фиксация внимания (публикации в СМИ, социальных сетях, обсуждение в органах власти и бизнеса) возможности поддержки и создания условий для реализации талантов и способностей данной группы. Чаще это направление

выступает через социальное партнерство с другими институтами гражданского общества (властью и бизнесом), так как нужно либо административное выделение локаций (например, для занятий паркур или граффити), либо дополнительное финансирование (для покупки спортивного снаряжения или организации турне с концертами).

Работать с конкретной группой молодежи всегда легче, чем со всеми сразу. И каждое НКО выбирает свою специализацию, под которую и заточивает все мероприятия. Конечно, остаются те группы молодежи, что требуют большего внимания. Но одному охватить все невозможно, поэтому каждый решает те вопросы, что может. (П.А., центр помощи детям и молодежи, попавшим в трудную жизненную ситуацию, 31 год, Омск).

Фиксация своих возможностей и целей на одной группе – усиливает эффект работы и конечно, уменьшает воздействие на другие группы молодежи. Это естественно и наверное, позволяет выжить современным НКО в меняющемся мире. (Р.Р., реабилитационный центр помощи наркоманам, 33 года, Красноярск).

Эта сфера деятельности наиболее выгодна для других институтов гражданского общества так как подчеркивает их активность, открытость, публичность, готовность к диалогу и взаимодействию. Но и выборочность участия в проектах тоже имеет место быть, так как бизнесу выгодно поддержать конкурс или фестиваль (разовый или регулярный, но раз в год – выделив единовременные средства, а власти приняв участие, отчитаться заведомо позитивными мероприятиями и событиями, недели чем поддержка неизлечимо больных молодых людей или инвалидов, которым постоянно необходимо медицинское сопровождение). Положительного эффекта здесь нет, формировать имидж на чужой боли не все согласятся и в глазах общественности не всегда можно это представлять как положительное влияние на всю молодежь. Поэтому, одни гражданские инициати-

вы направленную на работу с молодежью активно поддерживаются и развиваются, а другие вынуждены постоянно ходить с протянутой рукой. Издержки рынка, имиджа и отчетности негативно сказываются на функционировании гражданских инициатив.

На сайтах НКО, работающих с молодежью, имеется адресная информация о работе с конкретными группами молодежи (99%), в СМИ и сети интернет – значительно шире круг проблем разных групп молодежи, но если говорить о мероприятиях, реализуемых для конкретных групп – то это ограниченный спектр, чаще встречаются публикации о проблемности, нежели чем решении этих проблем через конкретные мероприятия. Это одна из социальных дилемм общества: с кем, как и когда работать и кто от этого будет получать свои социальные эффекты.

В условиях пандемии изменился характер и формы работы НКО с молодежью. Появились виртуальные службы помощи (как при работающих общественных организациях, так и как формы социальной активности и гражданских инициатив в новых условиях). Если раньше, виртуальное взаимодействие, цифровые коммуникации были сопутствующим элементом, далеко не всегда обязательным для реализации гражданских инициатив, то сегодня это чуть ли не основное условие успешности мероприятия, направленного на реализацию гражданских инициатив. Конечно, это новые условия диктуют формат и форму, но все же внутренняя готовность НКО работать в виртуальном пространстве дает им возможность выходить на новый уровень социальных коммуникаций.

Современный мир диктует новые условия: необходимость работы в режиме онлайн и те, кто адаптировался и подстроился к этим условиям – сегодня в более выгодном положении, а кто не смог – либо закрылся, либо на грани того, чтобы закрыться. Будущее за теми, кто работает в цифровом мире. (А.Е., руководитель молодежного экологического отряда, 33 года, Иркутск).

Сила и ресурсность любых общественных организаций в использовании социальных сетей и сети интернет для того, чтобы развивать свой спектр услуг, максимально привлекать молодежь для социальной включенности и активности, чтобы их гражданские инициативы имели своего адресата и имели положительные последствия для молодежи как социальной группы. Это перспективы нашего развития. (Т.А., руководитель кризисного центра для подростков, 390 лет, Томск).

За два года количество мероприятий НКО, работающих с молодежью, выросло в четыре раза в сети интернет, и уменьшилось в реальном формате в два раза. Это официальная статистика отчетности проведенных мероприятий, рассматриваемых нами молодежных общественных организаций.

Таким образом, результаты исследования выявили неоднозначность реализации гражданских инициатив некоммерческих общественных организаций, работающих с молодежью. Причины этому:

- 1) Уже не работающие схемы старого социального межсекторного взаимодействия, что были актуальны до пандемии и виртуализации;
- 2) Отголоски инертного участия органов власти в гражданских инициативах, направленных на молодежь;
- 3) Заинтересованность бизнеса не столько в поддержке молодежи через некоммерческий сектор, сколько в конструировании своего позитивного имиджа;
- 4) Выборочная работа с конкретным сегментом молодежи, а не всей социальной группой;
- 5) Переключение реального включения в социальные проекты и акции в виртуальные (как дань современному этапу общественного развития и одновременно его характеристика).

Выводы

Гражданская активность некоммерческих организаций, работающих с молодежью не всегда заметна в качестве про-

екта гражданской активности НКО, так как органы власти, отвечающие за работу с молодежью, успешные проекты и идеи берут под свое руководство и в СМИ, и в общественном мнении они позиционируются как инициативы органов власти, а не НКО. Участники некоммерческих организаций вынуждены на это соглашаться, так как проекты их реализуются, но общественность не может оценить значимость и весомость вклада самих НКО в инициации и развитии данных направлений работы.

Из-за того, что на своих территориях лишь единичные НКО могут провести мероприятия для молодежи, они вынуждены вступать в партнерство органами власти и бизнеса, что формирует заведомо ведомую их позицию. И делает не равноправным партнером межсекторного взаимодействия, а партнером, который осуществляет всю работу, а бонусы от ее получают другие социальные акторы взаимодействия.

Помимо этого, деятельность НКО, работающих с молодежью направлена на расширение публичности, известности и социальной узнаваемости различных общественных инициатив. Тем самым создается модность и востребованность участия молодежи в гражданских проектах и коллаборациях.

Максимальное освещение в СМИ и интернет-ресурсах находится в рамках помощи какой-то конкретной социальной группе, так она осуществляется через социальное партнерство с бизнесом и властью. Эти проекты локальны, ограничены временем и событиями, поэтому найти тех, кто поможет в их осуществлении проще, нежели тогда, когда помощь какой-то конкретной группе молодежи требуется всегда. Например, найти средства и возможности для проведения фестиваля талантливой, спортивной и т.д. молодежи проще, чем на организацию помощи неизлечимо больным молодым людям. Это издержки формирования гражданских инициатив и помощи молодежным НКО, работающим с молодежью.

Организация работы некоммерческих организаций с молодежью доста-

точно сложный и многоаспектный процесс социальной гибкости, мобильности, умения видеть конъюнкту общей ситуации и умения под нее подстраиваться. Далеко не всегда некоммерческие организации остаются в выигрыше, при реализации своих идей и проектов, помимо организации самого события, есть множество условий его осуществления и последствий для существования, а также информационной открытости и достоверности предоставляемой информации всеми акторами социального взаимодействия, где сми гражданские инициативы и формы активности, направленные на работу с молодежью могут иметь второстепенное значение. Особенно остро это можно видеть в период предвыборной ситуации в регионе, социальных трансформаций в условиях пандемии, новых форм работы в условиях виртуализации социального взаимодействия и т.д.

Цифровизация работы НКО изменила структуру и формат для многих общественных инициатив, трансформировала контексты и условия реализации гражданской активности. И вместе с этим, стала проверкой на выживание тех организаций, что смогли влиться в виртуальное пространство и организовывать не только офф-лайн, но и онлайн мероприятия не в ущерб себе. Очевидно, что именно это направление станет в будущем основным ресурсом для работы некоммерческих организаций с молодежью.

Публикации в СМИ, на сайтах общественных организаций и иных сатах достаточно резко отличаются. На сайтах самих НКО рассматриваются и освещаются вопросы межсекторного партнерства на равных, осуществляется анализ проблем молодежи и то, как эти проблемы решает то или иное НКО. На сайтах органов власти и иных изданий работа НКО занимает значительно менее значимое место, чем работа органов власти или бизнеса, что указывает на перекося информационной осведомленности и социальной активности всех участников взаимодействия.

Таким образом, гражданские инициативы в работе с молодежью среди некоммерческих организаций подвергаются как внутренним, так и внешним трансформациям. Результатом этого станет новый характер, форма и условия работы НКО с молодежью. И следствием этого, сама молодежь будет иначе само идентифицировать себя, воспринимать, оценивать и развиваться. В результате изменится не только сама молодежь, но и все общество. Поэтому, важно проводить мониторинг и отслеживать социальные трансформации молодежи и некоммерческих организаций, работающих с молодежью, так как именно они стоят на тонкой грани взаимодействия с этой группой и от качества этой коммуникации будет зависеть то, насколько адекватно и точно мы будем понимать молодежь.

Литература

1. Аносов С.С. Формы развития гражданских инициатив (на примере Иркутской области) // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен. материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 22–29.
2. Аносов С.С. Оценка развития гражданского общества в культуре политического консенсуса // Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности. сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 237–242.
3. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
4. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
5. Полюшкевич О.А. Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором // Социология. 2019. № 5. С. 179–188.
6. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в межсекторном взаи-

модействии (на примере женских социозащитных организаций) // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов. Материалы Всероссийской конференции. под науч. ред. А.П. Суходолова, И.С. Карпиковой. Иркутск, БГУ, 2019. С. 114–119.

7. Полюшкевич О.А. Социальная адаптация женских НКО в условиях изменения государственного управления некоммерческих организаций // Трансформация социального мира в современную эпоху. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2019. С. 128–134.
8. Полюшкевич О.А. Условия взаимодействия: межсекторное партнёрство женских НКО // Женское движение в России в XXI веке: уроки и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иваново, ИГУ, 2021. С. 64–73.
9. Попова М.В. Гражданское общество: основные подходы // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 126–129.
10. Пружинин А.Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 137–141.
11. Трескин П.А. Влияние некоммерческих организаций иркутской области на социальное самочувствие населения // DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 125–128.

12. Трескин П.А. Некоммерческие организации в сетевом взаимодействии // В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 115–122.
13. Трескин П.А. Системное воздействие некоммерческих организаций на социальные настроения в Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 163–166.
14. Трескин П.А. Социально-психологические условия формирования мотивации сотрудников общественных организаций // Философия здоровья: интегральный подход. Межев. сборник научных трудов. Иркутск, ИГМУ, 2021. С. 74–78.
15. Трескин П.А. Территориальное развитие: взаимодействие органов власти с некоммерческими организациями // Молодые ученые – экономике региона. Сборник материалов XVIII международной научно-практической конференции. 2019. С. 177–181.
16. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.
17. Третий сектор: динамика развития, экономический потенциал, общественное восприятие [электронный ресурс] URL: <https://report2017.oprf.ru/2.html> (дата доступа 07.01.22)

CIVIC ACTIVITY OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS WORKING WITH YOUTH IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University

The article presents the results of a qualitative study aimed at analyzing the implementation of civic initiatives by non-profit organizations working with young people in the Siberian Federal District. The research methods were expert interviews with heads of NGOs working with youth, as well as content analysis and symbolic analysis of the websites of non-profit organizations, publications in the media and social networks of the NGOs under consideration. As a result of the study, it was revealed that today there are no longer working schemes of the old social intersectoral interaction, which were relevant before the pandemic and virtualization; the work of the non-profit sector is influenced by the inertia of the authorities and the unwillingness to change the format and form of interaction, just as the authorities in the non-space sector see more a reason to form their image, and not a real solution to the problems of youth, the result of this is segmented work with certain groups of young people, with ignoring other social communities of young people (not so profitable or prosperous), as well as fixing the transformation of the conditions and characteristics of the work of non-profit organizations with young people from the real to the virtual sphere.

Keywords: civic engagement, non-profit organizations, youth, social interaction, intersectoral interaction, virtualization of services, digitalization of communication, Siberian Federal District.

References

1. Anosov S.S. Forms of development of civil initiatives (on the example of the Irkutsk region) // Culture and explosion: social meanings in an era of change. materials of the IX All-Russian Scientific Internet Conference. Irkutsk, IGU, 2017. S. 22–29.
2. Anosov S.S. Assessment of the development of civil society in the culture of political consensus // Political consensus in the XXI century: countering the ideology of terrorism and ensuring security. collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2017. S. 237–242.
3. Ivanov R.V. Mobilization solidarity during a pandemic // Sociology. 2021. No. 4. S. 92–105.
4. Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk // Sociology. 2020. No. 5. P. 145–151.
5. Polyushkevich O.A. Women's NGOs in the context of reforms in public administration of the non-profit sector // Sociology. 2019. No. 5. S. 179–188.

6. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in intersectoral interaction (on the example of women's social protection organizations) // New trends in the activities of social protection institutions. Materials of the All-Russian Conference. under scientific ed. A.P. Sukhodolova, I.S. Karpikova. Irkutsk, BGU, 2019. S. 114–119.
7. Polyushkevich O.A. Social adaptation of women's NGOs in the context of changing public administration of non-profit organizations // Transformation of the social world in the modern era. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2019. S. 128–134.
8. Polyushkevich O.A. Terms of interaction: intersectoral partnership of women's NGOs // Women's movement in Russia in the XXI century: lessons and prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Ivanovo, IGU, 2021, pp. 64–73.
9. Popova M.V. Civil Society: Basic Approaches // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. 2017. S. 126–129.
10. Pruzhinin A.N. Management of civil society institutions through the prism of human capital // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 137–141.
11. Treskin P.A. The influence of non-profit organizations of the Irkutsk region on the social well-being of the population // DIXI – 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 125–128.
12. Treskin P.A. Non-profit organizations in network interaction // In Search of Social Truth. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 115–122.
13. Treskin P.A. Systemic impact of non-profit organizations on social moods in the Irkutsk region // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. collection of scientific papers. FGBOU VO "ISU"; under total ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 163–166.
14. Treskin P.A. Socio-psychological conditions for the formation of motivation of employees of public organizations // Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, IGMU, 2021. S. 74–78.
15. Treskin P.A. Territorial development: interaction of authorities with non-profit organizations // Young scientists – the economy of the region. Collection of materials of the XVIII international scientific-practical conference. 2019. S. 177–181.
16. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // Sociology. 2020. No. 1. S. 352–357.
17. Third sector: development dynamics, economic potential, public perception [electronic resource] URL: <https://report2017.oprf.ru/2.html> (accessed 01/07/22)

Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
E-mail: ardashhev.rg@bk.ru

В статье рассматриваются процессы развития сознания горожан в условиях пандемии. Анализируются объективные факты и субъективные переживания процессов трансформации сознания. На материалах количественного и качественного исследований, проведенных в 2019 и 2021 годах, рассматриваются условия социальной динамики населения, трансформации мировоззренческих смыслов и реальных социальных практик повседневного взаимодействия.

Ключевые слова: сознание горожан, пандемия, пандемическое общество, представления, убеждения, город, городское пространство.

Пандемия стала точкой отсчета новой реальности, новых форм и смыслов социального взаимодействия и общественного воспроизводства. Сознание горожан формируется под влиянием социальной среды, условий взаимодействия и существующих стратегий адаптации и встраивания в существующие реалии. Городская среда обладает внутренней динамикой и структурой, она несет в себе образцы нового образа и стиля жизни.

Поэтому, сознание людей, проживающих в городской среде существенно более разнообразное и многовариантное, нежели чем у жителей сел. Городская среда объединяет множество обществ, которые при всем своем разнообразии формируют симфонию единства городской среды.

Развитие сознания горожан длительный процесс. Сознание горожан формируется под влиянием тех условий, в которые мы помещены, когда реализуем свои задачи. Условия определяются социально-политическими, культурно-экономическими, религиозно-идеологическими и другими факторами, определяющими рамки и условия для социализации и развития индивидов в социальной среде.

В нем смешиваются исторические и социокультурные реалии, экономические и политические процессы, социально-демографический и социально-экономический уровень горожан рождает определенную социальную группу, которая совместно начинает реагировать на внешние угрозы. Одной из таких угроз выступает пандемия. Благодаря пандемии изменился повседневный уклад, быт, формы и смыслы коммуникации и социального взаимодействия многих социальных групп.

Общественное сознание горожан формируется под влиянием качественных пиковых трансформаций, а также под влиянием рутинного повседневного

уклада жизни. Пандемия стала тем событием, что поменяла условия и форму социального развития (вывела на новый уровень форму и формат работы – в виде удаленной занятости и удаленного обучения, выявила новые приоритеты в профессиях будущего, расширила виртуальные возможности досуга, показала новые формы коммуникации и т.д.). Эти перемены стали знаковыми для целого мира. При этом, на повседневном уровне также произошли перемены – люди больше взаимодействуют через гаджеты, чем лично, настроены на удаленное взаимодействие, а не личный контакт. Все больше совершают покупок в интернет-магазинах, а не лично ходят туда, все больше заказывают доставку еды на дом, а не сами готовят. Из всех этих мелочей формируется новое сознание жителей современного мегаполиса.

В работах А.В. Деменчук [4] и Р.В. Иванова [6–8], В.А. Скуденкова [12–14] показаны сферы трансформации психогеографии пространства на общественное сознание, а также на личностную трансформацию отдельных граждан. Сознание горожан формируется под влиянием психогеографии города. В работах О.А. Полюшкевич [9–11] прослеживается влияние пандемии на трансформацию сознания людей, начиная от психологических аспектов, заканчивая экономическими и культурными формами социальной адаптации.

Методика исследования

Мы провели исследование при помощи платформы опросов www.google.com в разных городах России. В исследовании приняли участие 1600 человек в возрасте от 18 до 75 лет, занимающие разное социально-профессиональное положение, живущие в разных городах РФ, 65% женщин и 45% мужчин. Аналогичное исследование нами было проведено в конце 2019 года, где приняло участие 1580 человек в том же возрасте и тех же социально-профессиональных сферах, 63% мужчин и 47% женщин. Также мы провели экспертное интервью 19 человек по тем же вопросам.

И в первом, и во втором случае нами отбирались жители только крупных городов России, проживающие в городе более 5 лет, имеющие постоянную работу и постоянный доход. Эти квоты помогли нам сделать точку фиксации – горожан адаптирующихся к новым условиям жизни в период пандемии (2021 г.) и до нее (2019 г.).

В данной работе отражен только ряд вопросов, касающихся особенности формирования сознания в городской среде и конструирования эфемерных форм и образов в городском ландшафте.

Анализ результатов исследования

Сознание горожан меняется. Если до пандемии, россияне более готовы были экспериментировать и импровизировать, то после их активность снизилась в два раза (57,8% и 62,2% соответственно в 2019 году и 28,4% и 30,1% в 2021 году). Это в большей мере характерно для людей старшего возраста (88,1% у женщин и 78,9% у мужчин). Тогда как среди молодежи иначе: у девушек 43,2%, у юношей 41,4%.

Я понимаю, что пандемия заставила подумать о себе самом в новом ключе, понять, что ты по-настоящему можешь и хочешь, что позволяет тебе быть самим собой, если ты перестал делать привычные вещи, а возможно и перестал зарабатывать привычным способом, отдыхать и учиться как раньше. Конечно, это страшно – входить в новое пространство и начинать что-то принципиально иное, особенно когда тебе на 18 лет, а как мне уже 36, но я надеюсь на лучшее, хотя страшно до жути. (М.А., арт-директор галереи, 36 лет).

Раньше я готов был вписаться в любые авантюры, то сейчас 10 раз подумаю – ситуация в экономике не стабильна из-за переделывания всего из-за пандемии. Но с другой стороны – я готов попробовать себя в инфобизнесе. Раньше такие мысли мне даже не приходили в голову, а теперь вполне логичны и естественны. Правда, включается эффект самозванца и немного тормозит – все-таки боюсь провала. (А.А., бизнес-консультант, 42 года).

Желание не высовываться, оставаться там, где есть сейчас существенно возросло (23,6% и 22,5% соответственно в 2019 году и 44,7% и 48,1% в 2021 году). Среди мужчин данная тенденция встречается в три раза чаще, чем среди женщин. Особенно с возрастом (чем старше, тем выше вероятность) (рис. 1).

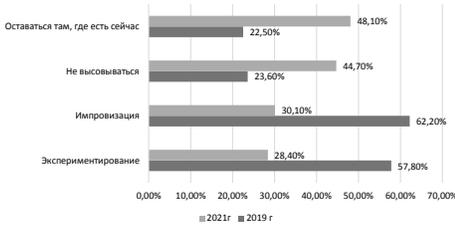

Рис. 1. Готовность к экспериментам, импровизации и ничегонеделания (сравнение 2019 и 2021 гг.)

Пока не понятно как все будет дальше – лучше подождать, определить что и как будет развиваться, чтобы не рисковать на пустом месте. Сегодня, итак, бизнес трещит по швам, а если начинать что-то свое – то легко можно не вписаться в новые тренды, хотя толком никто и не скажет – какие они – новые тренды. (Т.А., психолог, 35 лет).

Импровизация – мой конек и хотелось бы дать себе волю, но неопределенность в условиях пандемии, отсутствие гарантий и понимания – очень ограничивает, не позволяет реализовать свой потенциал и желание двигаться в перед. Идеи есть, но страх перемен тормозит. Даже не сам страх перемен, а страх внешних ограничений и условий, которые накладывает пандемия. (О.О., юрист, 33 года).

Более усилились социальные страхи: заразиться и заболеть через присутствие в публичных местах (17,3% в 2019 и 62,9% в 2021 годах); подвергнуться публичному осмеянию (23,4% в 2019 и 33,1% в 2021 году); стать жертвой преступления (24,9% в 2019 и 36,6% в 2021 году); потерять работу (32,2% в 2019 и 62,3% в 2021 году) (рис. 2).

Сегодня не безопасно куда-то ходить. Можно заразиться. Много непо-

пнятого. ТВ хоть вовсе не слушай. Поэтому и приходится все чаще бывать дома, в замкнутом пространстве. Внешний мир стал слишком опасен. И только в наших силах себя обезопасить. (Л.В., статист, 54 года).

Рис. 2. Социальные страхи

Где бы мы ни были – везде есть угроза заболеть коронавирусом. Это страх современного мира. И есть опасность умереть, что столько негативной информации по ТВ и Интернет, что невольно лишний раз не идешь на улицу – здоровее будешь. (О.С., пенсионер, 70 лет).

Эти данные говорят о повышении социального напряжения. Пандемия идет на спад, разработаны вакцины. Но на уровне общественного сознания процессы еще не завершились и последствия пандемии еще долго будут влиять на сознание горожан, создавая рамки ограничений, тревоги и безысходности.

Также стоит отметить, увеличение иррациональности в поведении и мышлении горожан. Люди чаще стали опираться на суеверия (22,1% в 2019 и 45,6% в 2021 году), астрологические прогнозы (24,5% в 2019 и 56,7% в 2021 году), гадания (23,3% в 2019 и 49,8% в 2021 году). Иными словами, в общественном сознании происходит пересмотр базовых установок – население уходит от рациональных, объективных суждений в сторону иррациональности, так как последняя дает больше туманности и надежды, а рациональность ставит жесткие рамки и полную безысходность, неверие в то, что можно что-либо изменить (рис. 3).

Рис. 3. Иррациональность сознания

Астрологические прогнозы сулят нам выход из пандемии, улучшение ситуации – после того, как закончится негативное влияние Сатурна и Плутона. Я очень жду этого момента и после 2023 года строю планы на свою жизнь, а до этого – чем спокойнее буду – тем легче и лучше все пройдет для меня и моих близких. (О.Ю., бухгалтер, 37 лет).

Стараюсь не думать о том, что несет пандемия, все эти ужасы. Надеюсь на свою звезд удачи – чаще стала слушать гороскопы, и они сбываются! И стали работать приметы – так что – в моей жизни точно появились не только страхи, но и надежда на высшие силы, которые нам помогут выжить эти перемены. (И.М., домработница, 42 года).

В современном городе смешиваются социальные страхи, вызванные пандемией, иррациональные установки индивидов и целых социальных групп, что в целом формирует особый тип сознания. Он укрепляет иррациональные основы социального воспроизводства, строится на интуитивном, а не рациональном, субъективном, а не объективном опыте и именно он определит будущее развитие нашей страны. Об этих явлениях уже говорилось в более ранних работах автора [1–4].

Важным моментом социального развития в период пандемии выступает готовность к переменам или желание оставить все как есть, некоторая ригидность и страх перемен.

Если в 2019 году готовы к переменам были 57,5%, то в 2021 году таких 38,8%, не желание перемен в 2019 году свойственно 42,5%, в 2021 году 61,2%. Причем среди мужчин в два раза боль-

ше тех, кто хотел бы перемен как в 2019, так и в 2021 году, а среди женщин только в 2021 году больше тех, кто предпочел бы ничего не менять, в 2019 году их было в два раза меньше (рис. 4).

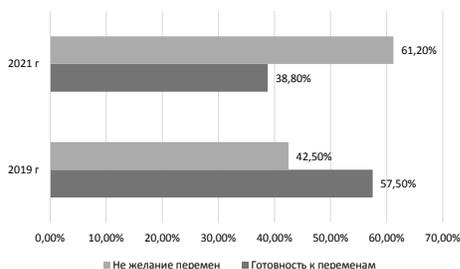

Рис. 4. Готовность к переменам или желание ничего не менять

Да перемены сейчас неясно к чему приведут, лучше уж бы все было стабильно и понятно. Главное – предсказуемо. А сегодня не ясно – заболеешь ты или нет и какие последствия есть. Вон сколько умирают. А жить то хочется. (О.Ю., пенсионерка, 58 лет).

Важно встроиться в новую реальность, быть открытым переменам и двигаться на пути реализации новых условий и возможностей, жить полной грудью и активно осваивать все то новое, что ворвалось в нашу жизнь и позволило ей быть такой переменичивой и многоликой. (О.А., студент, 22 года).

При анализе особенностей развития общественного сознания в пандемическом обществе нами выявляется несколько групп факторов, определяющих формы и векторы развития сознания, при описании 92,2% общей дисперсии (табл. 1).

Мифологический фактор – концентрирует на себе символическое соединение идеализации прошлого или мифического прошлого с переносом отдельных элементов в настоящее. Этот фактор начинает работать тогда, когда целе-рациональное поведение не объясняет всей системы мотивов, поведения, не дает объяснения происходящему, тогда люди начинают искать тот смысл, которого нет.

Я ношу обереги и молитвенник всегда, как пандемия началась. Не верб

ни в какие лекарства и прививку не буду ставить до последнего – от лукавого все. Надеяться можно только на силу

святых и свою веру. (О.Р. пенсионерка, 59 лет).

Таблица 1. Факторный анализ иррациональности общественного сознания в пандемическом обществе

Фактор	Переменные	Кoeffициент
Мифологический Вес фактора – 22,1. Объяснительная дисперсия – 31,3%	Сохранение традиций строится на следовании законов предков	0,821
	Символы защиты либо оберегают тебя от болезней, либо к ним приводят (если не свои используешь)	0,809
	Сила испытаний наложена на все человечество – как пройдем этот период, то и определит наше будущее	0,766
Психологический Вес фактора – 16,4. Объяснительная дисперсия – 24,5%	Страшно пробовать что-то новое, идти вперед	0,793
	Ситуация вокруг скорее пугает и настораживает, не дает вздохнуть полной грудью и расслабиться	0,723
	Сегодня страшно жить, из-за болезней и смертей	0,688
Социально-образовательный Вес фактора – 14,3. Объяснительная дисперсия – 21,2%	Послушаешь всех по ТВ и жить не хочется	0,687
	Умные люди такие страсти говорят, что больше и слушать их не захочешь	0,633
	Понимать то что происходит вокруг – одной головы не хватит	0,612
Идеолого-мировоззренческий Вес фактора – 13,9. Объяснительная дисперсия – 15,2%	Власть создала условия оберега, но не для всех он работает	0,593
	Идеология защиты срывает	0,567
	Сложно показывать силу, так чтобы ее уважали.	0,531

Пандемия пришла в мир из-за греховности людей – как испытание-очищение. Многие уйдут сразу, другие переболеют, но меньше проживут и мир отчистится от всего, что мешало жить в радости и гармонии. (Л.Ю., домохозяйка, 34 года).

Психологические фактор акцентирует внимание на тревожных социально-психологических характеристиках, определяющих развития общества и каждого человека в отдельности. Также указывает на уровень тревожности и социального напряжения, существующий в обществе.

Да сегодня сложно думать о том, что будет потом – вдруг не доживешь, так что нет смысла тратить свое время на пустые раздумья. Есть только настоящее, что нами управляет и что нас определяет. (Р.В., аналитик, 30 лет).

Что ни день, то какая-то напасть происходит. Нет надежды на будущее. Я даже не хочу думать о том, что ждет моих детей. Фильмы-апокалипсисы во-

площаются с наглядной простотой и быстротой. Заброшенные помещения, пустынные улицы, люди в масках – тотальное одиночество и разобщенность. (С.И., менеджер, 43 года).

Социально-образовательный фактор показывает наглядно как недостаток знаний и понимания создает ошибочные мнения и стратегия не замечания проблем, вместо того чтобы проблемы решались. Он как прожектор высвечивает недостаток образовательной культуры наших сограждан, а пандемия выступает той средой, что спровоцировала этот фокус внимания.

Послушаешь то, что говорят по телевизору так и жить не захочешь. Много страхов, проблем, бедствий. оглянись – и видишь всю эту разруху. И какая тут надежда? А нет ее! Никакой! (А.Н., экономист, 49 лет).

Общество еле выживает, по телевизору только страхи транслируют. Не знаю кому и в кого верить. Есть ли у нас вообще надежда на что-то или

на кого-то. Может чудо произойдет и все будет хорошо. Но я в это не верю. (Л.А., юрист, 53 года).

Идеолого-мировоззренческий фактор показывает на зависимость от власти, от того какие ОНА принимает решения и как ОСТАЛЬНЫЕ им подчиняются.

Власть защищает свои интересы, потому что иначе она не сможет требовать от своих граждан подчинения и платы налогов. Это вопрос выживания и закрепления на Олимпе власти. (С.Ю., политолог, 41 год).

Мы строим общество для того, чтобы представители власти нами управляли и направляли нас туда, где им кажется, что нам будет хорошо. Мы давно не принимаем решения, пандемия показала это наглядно. Мы все винтики в большом механизме разрушения мира. (Г.Г., музыкант, 36 лет).

Факторный анализ показал доминирование различных факторов четко прописывающих поведение людей в определенных границах и рамках. Взаимодействие на каждом уровне под влиянием выделенных нами факторов определяет контекст и стратегию социальной адаптации в период пандемии. Сила социального взаимодействия строится во взаимном обмене установками на коммуникацию и социальное партнёрство, что влечет уровень доверия и расширения возможностей просоциальных практик.

Таким образом, городская среда стала пространством увеличения иррациональности сознания горожан. Все большее количество уходит от рационального мировоззрения в сторону иррациональных форм, которые сопровождаются нарастающими страхами, тревожностью и депрессией. Пандемия 2020–2021 годах существенно трансформировала мышление современников, поставив их перед непростым выбором социальной эволюции: развития мистического иррационального сознания или же формирования рационального, научного мировоззрения. Выбор нужно делать нашим современникам уже сегодня, так как наше завтра уже предопределено.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 6. С. 41–45.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // *Гуманитарный вектор*. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность сознания: суеверия в жизни студентов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 38–41.
4. Ардашев Р.Г. Роль пралогического мышления в современных представлениях о нетрадиционных методах лечения // *Социология*. 2020. № 1. С. 273–279.
5. Деменчук А.В., Иванов Р.В. Психогеография современного города в работах Ги Дебора // *Вестник Иркутского университета*. 2019. № 22. С. 80–81.
6. Иванов Р.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // *Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет*. 2020. С. 311–313.
7. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // *Социология*. 2021. № 4. С. 92–105.
8. Иванов Р.В. Стратегии социально-психологической адаптации в условиях пандемии // *Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 70–73.*
9. Полошкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2021. С. 20–23.*

10. Полюшкевич О.А. Социальная напряженность до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 119–120.
11. Полюшкевич О.А. Социально-психологические последствия пандемии // Социальная динамика населения и устойчивое развитие. Сборник тезисов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией А.И. Антонова. Москва, 2020. С. 169–171.
12. Скуденков В.А. Психогеография в фокусе социальных притязаний горожан // DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 117–124.
13. Скуденков В.А. Психогеография города: от архитектуры к социально-психологическому самочувствию // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2019. С. 69–79.
14. Скуденков В.А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 119–122.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE CONSCIOUSNESS OF TOWNSPEOPLE IN A PANDEMIC SOCIETY

Ardashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the processes of development of the consciousness of townspeople in a pandemic. The objective facts and subjective experiences of the processes of transformation of consciousness are analyzed. Based on the materials of quantitative and qualitative research conducted in 2019 and 2021, the conditions of social dynamics of the population, the transformation of worldview meanings and real social practices of everyday interaction are considered.

Keywords: consciousness of citizens, pandemic, pandemic society, perceptions, beliefs, city, urban space.

References

1. Ardashev R.G. Irrational thinking: the role of astroprognosis in the life of modern students // Alma mater (Vestnik vyshei shkoly). 2020. № 6. pp. 41–45.
2. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. No. 15. No. 2. С. 76–84.
3. Ardashev R.G. Irrationality of Consciousness: Superstitions in the Life of Students // Alma mater (Bulletin of Higher School). 2020. № 4. pp. 38–41.
4. Ardashev R.G. The role of pralogical thinking in modern ideas about non-traditional methods of treatment // Sociology. 2020. № 1. pp. 273–279
5. Demenchuk A.V., Ivanov R.V. Psychogeography of the modern city in the works of Guy Debord // Bulletin of the Irkutsk University. 2019. No. 22. S. 80–81.
6. Ivanov R.V. Impact of the COVID-19 pandemic on social tension // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the 21st century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020, pp. 311–313.
7. Ivanov R.V. Mobilization solidarity during a pandemic // Sociology. 2021. No. 4. S. 92–105.
8. Ivanov R.V. Strategies for socio-psychological adaptation in a pandemic // Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. S. 70–73.
9. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in a post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI International Scientific and Practical Inter-

- net Conference. In 2 parts. Vologda, 2021. S. 20–23.
10. Polyushkevich O.A. Social tension before and after the pandemic // Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. S. 119–120.
 11. Polyushkevich O.A. Socio-psychological consequences of the pandemic // Social dynamics of the population and sustainable development. Collection of abstracts of the III All-Russian scientific-practical conference with international participation. Under the general editorship of A.I. Antonova. Moscow, 2020, pp. 169–171.
 12. Skudencov V.A. Psychogeography in the focus of social claims of citizens // DIXI – 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. Collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 117–124.
 13. Skudencov V.A. Psychogeography of the city: from architecture to socio-psychological well-being // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2019. S. 69–79.
 14. Skudencov V.A. Psychogeography of urban space // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. collection of scientific papers. FGBOU VO “ISU”; under total ed. V.A. Reshetnikova, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2019. S. 119–122.

Отношение к традиционным и другим религиям в республиках Северного Кавказа

Дзуцев Хасан Владимирович,

доктор социологических наук, профессор

Березина (Корниенко) Наталья Владимировна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник
Центра исследований приграничных регионов Юга
России ИСПИ ФНИСЦ РАН
E-mail: A-editor@yandex.ru

Данная статья написана с целью исследования религиозности в Российской Федерации с учётом значительного религиозного разнообразия, сформировавшегося в ходе исторического развития российского общества. Исследование проводится на материалах массового социологического опроса, проведённого в республиках Северо-Кавказского Федерального Округа Российской Федерации в 2016 году.

В результате проведённого анализа была обнаружена общая для всех республик тенденция: жители всех республик Северного Кавказа лучше всего относятся к последователям ислама и православного христианства. Также достаточно высокие оценки получили последователи иудаизма, католичества и буддизма; последователи других религий, независимо от истории их распространения в регионе и близости к исповедуемой респондентами религии, вызвали у респондентов преимущественно негатив.

В настоящей статье предпринята попытка анализа сложившейся ситуации с учётом истории распространения и диалога религий в России на протяжении последних полутора столетий. В заключении сделаны выводы и предложены способы преодоления негативного настроя в отношении близких по духу религий.

Ключевые слова: Северный Кавказ; религиозность, ислам, православие, христианство, общественное мнение.

Отношение к религиозности в целом и к приверженности к конкретным религиям меняется, в России – в том числе. В досоветский период религиозность воспринималась скорее как норма; советский период вывел религию на периферию общественной жизни, социальной нормой стал атеизм; первые годы постсоветской России были отмечены небывалым ростом интереса к эзотерическим и религиозным учениям как традиционным, так и совершенно нового типа вплоть до радикальных и тоталитарных сект.

Большая часть новых религиозных движений, появившихся в России в 90-х гг. XX в., сегодня ушла в прошлое; борьба «всех со всеми» сменилась попыткой выработки общего диалога традиционных российских религий и обособленности остальных. Отношение в обществе к религиозности в целом меняется параллельно с формированием особого отношения к традиционным российским религиям: уже в 2008 г. россияне лучше всего относились к православным христианам (наименее распространено такое мнение среди жителей Чеченской Республики, Республики Дагестан и Кабардино-Балкарской Республики [26]), также исследователи отмечали явную недоброжелательность к последователям мало-распространённых религий, особенно зародившихся на Западе [25]. Наши исследования ситуации в республиках Северного Кавказа соответствуют общероссийским: хотя уровень терпимости к представителям других религий достаточно высокий, публичные проявления религиозности со стороны православных христиан или мусульман одобряются в среднем на 20 п.п. чаще, чем со стороны иудеев, и на 40 п.п. чаще, чем со стороны последователей новых западных религий [3; 4; 5; 6].

Несмотря на высокую актуальность изучения возросшей российской рели-

гиозности во всём её многообразии, в современном социологическом поле почти не представлены исследования общественного мнения о большом количестве представленных в России религий и конфессий. Одной из причин такого исследовательского пробела является отмеченный ещё в западных социологических исследованиях прошлого века христианоцентризм – повышенное внимание к христианству (в отечественной социологии акцент падает именно на православное христианство, сравнительный анализ обычно включает в исследовательское поле три другие традиционные российские религии – ислам, буддизм и иудаизм). Также нельзя не учитывать проблемы с выделением определённого числа менее распространённых религий и религиозных течений, которые были бы знакомы большому числу респондентов.

Таким образом, перед учеными, исследующими религиозность как социальный феномен, встает проблема корректного определения предмета исследования – религиозных групп и течений, достаточно распространённых в исследуемом регионе.

Исследования Северного Кавказа достаточно интересны для социологов и религиоведов в связи с исторически сложившимся культурным и религиозным разнообразием в регионе и в его отдельных республиках: согласно нашим исследованиям, в республиках Северного Кавказа проживают 70,8% мусульман, 23,7% православных, 0,1% католиков, 0,1% протестантов, 0,1% иудеев, 4,3% не позиционирующих себя как приверженцев ни одной из вышеперечисленных религий.

Сбор эмпирического материала, в соответствии с обозначенными выше особенностями исследования религиозности в поликультурных обществах, был поделён на два этапа: сперва 500 респондентов назвали религии и религиозные движения, которые функционировали на территории их республик с начала 90-х гг. XX в.; затем мы выделили 15 наиболее частых ответов и провели полномасштабный опрос обществен-

ного мнения о последователях предложенных религий и конфессий.

Объём выборки составил 1200 человек (по 200 респондентов из каждой республики); исследование проводилось в 2016 г. Северо-Осетинским отделом Института социальных и политических исследований Российской академии наук в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Для целей настоящего исследования были отдельно сгруппированы ответы представителей титульных национальностей республик; русские и другие русскоязычные жители региона нетитульных наций были объединены в отдельную категорию. Руководство исследованием осуществлял Х.В. Дзудцев.

Результаты исследования продемонстрируют разницу в отношении к различным религиозным группам со стороны представителей традиционных кавказских этносов. Исторический и культурологический анализ используется для выделения этнического, религиозного и других факторов, оказывающих влияние на сформировавшееся отношение.

Результаты

Среди в первой части исследования были названы как традиционные российские религии, так как новые западные движения и даже запрещённые в России организации.

Ислам является самой распространённой на территории 5 из 6 северокавказских республик. С подачи Президента России в обществе укрепилась идея о большей близости православия к исламу, а не к католицизму¹. Как показывают наши исследования, к исламу положительно относятся не только жители мусульманских республик, но и православные жители СКФО РФ (осетины, русские и русскоязычные).

Как Вы относитесь к следующим религиозным группам в России? (табл. 1–5).

¹ Прямая линия «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» в 2010 году. 16.12.2010

Таблица 1. К мусульманам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	51,0	83,0	82,6	73,7	95,7	37,8	87,4
Довольно положительно	39,2	14,1	13,6	17,3	3,7	38,6	9,1
Довольно отрицательно	7,6	0,7	3,8	3,4	0,6	15,7	1,0
Крайне отрицательно	1,1	1,5	0,0	2,8	0,0	3,1	0,5
Не знаю	1,1	0,7	0,0	2,8	0,0	4,7	2,0

Православие – первая по распространённости в России и вторая в республиках Северного Кавказа религия, которая, помимо духовного влияния на население, играет ключевую роль в формировании национальной идеи России в последние десятилетия:

«Русская православная церковь во все времена выступала фактором государственного единства, играла огромную роль в сохранении национальной идентичности, выступала культурным стержнем, идейным столпом сопротивления агрессорам» [19, с. 17].

Таблица 2. К православным (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	73,0	63,7	49,2	44,1	48,8	61,4	39,9
Довольно положительно	23,2	28,9	39,4	38,0	45,1	32,3	29,8
Довольно отрицательно	2,3	4,4	10,6	6,7	4,9	0,8	15,7
Крайне отрицательно	1,1	1,5	0,8	5,0	1,2	3,1	6,1
Не знаю	0,4	1,5	0,0	6,1	0,0	2,4	8,6

История иудаизма на Северном Кавказе, по мнению большинства учёных, берёт начало в V в.н.э. Как и ислам для

мусульман, иудаизм оставался на протяжении веков для иудеев базовым элементом этнической самоидентификации [2].

Таблица 3. К иудеям (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	30,9	37,0	25,8	29,6	28,7	23,6	24,7
Довольно положительно	37,0	28,1	35,6	26,3	32,9	40,9	17,2
Довольно отрицательно	23,7	21,5	28,0	14,5	23,2	18,9	30,3
Крайне отрицательно	6,1	11,1	10,6	10,1	13,4	9,4	15,7
Не знаю	2,3	2,2	0,0	19,6	1,8	7,1	12,1

Хотя буддизм – нераспространённая в регионе религия, она была четвёртой по частоте упоминания: «Сплоченность и активность этнических буддийских

общин делают их достаточно заметными субъектами социокультурного пространства» [20].

Таблица 4. К буддистам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	27,4	37,0	24,2	15,1	19,5	21,3	26,3
Довольно положительно	41,4	23,7	28,8	24,6	40,2	47,2	14,6
Довольно отрицательно	19,0	23,0	30,3	16,8	26,8	15,7	32,3
Крайне отрицательно	5,3	11,9	16,7	17,9	12,8	6,3	13,1
Не знаю	6,8	4,4	0,0	25,7	0,6	9,4	13,6

Пятой по частоте упоминания религией было католичество. Отношение к католикам в России неоднозначное: с одной стороны, католичество воспри-

нимается как родственная православия ветвь христианства, с другой – как некая угроза православия [18].

Таблица 5. К католикам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	26,6	34,8	16,7	16,2	18,9	21,3	24,7
Довольно положительно	38,4	27,4	30,3	19,6	40,9	45,7	15,2
Довольно отрицательно	24,3	25,2	40,9	21,8	25,0	14,2	34,3
Крайне отрицательно	6,1	9,6	12,1	16,8	14,6	10,2	12,6
Не знаю	4,6	3,0	0,0	25,7	0,6	8,7	13,1

Далее перечислены религиозные организации, упоминавшиеся реже:

- последователи РПЦЗ – Русской православной церкви за границей (другое название – Русская зарубежная церковь. Самостоятельная история РПЦЗ началась порядка 100 лет на-

зад в среде западных эмигрантов; кано­нически неотделимая от российско­го православия, в 2007 году она полу­чила статус самоуправляемой части самой многочисленной православной организации России – Русской Православной Церкви [22]) (табл. 6);

Таблица 6. К последователям Русской православной церкви за границей (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	14,1	18,5	4,5	7,8	12,8	7,1	16,7

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Довольно положительно	22,5	14,1	28,8	17,9	15,9	19,8	11,6
Довольно отрицательно	38,2	32,6	42,4	20,1	47,0	30,2	34,8
Крайне отрицательно	17,6	23,0	24,2	23,5	20,7	25,4	18,7
Не знаю	7,6	11,9	0,0	30,7	3,7	17,5	18,2

– старообрядцы (другое название – староверы, раскольники. Эта группа верующих откололась от основной ветви российского православия в связи с неприятием церковных реформ XVII в. для сохранения внутри группы сложившихся к тому време-

ни русских религиозных традиций [11]. В настоящий момент сохранились группы так называемых «единоверцев»: старообрядцы, молокане, субботники (иудействующие), находящиеся под руководством РПЦ и РПЦЗ [21, с. 131] (табл. 7);

Таблица 7. К старообрядцам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	14,1	20,0	5,3	9,5	23,8	8,7	19,2
Довольно положительно	28,9	15,6	29,5	16,8	37,8	24,4	12,6
Довольно отрицательно	38,8	36,3	39,4	24,6	24,4	33,1	37,4
Крайне отрицательно	11,4	17,8	25,8	22,3	12,2	19,7	15,2
Не знаю	6,8	10,4	0,0	26,8	1,8	14,2	15,7

– баптисты (в постсоветский период на Северном Кавказе существовало большое число камерных баптистских организаций, однако сегодня, по оценкам специалистов, популяр-

ность набирают новые, часто уникальные для России, формы протестантизма, канонический же баптизм стремительно теряет популярность [24, с. 121]) (табл. 8);

Таблица 8. К баптистам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	13,7	20,7	9,8	5,6	17,1	7,1	17,7
Довольно положительно	25,9	19,3	25,0	14,0	36,6	24,4	12,1
Довольно отрицательно	38,0	32,6	37,9	30,7	29,3	37,8	35,9
Крайне отрицательно	17,5	21,5	27,3	20,7	16,5	21,3	17,7
Не знаю	4,9	5,9	0,0	29,1	0,6	9,4	16,7

- пятидесятники (на сегодняшний день это самое многочисленное направление протестантизма – именно пятидесятники занимают третье место

по числу зарегистрированных организаций в мире; сегодня можно скорее говорить о так называемом «новом» пятидесятничестве [13]) (табл. 9);

Таблица 9. К пятидесятникам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	9,5	15,6	3,8	3,9	5,5	3,9	12,1
Довольно положительно	16,7	13,3	23,5	11,7	12,8	17,3	8,1
Довольно отрицательно	43,0	30,4	41,7	23,5	50,6	34,6	39,4
Крайне отрицательно	22,1	25,9	30,3	29,6	26,2	28,3	21,2
Не знаю	8,7	14,8	0,8	31,3	4,9	15,7	19,2

- методисты (ещё одна протестантская конфессия, активно взаимодействовавшая в 90-х гг. XX в. с Русской православной церковью благодаря «мягкости и интеллигентности», в том числе в вопросах традиционной православной атрибутики

и богослужений, которые они методисты активно перенимали; в наши дни Методистская церковь не взаимодействует с российским православием, тем не менее по-прежнему существует в российском социуме [15, с. 1]) (табл. 10);

Таблица 10. К методистам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	8,8	16,4	4,5	3,4	4,9	3,9	11,6
Довольно положительно	11,8	10,4	22,7	10,6	13,4	10,2	7,6
Довольно отрицательно	39,7	31,3	39,4	18,4	44,5	27,6	40,4
Крайне отрицательно	29,4	26,9	33,3	37,4	31,1	31,5	21,7
Не знаю	10,3	14,9	0,0	30,2	6,1	26,8	18,7

- лютеране (Лютеранская церковь функционировала только в досоветской Руси и постсоветской России. Как и некоторые из приведённых выше религий, лютеранство имеет определённое этническое наполнение – данная религия яв-

лялась элементом национальной идентификации у этнических немцев России. По мнению экспертов, большая часть россиян по отношению к лютеранам испытывает «равнодушное игнорирование» [10] (табл. 11);

Таблица 11. К лютеранам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	9,1	17,0	4,5	3,9	4,9	3,9	13,1
Довольно положительно	15,6	11,1	22,0	12,3	14,6	15,7	10,1
Довольно отрицательно	38,4	28,1	42,4	19,0	47,0	27,6	36,9
Крайне отрицательно	27,4	28,1	30,3	31,8	28,0	28,3	21,2
Не знаю	9,5	15,6	0,8	33,0	5,5	24,4	18,7

- адвентисты (или Адвентисты седьмого дня, начинают свою историю в России во второй половине XIX в. По оценкам экспертов, сегодня в России живут примерно 37 тыс.

адвентистов [9]; обычно они активно выражают заинтересованность в установлении мирных межконфессиональных отношений [1] (табл. 12);

Таблица 12. К адвентистам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	8,4	17,0	5,3	3,4	4,9	3,1	12,1
Довольно положительно	13,0	11,1	19,7	10,6	14,6	11,0	7,6
Довольно отрицательно	39,7	28,1	40,2	22,9	44,5	27,6	40,4
Крайне отрицательно	29,8	28,1	34,1	29,6	29,3	32,3	21,2
Не знаю	9,2	15,6	0,8	33,5	6,7	26,0	18,7

- Свидетели Иегова (до 1931 г. – «Исследователи Библии», официально зарегистрированы в России и начале 90-х гг. «В отношении секты «Свидетели Иеговы», ее деятельности и распространении ими соответствующей религиозной литературы неоднократно выносились решения судов о ликвидации секты, запрете ее деятельности и признании распространяемой ими литературы экстремистской в различных регионах Российской Федерации» [23, с. 302]. В мае 2018 г. ЕСПЧ «поставил перед Россией вопросы о возможном нарушении статей Европейской конвенции по правам человека о свободе религии (статья 9), свободе собраний (статья 11), запрете дискриминации (статья 14), праве на справедливое су-

дебное разбирательство (статья 6) и защите собственности (статья 1 протокола 1)»², в сентябре 2021 – принял к рассмотрению их жалобу на решение российского суда о признании данной организации экстремистской и ликвидации (табл. 13).

- последователи «Церкви Объединения», муниты – особенно запомнились людям, так как данная организация была одной из первых тоталитарных сект, функционировавших в Российской Федерации и других странах бывшего СССР. В настоящий момент на территории России данная организация запрещена [14] (табл. 14);

² Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/>

Таблица 13. К свидетелям Иеговы (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	9,1	16,3	5,3	3,4	4,9	4,7	11,6
Довольно положительно	11,8	8,1	20,5	11,2	13,4	11,8	7,1
Довольно отрицательно	38,0	34,8	40,2	20,7	44,5	33,1	40,9
Крайне отрицательно	34,2	31,1	34,1	34,6	34,1	35,4	21,7
Не знаю	6,8	9,6	0,0	30,2	3,0	15,0	18,7

Таблица 14. К последователям Муна (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	8,7	16,3	5,3	3,4	4,9	3,9	11,6
Довольно положительно	11,0	12,6	18,9	10,6	12,2	13,4	7,1
Довольно отрицательно	36,1	28,9	40,2	19,0	44,5	26,8	40,9
Крайне отрицательно	32,3	27,4	35,6	35,8	34,8	33,9	22,2
Не знаю	11,8	14,8	0,0	31,3	3,7	22,0	18,2

– кришнаиты (очень интересная религиозная группа, соединившая элементы индуизма и единобожия; на протяжении нескольких десятилетий остаётся одной из наиболее распространённых из российских

новых религиозных движений: «Российское общество сознания Кришны является самым крупным вайшнавским обществом в мире после индийского» [8]) (табл. 15).

Таблица 15. К кришнаитам (в %)

	Национальность						
	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы
Положительно	8,7	18,5	4,5	3,9	4,9	7,9	14,1
Довольно положительно	21,3	13,3	22,7	11,7	21,3	25,2	10,1
Довольно отрицательно	33,1	27,4	39,4	18,4	44,5	29,1	37,9
Крайне отрицательно	25,9	26,7	33,3	30,7	25,6	17,3	19,7
Не знаю	11,0	14,1	0,0	35,2	3,7	20,5	18,2

В результате проведённых опросов мы обнаружили большую разницу в оценке представленных религий. В первую очередь важно отметить хо-

рошее взаимное отношение мусульман и православных в республиках (в среднем 92,4% положительно высказались о мусульманах, 88,1% – о православ-

ных). Аналогично высказывались большинство респондентов о последователях иудаизма (59,8%), буддизма (55,9%) и католичества (53,8%).

Обратно пропорциональна была частота отрицательных ответов: только 6,0% респондентов озвучили отрицательное отношение к последователям ислама; 9,2% – к православным христианам; 33,8% – к последователям иудаизма; 35,4% – к последователям буддизма; 35,4% – к католикам.

Отвечая на вопросы об остальных религиях, абсолютное большинство респондентов выбирали один из двух вариантов отрицательной оценки: 51,2% негативно оценили старообрядцев; 55% – баптистов; 57% – последователей Русской православной церкви за границей; 58,4% – кришнаитов; 62,1% – лютеран; 63,8% – пятидесятников; 64% – адвентистов седьмого дня; 64,7% – методистов; 65,5% – мунитов; 68,2% – иеговистов. Вариант «не знаю» в среднем выбирали в 14,5% – мы считаем, чаще всего респонденты выбирали этот вариант в связи с малой распространённостью этих групп в конкретной республике, а не из-за незначительности фактора религиозной принадлежности: так, чаще всего данный ответ выбирали при ответе на вопрос о менее распространённых религиях.

Сравнивая результаты респондентов из разных республик, мы обнаружили большую разницу в ответах респондентов различных национальностей.

Достаточно высокие оценки представителям всех религий дали кабардинцы и балкарцы: 97,1% положительно относятся к мусульманам, 92,6% – к православным, 65,1% – к иудеям, 62,2% – к католикам, 60,7% – к буддистам, 40% – к баптистам. Примечательно, что в данной группе чаще других выражали одобрение таких малораспространённых религиозных групп, как пятидесятники (28,9%), последователи секты Муна (28,9%), лютеране (28,1%), адвентисты (28,1%).

Соотношение положительных и отрицательных ответов по всем религиям, наиболее близкое к среднему по ре-

гиону, было получено у карачаевцев, черкесов и народов Дагестана с одним ключевым отличием – коренные жители КЧР почти не выбирали вариант «не знаю» (0,2% не считаются статистически значимыми), а коренные жители РД отмечали его в 26,08%. Мы полагаем, что в РД меньше всего распространены предложенные нами нетрадиционные религиозные группы, соответственно у населения нет четкой позиции в отношении их приверженцев.

Коренные жители Республики Ингушетия чаще других представителей мусульманских республик выражали положительное отношение к православным и чаще всех опрашиваемых групп – к мусульманам, баптистам и старообрядцам. Здесь же больше, чем в других республиках, было продемонстрировано неодобрение кришнаитов (70,1%), адвентистов (73,8%), лютеран (75%), методистов (75,6%), последователей секты Муна (79,3%), Свидетелей Иеговы (78,6%), пятидесятников (76,8%) и представителей Русской православной церкви за границей (57,7%).

Наибольшее неодобрение самых распространённых религий, кроме ислама, было обнаружено у чеченцев – 21,8% озвучили отрицательное отношение к православным, 46% – к иудеям, 45,4% – к буддистам, 46,9% – к католикам, и только 29,8% одобряют баптистов, что также является самым низким показателем по региону. В этой же группе было обнаружено значительное число сомневающихся – 15,4%, причём сомнения вызывали вопросы об отношении ко всем религиозным группам, кроме ислама. Мы полагаем, это является показателем потенциала толерантности, который может быть раскрыт при участии других (политических, экономических) факторов.

Осетины чаще остальных групп высказывали отрицательное отношение к мусульманам (18,8%), также в этой группе опрашиваемых довольно популярным был вариант «не знаю» – в среднем так отвечали 14,9% респондентов, в большей степени это касается малораспространённых в регионе рели-

гий. Больше половины осетин негативно относятся ко всем малораспространённым религиозным группам (кроме кришнаитов), причём у осетин и дагестанцев ответ «крайне отрицательно» звучит чаще, чем «скорее, отрицательно».

Ответы, полученные от русских и русскоязычных жителей регионов нетитульных наций, большинство из которых, как и осетины, считают себя православными, следующие: самое высокое одобрение по сравнению с другими опрашиваемыми группами получили православные, иудеи, буддисты, представители Русской православной церкви за границей. Мусульман представители данной группы одобряют почти так же, как коренные жители мусульманских республик.

Заключение

Для коренных жителей Северного Кавказа религия играет важную социальную роль – она является одной из ключевых составляющих этнической самоидентификации, способствуя сохранению традиций и ценностей. Множество дополнительных смыслов религиозной идентичности демонстрирует, в частности, тот факт, что мусульмане далеко не всегда положительно относятся к переходу в ислам иноверцев [7], не говоря о выходе из ислама – одном из худших возможных поступков мусульманина. Мы полагаем, что желание сохранить стабильность религиозной структуры своего общества также заставляет респондентов с остороженностью или даже неприязнью относиться ко всем новым религиозным движениям, ведущим активную миссионерскую деятельность.

Результаты нашего исследования показывают, что религиозный фактор играет значительную роль при формировании отношений в социуме. Мы обнаружили четкое разделение отношения к представителям различных религиозных групп: респонденты во всех группах продемонстрировали хорошее отношение к мусульманам (в среднем 92,4%) и православным христианам (в среднем 88,1%). Оценивая получен-

ные результаты, важно учитывать также символическую роль православия в России при оценке его последователей: «57% респондентов в России считают, что православное вероисповедание важно для того, чтобы быть истинным гражданином страны (причём среди ответивших так четверть мусульман и тех, кто не принадлежит ни к какой религии)» [17]. Практически это реализуется в постоянном взаимодействии Русской православной церкви и Духовного управления мусульман России с целью разработки и поддержания единой стратегии сосуществования, активно поддерживаемом государством и организациями, представляющими другие традиционными российскими религии.

Далее идут традиционные для России, но значительно менее распространённые в регионе религиозные группы – иудеи (59,8%), буддисты (55,9%) и католики (53,8%); две последние конфессии получили значительно меньший процент одобрения в ЧР и РД. Примечательно, что число сомневающихся в пяти самых популярных религиях в целом не превышает 10% (3% по православию и исламу).

К представителям малораспространённых религий отношение значительно меняется от региона к региону, в целом оно колеблется от нейтрального (вариант «не знаю» выбирал каждый 4-й житель РД) до резко негативного. В среднем 38% опрошенных во всех группах продемонстрировали положительное отношение к старообрядцам, 35,6% – к последователям баптизма, 30,3% – к последователям Русской православной церкви за границей; 26,9% – к кришнаитам; 22,5% к последователям Лютеранской церкви и пятидесятникам; 20,3% – к адвентистам седьмого дня; к Свидетелям Иеговы, методистам и мунитам – по 20%. Анализируя полученные результаты, можно заметить приоритет религиозных организаций, относящихся у Русской православной церкви, перед остальными. Особый интерес вызывает положение кришнаитов: мы полагаем, что последователи «Сознания Кришны» получат повышен-

ное, скорее благосклонное внимание благодаря своему яркому образу и стилю общения с внешним миром. Мнение о протестантах достаточно близко к мнению о запрещённых организациях, причём данная тенденция перекликается с общероссийской ситуацией: «Сегодня рядовые православные люди ... более толерантно относятся к нетрадиционным религиозным объединениям на основе индийской тематики, чем к протестантам, поголовно называя всех баптистами, и уверяя, что синяя Библия менее достоверна, чем черная. А ведь это братья-христиане. Мы исповедуем одно и тоже учение, одного и того же Бога. Но, к сожалению, в России людей проще объединить единой верой в бесклассовое общество, чем единой верой в Христа» [10, с. 61–62].

Мы полагаем, что негативное отношение к протестантам может быть вызвано некоторой закрытостью, камерностью приходо́в – большинство протестантских обществ на Северном Кавказе представляют собой небольшие группы, которые не строят дорогих церквей, не ведут активную пропаганду в СМИ или публичных местах, при этом оставаясь значимыми фигурами в отечественной религиозной картине: «В постсоветский период протестантские церкви различных направлений – лютеране, баптисты, евангелисты, пятидесятники, адвентисты – стали частью не только религиозной картины России, но и гражданской жизни, общественно-политических дискуссий, социального служения» [16]. На наш взгляд, у протестантов есть весомый потенциал, который может значительно улучшить общественное отношение к ним – на Северном Кавказе они ведут достаточно деликатную миссионерскую деятельность, которая включает прежде всего личное общение о вопросах религии с прихожанами или служителями церкви, что практически отсутствует в православии или католицизме, где священнослужители в значительной мере отстранены от отдельного человека с его проблемами и сомнениями. Отчасти такой эффект наблюдается в от-

ношении кришнаитов, которые также имеют высокие результаты миссионерской деятельности, направленной прежде всего на межличностное общение.

В целом можно заключить, насколько важен вопрос религиозной идентичности для жителей Северного Кавказа. В постсоветский период ислам, а затем и православие оформились в общественном сознании в качестве одной из основ национальной идентичности; параллельно в обществе закономерно ухудшается отношение к другим конфессиям, в том числе «конкурирующим» ветвям христианства. В рамках прописанных в Конституции России принципов свободы совести и вероисповедания важно контролировать данные тенденции и направлять усилия на поиск единой стратегии сосуществования не только для традиционных, но и новых для России религий и движений [12], чтобы способствовать развитию уважительного отношения к религиозности не только в контексте национальной идентичности, но и в качестве важного элемента духовно-нравственного климата на Кавказе и во всей России.

Литература

1. Гончаров О.Ю. Межконфессиональный диалог церкви христиан Адвентистов седьмого дня в России // Миссия конфессий 2017. № 15(19). С 25–35.
2. Гусейнов Р.М. Иудаизм на Кавказе // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. № 3. С. 194–204.
3. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации о религиозных ценностях иудеев // Миссия конфессий. 2017а. № 21. С. 21–30.
4. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации о религиозных ценностях мусульман // Этносоциум и межнациональная культура. 2017б. № 2 (104). С. 80–91.

5. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Общественное мнение населения республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации о ценностях Новых западных религий // В сборнике: Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений материалы II ежегодной научно-практической интернет-конференции. Вологодский научный центр Российской академии наук. 2017в. С. 174–180.
6. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и верототступникам // Социологические исследования. 2018. № 1 (405). С. 83–93.
7. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Отношение населения республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации к ценностям православных христиан // Этносоциум и межнациональная культура. 2017 г. № 1 (103). С. 116–126.
8. Дорофеева Т.В. Основные подходы к исследованию международного Общества Сознания Кришна (МОСК) в России // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 4. С. 110–123.
9. Дубровин А.А. Религиозная группа адвентистов седьмого дня // В сборнике: Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: Материалы III Международной научно-практической Интернет-конференции. 2016. С. 24–26.
10. Ефимов В.С. Проблема толерантности к лютеранам в православном обществе // Лютеране в России: к 500-летию Реформации: Сборник докладов III Международной научной конференции / Гл. редактор Дмитриева Л.М. Омск: ОмГТУ, 2017. 92 с. С. 61–62
11. Иванова Н.В. Староверы о себе (социолингвистический аспект) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 96–104.
12. Корниенко Н.В. Общественное мнение о религиозных привилегиях в республиках Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3–2. С. 111–119.
13. Куропаткина О.В. Религиозная и социокультурная самоидентификация «новых» пятидесятников в России: диссертация ... кандидата культурологии. Москва, 2009. 257 с.
14. Лункин Р.Н. «Мессиянство» Церкви Муна: духовный продукт посткоммунистической эволюции // Russian Review. 2012. № 60. С. 2.
15. Лункин Р.Н. Методизм в России в 2010-е годы: пути выживания либерального протестантизма // Russian Review. 2014а. № 63. С. 1.
16. Лункин Р.Н. Российский протестантизм: Евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. 2014б. № 3 (59). С. 133–143.
17. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. № 3(82). С. 102–114. С. 109–110
18. Маркова Н.М. Проблема интерпретации католичества в истории России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1(39). С. 119–121.
19. Никонов В.А. Российская матрица // Современная Европа. 2015. № 2 (62). С. 9–19. С. 17.
20. Уланов М.С. Буддизм, государство и общество в социально-политическом пространстве современной России // Философия права. 2012. № 4 (53). С. 26–29.
21. Хлякин О.С. К вопросу о связи вестернизации с нетрадиционной религиозностью в России // Известия

- Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 20. С. 130–136. С. 131.
22. Чичева С.В. Образование Русской Православной Церкви за границы в XX веке и воссоединение с РПЦ в начале XXI века // В сборнике: Молодежь. Наука. Будущее: Материалы Международной студенческой научно-практической конференции. Оренбург, 2018. С. 273–276.
 23. Шаганян А.М. О некоторых аспектах деятельности секты «Свидетели Иеговы» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16–1. С. 302–303.
 24. Ярыгин Н.Н. Евангельское движение в России: моногр. – Калининград: Издво ФГБОУ ВПО «КГТУ», 2015. 141 с. С. 121.
 25. Karpov V., Lisovskaya E. Religious Intolerance among Orthodox Christians and Muslims in Russia // Religion, State and Society. 2008. № 36:4. Pp. 361–377.
 26. Karpov V., Lisovskaya E. The landscape of interfaith intolerance in post-atheist Russia // Nationalities Papers. 2007. № 35:5. Pp. 881–94.

ATTITUDE TOWARDS TRADITIONAL AND OTHER RELIGIONS IN THE REPUBLICS OF THE NORTH CAUCASUS

Dzutsev Kh.V., Berezina (Kornienko) N.V.
ISPR FCTAS RAS

This article was written with the aim of studying religiosity in the Russian Federation, taking into account the significant religious diversity that has formed in the course of the historical development of Russian society. The study is based on the materials of a mass sociological survey conducted in the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation in 2016.

As a result of the analysis, a common trend for all the republics was found: the inhabitants of all the republics of the North Caucasus have the best attitude towards the followers of Islam and Orthodox Christianity. The followers of Judaism, Catholicism and Buddhism also received fairly

high marks; followers of other religions, regardless of the history of their distribution in the region and proximity to the religion professed by the respondents, evoked mostly negative responses from the respondents.

This article attempts to analyze the current situation, taking into account the history of the spread and dialogue of religions in Russia over the past century and a half. In conclusion, conclusions are drawn and ways to overcome the negative attitude towards congenial religions are proposed.

Keywords: North Caucasus; religiosity, Islam, Orthodoxy, Christianity, public opinion.

References

1. Goncharov O. Yu. Interfaith dialogue of the Seventh-day Adventist Christian Church in Russia // Mission of Confessions 2017. No. 15 (19). From 25–35.
2. Huseynov RM Judaism in the Caucasus // Caucasus and globalization. 2008. Т. 2. No. 3. S. 194–204.
3. Dzutsev Kh.V., Kornienko N.V. Public opinion of the population of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation about the religious values of the Jews // Mission of confessions. 2017a. No. 21. S. 21–30.
4. Dzutsev Kh.V., Kornienko N.V. Public opinion of the population of the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation on the religious values of Muslims // Ethnosocium and interethnic culture. 2017b. No. 2 (104). S. 80–91.
5. Dzutsev Kh.V., Kornienko N.V. Public opinion of the population of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation on the values of the New Western religions // In the collection: Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions, materials of the II annual scientific and practical Internet conference. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2017c. S. 174–180.
6. Dzutsev Kh.V., Kornienko N.V. The attitude of the inhabitants of the North Caucasus to freedom of religion and apostates // Sociological studies. 2018. No. 1 (405). S. 83–93.
7. Dzutsev Kh.V., Kornienko N.V. The attitude of the population of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation to the values of Orthodox Christians // Ethnosocium and interethnic culture. 2017 No. 1 (103). S. 116–126.

8. Dorofeeva T.V. The main approaches to the study of the International Society for Krishna Consciousness (ISKCON) in Russia // Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy. 2015. No. 4. S. 110–123.
9. Dubrovin A.A. Religious group of Seventh-day Adventists // In the collection: Actual problems of human development in modern society: Materials of the III International Scientific and Practical Internet Conference. 2016.S. 24–26.
10. Efimov V.S. The problem of tolerance towards Lutherans in Orthodox society // Lutherans in Russia: to the 500th anniversary of the Reformation: Collection of reports of the III International Scientific Conference / Ch. editor Dmitrieva L.M. Omsk: OmSTU, 2017.92 p. S. 61–62
11. Ivanova N.V. Old believers about themselves (sociolinguistic aspect) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2012. No. 3. S. 96–104.
12. N.V. Kornienko Public opinion on religious privileges in the republics of the North Caucasian Federal district of the Russian Federation: ethnosociological analysis // Historical and socio-educational thought. 2018.Vol. 10.No. 3–2. S. 111–119.
13. Kuropatkina OV Religious and socio-cultural self-identification of “new” Pentecostals in Russia: dissertation ... of a candidate of cultural studies. Moscow, 2009.257 p.
14. Lunkin R.N. Moon Church “Messianism”: A Spiritual Product of Post-Communist Evolution // Russian Review. 2012. No. 60, p. 2.
15. Lunkin R.N. Methodism in Russia in the 2010s: Ways of Survival of Liberal Protestantism // Russian Review. 2014a. No. 63, p. 1.
16. Lunkin R.N. Russian Protestantism: Evangelical Christians as a New Social Phenomenon // Modern Europe. 2014b. No. 3 (59). S. 133–143.
17. Lunkin R.N., Filatov S.B. Interfaith differences in Europe and new ideological confrontations // Modern Europe. 2018. No. 3 (82). S. 102–114. P. 109–110
18. Markova N.M. The problem of interpreting Catholicism in the history of Russia // Uchenye zapiski Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. No. 1 (39). S. 119–121.
19. Nikonov V.A. Russian matrix // Modern Europe. 2015. No. 2 (62). S. 9–19. P. 17.
20. Ulanov M.S. Buddhism, state and society in the socio-political space of modern Russia // Philosophy of law. 2012. No. 4 (53). S. 26–29.
21. Khlyakin O.S. On the question of the relationship between Westernization and non-traditional religiosity in Russia // Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. 2017.Vol. 20.S. 130–136. P. 131.
22. Chicheva S.V. Formation of the Russian Orthodox Church Outside the Borders in the 20th Century and Reunification with the ROC at the Beginning of the 21st Century // In the collection: Youth. The science. Future: Materials of the International Student Scientific and Practical Conference. Orenburg, 2018.S. 273–276.
23. Shahanyan A.M. On some aspects of the activities of the Jehovah's Witnesses sect // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2018. No. 16–1. S. 302–303.
24. Yarygin N.N. Evangelical movement in Russia: monograph. – Kaliningrad: Publishing house of FGBOU VPO “KSTU”, 2015. 141 p. P. 121.
25. Karpov V., Lisovskaya E. Religious Intolerance among Orthodox Christians and Muslims in Russia // Religion, State and Society. 2008. No. 36: 4. Rr. 361–377.
26. Karpov V., Lisovskaya E. The landscape of interfaith intolerance in post-atheist Russia // Nationalities Papers. 2007. No. 35: 5. Pp. 881–94.

Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности

Иванов Роман Викторович,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: history2002@bk.ru

В статье приводятся результаты качественного фокус-группового исследования, посвященного участию молодежи разных возрастов в волонтерской деятельности. Анализируются структурные, институциональные и личностно-символические особенности мотивации волонтерской деятельности, определяющие формальные рамки и структурные особенности развития волонтерства и добровольчества в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, волонтерство, гражданская активность, социальное развитие.

Постановка проблемы

В современной России реализуется множество программ и проектов, направленных на вовлечение молодежи в социально важные сферы жизни общества, через активизацию добровольческой и волонтерской деятельности. Но при этом очевидным выступает фактор централизации (в крупных городах больше молодежных проектов и инициатив находят поддержку и известность, чем в более мелких муниципальных образованиях). Чтобы был результат и в провинции (малых городах и селах) – необходимо показать, научить и поддерживать активность молодежи в удаленных территориях. Поэтому, вопрос о формировании управленческих команд встает не только как теоретическая возможность, но и как практическая потребность.

Управленческие команды, особенно если они собраны по возрастному критерию, могут быть эффективны только в одном случае – когда их деятельность строится на мотивации и мироощущении молодежи разных возрастов. Разные условия социализации для молодых людей 18 и 30 лет – очевидны, поэтому могут быть и отличия как в понимании управления, работы управленческих команд, так и в понимании того, как развивается территория, какие сферы, области и механизмы необходимо затронуть, чтобы на местах была заметна эффективная работа управленческих команд.

По нашему мнению, заинтересованность молодежи в будущем той территории, где она живет, социальная активность и включенность в работу местного сообщества может быть обусловлена социальными механизмами включенности молодежи в общественное воспроизводство, возможность видеть результаты своих усилий, получать обратную связь и рекомендации по улучшению управленческих решений и социальных проектов, активизации инициативы

граждан и общественным небезразличием.

Работы С.С. Аносова [1–5], Г.Д. Ковригиной [8], О.А. Полюшкевич [9–13] и П.А. Трескина [14–16] легли в основу методологического подхода изучения социальной активности молодежных общественных организаций, направленных на создание управленческих команд среди молодежи. В некоторых работах автора [6,7] также раскрыты отдельные вопросы солидарности и активизации гражданской активности в современном обществе.

Методика исследования

Целью группового интервью было формирование стратегии подготовки молодежных управленческих команд на местах (в малых городах, селах и деревнях) для развития территории (на поддержку молодых лидеров, которые смогут развиваться и реализовывать проекты по развитию территорий в условиях географического отрыва от регионального центра). В гайде вопросов, мы попытались сформировать портрет современной молодежи, которая знает, может и хочет участвовать в социальном проектировании и моделировании развития территории, вносить свой вклад в будущее того места, где они живут. Зная портрет, мотивы, задачи, проблемы и радости данной группы – можно более целенаправленно вести муниципальную, региональную и федеральную политику социальной активности молодежи.

Данная методика была выбрана, потому что она соответствует основной цели исследования – выработке стратегии подготовки молодежных управленческих команд на местах, так как базируется на внутренних смыслах молодежи, которые не всегда можно выявить через анкетный опрос. В ходе группового интервью, формируется дискуссия по основному вопросу – это и дает понимание общего вектора развития сознания молодежи той или иной социальной группы, возраста или какого-то другого момента фиксации молодежного сообщества.

Фокус-групповое интервью стало толчком к пониманию, а в последующем

и разработке технологии вовлечения молодежи в территориальные сообщества через управленческую деятельность, в рамках участия в управленческих командах. Данная технология относится к методам социального моделирования и общественного развития и позволяет разрабатывать Форсайт методологию в территориальном развитии.

Исследование проводилось методом фокус-группового исследования (группового интервью молодежи, проживающей на территории Иркутской области, в возрасте от 18 до 32 лет, женщин – 56%, мужчин – 44%.

Данная работа носит пилотажный характер. Для понимания более глубоких социально-психологических процессов необходимо более длительное и лонгитюдное исследование для того, чтобы выявить какие условия способствуют, а какие помогают для эффективной работы молодежных управленческих команд.

Анализ результатов исследования

Анализируя результаты фокус-групп, мы можем прийти к выводу, что оценки современной молодежи, самой же молодежью, очень разные, порой противоречивые. Это вызвано разным социальным окружением респондентов и не одинаковой вовлеченностью в социальное взаимодействие как внутри молодежной среды, так и вне ее (особенно это актуально для более возрастной молодежной группы, что уже закончила или заканчивает обучение в вузе).

Для более младших групп оценки молодежи более однозначные и позитивные (активная, креативная, прогрессивная, яркая, вовлеченная в политику), тогда как для более старшего поколения молодежи молодежь более разнообразная (заурядная и незаурядная, активная и пассивная, однообразная и разнообразная).

Противоречия в оценках молодежи старшей возрастной группы (от 24 до 32 лет) несут контекст оценочности, вызванной сравнением разных поколений молодежи (свои сверстников и тех, кто младше их).

Современная молодежь незаурядная – поменялись нравственные образы (Р.В., 23 года). Респонденты отмечают, что она готова к новому опыту, экспериментам, она более свободна.

Современная молодежь всегда заурядная (З.В., 24 года). Менее инициативна, пассивна и инертна, так как концентрирует внимание на виртуальности и собственной значимости, а не вовлечении в проекты во вне.

Не худшая, просто другая, больше индивидуализма, карьерных ценностей. (З.А., 30 лет). Такая оценка носит оттенок значимости смены поколений, и того мировоззрения, которое приходит на смену одного поколения – другим.

Я наблюдаю студентов 1 курса 6–7 лет: все последующие поколения более инфантильны, индивидуалистичные, менее решительны, и с положительного: они все свои частные сферы склонны развивать и подчеркивать. Мое поколение в школьные годы смотрело одни и те же фильмы и слушали песни одни и те же. Все было однотипно, это позволяло коммуницировать между собой – было много общего, и конечно было меньше разнообразия. Сегодня у каждого свои подписчики, блогеры – это делает каждого уникальным. Все более индивидуалистично и не всегда с пользой для сообщества, это приводит к проблемам солидарности (Ц.В., 32 года).

При этом, также в более старшей молодежной группе при оценках молодежи есть и положительные ее характеристики. Я доволен современной молодежью и чем она новее, тем она лучше, чем та, что была. Она более открытая, спокойная, да индивидуалистичная, но не вижу в этом плохого, да палку клонит на себя – но это не плохо, они более искренние и человечные. Я уверен, что у нас получатся хорошие врачи, на счет ГМУ не знаю. Человечная медицина, развитие человеческих отношений к пациентам и к людям – хорошо (З.А., 30 лет).

Или же также подчеркивают критерий активности. Молодежь активная.

Умеет коммуницировать, это связано с информационным обществом. Сейчас идет формирование гражданского общества по американскому типу. С ними интересно. Она отличается от молодежи, что была ранее (З.В., 24 года).

А также выделяют условия изменения социализации и реализации молодежи и именно меняет характер и форму их коммуникаций, уровни и цели социальной активности и общественной вовлеченности. Современной молодежи нарекают что они не могут взаимодействовать или коммуницировать. Но это не так. Они имеют грамотную речь. Меняются каналы коммуникации, но не значит, что их меньше. Сейчас другие критерии коммуникации сегодня формируются (З.А., 30 лет).

Таким образом, старшая возрастная группа, говоря о молодежи – говорит о неоднородности и внутренней противоречивости и сложности процессов, происходящих в рамках этой социальной группы и отдельных локальных сообществ, субкультур и социальных групп.

Для более младших молодежных групп (от 18 до 23 лет) восприятие молодежи более трепетное, идеалистичное и направлено на позитивные формы реализации и воплощения ее талантов. При этом, в старшей группе давали более развернутые ответы и полные характеристики молодежи, тогда как в более младшем возрасте – эти оценки более сухие и однотипные.

При этом, в старшей группе оценки молодежи более приземленные, а в младшей более амбициозные в области власти. Молодежь, больше вовлеченная в политическую жизнь, чем предыдущие поколения (Т.А., 19 лет). На данный момент молодежь вовлечена в политическую жизнь, до этого не была вовлечена в политику (Б.В., 19 лет).

Респонденты фиксируют активность, креативность, прогрессивность и яркость современной молодежи. Это говорит о разносторонности, готовности брать инициативу на себя и при необходимости самоорганизовывать

ся. *Прогрессивность позволяет человеку быть на передовой в разных сферах жизни* (С.В., 19 лет). А также это возможно, потому что есть гораздо больший доступ к информации, чем у более старших поколений, имеется широкий круг интересов. Главное в этом многообразии не потеряться.

Также отмечается важность включенности в информационно-виртуальное пространство. *Молодежь наиболее глубоко интегрирована в цифровое пространство* (П.А., 19 лет). Это указывается как существенное преимущество молодежи перед другими поколениями, она может больше освоить, применить, лучше понять и адаптировать под реалии, потому что лучше владеет современными виртуальными формами взаимодействия.

И говоря о территориальном управлении через управленческие команды среди молодежи стоит опираться на то, что более молодые, пока не работающие молодые люди, готовы освоить, а затем и применить в жизни на благо территории. Новые возможности, которые активизируются с внедрением интернета, увеличением процессов глобализации дают принципиально новые инструменты управления и позволяют иначе строить перспективы социального взаимодействия.

Молодежь как социальная группа становится в отдельных сферах более профессиональная и компетентна, чем более старшие поколения, в силу естественной адаптации новых технологий прежде всего в повседневном мире молодых людей. Это может стать основой образовательного, а затем и технологического внедрения в социальное развитие удаленных муниципалитетов.

Говоря, о навыках и качествах, которые есть у современной молодежи, респонденты старшего возраста указывают на ее «инаковость» мышления в отличие от старших поколений, что также подчеркивает важность нашей идеи, озвученной выше – о новых возможностях молодых людей.

Это люди свободные от авторитарного прошлого. Оно над ними не довле-

ет (Ц.В., 32 года). *С кем мы сравниваем современную молодежь с теми, кто рожден в 70–80-е годы – то они более открытые и менее авторитарные* (З.В., 30 лет). И отсутствие этого груза прошлого дает больше свободы и возможностей, уменьшает шаблонность мышления и формирует ресурсность как социальное основание личного и группового развития. Современная молодежь – она другая.

Более младшие представители молодежи выделяют такие черты современной молодежи как способность себя выражать, многозадачность, целеустремленность, открытость к международному взаимодействию. А также такие качества как работа с компьютером, навыки коммуникации, мобильность, тайм-менеджмент.

Способность выражать себя, не стесняться мнения окружающих (С.В., 19 лет). *Многозадачность, умение выполнять множество параллельных задач* (Б.В., 19 лет). *Открытость к международному сотрудничеству. Если бы они хотели бы, то они могли поступить в вузы других государств (из Иркутска в Париж) окружающих* (П.А., 19 лет). *Открыты к диалогу, могли бы поменять свою позицию* (М.А., 22 года). *Молодежь очень целеустремленная* (Т.Г., 19 лет).

Выделенные всеми респондентами черты позволяют очертить целый круг возможностей и форм реализации молодежного управления на территории. Чтобы эта схема заработала – необходимо обучить молодых людей, дать им знания и сформировать навыки и умения реализации своих идей на практике к тем местам, где они живут. Желание молодежи узнавать новое, открытость новому – присутствует. Необходимо пользоваться этим внутренним потенциалом роста для дальнейшего развития территории через возможности молодых.

При этом, когда мы касались риторически-философских вопросов о том, что стоит усвоить, освоить и понять современной молодежи – ответы получили достаточно разношерстными.

Старшая молодежная группа отмечает такие качества, которые стоит освоить, как: рациональность и критичность мышления; вопросы этики и экзистенциальных смыслов (*Что все взрослые умрут. Уважать старших.* Ц.В., 32 года); *За что вас уважать? За возраст? Мне это было присуще раньше. Сейчас это присуще молодым людям младше меня. Это черта возраста* (З.В., 30 лет). *Этикет страдает* (Ч.М., 30 лет).

Или же указывают на особенности мышления. *Наследие 90-х, за 8 лет, что я наблюдаю молодежь. 8 лет назад молодежь была настороженной, проверяла информацию, не было детской доверчивости. Сейчас доверяют информации в интернет. Не допускают то, что есть шарлатаны* (Ц.В., 32 года). *Надо развивать навыки критического мышления* (Ч.М., 30 лет). *Не думает о будущем. А если и думает, то абстрактными вещами, а не конкретикой* (Р.В., 23 года). *Не могут выбрать профессию. Не думают об этом. Это их ограничивает* (З.Д., 24 года).

Более младшие группы респондентов говорили о тех же процессах, но более детализировано и точно. Например, о критическом и экологическом мышлении и умении ждать. *Учиться терпению. Мы не умеем ждать. Хотим все и сразу. А надо научиться дожидаться* (Б.В., 19 лет). *Выстраивание критического мышления и обращения по вопросам не только к СМИ, но и традиционным источникам информации, таким как ТВ газеты, радио. Это формирует критическое мышление* (С.В., 19 лет). *Не забывать про экопривычки – полезно освоить и признать* (Ж.Е., 18 лет). *Иметь целенаправленный подход к своему здоровью* (Д.В., 19 лет). Иными словами, молодые люди оценивают как достаточно важный пункт то, как они мыслят, чему могут научиться, используя разные формы и стратегии мышления. Это может стать основой для обучения управленческих команд – способных мобилизовать интересы, актуализировать мотивацию и усилить через стратегические механизмы реальные тактические действия, которые мо-

гут привести к изменению социального развития территории.

Или же о двойственности восприятия происходящих процессов и рекомендаций по необходимости концентрации внимания на главном. *Двойственность: толерантность и, с другой стороны, дискриминация, расизм* (П.А., 19 лет). *Формировать осознанность, а не скатываться на пьянство и алкоголизм* (Т.Г., 19 лет). *Традиции и моральные качества* (В.М., 18 лет). *Работать не только на выгоду, но и на благо* (Х.К., 18 лет). Эти ответы показывают о внутренней готовности к тому, что все может пойти не по плану и в то же время это указывает на то, что все равно молодые люди готовы идти к своим целям и реализовывать поставленные результаты. Они видят несовершенство системы, понимают почему не все могут с ними соглашаться, но при этом это не останавливает их при достижении поставленных задач.

На наш взгляд именно эти черты и особенности современной молодежи могут стать принципиально новым условием (основанием) развития молодежного управления, формирования и обучения, повышения квалификации молодежных управленческих команд в удаленных муниципальных образованиях. Идеологические задачи и стратегические возможности являются ресурсом социальной мобилизации, социальной солидарности жителей различных территорий.

Более того, добровольчество и волонтерство, по мнению наших респондентов, выступают ресурсом для развития молодежи. Оно является основой их личного и социального развития, позволяет найти новые формы и способы реализации. Все наши респонденты когда-то были или сейчас являются волонтерами. Чем старше они становятся – тем меньше волонтеров среди них.

Мы уточнили, в каких волонтерских организациях они состоят или состояли и получили следующие ответы. *В волонтерском центре была до тех пор, пока не закрыли на карантин* (М.Е., 19 лет). *В волонтерском центре ИГУ много людей, которые горят люди этой*

деятельностью (П.А., 19 лет). *Состою во многих волонтерских организациях (Ирида, ЭКОИГУ, ЭКОЭРА Региональный волонтерский центр (Ж.Е., 18 лет).*

Респонденты указывают, что добровольчество и волонтерство хорошо называется для молодежи как социальный капитал и ресурс, который дает им возможность в будущем реализоваться более качественно. Благодаря социальному взаимодействию выстраиваются горизонтальные и вертикальные связи, помогающие в дальнейшем успешно социализироваться на местах и быть более мобильными в другие пространства. Мы можем выделить несколько стратегий формирования и развития волонтерства (социального успеха, социального научения, личного развития) (рис. 1). Каждая стратегия имеет свои достоинства и недостатки.

Рис. 1. Стратегии формирования и развития волонтерства

Стратегия социального успеха (формирование и вхождение в новые круги). *Волонтерство помогает во всем: в профессиональной деятельности, выстраивает коммуникации, формирует лидерство и чувство эмпатии. (З.Д., 24 года). Само по себе волонтерство помогает с новыми связями, помогает проявить себя как целеустремленного и активного человека. (Б.Е., 19 лет).*

В данном случае, волонтерство имеет четкую прикладную, инструментальную цель – войти в новый круг. Оно обладает социальными взаимосвязями и ресурсами мобилизации в полузакрытые сообщества.

Стратегия социального научения (обучение новым навыкам и умениям). *Волонтерство есть в разных сферах и можно освоить разнообразные навыки и получить интересный опыт в разных сферах. (Х.К., 18 лет). Волонтерство – это как способ соприкосновения с реальными ситуациями то, чему надо научиться – там ты сталкиваешься с ситуациями и преодолеваешь их и тем самым становишься опытнее, мудрее. Это важно при работе как со сверстниками, так и старшим поколением (П.А., 19 лет). Занимаясь волонтерством и добровольчеством, они могут создать свою ассоциацию, и она может повлиять на многие другие решения (П.А., 19 лет). Я не сталкивался с волонтерской деятельностью. Хотя меня звали быть волонтером – если человек пропал, чтобы помочь. Да, наверное, это своеобразная помощь обществу (М.А., 22 года).*

Эта стратегия привлекает тех, для кого волонтерство выступает формой улучшения мира, социального служения, реализации оптимального развития общества. Функции социального научения позволяют выживать в обществе. А рассмотренные под призмой волонтерства – выступают рабочим механизмом мягкой трансформации социальных представлений и убеждений об общественном воспроизводстве.

Стратегия личного развития (вырасти над самим собой; стать лучше, чем был). *Волонтерство развивает человека как личность и дает навыки общения с людьми. Это помогает для жизни в современном обществе. (Е.Д., 19 лет). Волонтерство дает возможности для развития себя и общества. (В.М., 18 лет). Волонтерство и добровольчество помогает выявить проблемные области у человека. То, что он не умеет – он может научиться, работать с этим и стать лучше. (Ж.Е., 18 лет). Волонтерские организации помогают раскрывать внутренние качества других людей. То, что не смог сделать один человек – могут сделать волонтерские организации (Д.В., 19 лет).*

Данная стратегия направлена на эгоистические, гедонистические

ценности человека или сообщества. В этом случае – волонтерство становится инструментом получения налоговых льгот, позитивного общественного мнения и других мотивов, где интересы личности доминируют над интересами социального сообщества.

При этом, старшая группа молодежи указывает на возрастную ценз молодежи, участвующей в волонтерской деятельности. Причем критерием завершения занятий волонтерством выступает не столько сам возраст, сколько социальные обязательства, ответственность за созданные семьи, рожденных детей. На волонтерстве много не заработаешь, поэтому молодые люди уходят из него (все представители старшей группы опрошиваемых респондентов были волонтерами и только один – продолжает им быть).

Добрыми, занимающимися волонтерством, они могут быть до 22 лет. Как на моем личном опыте. Я в один момент задумался что еще что-то надо? Надо кушать, жить где-то, одеваться. (З.В., 24 года). Волонтерство равно безденежье. Волонтеров надо и кормить, обучать. Но они этого не получают. (Ц.В., 32 года). Я сам работал волонтером на Форуме Байкал 2020, и потом оказалось, что нам деньги должны были платить, а мы не получили. Ну т.е. кто-то получил, но не мы. Прикольно, но где? До волонтеров не дошли. Поэтому я не волонтер. (З.В., 24 года).

Как я отношусь к волонтерству. Хорошо. Занимался я им с 9 класса и до 2 курса обучения в институте. Почему прервал – надо было зарабатывать деньги. Я работал игротехником на форуме Байкал и когда мы работали 24 часа в сутки, потому что обеспечивали быт участников, и досуг. И когда пацешь как вол и ничего не получаешь. А потом приходят за 2 одеялом. Этот конфликт стал отправной точкой чтобы я завершил. (П.А., 25 лет).

Только один представитель старшей группы молодежи отметил, что он все еще занимается волонтерской деятельностью. И указал, что в России волонтерство совсем не то, что в странах за-

пада. Эти особенности зародились достаточно давно и позволяют говорить о разных смыслах и функциях работы волонтерских организаций, которые выполняют социальные функции.

Я волонтеру 12 лет в общественной национально-культурной организации. Я хочу и могу этим заниматься, новые контакты, новые знания и навыки. Я хочу. И буду. (З.А., 30 лет). Данный ответ показывает временную перспективу собственного участия в волонтерских организациях, практически условия для реализации социального взаимодействия. Также, этот же респондент говорит об очень важном явлении – о волонтерстве как о добровольном рабстве.

В России извращено понятие волонтерства. У нас оно понимается как добровольное рабство. На западе – нормальная работа и нормальные деньги. В ООН есть оплачиваемое волонтерство. Например, едешь в Папуа Новую Гвинею – получаешь не зарплату, а стипендию. В чем суть? Работаешь с людьми. Тратишь время на работу, стипендия дается на проживание. На этом не заработаешь. Но выполнишь те моральные обязанности, что есть перед собой и обществом. (З.А., 30 лет).

Таким образом, волонтерство в сознании молодежи имеет разные стратегии и может по-разному проявляться. Мотивация в волонтерской деятельности выступает базовым, но не ключевым условием формирования той или иной стратегии волонтерской деятельности.

Волонтерская и добровольческая деятельность выступают для всех условием и формой социализации. Но при этом, у большей части молодых людей нет представлений о том, что эта же деятельность может влиять на процессы управления. И поэтому, когда мы задали вопрос о том, можно ли допустить молодежь к управлению, то отсылки к волонтерской деятельности и через ее включения в социально-политическую систему нашего общества, включение в управленческие процессы не стало очевидным моментом.

Ни в одной из фокус-групп не прозвучал четкий вывод о связи волонтерства и участия молодежи в управлении территорией через общественные органы при власти или общественные организации в отдельности.

Представители старшей группы молодежи говорят о необходимости включения молодых людей в управленческие команды и допускать к процессу управления. Объясняя это тем, что необходимо формировать преемственность между управленцами, а также помогать внедрять более современные технологии более способны (из-за адаптивных свойств) больше молодые люди, чем представители старшего поколения.

Надо причащать к этому процессу. (Р.В., 23 года). *В смысле принятия ответственности – молодежь надо допускать к управлению. При этом соблюдать делегирование и объем полномочий.* (З.В., 24 года). *Опыт старых, опыт молодых в разных сферах надо уметь соединять – тогда и результат будет лучшим.* (З.А., 30 лет). *Да, нужно допускать.* (Ц.В., 32 года). *Свои сотрудники. Свой кадровый резерв.* (Ч.М., 30 лет).

Но все же в ходе общего обсуждения – респонденты пришли к общему мнению о том, что в некоммерческом секторе – участие молодежи просто необходимо для принятия современных, адекватных решений. *В НКО очень важно молодежь допускать – там быстро все меняется. Молодежь более адаптивна.* (З.А., 30 лет).

Только один респондент усомнился в необходимости допуска молодежи к управлению. *Зачем допускать к управлению. Управлять кем? Научно четко ставить задачи.* (П.А., 25 лет).

Более молодые представители молодежи подходят более педантично и трезво к вопросу допуска к управлению. Больше срабатывает дифференциация, хотя и признается, что и у молодежи есть нетривиальные управленческие решения. *К глобальному управлению нет. Но учитывать мнение молодежи, молодого поколения надо.* (П.А., 19 лет). *Можно поставить помощником*

кого-то более опытного. С опорой молодежь может достичь большего. (С.В., 19 лет). *Кого мы считаем молодежью? До 30 насколько я знаю. В том возрасте можно, нас в 19 лет пока нет. Надо менять взрослых на тех, кому за 30 лет. 40-летних можно допускать.* (М.Е., 19 лет). *Молодежь необходимо привлекать к управлению. Молодежь более мобильна, и она лучше понимает, что сейчас необходимо поколению.* (Х.К., 18 лет). *Молодежь – это будущее страны и мира* (Ж.Е. 18 лет). *Надо сочетать опыт старшего возраста с энергией людей молодого возраста.* (Д.В., 19 лет).

Таким образом, молодежь мобильна, креативна и адаптивна не просто сама по себе, но и в управленческих вопросах. Особенно если мы опрашиваем человека за сорок лет. Внутренние установки определяют поведение. Но и для более молодых представителей, управленческие вопросы – это готовность проявлять инициативу, готовность пробовать новое, не бояться экспериментов и социального моделирования. Возможно, именно этот факт станет основным при конструировании молодежных управленческих команд, которые смогут изменить лицо удаленных территорий.

Интересным кажется смысл понимания управленческой команды у разных групп молодежи. Основные смыслы изображены на рис. 2.

Рис. 2. Смыслы понимания управленческой команды

Анализируя ответы на вопрос – для чего нужны управленческие команды, мы получили четыре ключевых смысла.

Смысл 1 – преемственность и эффективность (опыт). Чтобы быть эффективной, работоспособной и уметь внедрять свои идеи на практике надо сочетать опыт старших поколений и инициативу молодежи, а также опыт молодежи в современных инструментах развития и продвижения проектов и других форм социального инжиниринга. *Управленческая команда – которая будет заменять пенсионеров (З.В., 24 года). В НКО разные точки зрения, потому что денег мало и за каждый ресурс надо бороться, а объем работы большой. Поэтому, слаженная команда дает нужный эффект (П.А., 25 лет). В аспекте совершенствования процессов управления и достижения каких-либо целей и проблем (Т.Г., 19 лет). Для делегирования полномочий. Кому-то удобнее выполнять приказание, а кому-то их давать (Д.В., 19 лет).*

Те респонденты, кого мы отнесли к данному смыслу, говоря о том, каково место молодежи в управленческих командах, делали акценты на преемственности и важности передачи опыта от старших к младшим. *Если есть наставники в управленческих командах – то они вырастят и дадут путевку в жизнь (З.А., 30 лет).*

Смысл 2 – умение договариваться и нести ответственность (коммуникация). Важно то как, с кем и когда ты смог договориться (или не договориться), чтобы достигнуть нужного результата. Коммуникация выступает как социальная практика, определяющая перспективы и формы развития сообщества или территории. *Они внутри команды смогут ли договориться о результатах? Если да – то это будет мегга успех для всех, если нет – то полный провал тоже для всех (Ц.В., 32 года). В управленческой команде возникает подход разных взглядов на проблему, управленческая команда дает не один, а множество вариантов развития ситуации – следовательно более эффективна (С.В., 19 лет).*

Смысл 3 – идеализация. Данный смысл раскрывается в социальном развитии добровольных и навязанных социальных правил, которые встраиваются в систему ценностей, мировоззрение, философию молодежи. Идеализация как способ и стратегия мышления определяет перспективы личного роста и структуру развития социального служения. В ответах респондентов видны как личные мотивы самосохранения (чтобы не наступило эмоциональное истощение), так и мотивы социального развития (сделать мир лучше). *Управленческая команда должна работать в НКО. Там важна командная работа. Иначе там будет сильное эмоциональное истощение. (З.В., 24 года). Важно работать за идею и допускать молодежь к этому (Р.В., 23 года). Целенаправленно приходиться в добровольчество можно не только горизонтально, но и вертикально (из власти и бизнеса), желая изменить качество жизни вокруг (П.А., 25 лет). Чтобы делать мир лучше, участвовать в разных проектах (П.А., 19 лет). Управленческая команда – это костяк инициаторов и организаторов, которые в дальнейшем развивают свои и чужие идеи и делают мир лучше (Б.В., 19 лет).*

Смысл 4 – социальный лифт. Управленческая команда сама по себе выступает социальным капиталом и одновременно возможностью изменить свою жизнь, выстроить социальное взаимодействие. *НКО очень прикольный социальный лифт. Люди из НКО становятся министрами, так как зарабатывают социальный капитал и связи, помогающие им добиваться того, что важно для них (Ч.М., 30 лет). Люди получают социальный капитал – могут куда-то устроиться. Волонтерство как социальный лифт (З.А. 30 лет).*

Стоит отметить, что среди молодежи более старшего возраста, было достаточно большое количество скептиков, кто весьма пессимистично оценивал возможности управленческих молодежных команд что-либо изменить. *В нашей стране – то, что разрешат взрослые правоохранительные струк-*

туры. Они убраться в бюрократию (З.А., 30 лет). Возможно, в будущем управленческие команды что-то поменяют, но сейчас нет. Волонтеров добровольцев могут только ломать (З.В., 24 года). Либо же, указывают на возможности и перспективы, лишь если идут в связке с органами власти. В современных условиях – лучше, когда волонтерские движения идут в связке с властью. А если нахлест – мы это, а министерство нет – то мы по шапке надаем (П.А., 25 лет). С языка снял. Пока ходят в футболках в логотипах партии какой-то, а если свое – то не целевое расходование средств (З.А., 30 лет).

Молодые люди более младшего возраста менее скептически и надеются на свои светлые идеи и возможности, ориентируются на то, что главное найти способ реализации, а с остальным они справятся. Энтузиасты. Да они выигрывают гранты, изобретают предметы, они демонстрируют новый взгляд на жизнь (П.А., 19 лет). Команду будут вероятнее слушать чем 1 человека. Это более объективно. У команды больше перспектив (Б.В., 19 лет). Молодые люди в управленческой команде могут привнести новые идеи. Новаторская функция будет реализована по полной благодаря им (Ж.Е., 18 лет). Новый взгляд на известную проблему, новый подход, новые пути реализации проекта могут дать те, у кого нет запылённости взгляда и те, кто готов и не бояться предлагать новое, отчасти, потому что не знаком со старым, отчасти, потому что готов пробовать и не бояться проиграть (Д.В., 19 лет).

В этом вопросе прослеживается разница поколений молодежи, где более старшие уже имеют опыт и пессимистично смотрят на отдельные вещи, а более молодые представители молодежи наоборот – еще полны надежд и чаяний. Важным моментом тут выступает готовность взаимодействовать между собой и включаться в социальные проекты в рамках имеющихся управленческих команд или создавать свои. В любом случае, это те группы молодежи, что могут быть инициатора-

ми и реальными реализаторами разнообразных идей развития территории.

Анализируя ответы респондентов на вопрос об известных им программах развития лидерства, мы приходим к неутешительным выводам – около половины респондентов всех возрастов не может назвать такие программы. Стало быть, информационное оповещение, социальное освещение в региональных СМИ и сети интернет представлено очень слабо.

Среди известных чаще называют такие программы как: *Россия страна возможностей. Лидеры России, Форумы – федеральные, региональные. Байкал 2020, Селигер, и другие Фонды... Территория смыслов. Евразия. Бирюза. Там есть площадки для лидеров. Частные программы – фонд Потанина, например. Смотри в какой области человек может развиваться и хочет развить* (З.В., 30 лет).

При этом, указывают на ограничения данных проектов. Эти ограничения носят формально-организационный характер. Хотя там только 1 направление направлено на молодежь, остальные до 55 лет (З.В., 24 года). Молодежь идет по конкурсу «наука», то молодежи обломают крылья, те у кого больше ресурса (Ч.М., 30 лет). Отчетность по проектам на региональном уровне ведется перед губернатором и министрами – но заинтересованность и первого и вторых очень слабая, они подходят к помощи и оценке весьма формально. Сам факт, что отчитывались перед министром образования Красноярского края. Ей не особо было интересно. Губернатор раз в полгода приходил. Сами по себе мы работали, гранты выигрывали (Ч.М., 30 лет). Но также есть ограничения, которые затрагивают личностно-оценочные перспективы развития молодого человека. *Условия участия в Лидерах России – я посмотрел, что я в жизни ничего не добился* (З.А., 30 лет).

Зачем молодежи участвовать в подобных мероприятиях? Фактор мотивации и социальной ответственности, личной вовлеченности и социального взаимодействия. Для молодежи это по-

лезно: профессиональные навыки и социальные связи. Грамоты – это посредственно. Самое главное люди и связи (З.В., 24 года). Возможность куда-то съездить. Если интересно – хорошо, если нет – то новое место тоже хорошо (З.А., 30 лет). Деньги. Их выиграть не так уж и сложно. Федеральный и городской уровень достаточно открыты и прозрачны – главное инициатива и готовность реализовать все по полной (З.В., 24 года). Я в том году на Байкале 2020 выиграл 500 тысяч выиграл – вот реализую (З.А., 30 лет).

Молодые люди более младшей возрастной группы называли другие программы молодежного лидерства. Политстартап. Программа ЕС, которая дает активным молодым людям состояться в политической сфере, дает возможность участвовать в важных государственных молодёжных проектах (П.А., 19 лет). Битрикс – там выступают лекторы, спикеры, не только из Иркутска, но и другие чтобы просвещать (М.А., 22 года). ИГУ – студлидер ИГУ, выступали представители факультетов, председатели медиа с разных факультетов и показывали возможности студенческого лидерства в ИГУ (М.Е., 19 лет). Лидер. Учащиеся вузов для участия в конкурсах и конференциях, волонтерских добровольческих программах (Ж.Е., 18 лет).

Разница в информировании молодежи об имеющихся программах молодежного лидерства, управленческих командах вызвана разными кругами и слоями социального взаимодействия. Опыт социальной включенности позволяет регулировать особенности моделирования и инициации социальных практик общественного взаимодействия, способных трансформировать институты гражданского общества.

Все респонденты указывали на разницу возможностей применения своих навыков у молодежи городов и сел. Эта разница формируется на основе финансирования и застоявшихся стратегий управления и мировоззрения.

Финансирование увеличивает различия между молодежью городов и сел,

потому что в городах больше источников получить дополнительное финансирование (как государственных структур, так и от частных лиц), в селе – этот спектр ограничен имеющимися программами и то, не всегда на них хватает средств, из-за перераспределения бюджета зачастую эти деньги перетекают на более насущные нужды.

В регионах меньше возможностей. Нас воспринимают как посредственности, за мкадом типа из села (З.В., 24 года). Когда видишь список победителей конкурсов – и все из Москвы, 2 из Питера и 1 Ижевск. То печально становится (П.А., 25 лет). Даже внутри региона тоже легко прослеживается. Форум Байкал – федеральный, иркутян там большая часть (кто выиграл) (З.А., 30 лет). Региональные форумы – есть разница – общероссийский, (в каждом субъекте есть свой Байкал 2020), но в каждом регионе – есть свои москвичи (П.А., 25 лет).

Смотря, где они реализуют эти возможности. Есть разница. Для генерирования идей – одинаково, а для реализации разная. Люди не те, деньги не те (С.В., 19 лет). Финансирование играет ключевую роль. В городе студентам помогают, гранты, проекты, то молодежи в селах трудно найти деньги на свои идеи (П.А., 19 лет). В городах есть уже площадки, программы и с ними возможно продвинуть свой проект. Селам характерна закостенелая управленческая структура. Сложно изменить этот формат (М.Е., 19 лет).

Важно быть готовым к новым открытиям, а не держаться за старое. Различия есть. В селах меньше возможностей, как в больших городах. В городах много пунктов, возможностей, ресурсов, для проявления себя. В селах этого меньше и нет формы для воплощения (Д.В., 19 лет). В селах, на периферии – возможностей меньше, но проще себя реализовать. В больших городах выше конкуренция – больше людей кто занимается разными вещами, а в селе будешь в любом случае новатором. В селе тоже есть конкуренция. Я жила в ПГТ – там 3 чел пускали везде их знают, а те-

бя просто не допускают. Это изменить можно пригласить молодежь и дать понять людям с жизненным опытом – что есть нечто новое что мы можем внести в любую сферу (Ж.Е., 18 лет).

Мировоззренческий определяет понятия и смыслы, в которых живет местная молодежь – а это и является ориентиром социального развития. Я покатался по области – посмотрел, что с молодежью твориться. Не то что выиграть что-то, но там уровень мышления другой. Банальные вещи – как разговаривают, думают, шутят. (З.В., 24 года). Железный человек нарисован, и дети 16 человека – 9 из 10 сказали, что это супермен. О каких возможностях говорим? (З.В., 24 года). Тулун утонул, что было то и осталось. Из-под пола идет пар, и там такие дети. 80% хотят стать электриками, потому что они не знают, что еще есть (Р.В., 23 года). Несколько лет назад была программа Игры Прибайкалья, ребята из Иркутска приезжали в разные муниципалитеты и проводили там мини форумы, программу свернули. Для меня стало подспорьем – проявил себя, буду в Иркутске – позвонил, стал игропрактиком. Но программу свернули.

Если человек активный и сам участвует везде – идет в политику на местном уровне – то его и будут привлекать, а если человек только на территории школы занимается волонтерством – вот и круг (Х.К., 18 лет). Все зависит от того – какой ты человек. И в городе, и в селе все могут развитыми. Мы ничего не можем – но это не так. У городской молодежи другие возможности, но и у нас есть шансы. Мы участвовали в проекте от РСМ и показали себя и какие мы даже из малого поселения (Е.Д., 19 лет). Разница между городской и сельской молодежью есть. Сельская молодежь по теме экологического волонтерства больше знает. Как себя вести в лесу, как собирать грибы, как вести себя на рыбалке (В.М., 18 лет).

На вопрос – можно ли как-то изменить это положение дел, мы получили две крайности ответов: одни – да, можно – другие – нет, нельзя. Неравенство

молодежи можно изменить. Но это вопрос не 1 десятка лет. Инструмент должны дать. Села развивать. Колхозы делать. Но там все равно не останутся. Почему? Если программы – земский доктор, завуч. Мой одноклассник – директор школы. Получил субсидию и занимается работой (Ч.М., 30 лет). Он возьмет свой миллион, отработает и потом обратно в город? В Еланцах. Село и город не уравниешь. Но мэра Бодайбо я не стал бы. Мне важен город. В городах одни возможности для реализации в селах другие. Там все другое. Там не плохо, оно другое. (З.А., 30 лет). Молодежь не может реализоваться в селах и малых городах. Не можем повлиять на тех, кто уже закончил школу. Ребята вырываются из сел в города, потому что хотят большего (Ц.В., 32 года). Эта двойственность заложена в сознании молодых людей и от работы реальных программ, готовности включаться в социальное взаимодействие зависит то, что реально будет работающей социальной технологией, а что останется прописной истиной на бумаге.

Среди мер изменения называют финансы, информированность (социальная реклама) и межсекторное партнерство между органами власти, образовательными учреждениями и НКО. Если бы финансирование выделялось на новые проекты, то там было бы больше движение (П.А., 25 лет). Продвижение проектов сел и деревень на более высокий уровень. Из-за низкой осведомленности. Даже о селах никто не знает, а там есть талантливая молодежь, но недостаточно органы информированы и поэтому не предоставляют финансовую поддержку (П.А., 19 лет). Это можно организовать через организации – ИГУ, школы и колледжи в деревнях могут больше проявить себя и попасть в Иркутск, заинтересовать себя и продвинуть свой проект (М.Е., 19 лет).

Таким образом, инициатива среди молодежи сел есть, не хватает информированности о проводимых проектах, навыков соответствовать определенным критериям, которые учитываются

при отборе победителей и слабая представленность социального взаимодействия между разными уровнями и секторами социальной структуры удаленных поселений. В этом свете, именно управленческие команды из инициативной, активной и креативной молодежи могли бы изменить условия и возможности реализации молодежи, для развития удаленных территорий.

На интересный вопрос о том, если бы были возможности – что лично каждый участник бы сделал для молодежи, мы получили разные ответы, которые можем обобщить следующим образом: философско-риторические, образовательно-просветительские, социально-психологические, социальное партнерство, управленческо-организаторские (см. рис. 3).

Рис. 3. Личные проекты, которые реализовал бы каждый участник фокус-групп для молодежи

Философские – нацелены на общие смыслы и значения, определяющие жизненные перспективы молодежи. Любое предложение одних поднимет – других – опустит. Финансовые – деньги раздал? Профукают. Новые программы организации – они, итак, создаются по всей стране. Поэтому, оставил бы все как есть. (З.В., 24 года). Информации много. Даже известно, где искать. Никто не ищет. Вопрос – почему? Мы решаем проблему молодежи. А есть ли проблемы у молодежи (Ц.В., 32 года).

Образовательно-просветительские нацелены на информационное обеспе-

чение молодежи, информированность о самих программах и механизмах участия в них. Надо открытость информации обеспечить. Программы есть. Я как человек с программами работаю – и почему я только сейчас слышу о том, что в рамках некоторых проектов могут оплатить дорогу или даже участие (З.А., 30 лет). Я бы увеличил долю расходов на образование, содержание школ, инфраструктуру, регламентацию школьного оборудования. Какая техника минимальная должна быть. Вопрос о выравнивании возможностей – надо готовить кадры в развитие области. Какие люди есть и кто нужен. Как выстроена подготовка кадров? Можно вспомнить Ножикова – он искал и воспитывал кадры. Должен быть жесткий вертикальный стержень – хорошее образование, формирует стержень, социальный капитал. Если бы у нас была лучше представлена жизнь – что ты можешь добиться большего через свои мозги, то это было бы пунктом выравнивания возможностей (ПА, 25 лет). Нужно сделать абсолютные привилегии учителей сельской местности (по типу судей). Людвиг Вигдиштейн – он был учителем в сельской местности. Куча логиков, историков, философов – он их воспитал. Если создать условия, при которых – кто-то из красных дипломников мог бы ехать в деревню. В этой попури деревне, эти отчаявшиеся люди видят, что перед ними опора – второй родитель и воспитал бы новое поколение, талантливых и умных детей. Такие примеры не единичны. Кто из сел вытягивает примеры – детей и дает им больше (Ц.В., 32 года).

Социально-психологические, которые затрагивают как личностную подготовку человека к работе, так и оперативную, текущую работу с психологом. Это позволяет чувствовать себя более уверенно и включаться в имеющиеся условия социального проектирования. За группой людей – закрепляли педагога – чтобы он рассказал, как он пришел в профессию – философия наставничества – показал, как работает и молодежь будет быстрее определяться

куда идти учиться (З.В., 24 года). Я бы сделал бесплатные психологические сеансы для молодежи. Многие ребята с сталкиваются с большим количеством стрессов, тревог. У всех есть срывы, выгорание. Хорошо бы было чтобы на базе института был кабинет психолога (Д.В., 19 лет).

Часть молодых людей говорила о социальном партнерстве, которое необходимо сделать и это первое с чего они бы начали социальное взаимодействие. *Нацелились на совместное участие, совместное научное предприятие со студентами колледжа (П.А., 19 лет). Я как руководитель креатив студии начала проекты со школьниками – о поддержке студенчества и школьников, в сфере рекламы и ПР (М.Е., 19 лет). Новое финансовое обеспечение, лично мотивирующее молодых людей. Хотелось бы улучшить материальную мотивационную составляющую. Чтобы свежие проекты выезжали не на голом энтузиазме, что это не бессмысленно и получают отклик и оценку (Б.В., 19 лет). Я бы организовал более плотное взаимодействие между школы и вуза, где были бы площадки общения студентов и школьников (Д.В., 19 лет).*

Управленческо-организаторские предложения направлены на конкретные формы работы, обеспечивающие эффективное взаимодействие и получение конкретного результата здесь и сейчас. *Проявить себя как управленца. Идеи есть у каждого, но не все могут озвучить и тем более реализовать. Можно проводить мероприятия и собирать молодежь на базе университета и проводить тренинги для сплочения или давать возможность проявить себя, реализовать свои таланты (Х.К., 18 лет). Проектные школы, чтобы научить молодежь свои идеи правильно направлять. Формировать правильное мышление (В.М., 18 лет). Возможности есть у всех. Сейчас создана эковожатый – приглашают молодежь, нас учат и потом мы можем передавать школьникам. Нас учат как правильно организовать работу отрядов (Ж.Е., 18 лет). Я бы сплотила*

базу ребят. Чтобы не каждый отдельно занимался, а командой. Чтобы ребята могли свернуть горы (Е.Д., 19 лет). Стала спонсором для молодежи – много проектов которые хотелось бы реализовать – но не всегда есть финансы (Х.К., 18 лет).

Представленные предложения молодых людей касаются основных сфер реализации управленческих проектов, которые определяют и формируют ориентиры социального взаимодействия, общественного развития и конструирования разнообразных форм развития институтов гражданского общества на удаленных территориях Иркутской области.

Мы уточнили, в каких проектах молодежного лидерства наши респонденты хотели бы принять участие? Молодые люди более старшего возраста называли конкретные программы, среди молодежи более младшего возраста – чаще встречаются направления, а не конкретные программы. Также у старшей группы отмечается масштабность России, у младшей районная, городская изредка областная. Это говорит об особенностях сознания, возможностях удержать в своей голове проекты общероссийского уровня и представить себя участвующим в них.

Я бы принял участие, но у меня нет управленческого опыта. Я и сейчас подаюсь на Лидеров России. В Байкале 2020, итак, принимаю участие (З.А., 30 лет). Я бы публичные лекции по философии читал всем желающим (Ц.В., 32 года). Я бы в конкурсе СТАРТ хотела принять участие, с инновациями связанные (М.М., 30 лет). В политических дебатах от клуба политологов. Как слушатель, а не как участник (П.А., 19 лет). Я не осведомлена какие существуют. Если бы были курсы, где учат лидерству – я бы сходила (Б.В., 19 лет). Я бы сходила на лекцию в клубе политологов как слушатель или политологом выступила (М.Е., 19 лет). В проекте или движении с эковолонтерство и экодвижение – такое же как экоэра, ЭКОИГУ (Ж.Е., 19 лет). По масштабам: районные, городские,

областные – везде. Я бы начал с малого шага – где родился там и пригодился (Д.В., 19 лет).

Среди молодежи более старшего возраста – желание организовать проекты молодежного лидерства более разнообразны и не совпадают с тематикой тех, где они хотели бы принять участие как участники, в отличие от молодежи более младшего возраста – их интересы посещения проектов молодежного лидерства и то, что они хотели бы сами организовать чаще совпадают. При этом у более младших групп – есть некий вызов (например, пригласить Путина), тогда как старшие более предметно и обстоятельно, с опорой на собственные ресурсы и знания вносят предложения.

Есть центры робототехники, центры информационного творчества, мы разрабатываем НКО «Таланты Сибири» про профориентацию с 4 класса до университета. Знакомство с миром профессий с 1 класса, психолог, в 11 классе мотивированный специалист и на 3 курсе на стажировку. В Японии есть что дети должны пройти 50 проф проб в разных профессиях. В каждой категории 10 профессий трогать своими руками. Жаль, что этот опыт проходит мимо нас (З.В., 24 года). Управленческие поединки. Но с более компетентными судьями. (П.А., 19 лет). Студенты и участники учатся выражать свою точку зрения. Управленческие поединки на базе ИСН можно чаще чем раз в год. (М.Е., 19 лет). Пригласить Путина – пусть он расскажет нам как быть управленцем. (Б.В., 19 лет). Проект наставничества (Ж.Е., 18 лет). Диалог отцов и детей. (Х.К., 18 лет). Социальное проектирование. (Д.В., 19 лет).

Отвечая на вопрос о том, чему стоит учиться молодёжные лидерам, мы получили такие ответы как: лидерству, управлению эмоциями, умению вести переговоры, регулировать конфликты, выстраивать отношения с начальством и подчиненными, психологической и морально-этической подготовке. На рис. 4 представлено долевое соотношение указанных сфер.

Рис. 4. Долевое соотношение того, чему стоит учиться молодежным лидерам

Лидерство – предполагает взятие ответственности на себя, умение управлять, делегировать ответственность и умение спрашивать за результаты работы. Собирает молодежь и мобилизовать свою группу, управлять конфликтами и добиваться результатов (П.А., 19 лет). Лидер он не должен руководить напрямую всем, он должен создать команду, каждый будет в своем направлении лидером и у них больше знаний в какой-то отрасли (П.А., 25 лет). Лидерским качествам. Не только раздал поручения и ушел своими делами заниматься. Но интересовался группой, жить ее интересами и направлять развитие (Х.К., 18 лет).

Управление эмоциями позволяет регулировать социальное взаимодействие, особенности отношения в команде и легко решать эмоционально-напряженные ситуации, сохраняя целостность команды и собственную психологическую устойчивость. Выдержанности. Контроль эмоций. Опыт неудач и умение его перебарывать становится основой социального развития или стагнации (если не смог справиться). Бывает, что ошибка, допущенная впервые – ставит человек крест на себе (З.В., 24 года). Я резкий. И для меня многое норма. Поэтому у меня была зам – которая все сглаживала (З.В., 24 года).

Умению вести переговоры, регулировать конфликты – является базовым при сложных ситуациях организации, реализации и завершения любого проекта, чем более подготовлен лидер –

тем более качественный результат получаем в итоге. *Договариваться надо уметь. Или иметь хорошего зама, который сделает это за вас* (З.А., 30 лет). *Навыки делового общения* (Ц.В., 32 года).

Умение выстраивать отношения с начальством и подчиненными – как способность всегда быть своим в любых ситуациях и обстоятельствах, умение регулировать социальное взаимодействие и всегда держать руку на пульсе. *Важно развивать внешние умения – говорить, взаимодействовать с другими лидерами. Особо со старшим поколением – мягко и четко продвигать свою позицию, чтобы тебя выслушали* (С.В., 19 лет). *Уметь взаимодействовать с окружением* (Т.Г., 19 лет). *Надо лидеру договариваться с лидерами общественного мнения, чтобы приходиться к компромиссу* (М.А., 22 года). *Надо совершенствовать навыки взаимодействия с вышестоящим руководством (политическое, частное)* (Б.В., 19 лет).

Психологическая и морально-этическая подготовка позволяет регулировать не только отношения в команде, но и собственное психологическое состояние. Это оберегает от эмоционального и профессионального выгорания и способствует более эффективной производительности. *Способность правильно распределить свое время. Активисты включаются в многие сферы и распределяют время. И не могут хорошо везде все сделать* (Ж.Е., 18 лет). *Нужна псих подготовка – нужно понимание и подход найти к другим людям* (В.М., 18 лет). *Научиться уважению. Уважать как других, так и себя* (Е.Д., 19 лет). *Не быть размазней, и я главный – а просто тем берет и делает* (Д.В., 19 лет).

Это набор рекомендаций, который изменит качество подготовки молодежных лидеров, даст больше уверенности и понимания в принимаемых решениях, управлении собой и другими людьми. Качества, что озвучили молодые люди позволяют в целом выстраивать более эффективные коммуникации и социальное моделирование любыми процессами.

Говоря о том, чему стоит учиться молодежным лидерским командам, мы выявили профессиональные и личные приоритеты (50 на 50%). Профессиональные чаще называют молодые люди старшего возраста (25–32 года), а личные более младшие молодежные группы (18–24 года) (рис. 5).

Рис. 5. Соотношение личных и профессиональных приоритетов развития управленческих лидерских команд

К профессиональным отнесли следующее. *Лидер создает команды. Проектное мышление* (З.В., 24 года). *Работать в команде* (З.А., 30 лет). *Стратегический менеджмент* (Ч.М., 30 лет). *Отстаивать ТЗ своей команды, свои цели. Отстаивать свой путь достижения цели, престиж своей команды на фоне остальных* (П.А., 25 лет). *Важным моментом является то, что о них услышали и продвигали* (П.А., 19 лет). *Команды должны понимать свою цель, понимать к чему стремятся и что каждый должен делать* (Б.В., 19 лет). *Гибкости. Не заикливаться на 1 идею, а предлагать* (С.В., 19 лет).

К личным. *Ценить друг друга* (Ц.В., 32 года). *Учиться коммуницировать друг между другом. Внутри группы. Это приводит к дезинтеграции и тяжело работать и не продуктивно работают, если этого нет* (Д.В., 19 лет). *Слушать и слышать* (Х.К., 18 лет). *Умение работать в команде* (Е.Д., 19 лет). *Знать, что мнений может быть много* (В.М., 18 лет). *Умение принимать критику* (Ж.Е., 18 лет). *Не бояться высказать свое мнение* (Д.В., 19 лет).

Вопрос, который позволил нам выявить внутренние интересы молодежи о том, что, если бы за 30 минут вы могли профессионально освоить лю-

бую профессию, получить любой навык – чему бы вы хотели научиться? (рис. 6).

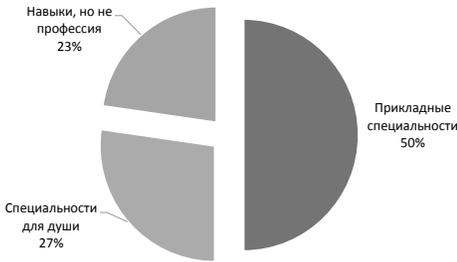

Рис. 6. Какую профессию или навык хотели бы освоить в совершенстве молодые люди за 30 минут

Часть хотела бы научиться практичным, прикладным специальностям (50%): *Врачом, IT-специалистом, освоить программирование или мобильное программирование, юриспруденцию, дизайн и медиакоммуникацию, Фотошоп в совершенстве, маркетинг, умение создавать сайты.*

Другая часть говорила о специальностях для души (27%), таких как *кузнечное дело, владеть разными языками, чтобы путешествовать. Стать педагогом. Профессия космонавта – взглянуть на то место, где живешь и посмотреть из космоса. Научиться собирать аналоговые синтезаторы. Чтобы создавать новый универсальный язык.*

Третьи говорили о навыках, а не профессии (23%). Например, *грамотно говорить и использовать чужие слова. Развивать ораторские навыки. Быть полиглотом, знать биржу, свободно выступать на публике перед большой группой. Умение слышать, аргументировано доносить информацию. Я стал бы физиком и химиком. Банки и склянки на даче – надо найти способ переработки этого для блага всех.*

Говоря о том, что изменилось в развитии добровольчества с 2018 года (года волонтера / добровольца) мы получили более скептические ответы среди старшего поколения молодежи и более позитивные среди более младших представителей молодёжи.

В этот год показали, как классно быть волонтером. Но потом забыли, что им деньги надо давать (З.В., 24 года). Да изменилось – все вернулось на круги своя (З.А., 30 лет). Мы дадим чуть денег и только на год (П.А., 25 лет). Раньше были волонтерские организации на базах школ – не большие коллективы волонтерства, то сейчас более масштабные (Х.К., 18 лет).

Респонденты указывают на повышение социального статуса волонтера особенно за 2020 год. И это связано с пандемией и работой волонтерских организаций в этот период по социальной опеке с населением.

Пандемия посадила нас всех домой, люди обратились к волонтерам. (П.А., 19 лет). До сих пор изменилось отношение к волонтерам. Даже не примывая к волонтерским центрам – люди собирались и очищали сквер от снега (М.А., 22 года). В период пандемии благодаря медиапространству – волонтерство стало более нужным и важным (Б.В., 19 лет). Волонтерство стало более востребованным. Пандемия актуализировала роль и социальный статус волонтера (С.В., 19 лет). Люди, которые имеют свой личный авто – облачались в защитный костюм и возили врачей, так как скорых не хватало – это стало основой повышения социального статуса волонтера (М.Е., 19 лет). Сейчас волонтерство входит в большее количество сфер (Е.Д., 19 лет). После пандемии волонтерство усилилось (Е.М., 18 лет). До 2018 года – я волонтер. И тебе – тебе чего заняться не чем? То сейчас – я волонтер. Все: ого!!! Это круто. Это уже социальный капитал (Ж.Е., 18 лет). С 2018 г волонтерство стало более доступным. Сейчас не обязательно вступать в волонтерскую организацию, чтобы сделать добро. Принес и оставил в Слате (Д.Е., 19 лет).

Интересными оказались ответы на вопрос чего не хватает для развития волонтерства в вашем муниципалитете: денег, смыслов, системности, а также есть те, кому всего хватает (рис. 7).

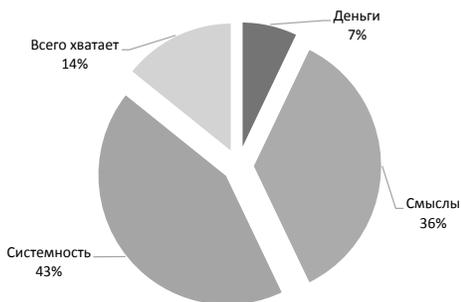

Рис. 7. Чего не хватает для развития волонтерства в вашем муниципалитете

Денег (7%). Вопрос финансирования стоит открыто, из каких средств, за чей счет и т.д. Но при этом этому фактору отводится минимальное место в распределении ответов в том, чего же не хватает волонтерству. Не всегда идея помогает. Масштабность предполагает финансирование (Ж.Е., 18 лет).

Смыслов (36%). А зачем? Зачем помогать одним и не помогать другим. Какой смысл работы – помощь ради помощи или есть более высокий уровень ориентиров волонтерской деятельности. Если и так – то далеко не у каждой организации. Наши волонтеры занимаются всем и понемногу. Ирида: *сегодня поможем собакам. Зачем им? Что изменилось? Это волонтерство событийное и не системное. Все любят помогать собакам, но помогают пенсионерам* (З.В., 24 года). *Традиций – но их не создашь* (З.А., 30 лет). *Стахановцы в СССР – уголь добыл несколько норм. Мы поднимали страну – нам это было нужно. Романтические вещи нужны были государству. А сейчас этого нет. Поэтому волонтерство – внутреннего смысла не несет* (П.А., 25 лет). *В СССР мы сильно поднялись и в мире занимали лидирующие позиции. Для людей это была реализация. Это было качество жизни* (Ц.В., 32 года). *Если ты сделал что-то – то тебя признавали, мы жили в МЫ, в коллективе. А сегодня несколько питомников накормили – бумажку дали. Почетный волонтер – дополнения к пенсии, ЖКХ. Это все стало романтизироваться потом – чтобы оправдать преступления того режима* (З.А., 30 лет).

Системности (43%). Комплексность подхода к решению проблемы, а не разовая, локальная помощь отдельным представителям, которая не изменит ни ситуациях, ни общую картину. *Системы обучения не хватает. Курсов нет.* (Ч.М., 30 лет). *Самих мероприятий в Тулу не хватает. И тех людей, кто смог бы достойно их организовать* (Е.Д., 19 лет). *Не хватает инициативных людей, которые готовы брать иди из чего можно сделать проект* (Ж.Е., 18 лет). *В волонтерство надо чтобы включались люди из органов власти* (Х.К., 18 лет). *Развивать межсекторное партнерство* (В.М., 18 лет). *Не хватает общественно-го понимания – не участвуют и не хотят делать – не хватает внимания. Поэтому надо системно решать проблему* (Д.В., 19 лет).

Всего хватает (14%). *Всего хватает – развиваемся* (П.А., 19 лет). *Мы не особо участвуем. Но по слухам все движется* (Б.В., 19 лет).

Данные ответы показывают, что необходима комплексная работа по смысловому ориентированию развития волонтерства. А также системная продуманная политика по реализации волонтерских программ и проектов, в рамках которой, молодежные управленческие команды станут форваторами позитивных перемен в удаленных районах страны.

Образы волонтерства в сознании молодежи могут стать основой для формирования комплексного стратегического развития управленческих молодежных волонтерских команд, регулирующих развитие территории. Все респонденты отметили, что волонтер сегодня и волонтерство как социальное явление имеет позитивный образ, особенно этому способствовала пандемия 2020 года. *Молодой человек с горящими глазами и большим сердцем. Пандемия хорошо на волонтера сыграла. До пандемии – образ оборванца* (З.А., 30 лет). *Инициативный образ небезразличного человека* (Ч.М., 30 лет). *Волонтерство – хороший способ познать мир. Это разные пространства, которые позволяют реализоваться* (П.А., 25 лет).

Добрый отзывчивыми человек, работающий за идею, еду (Ц.В., 32 года). Позитивный образ – это ребята которые открыты к помощи, действиям, готовы прийти на помощь в любой момент (П.А., 19 лет).

Волонтерский центр ИГУ – во время ковида не было того, кто отказался. Заявка развести 50 пакетов по бабушкам и дедушкам – развозили (М.Е., 19 лет). Не только позитивный, любят с горящими глазами. Но делают они для чего? Куда дальше они пойдут? Будут дальше профессионально развивать? Или же это будет только в молодежной среде (Б.В., 19 лет). Это только положительный образ (А.М., 19 лет). Интересно – как будет негативный образ волонтера – если судить по поступкам и с какой широтой души они выполняют поручения. Даже если в будущем они выделяться, и чтобы получить социальные бонусы (С.В., 19 лет). Разве это плохо если они получают бонусы. Мотивация их если из собственного капитала – разве это плохо? (М.А., 22 года).

Может быть лучше повышать квалификацию волонтеров, обучение чтобы они могли использовать это во благо (Т.Г., 19 лет). Только позитивный. Волонтер в принципе не может быть негативным. Это инициативные, открытые, зажигательные люди, которые горы с тобой будут свершать. (Х.К., 18 лет). Если в человеке есть негатив – то он не будет заниматься волонтерством. Волонтеры – это те люди, которые спешат помочь и делают только хорошее (Е.Д., 19 лет). Со стороны волонтер позитивно воспринимается. Волонтеры делают добрые поступки (В.М., 18 лет). Волонтер может быть как позитивным, так и негативным. Кто-то обвинит в пропаганде, а кто-то увидит светлую веру в то, что он делает. И это люди, которые хотят изменить мир (Ж.Е., 18 лет). Волонтер положительный образ. Я ответственный не только за себя, но и тех, кто рядом. Социально ответственный человек (Д.В., 19 лет).

При этом, встречаются образы волонтеров, которые имеют негативную коннотацию. С ящичком кто ходит, в ав-

тобусы заходят. Они сами по себе забитые. лет 9 назад в педагогические организации, были лидеры, звездочки. А сейчас идут чтобы им помогли, а не они помогали. Как на психолога идут чтобы свое лечить (З.В., 24 года).

Подводя итог, можно сказать, что образ волонтера строится на инициативе и небезразличии, социальной ответственности, эмпатии и вовлеченности во многие социально-важные сферы общества. В общественном сознании волонтер все больше и больше играет положительной роли. Особую лепту в этот собирательный образ внес 2020 год с пандемией и активной работой волонтеров, которая освещалась во всех СМИ и сети Интернет. Волонтер как образ – стал символом социальной успешности и социальной активности.

По нашему мнению, данные условия являются наиболее оптимальными для развития молодежных управленческих команд для развития территории. Это может ознаменовать новый этап эволюции волонтерства и добровольчества в России. И станет поворотным пунктом в инструментально-технологическом включении молодежных управленческих коллективов в административно-управленческие системы развития удаленных территорий. Инициативы молодежи, поддержанные местными властями и отточенные в процессе обучения и освоения передовых технологий через работу молодежных некоммерческих организаций – станет новой вехой развития волонтерства и добровольчества в Иркутской области, а затем и России.

Выводы

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что образ волонтера на данный момент как никогда ранее имеет позитивные смыслы и коннотации в общественном сознании. Молодые люди активно включаются в социальное взаимодействие и работу в волонтерских организациях. Но это является скорее их личной инициативой.

Чтобы волонтерство и добровольчество стало принципиально новой фор-

мой поведения, позволило сформироваться новому управленческому мышлению – необходимо развивать новые управленческие команды. Их строительство должно опираться на смыслы деятельности (и не только популяционные лозунги нужны, но и рабочие, понятные схемы), системные технологии развития, финансирование и социальное взаимодействие, позволяющее перенять опыт прошлого и инновационные технологии будущего.

Для молодых людей, занимающихся волонтерством имеются три стратегии формирования и развития волонтерства (социального успеха, социального научения, личного развития), которые определяют то, зачем приходит молодежь в волонтеры. При этом, все респонденты отмечают приоритет ценности управленческой команды над отдельными волонтерскими инициативами отдельного человека.

Управленческие команды нужны для преемственности и эффективности (опыт), для умения договариваться и нести ответственность (коммуникация), для идеализации и социальных лифтов.

Лично каждый участник хотел бы сделать или провести ряд мер, направленных на интересы молодежи в разных сферах: философско-риторической, образовательно-просветительской, социально-психологической, социальном партнерстве, управленческо-организаторской. И эти сферы позволили бы сделать волонтерство как социальную практику более разнообразной и наполненной важными идеями, смыслами и стратегиями.

Волонтерам на местах не хватает стратегии, смысла и финансов и небольшая группа полагает, что всего хватает. А этот пробел могут восполнить управленческие команды на местах, которые смогут регулировать социальное воспроизводство и общественную активность через моделирование волонтерских проектов в конкретном удаленном муниципалитете.

Таким образом, стратегия подготовки молодежных управленческих ко-

манд должна строиться на социально-смысловом системном подходе определяющим волонтерскую деятельность и цели, и ресурсы управленческих команд, а также комплексном стратегическом варианте информирования, привлечения, обучения и последующей поддержки молодежных управленческих команд в удаленных районах Иркутской области. Данная стратегия подготовки опирается на личные мотивы участия волонтеров и социально-конструируемые поизвитые образы волонтерства, что закрепились в общественном сознании во время и после 2020 года. На данный момент приходится один из самых позитивных периодов активизации работы над управленческими командами.

Ресурсы некоммерческих организаций и органов власти, должны быть направлены на поиск и информирование социально-активной молодежи для привлечения ее в управленческие команды и дальнейшая поддержка в их функционировании. Таким образом, полагаем, что цель исследования достигнута – стратегические ориентиры развития молодежных управленческих команд обозначены.

Литература

1. Аносов С.С. Волонтерская деятельность студентов: социально-философский и прикладной анализ // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2018. № 5. С. 33–35.
2. Аносов С.С. Волонтерство как социальная и естественная потребность // *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке*. 2018. № 9. С. 130–134.
3. Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // *Социология*. 2020. № 4. С. 4–21.
4. Аносов С.С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.

5. Аносов С.С. Философия волонтерского движения или новые формы социального служения // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2. С. 6–13.
6. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
7. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
8. Ковригина Г.Д. Особенности просоциального поведения // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 33–41.
9. Полюшкевич О.А. Доброта как практика просоциального поведения // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ. 2020. С. 228–230.
10. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
11. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение: подарки в современном мире // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 119–126.
12. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
13. Полюшкевич О.А. Социальные и естественные предпосылки формирования «социальной эмпатии» // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 223–228.
14. Трескин П.А. Изменение места и роли некоммерческих организаций в цифровую эпоху // Социология. 2019. № 4. С. 163–167.
15. Трескин П.А. Уровень доверия населения Байкальского региона

к деятельности общественных организаций // Социология. 2019. № 1. С. 163–166.

16. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.

ENHANCING YOUTH PARTICIPATION IN VOLUNTEERING

Ivanov R.V.
Irkutsk State University

The article presents the results of a qualitative focus group study on the participation of young people of different ages in volunteering. The structural, institutional and personal-symbolic features of the motivation of volunteer activity are analyzed, which determine the formal framework and structural features of the development of volunteering and volunteering in the youth environment.

Keywords: youth, volunteering, civic engagement, social development

References

1. Anosov S.S. Volunteer activity of students: socio-philosophical and applied analysis // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2018. No. 5. S. 33–35.
2. Anosov S.S. Volunteering as a social and natural need // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2018. No. 9. P. 130–134.
3. Anosov S.S. Problem areas of civil activity in modern Russia // Sociology. 2020. No. 4. S. 4–21.
4. Anosov S.S. Regional conditions of social activity of civil initiatives // News of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. 2018. V. 23. S. 47–54.
5. Anosov S.S. Philosophy of the volunteer movement or new forms of social service // Humanitarian vector. 2018. V. 13. No. 2. S. 6–13.
6. Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk // Sociology. 2020. No. 5. P. 145–151.
7. Ivanov R.V. Mobilization solidarity during a pandemic // Sociology. 2021. No. 4. S. 92–105.
8. Kovrigina G.D. Features of prosocial behavior // Humanitarian vector. 2019. V. 14. No. 2. S. 33–41.

9. Polyushkevich O.A. Kindness as a Practice of Prosocial Behavior // Spaces of Social Tension and Strategic Consensus Interactions in the 21st Century. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU. 2020. S. 228–230.
10. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // The problem of correlation between the natural and the social in society and man. 2020. No. 11. P. 127–131.
11. Polyushkevich O.A. Prosocial Behavior: Gifts in the Modern World // The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man. 2021. No. 12. P. 119–126.
12. Polyushkevich O.A. Social Empathy: Issues of Consolidation of Russian Society // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2015. No. 6 (130). pp. 3–18.
13. Polyushkevich O.A. Social and natural prerequisites for the formation of “social empathy” // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2017. No. 8. S. 223–228.
14. Treskin P.A. Changing the place and role of non-profit organizations in the digital era // Sociology. 2019. No. 4. S. 163–167.
15. Treskin P.A. The level of confidence of the population of the Baikal region in the activities of public organizations // Sociology. 2019. No. 1. S. 163–166.
16. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // Sociology. 2020. No. 1. S. 352–357.

Социальные функции и социальный портрет пенсионеров в российском обществе. Пенсионеры – особая социальная группа, составляющая социальной целостности и носитель социальной организации общества

Осеев Александр Александрович,

доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Oseev.A@mail.ru

Изучая социальный портрет пенсионеров в России приходишь к выводу, что неизменным составляющим социального портрета становилось выделение важных социальных функций, которые пенсионеры выполняют в российском обществе. Попытка показать социальную роль пенсионеров можно найти во многих научно-исследовательских работах. Но при этом, несмотря на множество работ, выделить наиболее полно и точно важные социальные функции пенсионеров было сделано недостаточно. Мы смогли определили 17 важных социальных функций, которые выполняют пенсионеры в российском обществе. Из чего следовал другой важный вывод: пенсионеры это особая социальная группа, которая по своим социальным функциям является составляющей социальной целостности и носитель социальной организации общества. При анализе социального портрета пенсионеров рассматривались следующие вопросы. Продолжительность жизни в России как показатель качества жизни жителей страны, включая пенсионеров. Методология исследования: уровень и качество жизни пенсионеров Западных странах и в России: общие показатели («пенсионный индекс»). Уровень и качество жизни пенсионеров в России (на примере Кемерово – крупного промышленного центра РФ). Занятия, досуг, тревоги пенсионеров. О чем жалеет старое поколение после выхода на пенсию.

Ключевые слова: Социальные функции, социальный портрет пенсионеров в российском обществе. Методология исследования: уровень и качество жизни пенсионеров.

1. Актуальность изучения социальной группы пенсионеров в современной России. Социальные функции пенсионеров в российском обществе: пенсионеры – составляющая социальной целостности и носитель социальной организации общества

Изучая социальный портрет пенсионеров в России приходишь к выводу, что неизменным составляющим социального портрета становилось выделение важных социальных функций, которые пенсионеры выполняют в российском обществе. Из чего следовал другой важный вывод, что пенсионеры – это особая социальная группа, которая по своим социальным функциям является составляющей социальной целостности и носитель социальной организации общества.

Попытка показать социальную роль пенсионеров можно найти во многих научно-исследовательских работах. Так, например, в статье А.А. Козырева, З.С. Шангарова достаточно подробно рассматривается набор социальных ролей современных пенсионеров. Анализируются научные подходы зарубежных и отечественных исследователей по проблеме¹. В работе О.В. Николаевой рассматриваются занятия и досуг пенсионеров, показан удельный вес пенсионеров, которые выполняют те или иные важные социальные роли. Как отмечает О.В. Николаева, «современные пенсионеры являются важным элементом социальной структуры рос-

¹ Козырев А.А., Шангарова З.С. Социальные роли современных пенсионеров. // Вестник экономики, права и социологии, 2010, № 4. С. 270–274.: URL: Социальные роли современных пенсионеров cyberleninka.ru·Грнти:n/sotsialnye-rol... (дата обращения: 1 января 2020 г.).

сийского общества, поскольку их социальные установки, экономическое положение и поведение, а также темпы роста данной социально-возрастной группы оказывают существенное влияние на социально-экономические и политические процессы в обществе, на взаимодействие различных социальных институтов и жизнедеятельность общества в целом»².

На международной научно-практической конференции «Старшее поколение современной России», прошедшей 13–14 октября 2021 г. в Нижегородском государственном университете в г. Нижний Новгород обсуждались проблемы старшего поколения в контексте социальной политики. Обсуждались важные темы: трудовая деятельность людей старшего поколения; старшее поколение в цифровом обществе; старшее поколение в правовом поле; пенсионная реформа 2018 г.; здоровье – долголетие; инвалидность пожилых; «гражданская активность, «серебряное волонтерство»; формы досуга; прародительские семьи; социальное сиротство стариков; межпоколенные отношения в современной семье; насилие и эйджизм в отношении старшего поколения; девиантные практики людей старшего поколения, международные практики социальная поддержка старшего поколения»³ и пр. Все отмечают особую роль пенсионеров в обществе. Но при этом, несмотря на множество работ, выделить наиболее полно и точно важные социальные функции пенсионеров было сделано недостаточно.

² Николаева. О.В. Пенсионеры в современных условиях: ценности и социальное самочувствие (на материалах конкретно-социологического исследования в г. Казани). // Особенности социализации пенсионеров в современном обществе. URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 23 сентября 2020).

³ Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 779 с. URL: Международная научно-практическая конференция «Старшее поколение современной России» – Университет Лобачевского <http://unn.ru> (дата обращения: 20.11.2021).

Социальные функции пенсионеров в российском обществе

Как известно, «в социальных науках под функциями понимаются некоторые устойчивые характеристики объекта, совокупность которых дает общее представление о месте того или иного объекта или процесса в происхождении, существовании, развитии глобального целого, а также о взаимосвязи и зависимости его составляющих»⁴. Мы смогли определить 17 важных социальных функций, которые выполняют пенсионеры в российском обществе и которые ждут своего тщательного анализа. В одной из наших работ, например⁶, мы говорили о значимости исследования социальных функций пенсионеров в российском обществе и тезисно обозначили несколько. Исследовательская работа после выхода статьи была продолжена и список функций к настоящему моменту был еще расширен. В данной статье представляем их в наиболее полном виде.

Углубленное понимание социальных функций, выполняемых пенсионерами в обществе, способствует раскрытию механизмов и законов воспроизводства российского общества как социального целого. Кардинальное изменение функции целого или его основных частей приводит к перестройке социальных механизмов – управления, мышления, деятельности и т.п. Известно, что Аристотель, Т. Парсонс, Н. Смелзер и дру-

⁴ В.Д. Фискалов, В.П. Черкашин Теоретико-методические аспекты практики спорта учебное пособие для использования в образовательных учреждениях, реализующих программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 034500.68 и 49.04.03–»Сп... URL: <http://dlib.rsl.ru> (дата обращения: 12 января 2021).

⁵ Титаренко Л.Г. Социальная функция. //Социология: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. 2003. URL: Социальная функция – это... Что такое... sociology_encyclopedia.academic.ru 1003... (дата обращения: 12 января 2021 г.).

⁶ Осеев А.А. Социальные функции и социальный портрет пенсионера в России 2020–2021: уровень жизни, занятия, досуг. //Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского Н. Новгород, 2021. С. 154–158.

гие исследователи рассматривали общество как социальную систему, живой организм, в котором социальные институты являются «фабриками» по воспроизводству социальных связей. Причиной социальных, структурных конфликтов зачастую есть сбой, деформация нормального функционирования общества или социальной организации, дисфункциональные процесс в социальных системах, неравномерность их развития. Говоря о социальной роли пенсионеров в обществе, мы как раз хотим показать, что **пенсионеры это особая социальная группа общества, которая по своим социальным функциям является составляющей социальной целостности и носитель социальной организации общества.**

Пенсионеры выполняют следующие важные и порой незаменимые государством социальные функции.

1. Работающие пенсионеры и неработающие пенсионеры реальная и потенциальная рабочая сила в экономике страны – составляют почти треть населения РФ. Известно, что по данным Росстата число пенсионеров в России на 2020 г. составляет 43,5 миллиона человек (почти треть населения РФ).

Как отмечается в информационном сообщении от 28 августа 2021 г. РИА Новости, по данным счетной палаты число пенсионеров «в России на 1 апреля 2021 года проживало 42,6 миллиона человек, 8,6 миллиона продолжали работать»⁷. Если обратить внимание на статистические показатели, то число работающих пенсионеров за последние годы снижается. Но так ли это в реальности? Согласно действующему законодательству, пенсия работающего пенсионера в условиях инфляции не подлежит индексации в отличие от неработающего пенсионера. Поэтому многие работающие пенсионеры из-за невысокого размера пенсии чтобы получить индексацию вы-

нуждены скрывать свою фактическую занятость от ПФР.

2. Известно, что значительную долю высоко квалифицированной рабочей силы в производстве, на высокотехнологических предприятиях, в сфере образования и науке и пр. составляют пенсионеры. Учитывая, что высокая квалификация персонала напрямую связан с разработкой и внедрением нововведений и участием в управлении организацией, понятна и важная роль занятых пенсионеров в инновационном развитии общества.

3. Пенсионеры являются носителями нравов, традиций, профессиональной и трудовой культуры, идей патриотизма и стабильности в обществе. На правительственном уровне признается, что традиционные семейные ценности являются важнейшей нравственной опорой России.

4. Пенсионеры – воспитатели и наставники молодого поколения, людей средних возрастных групп.

5. Пенсионеры являются воспитателями своих внуков и помощниками своим детям в воспитании их детей. Исследования, проведенные в живой природе, показали, что старые слоны в возрасте 50 лет и более покидая свои стада, не жили, как это считалось раньше абсолютно обособленно, а продолжали общение, звуковую коммуникацию с молодыми слонами, выступая их наставниками: делились ценными знаниями и демонстрировали правильное поведение⁸.

Пенсионеры, занимаясь воспитанием своих внуков делятся ценными знаниями и демонстрируют социально-значимые образцы поведения: помощь, взаимопомощь, умение преодолевать трудности, патриотизм, интерес к творчеству, чтению, умение преодолевать трудности. Учитывая тот факт, что за-

⁷ Счетная палата назвала число пенсионеров в России URL: ria.ru:20210825/pensionery-1747121552.html (дата обращения: 1 сентября 2021 г.).

⁸ «Поговорим об органах чувств. Как тюлени с помощью усов могут обнаружить турбулентность воды, и как слоны «слышат» ногами?». Телеканал «Моя планета» – главный российский познавательный канал о путешествиях, истории науки и людях. 11:40–12:40. 31.01.2020.

частую время общения с внуками у них бывает больше, чем у постоянно занятых работой родителей, можно без труда увидеть важную роль в воспитании молодого поколения россиян.

6. Пенсионеры очень часто выступают помощниками в работе по ведению домашнего хозяйства своим детям, экономя их силы, создавая возможности для плодотворной работы. Для безработных детей это просто незаменимая, а порой и единственная поддержка в условиях экономического кризиса в стране. Работа в домашнем хозяйстве в США оценивается миллиардами долларов.
7. Многие пенсионеры на протяжении ряда лет оказывают значительную материальную (финансовую) поддержку своим детям и своим близким, экономя их силы для решения бытовых вопросов.
8. Благотворительность – еще одна важная функция, которые выполняют пенсионеры в российском обществе. Пенсионеры участвуют в благотворительных акциях: оказывают помощь нуждающимся, в том числе, по обращениям ТВ оказывают финансовую поддержку родителям в лечении больных детей и пр.
9. Многие пенсионеры выполняют защитную функцию для своих близких. Она заключается в социально-психологической и интеллектуальной поддержке своих детей и близких в обычных и сложных жизненных ситуациях, особенно в периоды стрессовых событий (неприятности на работе, угроза безработицы, разлады, конфликты с родственниками, со знакомыми, конфликты с правоохранительными органами и пр.): советы в решении жизненных проблем, эмоционально-психологическая разрядка в процессе общения, «ощущение молодости у своих детей пока живы родители». Наблюдения показывают, что такие качества пенсионеров приводят к тому, что пенсионеры выполняют еще одну важную функцию по отношению к своим детям.

10. Многие пенсионеры являются экзистенциальным стимулом для своих детей внимательного, бережного, заботливого отношения к их «возрасту дожития».

11. Пенсионеры выступают носителями значительной части совокупного спроса и, как следствие, стимулируют развитие производства, торговли и сферы услуг.

12. Пенсионеры являются вкладчиками банков, становятся инвесторами экономического развития банковской сферы и сферы производства, кредитования хозяйства. Сбережения населения выступают особым инвестиционным ресурсом финансового рынка. А также важным индикатором уровня жизни населения⁹. Если учесть тот факт, что число пенсионеров составляет треть населения, то можно представить масштабы отечественного финансового сектора экономики, инвестиционного ресурса финансового рынка. При этом, как показывают статистические данные по состоянию на 2019 год, 20% пенсионеров живут на проценты, полученные от своих сбережений (данные с сайта Банки.ру). У среднего пенсионера на вкладе находится около 500 тыс. рублей: у большинства вкладчиков пенсионного возраста на счете лежит от 300 до 700 тыс. рублей¹¹.

13. Налоги с заработной платы работающих пенсионеров, которые платят

⁹ Роль и место вкладов населения в деятельности коммерческого банка. Экономическая сущность сбережений населения. URL: Роль и место вкладов населения в деятельности... vuzlit.ru/61356/rol_mesto_vkladov_naseleniya...banka (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

¹⁰ Звонова Е.А. Банковские вклады как основной инструмент аккумуляции сбережений населения в современных условиях. // Экономика и управления, № 1, 2015. URL: Банковские вклады как основной инструмент...cyberleninka.ru/article/n...vklady-kak...naseleniya-v... (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

¹¹ Сколько денег на вкладе у среднего пенсионера. 24 марта 2019. URL: Сколько денег на вкладе у среднего пенсионера zen.yandex.ru/Яндекс.Дзен.../skolko-deneg-na-vklade... (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

работодатели являются важной составляющей доходов государства. То есть пенсионеры выполняют функцию пополнения бюджетов разных уровней.

14. Пенсионеры в российском обществе всегда были активными избирателями и потому являются индикаторами электоральной активности, состояния политической системы, эффективности функционирования других важных социальных институтов общества. Таким образом, через свое электоральное поведение оказывают влияние на правительство в разработке социальной политики государства.
15. Пенсионеры выступают индикаторами оценки уровня культуры в обществе, включая СМИ. Исследования показывают (об этом подробнее будет рассказано ниже), что за последние годы снижается число россиян, включая пенсионеров, которые смотрят ТВ.
16. Следует отметить, что в силу своего возраста и состояния здоровья, недостаточной поддержки со стороны государства пенсионеры могут выступать предметом обязательств и заботы со стороны детей.
17. Кроме того, как показывает социальная практика, в кризисные периоды граждане пенсионного возраста выступают «тяжким бременем для государства», показателем чего являются заморозка пенсий для работающих пенсионеров, заморозка накопительной части пенсии, увеличение пенсионного возраста выхода на пенсию.

Еще предстоит определить причины и факторы резкого сокращения пенсионеров в России почти на 1 миллион человек с 43,5 миллионов человек в 2020 г. до 42,6 миллионов в 2021 г.

Для справки хотелось бы отметить общую проблему сокращению численности населения в РФ. Вице-премьер России Т. Голикова заявила 6 сентября 2021 г., «что почти треть смертей в России приходится на граждан трудоспособного возраста, 80% умерших

составляют мужчины. ... 55% в общей структуре смертности составляют сердечно-сосудистые заболевания»¹².

Исследования показывают, что большинство граждан общества хорошо осознают недостаточную роль государства в деле обеспечения пенсионеров. И здесь наблюдаются два противоположных эффекта. С одной стороны, работающие граждане, не надеясь на государство, начинают активно искать новые формы своего будущего обеспечения при выходе на пенсию: развитие бизнеса, покупка недвижимости в России и за границей, вложения в банковскую сферу и пр. Вплоть до эмиграции. Согласно социологическим исследованиям, проведенным в 2020 г. ВЦИОМ, отмечает О. Мясникова, намерение уехать выразили 17% опрошенных¹³. Понятно, что причины могут быть разные. Среди них, несомненно, выступает и фактор неуверенности в пенсионном обеспечении в будущем. О чем свидетельствуют распределения мнения покинуть страну среди разных возрастных групп населения: «чаще всего перспективы отъезда для себя рассматривают молодые люди в возрасте 18–24 года – 38% людей этой группы заявили о таком желании в ходе опроса. Среди людей из возрастной группы 25–34 года хотят уехать 31%. **Самая консервативная в этом вопросе группа людей в возрасте старше 60 лет.** Лишь 4% опрошенных людей этого возраста хотят переехать из страны»¹⁴. Как отмечает О. Мясникова: «Молодежь традиционно является самой мобильной социальной группой, и это касается не только России.

¹² Голикова: в России почти треть смертей приходится на трудоспособный возраст. URL: russinfo.rtc.com (дата обращения: 6 сентября 2021 г.).

¹³ ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать. 8 сентября 2020. URL: ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать https://znak.com/2020-09_08/vciom...rossiyanin...emigrirovat (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

¹⁴ ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать. 8 сентября 2020. URL: ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать https://znak.com/2020-09_08/vciom...rossiyanin...emigrirovat (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

При этом молодежь не связывает смену места проживания с отказом от своей российской идентичности, а переезд давно не воспринимается как фатальный выбор без возможности вернуться на Родину. Если в 2019 году 51% представителей возрастной группы от 18 до 24 лет заявляли о готовности сменить страну проживания, сегодня эта доля сократилась до 38%», – заметила советник генерального директора ВЦИОМ Елена Михайлова¹⁵. «При этом лишь 11% от общего числа готовых уехать заявили о том, что думали об эмиграции в ближайшие два года, а 43% не задумывались о конкретной дате переезда. Среди пожелавших покинуть страну, 39% заявили, что пока ничего не делали. 29% изучают иностранный язык, 21% консультируются с переехавшими знакомыми. Копят деньги на переезд 16% из опрошенных»¹⁶.

Обсуждая возможные причины для отъезда, 50% респондентов отметили, как важный параметр, более высокий уровень жизни и зарплат в стране, подходящей для переезда. Второе по популярности объяснение (22%) – недовольство правительством и политикой, проводимой российскими властями. Еще 17% указывают на соблюдение прав человека и развитие законодательства. 16% ждут от переезда стабильности¹⁷.

Как не парадоксально будет звучать, мнение населения о недостаточной роли государства в деле поддержки пенсионеров начинает влиять на активизацию электорального поведения другой части общества и искать среди кандидатов в выборные органы разно-

го уровня кандидатов, способных защитить интересы пенсионеров, что само по себе является стимулами совершенствования самой пенсионной системы.

Все говорит о том, что изучение данной социальной группы остается актуальным и востребованным в современной науке.

Важные проблемы, которые волнуют пенсионеров

Еще в ходе социологических исследований, проведенных О.В. Николаевой в г. Казани 2008 г., отмечалось, что «наиболее актуальные проблемы современных пенсионеров является плохое самочувствие (39,5%), рост цен на продукты (67,5%), рост цен на коммунальные услуги (56,8%), отсутствие денег (35%). В целом опрос показал, что пенсионеры являются особой социальной группой, которая объединена не только возрастными критериями, но и общностью интересов, социальными ценностями, особенностями жизнедеятельности и мировоззрения. Данная группа отличается большим терпением, непритязательностью и оптимизмом. При этом, как отмечает автор, 12,8% свойственны негативные эмоции по отношению к своему будущему»¹⁸.

Что поменялось в тревогах пенсионеров за последние годы?

2020 г. Главной заботой людей старшего возраста в России является бедность. Об этом говорится в исследовании Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенным еще в 2017 г. «По данным опроса, большинство респондентов считают основной проблемой бедность и низкую пенсию (об этом заявили 59% опрошенных). Лишь на втором месте – проблемы со здоровьем (45%). Согласно сентябрьскому опросу Левада-центра бедность и вопросы здоровья беспокоят не только людей пожилого

¹⁵ Мясникова О. ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать. 8 сентября 2020. URL: znak.com/2020-09-08/vciom...rossiyanin...emigririvat (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

¹⁶ ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать. 8 сентября 2020. URL: <https://znak.com/2020-09-08/vciom...rossiyanin...emigririvat> (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

¹⁷ Мясникова О. ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать. 8 сентября 2020. URL: znak.com/2020-09-08/vciom...rossiyanin...emigririvat (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).

¹⁸ Николаева. О.В. Пенсионеры в современных условиях: ценности и социальное самочувствие (на материалах конкретно-социологического исследования в г. Казани). // Особенности социализации пенсионеров в современном обществе. URL: cyberleninka.ru/article/n...sotsializatsii...kazani (дата обращения: 23 сентября 2020 г.).

возраста, но и большинство россиян более молодого поколения. То, что две эти неприятности тесно взаимосвязаны вполне объяснимо – болеть, когда нет денег на лекарства весьма жутковато. А вот к возможности покинуть бранный мир россияне относятся весьма философски. Только 33% заявили, что их пугает смерть в целом. Порадовать пожилых людей властям пока нечем. Согласно прогнозу Минэкономразвития, в реальном выражении пенсии будут только снижаться в ближайшие три года, прежде всего, за счет отказа от индексации работающим пенсионерам»¹⁹.

Категории пенсионеров, получающие выплаты от государства в 2020 году. Согласно данным Росстата, число Пенсионеров в России на 2020 г. составляет **43,5**²⁰ миллиона человек, почти треть населения РФ. При этом под «понятие «пенсионер», согласно определению Пенсионного фонда России, попадают несколько категорий граждан: 1) граждане, получающие страховые пенсии по старости; 2) граждане, получающие пенсии из бюджета МВД и Министерства обороны РФ; 3) инвалиды; 4) граждане, получающие разного рода пособия в виде материальной помощи»²¹. Из них большинство получают страховую пенсию по старости, ещё часть – социальную. Остальные являются получателями пенсий по инвалидности, по потере кормильца и как жертвы катастроф²².

Уровень пенсионного обеспечения. «Пенсионеров первого и второго сорта

¹⁹ ВЦИОМ выяснил главные проблемы пенсионеров в России в 2017 г. URL: gr-silyu.ru/obshchestvo/vciom...glavnye...pensionerov-v... (дата обращения: 8 декабря 2021 г.).

²⁰ Количество Пенсионеров в России на 2020 год: изменения и поправки. URL: nl-consalting.ru/kolichestvo-pensionerov-v-rossii-na-2019-god (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

²¹ Численность пенсионеров в России в разные годы. Инфографика. Численность пенсионеров и затраты на пенсионное обеспечение в России. URL: <https://na-pensiyu.ru> (дата обращения: 19 декабря 2020).

²² Сколько всего работающих и неработающих пенсионеров... URL: opensii.info/answers/skolko-pensionerov-v-rossii/ (дата обращения: 9 октября 2020 г.).

не должно быть в России. Об этом заявил глава Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) М. Шмаков, сообщает ИА DEITA.RU.»²³. Как отмечает ИА DEITA.RU., «российских пенсионеров разделили на две категории: неработающих и работающих. Если первым проводится регулярная индексация пенсий, то вторым – от случая к случаю и в других объемах. Причем, в проект бюджета Пенсионного фонда России (ПФР) на 2021 год предусмотрена индексация страховых пенсий неработающим пенсионерам на уровне 6,3 процента, а социальных пенсий – на уровне 2,6 процента. Так, среднегодовой размер страховой пенсии по старости неработающих пенсионеров в 2021 году составит 17443 рубля»²⁴.

По словам профсоюзного лидера, чтобы избежать опасности подобного разделения пенсионеров на сорта, ФНПР продолжит выступать за необходимость индексации пенсии работающим пенсионерам. М. Шмаков также указал, что эта группа граждан «несет значительный вклад и в сам Пенсионный фонд»²⁵. При этом, вопрос об индексации пенсии работающим пенсионерам, чья пенсия была заморожена в 2016 г., так и не был решен.

Важно отметить, что по данным Росстата, в 2020 году средний размер пенсий по старости для неработающих пенсионеров в России составляет 15878,4 рублей²⁶.

По распоряжению В.В. Путина 22 августа 2021 г. пенсионеры РФ, которые получают пенсию, получают одноразовую выплату в размере 10000 руб. Мно-

²³ Российских пенсионеров разделили на сорта: URL: deita.ru/article/482640 (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

²⁴ Средняя пенсия в России по регионам в 2021 году...URL: 2021god.com...pensiya-v-rossii-po-regionam-v...godu... (дата обращения: 1 сентября 2021 г.).

²⁵ Российских пенсионеров разделили на сорта: URL: deita.ru/article/482640 (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

²⁶ Таблица выхода на пенсию: график выхода на пенсию для мужчин и женщин. URL: Таблица выхода на пенсию: график выхода на пенсию... Яндекс.Дзен (дата обращения: 20.09.2020).

гие из опрошенных пенсионеров отметили, что «эти деньги будут потрачены лишь как компенсация на повышение цен на лекарства и оплату возросших расценок на услуги ЖКХ».

Прогноз по количеству пенсионеров в России на ближайшие 5 лет

«В ближайшее время количество пенсионеров в России будет и дальше расти. Такого мнения придерживаются специалисты, проанализировавшие нынешнюю обстановку. Даже существенное повышение пенсионного возраста в России не может кардинально изменить ситуацию, хотя некоторые коррективы таким способом чиновникам внести все же удалось».

До начала действия пенсионной реформы в РФ прогнозируемое количество пенсионеров к 2024 году составляло 43,1 млн человек. Вскоре эти данные были пересмотрены. Теперь же в Минтруде заявляют о 37,5 млн человек, которые будут иметь статус «пенсионера» к началу 2024 года.

По прогнозу Высшей школы экономики, к 2030 году общее число пенсионеров достигнет 41–42 млн человек. Исследователи заявляют, что столь большой разброс связан с возможным изменением продолжительности жизни в стране ввиду воздействия различных факторов»²⁷.

Как известно, увеличение числа пенсионеров это не только российская особенность, но и мировая тенденция. Однако уровень и качество жизни пенсионеров в России заметно отличается от западных стран. Ссылаясь на данные аналитических источников, мы в своей работе стараемся показать круг проблем, которые предстоит решать РФ в ближайшие годы, чтобы она с ее огромным потенциалом – природными и человеческими ресурсами смогла

улучшить показатели качества жизни своих пенсионеров.

Один из важных показателей качества жизни жителей страны, включая пенсионеров, является средняя продолжительность жизни.

2. Продолжительность жизни в России как показатель качества жизни жителей страны, включая пенсионеров

Средняя продолжительность жизни мужчин и женщин в России – официальная статистика говорит следующее²⁸: «продолжительность жизни россиян никогда не дотягивала до аналогичного показателя в развитых странах. Однако именно рост средней продолжительности жизни в последние годы лег в основу новой пенсионной реформы, в рамках которой с 2019 года постепенно начал увеличиваться пенсионный возраст в РФ».

Какие данные приводит официальная статистика, как цифры отражают ситуацию в стране и какова реальная средняя продолжительность жизни в 2019 году в России? Вывод не утешительный – мужчины и женщины по-прежнему в среднем живут меньше европейцев. 4 сентября 2019 года глава Минздрава В. Скворцова, выступая на Восточном экономическом форуме, заявила о рекордном росте продолжительности жизни в России. Скорость увеличения превышает показатели других стран мира.

Средняя продолжительность жизни мужчин в 2019 году в России составила 68,5 лет. Для женщин показатель еще выше – 78,5 лет. Чтобы правильно толковать указанные цифры, необходимо комплексно подходить к рассмотрению вопроса. Как рассчитывается средняя продолжительность жизни? Показатель определяют по среднему возрасту умерших в России. А он может зависеть от целого ряда факторов, к примеру, на «усредненный» возраст

²⁷ Численность пенсионеров в России в разные годы. Инфографика. Численность пенсионеров и затраты на пенсионное обеспечение в России. URL: <https://na-pensiyu.ru> (дата обращения: 19 декабря 2020 г.). Количество пенсионеров в России по состоянию на 2020 год. URL: <http://ire.ru...v-rossii...god...kolichestva-pensionerov.html> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

²⁸ Средняя продолжительность жизни в 2019 году в России – мужчины и женщины по... URL: Средняя продолжительность жизни в России | ipkapitonov.ru <https://ipkapitonov.ru> (дата обращения 20 сентября 2020 г.).

смерти влияет даже регион проживания. Например, в Ингушетии средний возраст умерших мужчин составляет 75 лет, а в других регионах страны (65 лет). Соответственно, если по регионам продолжительность жизни отличается очень сильно, то средняя цифра по стране не может адекватно отражать ситуацию в России.

Продолжительность жизни в развитых странах. По данным ООН, ситуация с длительностью жизни в РФ не так оптимистична, как заявила глава Минздрава. Россия занимает всего лишь 116-е место (со средним показателем 71,2 года). Определил РФ даже Узбекистан, заняв 115-е место со значением 71,4 года.

Становится понятно: стране необходимо огромными темпами увеличивать продолжительность жизни своих граждан, чтобы немного приблизиться к лидирующим государствам. К таковым относятся: Гонконг – 84,1 года; Япония – 83,9 лет; Швейцария – 83,5 года; Испания – 83,3 года; Италия – 83,2 года; Сингапур – 83,2 года»²⁹.

При этом, следует отметить, что пандемия COVID-19 в России, согласно расчетом, сделанным в 2021 г. ведущим кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова д.ф.н., проф. А.И. Антоновым, привела к весьма негативным последствиям – **продолжительность жизни по состоянию на ближайшие годы в РФ составит 69 лет.** Что вновь отбросит страну по показателю длительностью жизни на одно из последних мест в мире.

3. Уровень и качество жизни пенсионеров Западных стран и в России: общие показатели («пенсционный индекс»)

Как отмечала Е. Шмарева в своей аналитической работе «Старикам здесь

не место: есть ли жизнь на пенсии?»³⁰ «демографы ожидают, что к 2050 году около трети жителей Земли будут составлять пенсионеры – люди старше 65 лет. Те, кто сейчас вступает в этот почтенный возраст, – первое послевоенное поколение, живущее и стареющее в эпоху развитой медицины и постоянно растущего качества жизни. Трудно поверить, – подчеркивает Е. Шмарева, – но Мэрил Стрип в этом году (в 2017 – *ред.*) исполнилось 68 лет. Бобу Дилану – 76. Самому младшему из Rolling Stones – Ронни Вуду – уже перевалило за 70.

Уровень качества жизни пожилых людей в развитых и развивающихся странах – так называемый «пенсционный индекс» – недавно измерили эксперты французской финансовой корпорации Natixis. Лидером рейтинга оказалась Норвегия, в «пятерку сильнейших» также вошли Швейцария, Исландия, Швеция и Новая Зеландия. Худшие показатели – у Турции, России (40-е место из 43), Бразилии, Греции и Индии»³¹.

Обратим внимание, что одним из важных показателей для оценки состояния жизни пожилых людей был выбран показатель «качество жизни пенсионеров». Показатели «качества жизни пенсионеров», как критериев – требований к показателям эффективности функционирования социальных институтов общества.

Согласно Е. Шмаревой, «качество жизни пенсионеров (исследователи отнесли к ним жителей старше 65 лет, хотя в некоторых странах – в том числе в России – пенсционный возраст наступает раньше) измерялось по четырем основным показателям.

Во-первых, материальное положение. Для подсчета рейтинга по этому показателю учитывается средний доход на каждого пенсионера, уровень занятости и безработицы среди пожилых

³⁰ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

³¹ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

²⁹ Средняя продолжительность жизни в 2019 году в России – мужчины и женщины по... URL: Средняя продолжительность жизни в России | ipkapitonov.ru <https://ipkapitonov.ru> (дата обращения 20 сентября 2020 г.).

людей, а также их *возможности самостоятельно себя содержать*. Российские пенсионеры показали относительно высокий результат – 35 место.

Во-вторых, финансовые гарантии. Речь идет о *государственных программах для пенсионеров, сохранности пенсионных накоплений, уровне инфляции и государственного долга*. По этому показателю Россия оказалась даже не на 40-м, а на самом последнем, 43-м месте, уступив и Бразилии, и Индии, и Китаю.

В-третьих, здоровье и доступ к медицинским услугам. По этому показателю Россия заняла второе место с конца, хуже дело с финансированием медицины и средней продолжительностью жизни обстоит только в Индии.

Четвертый показатель – качество жизни пожилого населения. Он учитывает состояние экологии в стране, уровень выбросов углекислого газа с учетом уровня ВВП, а также степень удовлетворенности самих пенсионеров качеством своей жизни – так называемый «уровень счастья». По этому критерию Россия смогла немного повысить свое положение в общем рейтинге, заняв 36 место»³².

Какие страны выступают ведущими в рейтинге по отмеченным критериям «качество жизни пенсионеров»? При этом, качество жизни пенсионеров в рейтинге лидеров стран отличается независимая старость, путешествия и одиночество³³.

Норвегия. «Для Норвегии, – отмечает Е. Шмарева, – первое место по уровню жизни пенсионеров не стало сенсацией: в 2015 году похожий рейтинг составляла британская некоммерческая организация HelpAge International, и Норвегия тоже оказалась вверху списка, обогнав 95 стран мира. Сейчас около 16% всего населения королевства

³² Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

³³ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

составляют пенсионеры, и правительство не вчера задумалось о том, как наладить систему их финансовой и социальной поддержки. Уже 25 лет в Норвегии существует государственный пенсионный фонд, более известный как Нефтяной фонд – значительная часть доходов от добычи и экспорта сырья тратится на пенсионные выплаты»³⁴.

И это, заметим, при том, что по добычи нефти на душу (барр/сут/млн населения Норвегия занимает 4 место (313661) после Кувейта (721 575), ОАЭ (335 103), Сауд. Аравии (324 866). Россия занимает 14 место (73 292), но показателей пенсионных выплат по прибылям от добычи нефти и газа не публикуется. Видимо их просто нет.

«Еще одна крупная государственная инициатива, которая работает, – обращает внимание автор статьи, – Соглашение по обеспечению равного доступа к рабочим местам. Это комплекс гарантий трудовых прав, который не позволяет дискриминировать пожилых работников и увольнять специалистов только из-за возраста, если они все еще справляются со своими обязанностями»³⁵.

Каков **социальный портрет** среднестатистического норвежского пенсионера? В работе Е. Шмаревой отмечаются следующие черты: «Нередко одинокий (36%). Часто – работающий (в Норвегии продолжают работать 18% пенсионеров старше 65 лет при среднеевропейском показателе менее 7%). Шестеро из десяти норвежских пенсионеров регулярно путешествуют по своей стране и по всему миру. 78% пожилых людей не реже раза в неделю пользуются Интернетом»³⁶.

³⁴ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

³⁵ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

³⁶ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

Интересно сравнить показатели с РФ. Согласно данным Минтруда в 2019 г. «На 1 января 2019 года, по данным ведомства, в стране проживали 43,8 млн пенсионеров, из них 9,6 млн работало. Здесь учитывались все категории пенсионеров, в том числе люди, получающие выплаты по инвалидности»³⁷. Из чего следовало, что число работающих пенсионеров среди общего числа пенсионеров достигало 21%. Как видно, по данному показателю РФ сравнима с Норвегией. Но вряд ли найдется шестеро из десяти российских пенсионеров, которые, как и норвежцы, могут позволить себе регулярные путешествия по всему миру.

Проблема одиночества пенсионеров. Как отмечает Е. Шмарева, «даже в благополучной Норвегии, как и в следующих за ней в рейтинге – Швейцарии, Швеции, Дании и многих других странах нельзя считать решенной проблему социальной изоляции пожилых людей.

Во всех этих государствах высок процент пенсионеров, которые в конце жизни оказываются в домах престарелых. И хотя такие дома являются либо коммерческими, либо созданы благотворительными организациями и поддерживаются государством, и жизнь пенсионеров в них организована максимально комфортно, специалисты в области соцзащиты и психологи говорят о том, что подобные учреждения – не панацея. Пожилему человеку трудно и подчас невыносимо менять привычный уклад жизни, несмотря на удобство предложенной альтернативы.

В 2013 году Швецию потрясла новость о самоубийстве пенсионерки: она добивалась права жить в доме престарелых вместе со своим мужем, но безуспешно – пожилые люди оказались разлучены. Во время одного из визитов сотрудников социальной службы женщина прыгнула с балкона. После этого власти Швеции приняли закон, обязывающий помещать пожилых супругов по их желанию в один и тот же дом пре-

старелых, даже если постоянный уход требуется только одному из них»³⁸.

Нидерланды. В аналитической работе Е. Шмаревой особое внимание уделено положению пенсионеров в Нидерландах: «Способы борьбы с одиночеством, депрессией и социальной изоляцией пожилых людей, – отмечает автор, – предлагает еще одна страна с высоким уровнем жизни пенсионеров – Нидерланды (9 место в рейтинге). В Нидерландах около 17% населения – люди старше 65 лет. Средняя продолжительность жизни – более 78 лет для мужчин и более 82 лет для женщин. Минимальная пенсия для одиноких пожилых людей – 816 евро и 565 евро на человека для пожилых семейных пар (если человек работал, ему полагаются дополнительные выплаты, а если делал добровольные отчисления на «накопительную» часть пенсии, сумма еще увеличится).

Благодаря работающей в стране с 1901 года системе социального найма, пенсионерам в Нидерландах **не приходится под конец жизни перебираться в дома престарелых, даже если они не успели приобрести собственное жилье.** В результате около 95% пожилых голландцев, согласно данным последнего исследования, проведенного в 2011 году, живут независимо, в собственных или арендованных домах, куда к ним при необходимости приходят социальные работники. Еще одна особенность жизненного уклада пожилых жителей Нидерландов состоит в том, что более молодые пенсионеры часто ухаживают за своими совсем старенькими соседями – кто-то на общественных началах, как волонтер, а кто-то в качестве профессиональной сиделки.

Также среди способов борьбы с социальной изоляцией пожилых, изобретенных в Нидерландах, – дома для престарелых, превратившиеся в небольшие студенческие общежития. Первый такой дом появился в городе Девентере

³⁷ Минтруд назвал число работающих пенсионеров – РБК: URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

³⁸ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

на востоке страны. Студенты около 30 часов в неделю работают как волонтеры, помогая ухаживать за пожилыми людьми и делать их досуг разнообразнее: читают им книги, вместе смотрят кино, гуляют, разговаривают – а в качестве вознаграждения могут бесплатно жить в одной из свободных комнат в доме. Позже этот опыт переняли и другие города в Нидерландах и за их пределами»³⁹.

Пенсионеры в России. «В России, – делает вывод Е. Шмарева, – о пенсионерах долгое время вспоминали только накануне выборов и в контексте новостей о Пенсионном фонде, но в последние годы тенденция понемногу меняется. В Москве проходят мастер-классы арт-терапевта Саши Галицкого, который учит, как общаться с пожилыми людьми, а самим пожилым людям помогает найти себя в искусстве. Банки предлагают пенсионерам не только вклады, но и ипотечные кредиты. Журнал «Афиша» заводит у себя рубрику «Третий возраст» и берет интервью у геронтологов и пенсионеров, активно пользующихся Интернетом. Пожилые блогеры становятся «тысячниками» в Инстаграме и на Ютубе. Проект «Олдушка», посвященный стильным пенсионерам, открывает модельное агентство, и его сотрудники снимаются для журнала Interview и рекламного проекта «Райффайзенбанка»⁴⁰.

При этом, как справедливо отмечает, Е. Шмарева, «между пожилым москвичом или петербуржцем, для которого важно «стареть стильно», и его ровесником, среднестатистическим российским пенсионером, – гигантская пропасть. Пока европейские пенсионеры отвечают на вопросы о том, как часто они путешествуют, пожилые жители Забайкалья и Тверской области не мо-

гут похвастаться наличием водопровода или отопления.

Согласно данным, приведенным Росстатом в 2014 году, в Забайкальском крае 67% пенсионеров живут в домах с печным отоплением, в Бурятии – 48%, в Дагестане – 32%, в Новгородской области – 28%. Каждый пятый российский пенсионер (23%) живет в доме или квартире без горячей воды. В Курганской области каждый пятый пенсионер живет без водопровода вообще.

Всего в России, по данным на 1 января 2017 года, более было 43 миллионов пенсионеров. Средняя пенсия в 2016 году едва превышала 12 000 рублей в месяц. В январе 2017 года статистика вдруг резко улучшилась – средняя пенсия повысилась до 18 000, но лишь благодаря единовременной выплате: каждому пенсионеру заплатили по 5 тысяч рублей, эта сумма должна была компенсировать растущую инфляцию. Акция была разовой, в феврале и в последующие месяцы не повторялась.

При таком уровне государственных гарантий уровень занятости российских пенсионеров оказывается гораздо выше, чем в среднем в Европе: работают 35% опрошенных, еще 24% респондентов активно ищут работу»⁴¹. При этом надо отметить, что что пенсионный возраст в России с 2020 г. наступает раньше, чем в соседних европейских странах: мужчины выходят на пенсию в 61,5, а женщины – в 56,5 лет.

«Отвечая на вопросы Фонда общественного мнения в 2017 г., 76% россиян, – согласно материалам статьи Е. Шмаревой, – сказали, что планируют продолжать работать после выхода на пенсию, так как уверены, что полагающихся им выплат не хватит на достойную жизнь»⁴².

³⁹ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

⁴⁰ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

⁴¹ Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

⁴² Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).

Наглядным примером того, как живут пенсионеры в России, может служить Кемерово – один из типичных промышленных центров России.

4. Уровень и качество жизни пенсионеров в России (на примере Кемерово – крупного промышленного центра РФ)

Территория: расположена на юго-востоке Западной Сибири. Кузбасс географически занимает срединное положение между Москвой и Владивостоком. Большая часть занята Кузнецкой котловиной, огромные угольные запасы которой определили второе название области – «Кузбасс». Это сырьевой опорный регион. Промышленность является ведущим сектором экономики области. Самые крупные города – Новокузнецк (552 445 жителей) и Кемерово (556 920) – сверхкрупные городские населенные пункты (более 500 тыс.)

Кемерово – административный центр Кемеровской области, «наличие природных ресурсов во многом определяет специализацию региона. С помощью трубопроводного транспорта нефть и газ транспортируются на расстояние в несколько тысяч километров, что обеспечивает Западной Сибири статус базового района при организации евразийских рынков газа и нефти.»⁴³ Это один из благоприятных регионов, где успешно функционируют предприятия тяжелой промышленности. Несмотря на то, что Кемерово является одним из крупных промышленных центров России, в рейтинге самых

богатых и бедных регионов Кузбасс занял 54 место⁴⁶

Занятия и досуг пенсионеров.

Структура расходов и занятия пенсионеров в Кемерово хорошо описаны в «Дневнике трат» пенсионерки (возраст 66 лет), опубликованном на сайте journal.tinkoff.ru. 24 апреля 2020 г.⁴⁷

В дневнике отражен типичный день пенсионерки: ее занятия и досуг с 9.30 до 23.30: приготовление пищи с дочерью (лепка пельменей и пр.), посещение магазина в дни объявления скидок на продукты, поход в гости к соседям, чтение рецептов и кузбасских новостей, просмотр телевизора с дочерью. У дочери телевизор есть, но после перехода на цифровое вещание он не работает. Из текста дневника видно, что стиль жизни, структура занятий и досуг неработающих пенсионеров за последние 10 лет фактически не изменились.

Так, согласно проведенным в 2011 г. О.В. Николаевой социологическим исследованиям, свой «досуг пенсионеры году проводили следующим образом: занимались домашним хозяйством (69,4%) (у пенсионерки из Кемерово на это в среднем в день уходило около 6,5 часов – ред.). Смотрели телевизор (58,9%), работали на приусадебном, дачном участке (45,7%), занимались с детьми, внуками (37,2%), отдыхали, ходили гулять и общались по телефону (по 23%), читали книги (22%), лечились (20%), читали газеты, журналы (17%)»⁴⁸. При этом, как следует из дневника, особая забота пенсионерки – это вести учет расходов с одной мыслью – экономить и откладывать ежемесячно 500–4000 руб. на накопительный счет

⁴³ Администрация Правительства Кузбасса: URL: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/territories.php>. URL: <https://ako.ru/oblast/sotsialnaya-sfera/demografiya.php> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).

⁴⁴ Экономическая география России: URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-geografia/240.htm> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).

⁴⁵ Экономико-географическая характеристика Западно-Сибирского экономического района: URL: <https://smekni.com/a/306090-2/ekonomiko-geograficheskaya-kharakteristika-zapadno-sibirskogo-ekonomicheskogo-rayona-2/> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).

⁴⁶ В рейтинге самых богатых и бедных регионов Кузбасс занял 54 место. //Аргументы и факты/ Kuzbass.RU 08.07.2019/ (дата обращения: 9 октября 2020 г.)

⁴⁷ Как живет пенсионерка в Кемерово с пенсией 20 000 р.: URL: <http://mypsniya.mirtesen.ru> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).

⁴⁸ Николаева О.В. Стиль жизни пенсионеров как социологическая проблема (на основе конкретно-социологических исследований в г. Казани). Стиль жизни пенсионеров как социологическая проблема... URL: cyberleninka.ru/Grnti...-issledovaniy-v-g-kazani (дата обращения: 9 октября 2020 г.).

на благоустройство могилы родителей. С ноября 2019 г. по апрель 2020 г. накопилось всего 13600 р. Есть в таких условиях возможности планировать путешествия на свою пенсию, как это делают пенсионеры в Западной Европе?

Отсутствие денег непосредственно сказывается и на всей структуре досуга пенсионеров. Согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ в 2017 г., «основным видом досуга для российских пенсионеров остается просмотр телепрограмм. 56% опрошенных пенсионного возраста предпочитают, проводит свободное время у телевизора. При этом 34% россиян старше 60 лет вообще не тратят денег на развлечения»⁴⁹.

Глава комитета Совета по социальной политике В. Рязанский в эфире НСН заявил, что причина такого скромного образа жизни связана только с одним фактором. «С отсутствием денег. Это, во-первых, потому что досуг в основном платный. И, наверное, сложившаяся ментальная привычка, потому что мероприятия для ветеранов всегда происходили на бесплатной основе. Если таких бесплатных мероприятий не очень много, то, естественно, за плату пенсионеры не очень могут пойти куда-то. Нужно как можно лояльнее подходить к привлечению пенсионеров к досуговым мероприятиям. Пенсионер вряд ли может себе позволить купить билет в московские театры. Это дорого»⁵⁰.

При этом, отметил сенатор: «В регионах, где хорошо поставлена работа общественных организаций, социальных НКО, это делается на достаточно высоком уровне. Работают «университеты пожилого человека», у нас их больше 250. Все они – на бесплатной

основе, обучение компьютерной грамотности для граждан – на бесплатной основе. Занятия физической культурой, например, в бассейнах в льготный период времени, как правило, абонементы либо бесплатные, либо по очень невысокой стоимости. Там, где власти понимают роль и значение старшего поколения, нормального социального климата, все получается. Поэтому здесь не только фактор денег играет роль, но и внимание со стороны органов власти и общественных организаций»⁵¹.

Исследования показывают, что многие пенсионеры в г. Москве продолжают занятия физической культурой и приобретают бесплатные абонементы, либо по очень невысокой стоимости и «готовы ездить на другой конец города, чтобы заниматься любимыми спортивными занятиями: настольным теннисом, плаванием и пр.». В г. Москве в 2021 г. открыто 121 организация, в которых представлена возможность для занятий спортом для пожилых людей.

Снижение интереса пенсионеров к просмотру ТВ

Согласно опросу ВЦИОМ в 2017 г., пенсионеры превратились в основную аудиторию российских телеканалов. Семь лет назад их смотрели 63% россиян, сейчас – 29%. В среде молодежи телевизор смотрят 8% опрошенных⁵². Что говорить о снижении интереса и доверия к содержанию, сетки программ ТВ и стилю ведения новостей ведущими на основных каналах.

К сожалению, следует констатировать, что доверие к передачам ТВ по состоянию на 2020 г. неуклонно снижается. Даже новогодние передачи ТВ перестают вызывать интерес российской аудитории. Согласно опросам, проведенным в конце ноября 2020 г.,

⁴⁹ Национальная служба новостей. 29.11.17. Сенатор рассказал, почему пенсионеры не развлекаются. URL: <http://nsn.fm/society/senator-rasskazal-pochemu-pensionery-ne-razvlekayutsya.html> (дата обращения: 22 октября 2020 г.).

⁵⁰ Национальная служба новостей. 29.11.17. Сенатор рассказал, почему пенсионеры не развлекаются. URL: <http://nsn.fm/society/senator-rasskazal-pochemu-pensionery-ne-razvlekayutsya.html> (дата обращения: 22 октября 2020 г.).

⁵¹ Национальная служба новостей. 29.11.17. Сенатор рассказал, почему пенсионеры не развлекаются. URL: <http://nsn.fm/society/senator-rasskazal-pochemu-pensionery-ne-razvlekayutsya.html> (дата обращения: 22 октября 2020 г.).

⁵² Национальная служба новостей. 29.11.17. Сенатор рассказал, почему пенсионеры не развлекаются. URL: <http://nsn.fm/society/senator-rasskazal-pochemu-pensionery-ne-razvlekayutsya.html> (дата обращения: 22 октября 2020 г.).

«только 12% россиян настроены после боя курантов смотреть новогодние шоу на основных каналах, еще у 32% телевизоры будут включены только «для фона». Об этом свидетельствуют итоги опроса, который провел сервис SuperJob (результаты есть у РБК). 38% россиян новогодние «Огоньки» смотреть вообще не планируют. Процент желающих смотреть телевизор в ночь на 1 января обратно пропорционален возрасту респондентов. В категории от 25 до 34 лет без новогодних шоу по основным каналам планируют обойтись 47%, а среди участников опроса старше 45 лет –29%»⁵³. Через месяц – в декабре 2020 г. информационным агентством «РИА Новости» было отмечено, что «Путин признался, что при просмотре телевизора иногда «оторопь берет»⁵⁴.

И это понятно. Приводим выдержки из интервью пенсионеров автору статьи и корреспондентам изданий СМИ. Пенсионерка С. говорит: «Меня становится неприятно, что по всем новостным каналам везде раздражительный, надрывный и обозленный тон ведущих: постоянно одни враги вокруг! Хочется посмотреть что-нибудь еще. Я перестаю смотреть наше телевидение! И ищу другие каналы». – А что вы начинаете смотреть? – «Например РБК и др.» (Так, пенсионеры, которые интересуются актуальными новостями, выходят на оппозиционные каналы. – Ред.) Есть и другие мнения, которые свидетельствуют о происходящем расколе в обществе. Пенсионер А.: «Мне нравится ведущий Соловьев! Он все говорит правильно! Навальный подкуплен. А женщину, которая встала на пути спецназавца, который тащил задержанного в автозак во время митингов 31 января 2021 г. и пнул ее дубинкой в живот поступил правильно». Пенсионерка Л. от-

мечает: «А мне нравятся сериалы. Смотрю их с удовольствием; с нетерпением жду новые серии».

Помощь пенсионерам. Согласно данным ВЦИОМ от 2 октября 2019 «лишь 18% взрослых россиян постоянно помогают своим пожилым родственникам. Еще 30% делают это время от времени. При этом о наличии таких заявили 74% респондентов. Такие данные получены Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в результате исследования, приуроченного к Международному дню пожилых людей.

О том, что пожилые родственники нуждаются в материальной поддержке с их стороны, сообщили 43% респондентов. Что в такой поддержке с их стороны нет необходимости, заявили 41% опрошенных.

Большинство россиян – 75% – придерживаются мнения, что государство сегодня уделяет недостаточно внимания пожилым людям»⁵⁵.

Материальная помощи пенсионерам в период пандемии. Как отмечают информационные агентства, «в ряде стран в период пандемии правительства выделили огромные бюджеты на поддержку своих граждан. В основном распространены выплаты разовых пособий семьям с детьми, пенсионерам, людям, потерявшим работу. Таким образом страны пытаются оживить потребительский спрос. Так, (в августе 2020 г. – ред.) начала выплату разовых пособий Литва. (Средний размер пенсии в Литве составляет 370 евро – ред.). Государство выделило €180 млн как компенсацию потерь, понесенных из-за коронавируса. Пенсионерам (получателям пенсий по старости, по утрате кормильца, социальных пенсий и т.п.) и инвалидам выплатят по €200. Деньги переведут автоматически, без необходи-

⁵³ Россияне не включили Валерия Миладзе в топ-5 звезд новогодних огоньков. URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 23 ноября 2020 г.).

⁵⁴ Путин признался, что при просмотре телевизора иногда «оторопь берет»... URL: ria.ru/20201211/tv-kontent-1588835249.html 5fb7ced79a7947c5b5547431 (дата обращения: 12 декабря 2020 г.).

⁵⁵ ВЦИОМ: пожилым родственникам постоянно помогают только 18% взрослых россиян. 2 октября 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/realnoevremya/vciom-pojilym-rodstvennikam-postoianno-pomogaiut-tolko-18-vzroslyh-rossiiian-5d9463fc4e057700b11802bc> (дата обращения: 22 октября 2020 г.).

мости запроса. Выплаты получают и те, кто станет пенсионером до конца года.

В **России** среди ряда поддерживаемых мер, направленных на помощь населению в период коронавирусной пандемии, тоже стартовала программа для поддержки семей с детьми. Так, на ребенка от 3 до 16 лет положено 10 тыс. российских рублей (\$135). Работают программы, например, в г. Москве, согласно которым, пенсионеры старше 65 лет, которые сделали прививки с 23 июня 2021 г. по 31 марта 2022 г., могут получить получают подарочный набор, содержащий важные компоненты для поддержания иммунитета (пульсоксиметр, показывающий степень насыщения крови кислородом – нормальный и критический уровни, тонометр, витамины, средства за ухода за кожей, медицинские маски и пр.) или 10 тыс. рублей.

В **Германии** на каждого ребенка выплачивают дополнительно по €300. Это одноразовая мера, и деньги также переводятся автоматически.

В **США** каждый американец может получить \$1,2 тыс., если у него есть социальная страховка, и \$500 на ребенка. На это Трамп выделил \$2 трлн.»⁵⁶. При этом, как отмечают наши соотечественники, проживающие в Литве, выплаты в период пандемии в настоящее время осуществляются регулярно.

Как же живут наши пенсионеры в эпоху цифровизации?

«Цифровизация – это внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни для повышения её качества и развития экономики. Она помогает выполнять рутинные задачи и принимать решения без участия человека. Примеры цифровизации: умные дома, роботы на заводах, беспилотные автомобили»⁵⁷. Как же жи-

вут наши пенсионеры в эпоху цифровизации?

Эпоха цифровизации должна бы только облегчить жизнь пенсионеров, но нет. Вот наглядный пример из поселения в Московской области. Родственники помогли пенсионерки провести газ 800 тыс. руб. (400 тыс. прокладка газовой магистрали и 400 тыс. оформление и установка газового оборудования). Новые газовые котлы работают на автоматике с учетом цифровых технологий, но по договору, как и обычные котлы нуждаются в техобслуживании.

«Почему, на основе каких расчетов, каких тарифов, – спрашивает пенсионерка, – я должна платить за обслуживание 10 тыс. руб. в год в 2018 и 2019 г. (без стоимости замены деталей)? Ко мне что? – Приезжала бригада мастеров каждый месяц? Даже, если бы приехала один раз? Разве стоит единичная профилактика (осмотр, чистка котла пылесосом и даже мелкие ремонт) стоить больше половины пенсии? А с 2021 г. договор на обслуживание возрос до 15 тыс. руб.! И что делать, если пенсия 15 тыс. руб.? Тогда должны и пенсии повышать с учетом роста грабительских тарифов! Неужели все жертвы напрасны?»

Мнение о пороле пенсионной реформы видно хорошо понимают в и Государственной думе. Так, С. Миронов отмечает: «Надо признать, что идея пенсионного страхования с помощью специальных фондов провалилась. Средняя страховая пенсия в России едва превышает прожиточный минимум, на который на самом деле невозможно прожить. С накопительными пенсиями все еще хуже: в 2022 году их средний размер не превысит 1,3 тысячи рублей. Даже повышение пенсионного возраста на пять лет не спасло ситуацию. Пришло время признать: действующая пенсионная система не обеспечит достойных пенсий, она банкрот. ... Выстроена людоедская система пенсионного страхования», которая отнимает у большинства россиян 22% доходов (у богатых только 10%), но все равно не может обеспечить достойных пенсий: «Чудо-

⁵⁶ В Литве начали выплачивать «ковидные» пособия. А как в других странах? URL: <https://yandex.ru/turbo/officelife.media/s/news/19197-in-lithuania-began-to-pay-covenyi-benefits-and-as-in-other-countries/> (дата обращения: 23 сентября 2020 г.).

⁵⁷ Цифровизация – это внедрение цифровых технологий... URL: <https://zen.yandex.ru> (дата обращения: 3 сентября 2021 г.).

вишняя неэффективность этой системы сама по себе несет колоссальные политические риски, а все попытки исправить делают ее только хуже, так как исправлять проблему маленьких пенсий предлагают исключительно за счет самих пенсионеров, нынешних и будущих»⁵⁸. В связи с чем, необходимо вернуться к хорошо зарекомендовавшей себя ранее системе – выплатам пенсии из бюджета.

Когда люди подходят к финалу жизни, у них зачастую появляется множество сожалений. Поэтому, завершая социологический анализ социальных функций и социального портрета российского пенсионера, мы хотели показать молодому поколению и другим возрастным категориям граждан весьма интересные данные исследований⁵⁹ – О чем жалеет старое поколение после выхода на пенсию.

5. О чем жалеет старое поколение после выхода на пенсию.

К «сожалению, осознание истинных ценностей приходит к нам гораздо позже, чем стоило бы. «Стоя на пороге» старости люди понимают, что именно делали напрасно. О чем они сожалеют больше всего, от чего они вовремя не отказались и чему недостаточно уделяли внимания?

1. Тратили время на нелюбимую работу. 2. Не следили за здоровьем. 3. Мало общались с родственниками и друзьями. 4. Мало учились. 5. Мало путешествовали. При этом, не нашлось тех, кто пожалел бы, что слишком мало выпивал по пятницам, мало ходил по ночным заведениям, не ездил на престижных автомобилях и слишком много времени уделял своей семье и друзьям!»⁶⁰.

⁵⁸ В Госдуме заявили о провале пенсионной системы. 19 ноября 2020 г. URL: business-gazeta.ru/news/489076 (дата обращения: 23 ноября 2020 г.)

⁵⁹ В старости понимаешь, что айфоны и дорогие машины не самое главное: опрос показал, о чем старики жалеют больше всего». URL: <https://vk.com> (дата обращения: 24 ноября 2020 г.)

⁶⁰ В старости понимаешь, что айфоны и дорогие машины не самое главное: опрос показал, о чем старики жалеют больше всего». URL: <https://vk.com> (дата обращения: 24 ноября 2020 г.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–511–00020 «Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ».

Литература

1. Администрация Правительства Кузбасса: URL: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/territories.php>. URL: <https://ako.ru/oblast/sotsialnaya-sfera/demografiya.php> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).
2. В Госдуме заявили о провале пенсионной системы. 19 ноября 2020 г. URL: business-gazeta.ru/news/489076 (дата обращения: 23 ноября 2020 г.)
3. В Литве начали выплачивать «ковидные» пособия. А как в других странах? URL: <https://yandex.ru/turbo/officelife.media/s/news/19197-in-lithuania-began-to-pay-covenyi-benefits-and-as-in-other-countries/> (дата обращения: 23 сентября 2020 г.).
4. В рейтинге самых богатых и бедных регионов Кузбасс занял 54 место. // Аргументы и факты/ Kuzbass.RU 08,07.2019/ (дата обращения: 9 октября 2020 г.)
5. В старости понимаешь, что айфоны и дорогие машины не самое главное: опрос показал, о чем старики жалеют больше всего». URL: <https://vk.com> (дата обращения: 24 ноября 2020 г.).
6. ВЦИОМ выяснил главные проблемы пенсионеров в России в 2017 г. URL: gr-sily.ru/obshchestvo/vciom-glavnye...pensionerov-v... (дата обращения: 8 декабря 2021 г.).
7. ВЦИОМ: пожилым родственникам постоянно помогают только 18% взрослых россиян. 2 октября 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/realnoevremya/vciom-pojilym-rodstvennikam-postoiannopomogaiut-tolko-18-vzroslyh-rossiian>

- 5d9463fc4e057700b11802bc (дата обращения: 22 октября 2020 г.).
8. ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать. 8 сентября 2020. URL: ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать <https://znak.com>2020–09 08/vciom...rossiyanin...emigririvat> (дата обращения: 11 декабря 2020 г.).
 9. Голикова: в России почти треть смертей приходится на трудоспособный возраст. URL: <russifn.rt.com> (дата обращения: 6 сентября 2021 г.).
 10. Как живет пенсионерка в Кемерове с пенсией 20000 р.: URL: <http://mupensiya.mirtesen.ru> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).
 11. Козырев А.А., Шангарова З.С. Социальные роли современных пенсионеров. // Вестник экономики, права и социологии, 2010, № 4. С. 270–274.: URL: Социальные роли современных пенсионеров <cyberleninka.ru>Грнти>n/sotsialnye-rol...> (дата обращения: 1 января 2020 г.).
 12. Количество пенсионеров в России по состоянию на 2020 год. URL: <1rre.ru>...v-rossii...god...kolichestva-pensionerov.html> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).
 13. Количество Пенсионеров в России на 2020 год: изменения и поправки <nl-consalting.ru>kolichestvo-pensionerov-v-rossii-na-2019-god> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).
 14. Минтруд назвал число работающих пенсионеров – РБК: URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).
 15. Национальная служба новостей. 29.11.17. Сенатор рассказал, почему пенсионеры не развлекаются. URL: <http://nsn.fm/society/senator-rasskazal-pochemu-pensionery-ne-razvlekayutsya.html> (дата обращения: 22 октября 2020 г.).
 16. Николаева. О.В. Пенсионеры в современных условиях: ценности и социальное самочувствие (на материалах конкретно-социологического исследования в г. Казани). // Особенности социализации пенсионеров в современном обществе. URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 23 сентября 2020 г.).
 17. Николаева О.В. Стиль жизни пенсионеров как социологическая проблема (на основе конкретно-социологических исследований в г. Казани). Стиль жизни пенсионеров как социологическая проблема... URL: <cyberleninka.ru>Грнти>...-issledovaniy-v-g-kazani> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).
 18. Осеев А.А. Социальные функции и социальный портрет пенсионера в России 2020–2021: уровень жизни, занятия, досуг. // Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского Н. Новгород, 2021. С. 154–158.
 19. «Поговорим об органах чувств. Как тюлени с помощью усов могут обнаружить турбулентность воды, и как слоны «слышат» ногами?». Телеканал «Моя планета» – главный российский познавательный канал о путешествиях, истории науки и людях. 11:40–12.40. 31.01.2020.
 20. Путин признался, что при просмотре телевизора иногда «оторопь берет»... URL: <ria.ru>20201211/tv-kontent-1588835249.html5fb7ced79a7947c5b5547431> (дата обращения: 12 декабря 2020 г.).
 21. Российских пенсионеров разделили на сорта: URL: <deita.ru>article/482640> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).
 22. 30 вещей, о которых люди чаще всего сожалеют в старости. URL: <cluber.com.ua>...psihologiya...2020/06/30...sozhaleyut...> (дата обращения 24 ноября 2020 г.).
 23. Сколько всего работающих и неработающих пенсионеров... URL: <opensii.info>answers/skolko-pensionerov-v-rossii/> (дата обращения 9 октября 2020 г.).
 24. Сколько денег на вкладе у среднего пенсионера. 24 марта 2019.

- URL: Сколько денег на вкладе у среднего пенсионера zen.yandex.ru>Яндекс.Дзен>.../skolko-deneg-na-vklade...(дата обращения 11 декабря 2020 г.).
25. Средняя пенсия в России по регионам в 2021 году...URL: 2021god.com>...pensiya-v-rossii-po-regionam-v...godu... (дата обращения 1 сентября 2021 г.).
26. Средняя продолжительность жизни в 2019 году в России – мужчины и женщины по... URL: Средняя продолжительность жизни в России | Ipkapitonov.ru <https://ipkapitonov.ru> (дата обращения 20 сентября 2020 г.).
27. Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 779 с. URL: Международная научно-практическая конференция «Старшее поколение современной России» – Университет Лобачевского [http:// unp.ru](http://unp.ru) (дата обращения: 20.11.2021).
28. Счетная палата назвала число пенсионеров в России URL: ria.ru/20210825/pensionery-1747121552.html (дата обращения: 1 сентября 2021 г.).
29. Таблица выхода на пенсию: график выхода на пенсию для мужчин и женщин. URL: Таблица выхода на пенсию: график выхода на пенсию... Яндекс. Дзен (дата обращения 20 сентября 2020 г.).
30. Титаренко Л.Г. Социальная функция. //Социология: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. 2003. URL: СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ – это... Что такое... sociology_encyclopedia.academic.ru/1003...(дата обращения: 12 января 2021 г.).
31. Россияне не включили Валерия Миладзе в топ-5 звезд новогодних огоньков. URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 23 ноября 2020 г.).
32. Цифровизация – это внедрение цифровых технологий... URL: <https://zen.yandex.ru> (дата обращения: 3 сентября 2021 г.).
33. Численность пенсионеров в России в разные годы. Инфографика. Численность пенсионеров и затраты на пенсионное обеспечение в России. URL: <https://na-pensiyu.ru> (дата обращения: 19 декабря 2020 г.).
34. Шмарева Е. Старикам здесь не место: есть ли жизнь на пенсии? 25 июля 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (дата обращения: 20 сентября 2020 г.).
35. Экономическая география России: URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-geografia/240.htm> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).
36. Экономико-географическая характеристика Западно-Сибирского экономического района: URL: <https://smekni.com/a/306090-2/ekonomiko-geograficheskaya-kharakteristika-zapadno-sibirskogo-ekonomicheskogo-rayona-2/> (дата обращения: 9 октября 2020 г.).

SOCIAL FUNCTIONS AND SOCIAL PORTRAIT OF PENSIONERS IN RUSSIAN SOCIETY. PENSIONERS – A SPECIAL SOCIAL GROUP OF SOCIAL INTEGRITY AND A CARRIER OF A SOCIAL ORGANIZATION OF SOCIETY

Oseev A.A.

Lomonosov Moscow State University

Studying the social portrait of pensioners in Russia, one comes to the conclusion that the identification of important social functions that pensioners perform in Russian society became an invariable component of the social portrait. An attempt to show the social role of retirees can be found in many research papers. But at the same time, despite the many works, it was not enough to highlight the most fully and accurately the important social functions of pensioners. We were able to identify 17 important social functions that pensioners perform in Russian society. From which followed another important conclusion: pensioners are a special social group, which, in terms of its social functions, is a com-

ponent of social integrity and the bearer of the social organization of society. When analyzing the social portrait of pensioners, the following issues were considered. Life expectancy in Russia as an indicator of the quality of life of the country's inhabitants, including pensioners. Research methodology: the level and quality of life of pensioners in Western countries and in Russia: general indicators ("pension index"). The level and quality of life of pensioners in Russia (on the example of Kemerovo – a large industrial center of the Russian Federation). Activities, leisure, retirees' worries. What the old generation regrets after retirement.

Keywords: Social functions, social portrait of pensioners in Russian society. Research methodology: the level and quality of life of pensioners.

References

- Administration of the Government of Kuzbass: URL: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/territories.php>. URL: <https://ako.ru/oblast/sotsialnaya-sfera/demografiya.php> (accessed 9 October 2020).
- The State Duma announced the failure of the pension system. November 19, 2020 URL: business-gazeta.ru/news/489076 (accessed November 23, 2020)
- In Lithuania, they began to pay "covid" benefits. How about in other countries? URL: <https://yandex.ru/turbo/officelife.media/s/news/19197-in-lithuania-began-to-pay-covenyi-benefits-and-as-in-other-countries/> (date of access: September 23, 2020).
- In the ranking of the richest and poorest regions, Kuzbass took 54th place. //Arguments and facts/ Kuzbass.RU 08.07.2019/ (Date of access: October 9, 2020)
- In old age, you understand that iPhones and expensive cars are not the most important thing: the survey showed what old people regret most of all. URL: <https://vk.com> (accessed November 24, 2020).
- VTsIOM found out the main problems of pensioners in Russia in 2017. URL: gr-sily.ru/obshestvo/vciom...glavnye...pensionerov-v... (date of access: December 8, 2021).
- VTsIOM: only 18% of adult Russians constantly help elderly relatives. October 2, 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/realnoevremya/vciom-pojilym-rodstvennikam-postoianno-pomogaiut-tolko-18-vzroslyh-rossiiian-5d9463fc4e057700b11802bc> (accessed October 22, 2020).
- VCIOM: every sixth Russian wants to emigrate. September 8, 2020. URL: VTsIOM: every sixth Russian wants to emigrate <https://znak.com/2020-09/08/vciom...rossiyanin...emigrirovat> (Accessed: December 11, 2020).
- Golikova: in Russia, almost a third of deaths occur in working age. URL: russifn.rt.com (Accessed: September 6, 2021).
- How a pensioner lives in Kemerovo with a pension of 20,000 rubles: URL: <http://mypensiya.mirtesen.ru> (Accessed: October 9, 2020).
- Kozyrev A.A., Shangarova Z.S. Social roles of modern pensioners. // Bulletin of Economics, Law and Sociology, 2010, No. 4. P. 270–274.: URL: Social roles of modern pensioners
- Number of pensioners in Russia as of 2020. URL: 1rre.ru...v-rossii...god...kolichestva-pensionerov.html (accessed September 20, 2020).
- Number of Pensioners in Russia for 2020: changes and amendments n-consalting.ru/kolichestvo-pensionerov-v-rossii-na-2019-god (date of access: September 20, 2020).
- The Ministry of Labor named the number of working pensioners – RBC: URL: <https://rbc.ru> (date of access: September 20, 2020).
- National News Service. 11/29/17. The senator told why pensioners do not have fun. URL: <http://nsn.fm/society/senator-rasskazal-pochemu-pensionery-ne-razvlekayutsya.html> (Accessed 22 October 2020).
- Nikolaev. O.V. Pensioners in modern conditions: values and social well-being (on the materials of a specific sociological study in Kazan). // Features of the socialization of pensioners in modern society. URL: <http://elibrary.ru> (date of access: September 23, 2020).
- Nikolaeva O.V. Life style of pensioners as a sociological problem (on the basis of specific sociological research in Kazan). Life-style of pensioners as a sociological problem... URL: cyberleninka.ru/Grnti...-issledovaniy-v-g-kazani (Accessed: October 9, 2020).
- Oseev A.A. Social functions and social portrait of a pensioner in Russia 2020–2021: standard of living, occupations, leisure. // The older generation of modern Russia / Under the general editorship of prof. Z. Kh. Saraliev. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky N. Novgorod, 2021. S. 154–158.
- "Let's talk about the senses. How can seals detect water turbulence with their whiskers,

- and how do elephants “hear” with their feet? The My Planet TV channel is the main Russian educational channel about travel, the history of science and people. 11:40–12:40. 01/31/2020.
20. Putin admitted that when watching TV, he sometimes “takes a back”... URL: ria.ru/20201211/tv-kontent-1588835249.html5fb7ced79a7947c5b5547431 (Accessed: December 12, 2020).
 21. Russian pensioners were divided into grades: URL: deita.ru/article/482640 (Accessed: September 20, 2020).
 22. 30 things people most often regret in old age. URL: cluber.com.ua/...psihologiya...2020/06/30...sozhaleyut... (Accessed November 24, 2020).
 23. How many total working and non-working pensioners... URL: opensii.info/answers/skolko-pensionerov-v-rossii/ (Accessed October 9, 2020).
 24. How much money is in the deposit of the average pensioner. March 24, 2019. URL: How much money does the average pensioner have in his deposit?
 25. Average pension in Russia by regions in 2021...URL: 2021god.com/...pensiya-v-rossii-po-regionam-v...godu... (Accessed September 1, 2021).
 26. Average life expectancy in Russia in 2019 – men and women by... URL: Average life expectancy in Russia | lkapitonov.ru
 27. The older generation of modern Russia / Under the general editorship of prof. Z. H. Saraliev. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky, 2021. – 779 p. URL: International Scientific and Practical Conference “The Older Generation of Modern Russia” - Lobachevsky University <http://unn.ru> (date of access: 11/20/2021).
 28. The Accounts Chamber named the number of pensioners in Russia URL: ria.ru/20210825/pensionery-1747121552.html (date of access: September 1, 2021).
 29. Retirement table: Retirement schedule for men and women. URL: Retirement table: retirement schedule... Yandex. Zen (Accessed September 20, 2020).
 30. Titarenko L. G. Social function. //Sociology: Encyclopedia. – Minsk: Interpressservice; Book House. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evelkin, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko. 2003. URL: SOCIAL FUNCTION – is... What is... sociology_encyclopedia.academic.ru/1003... (Accessed January 12, 2021).
 31. The Russians did not include Valery Miladze in the top 5 stars of New Year's lights. URL: <https://rbc.ru> (accessed November 23, 2020).
 32. Digitization is the introduction of digital technologies... URL: <https://zen.yandex.ru> (Accessed: September 3, 2021).
 33. The number of pensioners in Russia in different years. Infographics. The number of pensioners and the cost of pension provision in Russia. URL: <https://na-pensiyu.ru> (Date of access: December 19, 2020).
 34. Shmareva E. Old people do not belong here: is there life in retirement? July 25, 2017: URL: <https://posta-magazine.ru> (Accessed: September 20, 2020).
 35. Economic geography of Russia: URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-geografia/240.htm> (Accessed: October 9, 2020).
 36. Economic and geographical characteristics of the West Siberian economic region: URL: <https://smekni.com/a/306090-2/ekonomiko-geograficheskaya-kharakteristika-zapadno-sibirskogo-ekonomicheskogo-rayona-2/> (date of access: October 9 2020).

Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций

Пружинин Александр Николаевич,
ассистент преподавателя на кафедре
«Государственное и муниципальное управление»
Института социальных наук Иркутского
государственного университета
E-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Поджидаева Анастасия Юрьевна,
студент Института социальных наук, Иркутского
государственного университета
E-mail: sei135@mail.ru

В статье проводится анализ фокус-группового качественного исследования, проведенного в семи городах Сибири на тему возникновения, развития и использования разных моделей развития человеческого капитала и человеческих ресурсов в некоммерческих организациях. В результате исследования показан принцип внедрения и развития модели легитимности развития человеческих ресурсов в рамках модели рыночных отношений, модели социальных изменений и модели противостояния. Каждая из выделенных моделей имеет свою траекторию и качества закрепления в общественном сознании, через увеличение уровня доверия и узнаваемости, эмоционально включенности в работу некоммерческих организаций, а также опирается на условия и механизмы межсекторного партнерства с бизнесом и властью, выступая в этом взаимодействии либо связующим элементом между всеми участниками, либо тем, кто выполняет всю работу в качестве подрядчика. Проведенный анализ является ключевым в построении и новом моделировании социальной политики и политики развития третьего сектора в условиях России.

Ключевые слова: легитимность, человеческие ресурсы, некоммерческие организации, эмпатия, доверие, межсекторное партнерство.

В современном обществе некоммерческие организации приобретают особый статус, обладают своеобразным социальным капиталом, который базируется на человеческих ресурсах. На тех, кто приходит в некоммерческий сектор, регулирует социальные связи и формы взаимодействия в социальном контексте. При этом, условия пандемии создали особые рамки (чаще ограничивающие) для того, чтобы создавать условия и реализовывать проекты, поэтому новые формы социального взаимодействия еще более четко и комплексно стали использовать и развивать модели развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций, так как именно на них строится весь социальный каркас гражданского общества и социальной активности некоммерческого сектора.

Любая социальная модель, особенно если она касается человеческих ресурсов опирается на легитимные рамки и условия воспроизводства. По М. Веберу, легитимность может трактоваться либо как условность, которая не может нарушаться, в противном случае она осуждается, либо как право, которое поддерживается санкциями за его несоблюдение. Гарантией легитимности выступает вера в непреложность данного порядка и эмоциональная привязка к существующему порядку.

Парсонс смог внести еще более точную формулировку, что легитимность достигается через ценностный консенсус. В процессе легитимации социальных практик формируются символические коммуникативные коды, которые дают возможность узнавать, признавать и апробировать новые условия интерпретации легитимности (Н. Луман).

Доверие, умение находить общий язык, выстраивание коммуникации на основе эмпатии – выступают предпосылками легитимации. Они строятся на социальных стереотипах и устойчи-

вых формах интерпретации поведения, а также на социальных практиках, которые регулируют социальное взаимодействие. Результатом этого становится модель легитимации развития человеческих ресурсов.

Нами для анализа взяты некоммерческие организации, так как они выступают наиболее гибкими акторами способными выстроить модель социальной коммуникации в рамках разных моделей и тем самым способствовать в целом развитию институтов гражданского общества. Данные формы социальной активности предполагают устойчивость к реализации выбранной модели и гибкость при выстраивании и отстаивании своего места на рынке услуг гражданского общества.

Мы полагаем, что в России развивается институциональная логика развития НКО, так как она опирается на правовые нормы и при этом дорабатывает те сферы социальной политики РФ, что не затронуты работой государственных структур. При этом, развитие модели легитимации развития человеческих ресурсов базируется на рыночных механизмах, институциональных рамках, условиях развития социального капитала и критических моделях осмысления социальных практик.

В качестве теоретико-методологической базы нашей работы выступали исследования, посвященные гражданской активности и гражданским инициативам в отдельных регионах (С.С. Аносов [1–3], Р.В. Иванов [4]), работе конкретных некоммерческих организаций (О.А. Полюшкевич [5–8], П.А. Трескин [11–15], Е.Р. Ярская-Смирнова и О.А. Бодрова [16]), функционированию институтов гражданского общества (М.В. Попова [9], А.Н. Пружинин [10]).

Методология и логика исследования.

Исследование строилось через системную методологию анализа работы некоммерческих организаций со своим человеческим капиталом. Мы провели фокус-групповое исследование руководителей и ведущих специалистов коммерческо-

го сектора, занятых рекрутированием сотрудников и волонтеров для реализации своих социальных проектов. Всего проведено 7 фокус групп, в которых приняло участие 62 человека, в возрасте от 25 до 70 лет, имеющих опыт работы в некоммерческом секторе более 2-х лет. Фокус-группы проводились в таких городах как Иркутск, Красноярск, Тюмень, Новосибирск, Омск, Томск, Улан-Уде.

К участию в фокус-группах приглашались только те руководители и ведущие специалисты НКО, чьи организации достаточно широко освещены в СМИ, имеют свой сайт и страницы в социальных сетях, опыт оказания некоммерческих услуг более пяти лет, количество сотрудников и волонтеров выше 25 человек. Данные квоты нами были сформулированы потому, что мы отбирали организации, уже работающие по какой-либо модели, усиливающие свои социальные и рыночные позиции при внедрении в практику того или иного элемента модели человеческих ресурсов.

Также нами анализировались сайты некоммерческих организаций, где размещалась информация о сотрудниках, стратегиях привлечения и развития основных сотрудников и привлекаемых волонтеров. Человеческие ресурсы некоммерческого сектора – это мобильная социальная общность, при этом она обладает основным стержнем (на основании его ведется ключевой подбор кадров) и развивается в разные формы (зависит от внешней конъюнктуры рынка и внутренних условий социального воспроизводства).

Анализ и интерпретация результатов исследования

Человеческий капитал НКО в рамках модели рыночных отношений строится на взаимодействии некоммерческой организации и других участников гражданского общества (бизнеса, власти, СМИ, общественности). Эта модель имеет максимальное распространение среди общественного сектора (51%) организаций работает в ней и это объясняет большую изученность данной модели. Множество

исследований межсекторного партнерства, взаимодействия социальных институтов между собой, способствующих или мешающих развитию третьего сектора приводят к распространенности и очевидности ее развития и распространения в сообществе [1,2,8,13].

Ключевым аргументом развития данной модели выступает то, что третий сектор, наряду с другими институтами гражданского общества, восполняет проблемы государственной неэффективности в тех или иных сферах. Эти проблемы могут восполнить бизнес структуры (чаще в виде социального предпринимательства) или развитие некоммерческих организаций, выступающих подрядчиками, выполняющими условия власти (грантодающих организаций) на организацию услуг. Легитимация в данном случае проявляется в максимальном соблюдении условий использования гранта, открытой отчетности и публичности реализации проектов.

Сегодня появляются коммерческие дома престарелых. Это социальная услуга, которая хорошо оплачивается родственниками клиентов данных социальных учреждений. И в этом нет ничего плохого – они выполняют работу за деньги. Некоммерческие организации могут делать это не хуже, при условии получения субсидий, обеспечивающих их всем необходимым и позволяющим заботиться о данной группе людей. (Т.Д., руководитель волонтерского центра для пожилых людей и ветеранов, Красноярск).

Многие проекты некоммерческих организаций зависят от различных фондов. Особенно от фонда Президентских грантов для НКО, фондов местных сообществ, например Грантов Губернского собрания Иркутской области. Так как благодаря финансам, получаемым оттуда – они могут осуществлять свои услуги, да в рамках заявленных проектов, но они меняют жизнь той целевой группы, с которой работают по проекту, который сами же написали, заложили средства что им необходимы и могут быть полезны. Минус этой рабо-

ты в том, что она длится год, а не следующий год – новый проект, не факт, что он пройдет конкурс. И не факт, что будут поддерживать ту же тематику, что и в прошлом году, а оказание услуг (инвалидам, ветеранам, подросткам в трудной ситуации, женщинам, испытывавшим насилие, неизлечимо больным детям и т.д.), как правило, необходимо регулярное. (С.В., руководитель кризисного центра для женщин, Иркутск).

Эта модель некоммерческих организаций, помимо активного финансового потока, получаемого через гранты, привлекает ресурс волонтеров и поддержку частных фондов. Это ее выгодно отличает от других моделей. Это объясняется отчасти большей публичностью и более высоким уровнем доверия той организации, что вы играла федеральный или региональный грант для реализации своих проектов. Это привлекает к ней добровольцев и спонсоров.

Конечно, выигрыш в конкурсе грантов президента позволил нам привлечь в три раза больше волонтеров, иначе мы бы не смогли осуществить задуманное. А на следующий год пришло два частных инвестора – существенно помогающих в осуществлении наших задач и помогающих продолжать проект. Инвесторы и волонтеры не пришли бы – если бы не было того выигрыша. (О.В., руководитель молодежного волонтерского центра, Новосибирск).

Мы подхватили инициативу по донорству крови – за другими регионами России и подав заявку на грант Президента – выиграли. Автоматически количество членов нашей организации выросло в 6 раз. После завершения проекта, у нас сформировался пул активистов, которые могли и хотели участвовать в других проектах нашего центра, и мы уже на автомате влились в работу по новым проектам, выигравшим в новых конкурсах, плюс пришли с инициативной предприниматели и администрация – я прямо физически стал чувствовать, как мы стали связующим звеном между разными институтами гражданского общества. (Э.Ю., руко-

водителем молодежного волонтерского центра, Улан-Удэ).

Во всех фокус-группах, где мы выявили данную модель развития некоммерческих организаций, звучала мысль о том, что они уже стали лидерами социальных изменений, они уже стали новаторами в своей нише, они уже стали теми, кто использует передовые практики и может этому обучить другие организации третьего сектора из своего региона или соседних.

Рыночная модель предполагает активное сетевое взаимодействие, где каждый игрок, обладая своим потенциалом, может выступить фарватером новых перемен социального развития. В таких организациях третьего сектора нуждается власть, так как они доводят до конца и реализуют задачи, которые не могут выполнить органы власти; нуждается бизнес, так как они предлагают рабочие схемы эффективного партнерства, которые в будущем могут коммерциализироваться. Последнее, не часто, но уже присутствует в разных сферах социального партнерства. Эти НКО обладают новым мышлением руководителей, они выстраивают систему взаимодействия по-новому принципам. Эффективность их обусловлена имеющимся социальным доверием к некоммерческим организациям, открытой отчетности и прозрачности трат.

Человеческий капитал НКО в рамках модели социальных изменений строится по принципу свободы объединений и конструирования либерально-демократических ценностей в обществе (44%). Люди объединяются в группы и сообщества на основе своих интересов, что приводит к большей сплоченности сообществ. Легитимность их функционирования определяется социальным капиталом, который спланирует их внутри и позволяет действовать во вне единым фронтом. Общие идеи этой модели сформулированы еще Р. Патнэмом и нашли развитие в работах современников [4, 10, 12, 16].

Социальный капитал этих сообществ интересен власти так как представляет консолидированный между

собой электорат, с понятными ценностями и прогнозируемым поведением. Также он интересен бизнесу так как может быть подготовленной группой для потребления определенных товаров и услуг.

Эта модель предполагает горизонтальные консолидации различных сообществ. Некоммерческий сектор в данной сфере выступает формой консолидации разных членов общества в одно сообщество по интересам, которое может быть значительно более солидарным, нежели чем профессиональные, территориальные идеологические или какие-то другие формы интеграции.

Вопросы объединения людей по интересам – значительно сильнее мотивируют, нежели чем объединение по необходимости. Это может создать политическую коалицию или выгодную бизнес-группу поддержки предпринимателей при лоббировании интересов при взаимодействии с властью или общественностью. Это неформальное объединение может стать общественной инициативой, которая меняет социальную политику и общественные настроения – в зависимости от того, кто в нее входит. (О.П., руководитель некоммерческой организации поддержки мигрантов, Новосибирск).

Важным моментом в данной модели выступает уровень доверия населения общественным организациям. И если он не будет расти, то эффективность модели будет локализована группами интересов и не распространяться на все общество.

В обществе полно стереотипов о том, что если мы получили грант, то кучу денег тратим на себя. Но ведь это не так! Статья расходов на зарплату как правило минимальна, а то и вовсе отсутствует – так как куда важнее закупить инвентарь, материалы, чтобы, когда закончится финансирование по гранту, мы могли также продолжать осуществлять свою работу. А у большей части населения нет этого понимания. Если получил деньги – то их чуть ли не себе в карман кладешь. Это очень раздражает. (О.Л., руководитель

некоммерческой организации поддержки инвалидов, Омск).

Уровень доверия населения к НКО катастрофически низок, хотя изменения начинаются, но они слишком медленные, чтобы были столь значимые, чтобы мы могли работать и не оправдываться на пустом месте – куда и на что мы тратим деньги. Итак, все достаточно открыто и прозрачно. Но мнение тех, кто далеко от некоммерческой работы – сложно изменить одними словами, их мнение меняется, когда они сами касаются этой работы. (А.А., руководитель центра помощи ветеранов разведки спецназа, Иркутск).

Одним из перцептивных направлений работы данных организаций выступает просветительская работа среди населения, так как без их одобрения и внимания, готовности разделять ценности и реальные действия в сфере работы некоммерческой организации у них не будет будущего.

Демонопользация социальных услуг на государственном уровне также способствует развитию данной модели третьего сектора, но не выступает гарантом стабильности, а лишь готовить почву для развития, где сами некоммерческие организации должны и могут закатывать свой социальный капитал и позитивный общественный имидж.

Задача многих НКО формировать позитивную среду заботы и внимания в общественном развитии, да иногда через сопротивление стереотипам, да через противление чиновников – но без этой работы институт гражданского общества не станет практической реальностью, а останется лишь как теоретический конструкт. (С.В., руководитель центра помощи для женщин, подвергшихся насилию, Омск).

Процесс легитимации от этого только усилится и позволит некоммерческим организациям более стабильно, эффективно и комплексно работать в своей нише социального обслуживания. Легитимность права на работу – нужно заслужить через доверие, которое формируется в рамках просвеще-

ния и реальной помощи конкретным сообществам.

Доверие, в свою очередь, строится на эмоциональном взаимодействии, через истории и кейсы помощи конкретным людям, изменения конкретной ситуации в регионе и т.д. При этом, этот опыт должен быть отрефлексирован и оформлен в социальных сетях, сайтах некоммерческих организаций, ютуб-каналах и т.д., иными словами, быть в постоянном доступе для общественности, органов власти и бизнеса.

В нашем городе, буквально каждый знал истории тех семей, кому мы помогли с благоустройством дома для инвалидов. Эта работа осуществлялась по Гранту Президента – нам надо было отчитываться, все фиксировали на фото и видео публиковали в СМИ и на Сайте. И это стал прецедент – когда, создав условия для семьи инвалидов, по сути, дальше требуется только общее сопровождение, они сами начали бизнес, ведут свои сети. Помощь нескольким семьям – трансформировалась в целое движение реализации в виртуальном мире инвалидов. (Т.А., руководитель центра помощи инвалидов, Красноярск).

Личные истории всегда цепляют за душу, а истории, которые заканчиваются хорошо, потому что волонтеры некоммерческой организации хорошо и слаженно сработали – еще лучше. В центр помощи жертв домашнего насилия попадают женщины и дети в сложных условиях, их жизненный опыт может вынести не каждый, но зная его – другие обретают надежду, что молчать нельзя, надо отстаивать свою безопасность и безопасность ребенка. На сайте нашей организации множество историй женщин, чьи судьбы поменялись после того, как они попали в наш центр – многие переехали, развелись, кто-то счастливо вышел замуж еще раз, родили еще детей и живут радостно, а их опыт, лишь на страницах сайта является ориентиром для тех, кто сегодня в аналогичной ситуации. (А.В., руководитель центра помощи для женщин и детей, испытавших насилие в семье, Иркутск).

Социальная реклама также помогает, способствуя большей эмпатии и социальному соучастию. А также формированию толерантного и доверительно-го отношения к третьему сектору.

В нашем городе при поддержке администрации были проведены курсы для общественных организаций для ведения коммуникаций с общественностью, из Москвы спикеры прилетали. На самом деле очень полезная штука. Уже после этого информационные кампании разных некоммерческих организаций качественно усилились и эффектом этих мероприятий стало увеличение количества волонтеров, спонсоров в их проектах, уровень узнаваемости и самое главное доверия общественности значительно повысился. (С.В., Президент регионального союза женщин, Иркутск).

Социальная реклама, конечно, доступна более федеральным некоммерческим объединениям, но ее отголоски касаются и местных общественных объединений, так как проще провести аналогии и сделать выводы в пользу значимости роли той или иной организации в решении проблем. (П.А., руководитель экологического центра волонтеров, Новосибирск).

Таким образом, социальные изменения, что кроются внутри процессов развития и адаптации практик третьего сектора в регионах РФ – меняет социальную ткань общественного воспроизводства. Человеческие ресурсы в них опираются на социальные стратегии, устраивающие власть, бизнес и общественность для достижения одинаково важных для всех результатов.

Человеческий капитал НКО в рамках модели противостояния формируется как антитеза защиты прав заведомо угнетаемых категорий граждан (5%). Некоммерческие организации, которые относятся к данной модели борются за права заключенных, мигрантов, беженцев, ветеранов войн, для них важны принципы равенства и равного доступа к благам, разнообразия и множества против монотонности и однополярности. Легитимность этих организаций

строится не на правовых нормах и условиях адаптации к имеющимся в регионе или стране условиям, а опирается на универсальные ценности блага, гарантии, которые защищаются не одним государством, а могут быть применимы ко всему миру. Они не вписываются в общие реестры поставщиков социальных услуг, так как могут действовать в обход законодательства, но помогать локально, отдельным людям или сообществам.

Конечно, возникает вопрос, насколько такие НКО могут быть независимы от власти. И хотя их количество не столь высоко, но они есть.

Экология – это та сфера, которая не имеет национальных или государственных интересов. Поэтому сохранять природные ресурсы необходимо не для какой-то страны в отдельности, а для всего мира. И для этого мы и работаем и отчитываться какому-либо государству не собираемся, наша задача нести ответственность перед грядущими поколениями. (П.С., региональный руководитель международной некоммерческой экологической организации, Тюмень).

Вопросами торговли людьми занимаются очень немногие общественные организации, не хватает ресурсов, связей, возможностей. Да, требуется настойчивость в работе по профилактике подобных ситуаций и снятия напряжения в социальной среде после его осуществления. Социальной рекламой тут не обойдешься. Но этим надо заниматься и быть информированным, так как работая в обществе – не замечая проблем, не значит, что их не будет. (Л.В., руководитель межрегиональной общественной организации против работорговли, Томск).

В фокус-группах данная модель развития некоммерческих организаций имела неоднозначную оценку, так как их деятельность не прозрачна, не очевидна, может идти на грани закона или законов разных государств. Безусловно, она не приемлема к большому числу организаций, но характеризует специфический спектр проблем, кото-

рые выступает своего рода табу в третьем секторе, да и в обществе в целом. И тема легитимности в данной модели выступает камнем преткновения. Данное направление требует, безусловно, отдельного внимания и исследования и не может быть раскрыта в этой статье в виду ограниченности объема.

Выводы

Легитимность – это социальное конструируемое понятие. Оно опирается на людей, которые заняты определенными действиями и имеют некие убеждения и цели, а также встраивается в существующие рамки дозволенного поведения, регламентируемые официальными нормами права и неформальными практиками социального взаимодействия (реализуемыми через социальный капитал руководителей третьего сектора, их личные коммуникативные навыки и т.д.). Также опирается на уровень доверия общественности третьему сектору (начиная от социальных стереотипов и представлений, заканчивая тем, что они думают – зачем вообще существуют некоммерческие организации).

Формальная сторона легитимизации НКО строится на вхождении в реестр общественных организаций выполняющих общественно полезные услуги (Федеральный закон № 166-ФЗ 2020 от 15.09.2020). Неформальная строится на личном имидже руководителя, иных проектах в которых участвует организация, что находит отражение на страницах СМИ и сети Интернет (в т.ч. социальных сетях).

Более того, важным аспектом реализации своей работы выступает уровень доверия общественности к НКО и качества эмоциональных связей, солидарности и соучастия с конкретными персонажами, кому была оказана помощь некоммерческими организациями, и чья жизнь после этого качественно изменилась. Эти истории выступают залогом повышения доверия общественности. Но это возможно при условии высокой осведомленности и публичности изложения данных историй, формирующих эмпатические свя-

зи в обществе, давая установку на заведомо положительное принятие представителей третьего сектора в среде сообществ в конкретном регионе.

Легитимация развития человечески ресурсов любой некоммерческой организации строится через наиболее адаптированную к их деятельности и реальным людям, осуществляющим эту деятельность в ней. Эта модель развития может иметь зачаточные формы или уже развиться в самостоятельную, независимую структуру, которая работает автоматически, включая в свое функционирование новых членов, встраивая в себя ключевые проекты, которыми они занимаются. И итогом этого становится уникальный вклад в общественное воспроизводство, где человеческий капитал выступает двигателем и одновременно целью развития любой некоммерческой организации.

Легитимация в рамках рыночной модели строится на межсекторном взаимодействии, которое создает динамику и социальную наполненность новыми смыслами и формами взаимодействия, приводит к партнёрству и реализации новых проектов. Легитимация в рамках модели социальных изменений строится на работе с общественностью, увеличения уровня доверия к некоммерческим организациям, а также формирования новых сообществ по интересам, не вопреки, а благодаря желанию что-то изменить в той среде, где они живут и работают. Объединение через желание изменений и повышение значимости включенности в определённые сообщества.

Легитимация в рамках модели противостояния строится на работе в табуированных темах для третьего сектора и общества в целом, так как строится на грани закона, а порой и не вписывается в нормативные рамки российского законодательства, поэтому организации, работающие по данной модели опираются на нормы легитимности международного порядка, не всегда согласованные с отечественным законодательством, что делает их *persona non*

grata. Среди всего объема некоммерческих организаций они занимают минимальную долю, но своим присутствием вносят разнообразие в общий профиль легитимности развития человеческих ресурсов общественным сектором.

Можно заключить, что вопросы легитимности использования различных моделей развития человеческого капитала в третьем секторе строятся на специфике работы самой организации и возможностей опоры на органы власти и бизнеса для поставленных задач, ежели те не в силах решить возникающие вопросы, то принцип легитимности выносится за уровень государства и находится в международном правовом поле легитимности. Стоит заметить, что там присутствуют другие модели развития человеческого капитала. Но на данный момент изучение данного вопроса имеет ряд трудностей формального и личного характера, так как большая часть информации выступает засекреченной и не находится в общем доступе. Вместе с тем, это видится одним из перспективных направлений изучения данного вопроса.

Литература

1. Аносов С.С. Особенности гражданских инициатив в городах Иркутской области // Урбанистика. 2017. № 4. С. 63–69.
2. Аносов С.С. Проблемные зоны гражданской активности в современной России // Социология. 2020. № 4. С. 4–21.
3. Аносов С.С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47–54.
4. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
5. Полюшкевич О.А. Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором // Социология. 2019. № 5. С. 179–188.
6. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в межсекторном взаимодействии (на примере женских социозащитных организаций) // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов. Материалы Всероссийской конференции. под науч. ред. А.П. Суходолова, И.С. Карпиковой. Иркутск, БГУ, 2019. С. 114–119.
7. Полюшкевич О.А. Социальная адаптация женских НКО в условиях изменения государственного управления некоммерческих организаций // Трансформация социального мира в современную эпоху. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 128–134.
8. Полюшкевич О.А. Условия взаимодействия: межсекторное партнёрство женских НКО // Женское движение в России в XXI веке: уроки и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иваново, ИГУ, 2021. С. 64–73.
9. Попова М.В. Гражданское общество: основные подходы // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 126–129.
10. Пружинин А.Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 137–141.
11. Трескин П.А. Некоммерческие организации как ресурсы социального развития регионов // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 147–151.
12. Трескин П.А. Стратегии развития фондов местных сообществ как

источников поддержки некоммерческого сектора: анализ мирового опыта // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 244–250.

13. Трескин П.А. Факторы организации межсекторного взаимодействия некоммерческих организаций // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 317–322.
14. Трескин П.А. Цифровое взаимодействие органов власти и некоммерческих организаций // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией И.А. Журавлевой, О.А. Полюшкевич, В.Ю. Митусова. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 134–137.
15. Трескин П.А. Цифровые коммуникации НКО: трансформация парадигм управления // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 194–196.
16. Ярская-Смирнова Е.Р., Бодрова О.А. Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг // Журнал социологии и социальной антропологии, 2021. № 24(1): 45–78.

MODELS OF LEGITIMIZING THE DEVELOPMENT OF HUMAN RESOURCES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Pruzhinin A.N., Podzhidaeva A. Yu.
Irkutsk State University

The article analyzes a focus group qualitative study conducted in seven cities of Siberia on the emergence, development and use of different models for the development of human capital and human resources in non-profit organizations. As a result of the study, the principle of implementation and development of the model of the legitimacy of human resource development within the framework of the model of market relations, the model of social change and the model of confrontation is shown. Each of the selected models has its own trajectory and quality of consolidation in the public consciousness, through an increase in the level of trust and recognition, emotional involvement in the work of non-profit organizations, and also relies on the conditions and mechanisms of intersectoral partnership with business and government, acting in this interaction or a connecting element between all participants, or those who do all the work as a contractor. The performed analysis is the key one in the construction and new modeling of social policy and development policy of the third sector in the conditions of Russia.

Keywords: legitimacy, human resources, non-profit organizations, empathy, trust, intersectoral partnership.

References

1. Anosov S.S. Features of civil initiatives in the cities of the Irkutsk region // *Urbanistics*. 2017. No. 4. S. 63–69.
2. Anosov S.S. Problem areas of civil activity in modern Russia // *Sociology*. 2020. No. 4. S. 4–21.
3. Anosov S.S. Regional conditions of social activity of civil initiatives // *News of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2018. V. 23. S. 47–54.
4. Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk // *Sociology*. 2020. No. 5. P. 145–151.
5. Polyushkevich O.A. Women's NGOs in the context of reforms in public administration of the non-profit sector // *Sociology*. 2019. No. 5. S. 179–188.
6. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in intersectoral interaction (on the example of women's social protection organizations) // *New trends in the activities of social protection institutions. Materials of the All-Russian Conference. under scientific ed. A.P. Sukhodolova, I.S. Karpikova*. Irkutsk, BGU, 2019. S. 114–119.

7. Polyushkevich O.A. Social adaptation of women's NGOs in the context of changing public administration of non-profit organizations // Transformation of the social world in the modern era. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 128–134.
8. Polyushkevich O.A. Terms of interaction: intersectoral partnership of women's NGOs // Women's movement in Russia in the XXI century: lessons and prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. Ivanovo, IGU, 2021, pp. 64–73.
9. Popova M.V. Civil Society: Basic Approaches // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. 2017. S. 126–129.
10. Pruzhinin A.N. Management of civil society institutions through the prism of human capital // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 137–141.
11. Treskin P.A. Non-profit organizations as resources for the social development of regions // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 147–151.
12. Treskin P.A. Strategies for the development of local community foundations as sources of support for the non-profit sector: an analysis of world experience // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. materials of the VII International scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2021. S. 244–250.
13. Treskin P.A. Factors of organization of intersectoral interaction of non-profit organizations // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, IGU, 2020. S. 317–322.
14. Treskin P.A. Digital interaction of authorities and non-profit organizations // Transformation of state and municipal government in the digitalization paradigm. Materials of the International scientific-practical conference. Under the general editorship of I.A. Zhuravleva, O.A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusov. Irkutsk, IGU, 2020, pp. 134–137.
15. Treskin P.A. Digital Communications of NGOs: Transformation of Management Paradigms // Social Reality of Virtual Space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 194–196.
16. Yarskaya-Smirnova E.R., Bodrova O.A. Models of legitimation of non-profit organizations as providers of social services // Journal of Sociology and Social Anthropology, 2021. No. 24(1): 45–78.

Особенности удаленной работы: опыт адаптации некоммерческих организаций

Трескин Петр Андреевич,

старший преподаватель Нижегородского государственного университета

Им. Н.И. Лобачевского,

директор МАУ «ИЦ «Дзержинские ведомости»

E-mail: treskin-pe@ya.ru

В статье приводятся результаты качественного исследования сотрудников некоммерческих организаций России, которые в условиях пандемии смогли перестроиться на удаленную работу, оказывают свои услуги в полном объеме, а некоторые из них дополнили или трансформировали свои оказываемые услуги населению. Изучаются условия личной и профессиональной оценки, стратегиях выживания и новых перспективах развития, которые видят для своих организаций руководители некоммерческих организаций и их ведущие специалисты.

Ключевые слова: пандемия, адаптация, новые виды деятельности, дистанционная работа, удаленные услуги, некоммерческие организации.

Пандемия 2020–2021 годов внесла в жизнь многих россиян многие перемены. И прежде всего это коснулось форм занятости. Многие сферы деятельности из офф-лайн стали работать в он-лайн режиме, в не зависимости – действовал ли локдаун или нет.

Некоммерческие организации в период пандемии не стали исключением и были вынуждены перейти на удаленную работу. Для одних – это стало началом конца, так как перестроить свой обычный ритм, форму и особенности работы они не смогли. Для других – началом новой жизни, нового этапа развития, освоения новых форм коммуникации со своими потребителями услуг.

Мы не стремимся оценить их работу как хорошую или плохую только потому, что одни смогли вписаться в новые условия жизни, а другие нет. Это, действительно, носит индивидуальных характер оказываемых услуг и возможностей развития. Но внимание к тем, кто освоился и укрепил свои позиции в период пандемии и активизации удаленной деятельности, стоит усилить, так как это может быть хорошим примером для других некоммерческих организаций и хорошим кейсом для понимания стратегий адаптации в кризисных нелинейных условиях социального моделирования общественного развития.

Ситуация с пандемией стала глобальной встряской для существующих в обществе стратегий управления, мотивации, социального регулирования трудовой деятельности, а также способов и форм работы в конкретных организациях. Стали очевидны работающие схемы и модели и уже устаревшие. Виртуализация общества – уже реальность. И если в будущем не учитывать этот фактор, но быть на волне новых управленческих и социальных перемен будет практически невозможно.

Особенно остро и предметно данные вопросы встают перед некоммер-

ческим сектором, когда сама его работа направлена на социальные услуги, где коммерческий успех не является приоритетным. А новый формат работы требует и новых технологий и новых навыков от сотрудников и готовности быть гибким. Поэтому, изучение данного вопроса встает вдвойне актуальным вопросом в череде прикладных исследований.

В ряде работ автора [4,5] уже затрагиваются темы виртуальной активности и представленности в сети интернет некоммерческих организаций, но особенности адаптации и качества работы некоммерческих организаций на удаленной работе пока не проводился. Более того, коллеги, которые занимаются анализом работы некоммерческих организаций также обходят стороной данную тему и изучают стратегии личной адаптации или условия работы некоммерческого сектора в условиях изменения государственной политики (И.В. Мерсиянова и Н.В. Иванова [1], О.А. Полюшкевич [2,3] и другие.).

Для исследования вопроса мы провели экспертное интервью среди руководителей и ведущих специалистов некоммерческих организаций, которые перешли на дистанционную удаленную работу, как по организационным моментам, так и по практике оказания обычных услуг той или иной некоммерческой организации. Всего в экспертном опросе приняло участие 16 человек, все они работают в некоммерческом секторе от 5 до 25 лет, то есть могут сравнить опыт и условия работы до пандемии и во время ее, до удаленной работы и во время ее. 80% опрошенных женщин и лишь 20% мужчины. Интервью проходило через платформу zoom, поэтому в опросе приняли участники из разных регионов России и из разных сфер работы некоммерческих организаций.

При анализе ответов респондентов мы получили несколько блоков интерпретации адаптации к удаленной работе, которые выражены в личной и профессиональной оценке, стратегиях выживания и новых перспективах разви-

тия. Эти сферы стали ключевыми в качественном анализе смыслов деятельности успешных в период пандемии некоммерческих организаций по всей России.

Личная оценка (27%) – это критерий личной мотивации и заинтересованности в работе некоммерческой организации и личной значимости продолжения профессиональной деятельности этих организаций.

Мне трудно представить как центр помощи наркоманам перестал работать. Даже давая общие рекомендации, информируя родственников или самих наркоманов о том, что и как нужно делать, в какой последовательности – мы даем людям надежду на то, что все у них наладиться, они справятся с бедой и начнут жить по-новому. Я лично столкнулась с этой бедой и прекрасно понимаю как важна помощь и участие, когда не знаешь, что делать. (О.Б., руководитель кризисного центра реабилитации наркоманов, 46 лет, Новосибирск).

Восстановление после инсульта дело не простое. Сама после этого прошла и, собственно, организовала общественную организацию для того, чтобы помогать другим. Пандемия, дистанционная работа сначала повергли в ступор, а сейчас даже появились крылья за спиной так как виртуальность дает множество возможностей для работы с семьями инсультников чтобы более быстро и качественно их восстановить после болезни. Это личный вклад, это апробированные методики и мировой опыт – которые я вместе с помощниками монтируем в ролики, делаем сюжеты и в целом совершенно новую работу в рамках нашей работы начали, но она настолько интересна, что я уже не представляю своей жизни без этого. А главное – мы все видим реальную пользу от снятых нами материалов и выложенных в социальные сети и на ютуб-канал, который имеет миллионные просмотры и подписчиков со всего мира. (Т.А., руководитель некоммерческого центра восстановления больных после инсульта, Новосибирск).

Профессиональная оценка (29%) – это оценка того, насколько профессионально получается работать с конечными потребителями работы некоммерческой организации. Как правило, она строится на профессиональных качествах и умениях социального и профессионального роста, умения компетентно и доступно донести важную информацию.

Пандемия для многих национально-культурных центров стала поводом для приостановления работы. Но не для нашего. Мы организовали несколько онлайн курсов по изучению культуры якутов, национально-песенному творчеству, по национальной кухне. И наши ведущие, находясь у себя дома ведут вебинары и вместе со слушателями поют песни и учат их правильно это делать, готовят блюда и каждый получает результат, а также слушают лекции о наших предках, о быте и культуре тех, кто был нашим праотцом. Это буквально стало новой жизнью для нас, дало интересные возможности для реализации и новые формы социальной представленности в региональном сетевом сообществе. (А.С., руководитель якутского национально-культурного центра, Якутск).

Паровая, социально-психологическая помощь может оказываться и дистанционно, но реальное общение никто не заменит. Мы работаем для тех, кто оказался на улице – бездомные люди особо ущемляемая группа. В период пандемии они оказались в особо сложной ситуации и без полной и четкой информации как им можно помочь в конкретной ситуации, нельзя рассчитывать на то, что они смогли бы выжить. Я бы сказала, что наша ответственность и вклад в гуманность нашего общества по отношению к бездомным в период пандемии усилился, мы больше отдаем своей работе – так как понимаем, что если не мы, то никто ... (А.А., руководитель центра помощи бездомным, Красноярск).

Стратегии выживания (23%) – это ориентиры выживания, которые увидели сразу руководители некоммерческих

организаций или пришли к ним через какое-то время, но они помогают понимать – куда развиваются организации, в чем их сила и куда стоит направить ресурсы (волонтеров, сотрудников некоммерческих организаций и т.д.).

Без интернет-продвижения никакая общественная организация не сможет выжить в будущем. Важно иметь понимание того, как вы представлены в виртуальном пространстве, что движет людьми, которые смотрят ваши материалы, лайкают сообщения или их переразмещают у себя на страницах. Это то, что позволяет быть на слуху. И да, это требует организации новых виртуальных проектов, направленных на помощь инвалидам. Умение показать не их слабость, а их силу, которая требует поддержки – даст опору не только инвалидам, но и тем, кто эту помощь оказывает. Быть сильным можно только тогда, когда ты несешь ответственность за кого-то другого. После начала пандемии мы больше материалов выкладываем на нашем сайте и в социальных сетях, рассказываем о достижениях членов нашего сообщества инвалидов, рассказываем у кого какая беда и как можно помочь. Я думаю, интернет нас больше сплотил и позволяет предельно помогать каждому, кто в этом нуждается. (С.В., руководитель некоммерческой организации инвалидов, Иркутск, 39 лет).

Все работает быстро. Интернет ворвался в повседневность нашей общественной организации давно, но пандемия изменила все. У нас начались интернет-проекты по обучению лепке из глины, мы стали снимать видео и приглашать психологов чтобы они прокомментировали, как и что меняется, когда человек включен в процесс лепки из глины. И надо сказать – получается очень интересно. Пандемия закончилась, а наши интернет-проекты останутся и будут развиваться! (О.В., руководитель центра помощи инвалидам, Иркутск, 45 лет).

Новые перспективы (21%) – это то, что позволяет выходить на новые виды деятельности, новые услуги, новые

формы взаимодействия с потребителями услуг и это то, что будет определять передовые формы развития организаций.

После пандемии мы с командой пересмотрели то, что делали и решили развивать новые направления работы – то, что модно, актуально и востребовано, но также помогает, как и раньше развивать детей. Теперь для занятий с детьми мы используем интерактивные программы, и игровые компьютерные версии модулей. Да пришлось потратиться на закупку новых программ, но это стоило того, мы оказываем уникальные услуги, которые котируются по всей России. (А.А., руководитель центра детского развития, Екатеринбург, 38 лет).

Сила виртуальности в том, что она может придумать за нас очень многое, а нас останется лишь это воплотить. Профессиональную диагностику теперь наш некоммерческий центр делает только удаленно, персональные консультации оказывает человек, находясь у себя дома. Это упростило и изменило подход к клиентам и подбор специалистов на работу. Мы реально стали на два шага дальше, и по количеству клиентов, и по качеству услуг, чем наши конкуренты, работающие оффлайн. (М.Е., руководитель центра профессиональной диагностики, Иркутск, 44 года).

Более того, адаптация к новым условиям позволила выявить новые ресурсы самовосстановления и развития, которые мы разделили на внешние (64%) и внутренние (36%). К внешним отнесли: умение выстраивать сеть взаимодействия (чаще виртуального); формирование пула стратегий взаимодействия с органами власти в рамках участия в местных конкурсах грантов (Фонд местного сообщества, Губернаторские фонды и конкурсы грантов для НКО) и общероссийских конкурсах грантов Фонда президентских грантов; новые формы позиционирования общественной организации (представленность в СМИ, общественная активность в социальных сетях и т.д.). К вну-

тренним мы отнесли: новый подбор кадров (чаще сменялся принцип поиска и формы его осуществления); осознание каких (личных) качеств не хватает для успешной работы в новых условиях; обучение новым видам деятельности, получение новых специальностей (чаще в виртуальных: таргетолог, smm-специалист, инфо-продюсер и проч.).

Выстраивание сети взаимодействия привело к тому, что некоторые организации слились в одну – так как на общей платформе, осуществлять схожие услуги, находясь в разных регионах – проще и менее затратно финансово. Или же работа разных организаций получила преемственность по социальной поддержке и проектированию социальной включенности.

Нам без социального взаимодействия между собой просто не выжить. Для эффективности коммуникации и достижения общего результата мы объединились в общее виртуальное пространство и сейчас мы не три разрозненные общественные организации, работающие в трех городах – мы единое общественное движение. Наверное, мы уже новая межрегиональная организация, которая занимается социальной реабилитацией женщин и детей, испытывавших насилие в семье, которая имеет представительства (с разными названиями) в трех городах. Я не вижу в этом ничего плохого – к нам чаще обращаются через социальные сети или сайт – главное вовремя подсказать и направить, а в каком городе это будет – не важно. Мы уже обсуждали формы юридического закрепления нашего партнерства, как и закрытие старых организаций и открытие новой единой – но это пока не решено, так как работы прибавилось с объединением в общее пространство взаимодействия. (С.С., руководитель общественной организации помощи женщинам и детям, испытывавшим насилие в семье, Ярославль, 48 лет).

Нам нужно выживать – а в нынешних условиях – лучшая стратегия – это объединение с теми, у кого те же проблемы, вопросы и схожее мышление.

Мы как экологическая организация никогда не были привязаны к одному городу, всегда реагировали на проблему, не важно, где она разгоралась. Социальные сети и в целом Интернет – вообще убрал границы, и 8 из 10 проектов мы осуществляем на межрегиональном или даже федеральном уровне. Это можно расценивать как рост, можно расценивать как усиление возможностей и качества работы организации, можно рассматривать как взаимодействие с едиными духом, чувствами и мыслями людей, живущих в разных регионах, но болеющих душой за экологию, Природу и права человека, живущего в этом мире. Межорганизационное взаимодействие усилило наши позиции и в регионах, и в целом среди общественности. Так что пандемия сыграла на руку нам как организации, которая развивается и укрепляет свои позиции, наряду с теми, кто вместе с нами идет по этому пути. (Т.А., руководитель экологической общественной организации, Томск, 39 лет).

Взаимодействие с органами власти, умение слышать их запросы и потребности – это одно из основных направлений развития многих общественных организаций, так как выступает чуть ли не единственным источником получения финансовой поддержки, как правило грантовой, значительно реже субсидированной местными или региональными бюджетами.

Конкурсы грантов, которые последние годы все растут и в количестве, и в объемах финансирования выступают нашим основным источником доходов, которые позволяют и быть на плаву и оказывать свои услуги на должном уровне. И тут важно очень хорошо понимать – какой запрос у власти, какие проекты они готовы поддерживать безоговорочно, а в каких стоит рассчитывать только на удачу. Мы не всегда проходим по конкурсам и этот период становится для нас весьма жестким и ограниченным, но зато мотивирует более точно и качественно прописывать следующую заявку. Мы ходим на консультации с теми, кто организует процеду-

ру местных конкурсных грантов, для участия в федеральных грантах присутствуем на вебинарах и смотрим аналитические разборы прошедших конкурсов. Это кропотливая работа, которая позволит нам выстоять в это непростое время. (О.В., руководитель центра по работе с глиной, Иркутск, 45 лет).

Без поддержки государства нам не выжить. И это не бравада, это реальность нашего времени. Конкурсы грантов Президента РФ для НКО стали спасением для многих общественников, главное понимать – как писать заявки. У нас не сразу получилось, поэтому мы привлекли на помощь компетентного человека и вот уже четвертый год подряд выигрываем гранты для осуществления малых и больших проектов нашего центра. Да, это локальные проекты на какую-то проблему, но в тоже время – благодаря им эта проблема сдвигается с мертвой точки и когда грант завершается, мы еще на разогнанных механизмах можем работать какое-то время. Это реальная поддержка всем общественникам. (Т.А., руководитель некоммерческого центра восстановления больных после инсульта, Новосибирск).

Изменение внешнего позиционирования общественных организаций, которое отразилось как в социальной рекламе, так и внутренней наполненности событиями самой организации и ее участие в общественной жизни региона. Благодаря этой позиции общественность узнает о работе общественной организации и может формировать собственное мнение о ней.

Новые условия работы в период пандемии, привели не только к тому, что поменялись условия и возможности работы общественного сектора, но изменилась и представленной любой организации в сети Интернет, кто-то и вовсе исчез, кто-то, наоборот, стал чаще мелькать в силу того – что поменял собственную стратегию развития и внешнего позиционирования. Это наша реальность – новые средства социальной пропаганды через сеть Интернет меняют не только наш облик, но и представления обще-

ственности о нас. И это позволяет даже привлечь новых сотрудников, находить новые ниши для работы, в целом – это укрепляет наши позиции в новых условиях жизни. Я бы сказала, что мы сейчас формируем новое общественное мнение, новые социальные установки в отношении общественных организаций в целом и в частности социальных организаций помощи конкретным социальным группам (А.А., руководитель центра помощи бездомным, Красноярск).

Благодаря виртуализации, пандемии, вынужденной адаптации к новым условиям – все общественные организации вышли на принципиально новый уровень как саморефлексии, так и общественного позиционирования. Изменение представлений о самих себе, о собственных возможностях и транслирование этого через сеть Интернет приводят к тому, в общественном мнении весь некоммерческий сектор стал иначе восприниматься: как реальная действующая сила, способная серьезно влиять на общественное развитие, изменять положение какой-то социальной группы и снимать острые вопросы в разных сообществах. Сейчас мы все переживаем бум социальной активности, тех организаций, кто готов прыгать выше, больше, активнее. Без этого никак – надо заявлять о себе и не просто через пассивную рекламу, а через социальные ролики, привлечение молодежи, вхождение в социальные сети, возможно через мем-активность или же какие-то другие формы актуализации социальной проблематики. Я и моя команда рассматривает сложившиеся условия как формы и способы качественного роста всех общественников. (М.Е., руководитель центра профессиональной диагностики, Иркутск, 44 года).

Подбор кадров и волонтеров для отдельных мероприятий в 90% общественных организаций сместился в виртуальное пространство. Это говорит о том, что изменились критерии поиска специалистов, которые смогут максимально хорошо и качественно организовать, и провести работу той или иной общественной организации.

С момента начала пандемии – волонтеров для проведения акций и осуществления ежедневной удаленной работы мы ищем только через социальные сети. Если до пандемии к нам приходило 2–4 человека из 10 через Интернет, то сегодня 8–9 из 10. Это показатель. И уровень мотивации, и готовность выкладываться в процессе реализации проектов не вызывает нареканий, приходят активные, мотивированные, интересные люди. И это несомненная заслуга пандемии – мы вышли на новый уровень развития, благодаря найденным через интернет социально-активным людям. (С.В., руководитель некоммерческой организации инвалидов, Иркутск, 39 лет).

Мы сегодня делаем подбор кадров только через профили в социальных сетях, заявки тех, кто не представлен в сети или недостаточно там позиционирован просто нами не рассматриваются. Это связано с одной стороны с тем, что мы все больше переходим в виртуальную деятельность и нам нужны сотрудники хорошо в ней разбирающиеся, с другой стороны – это формальные требования для того, чтобы человек смог показать свою мотивацию (которая подкреплена его прошлым опытом или личными взглядами). Это своего рода проверка – свой или нет новый сотрудник или волонтер. (Т.А., руководитель экологической общественной организации, Томск, 39 лет).

Также, ситуация с виртуализацией поставила на повестку дня – необходимые личные качества, которые необходимы для руководителя и ключевых специалистов общественных организаций, чтобы быть успешными в своей нише, узнаваемыми на уровне ответственности и органов власти.

Я никогда бы не подумал, что могу быть таким классным спикером, вести вебинары, быть достаточно публичным в виртуальном пространстве. Помимо страницы нашей организации я активно публикую свои оценки, мнения, веду эфиры и мне это нравится. Хотя, если бы не наступила пандемия – я так бы и откладывал свое вхождение в со-

циальные сети. Конечно, я не блогер с миллионными просмотрами, но среди коллег – один из самых посещаемых, а вместе с тем и узнаваемых и публичным персон нашего региона в вопросах сохранения культурного наследия. Благодаря интернету у меня не то, что новое хобби появилось, но и началась новая жизнь в виртуальном пространстве. Мои личные качества оратора, просветителя нашли благодатную почву среди пользователей социальных сетей, и я этому очень рад, так как и проекты нашей общественной организации от этого только выигрывают. (О.В., руководитель центра по работе с глиной, Иркутск, 45 лет).

За время пандемии, как можно нынче говорить – прокачала свои личные качества в виде виртуальной публичности. Два раза в месяц делаю фотосессии, записываю сторис, пишу посты, веду вебинары и это делает меня известной и узнаваемой фигурой. Да, я не зарабатываю этим на жизнь – но я качественно изменила представления общественности нашего региона о деятельности нашей организации, показала примеры развития детей, что можно осуществлять каждому родителю, чтобы их ребенок был более успешным и развитым – это просветительская и образовательная деятельность меня прямо окрыляет и вдохновляет, я чувствую, как никогда собственную нужность и очень большую востребованность. Это направление нашей работы меня очень увлекает как человека и как специалиста, работающего с детьми, а теперь еще и с видеорекамерой или телефоном. (А.А., руководитель центра детского развития, Екатеринбург, 38 лет).

Следующий пункт связан с предыдущим – получение руководителями и ведущими специалистами общественных организаций новых специальностей, связанных с виртуальным пространством. Это тоже и личный и профессиональный шаг развития их как людей и как членов некоммерческих сообществ, что позволяет говорить о смене образа члена общественной организации.

С момента начала пандемии и ухода работы на удаленную занятость я прошел курсы по визуальному контенту в социальных сетях, мобильной фото и видеосъемке, курсы по написанию постов и результатом этого стала трансформация нашего сайт и страниц в инстаграм и вконтакте. Эта информация очень полезна, так как только благодаря изменению визуального оформления мы привлекли спонсорской помощи в 12 раз больше, чем за тот же период работы в реальном формате в прошлом и позапрошлом году. Более того, у нас стало больше подписчиков, а среди них и волонтеров реализации наших проектов. Плюс подписались просто не безразличные люди и это формирует общественное мнение о нас, как об организации, формирующей новые межкультурные связи. Пройденные мной курсы, переосмысление всего виртуального пространство и лично моего места в нем, так же, как и места нашей общественной организации – стало началом нового периода качественной работы. (Д.А., руководитель татарского национально-культурного центра, Тюмень).

В силу того, что после пандемии мы стали активно продвигать свою работу в социальных сетях, я прошел обучение по видео-мейкингу, таргетингу и особенностям визуального контекста и в результате – у нас появилось новое направление нашей деятельности – оформление всего контента в разных социальных сетях. Поначалу я самостоятельно все делал, но спустя два года сам уже не справляюсь – я только согласую и направляю – снимают рилс и сторис волонтеры, отдельные эфиры мы готовим всей командой. Это большая работа – которая привела к нам новых подписчиков и реальных участников наших проектов, позволила по-новому заявить о себе в региональном социуме. Так что наша организация реально ворвалась в спортивное пространство на новом уровне мы будем наращивать обороты. (С.А., руководитель спортивной военно-патриотической организации ветеранов военных действий, Иркутск, 42 года).

Таким образом, выявленные нами процессы позволяют анализировать условия трансформации общественных организаций в новом мире. Удаленная деятельность для одних стала последней каплей перед закрытием, для других – вдохнула новые формы и ориентиры развития. Удаленная работа для одних некоммерческих организаций, даже при успешном внедрении выступает временной мерой, а для других – поводом для перестройки формата работы, возможно даже профиля оказываемых услуг.

Личные и профессиональные оценки переплетаются между собой, но вместе определяют стратегии выживания и новые возможности для некоммерческого сектора России. Развитие гражданского общества невозможно без освоения новых форм работы некоммерческих организаций через удаленную занятость. Безусловно, личные качества и готовность учиться новому среди руководящего состава – стала приоритетной в использовании новых возможностей развития и различных стратегий адаптации к ним. Но, все же, общественное мнение, включенность общественной организации в региональное сообщество публичной власти стало не последним фактом социального воспроизводства в новом виртуальном пандемическом мире. Использовать новые условия для развития некоммерческого сектора или ставить на нем крест – скорее выбор отдельных людей и руководителей некоммерческих организаций, на практике это найдет новые формы и ориентиры реализации.

Адаптация некоммерческих общественных организаций к удаленной занятости выступает одним из показателей гибкости и социальной мобильности данного института гражданского общества. Чем больше готовности встраиваться в новые условия – тем больше шансов занять свое место в той нише, где развивались ранее или выйти в новые социальные круги взаимодействия, что создаст новые возможности для роста и развития. Выбор, как всегда, за конкретными реальными людьми

– готовыми шагнуть в неизвестность и осваивать новое или же нет.

Литература

1. Мерсиянова И. В., Иванова Н.В. Трудно или легко быть общественно активным человеком во время пандемии? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 340–361.
2. Полюшкевич О.А. Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором // Социология. 2019. № 5. С. 179–188.
3. Полюшкевич О.А. Социальная адаптация женских НКО в условиях изменения государственного управления некоммерческих организаций // Трансформация социального мира в современную эпоху. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2019. С. 128–134.
4. Трескин П.А. Изменение места и роли некоммерческих организаций в цифровую эпоху // Социология. 2019. № 4. С. 163–167.
5. Трескин П.А. Некоммерческие организации в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 159–164.

FEATURES OF REMOTE WORK: EXPERIENCE OF ADAPTATION OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Treskin P.A.

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The article presents the results of a qualitative study of employees of non-profit organizations in Russia, who, in the context of a pandemic, were able to reorganize to remote work, provide their services in full, and some of them supplemented or transformed their services provided to the population. The conditions of personal and professional assessment, survival strategies and new development prospects, which the heads of non-profit organizations and their

leading specialists see for their organizations, are studied.

Keywords: pandemic, adaptation, new activities, teleworking, remote services, non-profit organizations.

References

1. Mersiyanova I. V., Ivanova N.V. Is it difficult or easy to be a socially active person during a pandemic? // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2021. No. 2. S. 340–361.
2. Polyushkevich O.A. Women's NGOs in the context of reforms in public administration of the non-profit sector // *Sociology*. 2019. No. 5. S. 179–188.
3. Polyushkevich O.A. Social adaptation of women's NGOs in the context of changes in the state management of non-profit organizations // *Transformation of the social world in the modern era*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2019. S. 128–134.
4. Treskin P.A. Changing the place and role of non-profit organizations in the digital era // *Sociology*. 2019. No. 4. S. 163–167.
5. Treskin P.A. Non-commercial organizations in the virtual space // *Social reality of the virtual space*. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020. S. 159–164.

Этническая идентичность населения Тюменской области

Фарахутдинов Шамиль Фаритович,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры МиМУ, Тюменский индустриальный университет, старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИЦ РАН
E-mail: fshamil@mail.ru

Клюева Вера Павловна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН
E-mail: vormpk@gmail.com

В статье рассматриваются особенности этноконфессиональной идентичности жителей Тюменской области. Анализируются результаты опроса населения и студенческой молодёжи, реализованного авторами осенью 2021 года. Представлено описание таких аспектов рассматриваемой проблематики, как специфика определения своей этнической принадлежности и оценка её важности; факторы этнической консолидации и сохранения национальной самобытности; влияние этноса на различные сферы жизни; взаимоотношения различных этносов между собой. Частично затронуты языковые и конфессиональные аспекты изучаемого вопроса. В ходе анализа показаны различия во взглядах основного населения и студентов. Сделан вывод об отсутствии у населения региона крайних проявлений этнической идентичности, положительной валентности этнической ценностно-нормативной структуры, а также минимальной напряжённости социальной коммуникации в контексте системы их идентичности.

Ключевые слова: Этническая идентичность, консолидация, национальный язык, конфессия, регион, межкультурная коммуникация, толерантность, социологическое исследование.

Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Актуальность. Идентификация как социально-психологическое явление в научной литературе характеризуется как объяснительный принцип широкого круга явлений, а становление личностной идентичности осуществляется в процессе социализации и взаимодействия с окружающим человека социумом. Понимание этнической идентичности сформировано на базе другой группы научных работ, составляющих исследование этноса и этничности. Непосредственно этнической идентичности посвящены многочисленные исследования отечественных учёных [4]. В фундаментальных работах Л.М. Дробичевой, М.Н. Губогло, В.С. Малахова, О.И. Генисаретского и др. систематизирован большой массив эмпирических данных и создана теоретико-методологическая база для региональных этносоциологических исследований [8].

Актуальность исследований этнической идентичности не снижается со временем, что определяется рядом факторов, ключевой из которых – её стабильность. Для человека, как биосоциального существа важно ощущать свою принадлежность к определённой группе, и этнос далеко не единственная группа, удовлетворяющая эту потребность. В то же время этнос имеет ряд преимуществ перед другими группами, поскольку представляет собой устойчивое межпоколенное образование, исключить из которого человека практически невозможно. Несмотря на то, что в современных условиях стабильность состава и культурных представлений современных этносов постепенно размывается, этнос все еще остается для человека надежной, а в ситуации кризисов – аварийной группой поддержки [5].

Особую значимость формирования этнической идентичности приобретает в молодом возрасте, когда человек ещё

находится в процессе актуализации для себя различных видов идентичностей [6]. Положительная, либо отрицательная направленность сформированных установок способны в существенной степени определить траекторию жизненного пути личности, а в масштабах социума повлиять на социально-политическую стабильность общества.

Методика исследования. Опрос проводился в сентябре-октябре 2021 г. среди жителей города Тюмени, а также близлежащих населённых пунктов, входящих в систему городской агломерации: предместий, пригородных коттеджных посёлков. Также были опрошены студенты двух крупнейших региональных вузов: Тюменского государственного университета и Тюменского индустриального университета. Тюмень является областной столицей, этот город выступает логистическим центром для всего населения Тюменской области, а также Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-ненецкого автономного округа. В этой связи жители Тюмени находятся в постоянном взаимодействии с большим количеством приезжих (трудоустроенные, учебные мигранты, туристы и т.д.), а также сами участвуют в миграционных процессах: выезжают на заработки, переезжают на постоянное место жительства в другие регионы, путешествуют. Указанное обстоятельство делает мнение жителей Тюмени показательным относительно исследуемой проблематики.

В ходе полевых работ организаторам опроса пришлось столкнуться с рядом трудностей, обусловленных продолжающейся сложной эпидемиологической ситуацией в регионе и стране в целом. Наряду с отказом некоторых респондентов участвовать в прямой коммуникации, возникали и трудности бюрократического характера. Например, санитарно-эпидемиологические запреты и ограничения зачастую препятствовали проведению опроса в местах массового скопления людей, организациях, бюджетных учреждениях (детских садах, школах). В этих условиях доступ к респондентам осуществ-

лялся посредством третьих лиц: через их родственников, детей. Заполнение части анкет осуществлялось дистанционно.

Всего было опрошено 200 человек: 100 студентов и 100 представителей основного населения. Основными дифференцирующими признаками в студенческой подвыборке являлись пол, и специфика специальности, на которой обучается студент (техническая или гуманитарная), в выборке основного населения – пол, возраст и место проживания (непосредственно город или предместье). По каждой из категорий указанных признаков было отобрано равное количество, а в случае с половозрастными характеристиками представителей основного населения – в пропорциях, соответствующих статистическим данным и предоставленным в задании на проведение опроса. Обе анкеты, по которой опрашивались респонденты – идентичны, что позволяет осуществлять сравнительный анализ полученных в результате исследования данных.

Результаты и обсуждение. Актуальность исследований этнической идентичности не снижается со временем, что определяется рядом факторов, ключевой из которых – её стабильность. Для человека, как биосоциального существа важно ощущать свою принадлежность к определённой группе, и этнос далеко не единственная группа, удовлетворяющая эту потребность. В то же время этнос имеет ряд преимуществ перед другими группами, поскольку представляет собой устойчивое межпоколенное образование, исключить из которого человека практически невозможно. Несмотря на то, что в современных условиях стабильность состава и культурных представлений современных этносов постепенно размывается, этнос все еще остается для человека надежной, а в ситуации кризисов – аварийной группой поддержки.

Особую значимость формирования этнической идентичности приобретает в молодом возрасте, когда человек ещё находится в процессе актуализации для

себя различных видов идентичностей. Положительная, либо отрицательная направленность сформированных установок способны в существенной степени определить траекторию жизненного пути личности, а в масштабах социума повлиять на социально-политическую стабильность общества.

В следующих трёх вопросах респондентам предлагалось указать свою основную этническую принадлежность (национальность), в случае наличия – вторую, а затруднившихся с ответом на этот вопрос, отметить причину затруднения. Как и следовало ожидать, большинство респондентов указали свою национальность, как «Русский/русская» (Студенты 74%, Население 83%). Различие в национальном составе исследуемых подвыборок можно объяснить более разнородным составом студентов, среди которых довольно много приезжих из других регионов. На втором месте по численности – татары (Студенты 8%, Население 6%). Другие национальности указывались в единичных случаях (1–2 респондента), сюда попали: азербайджанцы, армяне, башкиры, белорусы, казахи, корейцы, марийцы, молдаване, немцы, ненцы, поляки, узбеки, украинцы, ханты и манси. Примечательно, что нестандартные ответы отдельных респондентов, которые указывали, например «Не знаю», «Славянка», «Я гражданин планеты», встречались только в студенческой подвыборке. Распределение ответов коррелирует с результатами переписи 2010 г., согласно которой в Тюменской области проживает 83,8% русских и 8,1% татар, численность остальных групп – составляет от 1,3% (украинцы) и менее.

Вторую национальность указало около пятой части респондентов (Студенты 21%, Население 17%). Чаще всего здесь упоминали русскую, татарскую и украинскую национальности. Среди национальностей, которые не были упомянуты при ответе на предыдущий вопрос, можно выделить цыган, греков, китайцев, карачаевцев. Также один из респондентов из студенческой под-

выборки отдельно отметил, что одновременно является казанским и сибирским татаринном.

Затруднившиеся с ответом на вопрос о национальности приводили следующие доводы: «Нигде в мире не осталось ни одного чистокровно национального человека», «Более трёх» (национальностей), «На мой взгляд происходило смешение кровей, и никто до конца не может быть уверен в своей национальности без ДНК тестов», «Не соответствие внешности», «Ну типа все из детдома», «Смешанность крови», «Такое понятие как национальность не актуально в 21 веке», «Человек мира», «Я не считаю национальность чем-то важным для современного мира».

Конституция России в статье 26 закрепляет право каждого на определение и указание своей национальной принадлежности. Национальность – это принадлежность лица к этнической группе, характеризующая родным языком, особенностями быта, традициями, обычаями, культурой, религией, родством и другими признаками, позволяющими лицу идентифицировать себя. Ключевая роль при определении этнической принадлежности человека принадлежит национальности отца и национальности матери. Так считает подавляющее большинство респондентов из обеих рассматриваемых подгрупп («Национальность отца»: Студенты – 65%, Население – 60%; «Национальность матери»: Студенты – 52%, Население – 60%). Третья по популярности альтернатива «Родной язык» также была отмечена более чем третью респондентов (Студенты – 36%, Население – 41%). Вариант «Культура» также отмечался довольно часто, особенно среди респондентов-студентов (Студенты – 37%, Население – 25%), где по популярности у студентов он даже выше, чем «Родной язык». Также можно отметить довольно большой разрыв по этому варианту между студентами и «Взрослыми» респондентами. Религия как фактор этнической принадлежности может быть значима по мнению 15% студен-

тов и 18% населения. «Место проживания (например, республика, национальный округ, национальный район)» отметили 22% студентов и 13% населения, «Воспитание» – 20% студентов и 14% населения, а «Желание человека» 22% студентов и 13% населения. Менее 5% получили варианты «Обстоятельства (жизнь может сложиться по-разному)» (Студенты – 3%, Население – 5%), «Другое» (Студенты – 1%, Население – 2%) и «Затрудняюсь ответить» (Студенты – 2%, Население – 2%). Среди выбравших «Другое» озвучивались следующие варианты: «Место рождения», «Вера, любовь, доброта», «Национальность нескольких поколений в роду».

Важность этнической принадлежности респондентам было предложено оценить в анкете по пятибалльной шкале. В отличие от оценок принадлежности к российскому народу, здесь наблюдается довольно существенный разброс в оценках респондентов. У студентов доля тех, кто поставил 4 или 5 баллов составила 55% (4 балла – 27%, 5 баллов – 28%), у респондентов из числа основного населения – 54% (4 балла – 17%, 5 баллов – 37%). Бросается в глаза то, довольно много респондентов – четверть участников опроса, поставили среднюю оценку: у основного населения 3 балла поставили 25% респондентов, у студентов – 26%. Пятая часть оценила важность для себя этнической принадлежности на 1 или 2 балла (Студенты: 1 балл – 13%, 2 балла – 6%; Население: 1 балл – 10%, 2 балла – 11%).

На вопрос о том, что по мнению респондентов объединяет представителей их этнической принадлежности (национальности), большинство отметили «Национальный язык» (Студенты – 62%, Население – 52%). Вариант «Национальная культура» выбрали 47% студентов и половина подвыборки из числа населения (50%). Вариант «Историческая судьба, прошлое» отметили 34% студентов и 24% населения. Другими значимыми факторами, по мнению респондентов являются «Черты характера, менталитет, психо-

логия» (Студенты – 28%, Население – 33%), а также «Обычаи, обряды, традиции» (Студенты – 24%, Население – 35%). Приблизительно пятая часть в обеих рассматриваемых группах респондентов в качестве объединяющего фактора отметили «Религия» (Студенты – 21%, Население – 18%) и «Место проживания, территория» (Студенты – 23%, Население – 22%). Равное число респондентов в двух группах посчитали важным фактором в рассматриваемом аспекте «Родственные связи» (Студенты – 14%, Население – 14%), а десятая часть – «Внешность» (Студенты – 9%, Население – 12%). Незначительными респонденты посчитали такие факторы, как «Занятия и образ жизни» (Студенты – 3%, Население – 7%) и «Национально-культурные общественные организации» (Студенты – 2%, Население – 6%). В единичных случаях была выбрана альтернатива «Ничего не объединяет» (Студенты – 4%, Население – 2%) и по одному человеку в каждой подвыборке отметили свой вариант. У студентов это: «Все вышеперечисленное кроме предпоследнего», у населения: «Вера, любовь, доброта».

Влияние этнической (национальной) принадлежности на различные сферы жизни большинства респондентов оценили как нейтральное – соответствующий вариант выбрали 44% студентов и 45% из числа основного населения. Исследование показало, что наибольшее воздействие национальность оказывает в культурной сфере (Студенты – 37%, Население – 29%). Приблизительно в той же мере этническая принадлежность оказывает влияние и на семейную сферу (Студенты – 27%, Население – 32%). С учётом того, что основной вид деятельности студентов – учёба, профессиональную деятельность, как сферу возможного влияния национальности в этой подгруппе отмечали в два раза реже, чем среди населения (Студенты – 9%, Население – 17%). В случае же с политической сферой, в студенческой среде, наоборот, влияние более значительное чем у остальной части населения (Студенты – 14%, На-

селение – 9%)%), что можно объяснить более активной вовлечённостью студентов в общественно-политическую деятельность. В религиозной сфере влияние аналогичное в обеих опрошенных подвыборках (Студенты – 18%, Население – 17%). Затруднились с ответом на рассматриваемый вопрос 6% студентов и 7% других групп населения.

Рассуждая о чувствах, которые вызывает у респондентов принадлежность к их народу (национальности), подавляющее большинство ответов были даны на два варианта: «Чувство гордости» (Студенты – 37%, Население – 43%) и «Никаких особых чувств не вызывает» (Студенты – 46%, Население – 39%). Примечательно, что среди основного населения процент испытывающих гордость выше, чем среди студентов, а среди тех, кто особых чувств не испытывает – ниже. Ощущение защищённости в подвыборке населения также чуть выше, чем среди студентов (Студенты – 12%, Население – 14%). Остальные варианты, характеризующие негативные чувства, респонденты выбирали в единичных случаях: ощущение неуверенности (Студенты – 4%, Население – 1%), чувство досады, обиды (Студенты – 0%, Население – 1%). Раскрывая вариант «Другое», участники опроса среди населения отмечали: «Будит и укрепляет веру, надежду, любовь», «Не знаю», среди студентов: «Затрудняюсь ответить».

Историческая память представляет собой проявление общественного сознания, обеспечивающее трансляцию культурного наследия народа, его адаптацию и наполнение новыми смыслами в условиях современных социокультурных реалий. Основная функция исторической памяти – детерминация социального поведения граждан посредством формирования культурных моделей. Сегодня исследователи всё чаще отмечают процесс трансформации исторического сознания, происходящий в условиях современной информационной среды и интенсифицирующихся информационных потоков. Особо это касается молодого поколения, ежедневно

воспринимающего огромный поток разнородной информации.

Феномен исторической памяти был затронут и в нашем исследовании. В очередных двух вопросах анкеты респондентам предлагалось назвать, во-первых, важнейшие даты, события из истории своего народа, во-вторых, тех, кого они считают великим человеком, символом народа своей национальности. На первый из указанных вопросов ответило 53% студентов и 70% респондентов из числа основного населения. Чаще всего респонденты обеих подвыборок отмечали события, так или иначе связанные с Великой отечественной войной: «Победа в ВОВ», «1941–1945 Великая отечественная Война», «9 мая», «День победы», и т.п. Довольно часто упоминались «День независимости», «Крещение Руси». В единичных случаях респонденты указывали такие события, как победа над Наполеоном 1812 года, создание и распад СССР, революция 1917 года, отмена крепостного права, принятие конституции, присоединение Крыма, победа над хазарами. В некоторых случаях упоминались народные этнические праздники: масленица, вороний день, медвежий праздник. Представители национальных меньшинств отмечали геноцид армян, карабахские войны, присоединение Сибирского и Казанского ханства к России.

На вопрос о персонах, как и в предыдущем случае, респонденты из подвыборки основного населения отвечали охотнее (41% студентов и 61% населения). Довольно значительный разрыв в количестве ответов – около 20% в обоих случаях можно объяснить более сформированной жизненной позицией у взрослого населения, чем у молодёжи, коей представлены студенты. Среди людей, которых респонденты считают символами своего народа чаще остальных упоминался президент РФ В.В. Путин, его отметили около пятой части респондентов. На втором месте по популярности оказался Ю. Гагарин, которого отметила десятая часть всех респондентов (среди населения его упоминали

в 5 раз чаще). Примерно с той же частотой респонденты называли Петра 1, Сталина, Пушкина. Хочется обратить внимание на довольно активное упоминание респондентами личности Александра Невского, о котором в последнее время много говорят в СМИ (7% респондентов). Популярности данной личности в общественном мнении добавил тот факт, что президент назвал его хранителем веры и принял участие в церемонии открытия мемориала «Александр Невский с дружиной» на берегу Чудского озера в Псковской области в сентябре 2021 года. С той же частотой, что и Невского упоминали В.И. Ленина. В отдельных случаях респондентами упоминались следующие личности. Среди респондентов-студентов: Борис Немцов, Алексей Навальный, Римский-Корсаков, Ершов, Муслим Мамагаев, Чингисхан, Толстой, Людмила Зыкина, Грязный Рамирес, Менделеев, Горшенев Михаил, Циолковский, Гейдар Алиев, Александр Усик, Мубариз, Хан Аблай, а также три персоны, упомянутые в одном комментарии: Трдат 3, Месроп Маштоц, Тигран Великий. Отметим, что имена современных оппозиционных политиков упоминались только в студенческой подвыборке. Среди основного населения в единичных случаях были упомянуты: Суворов, Собянин, Чайковский, Георгий Макаренко, Отто фон Бисмарк, Ломоносов, Муса Джалиль, Тамерлан, Иван Грозный, Минин и Пожарский, Кирилл и Мефодий, Кутузов, Ушаков, Менделеев, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадский, Георгий Жуков, Василий Чуйков, Валентина Толкунова, Евгений Родионов, святой Филофей Лещинский, Александр, Иван Тургенев, Виктор Астафьев, Иван Шмелёв, Столыпин, Деникин, Достоевский, Петров-Водкин, Тарковский, Габдулла Тукай, Салават Юлаев, Шаймиев, Владимир Красно Солнышко, Ленин, Вернадский, княгиня Ольга и сын её Святослав, Илья Муромский, св. Олег Брянский, св. Петр и Феврония, Карват В.Н. Как мы видим, среди предложенных имен есть как значимые фигу-

ры всероссийского или общекультурного масштаба, так и есть представители значимые, в первую очередь, для конкретной национальной группы, а есть и малоизвестные фигуры.

На просьбу указать своё вероисповедание, большинство респондентов ожидаемо выбрали вариант «Православный» (Студенты – 45%, Население – 64%). На втором месте по популярности вариант «Неверующий (атеист)» (Студенты – 28%, Население – 14%). Примечательно, что студенты этот вариант выбирали в два раза чаще, чем представители основного населения. Мусульман среди участников опроса оказалось по 6% в каждой подвыборке, буддистов не оказалось совсем, а протестант оказался один (среди основного населения). Считающих себя верующими, но не принадлежащими к конкретной конфессии, оказалось 10% студентов и 6% населения. Затруднились с ответом на данный вопрос 8% студентов и 5% населения. Вариант «Другое» выбрали 3 человека из числа студентов и 4 представителя подвыборки населения. У студентов это позиция «Агностик», который был отмечен трижды, у представителей населения: «Крещеная православная, хотя не особо верующая», «Язычник», «ХВЕ», «Человек мира».

С широким распространением социальных сетей и ростом доступности интернета по всему миру, процессы взаимовлияния и взаимопроникновения различных культур достигли беспрецедентных масштабов. При этом отчётливо проявляются две тенденции: во-первых, популяризация среди глобальной аудитории отдельных аспектов локальных национальных культур, во-вторых, рост вероятности вымывания специфических особенностей из локальных национальных культур международными культурными элементами. Часто эти тенденции расцениваются как процесс утраты национальных культурных ценностей и вызывают реакцию противодействия наиболее националистически настроенных социальных групп того или иного этноса. Создаётся благопри-

ятная среда для развития национализма, религиозного фундаментализма, шовинизма, возникают этнические конфликты.

Бытовой национализм – болезненная реакция части общества на определённые действия представителей других национальностей – это явление, которое существовало всегда. Для поликультурного общества очень важно, чтобы его уровень был невысоким, а проявления носили скорее характер исключения, чем правила. Для выявления уровня бытового национализма, респондентам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете отношения между представителями Вашей и других национальностей?». В оценках отношений между представителями национальностей респондента и других национальностей в целом наблюдается положительная ситуация. Чаще всего респонденты выбрали варианты «Доброжелательные» (Студенты – 40%, Население – 34%)

и «Нормальные, бесконфликтные» (Студенты – 42%, Население – 50%). На напряжённость и конфликтность отношений указали 9% студентов и 8% представителей основной подвыборки, а на взрывоопасные взаимоотношения, которые могут перейти в открытые конфликты, указали лишь 2% из числа населения. Затруднились с ответом на данный вопрос 9% студентов и 8% населения. Таким образом можно констатировать, что крайние ситуации, связанные с бытовым национализмом, возникают в единичных случаях.

Ответы на следующий вопрос показали, что уровень принятия человека иной национальности, по результатам нашего исследования оказался довольно высок. В целом большинство респондентов практически всегда готовы принять представителя другой нации в любом качестве. Важно отметить, что среди студентов эта доля на 10–15% выше, чем среди населения (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «В качестве кого Вы готовы принять человека другой национальности?»

		Всегда	В каких-то случаях	Никогда	Затрудняюсь ответить
1. Гостя, туриста в нашей стране	Насел.	68%	22%	2%	8%
	Студ.	81%	15%	2%	2%
2. Гражданина нашей страны	Насел.	52%	35%	2%	11%
	Студ.	66%	31%	1%	2%
3. Коллеги по работе	Насел.	63%	31%	1%	5%
	Студ.	72%	26%	2%	0%
4. Соседа по дому	Насел.	47%	38%	3%	11%
	Студ.	65%	29%	5%	1%
5. Близкого друга	Насел.	55%	33%	3%	9%
	Студ.	80%	15%	4%	1%
6. Матери / отца ваших детей	Насел.	43%	30%	7%	20%
	Студ.	60%	29%	6%	5%
7. Вашего супруга / супруги	Насел.	42%	30%	7%	21%
	Студ.	58%	31%	6%	5%

Также из приведённых данных можно обнаружить, что по мере снижения социальной дистанции увеличивается количество не готовых принять человека другой национальности. Так, если

представителя иной нации в качестве гостя, туриста или гражданина нашей страны никогда не примут лишь 1–2% респондентов, то в качестве родителя своих детей или своего супруга/супру-

ги, уже 6–7%. Отдельного внимания заслуживает вариант «Затрудняюсь ответить», который представители основного населения отмечали намного чаще, чем студенты (Студенты – 2–5%, Население – 8–21%). Скорее всего приведенные результаты являются следствием значительного количества студентов из других регионов и стран, обучающихся в вузах Тюменской области.

Право на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности народов закреплено ст. 20 «Основами законодательства Российской Федерации о культуре» [1]. Национальная самобытность представляет собой специфику, отличающую одну социально-этническую общность от другой. Сюда можно отнести жизненный уклад, устоявшиеся традиции, обычаи и обряды, национальный язык, одежда, кухня и т.д. Представляя собой объективное свойство этнической общности, утрата самобытности способна привести к размыванию границ этничности и её ассимиляции.

Для сохранения национальной самобытности народов, представляющих респондентов, по мнению участников опроса, важная роль отводится литературе по культуре и истории – соответствующий вариант отметили 54% студентов и 70% населения. На втором месте по популярности стали два фактора «Общественные объединения» (Студенты – 40%, Население – 22%) и «Фестивали, праздники» (Студенты – 33%, Население – 38%). Следующая группа, включающая пятую часть респондентов в обеих подвыборках, также состоит из двух вариантов: «Фольклорные коллективы» (Студенты – 19%, Население – 19%), «Национальные музеи» (Студенты – 19%, Население – 21%). Ещё чуть реже респонденты выбирали такие варианты, как «Языковые курсы» (Студенты – 18%, Население – 13%) и «Национальные школы» (Студенты – 13%, Население – 17%). Далее следуют «Национальное телевидение» (Студенты – 7%, Население – 12%), «Национальные СМИ» (Студенты – 10%, Население – 13%) и «Национальный театр»

(Студенты – 10%, Население – 7%). На последнем месте в рассматриваемом рейтинге стоит позиция «Компактное проживание» (Студенты – 2%, Население – 7%), которое по популярности уступило даже такому варианту, как «Ничего не нужно» (Студенты – 10%, Население – 8%). Вариант «Другое» выбрали 2% студентов и 3% населения, а в качестве своих ответов респондентами было предложено следующее: Студенты: «Воспитание родителей, общение в семье», «Коммунизм»; население «Нечего сохранять», «Изменение миграционной политики», «Вера, любовь, доброта».

Соотношение различных видов идентичностей в структуре личности – традиционно один из наиболее дискуссионных вопросов в отечественной науке. Особо это касается общегражданской, региональной, этнической и религиозной идентичностей, которые, в зависимости от характера сформированности у населения способны непосредственно влиять на безопасность и целостность страны. Эти идентичности, по мнению Л.М. Дробижевой, практически не конкурируют и совмещаются, оказывая как позитивный, так и негативный социально-психологический эффекты [2]. В первом случае – они превращаются в ресурс активизации жизненных позиций и деятельных установок, во втором: способны стать источником враждебности по отношению к людям, которые эти идентичности не разделяют. Последний содержательный вопрос нашей анкеты предполагал оценку респондентами степени важности для них различных видов идентичности: общероссийской, региональной и этнической (табл. 2).

Из представленных в табл. 2 распределений ответов видно, что наиболее значима для респондентов общероссийская, гражданская идентичность, соответствующий вариант оценили максимально высоко около 60%. Этническая идентичность, или национальность – напротив, чаще всего отмечалась респондентами как наименее важная, а региональная – заняла промежу-

точное положение. Таким образом, видно, что несмотря на свою значимость, этническая принадлежность далеко

не лидирует по сравнению с остальными, вышеупомянутыми.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какая из этих трех идентичностей наиболее важна для Вас?»

		Важна	Средний уровень	Менее важна
1. Общероссийская, гражданская идентичность	Насел.	61%	23%	16%
	Студ.	57%	26%	17%
2. Региональная (уральская, сибирская, дальневосточная или область, город)	Насел.	18%	52%	30%
	Студ.	22%	58%	20%
3. Этническая (национальность)	Насел.	21%	25%	54%
	Студ.	21%	16%	63%

Выводы. Подводя итог полученным в результате опроса данным, отметим, что для современного тюменского социума не характерны крайние проявления этнической и религиозной идентичностей. Ценностно-нормативная структура в указанных аспектах носит положительную валентность, а социальная коммуникация граждан в контексте системы их идентичности в целом осуществляется с минимальной напряжённостью. В то же время можно говорить о некоторых различиях во взглядах основного населения и студентов. Молодёжь, получающая образование, демонстрирует свою идентичность более острожно и умеренно, по сравнению с другими социально-демографическими группами. Студенты в меньшей степени проявляют этнорелигиозные установки, более толерантны к представителям иных идентичностей и чаще ориентированы на творчество, самореализацию и личностный успех.

Литература

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 30.04.2021) / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/
2. Дробижина Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтническо-

го согласия в Российской Федерации // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 119–129.

3. Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // *Регионоведение*. 2011. № 3 (76). с. 216–222.
4. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития: автореф. дис.: 09.00.11. – социальная философия / Москва, военный университет мин. обороны РФ. Москва, 2011. 21 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // *Вестник Московского университета*. Серия 14. Психология. 2009. № 2. с. 3–17.
6. Фомина Ю.И. Специфика этнической идентичности у современной российской молодежи // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 4. с. 103–110.
7. Чикаева Т.А. Родина как социально-философская категория: содержание понятия // *Манускрипт*. 2016. № 7–2 (69). с. 213–216.
8. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. – Факторы этнической самоидентификации современной молодежи Республики Марий Эл // *Социодинамика*. 2020. № 8. С. 26–43. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.8.33740

ETHNIC IDENTITY OF THE POPULATION OF THE TYUMEN REGION

Farakhutdinov Sh.F., Klyueva V.P.

Tyumen Industrial University, Tyumen Scientific Center
SB RAS

The article deals with the peculiarities of the ethno-confessional identity of the inhabitants of the Tyumen region. The results of a survey of the population and student youth, carried out by the authors in the fall of 2021, are analyzed. A description of such issues under consideration is presented, such as the characteristics of determining one's ethnicity and an assessment of its importance; factors of ethnic consolidation and preservation of national identity; the influence of an ethnic group on various spheres of life; the relationship of various ethnic groups with each other. The linguistic and confessional aspects of the issue under study are partly presented. The analysis shows differences in the views of the general population and students. It is concluded that the population of the region has no extreme manifestations of ethnic identity, positive valence of the ethnic value-normative structure, as well as minimal tension of social communication in the system of their identity.

Keywords: Ethnic identity, consolidation, national language, confession, region, intercultural communication, tolerance, sociological research.

References

1. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on October 9, 1992 N3612–1) (as amended on April 30, 2021) / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/
2. Drobizheva L.M. Ethnic Solidarity, Civil Consolidation and Prospects for Interethnic Accord in the Russian Federation // *Social Sciences and Modernity*. 2014. No. 1. P. 119–129.
3. Eremina E.V. Regional identity in the context of sociological analysis // *Regionology*. 2011. No. 3 (76). With. 216–222.
4. Mukhlynkina Yu.V. Ethnic identity: essence, content and main development trends: author. dis.: 09.00.11. – social philosophy / Moscow, military university min. defense of the Russian Federation. Moscow, 2011. 21 p.
5. Stefanenko T.G. Ethnic identity: from ethnology to social psychology // *Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology*. 2009. No. 2. With. 3–17.
6. Fomina Yu.I. The specifics of ethnic identity among modern Russian youth // *Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences*. 2016. No. 4. With. 103–110.
7. Chikaeva T.A. Homeland as a socio-philosophical category: the content of the concept // *Manuscript*. 2016. No. 7–2 (69). With. 213–216.
8. Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A. – Factors of ethnic self-identification of modern youth of the Republic of Mari El // *Sociodynamics*. 2020. No. 8. P. 26–43. DOI: 10.25136/2409–7144.2020.8.33740

Модель коммуникации в цифровом образовательном пространстве в рефлексии студентов

Чудновская Ирина Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: inchud@gmail.com

Бухтиярова Ирина Николаевна,

кандидат педагогических наук, старший
преподаватель социологический
факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: irina_bukhtiyarova@mail.ru

Липатова Мария Евгеньевна,

младший научный сотрудник социологический
факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: lipatova-me@mail.ru

Российское высшее образование в последние годы претерпевает значительные изменения с организационно-структурной, содержательной, технологической, интеракционной, коммуникативной точек зрения. Целью настоящей работы является выявление новых аспектов коммуникативной модели, актуальной для современного обучения в цифровом пространстве, в осмыслении студентов-социологов. В рамках предлагаемой работы акцент сделан на коммуникативном аспекте интеракционных изменений, происходящих в образовательном процессе высшей школы, осуществляемом в полном цифровом формате. В качестве методов сбора данных использовались глубинное и групповые интервью студентов, обучающихся на разных курсах гуманитарных факультетов МГУ и имеющих опыт обучения в тотальном очном и полном дистанционном формате, а также в гибридном режиме в настоящее время. Эмпирические данные полученных интервью анализировались с использованием программы MAXQDA. Инструменты программы позволили осуществить сравнительный анализ транскриптов интервью в разрезе кодов, субкодов, объёмов и частоты их встречаемости, связей между разными кодами. В ходе проведённого исследования была выявлена специфика отдельных аспектов коммуникативного взаимодействия. В представленной работе авторы поставили задачу выявить и объективировать эти новые, пока ещё не до конца осознанные, аспекты и ввести их в зону общего социологического обсуждения.

Ключевые слова: социальная коммуникация, коммуникативная модель, коммуникативная компетентность, высшее образование, цифровое пространство, дистанционная форма обучения, качественный анализ данных.

Направленность объектно-предметного поля социологии связана с исследованием социального взаимодействия людей. Несмотря на общие закономерности осуществление социального взаимодействия варьируется в зависимости от конкретных сфер человеческой жизнедеятельности. Образование – одна из тех сфер, которые в последние десятилетия претерпевают существенные изменения; особенно кардинальные изменения наблюдаются в России в сфере высшего образования, охватывающая организационно-структурную, содержательную, технологическую, интеракционную, коммуникативную стороны его осуществления.

Переход на Болонскую систему и компетентностный подход, законодательно зафиксированное отношение к образованию как к услуге [15], вынужденный молниеносный переход на тотальный дистанционный формат образовательной коммуникации, поступление в высшую школу молодых представителей цифрового поколения с их перцептивной, интеракционной и коммуникативной спецификой [1] неизбежно приводят к изменениям в функционировании социального института образования. Обозначенная картина дополняется повышением степени информационной свободы молодого поколения на основе развития информационно-коммуникационных технологий, в результате чего «резко уменьшается потенциал государственных институтов в формировании массового сознания, мировоззрения молодого поколения» [5, с. 113].

Молодёжь представляет собой особую социально-демографическую группу, обладающую рядом специфических социально-психологических свойств, обусловленных возрастными особенностями, особенностями социального положения, их местом и функциями в социальной структуре общества [19].

Молодые люди часто переоценивают существующую в их обществе систему ценностей и обладают определёнными творческими качествами [3]. В новой информационно-коммуникационной цифровой среде формируется поколение, рядом исследователей называемое поколение Z, которое обладает следующими характеристиками: многозадачность, трудность удержания внимания, снижение критичности мышления, инфантилизм, прагматизм, индивидуализм, гедонизм, стремление к достижению успеха, депрессивность, тревожность, совершенное владение современными информационными технологиями, а социальные связи отражают две крайности – или сокращение общения с родителями и сверстниками, или, наоборот, высокий уровень общительности [1].

В рамках предлагаемой работы акцент будет сделан на коммуникативном аспекте интеракционных изменений, происходящих в образовательном процессе высшей школы, осуществляемом в полном цифровом формате. В качестве ведущего рабочего определения коммуникации нами выбрана дефиниция, предложенная Дж. Томпсоном, где коммуникация рассматривается как «вид социальной деятельности, включающий производство, передачу и получение символических форм с использованием различных ресурсов» [24, с. 18].

Для анализа образовательной реальности через коммуникативный дискурс целесообразно представить коммуникацию в виде системной совокупности её структурных элементов. Такие представления зафиксированы в социологии коммуникации в виде ряда моделей, которые позволяют систематизировать объект, объяснить происходящие в нем процессы, а также строить прогнозы по поводу перспектив развития исследуемого объекта. К настоящему времени в мировом теоретическом арсенале социологии коммуникации имеются десятки моделей коммуникации в графическом и описательном виде. Схематически и обоб-

щенно представляя структуру и процессы коммуникации, они фокусируют внимание на главных коммуникативных элементах. Среди разработчиков моделей коммуникации, активно повлиявших на дальнейшее коммуникативное моделирование, следует назвать К. Шеннона, У. Уивера, У. Шрамма, Б. Уэстли, М. МакЛина, П. Лазарсфельда, Б. Берельсона, Х. Годэ, Г. Лассуэлла, Р.О. Якобсона, У. Эко и др [4; 7; 12]. При моделировании каждый из авторов концентрирует внимание на тех коммуникативных элементах, которые сопряжены с его исследовательскими и практическими интересами. Тем не менее, на основе обобщения имеющегося материала можно сформировать и общую совокупность структурных коммуникативных элементов, продуктивную для анализа социальной коммуникации. Ниже приведем подобную совокупность коммуникативных элементов, существенных для нашего исследования.

Субъекты коммуникации (разновидность: коммуникатор и аудитория):

- их цели, мотивы,
- их культура,
- их система кодов с индивидуальной спецификой,
- их ресурсы,
- их социально-психологические характеристики.

Попеременно выступают в противоположной последовательности в коммуникативных ролях: кодировщик-интерпретатор-декодировщик.

В интеракции может быть больше двух субъектов, например субъект-посредник.

Код

Сообщение

- Его форма
- Его отношение к действительности

Канал

- Физический контакт
- Психический контакт

Контекст, социальный фон

Эффект

Изменение субъектов коммуникации в их отношении, мнении, поведении относительно, по сути, всех элементов коммуникации, включая себя.

Шумы

- Физический
- Семантический

Социальная коммуникация как система характеризуется целостностью, связанной с выполнением социально-коммуникативных функций в условиях изменяющейся среды. В условиях пандемии вызовом для социальной коммуникации в сфере образования послужила необходимость отказа от очного формата обучения. Среди возможных выходов из сложившейся ситуации наиболее востребованным стал перенос социального образовательного взаимодействия в цифровой формат, что привело и продолжает приводить к изменениям в структурных элементах коммуникативной модели.

Активное внедрение цифровых технологий в систему высшего образования является следствием перехода России к цифровой экономике и реализации федерального проекта «Цифровая образовательная среда». Данный подход предполагает создание и внедрение цифровой образовательной среды, разработку специальных сервисов, подготовку контента для образовательной деятельности. Пандемия COVID-19 способствовала распространению новейших технологий в сфере высшего образования, поиску новых стратегий и моделей образовательной деятельности. Наряду с этим осуществляются исследования, посвящённые осмыслению процессов цифровой трансформации образования [13], усилению значимости цифровой компетентности и увеличению её роли как составляющей академической компетентности при переходе на дистанционную форму обучения [2; 10; 18], применению инновационных методов с использованием цифровых технологий в системе высшего образования [6; 20], выделению ключевых факторов успеха формирования медиакомпетенций в ходе онлайн-обучения [22] и пр. События последних двух лет актуализировали анализ последствий использования современных образовательных технологий в образовательном учреждении при работе в дистанци-

онном режиме [11] и различных форм организации дистанционного обучения [9], влияния дистанционной формы обучения во время пандемии на результаты обучения [21], роли дистанционного обучения в формировании коммуникативной компетентности студента вуза [17], позитивных и негативных сторон образовательного процесса в рамках дистанционного обучения [8].

Методом сбора данных выступили глубинные интервью (N=12), а также групповые интервью (N=21). Интервьюируемые соответствуют следующим критериям отбора: являются студентами гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, учатся на разных курсах, имеют опыт длительного обучения в тотальном очном и полном дистанционном формате, а также в гибридном режиме в настоящее время.

Поскольку рефлексия по поводу коммуникативной модели сопряжена с коммуникативной компетентностью студентов, гайд интервью представлен 4 блоками вопросов, связанными с четырьмя группами коммуникативной компетентности студентов-социологов (мотивационной, абилитационной, когнитивной и операциональной) [5]. В частности, из представленного спектра показателей коммуникативной компетентности в этот круг вошли: мотивационная составляющая, эмпатия, этическая составляющая, знания и умения в области кодов и каналов коммуникации.

Эмпирические данные полученных интервью анализировались с использованием программы MAXQDA, предназначенной для профессионального анализа данных и ориентированной на социальные науки. Данная программа является современным программным пакетом для эффективного управления и систематической оценки текстов, документов, интервью и всех видов мультимедийных данных.

Методами анализа эмпирических данных стало осевое кодирование (по методике Страусс и Корбин) [14]. На основе задач настоящего исследования и тематических блоков в гайде интервью авторами составлена кодо-

Облако слов демонстрирует, с чем студенты ассоциируют процесс коммуникации в онлайн обучении. Так, на рис. 1 он представлен словами – *изменилась, отличается, влияет, отсутствие личного контакта, понимание, взаимодействие, мотивация, взгляд, вовлечь, невербальный, этический и др.*

В рамках разработанной авторами кодовой таблицы было закодировано 463 сегмента текста. Инструменты MAXQDA позволили осуществить сравнительный анализ транскриптов интервью в разрезе кодов, субкодов, объёмов и частоты их встречаемости, связей между разными кодами и др. «Наполненность» каждого кода визуализирована в облаке кодов, размер слова коррелирует с количеством сегментов данного кода в анализируемых документах (см. рис. 2).

Среди самых встречаемых в текстах можно выделить коды и субкоды – *физический шум, ресурсы субъектов, контекст, социальный фон, психический контакт, формы сообщения.* Данные коды можно сопроводить цитатами из интервью:

«...в онлайн формате уже нет личного контакта и человек не чувствует ответственности перед другими людьми, всё скрыто экраном, то, что происходит за его пределами уже не имеет значе-

ния, в допандемийный период на очных занятиях студент чувствует ответственность перед преподавателем, находясь с ним в личном контакте», «...не все преподаватели владеют инструментами, например, онлайн доски, поэтому интерактивна не хватает в таком формате», «...личный контакт играет важную роль. Очень хочется видеть преподавателя, потому что именно изображение может заинтересовать меня, как студента, в активном участии в обсуждении или изучении на семинарах и лекциях. Важно, чтобы преподаватель работал с нами, студентами, у которых тоже должны быть включены камеры, потому что так чувствуется момент совместного участия, это заставляет участвовать на лекциях и семинарах.», «... интерес может быть сломлен преподавателем, так как очень важно, чтобы преподаватель умел подать информацию интересно и эмоционально, так как скучное чтение без различных акцентов вызывает отторжение», «...важно наличие презентации, где будут выделены главные моменты, а не просто картинки или сплошной текст».

Кодовые частоты также отображены на рис. 3 в виде гистограммы. На ней показано, скольким процентам сегментов присвоены перечисленные коды в выбранных документах.

Рис. 3. Частотное распределение сегментов с кодами

Из гистограммы видно, что код «субъекты коммуникации» назначен 29,7% проанализированных кодиру-

емых сегментов, на 2 месте по задействию кодов в документах представлен код «Канал», подразуме-

вающий использование в коммуникации физического и психологического канала. На третьем месте выявлен код «сообщение», его форме отношению к действительности событий.

Одним из типов визуального анализа качественных данных в программе MAXQDA является карта кодов, которая оценивает сходство между двумя кодами на основе перекрытия сегментов. Для позиционирования кодов на поверхности используется метод классического многомерного масштабирования. Каждая метка символизирует код, а расстояние между двумя кодами отражает то, насколько схожи коды в приведенных данных. Кластеризация кодов происходит посредством иерархического кластерного анализа с применением матрицы расстояний [16]. Соединительные линии между кодами указывают, какие коды перекрываются или встречаются одновременно, линии соединения отображаются тем толще, чем больше совпадений между двумя кодами. Несколько кодов могут быть размещены в одном месте на карте, если их

сходство с другими кодами идентично. Для этого сначала вычисляется матрица подобия в соответствии с отображением в браузере кодовых отношений, а затем преобразуется в матрицу расстояний. Для преобразования сначала вычисляются суммы столбцов, поэтому каждый код проверяется, чтобы узнать, как часто он встречается вместе с любым другим кодом. Максимальная сумма этих столбцов определяется как максимально возможное сходство. В каждой ячейке из этого максимума вычитается схожесть двух кодов. Таким образом, расстояние 0 означает, что два кода встречаются только вместе, то есть никогда один без другого. Расстояние, соответствующее максимуму, означает, что эти коды никогда не встречаются вместе.

При построении карты кодов использовались настройки пересечения кодов в одном сегменте документов, программой были выделены 4 кластера кодов (см. рис. 4), каждый из которых получил цветовое обозначение.

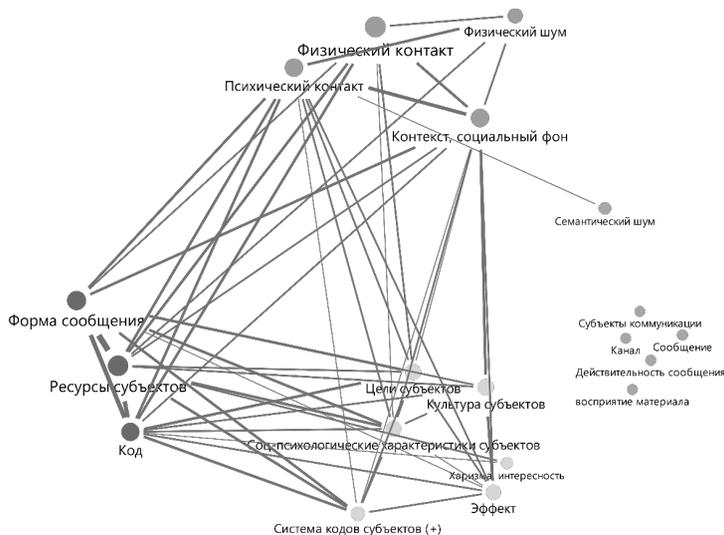

Рис. 4. Карта кодов

Из рис. 4 видно, что первый кластер объединяет следующие коды и субкоды – «психический и физический контакт» как субкоды канала коммуника-

ции, «контекст, социальный фон», «физический шум».

Схожесть сообщений также демонстрируют цитаты:

«Вступаю в коммуникацию только если знаю то, что не знают другие. Потому как онлайн может получиться неприятное наложение звука и трата времени».

«...проблемой семинарских занятий в дистанционной форме является «технический барьер», он может быть причиной снижения мотивации отдельных студентов. Проблемы со связью, неловкость нахождения на занятиях с включенной камерой, а также задержка связи у участников конференции».

«Студенты высказывали свои мысли одновременно, тебя могло быть не слышно, поэтому вся мотивация в обсуждении материала уходила. На очных занятиях ты можешь сделать так, чтобы твоя мысль была замечена и не пропала напрасно».

«Атмосфера дома располагает отдыху, а не научной деятельности. Другими словами, учебный материал в домашней обстановке без личного контакта в ходе образовательной коммуникации плохо воспринимается».

«Отсутствие личного контакта на семинарах влияет на восприятие, понимание учебного материала, так как именно практические занятия предназначены для обсуждения темы, диалога, т.е. для непосредственного взаимодействия между людьми, обмена не только мыслями, но и эмоциями».

Второй кластер включает в себя коды «ресурсы субъектов», «форма сообщений», «код». Анализ текстовых сообщений, относящихся к этому кластеру, показал, что в них речь идет о ресурсных возможностях преподавателя и студента, которые они могут использовать в процессе коммуникации, а также о тех формах, в которых коммуникация может быть выражена или закодирована в цифровом образовательном пространстве.

«Также имеет вес манера преподавания: монотонное чтение, вместо чтения лекции рассказ историй из жизни, сочетание юмора и лекционного материала».

Меня может вовлечь интерес преподавателя к своему предмету, интересно

составленные и поставленные вопросы, актуальные темы и примеры личного опыта, так же интересные факты».

«Важны мимика во время занятия в Зум/Тимс, жесты (для дистант. процесса), на очных занятиях легко взаимодействовать друг с другом, т.к. ты видишь эмоции человека».

«...активная работа преподавателя: жестикуляция, мимика, включенность в рабочий процесс, умение вовлекать в него других, собственная заинтересованность в теме и её аспектах. Также открытость преподавателя, умение действовать по-разному, действовать по ситуации, шутить и быть таким же человеком».

Третий кластер состоит из кодов «цели субъектов», «культура субъектов», «социально-психологические характеристики субъектов», «система кодов субъектов», относящихся к одному коду «субъекты коммуникации», а также из кода «эффект», характеризующего изменения каждого коммуниканта в своём отношении, мнении и поведении. Анализируя текстовые сообщений третьего кластера, можно выделить следующие значимые цитаты:

«.. ты можешь позволить себе то, чего на лекции никогда бы не сделал. Становишься более невнимательным и упускаешь важный материал».

«...чёрные квадраты стали уже непосредственной частью учебного процесса это всё-таки является некоторым симптомом отчуждения студента от преподавателей, потому что даже аватарка вместо чёрного квадрата, это всё равно не заменит живых эмоций, которые испытывает студент».

«...считается хорошим тоном включать камеры, хорошим тоном не писать в чате по каким-то не касающимся лекции вопросам, не перебивать преподавателя, не отвлекать его».

«...я вступаю в коммуникацию так как понимаю, что она мне будет полезна и без нее не обойтись».

«...заинтересованность преподавателя донести свой предмет».

«...коммуникация превращается в текст, люди становятся «текстровер-

тами», а говорить и излагать мысли устно становится все сложнее».

Четвёртый кластер выглядит обособленно, и состоит из таких кодов, как «субъекты коммуникации», «канал», «сообщение», «действительность сообщения». Пересечения с другими кластерами обнаруживаются в нем только через субкод «семантический шум», который может быть выражен следующими цитатами:

«.. если студент стесняется задать вопрос при всех на очных занятиях, он может подойти после и задать его преподавателю, а в онлайн формате такой возможности нет, можно только написать на почту и надеяться получить скорый ответ».

«Преподавателям хочется увидеть, с кем они общаются и кому говорят учебный материал. Но некоторые студенты не хотят включать камеры из-

за простого стеснения или потому что не хотят, чтобы их спрашивали».

« Лично я в начале дистанционного формата не включала камеру, потому что у меня не было личного пространства дома (все члены семьи работали / учились дома, ходили, разговаривали). Также дома меня всё отвлекало, я не могла сосредоточиться на учёбе».

Также была построена матрица кодовых отношений, которая отражает пересечение кодов. В таблице показано, к скольким сегментам документа прикреплены любые два кода. Представленные в таблице метки обозначают количество одновременных вхождений кодов. Символы в отдельных узлах показывают, сколько сегментов было закодировано как кодом строки, так и кодом столбца. Каждый символ в матрице представляет количество одновременных появлений двух кодов, чем больше символ, тем больше совпадений [21].

Система кодов	Шумы	Эффект	Канал	Контекст, социальный фон	Сообщение	Код	Субъекты коммуникации	СУММА
Шумы	■						■	29
Эффект		■						29
Канал	■		■				■	64
Контекст, социальный фон				■				46
Сообщение					■		■	57
Код						■	■	56
Субъекты коммуникации	■		■	■	■	■	■	89
Σ СУММА	29	29	64	46	57	56	89	370

Рис. 5. Матрица кодовых отношений

Как видно из рис. 5, наиболее тесные взаимоотношения наблюдаются между кодами «субъекты коммуникации» и всеми остальными кодами. Так, самое частое взаимное появление характерно кодам «субъекты коммуникации» и «сообщение» (32 общих сегмента), «субъекты коммуникации» и «канал» (25 общих сегментов) и «субъекты коммуникации» и «код» (24 общих сегмента), «субъекты коммуникации» и «контекст» (20 общих сегментов). Отметим, что среди других кодов, включающих код «субъекты коммуникации», самые частые пересечения встречаются между кодами «код» и «сообщение» (17 общих сегментов). Самые незначительные связи между кодами «шум» и остальными: «шум» и «эффект» (1 сегмент), «шум» и «со-

общение» (2 сегмента), «шум» и «код» (3 сегмента).

Из рис. 5 видно, что фрагменты документов, относящиеся к кластерам 2 и 3, пересекаются преимущественно друг с другом, а также с фрагментами кластера 1. Самым активным по количеству пересечений является кластер 2, коды которого сопрягаются со всеми другими кластерами. Больше всего пересечений обнаружено в пределах кластера 2.

В современных условиях формирования цифровой образовательной среды получение образования актуализирует новые аспекты традиционных коммуникативных моделей. Особое внимание респонденты уделяют роли физического контакта и среде осуществления коммуникативного взаимодействия.

Обучение на расстоянии, с использованием технических устройств, не всегда способствует созданию комфортной учебной среды, препятствуя усвоению материала, снижая мотивацию и вызывая определённый психологический дискомфорт у учащихся. Большое внимание студенты уделяют тому, каким образом и в какой форме им подаётся информация (насколько интересна манера преподавания, какие используются элементы невербальной коммуникации и др.).

Переход к дистанционным формам обучения ведёт к трансформации коммуникативной практики, культуры общения. Частью «обыденной» практики взаимодействия в образовательном пространстве посредством цифровых технологий стало использование аватарок, выключение экрана (чёрный квадрат), преобладание текстовой составляющей в коммуникации, в ряде случаев можно позволить себе быть невнимательным и отвлекаться от учебного процесса и т.д. Отсутствие непосредственного контакта с другим участником, или участниками, коммуникации (например, преподавателем) порождает проблему оперативного получения непосредственной обратной связи.

Однако данные аспекты не всегда находятся в зоне сознательного осмысления участников образовательных интеракций. В представленной работе авторы поставили задачу выявить и объективировать эти новые, пока ещё не до конца осознанные, аспекты и ввести их в зону общего социологического обсуждения. Выявленные связи и закономерности позволят оптимизировать и актуализировать образовательный процесс в высшей школе в новой реальности цифровой среды.

Литература

1. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z». – М.: НИУ ВШЭ, 2019.
2. Бухтиярова И.Н., Зубова О.Г. Дистанционные технологии как новая образовательная практика при под-

готовке социологов. // Социология образования, 2017 № 5, с. 4–11.

3. Вежновец Е.Н. Молодёжь / Социология: энциклопедия. Составители: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003.
4. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. – СПб.: Питер, 2011.
5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010.
6. Зубова О.Г., Бухтиярова И.Н. Роль интерактивных методов обучения в формировании профессиональных компетенций социолога. // Общество: социология, психология, педагогика, 2017. № 10, с. 1–4
7. Конечкая В.П. Социология коммуникации. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997;
8. Липатова М.Е. Коммуникативная компетентность в цифровом образовательном пространстве высшей школы / Коммуникативный капитал цифровой эпохи. Ред. И.Н. Чудновская. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2021.
9. Мазниченко С.А., Самойлова М.В. Формы организации дистанционного обучения // Педагогический эксперимент: подходы и проблемы. 2021. № 7. С. 119–126.
10. Морозов А.И. Академическая и цифровая компетентность: тенденции, особенности и структурная взаимосвязь // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 1(154). С. 50–53.
11. Пилилян Н.Ю. Анализ использования современных образовательных технологий в образовательном учреждении, работающем в дистанционном режиме // Вопросы педагогики. 2020. № 6–2. С. 195–198.
12. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001.

13. Розин В.М. Цифровизация в образовании (по следам исследования «Трудности и перспективы цифровой трансформации образования») // Мир психологии. 2021. № 1–2(105). С. 104–115.
14. Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин; пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
15. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N273-ФЗ. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения 10.10.2021 г.)
16. Филипова А.Г., Зубова О.Г., Бухтиярова И.Н. Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: дискурс СМИ // Социодинамика. 2019. № 12. С. 269–281. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31558>.
17. Хачикян Е.И., Заборина М.А., Конкина А.О. Роль дистанционных форм обучения в процессе формирования коммуникативной компетентности студента вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71–3. С. 254–257.
18. Чудновская И.Н. Коммуникативная компетентность как личностный ресурс в цифровом информационном пространстве / Коммуникативный капитал цифровой эпохи. Ред. И.Н. Чудновская. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2021.
19. Чупров В.И. Молодёжь / Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Гл. ред. В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003.
20. Шибяева Н.А., Воронкова Л.В. Применение цифровых технологий в системе высшего образования как социальная инновация современного информационного общества // Дружковский вестник. 2020. № 2(34). С. 70–80.
21. Якобюк Л.И. Изучение влияния дистанционной формы обучения во время пандемии на результаты обучения // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5(84). С. 179–181.
22. Kuatbekov, A., Vershitskaya, E., Kosareva, I. & Ananishnev, V. E-Learning as a basis for the development of media competences in students // Journal of Information Science. 2021. P. 1–15. DOI: 10.1177/0165551521104065.
23. Stefan Rädiker, Udo Kuckartz. Analyse qualitativer Daten mit MAXQDA. – Berlin: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, part of Springer Nature, 2019.
24. Thompson J.B. The Media and Modernity: A social theory of the media. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 18.

THE MODEL OF COMMUNICATION IN THE DIGITAL EDUCATIONAL SPACE IN THE REFLECTION OF STUDENTS

Chudnovskaya I.N., Bukhtiyarova I.N., Lipatova M.E.
Lomonosov Moscow State University

In recent years, Russian higher education has been undergoing significant changes from the organizational, structural, substantive, technological, interactional, communicative points of view. The purpose of this work is to identify new aspects of the communicative model, relevant for modern learning in the digital space, in the comprehension of sociology students. Within the framework of the proposed work, emphasis is placed on the communicative aspect of interactional changes occurring in the educational process of higher education, carried out in a full digital format. As methods of data collection, in-depth and group interviews of students studying at different courses of the humanities Faculty of Moscow State University and having experience in teaching in total full-time and full distance format, as well as in hybrid mode at present, were used. The empirical data of the interviews obtained were analyzed using the MAXQDA program. The tools of the program made it possible to carry out a comparative analysis of interview transcripts in the context of codes, subcodes, volumes and frequency of their occurrence, links between different codes. In the course of the study, the specificity of certain aspects of communicative interaction was revealed.

Keywords. social communication, communication model, communicative competence, high-

er education, digital space, distance education, qualitative data analysis.

References

1. Bogacheva N.V., Sivak E.V. Myths about the "Generation Z". – M.: NRU HSE, 2019.
2. Bukhtiyarova I.N., Zubova O.G. Remote technologies as a new educational practice in the training of sociologists. // *Sociology of Education*, 2017 No. 5, p. 4–11.
3. Vezhnovets E.N. Youth / *Sociology: Encyclopedia*. Compiled by: A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. – Minsk: Book House, 2003.
4. Gavra D.P. Fundamentals of communication theory. – St. Petersburg: Peter, 2011.
5. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. The youth of Russia: a sociological portrait. – M.: Center for Social Forecasting and Marketing. 2010.
6. Zubova O.G., Bukhtiyarova I.N. The role of interactive teaching methods in the formation of professional competencies of a sociologist. // *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2017. No. 10, p. 1–4
7. Konetskaya V.P. *Sociology of communication*. – M.: International University of Business and Management, 1997;
8. Lipatova M.E. Communicative competence in the digital educational space of higher education / *Communicative capital of the digital era*. Ed. I.N. Chudnovskaya. – M.: MAKS Press LLC, 2021.
9. Maznichenko S.A., Samoilova M.V. Forms of organization of distance learning // *Pedagogical experiment: approaches and problems*. 2021. No. 7. P. 119–126.
10. Morozov A.I. Academic and digital competence: trends, features and structural relationship // *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 2021. No. 1(154). pp. 50–53.
11. Pilyan N. Yu. Analysis of the use of modern educational technologies in an educational institution working in a remote mode // *Problems of Pedagogy*. 2020. No. 6–2. pp. 195–198.
12. Pochepstov G.G. *Theory of communication*. M.: Refl-book, K.: Vakler, 2001.
13. Rozin V.M. Digitalization in education (in the footsteps of the study "Difficulties and prospects for the digital transformation of education") // *World of Psychology*. 2021. No. 1–2(105). pp. 104–115.
14. Strauss A. *Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques* / A. Strauss, J. Corbin; per. from English. and afterword by T.S. Vasilyeva. – M.: Editorial URSS, 2001.
15. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 N273-FZ. [Electronic resource.] Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed 10.10.2021)
16. Filipova A.G., Zubova O.G., Bukhtiyarova I.N. Participation of children in resolving issues affecting their interests: media discourse // *Sociodynamics*. 2019. No. 12. S. 269–281. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31558>.
17. Khachikyan E.I., Zaborina M.A., Konkina A.O. The role of distance learning in the process of forming the communicative competence of a university student // *Problems of modern pedagogical education*. 2021. No. 71–3. pp. 254–257.
18. Chudnovskaya I.N. Communicative competence as a personal resource in the digital information space / *Communicative capital of the digital era*. Ed. I.N. Chudnovskaya. – M.: MAKS Press LLC, 2021.
19. Chuprov V.I. Youth / *Sociological Encyclopedia: in 2 vols. T. 1. Ch. ed. V.N. Ivanov*. – M.: Thought, 2003.
20. Shibaeva N.A., Voronkova L.V. The use of digital technologies in the system of higher education as a social innovation of the modern information society // *Drucker's Bulletin*. 2020. No. 2(34). pp. 70–80.
21. Yakobyuk L.I. Studying the impact of distance learning during a pandemic on learning outcomes // *World of Science, Culture, Education*. 2020. No. 5(84). pp. 179–181.
22. Kvatbekov, A., Vershinskaya, E., Kosareva, I. & Ananishnev, V. E-Learning as a basis for the development of media competencies in students // *Journal of Information Science*. 2021. P. 1–15. DOI: 10.1177/0165551521104065.
23. Stefan Rädiker, Udo Kuckartz. *Analyse qualitativer Daten mit MAXQDA*. – Berlin: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, part of Springer Nature, 2019.
24. Thompson J.B. *The Media and Modernity: A social theory of the media*. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 18.

Роль депривации в трансформациях индивидуального религиозного сознания в условиях пандемии COVID-19

Гаврилова Юлия Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (Национального исследовательского университета)
E-mail: gavrilova.yv@bmstu.ru

Попова Анна Алексеевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социология и культурология» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (Национального исследовательского университета)
E-mail: popovaaa@bmstu.ru

В статье анализируется вынужденная депривация носителей религиозного сознания в условиях введения ограничительных мер в период пандемии COVID-19. Рассматривается сущность вынужденной депривации в пандемию, определяется ее роль как одного из ведущих стрессогенных факторов, вызывающих у человека психологическое напряжение, депрессии, страхи. Отмечается, что ограничение в удовлетворении духовных потребностей способно оказать влияние на изменение мировоззренческих установок человека.

С целью выявления роли вынужденной депривации в период пандемии COVID-19 в трансформациях религиозного сознания был организован онлайн-опрос 210 жителей г. Москвы в возрасте от 18 лет. Выявлено, что запрет на проведение массовых религиозных служб и обрядов, отсутствие возможности выезда за пределы страны с целью совершения паломничеств к Святым местам, ограничение доступа к религиозным объектам, неоднозначно воспринимались представителями различных религий (от негативного восприятия, переживания чувства вины, тревоги до нейтрального восприятия); выявлены наметившиеся тенденции к трансформациям религиозного сознания населения, а именно усиление религиозного индивидуализма, бриколажа, мифотворчества. Выявлен круг проблем, беспокоящих население в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: религии, депривация, пандемия COVID-19, религиозная деятельность, религиозное сознание, религиозность.

Введение

На протяжении всего периода исторического развития общество сталкивалось с эпидемиями чумы, холеры, гриппа и других смертельно опасных инфекционных заболеваний. Эпидемии уносили миллионы жизней, сопровождалась социальными потрясениями и острыми социально-психологическими кризисами. Такие условия существования социума именуются экстремальными и требуют мобилизации всех ресурсов на борьбу за выживание. В экстремальных условиях человек должен обладать психической устойчивостью, рациональностью в поведении, владеть элементарными механизмами саморегуляции. Однако в пандемию COVID-19 наблюдался устойчивый рост социального пессимизма и психологической напряженности, вскрылись противоречия между различными социальными группами, которые нашли выражение в практиках реагирования на систему ограничительных мер, введенных в целях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции. Социальное напряжение и недовольства проявлялись эпизодически, касались соблюдения, либо, демонстративного нарушения карантинных мер.

Пандемия COVID-19 обладает высоким стрессогенным потенциалом, формирует негативные переживания и вызывает психотравмы у людей различных возрастов и социальных групп. Негативный психологический фон от информации о стремительном распространении инфекции и массовой гибели людей усиливает система мер изоляционистского и ограничительного характера. Возникают депривации, которые могут представлять угрозу психологической безопасности человека.

В связи с заражением новой коронавирусной инфекцией некоторые индивиды утратили трудоспособность, потеряли работу и материальный доход [10]. Они стали оценивать собственную

жизнь пессимистично, утратили надежду на будущее. Это вызвало среди людей приступы паники, тревожность, депрессии [16]. Можно предположить, что в обстоятельствах неопределенности вера в сверхъестественную Божественную помощь становится одним из основных ориентиров в жизни не только религиозных людей, но и тех, чье мировоззрение свободно от каких-либо религиозных убеждений. В то же время, режим социальной изоляции ограничил доступ к религиозным объектам. Был введен запрет на посещение религиозных собраний и служб, что могло спровоцировать у людей тревожность, стрессы, психическое напряжение из-за невозможности удовлетворения религиозных потребностей. Ограничение доступа к участию в религиозных практиках, а также замена традиционных, привычных для верующих, способов проведения обрядов и молитв на онлайн-службы, ослабили компенсаторную и регулятивную функции религий. Негативное влияние стрессоров, которое раньше снималось, в том числе с помощью религий, казалось приобретает неконтролируемую мощь.

Стрессорами с максимально негативными эффектами в тяжелых условиях пандемии COVID-19, ученые называют: депривацию, снижение уровня качества жизни и субъективного благополучия, информационную перенасыщенность, утрату социально-экономического статуса [6, 9, 12]. Интенсивность стрессоров могут усиливать установки индивидов, их образ жизни, уровень толерантности, система привычек и т.д.

Учеными установлено влияние пандемии COVID-19 на социальные и социокультурные трансформации. Проанализированы психологические эффекты и экономические последствия пандемии COVID-19 [7, 12]; выявлены изменения в религиозных практиках христиан под воздействием условий пандемии [4]; исследовано религиозное мифотворчество и толковательные практики, объясняющие природу и сущность коронавирусной инфекции [1]. Также, уче-

ным удалось проанализировать воздействия депривации в условиях пандемии на психику людей, психологическое состояние студентов, школьников, пенсионеров.

Цель исследования – выявить роль депривации как социального стрессора, оказывающего влияние на трансформации религиозного сознания индивидов. Для достижения этой цели необходимо проанализировать сущность депривации в условиях пандемии COVID-19, выявить отношение индивидов к ограничению доступа к религиозным объектам, установить возможность применения альтернативных источников удовлетворения религиозных потребностей, определить круг проблем, которые волнуют верующих в период пандемии COVID-19. Предполагается, что вынужденная депривация в пандемию COVID-19 способствовала укреплению религиозности, усилению религиозного индивидуализма, возникновению мифотворчества и религиозного бриколажа.

Методология и методы

Исследование роли депривации в трансформациях религиозного сознания в период пандемии COVID-19 опирается на теории религиозной депривации Ч. Глока, Р. Страка, Р. Инглхарта и П. Норриса [5, 8, 15]. Специалисты в области социологии религии Ч. Глок и Р. Старк указывали на особую роль депривации в развитии религиозных групп и формировании разных форм религиозности. Ч. Глок систематизировал виды депривации, выделив экономическую, социальную, организмическую, этическую, психическую депривации и установил их соотношение с разными типами религиозных сообществ [5]. Р. Инглхарт и П. Норрис установили, что депривированные люди экзистенциально незащищены, а, следовательно, уязвимы различным рискам – бедности, голоду, вооруженным конфликтам, экологическим катастрофам, болезням и т.д. [8]. Ученые отмечают, что депривации, которые переживают представители различных религий следует делить на доброволь-

ные (т.е. собственный выбор человека жить аскетически, ограничив удовлетворение духовных и материальных потребностей) и вынужденные депривации (результат воздействия на социум объективных стихийных факторов) [14]. Общим для всех концепций депривации является то, что в них рассматривается взаимозависимость различных вариаций лишений и ограничений с продуцированием религиозных идей, мифов и другими изменениями в религиозном сознании верующих. Многообразие видов и форм деприваций, выявленные учеными, позволяют анализировать сущность современных деприваций, возникших в результате введения ограничительных мер из-за распространения вируса SARS-CoV-2.

Для выявления возможных изменений в религиозном сознании в период пандемии COVID-19 из-за ограничения социальных контактов, а также из-за ограничения доступа к религиозным объектам, был организован и проведен анкетный онлайн-опрос жителей г. Москвы. Всего было опрошено 210 человек в возрасте от 18 лет. Среди опрошенных большую часть составили женщины (56%). По возрастному критерию лидировали респонденты в возрасте от 25 до 45 лет (57%), лиц старше 70 лет оказалось 5%. Большинство опрошенных имеют высшее образование. В опросе приняли участие представители разных профессий: государственные служащие и работники сферы услуг составили большинство опрошенных. Среди опрошенных оказалось 32% тех, кто относит себя к определенному вероисповеданию. Среди верующих респондентов представители православного христианства составили 58%, евангельские христиане (протестанты) – 20%, мусульмане – 19% и представители буддизма – 3%. Для опроса была разработана авторская анкета, состоящая из 18 вопросов на определение роли религии в жизни индивидов, укрепление или ослабление религиозности, выявление напряжения и переживаний из-за ограничения доступа к религиозным объектам и местам отправления культа, проявление религиозного индивидуа-

лизма, бриколажа и мифотворчества. Также вопросы анкеты позволили выявить наиболее острые проблемы, волнующие верующих в пандемию.

Результаты исследования

Специфика депривации в период пандемии COVID-19

Стремительное распространение по всему миру с 2019 года смертельно опасного вируса SARS-Cov-2 и рост заболеваемости новой коронавирусной инфекцией привели к изменениям социальных практик, поставив индивидов перед необходимостью соблюдения ограничительных мер во взаимодействиях друг с другом. Режим самоизоляции, введенный органами государственной власти во всех странах мира и общеобязательный для соблюдения всеми гражданами, определил переход социальных форм взаимодействия в дистанционный формат. Образование, труд, приобщение к культурным ценностям и многие другие социальные процессы получили реализацию в интернет пространстве посредством цифровых технологий. Религиозная сфера не стала исключением: богослужения, обряды, отправление религиозных праздников, жертвования и другие формы культурной и внекультурной деятельности осуществлялись верующими в онлайн формате, на популярных платформах проведения видеоконференций – ZOOM и Webinar [3]. Непосредственный (физический) доступ к религиозным ценностям, святыням, религиозным сооружениям и местам паломничества оказался закрыт. Также, верующие временно лишились возможности взаимодействия с единомышленниками из-за запрета на проведение массовых религиозных собраний и служб. Общение верующих с Богом посредством храмовых молитв, обращенных к образу Божества на иконах или распятии (для христианских конфессий), стало временно невозможным, как и отправление ряда религиозных праздников, требующих присутствие прихожан и священнослужителей в храме. Молитва вне стен храма, в «домашних условиях», без культовой атрибутики и сакраль-

ных предметов, которые используются во время молитв, воспринималась верующими как разговор с самим собой, а не с Богом и для многих оказалась неприемлемой. Появилось чувство тревоги из-за ограничений в удовлетворении духовных потребностей. Стало нарастать напряжение как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне целых религиозных сообществ. Возникли страхи, чувство вины пред Богом из-за невозможности совершения религиозных служб в храмах, усилилось психологическое напряжение и ухудшилось психическое состояние верующих, на что указывают исследования, проведенные в разных странах [3, 11]. Пытаясь минимизировать экзистенциальную незащищенность верующие стали искать новые способы удовлетворения религиозных потребностей, активно конструировать и применять практики выхода из ситуаций ограниченности и неопределенности. Также, в духовный поиск включились индивиды, считающие себя свободными от какого-либо вероисповедания [3].

В процессе духовного поиска индивид может столкнуться с тремя видами депривации, о которых писали Старк и Бэйнбридж: объективная депривация, относительная депривация и напряжение [15]. В пандемию COVID-19 особо ярко проявлялась «депривация-напряжение», которая имеет психологическое содержание и означает состояние переживания сильных неудовлетворенных желаний и состояния повышенного уровня тревожности из-за отсутствия возможностей удовлетворить эти желания. В результате человек воспринимает свою жизнь наполненной несчастьем, как череду бессмысленных фактов.

Анализируя религиозные депривации Старк писал, что депривация-напряжение – это добровольная депривация. Человек готов отказаться от многого, довольствоваться малым, чтобы приобрести великое, получить значимую выгоду, а именно, духовное освобождение и духовный рост, единение с трансцендентным [15]. Именно такая депривация, по мнению ученых,

способна менять мировоззрение человека и трансформировать его религиозность, так как человек готов к ограничениям и запретам, он сам выбрал погружение в состояние физического и психического напряжения ради духовного освобождения. Отметим, что депривация-напряжение в условиях пандемии COVID-19 – вынужденная, это не личный выбор человека, это эффект от необходимости соблюдать предписания властей, беспокоящихся за сохранение жизни граждан. Однако, вынужденная депривация также, как и добровольная, влияет на изменение ценностных и религиозных установок индивидов. Несмотря на укоренение в собственной вере у некоторых представителей религиозных сообществ проявляются религиозное мифотворчество, бриколаж, в редких случаях – религиозный синкретизм.

В пандемию COVID-19 представители религиозных общин продемонстрировали тенденцию приспособлять свою религиозность к новой реальности. Традиционные, привычные способы удовлетворения религиозных потребностей оказались недоступными и были заменены индивидами на новые, сконструированные ими самостоятельно. Например, традиционные способы отправления культа заменялись интроспективными и медитативными практиками; использованием в обрядах домашней утвари (подручных средств) вместо сакральных, культовых предметов; молитвами по инструкциям из сети Интернет, объединением обрядовых практик разных религий. Либерально настроенным верующим удалось достаточно быстро адаптироваться к экстремальным условиям пандемии, они справились со сложной задачей отправления религиозного культа новыми, виртуальными и индивидуальными способами, без участия священнослужителей и их регламентирующих действий. В то время как верующие консервативных взглядов испытывали чувство вины перед Богом за невозможность совершать религиозные обряды и посещать Святыни.

Влияние депривации на индивидуальное религиозное сознание (на материалах анкетного опроса населения г. Москвы)

Результаты анкетного опроса жителей г. Москвы, проведенного в 2021 г., показывают наметившиеся тенденции к трансформациям индивидуального религиозного сознания в связи с условиями депривации.

Опрос показал, что 21% из всех респондентов указывают на важную роль религии в их жизни в условиях пандемии; 17% отметили не слишком важную роль религии, в то время как 59% из всех респондентов считают, что ре-

лигия не играет никакой роли в их жизни в период пандемии COVID-19. 3% опрошенных – затруднились ответить (Табл. 1). Таким образом, определенную роль религии в собственной жизни в период пандемии COVID-19 отметили 38% респондентов. Верующих же из всех опрошенных оказалось 32%. То есть разница в 6% может указывать на обращение к религии неверующих во время пандемии и на мировоззренческую неопределенность индивидов, а также на то, что депривация в пандемию оставила отпечаток на жизненных ориентирах человека.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос анкеты «Какую роль играет религия в Вашей жизни в период пандемии COVID-19?»

Роль религии в условиях пандемии	Важная роль	Не слишком важная роль	Не имеет роли	Затруднились ответить
Верующие респонденты	21%	11%	0%	0%
Неверующие респонденты	0%	6%	59%	3%
Все респонденты	21%	17%	59%	3%

Казалось в условиях депривации роль религии в жизни человека и общества станет менее значительной, ослабнет. Однако религии, напротив, укрепили свои позиции. Возможно, религиозная вера для некоторых людей оказалась источником психологических сил, способом избавления от страхов.

В ходе опроса выяснили испытывали ли респонденты трудности в удовлетворении религиозных потребностей в условиях наложенных ограничений, связанных с пандемией COVID-19. Результаты опроса показали, что 50% верующих респондентов испытывали трудности в удовлетворении религиозных потребностей при ограниченном доступе к религиозным объектам. Из них 12% ответили, что испытывают трудности и остро нуждаются в удовлетворении своих религиозных потребностей, а оставшиеся 88% ответили, что трудности испытывают, но относятся к этому терпимо. 50% верующих респондентов не испытывают трудностей

в удовлетворении религиозных потребностей из-за введения карантинных мер. Это указывает на то, что условия депривации переживались верующими по-разному: от острых переживаний невозможности удовлетворить религиозные потребности до нейтрального отношения к ограничениям подобного рода. Те, кто переживал наиболее остро депривационные условия искали альтернативные способы удовлетворения религиозных потребностей. На вопрос анкеты «Используете ли Вы альтернативные пути отправления религиозных обрядов в условиях пандемии COVID-19?» были получены следующие ответы: 9% опрошенных верующих ответили, что обращались к альтернативным источникам для удовлетворения своих религиозных потребностей. Альтернативой являются предметы и источники, доступные в любое время, иногда из других популярных религий и эзотерических учений. К ним относятся предметы домашнего обихода, которые можно

использовать в религиозных ритуалах, мотивационные видеоролики различных конфессий в социальных сетях, фильмы на религиозную тематику, доступные в Интернете. Переход к альтернативным источникам отправления религиозного культа сигнализирует о развитии религиозного индивидуализма и бриколажа, которые неразрывно связаны с мифотворчеством. 88% из числа верующих респондентов ответили, что не используют альтернативных источников и предпочитают держаться традиционных методов. 3% верующих респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Условия пандемии COVID-19 меняют религиозное сознание, замыкая этот процесс на индивидуальном уровне – индивидом самостоятельно, без участия религиозных институтов и священнослужителей, конструируются религиозные образы, идеи и представления. Индивидуальная религиозность формируется и подпитывается самим человеком, без помощи религиозных единомышленников.

Также, незначительная часть от всех опрошенных респондентов (7%) считают, что пандемия COVID-19 имела мистическую основу и была божественным знаком. Это указывает на тенденции к мистификации событий и религиозное мифотворчество. Пытаясь объяснить появление и распространение смертоносного вируса, люди занялись поиском пророчеств о вирусе и пандемии в священных текстах. Многие принались толковать священные тексты

в соответствии с субъективным религиозным опытом, не опираясь на доктринальные источники. Ослабление институционального контроля со стороны религиозных организаций приводит к мифотворчеству и построению новых моделей религиозности приводит – верующие генерируют религиозные идеи, которые не соответствуют официальным доктринам.

В ходе исследования были выявлены проблемы, которые беспокоили верующих во время пандемии COVID-19. Респондентам был предложен вопрос «Беспокоят ли Вас в условиях пандемии COVID-19 следующие проблемы (выберите один или несколько вариантов ответа):

01. страх заражения инфекцией COVID-19

02. страх остаться без средств к существованию

03. снижение качества образования из-за введенного удаленного обучения

04. страх неопределенности

05. ограничение доступа к религиозным объектам (сооружениям, предметам культа)

06. проблем не испытываю». Наиболее частыми ответами среди верующих респондентов были социальные и социально-психологические проблемы, такие как страх заразиться вирусом SARS-CoV-2, страх жить без денег, снижение качества образования и страх неопределенности. Проблема доступа к религиозным объектам волнует верующих меньше всего (Рис. 1).

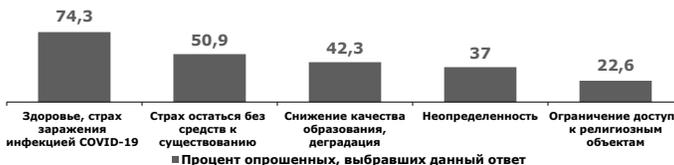

Рис. 1. Проблемы, беспокоящие верующее население в условиях пандемии COVID-19 (в % от числа опрошенных)

Результаты опроса показывают, что психологический стресс среди верующих в значительной степени обусловлен потенциальной смертоносностью

распространяющегося вируса SARS-CoV-2 и в меньшей степени, переживаниями из-за невозможности удовлетворения религиозных потребностей.

Ограничения на посещение мест отправления культа оказали относительно незначительное влияние на психологическое состояние верующих. Таким образом, результаты дают основание считать, что ограниченный доступ к религиозным объектам (сооружениям, предметам культа) представляется менее важным, чем страхи, связанные со здоровьем, смертью и утратой материального благополучия (22,6% от верующих респондентов, что составляет 7% от общего количества опрошенных).

Заключение

В статье проанализировано влияние вынужденной депривации в пандемию COVID-19 на изменения в индивидуальном религиозном сознании. Депривация рассматривалась как один из стрессоров для человека в условиях пандемии, как фактор, определяющий сложную психологическую обстановку. Установлено, что депривация способствовала погружению верующих в свою субъективную реальность. В попытках найти выход из сложных обстоятельств человек начал усиливать свою индивидуальную религиозность свободную от контроля со стороны религиозных институтов. Тем более, что официальные ограничительные меры по изоляции ослабили регулятивную функцию религий. Моделирование собственных религиозных практик, их индивидуальное практикование способствовали усилению и распространению религиозного бриколажа и мифотворчества. Наметились тенденции либерализации религиозной жизни, распространения субъективной и индивидуализированной религиозности. Процесс конструирования религиозных образов охватил не только верующих людей, но и тех, кто в условиях повышенной тревожности, беспокойства и неопределенности вступил на путь духовного поиска.

Литература

1. Агаджанян А. Пандемия и религия: толкования и практики. Введение // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39. № 1. С. 7–11.

2. Вакула И.М., Гафиатулина Н.Х. Пандемия COVID-19: социологический взгляд на трансформацию сфер общественной жизнедеятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 30–34.
3. Campbell H.A. Religion in quarantine: the future of religion in a post-pandemic world. OAK Trust. 2020 // <https://hdl.handle.net/1969.1/188004>
4. Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А. Религии в условиях пандемии COVID-19: опыт России // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 36–40.
5. Glock C.Y. The role of deprivation in the origin and evolution of religious groups. In R. Lee & M. Marty (Eds.), Religion and social conflict. New York: Oxford University Press, 1964. Pp. 24–36.
6. Екимова В.И., Розенова М.И., Литвинова А.В., Котенева А.В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. Т. 10. № 1. С. 27–38.
7. Hart C.W., Koenig H.G. Religion and health during the COVID-19 pandemic. J Relig Health 15:1–3. 2020. // <https://doi.org/10.1007/s10943-020-01042-3>
8. Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 392 pp.
9. Курбанова З.Х., Исмаилова Н.П. Информационно-психологическая безопасность личности в условиях пандемии // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 147–148.
10. Krumer-Nevo M., & Refaeli, COVID-19: A poverty-aware perspective. American Journal of Orthopsychiatry, 2021, 91(3), 423–431./https://doi.org/10.1037/ort0000566
11. Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Воронцова О.Ю. Анализ динамики депрессивной симптоматики и суицидальных идей во время пандемии COVID-19 в России. Суицидология, 2020,

- № 11. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03\(40\)-3-16](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-3-16)
12. Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской Академии Наук. Социальная и экономическая психология. Т. 5. № 2 (18). 2020. С. 47–83.
 13. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность: сб. материалов. Т. 1. / Составители: В.В. Рубцов, А.А. Шведовская. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 142–161.
 14. Smith C. & Faris R. Socioeconomic inequality in the American religious system: An update and assessment. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 44(1), 95–104. 2005 // <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-5906.2005.00267.x>
 15. Stark R., Bainbridge W.S. *A Theory of Religion*. New Jersey: Rutgers University Press. 1996. 390 pp.
 16. Talevi D et al. Mental health outcomes of the CoViD-19 pandemic. *Maggio-Giugno 2020*, Vol. 55. № 3 *Riv Psichiatr* 2020;55(3):137–144/[doi](https://doi.org/10.1708/3382.33569) 10.1708/3382.33569

THE ROLE OF DEPRIVATION IN THE TRANSFORMATIONS OF INDIVIDUAL RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Gavrilova Yu.V., Popova A.A.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University),

The article analyzes the forced deprivation of religious consciousness carriers under the conditions of the introduction of restrictive measures during the COVID-19 pandemic. The essence of forced deprivation in a pandemic is considered, its role as one of the leading stress factors causing psychological stress, depression, and fears in a person is determined. It is noted that the restriction in the satisfaction of spiritual needs can

have an impact on changing a person's world-view.

In order to identify the role of forced deprivation during the COVID-19 pandemic in the transformations of religious consciousness, an online survey of 210 residents of Moscow aged 18 and over was organized. It was revealed that the ban on holding mass religious services and rituals, the inability to travel outside the country for the purpose of making pilgrimages to Holy Places, restriction of access to religious sites, were ambiguously perceived by representatives of various religions (from negative perception, feelings of guilt, anxiety to neutral perception); the emerging trends towards transformations of the religious consciousness of the population, namely the strengthening of religious individualism, bricolage, myth-making, are revealed. A range of problems of concern to the population during the COVID-19 pandemic has been identified.

Keywords: religions, deprivation, COVID-19 pandemic, religious activity, religious consciousness, religiosity.

References

1. Aghajanyan A. Pandemic and religion: interpretations and practices. Introduction // *State, religion, church in Russia and abroad*. 2021. Vol. 39. No. 1. pp. 7–11.
2. Vakula I.M., Gafiatulina N.H. The COVID-19 pandemic: a sociological view on the transformation of spheres of public life // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021. No.3. pp. 30–34.
3. Campbell H.A. Religion in quarantine: the future of religion in the world after the pandemic. OAK Trust. 2020 // <https://hdl.handle.net/1969.1/188004>
4. Gavrilova Yu.V., Zhironkina M.A. Religions in the conditions of the COVID-19 pandemic: the experience of Russia // *Society: philosophy, history, culture*. 2020. No.6 (74). pp. 36–40.
5. Glock K. Ya. The role of deprivation in the origin and evolution of religious groups. In the book by R. Lee and M. Marty (eds.) "Religion and Social Conflict". New York: Oxford University Press, 1964. pp. 24–36.
6. Ekimova V.I., Rozenova M.I., Litvinova A.V., Koteneva A.V. Traumatization by fear: psychological consequences of the COVID-19 pandemic // *Modern foreign Psychology*. Vol. 10. No. 1. pp. 27–38.
7. Hart K.U., Koenig H.G. Religion and health during the COVID-19 pandemic. *J Religion*

- 15:1–3. 2020. // <https://doi.org/10.1007/s10943-020-01042-3>
8. Inglehart R., Norris P. Sacred and secular: religion and politics around the world. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 392 p.
9. Kurbanova Z.H., Ismailova N.P. Information and psychological security of the individual in a pandemic // *The world of science, culture, education*. 2021. No.4 (89). pp. 147–148.
10. Krumer-Nevo M. and Rafaeli, COVID-19: a view taking into account poverty. *American Journal of Orthopsychiatry*, 2021, 91(3), 423–431./ <https://doi.org/10.1037/ort0000566>
11. Medvedev T.I., Enikolopov S.N., O Boyko.M., O Vorontsova.Yu. Analysis of the dynamics of depressive symptoms and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic in Russia. *Suicidology*, 2020, No. 11. <https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-03> (40)-3–16
12. Nestik T.A. The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology. Т 5. № 2 (18). 2020. P. 47–83.
13. Rasskazova E. I., Leont'ev D. A., Lebedeva A.A., the Pandemic is a challenge as subjective well-being: anxiety and coping // *Challenges of the pandemic COVID-19: mental health, distance education, Internet safety: materials*. Vol. 1. / Compiled By: V.V. Rubtsov, A.A. Shvedovsky. Moscow: Publishing house of the msupe, 2020. P. 142–161.
14. Smith S. and Faris R. Socio-economic inequality in the American religious system: updating and evaluation. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 44(1), 95–104. 2005 // <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-5906.2005.00267.x>
15. Stark R., Bainbridge U.S. *Theory of religion*. New Jersey: Rutgers University Press. 1996. 390 pages.
16. Talevi D. et al. The consequences of the CoViD-19 pandemic for mental health. *Maggio Giugno 2020*, Volume 55. No.3. *Psychiatrist* 2020;55(3):137–144/[doi/10.1708/3382.33569](https://doi.org/10.1708/3382.33569)

«Граммар-наци» как представители интернет молодежной субкультуры

Костикова Юлия Валерьевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Государственный университет управления
E-mail: yulya.bukhantseva@mail.ru

Григорян Марина Игоревна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Государственный университет управления
E-mail: marinaa184aa@yandex.ru

В статье рассматривается история возникновения и особенности проявления новой молодежной интернет-субкультуры «граммар-наци», которая во главу угла ставит активную борьбу на просторах всемирной паутины с нарушителями норм родного языка; дается определение этому движению, участники которого проявляют чрезвычайную восприимчивость к любым языковым ошибкам других людей; анализируются ценностные установки, мировоззрение и поведенческие характеристики представителей этого движения, которые по сути своей являются интровертами, с низким уровнем доброжелательности и высоким уровнем невротичности, выраженной потребностью в самоутверждении за счет других людей; дается краткая характеристика видам «граммар-наци» «Global Grammar Nazi» и «Local Grammar Nazi»; изучаются формы их проявления в интернет-пространстве (лингвистический троллинг, флейм, интернет-мем, угрозы) и психологические характеристики представителей данной субкультуры (агрессивность, склонность к перфекционизму, низкая коммуникабельность, педантичность и др.).

Ключевые слова: молодежная субкультура, «граммар-наци», русский язык, интернет-субкультура, грамотность, орфография, «грамматический холокост».

С начала развития Интернета и интернет-ресурсов сетевое общение постепенно стало доступным широким слоям населения. Доступ к сети получили люди разного возраста и уровня образования, которые стали объединяться для общения в чатах, социальных сетях, на форумах и других площадках. Постепенно стал появляться интернет-сленг, ставший модным у молодежи, который был выражен в сокращении слов («норм», «спс» и т.д.), неграмотном написании слов, не соблюдении норм пунктуации и орфографии. В молодежной интернет-субкультуре «падонки» такое несоблюдение норм русского языка стало намеренным. В противопоставлении им в сети постепенно стало формироваться другое движение, получившее название «граммар-наци», целью которого стала намеренная борьба с нарушителями правил родного языка.

Целью данной статьи является анализ особенностей молодежной интернет-субкультуры «граммар-наци».

«Граммар-наци» (англ. grammar Nazi, где англ. grammar – грамматика и нем. nazi – нацист) – это самоназвание молодежного интернет-сообщества, которое отличается педантичным отношением к вопросам соблюдения норм родного языка. Их участниками для обозначения своей группы используется эмблема, стилизованная под флаг Третьего рейха, в центре которой расположена заглавная латинская буква «G». Данная символика делает отсылку к нацистским символам, в связи с чем у этой группы порой возникают проблемы с правоохранительными органами [2].

М. Денисова определяет «граммар-наци» как людей, «которые в довольно-таки эмоциональной и порой даже агрессивной форме обращают внимание своего собеседника на его орфографические и пунктуационные ошибки. В рунете в подобные дискус-

сии иногда с иронией называют «грамматическим холокостом»» [4].

А. Носик под граммар-наци понимает группу людей, «которые, прочитав текст любой длины, и обнаружив в нем орфографическую ошибку или опечатку, начисто утрачивают способность воспринимать смысл самого текста, потому что сознание и эмоциональная сфера на этой самой ошибке/опечатке намертво фиксируется, и дальше эти люди готовы до потери сознания только ее и обсуждать, причем в самых разных, ничем не спровоцированных выражениях» [15].

Итак, в целом под «граммар-наци» понимается молодежная субкультура, представители которой проявляют чрезвычайную восприимчивость к любым языковым ошибкам других [11].

Одним из первых название «граммар-наци» было упомянуто в 1991 г. на странице Usenet comp.sys.apple2 в теме «Extended graphics on the IIg». Один из пользователей, исправив ошибки, сделал надпись: «I am a card-carrying member of the Spelling and Grammar Nazis of America» (Я являюсь членом организации Грамматических и Орфографических Нацистов Америки). В дальнейшем на форумах стали появляться тексты с названиями о «граммар-наци». В обсуждениях различных тем стали принимать участие люди, которые указывали другим на ошибки, исправляли посты и записи других пользователей.

Можно отметить, что сама идея существования «граммар-нацизма» может выглядеть позитивно, как стремление развивать культуру речи, любить русский язык. Однако, как пишет Е. Лисицына, «на практике же всё сводится к частностям, а именно к болезненным тычкам в печень каждого ошибившегося. Деструктивное начало любого профессионала «лингвистического высокомерия» (по выражению Максима Кронгауза) весьма велико, потому что указать на ошибку проще простого, если ты ее углядел. А вот конструктивного, увы, практически нет» [13].

Основным продуктом самовыражения представителей этого движения являются демотиваторы, картинки с нравоучительными и саркастичными надписями, прославляющими чистоту родного языка [18].

Стать членом этой субкультуры достаточно сложно, т.к. необходимо не только хорошо знать русский язык, но и быть, по меткому выражению директора и владельца компании Liveinternet Германа Клименко, «слегка озабоченным филологией» [12].

В настоящее время можно выделить два вида граммар-наци.

Первый вид – это «Global Grammar Nazi», немногочисленное движение, которое настаивает на полной замене иностранных заимствований словами родного языка. Первым его представителем они считают М. Ломоносова, который призывал беречь русский язык от засилья иностранных слов.

Второй вид – «Local Grammar Nazi» – это многочисленная группа остальных граммар-наци, которые разжигают массовые споры в социальных сетях, призывают устраивать «грамматический холокост» для всех неграмотных пользователей Интернета, определяют качества человека, ссылаясь только на его грамотность и т.д.

Представители движения граммар-наци проявляют себя не только в сети Интернет, но и в телевизионных, радиоэфирах. Некоторые в качестве лидера движения относят А. Пушкина, написавшего строку: «но панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет!», а другие – известного лингвиста Д.Э. Розенталя.

В Кодексе «Граммар-наци» содержится 38 пунктов о соблюдении правил русского языка, изложенных в шуточно-саркастичной форме:

- «НИКОГДА не выделяйте слова заглавными буквами;
- уточнения в скобках (хоть и существенные) бывают (обычно) излишними;
- будьте более или менее конкретны;
- повторно повторять все повторяющиеся однокоренные слова – это

тавтология – лишнее излишество» [8] и др.

Граммар-наци создали еще так называемый «Расстрельный грамматический список» [16], в который вносят все грамматические, орфографические, пунктуационные ошибки, встречающиеся в сети. Люди, их сделавшие, подвергаются жесткому троллингу и травле, а иногда реальным нападениям. Так, в Москве группа граммар-наци избивала националиста за нарушение правил орфографии и пунктуации во фразе «Россия – для русских» (было написано «россия для русских») [3].

Однако более частыми формами травли являются:

- лингвистический троллинг, издевательское и оскорбительное поведение человека, призванного разжечь межличностный конфликт между собеседниками. Главным поводом для такого поведения граммар-наци являются опечатки или плохая грамотность человека;
- флейм («спор ради спора»), обмен сообщениями в чате в форме словесной перепалки часто не имеющей никакого отношения к основной теме обсуждения. Ссора в процессе флейма провоцируется личными оскорблениями; высоким уровнем речевой агрессии, в которой важным становится процесс, а не результат общения; демонстрации собственных, иногда сомнительных с точки зрения лингвистики, знаний и умений с целью доказать свое превосходство над собеседниками;
- интернет-мем, агрессивно заряженные слоганы, клишированные формулы, часто публикуемые в виде картинок с надписями: «Граммар-наци не прощает ошибок», «Знать родной язык не будешь – скоро Родину забудешь!»; «Правописание или смерть!» и др.;
- угрозы по типу фраз: «За тобой уже выехали!», «За тобой уже идут!» и т.д. В.А. Ефремов пишет, что «в контексте данного сообщества «выехавшие» обозначают либо граммар-наци, либо полицию граммар-

наци (ср. с названием уже упоминавшегося и отчасти конкурирующего интернет-сообщества Тайная орфографическая полиция)» [5, с. 60].

Как отмечает М. Кронгауз, граммар-наци часто провоцируют несколько типов конфликтов в интернете: орфографические, стилистические (непримиримость к определенным моделям речевого поведения или выражениям), этикетные («я расскажу, как быть вежливым»), политические («это наша страна, и мы знаем, как правильно говорить»). При этом среди орфографических конфликтов ученый выделяет конфликт о том, когда и надо ли писать букву Ё.

М.А. Кронгауз пишет, что «К граммар-наци сначала относились с определенным пиететом, но позже стали воспринимать как разрушителей коммуникации. Если ведется серьезная беседа на содержательную тему, а тут влезает некто и говорит, что вы не поставили нужную запятую, то он мешает разговору. Их стали изгонять из коммуникации: забанивать, называть троллями или игнорировать. Они стали изгоями. Терпимость к грамматическим ошибкам повысилась: эпоха «языка падонков» развивала толерантность. Ошибка может быть совершенна не только из-за неграмотности, но и ради шутки. Это сделало ошибки более привычными и терпимыми в коммуникации. Но тем не менее время от времени возникают громкие конфликты» [14].

Психологический портрет представителей «граммар-наци» – это, как было выявлено в исследовании американских ученых, интроверты, которые воспринимают появление опечаток заметно хуже, чем экстраверты, с низким уровнем доброжелательности [17].

А. Носик считает, что граммар-наци – это ограниченные, неспособные обсуждать важные вещи, застревающие на ошибках; асоциально агрессивные люди, которые «питаются детским страхом перед тупой и злобной училкой, перед доминантной бабушкой, перед смешками соучеников» [15].

В России граммар-наци – это молодые люди в возрасте 20–30 лет, которые используют интернет в профессиональной сфере, они создают свои группы, форумы в социальных сетях, блоги. Они организуются в группы в онлайн и офлайн пространстве, в которых обсуждают правила русского языка, особенно агрессивные сообщества атакуют форумы, чаты, группы в социальных сетях, участники которых недостаточно грамотно общаются друг с другом. Некоторые представители движения работают редакторами на сайтах, в Интернет-изданиях и т.д.

Лингвист М.А. Кронгауз, характеризуя наиболее радикальных представителей граммар-наци, отмечает, что «самые радикальные из борцов за грамотность являются людьми, пренебрегающими коммуникативными интересами. Они занимаются не обсуждением заявленной темы, а разбирают ошибки собеседника, допущенные им в письменной речи. Их характерной особенностью является желание поправлять собеседника, а не общаться с ним» [6]. Ученый отмечает, что граммар-наци пренебрегают интересами коммуникации, уделяя большее внимание на речевые ошибки. Для них главное найти и указать на ошибку, а не общаться с человеком.

Ю. Галкина в своей статье отмечает, что российские граммар-наци указывают на ошибки не с целью поправить собеседника, а для того, чтобы показать свою образованность. «Причем зачастую эта образованность – дутая, ненастоящая. Одна из моих студенток как раз сейчас на международной конференции в Таллине делает доклад о русских граммар-наци: так, она заметила, что эти люди в качестве доказательств своей правоты зачастую используют несуществующие словари и ссылаются на весьма сомнительные источники типа М. Задорнова» [1]. О несуществующих правилах русского языка, используемых граммар-наци, пишет и В.А. Ефремов [6].

Исследователи, также характеризуя представителей граммар-наци, отмеча-

ют их склонность к перфекционизму, педантичности, невротичности, страхе совершить ошибку, потребности самоутвердиться за счет другого и т.д.

Таким образом, молодежная интернет субкультура «граммар-наци» не имеет четкой структуры и организации, но ее представители проникают на многие формы и сайты с целью борьбы за чистоту речи пользователей сети. Граммар-наци – это в основном молодые люди в возрасте 20–30 лет, которые позиционируют себя как хорошо знающих родной язык, правила орфографии, пунктуации и грамматики, пытающиеся сохранить самобытность и чистоту языка. Но часто на практике они прибегают к отсылкам несуществующих словарей или ненаучных лингвистических исследований.

Сегодня можно говорить о двух видах этого движения: «Global Grammar Nazi» (борцы с иностранными заимствованиями в родном языке) и «Local Grammar Nazi» (массовое движение, устраивающее в социальных сетях массовые споры). Данная группа людей пытается навязать другим людям свое видение языка против желания последних. Граммар-наци часто в своих дискуссиях прибегают к таким формам общения как лингвистический троллинг, фрейм, интернет-мем, угрозы.

Исследования представителей граммар-наци показывают, что эти люди интроверты, с низким уровнем доброжелательности и способностью к коммуникации; перфекционисты, с высоким уровнем педантичности, невротичности, выраженности потребности в самоутверждении за счет других и т.д.

Литература

1. Галкина Ю. Граммар-наци – люди, которые исправят ваши ошибки URL: <https://mr-7.ru/articles/98694/> (дата обращения: 18.11.2021).
2. «Граммар-наци» из Бурятии получила штраф за картинку с «нацистским орлом» во «ВКонтакте» URL: <https://tjournal.ru/flood/54383-grammatik-macht-slave> (дата обращения: 18.11.2021).

3. Граммар-наци избили в Москве русского националиста URL: <https://smixer.ru/news/a-181.html> (дата обращения: 18.11.2021).
4. Денисова М. Граммар-наци URL: <https://snob.ru/profile/23789/blog/57513> (дата обращения: 18.11.2021).
5. Ефремов В.А. Граммар-наци: речевая агрессия и наивная лексикография// Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5 (27). – С. 56–65.
6. Ефремов В.А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/021/efremov.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
7. Значение слова ГРАММАР-НАЦИ. Что такое ГРАММАР-НАЦИ? URL: <https://tablitsa-mendeleeva.ru/lajfhaki/znachenie-slova-grammar-naci-chto-takoe-grammar-naci/> (дата обращения: 18.11.2021).
8. Кодекс Grammar Nazi. URL: <https://cont.ws/@fkmrf123/964149> (дата обращения: 18.11.2021).
9. Кочеганова П. Кто такие граммар-наци? URL: <https://zen.yandex.ru/media/anthropology/kto-takie-grammar-naci-5f2a8c042a705c1d68709a64> (дата обращения: 18.11.2021).
10. Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. – М.: АСТ, 2013. – 416 с.
11. Кто такие граммар-наци? URL: <https://bestcube.space/kto-takie-grammar-natsi> (дата обращения: 18.11.2021).
12. Курская А. Как мирную Олбанию истребила нацистская Граммария URL: <https://ria.ru/20120908/745213284.html> (дата обращения: 18.11.2021).
13. Лисицына Е. Укорот на граммар-наци: как перестать беситься из-за чужих ошибок URL: <https://knife.media/stop-grammar-nazi/> (дата обращения: 18.11.2021).
14. Носик А. Граммар-наци URL: <https://echo.msk.ru/blog/nossik/776286-echo/> (дата обращения: 18.11.2021).
15. Фишман Р. Психологи составили портрет типичного граммар-наци URL: <https://nplus1.ru/news/2016/03/28/psychogrammar> (дата обращения: 18.11.2021).
16. Хайдарова В. Граммар-наци // Краткий словарь интернет-языка. – LitRes, 2015. – С. 79–80.

“GRAMMAR-NAZI” AS REPRESENTATIVES OF THE INTERNET YOUTH SUBCULTURE

Kostikova Y.V., Grigoryan M.I.

State university of management

The article discusses the history of the emergence and features of the manifestation of the new youth Internet subculture «Grammar-Nazi», which puts at the forefront an active struggle on the World Wide Web with violators of the norms of the native language; this movement is defined, the members of which are extremely susceptible to any linguistic errors of other people; analyzes the values, worldview and behavioral characteristics of the representatives of this movement, who are essentially introverts, with a low level of goodwill and a high level of neuroticism, expressed by the need for self-affirmation at the expense of other people; a brief description of the «Grammar Nazi» types «Global Grammar Nazi» and «Local Grammar Nazi» is given; the forms of their manifestation in the Internet space (linguistic trolling, flame, Internet meme, threats) and the psychological characteristics of representatives of this subculture (aggressiveness, tendency to perfectionism, low communication skills, pedantry, etc.) are studied.

Keywords: youth subculture, “grammar-Nazi”, Russian language, Internet subculture, literacy, spelling, “the grammar of the Holocaust.”

References

1. Galkin Y. Grammar Nazis – people who will correct your mistakes URL: <https://mr-7.ru/articles/98694/> (date of access: 18.11.2021).
2. “Grammar-Nazi” of Buryatia got a penalty for a picture with “Nazi eagle” in “Vkontakte” URL: <https://tjournal.ru/flood/54383-grammatik-macht-slave> (date accessed: 18.11.2021).
3. Grammar Nazi beaten in Moscow Russian nationalist URL: <https://smixer.ru/news/a-181.html> (date accessed: 18.11.2021).

4. Denisova M. Grammar Nazis URL: <https://snob.ru/profile/23789/blog/57513> (date accessed: 18.11.2021).
5. Efremov V.A. Grammar-Nazi: speech aggression and naive lexicography// Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. – 2015. – № 5 (27). – Pp. 56–65.
6. Efremov V.A. On new forms of naive linguistics in the era of the Internet URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/021/efremov.pdf> (date of reference: 11/18/2021).
7. The meaning of the word GRAMAR-NAZI. What is a GRAM-NAZI? URL: <https://tablitsa-mendeleeeva.ru/lajfhaki/znachenie-slova-grammar-naci-hto-takoe-grammar-naci/> (accessed: 11/18/2021).
8. Grammar Nazi Code. URL: <https://cont.ws/@fkmrf123/964149> (date of address: 18.11.2021).
9. Kocheganova P. Who are the Gramar-Nazis? URL: <https://zen.yandex.ru/media/anthropology/kto-takie-grammarnaci-5f2a8c042a705c1d68709a64> (date of reference: 11/18/2021).
10. Krongauz M.A. Self-study of Albansky. – M.: AST, 2013– – 416 p.
11. Who are the Gramar-Nazis? URL: <https://bestcube.space/kto-takie-grammar-natsi> (accessed: 11/18/2021).
12. Kurskaya A. How peaceful Albany was exterminated by the Nazi Grammaria URL: <https://ria.ru/20120908/745213284.html> (accessed: 11/18/2021).
13. Lisitsyna E. Shortening to gram-Nazi: how to stop freaking out because of other people's URL errors: <https://knife.media/stop-grammar-nazi/> (accessed: 11/18/2021).
14. Spout A. Gramar-Nazi URL: <https://echo.msk.ru/blog/nossik/776286-echo/> (accessed: 11/18/2021).
15. Fishman R. Psychologists have compiled a portrait of a typical Gramar Nazi URL: <https://nplus1.ru/news/2016/03/28/psycho-grammar> (accessed: 11/18/2021).
16. Khaidarova V. Gramar-Nazi // A concise dictionary of the Internet language. – LitErs, 2015. – pp. 79–80.

Социальная адаптация молодежи в условиях информационного общества

Королева-Копнопяная Галина Иосифовна,

доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского экономического института
E-mail: koroleva-1944@mail.ru

Автор статьи ставит своей целью провести анализ особенностей социальной адаптации молодежи в условиях развития информационного общества, Интернета и социальных сетей. Актуальность проблематики обусловлена тем, что в условиях информационного общества возрастает популярность социальных сетей, которые становятся не только источником получения и передачи информации, коммуникации и общения молодежи, но и, к сожалению, обыденной средой их обитания. Социальные сети формируют определенные нравственные принципы и модель поведения молодого поколения не всегда в лучшую сторону, что часто выражается в деструктивном поведении и слабой социальной адаптацией к общественной среде. В рамках статьи рассмотрены некоторые теоретические аспекты социальной адаптации молодежи; проанализированы особенности влияния условий информационного общества на развитие молодежи в России; выделены актуальные проблемы государственной политики в сфере решения молодежных проблем; определены виды социальной адаптации молодежи.

Ключевые слова: молодое поколение; социальная адаптация молодежи; информационное общество; социальные сети; деструктивное поведение.

Информационное общество – это общество высоких технологий, где процесс компьютеризации дает людям громадные возможности доступа к разнообразным источникам информации, избавит от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизации производства и экономический рост. Стремительный прогресс технологий в сфере телекоммуникации и информации позволяет специалистам утверждать, что общество XXI в. будет представлять новую ступень в развитии современной цивилизации, характеризующейся созданием глобального информационного пространства, обеспечивающие эффективные коммуникации, удовлетворение социальных и личностных потребностей граждан, качественно изменит жизнь людей.

Система образования формирует свои тренды с учетом развития информационных технологий, однако не всегда успевают ответить на сложные жизненные вопросы молодых людей, дать четкое объяснение сложившейся в данный момент ситуации, помочь сформировать собственную позицию.

Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что в условиях информационного общества возрастает популярность социальных сетей, которые становятся не только источником получения и передачи информации, коммуникации и общения молодежи, но и обыденной средой их обитания. В связи с этим, социальные сети формируют определенные нравственные принципы и модель поведения молодого поколения, которая не всегда соответствует принятым в обществе нормам, способствует проявлению деструктивного поведения. Социальная адаптация молодого поколения, на наш взгляд, должна обеспечить усвоение ценностно-нравственных ориентаций, духовной культуры, толерантности в соответствии с национальными традиция-

ми, историческим прошлым своей страны

По этой причине, автор попытался провести анализ особенностей социальной адаптации молодежи в условиях становления информационного общества, развития Интернета и социальных сетей.

Социальная адаптация – это интегративный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные биосоциальные функции [1]:

- адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма;
- адекватная система отношений и общения с окружающими;
- способность к труду, обучению, организации досуга и отдыха;
- способность к самообслуживанию и взаимобслуживанию в семье и коллективе.

Молодежь является группой людей, которая будет выступать главным стимулом экономического развития государства, в первую очередь, при формировании рынка трудовых ресурсов и предпринимательской активности.

Кроме того следует понимать, что наиболее активные, образованные и зрелые молодые люди могут стать резервом для формирования в будущем новой политической элиты. Многие из них уже сегодня проявляют себя в волонтерском движении, в социальных и научных проектах, участвуют в различных фондах.

Для молодых людей, чтобы осознать свою идентичность и развить чувство принадлежности, важно установить взаимосвязь между глобальными процессами и собственным опытом.

В условиях развития Интернет-пространства социальные сети становятся наиболее комфортным инструментом для адаптации молодого поколения в современном обществе посредством коммуникаций в цифровом пространстве. Здесь молодые люди проводят большую часть своего времени, транслируя свои мысли и идеи, получая новую информацию и эмоции, что в ре-

зультате существенным образом сказывается на их социализации [5].

В рамках государственной политики в сфере вопросов молодежи наблюдается следующий ряд актуальных проблем, которые препятствуют успешной процедуре социальной адаптации молодежи в условиях информационного общества [2]:

- высокий уровень социальной изолированности молодежи;
- низкий уровень развития инфраструктуры молодежной политики;
- несоответствие между жизненными принципами и целями молодежи с задачами и стратегией развития государства;
- наличие культурных и социальных различий, отсутствие толерантности;
- отсутствие необходимого набора возможностей для неприятия асоциальных норм поведения.

Проблемой государственной политики в вопросах молодежи является недостаточное внимание государства по привлечению молодых людей к общественной деятельности; слабо контролируются агрессивные и другие вредные сайты, которые вовлекают молодежь в свои сети. Недостаточно работают в этом направлении СМИ. Официальную информацию молодые не смотря, не слушают и практически не воспринимают ее, доверяя больше интернету. Отсутствуют программы, где бы сочеталась политика, культура, насущные социальные проблемы, где бы в понятной форме, с участием самих молодых людей, обсуждались вопросы интересующие их, при этом с достоверной и обоснованной доказательной базой.

Исходя из рисунка 1, можно заключить, что на сегодняшний день примерно 6 млн людей молодого возраста состоят в социальных сообществах в информационном пространстве, посвященных ультрадвижениям. Почти 700 тысяч молодых людей привержены взглядам анархизма, а 630 тысяч человек – девиантному поведению. По этой причине, социальная адаптация молодежи становится еще более актуальной

в современной России, поскольку необходимо предостережение деструктивных поступков молодого поколения лю-

дей, которые могут привести к серьезным последствиям, включая ведение террористической деятельности.

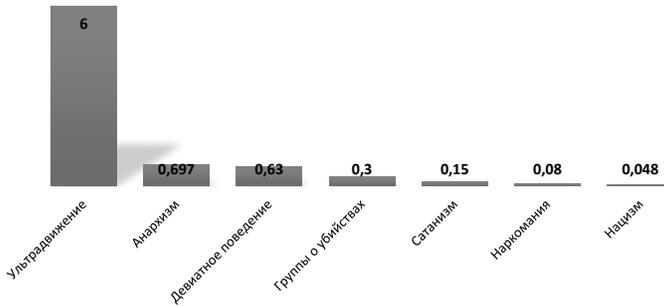

Рис. 1. Деструктивные движения молодежи в социальных сетях, в млн человек [3]

С другой стороны, современная молодежь России демонстрирует уверенность в свои жизненных принципах, пути и дальнейшем развитии. Социологические опросы и исследования В.Н. Стегний в 2020 году позволили заключить следующее, что среди респондентов (молодежи, учащихся в рамках начального профессионального образования) фиксируется достаточно высокий уровень уверенности в реализации своих жизненных планов в ближайшем будущем [6]:

- 50% твердо уверены в их реализации;
- 30% выражают надежду;

- 15% испытывают беспокойство и тревогу;
- 2% – безысходность;
- 3% безразличны к этому.

Среди них основная группа не испытывает чувство страха за свое ближайшее будущее. Чувство страха постоянно и очень часто испытывают 5% респондентов, а у 95% в разных состояниях: 10% – незначительно, 50% – время от времени, 35% – очень редко. Такие результаты демонстрируют уверенность и психологическую устойчивость молодого поколения, которое все равно остается подвержена негативному влиянию со стороны информационного общества.

Рис. 2. Основные виды социальной адаптации молодежи и их краткая характеристика [4]

По мнению О.В. Птицина, для молодежи есть список наиболее важных и влиятельных видов социальной адаптации. На рисунке 2 изображен их список и краткая характеристика.

Исходя из наличия актуальных проблем молодежной политики Правительства РФ и задач, которые стоят перед органами по работе с молодежью при обеспечении их социальной адаптации, а также в рамках снижения проявления деструктивного поведения, можно предложить следующие мероприятия и механизмы государственной политики в вопросах молодежи, которые будут направлены на повышение качества социальной адаптации и снижения уровня их деструктивного поведения:

1. Развитие сети молодежных досуговых учреждений. Данный механизм, в первую очередь, включает в себя создание и развитие таких инфраструктурных субъектов, как молодежные центры, дома молодежи, центры досуга, культурные и спортивные секции, и т.д. Это позволяет формировать систему взаимосвязи молодежи с органами власти, создавать креативные идеи возможного развития общества.

2. Совершенствование нормативного и методического обеспечения работы с молодежью, в рамках которого необходима проработка нормативно-правовых и методических вопросов по устранению актуальных проблем работы органов по работе с молодежью в сфере большей вовлеченности последних в общественную деятельность.

3. Модернизация работы организаций, оказывающих государственные услуги в области молодежной политики. Одним из направлений такой модернизации является создание цифрового сервиса обслуживания молодежи в решении административных и бюрократических вопросов. Новое поколение молодых людей оцифрованы и приветствуют публичность и открытость, а не старые бюрократические принципы.

4. Создание и развитие информационных сервисов для талантливой и инициативной молодежи, обеспече-

ние доступности для молодежи информации о создаваемых для нее условиях и предоставляемых возможностях. Формирование новых программ и сервисов не всегда сопровождается информативной кампанией в обществе. Многие «ноу-хау» остаются для молодежи не известными и не используются на практике.

5. Модернизация системы подготовки и формирования механизмов непрерывного образования специалистов по работе с молодежью.

6. Поддержка межрегионального и международного взаимодействия молодежи, участия в международных проектах, направленных на взаимное проникновение ценностей российской и мировой культуры.

7. Обеспечение согласованности мер по реализации государственной молодежной политики, предпринимаемых на региональном и муниципальном уровнях.

8. Формирование комплексной системы показателей реализации государственной молодежной политики.

9. Развитие молодежных медиа, способствующих развитию вовлеченности в общественную деятельность. Например, в 2016 году создан Крымский общественно-молодежный медиахолдинг «Молодежная Республика Крым», который выступает флагманским проектом, не имеющим аналогов в Республике Крым и Севастополе. Его стратегической целью является ведение диалога молодежи с органами власти.

Таким образом, подводя итоги научной работы, можно прийти к заключению, что процессы социальной адаптации молодежи в условиях информационного общества Российской Федерации крайне важны, поскольку позволяют решить такие актуальные проблемы, как проявление деструктивного поведения, снижение уровня социальной изолированности молодежи, формирование правильного соответствия между жизненными принципами и целями молодежи с задачами и стратегией раз-

вития государства, обеспечение формирования и наличия культурных и социальных принципов, толерантности и необходимого набора возможностей для неприятия асоциальных норм поведения.

Литература

1. Каткенов К.А. Социальная адаптация подрастающего поколения в информационном обществе: состояние, перспективы // Педагогическая наука и практика. 2018. № 4 (22).
2. Сохадзе К.Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 3.
3. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/03/tsifrovaya-gigiena.pdf> (дата обращения: 30.08.2021).
4. Птицина О.В. Экзистенциальный аспект проблемы социальной адаптации современной молодежи // Региональный вестник. 2020. № 4 (43). С. 72–74.
5. Ковалева А.В., Глеков М.С. Социальная адаптация молодежи в цифровом обществе: молодежь и блоггинг // Междисциплинарные исследования современности. 2021. С. 328–332.
6. Стегний В.Н. Социальные ориентации учащихся начального профессионального образования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2020. № 3. С. 76–87.
7. Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // СЗ РФ – 2014. № 50.
8. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2021/01/11/>

molodez-dok.html (дата обращения: 28.12.2021).

SOCIAL ADAPTATION OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

Koroleva-Konoplyanaya G.I.
Moscow Economic Institute

The author of the article aims to analyze the features of social adaptation of young people in the context of the development of the information society, the Internet and social networks. The relevance of the problem is due to the fact that in the conditions of the information society, the popularity of social networks is increasing, which become not only a source of receiving and transmitting information, communication and communication of young people, but also, unfortunately, their everyday environment. Social networks do not always shape certain moral principles and behavior patterns of the younger generation for the better, which is often expressed in destructive behavior and poor social adaptation to the social environment. Within the framework of the article, some theoretical aspects of the social adaptation of youth are considered; the features of the influence of the conditions of the information society on the development of youth in Russia are analyzed; highlighted the actual problems of state policy in the field of solving youth problems; the types of social adaptation of youth are determined.

Keywords: younger generation; social adaptation; adaptation of youth; Information society; social networks; destructive behavior.

References

1. Katkenov K.A. Social adaptation of the younger generation in the information society: state, prospects // Pedagogical science and practice. 2018. № 4 (22).
2. Sokhadze K.G. Social activity of Russian youth: scale and deterrence factors // Bulletin of the RUDN. Series: Sociology. 2017. № 3.
3. Methodological guide for identifying signs of risk behavior in social media. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/03/tsifrovaya-gigiena.pdf> (accessed: 30.08.2021).
4. Ptitsina O.V. Existential aspect of the problem of social adaptation of modern youth // Regional Bulletin. 2020. No. 4 (43). pp. 72–74.

5. Kovaleva A.V., Glekov M.S. Social adaptation of youth in a digital society: youth and blogging // *Interdisciplinary studies of modernity*. 2021. pp. 328–332.
6. Stegny V.N. Social orientations of primary vocational education students // *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University*. 2020. No. 3. pp. 76–87.
7. On the approval of the Foundations of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2014 No. 2403-r // *SZ RF – 2014. No. 50*.
8. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 “On Youth Policy in the Russian Federation”. URL: <https://rg.ru/2021/01/11/molodez-dok.html> (accessed: 12/28/2021).

Научные подходы управления профессиональной карьерой военнослужащего в социологии

Евенко Сергей Леонидович,

доктор психологических наук, профессор
заведующий кафедрой социологии Военного
университета
E-mail: stevenko@yandex.ru

Смирнов Никита Николаевич,

адъюнкт кафедры социологии Военного
университета
E-mail: Uliahka-kudr@mail.ru

В статье раскрываются основные научные подходы в исследовании управления профессиональной карьерой военнослужащего в социологической науке. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых по данному направлению позволил выделить существующие фундаментальные принципы управления процессом выстраивания карьеры военнослужащего. Они проанализированы с точки зрения возможности и эффективности их применения в процессе построения карьерной лестницы военнослужащих РФ, а также оптимизации данного процесса на государственном уровне.

Ключевые слова: социология управления, карьера, военнослужащий, профессия.

Актуальность проблемы. Российская общественная жизнь проходит через комплексный многоступенчатый процесс модернизации, затрагивающий все её области. В том числе он затрагивает и Вооружённые силы Российской Федерации. Тенденции развития профессиональных карьер офицеров ВС РФ изучаются и в некоторой степени направляются военными социологами. Это необходимо для максимально широкого развития человеческого потенциала в профессиональной и личностной областях, для эффективного управления человеческими ресурсами. Такой феномен как профессиональная карьера офицерского корпуса ВС РФ необходимо подвергнуть социологическому анализу, рассматриваемому явление как в теоретической, так и в прикладной плоскостях. Объективные обстоятельства перемен общественной жизни подчёркивают важность этой работы, без проведения которой контроль над важными обстоятельствами жизни офицеров может быть утерян.

Можно выделить ряд научных дисциплин, занимающихся вопросами, которые, так или иначе затрагивают профессиональную карьеру офицера. В их списке находятся психология, социология, экономика, менеджмент, теория социального управления и другие. В большинстве армий во все времена продвижение по воинской службе было связано с высокой конкуренцией. Даже если из этого правила есть исключения, они не играют роли в рамках рассматриваемой проблематики, поскольку для ВС РФ правило работает в полной мере. Конкуренция при некоторых обстоятельствах может принимать нездоровые формы, расходовать непропорциональное количество усилий и ресурсов. В связи с этим научное исследование феномена офицерской профессиональной карьеры актуально с точки зрения возможностей и механизмов, позволя-

ющих в полной мере раскрывать человеческий потенциал. Постоянная трансформация Вооружённых сил Российской Федерации, самой России и её общества усложняют задачу и делают её ещё более актуальной. Любая профессиональная карьера, в том числе офицерская, строится на системе мотивации. При этом эффективность разных мотивационных преимуществ сильно зависит от личностных характеристик различных людей. Комплексное планирование профессиональной карьеры офицера обязательно включает в себя вдумчивую рефлексию, за которым обычно следуют изменения этой самой личности, в некоторых случаях достигающие до самого фундамента. Процесс управляемого карьерного роста в рамках военной организации обладает огромным потенциалом. Управление этим потенциалом необходимо для повышения качества дальнейшего реформирования Вооружённых сил Российской Федерации.

Как и в любой другой иерархической организации, спрос на должности в ВС РФ превышает их предложение. Офицеры желают продвигаться по службе, но возможности развития их карьерного потенциала ограничены. Из-за данного противоречия многие офицеры ощущают, что упёрлись в потолок и не имеют дальнейших путей к росту. Логичным выходом для таких людей, заинтересованных в развитии, является увольнение из рядов Вооружённых сил с целью приложения своих знаний и навыков в иных организациях и областях деятельности. Зачастую таким образом теряются амбициозные специалисты с отличным профессиональным потенциалом, которым просто не повезло с местом службы.

Краткий обзор литературы. В современной социологической науке имеется значительное количество различной научной литературы, в которой затрагивается рассматриваемая тема. Доступны результаты различных социологических исследований. В целом база теоретических знаний и эмпирических наблюдений достаточно обширна, чтобы

сделать возможным всестороннее изучение явления профессиональной карьеры офицерского корпуса ВС РФ.

П.А. Сорокин был первым, кто употребил термин «социальная мобильность» в начале XX века [8]. Его работы заложили фундамент всеобъемлющих социологических исследований, посвящённых изучению перемещений индивидов между различными социальными группами. Развитие профессиональной карьеры офицера, рассматриваемое как отдельный феномен, во многом связано с явлением социальной мобильности, поэтому оно может рассматриваться с привлечением соответствующих научных данных.

За рубежом изучение вопросов, связанных со строительством личной карьеры, давно и основательно поставлено на поток. Можно выделить несколько причин распространённости данного явления.

- Естественная для большинства экономически активных индивидов личная заинтересованность в успехе и оптимизации собственной профессиональной карьеры. На западе, в обществе с давно сложившимися капиталистическими традициями, интерес к такого рода вопросам является обыденным.
- Существование специалистов, занимающихся помощью и обучением людей, задавшихся вопросом рационального подхода к строительству своей карьеры. К ним относятся разного рода коучи, личные тренеры, ведущие семинаров и так далее. В нашей стране деятели такого рода также представлены в широком ассортименте. Однако это сравнительно молодой рынок, в связи с этим зачастую качество предоставляемых услуг оставляет желать лучшего.
- Даже не «хороший», а любой сколько-нибудь адекватный руководитель понимает важность мотивации для подчинённых. Значительная часть специальной литературы направлена на помощь в выработке оптимальных и действенных систем

мотивации на любом предприятии, предназначена для руководителей.

Существует множество научных и публицистических работ, связанных как с теоретическим базисом карьерного роста, так и с конкретными рекомендациями. Многие из этих «практических руководств» не стоят бумаги, на которой они напечатаны, однако даже в ненаучной литературе такого тол-

ка могут встречаться ценные наблюдения и правильные выводы, пусть даже сделанные без использования научной базы, на основании личного опыта автора. Не представляется разумным полностью отвергать эту разновидность источников, хотя при её изучении следует несколько повышать уровень критического отношения к материалу (табл. 1).

Таблица 1. Тематические направления работ различных авторов, занимающихся тематикой развития профессиональной карьеры

Авторы	Тематика работ
М. Вебер, П.А. Сорокин	Фундаментальные социологические исследования. Разработка жизненной стратегии, развитие профессиональных способностей. Научный взгляд на управленческие характеристики и ценности.
Б.П. Бергер, П. Дизель	Труды, посвящённые изучению ролевой теории личности, в рамках которой рассматривается профессиональная деятельность. Вопросы творческого подхода к процессу освоения полномочий, заданных индивиду. Создание и развитие должностного статуса.
Д.М. Гвишиани, А.Г. Здравомыслов	Работы отечественных учёных, включающие специфику нашей страны в различные её эпохи. Разработка и заполнение организационной базы социологических исследований, связанных с рассматриваемой тематикой. Основы социологии управления с точки зрения методологии и методики. Анализ противоречий, возникающих в ходе развития карьеры.
Н.А. Аитов, М.Н. Руткевич	Научный анализ исторических и актуальных тенденций социальных перемещений в связи с развитием карьеры индивида. Посвящены углублённому изучению особенностей, характерных для различных категорий населения, поиску сходств и отличий между ними.

В своде научных исследований по тематике профессиональной карьеры сложился специфичный аппарат категорий и понятий [1; 4; 8]. Некоторые из них вышли за пределы научной литературы и используются в обиходе, хотя и не все. Эта специальная терминология включает такие понятия как карьерный и социальный лифты, должностная карьера, карьерная мобильность и управление карьерой.

В Российской Федерации интерес к социологическим исследованиям по тематике профессиональной карьеры на новом уровне возобновился в последнее десятилетие XX века. Работы этого периода ценны свежим взглядом на проблематику, многое приходилось изучать буквально с нуля. В дальнейшем выделились два ключевых направления, в которых развивается мысль современных российских социологов, занятых исследованиями по тематике профессиональной карьеры:

а) изучение вопросов, непосредственно связанных с феноменом профессиональной карьеры, рассматриваемой через призму стратификационного поведения;

б) аналитика, направленная на самую социальную структуру общества, в первую очередь на подструктуру, связанную с карьерой, возможностями роста и получения должностей, соответствующих профессиональным компетенциям и личным качествам.

Определённые вопросы, связанные с повышением успешности развития в профессиональной области, рассмотрены в некоторых современных отечественных социологических работах. В них уделяется особое внимание таким аспектам как здоровый и рациональный образ жизни, позволяющий продлить пик биологической и профессиональной активности, а также техники системы эффективных коммуникаций, связанные с карьерной стратеги-

ей. Также рассматриваются вопросы карьерного развития внутри организаций для различных категорий сотрудников. В последнее время внимательно изучаются области, связанные с построением карьерной стратегии и тактики служебного поведения. Комплекс факторов, оказывающих влияние на профессиональную карьеру государственных служащих, в частности офицеров ВС РФ, в свою очередь пристально изучается [2; 10].

Цель исследования. Данное исследование рассматривает в качестве своей ключевой цели исследование социологических научных методик, направленных на изучение вопросов, связанных с управлением профессиональной карьерой военнослужащего. В дальнейшем планируется выделить те из них, которые в наибольшей степени подходят для последующих изысканий в рамках данной тематики.

Теоретическая гипотеза. Есть возможность разработки и построения теоретической модели процесса управления профессиональной карьерой военнослужащего, которая будет соответствовать реальности и может быть использована в дальнейших исследованиях. К настоящему моменту научные методики и исследовательские техники достаточно развиты для решения этой задачи.

Методы исследования. Одним из краеугольных вопросов, разработкой которого занимается наука военной социологии, является изучение профессиональной карьеры офицера российской армии, рассматриваемая через призму концепции социальной мобильности и являющаяся её составной частью. Чтобы в полной мере раскрыть личностный и профессиональный потенциал офицера, необходима подготовка специфической управленческой инфраструктуры. Следовательно, возрастает роль технологического управления человеческими ресурсами, на основе которых и создаётся такая инфраструктура. Для её возведения с учётом всех доступных в современности научных данных с практической точки зрения

необходимо изучение феномена профессиональной карьеры офицера российских вооружённых сил, что требует привлечения специалистов в различных научных дисциплинах. К ним относятся такие направления как собственно социология в широком смысле, психология, экономика, менеджмент, теория социального управления.

Условия службы в современных российских ВС накладывают своё влияние на возможности выбора стратегии, позволяющей офицерам успешно продвигаться по службе. Их карьера непосредственно связана с обстоятельствами высокой конкуренции. Для того, чтобы иметь шанс продвинуться по службе, необходимо обладать достаточным уровнем во всех требуемых для кадрового офицера ВС компетенциях, обладать высоким профессионализмом. Без наличия этих характеристик не представляется возможным достижение служебных результатов, достойных высокой положительной оценки.

Современная модернизация влияет на процессы и способы реализации человеческого профессионального потенциала. Исследование механизмов управления профессиональной карьерой офицера российских ВС в этих условиях приобретает повышенную прикладную полезность и безусловно является актуальным. Амбициозность хранит внутри себя значительный потенциал как для развития личной карьеры, так и для пользы организации, в рамках которых эта карьера развивается.

Интеграция сведений и данных, которые можно получить в результате рассмотрения проблематики профессиональной карьеры российских офицеров, способна выступить в качестве фундамента, на базе которого следует принимать управленческие решения, связанные с регулированием и оптимизацией профессиональной карьеры. Также результат этой работы, связанной с изучением карьеры офицеров российских регионов, может использоваться как база, на основе которой возможно построение дальнейших исследований процессов, связанных с разви-

тием карьеры в условиях современного российского общества.

Изучение литературных источников [3; 6] позволило выявить основные

тенденции устремлений при выборе карьерного развития российских военнослужащих (см. табл. 2).

Таблица 2. Выбор основных приоритетов в построении карьеры офицера ВС РФ

№	Приоритет	Процент респондентов, указавших этот приоритет как главный	Описание
1.	Ранг	45%	Для этих респондентов наиболее существенной является возможность получения определённого воинского звания (полковник)
2.	Должность	29%	Эти респонденты стремятся в будущем занять конкретную должность (начальник училища)
3.	География	25%	В первую очередь для этих респондентов принципиально нести службу в определённом месте (город Москва или родной регион)

Результаты и их обсуждение. Мнение, согласно которому карьерой является последовательное и поступательное движение вперёд и вверх по карьерной лестнице с занятием всё более высоких должностей, в процессе которого индивид развивает собственные навыки и способности, получает доступ к новым возможностям, разделяется большинством социологов. Некоторые американские учёные предлагают следующее определение: «карьерой называется жизненный путь человека, непосредственно относящийся к его профессиональной деятельности и разбитый на некоторые промежутки» [11; 12]. Возможно, более глубоким наблюдением является интерпретация карьеры как «последовательная перестановка и смена ролей, которые человеку приходится выполнять в ходе экономической активной жизни» [7].

Даже с бытовой точки зрения очевидно, что карьера как процесс подвержена влиянию с двух сторон, и наука не оспаривает верность данного наблюдения. Изначально возможности карьерного развития определяются организацией, внутри которой индивиды прокладывают свои карьерные пути. Стратегические цели и планы развития организации являются тем пространством, в котором люди строят собственные планы и достигают своих амбиций, принося пользу организации. Но не ме-

нее важным для достижения требуемых организацией результатов являются личные качества, возможность и потребности сотрудников. Профессиональный уровень и желание трудиться являются источниками движения по карьерной лестнице внутри пространства карьерного потенциала организации.

Военная социология в меньшей мере занималась изучением феномена профессиональной карьеры офицера, хотя прецеденты исследований на эту тему известны достаточно давно. Ещё в начале XX столетия проблематика карьерного роста российских офицеров и генералов непосредственно изучалась П. Режепо [7].

Ход процесса развития служебного роста офицера зависит от таких факторов как род войск, наличие или отсутствие боевого опыта, уровень и качество образования, религиозная принадлежность, навыки коммуникабельности, что подтверждается статистическими данными. В результате всестороннего анализа с привлечением теоретического базиса и различных методических подходов появляется возможность создать формулировку для определения термина «профессиональная карьера офицера». Им предлагается обозначать процесс профессиональной деятельности в рамках воинской службы, сопряжённый с переменной ролей, статусов и должностей, преиму-

щественно в направлении продвижения по карьерной лестнице, как правило, плановым, но в ряде обстоятельств и вынужденным образом, с целью удовлетворения как личных, так и служебных интересов.

У любого экономически активного индивида профессиональная карьера оказывает значительное влияние на ход жизни. В научной лексике используется введённое социологами понятие жизненного пути индивида. Оно обозначает процесс развития и преобразования на протяжении всего биологического пути человека от рождения до прекращения существования, при этом сконцентрированно фокусируясь на ключевых стадиях жизни индивида. Нюансы, соответствующие тем или иным этапам, определяют задачи, которые необходимо решать при их рассмотрении.

Существуют различные подходы, с точки зрения которых можно рассматривать явление карьеры. Например, с точки зрения процессуального подхода карьерой является последовательность действий, необходимых для достижения целей и выполнения результатов, существенных для основ-

ной формы личного самовыражения [8]. Взгляд через статусный подход подразумевает, что карьера заключается в том, что индивид в первую очередь добивается социального статуса в конечном результате своей деятельности, включая профессиональную. Ценностный подход подчёркивает значимость деятельности человека, в первую очередь общественную, имеющую конкретную пользу для окружающих.

Во многих системах взглядов карьерный рост является не самоцелью, а одним из доступных человеку средств самовыражения, реализации профессиональных навыков и амбиций. Самоопределение человека как профессионала оказывает огромное влияние на успешность его продвижения по служебной лестнице, неважно, в какой области он трудится. В середине XX века Д. Сьюпером была разработана теория «радуги жизненных карьер» [12]. Её фундаментом является так называемая «профессиональная Я-концепция», специфическая модель представления личности. Развитие теории привело к выделению четырёх типов карьеры, которые приводятся далее в таблице 3.

Таблица 3. Типологическая классификация карьеры (по Д. Сьюперту)

№	Тип карьеры	Характеристика
1.	Стабильная карьера	Хорошо прогнозируемая, с большим потенциалом. В профессиональной деятельности постоянно и поступательно осваиваются новые знания и навыки.
2.	Обычная карьера	Ровная, без значительных потрясений на жизненном пути. Предсказуемая и стабильная.
3.	Нестабильная карьера	Сопряжена с трудностями, которые не всегда можно предсказать. В ходе такой карьеры принимаются неоптимальные решения, но это зачастую понятно лишь задним числом.
4.	Переключающаяся карьера	Индивид, идущий по такому карьерному пути, с некоторой периодичностью меняет профессиональные ориентиры, переключается между сферами деятельности и вынужден начинать всё заново.

Чтобы верно оценить, к какому из типов отнести карьеру офицера, проходящего службу в вооружённых силах, нужно учесть множество факторов. К ним относятся измеренные показатели достижений в профессиональной области, длительность опыта в конкретной трудовой деятельности, условия и методы работы. Каждому типу

карьер соответствуют специфические особенности личности, которые оказывают влияние на осуществление выборов, существенных для карьерного развития.

Формирование «Я-концепции» начинается с выбора рода занятий и соответствующей ему профессии. В дальнейшем она развивается в зависимо-

сти от успешности и стабильности движения по карьерной лестнице, а также приобретения опыта в достаточном объёме. По достижении зрелого возраста «Я-концепция» принимает пиковое значение совершенства.

В недавние времена научный взгляд, обращённый на понимание сущности вопросов карьеры, расширился с внедрением новых концепций, в которых речь идёт о так называемой «поливариантной карьере» [7; 11].

С этой точки зрения возможность выбирать направление развития в должностном и профессиональном плане становится краеугольной. В этой актуальной модели, присутствует большой потенциал возможной замены классического взгляда на периодизацию карьеры, подразумевающей привычное линейное продвижение по службе от рядовых должностей к руководящим.

Профессиональный путь часто имеет непростую и уникальную форму. В карьерах реальных людей случаются не только взлёты, но и падения, а также перемены профессий и мест работы, потери достигнутых карьерных результатов вследствие внешних обстоятельств и многое другое. Поливариантная карьера рассматривает все эти факторы, что является её важнейшим достоинством. Исследователям Ф. Мирвису и Д. Холлу принадлежит тонкое высказывание: «карьера индивида также неповторима, как и отпечатки его пальцев» [11]. Эти же учёные утверждали, что субъективные качества человека более важны для карьерного успеха, чем благоприятность внешних обстоятельств. Индивид, действующий в рамках модели поливариантной карьеры, для достижения высоких результатов должен иметь профессиональные знания и навыки на высоком уровне, постоянно стараясь поддерживать и повышать этот уровень. Также ему необходимы нестандартное мышление, умение находить творческий подход к решению задач, способность проявлять высокую мобильность, обладание развитой коммуникабельностью.

Поливариантные карьеры приводят нас к понятию транспрофессионализма. П.В. Малиновский, один из основателей данной теории, обозначал его как следующий уровень в самой концепции профессионализма. По его мнению, для транспрофессионализма характерны определённые черты: трансдисциплинарность, гибкость мышления, умение выделять необходимое в бурном потоке произвольной информации, способность к практической рефлексивности, нацеленность на оптимизацию в отношении выбора вариантов решения проблемы, коммуникабельность в коллективе, стремление к развитию [6].

Существует теория «якорей карьеры» [12], предложенная Э. Шейном, американским теоретиком и практическим специалистом по менеджменту. С её помощью обнаруживается ряд характерных различий между поливариантной и традиционной карьерами. Теория принимает к рассмотрению такие элементы как корневой мотив личности в совокупности с ядром внутренних ценностей, которые в комплексе с набором профессиональных компетенций формируют схему профессионального целеполагания и направляют к интегративной модели карьеры, которая строится с учётом предпочтений человека относительно рода деятельности, включает возможные варианты развития служебных перспектив. Жизненный опыт, получаемый в детстве, отрочестве и взрослом периоде жизни исключительно важен и не может быть недооценён. Благодаря личному опыту карьерный рост может бурно развиваться, а при недостатке опыта нередко стопорится.

Автор теории, будучи практиком, выявил и описал различия между так называемыми «внешней» и «внутренней» карьерами [12].

– Внешняя карьера: последовательность конкретных и вполне определённых действий, которые требуются для достижения желаемых профессиональных результатов. К ним относятся получение образования, подкреплённое соответствующим

документом, прохождение трудовой практики для набора опыта и соответствия возможным специфическим требованиям, окончание обучения на курсах дополнительной подготовки и так далее.

- Внутренняя карьера: более тонкая вещь, опирающаяся на личную, субъективную самооценку. Она сопровождает развитие карьеры на всех этапах, чётко прослеживаемых в рамках внешней карьеры. Это ценности, мотивы, устремления, чувства и прочие психологические факторы, направляющие человека на всём протяжении профессиональной карьеры.

Важная закономерность, подмеченная Э. Шейном, состоит в следующем: «якоря карьеры», то есть мотивация, убеждения и ценности сотрудника, оказывают влияние на готовность, желание и стремление сотрудника вкладывать усилия в качественное выполнение служебных задач, которому сопутствует высокая самоотдача и даже самоотверженность. В современности на рынке труда нетрудно найти соискателей, которые обладают весьма разнообразным арсеналом ориентаций, поэтому определённые виды профессий могут соответствовать сразу нескольким якорям карьеры. Реализация профессиональных потребностей человека, учитывающая его уникальные черты, такие как уровень знаний и способностей, профессиональных и дополнительных навыков и умений, а также жизненного опыта, в соответствии с принципами теории «якорей карьеры» может войти в плодотворное взаимодействие с целями и возможностями организации. В противном случае, когда организация оказывается неспособной создать пространство для приложения умений человека, развития его профессиональных способностей и реализации его ценностей, неизбежно возникнет тенденция на снижение производительности труда, а мотивация сотрудника будет постоянно падать.

Когда у работодателя и работника имеется взаимное понимание карьер-

ных якорей, то каждый из них со своей стороны в состоянии приложить целесообразные усилия для оптимизации карьерного пути индивида. Это полезно как для человека, который получает способность к самовыражению и профессиональной реализации, так и для коллектива, в который вливается высокомотивированный профессионал своего дела. Разумеется, данный процесс является длительным действием, состоящим из нескольких этапов. Более того, в результате профессионального и карьерного развития человек может, как получать новые свойства, так и терять какие-то из них. Из этого следует необходимость постоянной коррекции условий для строительства профессиональной карьеры.

Выводы. Карьеру можно развивать различными способами и направлять по множеству путей. Для работника важно обладание чётким представлением о направлении карьерного движения, оценка того, где именно его деятельность способна принести наибольшие плоды. Также адекватный системный подход к строительству карьеры важен и для работодателя, который заинтересован в эффективном применении профессиональных навыков различных сотрудников на подходящих им местах, таким образом достигая целей организации. Данная деятельность подразумевает создание комфортного пространства, в котором человек сможет реализовать свои лучшие моральные, деловые и профессиональные качества, а также добиться выполнения своих собственных задач.

Воинская служба обладает своими особенностями, отличающими её от гражданского труда. Как правило, вслед за ростом профессионального статуса подразумевается повышение в воинском звании и занятие соответствующих званию должностей. При этом структура управления на воинской службе обладает чрезвычайно строгой иерархией и субординацией с верховным принципом единоначалия, что нехарактерно для большинства гражданских организаций и областей про-

фессиональной деятельности. Условия службы навязывают классический вертикальный тип карьеры, более ограниченный по сравнению с поливариантными карьерами в гражданских организациях, но и более предсказуемый. Для воинских коллективов, в подавляющем случае исключительном мужских, характерна высокая конкурентность среды. В результате вышеперечисленные специфические обстоятельства формируют у большинства амбициозных военнослужащих тенденцию к линейному стремлению продвижения по званиям и должностям. Как говорится – «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом».

В рамках вооружённых сил существует множество разнообразных возможностей и вариантов карьерного развития, доступных военнослужащим. С точки зрения авторов исследования наилучшим образом с процессами, характерными для воинской службы, сочетается так называемый «акмеологический подход». Он направлен на поиск возможностей предельного профессионального самовыражения, а также оптимизации путей и методов, с помощью которых организуется профессиональная деятельность индивида, позволяющая ему достигнуть успешных результатов. Личность военнослужащего, в том числе офицера, с точки зрения акмеологии рассматривается как непрерывно движущаяся вперёд и вверх к собственному «акме», высшей точки развития. Эта точка имеет очевидные варианты реализации, такие как получение высокого воинского звания, назначение на желаемую должность, чаще всего командную, и обретение внушительного служебного статуса.

Литература

1. Аитов Н.А. Технический прогресс и движение рабочих кадров. – М.: Экономика, 1972. – С. 105–114.
2. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 160–172.

3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология. / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 447 с.
4. Гвишиани Д.М., Бунич П.Г. Организация и управление. – М.: Издательство МГТУ, 1998. 113 с.
5. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. – М.: Мысль, 1969. – 211 с.
6. Малиновский П.В. Методы оценки персонала. – М.: Дело 2007. С. 125 с.
7. Режепо П. Несколько мыслей по Офицерскому вопросу. – СПб., 1910. – 44 с.
8. Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. – М., 1970. – 255 с.
9. Сорокин П.А. Социологические теории современности: Специализир. информ. по общеакад. прогр. «Человек, наука, общество: комплекс. исслед.» / Сорокин П.А.; [Пер. и предисл. С.В. Карпушиной]; АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме АН СССР. – М.: ИНИОН, 1992. – 213 с.
10. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. – СПб.: Питер, 2002. – 337 с.
11. Hall, D.T. The new career contract developing the whole person at midlife and beyond / D.T. Hall, P.H. Mirvis // Journal of Vocational Behavior. – 1995. – V. 35. – P. 64–75;
12. Super, D. Assessment in career guidance: Developmental counseling // Personnel and Guidance Journal. 1983, 61, P. 555–561.

SCIENTIFIC APPROACHES TO MANAGING THE PROFESSIONAL CAREER OF A SERVICEMAN IN SOCIOLOGY

Evenko S.L., Smirnov N.N.
Military University

The article reveals the main scientific approaches in the study of the management of the pro-

fessional career of a serviceman in sociological science. The theoretical analysis of the studies of domestic and foreign scientists in this area made it possible to identify the existing fundamental principles for managing the process of building a career of a serviceman. They are analyzed from the point of view of the possibility and effectiveness of their application in the process of building the career ladder of the military personnel of the Russian Federation, as well as optimizing this process at the state level.

Keywords: sociology of management, career, soldier, profession.

References

1. Aitov N.A. Technological progress and the movement of workers. – M.: Economics, 1972. – S. 105–114.
2. Berger P. An invitation to sociology: a humanistic perspective / Per. from English. ed. G.S. Batygin. – M.: Aspect Press, 1996. – S. 160–172.
3. Weber M. Economy and society: essays on understanding sociology. Sociology. / Per. with him. ed. L.G. Ionina. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – 447 p.
4. Gvishiani D.M., Bunich P.G. Organization and management. – M.: Publishing house of MSTU, 1998. 113 p.
5. Zdravomyslov A.G. Methodology and procedure of sociological research. – M.: Thought, 1969. – 211 p.
6. Malinovsky P.V. Personnel assessment methods. – M.: Delo 2007. S. 125 p.
7. Rezhepo P. Several thoughts on the officer's question. – St. Petersburg, 1910. – 44 p.
8. Rutkevich M.N., Filippov F.R. social movements. – M., 1970. – 255 p.
9. Sorokin P.A. Sociological theories of modernity: Specialist. inform. according to general academic prog. "Man, science, society: a complex. research." / Sorokin P.A.; [Trans. and foreword. S.V. Karpushina]; Academy of Sciences of the USSR, INION, All-Union. interdepartmental Center for Human Sciences under the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR. – M.: INION, 1992. – 213 p.
10. Shane E.H. Organizational culture and leadership. – St. Petersburg: Peter, 2002. – 337 p.
11. Hall, D.T. The new career contract developing the whole person at midlife and beyond / D.T. Hall, P.H. Mirvis // Journal of Vocational Behavior. – 1995. – V. 35. – P. 64–75;
12. Super, D. Assessment in career guidance: Developmental counseling // Personnel and Guidance Journal. 1983, 61, pp. 555–561.

Социоресурсный подход в социальном управлении: постановка проблемы

Игумнов Олег Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент; кафедра экономической теории и менеджмента; ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

Иванов Сергей Юрьевич,

доктор социологических наук, доцент; кафедра экономической теории и менеджмента, кафедра теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой; ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: syu.ivanov@mpgu.su

Статья представляет авторскую позицию к постановке проблемы социоресурсного подхода в социальном управлении. Социоресурсный подход к социальному управлению рассматривается как поиск новых и переосмысление традиционных ресурсных возможностей. Социальные ресурсы анализируются авторами как элемент потенциала организации, актуализирующий его при условии востребованности и достаточности объема. В статье предложены авторские определения понятий «социальный ресурс», «социоресурсное управление», «социоресурсная организация». Представлено авторское понимание специфики социоресурсного управления, его принципов, а также особенностей социальных ресурсов и их основных функций.

Ключевые слова: социальное управление, социальные ресурсы, социоресурсный подход, социоресурсное управление, социоресурсная организация, социоресурсный потенциал (социоресурсный «портфель») организации.

Актуализация социоресурсного подхода в социальном управлении в 90-х гг. XX века во многом была связана с новыми условиями функционирования организаций, специфика которых не вписывалась в устоявшийся контекст и парадигмы социального управления.

Феномен ресурса присутствует в структуре научного знания различных отраслей. Вместе с тем, по нашему мнению, феномен социальных ресурсов следует рассматривать в более широком смысле. По мнению социолога В.И. Ильина, «социальные ресурсы – это всё то, что люди используют как факторы обеспечения своей деятельности [...] Ресурсы имеют дискурсивный характер» [9, с. 91].

Основы социоресурсного подхода представлены в работах зарубежных исследователей П. Бурдьё, Э. Гидденса, Дж. Коулмана, Ф. Фукуямы и Р. Патнэма. В российской социологической науке ресурсный подход рассматривается в качестве одного из перспективных направлений и широко представлен в работах Г.В. Власюк, Т.И. Заславской, Н.Е. Тихоновой.

Исходя из целевой природы организации, субъекту управления для реализации поставленных целей необходимо осознать, что организация как сложная социальная система приобретает, интегрирует, потребляет, воспроизводит и распределяет различные виды ресурсов. Недостаток ресурсов ограничивает возможности субъекта управления в выполнении институциональных функций даже при благоприятных условиях внешней среды. Следовательно, в рамках ресурсного подхода, основными задачами субъекта социального управления являются выявление новых социальных ресурсов, их использование в интересах организации и воспроизводство для дальнейшего использования.

Социальные ресурсы представляют собой совокупность материальных

и нематериальных (невещественных) средств управленческого воздействия субъекта на объект управления для достижения целей организации и балансирования их интересов.

Дело в том, что ресурсный подход в управлении организациями имеет особую значимость в контексте исследования проблем социального управления в условиях глубинных трансформаций всех сфер общества. Социоресурсный подход к социальному управлению предполагает поиск новых и переосмысление традиционных ресурсных возможностей в социальном управлении организациями, которые обеспечивали бы их высокую социальную эффективность и устойчивость функционирования.

В социологии организаций социоресурсный подход предполагает понимание процессного характера обеспечения социального порядка и его изменения в ходе целенаправленных социальных взаимодействий людей в рамках социальных организаций.

Основная идея социоресурсного подхода заключается в том, что в процессе социальных взаимодействий создаются и воспроизводятся социальные ресурсы, обеспечивающие уникальность, перспективны и возможности развития организации, обеспечивая, социальную успешность, жизнеспособность и перспективность развития организации.

Сущность социальных ресурсов заключается в их включённости в социальную деятельность в границах определённого пространства и времени. При этом их ценность может проявляться в процессе «полезного» использования, поскольку, по справедливому замечанию В.И. Ильина, «то, что объективно существует, но никто не знает, что с этим делать, ресурсом не является» [8, с. 54].

Обратим внимание на своеобразную семантическую трансверсальность понятий «ресурс» и «капитал», которая не всегда способствует их строгой дифференциации для корректной интерпретации. В широком смысле, по обосно-

ванному утверждению Н.Е. Тихоновой, возможно употребление данных понятий в качестве синонимов. Вместе с тем В.И. Ильин утверждает, что «любой капитал является ресурсом, но не каждый ресурс превращается в капитал...» [7].

Понимание ресурса как потенциального капитала подкрепляется идеей К. Маркса, обосновавшего идею о трансформации ресурсов через их «самовозрастающую стоимость» в капитал [11, с. 181]. Подобная трактовка позволяет понять механизм трансформации превращения различных социальных ресурсов в капитал как фактор, обеспечивающий социальную эффективность.

В нашем исследовании мы исходим из теоретической предпосылки о том, что указанные конструкты для их содержательной интерпретации следует рассматривать с позиции существенных различий, обусловленных социологической природой сущности концепта «социальный ресурс» применительно к процессу управления организацией.

Отметим, что в социологическом дискурсе понятия «ресурс» и «капитал» рассматриваются либо как тождественные (Э. Гидденс), либо дифференцируются путём выделения их специфики (П. Бурдьё).

Так, Э. Гидденс выделял аллокативные ресурсы, обеспечивающие власть индивидов над материальными объектами, и авторитарные, позволяющие управлять другими людьми. Все используемые ресурсы в качестве фундаментальных элементов способствуют структуриации социального пространства. Однако, по мнению Э. Гидденса, социальные ресурсы не являются объективными по своей природе, поскольку формируются в процессе совместной деятельности людей.

Основываясь на этой посылке, под социальными ресурсами Э. Гидденс понимает «средства, с помощью которых исполняется власть, рутинная составляющая осуществления поведения в социальном воспроизводстве» [4, с. 147]. Структура социального пространства может быть представлена как сфе-

ра распределения ресурсов в соответствии с определёнными правилами, рутинизируемыми социальными акторами.

В исследованиях П. Бурдье данные понятия различаются; он отмечает, что ресурс может трансформироваться в капитал при условии его востребованности агентами социальных полей и легитимации его как ценности. В частности, он определяет социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания или, другими словами, с членством в группе» [3] и обосновывает возможность применения социального капитала посредством его конвертации в другие значимые формы капитала.

Ресурс как осознанный, актуализированный потенциал, способен переходить в актуальное состояние при выполнении двух условий: востребованности (трансформирующей его в активную форму) и наличия определённого объёма, обладание которым способно принести социальный эффект.

Отметим, что, с точки зрения ресурсной теории, организация, по мнению Э. Пенроуз, «больше чем административная единица; она – также совокупность материальных нематериальных ресурсов, распределённых между различными пользователями с помощью административных и экономических решений» [18, р. 15–16].

Мы исходим из теоретического подхода, определяющего приоритетный характер анализа нематериальных (организационных) ресурсов, которые в условиях неопределённости и перманентного кризисного контекста являются более значимыми для организации, и в целом, по мнению Б.З. Мильнера (которое мы полностью разделяем), на результаты деятельности оказывают более существенное влияние [13, с. 41].

В социологической науке сложилось два подхода к дифференциации социальных ресурсов. Первый предполагает,

что социальные ресурсы представлены социальными акторами и контекстами их взаимосвязей. Так, в подходе Дж. Коулмана социальные ресурсы обладают способностями к наращиванию и обмену посредством социальных связей, которые, в свою очередь, также являются ресурсом; ценность связей определяется тем, насколько они способствуют достижению целей, добиться которых при их отсутствии невозможно [10, с. 121–139].

Представители второго, более широкого подхода (Э. Гидденс), под социальными ресурсами понимают любые разновидности ресурсов, воспринимаемые в качестве таковых в процессах взаимодействий, включённые в обеспечение социальных процессов непосредственно и обуславливающие эффективность функционирования организации.

Социальные ресурсы как таковые выполняют ряд ключевых функций, в частности: *инструментально-деятельностную* (как средства управляющего воздействия субъекта на объект управления для организации, координации и регулирования его деятельности); *коммуникативную*, обеспечивающую взаимодействие всех элементов организации как социальной системы и баланс интересов субъекта и объекта управления; *инклюзивную* как процесс включения социальных акторов в определённые социальные структуры, процессы и сопровождающие их социальные отношения; *структурообразующую*, предполагающую упорядочивание социальных практик, конструирование и трансформацию структуры организации. В этом смысле в исследованиях Э. Гидденса социальные ресурсы трактуются как сырьевой материал для выстраивания подобных структур.

Социальные ресурсы (человеческий капитал, человеческие ресурсы, время, пространство, ценности, традиции, организационная идентичность) формируют социальный потенциал, образующими организационный контекст (или пространственно-временной континуум организации).

Согласно концепции Э. Гидденса, выстраивание социальных связей и отношений возможно только на основе разделения социальными акторами общего сектора времени и пространства [4, с. 118.]. Синхронизация предполагает одновременность действий и потоков сознания («вместе работаем, вместе растём», «на работу – с радостью, с работы – с сожалением»). Организация может рассматриваться как общность времени и пространства, и в этом качестве их исследование актуально. Настоящее воплощается в деятельности организации в неразделимой триаде с прошлым и будущим.

Пространство и время вплетены в социальные взаимодействия, выступая одновременно и как условия, и как ресурсы, и как ограничения деятельности организации. Пространство как территория является фактором общности и «формой взаимодействия социальной и вещно-предметной структуры общества» [5, с. 243].

В ситуации «разорванности пространства», характеризуемой, в подходе Г. Зиммеля, отсутствием взаимосвязей, единого переживания пространства и времени, нивелированием доверия и организационной идентичности (члены организации сами не считают себя таковыми и не осознают организацию как общее социальное пространство) [6, с. 23–34.], в организации формируются противоречивые тенденции, препятствующие её динамичному развитию и эффективному функционированию в связи со снижением степени социальной связности организационного пространства и деформацией социальных отношений.

Социальное пространство организации представляет собой, по сути, пространство формирования и распределения социальных ресурсов, поэтому выявление их структуры, функций и особенностей имеет исключительное значение для теоретического обоснования ресурсного подхода к социальному управлению организациями.

Таким образом, обзор теоретических подходов позволяет нам сделать

вывод о закреплении и развитии тенденции к расширению сферы применения ресурсного подхода к социологической интерпретации сущности социального управления организациями.

Проведённый анализ показывает, что в настоящее время сложился и развивается новый тип социального управления, который мы обозначаем понятием «социоресурсное управление». В нашей интерпретации **социоресурсное управление – это вид социального управления организациями, основанный на целенаправленном взаимодействии субъекта и объекта управления в использовании социальных ресурсов (вход) и социальных технологий их преобразования (процесс) в результаты (выход) для перевода организации в желаемое качественное состояние, обеспечивающее устойчивое функционирование и сбалансированность интересов субъекта и объекта управления.**

Чертами социоресурсного управления, отличающими его от других видов управления, по нашему мнению, выступают: специфика объекта управления (люди); единство воли субъекта и объекта в достижении определённой цели на основе добровольного согласия или подчинения одной воли другой (власти); автономия объекта управления (наличие воли, сознания и возможности выбора модели поведения); сознательный характер управления; синтез системного и процессного подходов в организации и регулировании социально-трудовых отношений; активное применение социальных ресурсов как инструментов управленческого воздействия субъекта на объект управления.

Социальные ресурсы имеют ряд особенностей, принципиально отличающих их от ресурсов других видов: социальная природа (формируются людьми и для людей); ценность, определяемая антропогенной природой; неисчерпаемость (возможность существовать продолжительное время при условии развития); воспроизводство в процессе использования; потребность в постоянной актуализации для развития; многооб-

разие форм; комплементарность; незаменимость другими воспроизводимыми ресурсами-субститутами; невозможность имитации.

В силу специфики состава социальных ресурсов представляется необходимым сформулировать принципы их использования в процессе социального управления.

Принцип комплексности означает всестороннее использование социальных ресурсов как ресурсного потенциала организации. Это обусловлено тем, что использование многих видов социальных ресурсов является одновременно и условием, и формой их возрастания.

Принцип целевой направленности предполагает тщательную разработку цели и задач оптимального использования социальных ресурсов, оценку их достаточности, выбор альтернатив, методов и процедур.

Принцип согласованности и баланса интересов акторов требует нейтрализации взаимоисключающих тенденций при использовании социальных ресурсов.

Принцип разумной достаточности ориентирует на то, что использование и наращивание социальных ресурсов не являются самоцелью. Социальные ресурсы необходимо соизмерять с поставленными ценностями, целями и задачами организации, поскольку чрезмерное наращивание отдельных ресурсов может вызывать центробежные тенденции, способные оказывать деструктивное влияние на организацию, подрывая её целостность.

Принцип улучшения качества трудовой жизни и обеспечения достойного труда выступает как один из важнейших в современных условиях, что определяется особой значимостью роли данного феномена в деятельности организации. В этой связи под качеством трудовой жизни мы понимаем как объективно-субъективную категорию, определяющую совокупность форм организации труда, обеспечивающих максимально полное удовлетворение актуальных и будущих социально-трудовых

потребностей работников, реализацию их трудового и творческого потенциала, внутреннюю удовлетворённость содержанием труда и его результатами, а также сбалансированность интересов сторон социально-трудовых отношений в процессе достижения целей организации.

Артикулируемый принцип гармонизации личных ценностей и целей субъектов организации предполагает релевантность целей субъекта и объекта управления, основанную на механизме их субъектности, который «заключается в их рефлексии, то есть в осмыслении ценностных оснований, их саморефлексии и взаиморефлексии» [14, с. 120.]. Важны не только цели, но и ценности как их основание, причём цели авангардные, то есть «представления о должном, о лучшем, о самом важном, ради чего стоит трудиться, жертвовать временем, силами» [14, с. 116]. Ценности, в свою очередь, определяют смысл социального управления, определяя его аксиологическую природу.

Принцип развития механизмов социального партнёрства. Социальное партнёрство как механизм совершенствования социально-трудовых отношений сложился в XX веке, хотя ещё в XIX веке термин «партнёрство» использовал английский экономист Дж.С. Милль, отмечавший, что «отношения между хозяевами и работниками будут постепенно вытесняться отношениями партнёрства в одной из двух форм: в некоторых случаях произойдёт объединение рабочих с капиталистами, в других ... объединение рабочих между собой» [12, с. 100].

Понятие «партнёрство» мы трактуем как форму взаимодействия между партнёрами социально-трудовых отношений. Атрибутив «социальное» в сочетании с понятием «партнёрство» полагаем логичным применять, исходя из того, что социальное – это «особый тип, форма регуляции поведения на основе опережающего прогноза поведения окружающих (в том числе по отношению к самому субъекту действия), который возможен благодаря взаимным обязательствам, договоренностям» [1,

с. 115–131]. В такой широкой интерпретации социальное партнёрство включает всех возможных участников процесса социального взаимодействия.

Понимание социального партнёрства в широком смысле – как межсекторного взаимодействия – отражает новый подход к социальному партнёрству, рассматриваемому как «особый вид взаимоотношений между партнёрами, в которые они вступают для эффективного достижения целей устойчивого человеческого развития» [17, с. 38–42].

В широком смысле механизм социального партнёрства в социально-трудовой сфере во многом понимается как совокупность методов и инструментов, обеспечивающих партнёрское взаимодействие сторон социально-трудовых отношений как субъектов организационных процессов.

Интересен в данном контексте пример Белгородской области, где ещё в декабре 2004 года представителями бизнес-сообщества совместно с местной митрополией РПЦ Московского патриархата был принят «Свод нравственных правил и принципов в хозяйствовании», одно из положений которого указывает, что «государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование – это социально ответственный вид деятельности» [16, с. 9].

Принцип соответствия выбора технологий и методик использования социальных ресурсов для организационных изменений в соответствии с целями организации предполагает классическое понимание рациональности – как процесс последовательной декомпозиции цели, поиска и выбора средств, адекватных целям. Такой подход позволяет субъекту управления сосредоточиться на достижении цели при снижении объема используемых для этого ресурсов.

Принцип обеспечения устойчивости функционирования организации основан на методологии управления в социальных системах, в которых акторами выступают как субъекты вза-

имодействия. Задача субъекта управления сводится к построению системы взаимодействия, способной обеспечить нужный результат. Данная задача может быть решена в условиях системной устойчивости организации. Показатель системной устойчивости позволяет обеспечить согласованность их действий и преодолеть возможный конфликт интересов действующих акторов.

Учитывая сказанное, организация может быть представлена как система взаимодействующих субъектов, которые предоставляют ей имеющиеся у них ресурсы. Состояние организации как системы определяется рядом параметров, наиболее значимыми из которых в рамках проблемы статьи являются: потенциал компании (имеющиеся у субъектов социальных отношений ресурсы); ресурсная база компании (структура и количество ресурсов, переданных участниками субъектами социальных отношений организации); распределение ресурсов (ожидаемое и реальное) [15, с. 132–136].

Организация представляет собой механизм, посредством которого осуществляется привлечение субъектов социальных отношений, обладающих необходимыми ресурсами, а также взаимный обмен ресурсами. Результатом такого взаимодействия выступает реализация определённой целевой функции системы-организации. Очевидно, что подобная система существует, пока она может осуществлять целевую функцию.

В способности социальной организации противодействовать факторам внешней среды проявляется действие универсального принципа Ле Шателье-Брауна, устанавливающего, что при внешнем возмущении, нарушающем условие равновесия, в системе развиваются противоположно действующие процессы и до определённого уровня возмущения они нейтрализуют эффект внешнего воздействия. Иными словами, в этой ситуации целое не позволяет нарушить целостность.

На основе сказанного выше, определим понятие системной устойчивости

как характеристику организации, определяющую её способность обеспечивать реализацию целевой функции при изменении внешних и внутренних условий её функционирования.

Анализ состава социальных ресурсов, по нашему мнению, позволяет выделить определяемые ими переменные индикаторы, наличие и степень сформированности и развития которых демонстрирует актуальность социальных ресурсов в управлении организацией. Исходя из представления о природе социальных ресурсов, мы предлагаем структурировать указанные переменные в 3 группы-пула, выделенные по основным показателям организационного развития.

Пул структурных переменных, определяющих физические (пространственные) возможности установления и поддержания социальных контактов, а также направленность и интенсивность взаимодействия. Данные переменные образуют **организационные способности, под которыми мы будем понимать неотделимые от организации и воспроизводимые ею же специфические средства взаимодействия субъектов управления, обеспечивающие стабильно результативное функционирование организации на основе их оптимального сочетания и рационального использования.**

В теории социального управления организационные способности трактуются с различных точек зрения, но многообразие интерпретаций позволяет выделить несколько аспектов их анализа. В частности, они рассматриваются как: *рутинизация деятельности* (Р.Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер; *поглощающая способность* (С.К. Прахалад, Г. Хэмел); *динамическая способность* (Д. Тис, Г. Пизано, Э. Шуен); (М. Золло, С. Дж. Уинтер); *архитектурные компетенции* (Р.М. Хендерсон); *комбинационные способности* (Б. Когут, У. Зандер).

Организационные способности позволяют идентифицировать компанию как систему, обладающую внешним и внутренним образами. Именно поэтому их формирование является главной

задачей любой организации, определяя возможности её развития в конкурентной внешней среде.

Пул *реляционных переменных, определяющих качество сформированных социальных связей и социальных отношений, проявляющееся в уровне взаимного доверия, наличии просоциальных установок, а также разделяемых норм взаимности и уровне горизонтальной кооперации.* Социальные связи при этом формируют качественно различающиеся фундаментальные типы социальных отношений: отношения *аффилиации*, основанные на тесных и сильных социальных связях, характеризующиеся высоким уровнем групповой сплочённости и идентичности и распространяющиеся на небольшие коллективы; отношения *иерархии*, возникающие между индивидами, обладающими различным объёмом значимых организационных ресурсов; отношения *рыночного обмена* между работниками, основанные на взаимовыгодном обмене благами или услугами;

Пул *когнитивных переменных, определяющих уровень коммуникативных возможностей социальных контактов, то есть наличие общих языковых средств коммуникации и единого культурно-смыслового пространства, являющегося основой для взаимопонимания между членами рабочих групп; инновационный потенциал организации и уровень инновационной готовности персонала.*

В интерпретации данного вида переменных следует остановиться на теоретическом подходе Б.З. Мильнера, постулирующем, что «внутренние ресурсы организации, включая знания, являются основой её органического роста, ... представляя собой её стратегические активы. Организационные знания становятся стратегическим ресурсом в тех компаниях, которые осознанно ими управляют» [13, с. 37.].

Система управления знаниями создаёт основу для формирования обучающейся организации, способной понять мир, в котором она существует и разви-

вается, реагировать адекватно и творчески на его сигналы и воздействия, не «упираясь» в формальные процедуры, эффективно использовать новые процессы и методы.

Пул реляционных переменных и пул когнитивных переменных в совокупности образуют социоресурсный потенциал организации, определяемый факторами внутренней среды. Все три пула образуют социоресурсный потенциал (социоресурсный «портфель») организации.

В рамках указанного подхода логичным представляется определение понятия «социоресурсная организация», которое мы интерпретируем как **организацию, обладающую специфически социальными ресурсами и применяющую их для сбалансированного (оптимального) управления социальными процессами во внутренней среде и обеспечения её социальной эффективности.**

Формирующиеся в подобных организациях социальные отношения характеризуются как нелинейные: в организации возможно сосуществование множества различных состояний, совокупность которых образует свойство мультистабильности [2].

Именно благодаря данному свойству социоресурсная организация как нелинейная система управления, в отличие от линейных систем, становится более «гибкой», способной адаптироваться к внешней среде, поскольку может перестраивать тип собственной динамики. Отметим, что формирование самоуправляемой социоресурсной организации предоставляет возможности выявления и оптимального решения проблем её функционирования, поскольку любые проблемы организации – это не столько внутренние качества системы, сколько результат ограниченного понимания механизмов её работы.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Диалектика природного и общественного как методологический принцип на-

ук об индивиде / К.А. Абульханова-Славская // Биологическое и социальное в развитии человека. – Москва: ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1977. – 227 с. – С. 115–131.

2. Афанасьева В.В. Социум: нелинейность, хаос, фрактальность. URL: <http://zemob.ru/index.php/rus-proekt/zemskij-klub-2018/205-lektsiya-very-afanasevoj-sotsium-nelinejnost-khaos-fraktalnost>.
3. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. – 528 с.
5. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности: Монография. – Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2009. – 304 с.
6. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3(34). – С. 23–34.
7. Ильин В.И. Классовая структура: классические концепции и современная Россия // Отечественные записки. – 2003. – № 4. URL: <https://strana-oz.ru/2003/4/klassovaya-struktura-klassicheskie-koncepcii-i-sovremennaya-rossiya>
8. Ильин В.И. Потребление как дискурс / В.И. Ильин. – СПб.: Интерсоцис, 2008. – 446 с.
9. Ильин В.И. Социальная структура в транзитивном пространстве российского мегаполиса / В.И. Ильин // Мир России. Социология. Этнология. – 2010. – Т. 19. – № 1. – С. 89–125.
10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
11. Маркс, К. Превращение денег в капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1987. – Т. 1. – Гл. 4.

12. Милль Дж.С. Основы политической экономии. Т. 6. – М., 1980. 498 с.
13. Мильнер Б.З. Управление знаниями. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 178 с.
14. Пригожин А.И. Качество целей // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1. – с. 114–125.
15. Самосудов М.В. Основы корпоративной динамики. Химки: Институт международных экономических отношений, 2007. – 248 с. – С. 132–136.
16. Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. – Белгород, 2005. – 16 с.
17. Собчук Н.В. Основные подходы к интерпретации понятия межсекторного социального партнерства в современном мире / Н.В. Собчук // Научный вестник УрАГС. – 2008. – № 5. – С. 38–42.
18. Penrose E. Theory of the Growth of the Firm. 3 ed. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 15–16.
1. principle of the sciences of the individual / K.A. Abulkhanova-Slavskaya // Biological and social in human development. – Moscow: Federal State Unitary Enterprise “Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center “Nauka”, 1977. – 227 p. – S. 115–131.
2. Afanas'eva V.V. Society: non-linearity, chaos, fractality. URL: <http://zembob.ru/index.php/rus-proekt/zemskij-klub-2018/205-lektsiya-very-afanas-voj-sotsium-nelinejnost-khaos-fraktalnost>.
3. Bourdieu P. Forms of capital // Economic sociology. 2002. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
4. Giddens E. Organization of society: an essay on the theory of structuration. M.: Academic Project, 2003. – 528 p.
5. Zborovsky G.E. Theory of social community: Monograph. – Yekaterinburg: Humanitarian University. 2009. – 304 p.
6. Simmel G. Big cities and spiritual life // Logos. – 2002. – No. 3 (34). – S. 23–34.
7. Ilyin V.I. Class structure: classical concepts and modern Russia // Otechestvennye zapiski. – 2003. – No. 4. URL: <https://strana-oz.ru/2003/4/klassovaya-struktura-klassicheskie-koncepcii-i-sovremennaya-rossiya>
8. Ilyin V.I. Consumption as a discourse / V.I. Ilyin. – St. Petersburg: Intersocis, 2008. – 446 p.
9. Ilyin V.I. Social structuring in the transitive space of the Russian metropolis / V.I. Ilyin // World of Russia. Sociology. Ethnology. – 2010. – T. 19. – No. 1. – S. 89–125.
10. Coleman J. Social and human capital // Social sciences and modernity. – 2001. – No. 3. – S. 121–139.
11. Marx, K. Turning money into capital / K. Marx, F. Engels // Capital / K. Marx, F. Engels. – М., 1987. – Т. 1. – Ch. 4.
12. Mill J.S. Fundamentals of political economy. Т. 6. – М., 1980. 498 p.
13. Milner B.Z. Knowledge management. – М.: INFRA-M, 2003. – 178 p.
14. Prigogine A.I. Quality of goals // Social sciences and modernity. – 2010. – No. 1. – p. 114–125.
15. Samosudov M.V. Fundamentals of corporate dynamics. Khimki: Institute of International Economic Relations, 2007. – 248 p. – S. 132–136.
16. Code of moral principles and rules in management. – Belgorod, 2005. – 16 p.

SOCIO-RESOURCE APPROACH IN SOCIAL MANAGEMENT: FORMULATION OF THE PROBLEM

Igumnov O.A., Ivanov S. Yu.

Moscow Pedagogical State University

The article presents the author's position on socio-resource approach in social management the problem formulation. The socio-resource approach to social management is considered as a search for new and rethinking of traditional resource opportunities. Social resources are analyzed by the authors as an element of the organization's potential actualizing it under the condition of demand and sufficiency of volume. The author's concepts «social resource», «socio-resource management», «socio-resource organization» definitions are proposed in the article. The author's understanding of the specifics of socio-resource management, its principles as well as the features of social resources and their main functions are presented.

Keywords: social management, social resources, socio-resource approach, socio-resource management, socio-resource organization, organization socio-resource potential (socio-resource «portfolio»).

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Dialectics of natural and social as a methodological

17. Sobchuk N.V. The main approaches to the interpretation of the concept of intersectoral social partnership in the modern world / NV Sobchuk // Scientific Bulletin of the UrAGS. – 2008. – No. 5. – S. 38–42.
18. Penrose E. Theory of the Growth of the Firm. 3 ed. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 15–16.

Содержание концепции инногорода: обобщение международного опыта

Кирсанова Юлия Алексеевна,

старший преподаватель кафедры теории и истории культуры, Российский университет дружбы народов (РУДН)

E-mail: kirsanova-yua@rudn.ru

Статья посвящена определению места инногорода в терминологическом ряду современных концепций городского устройства. Для того чтобы рассмотреть проект «инногород» как городскую концепцию в первом приближении, обратимся к современным городским концепциям Smart city, Creative city, Innovation city, Global city и др., которые также апеллируют к инновационности. И предпримем попытку сравнительного анализа, чтобы установить, в чем заключена их инновационность и насколько инногород сопоставим с этими явлениями. Все приведенные концепции по-своему инновационны, но использовать инновации в своем устройстве и производить инновации – разные вещи. Можно ли поставить знак равно между одной из этих концепций и инногородом или инногород – явление, дополнившее разнообразие в этом ряду, – вот главная исследовательская цель данной статьи.

В ходе исследования автор приходит к выводу, что ни одна из рассмотренных выше концепций не будет эквивалентна понятию инногорода. В основе идеи инногорода лежит стратегия развития инновационного потенциала экономики, то есть некая экономическая структура. А сам город является скорее оболочкой, интерфейсом для пользователей – резидентов этой экономической экосистемы. Однако эта концепция может воплощать ключевые черты смарт-сити, экогорода или города будущего и др. Таким образом, инногород оказывается близок другим концепциям по внешним признакам.

Ключевые слова: инногород, городская концепция, инновационность, город будущего, эко-город, smart city.

Понятие инногород известно сегодня благодаря развитию таких проектов, как Сколково, Иннополис, ИНО Томск, Технополис GS и др. Однако четкого определения концепции инногорода не сложилось. Инногород при этом, несомненно, обладает множеством черт других современных концепций. В данном исследовании мы предпримем попытку сравнительного анализа этих концепций с целью определения места инногорода в их ряду. В качестве практического кейса будет рассмотрен пример инногорода Сколково.

В литературе и СМИ инногород Сколково часто называют городом будущего. В зарубежной практике существует множество проектов, получивших такой же эпитет. Проекты Масдар-Сити (ОАЭ), «София-Антиполис» (Франция), город знаний Ячай (Эквадор) и др. – все это масштабные проекты, объединенные использованием высоких технологий в организации своего пространства и функционировании. Рассмотрим для начала концепцию города будущего.

Города будущего либо строятся с нуля, либо вырастают из исторически сложившихся городов. Объединяет их одна концепция – представление современности о будущем, противопоставление сегодняшнему городскому опыту. Как правило, эту концепцию характеризует принцип экологии, отсутствие транспорта, изобилие зеленых зон, использование альтернативных источников энергии и новые подходы к архитектурным решениям и зонированию, эргономичность в организации городского пространства и простота социальных взаимодействий горожан.

Можно привести следующие примеры городов будущего. Автономный город-сателлит Great City (Китай), который также, как и Масдар-сити, подчинен экологической многозадачности. В городе будущего не будет транспорта, ведь планировка и зонирова-

ние устроены таким образом, что любому жителю города до места работы не придется добираться дольше 15 минут пешком. Выброс углекислого газа и количество мусора будут минимизированы, в строительстве использованы экологически чистые материалы. Почти в половину от обычной нормы будут уменьшены потребление воды и электроэнергии, за счет технологий и использования солнечной энергии. Зонирование предполагает обширную буферную зону – долины, холмы, водоемы – в поддержание концепции зеленого эко-города. Кроме того, следуя идее эргономики, в Great City будет использован принцип вертикальной застройки (вверх и вниз под землю). Главная цель проекта – создание города с плотной застройкой, который опровергнет представление о том, что город отчужден от природной среды. Great City будет функционировать в гармонии с окружающей средой и повышать качества жизни горожан.

Гетеборг в Швеции. Проект, предложенный для создания города будущего в уже существующем городе, предлагает интеграцию принципов экологии и реконструкцию городского пространства. Многоуровневая организация зон позволит, используя крыши домов, развернуть рекреационные участки и расположить ветряные мельницы. Городские потоки будут распределяться не только горизонтально, но и вертикально, что позволит снизить трафик, а в перспективе – главным транспортным каналом станет река.

Проект Multiplicity предлагает реконструкцию Мельбурна. Устройство города будет подчинено идее плотной вертикальной застройки и включать несколько функциональных плоскостей. К примеру, транспорт сможет перемещаться по подземным и воздушным трассам. Зеленая зона, а также приборы и устройства по сбору энергии и воды будут располагаться на общей, растянувшейся над городом крыше.

Таковые цели и видение, но насколько они смогут быть реализованы, пока неясно, ведь та часть проектов, приня-

тых к внедрению, еще только в стадии строительства.

Анализируя же саму концепцию, приходится отмечать ее фасадную ориентацию и отсутствие представления о жизни, которой город будет жить: что производить, в каком направлении развиваться. Создатели задают координатную плоскость, но не предлагают траектории. Особенно это касается городов, создающихся с нуля.

Если обратиться к истории архитектуры городов, можно еще раз убедиться в том, что концепция города будущего – лишь архитектурный проект с зачатками обозначенной вскользь концепции города. Явные отсылки к разработкам города-сада найдем в изученных проектах. В свое время эти идеи были опережающими развитие, возможно поэтому относятся сегодня к рангу «бумажной архитектуры».

Также не стоит упускать из виду, что разработчиками всех представленных выше проектов являются архитектурные бюро. Это видение и разработки архитекторов. Здесь намечается ментальный разрыв между архитектурой и градостроительством, последнее планирует не просто жизненное пространство, но и жизнь города, его способность к существованию.

Но есть в ряду городов будущего концепция, которая заслуживает отдельного внимания. На наш взгляд, это проект, наиболее близкий идее инногорода.

Масдар-Сити – проект города будущего, выросшего в пустыне в ОАЭ, работа над ним началась в 2006 г., стоимость проекта составляет 22 млрд долларов США. Цель этого проекта – создание экологичного умного города, города знаний с научными и образовательными центрами. Базовые технологии Масдар-Сити – эко-технологии: использование солнечной энергии, полная переработка отходов, отсутствие выброса углекислого газа во внешнюю среду («zero carbon»), использование автоматического транспорта, управляемого компьютером. «Правительство Абу-Даби рассчитывало этим проектом

решить три задачи. Первая – диверсифицировать экономику, вторая – создать прибыльный бизнес вокруг новых источников энергии, третья – показать, как может выглядеть экоустойчивый город будущего» [1.С.1]. Это технологический кластер, созданный на самых передовых технологиях и рассчитанный на дальнейшее их развитие здесь же. Идея замкнутой системы, созданной изучать и развивать саму себя, приобретает вид концепции «Living Lab». Вопрос утопичности данной концепции остается открытым. Масдар-сити на данном этапе проект не реализованный, окончание строительства намечено на 2030 год, когда реальный облик города будет соответствовать мастер-плану.

Еще одна современная концепция – эко-город. Это комплексная идея организации городского хозяйства с ярким экологическим аспектом. Однако этот подход не ограничивается заботой города об экологии, он связан с построением «зеленой экономики» и устойчивым развитием.

Как видно из этого примера, концепция эко-города затрагивает не только внешние, но и внутренние городские процессы. Недостаточно просто использовать «зеленые технологии», необходимо глубокая работа с сообществом, стейкхолдерами, воспитание молодежи, привлечение к реализации концепции бизнеса, производителей товаров и услуг. Таким образом базовым компонентом этой концепции является устойчивое развитие территории.

«Первоначально термин «устойчивое развитие» был введен в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее» Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию ООН и означал такое развитие, которое «удовлетворяет потребности настоящего времени, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [2.С.94]. Одним из ключевых аспектов устойчивого развития стала забота об экологии. Особенным образом это касалось городов и стремительного их развития. Из-за опасности истощения ресурсов

и загрязнения окружающей среды стал наблюдаться рост исследований и концепций устойчивого развития в 1980–90 гг.

В работе «Концепции экогорода: рекомендации для России» Волошинская А.А. и Комаров В.М. представляют ретроспективу концепций, разрабатывавшихся в рамках устойчивого развития. Изначально к проблеме подходили с точки зрения возможности регулирования количества вредных выбросов и отходов города – концепция городского метаболизма. Впервые она была сформулирована Абелем Волманом в 1965 г. «Концепция городского метаболизма рассматривает город как живой организм, которому, как всему живому, для поддержания жизни нужны энергия и ресурсы: воздух, вода, «пища» – минеральное сырье, топливо, нефть. Эти исходные ресурсы или «метаболические входы» перерабатываются городом и выбрасываются обратно в окружающую среду в виде отходов, так называемых «метаболических выходов». Главная идея состоит в том, что город должен потреблять как можно меньше входных потоков (сырья, энергии, природных ископаемых) и выбрасывать как можно меньше выходных потоков (загрязняющих веществ и отходов)» [2.С.95].

Следующим шагом стала концепция экогорода Ричарда Регистера (*Register, 1987*). Им предложен более кардинальный и глубокий подход к вопросу загрязнения среды. Помимо ограничения метаболических входов Регистер предложил использовать энергию возобновляемых источников, что позволяло уменьшить зависимость от природных ресурсов. Также важным аспектом стало формирование нового образа жизни у населения. «Поэтому основными чертами экогорода являются дома с солнечными батареями, экологически чистый общественный транспорт, пешеходные зоны, повторная переработка отходов, «живые и зеленые» крыши, экологически чистые продукты питания, которые жители выращивают прямо в городской черте, и т.д.» [2.С.97].

В 2000–2010 гг. количество концепций стало расти, более детально и широко развивая отдельные направления прежних концепций: углерод-нейтральный город, климат-нейтральный город ООН, зеленый город, город с нулевыми отходами, современная концепция города-сада. И, наверное, самая выделяющаяся из ряда концепций устойчивого развития, – концепция микроурбанизма. «Движение микроурбанизма исследует городские экологические проблемы через отдельные мелочи и детали повседневной жизни, а Ян Гейл предлагает исследовать «города человеческого масштаба» – самоощущение личности в городе, растущую отчужденность человека от природы и экосистемных услуг в современной городской среде» [2.С.99].

Сегодня приоритетом в развитии городских экосистем является экологическая устойчивость. «Концепция подразумевает трансформацию методов планирования и проектирования городов с акцентом на экологическую безопасность, развитие экологической функции городов, ресурсо- и энергоэффективность, а также защиту и сохранение экосистем» [3.С.29]. Важным становится разумно спланированный процесс урбанизации. Принимаются конкретные локальные решения по улучшению экологической среды города: обновление тепловых и энергетических сетей, что позволяет снизить вредные выбросы на 30%, сокращает потребление воды; озеленение города, в том числе, способом вертикального озеленения, что формирует необходимый микроклимат для птиц и насекомых; утилизация отходов, извлечение сырья и ресурсов из мусора, вторичное использование материалов.

Концепция Smart city предлагает целый комплекс информационно-коммуникационных решений и применение технологии «интернет вещей» для модернизации городского пространства и повышения качества жизни. Городская среда становится более интерактивной, подразумевает взаимодействие горожанина с инфраструктурой,

способна собирать большие данные пользователей и использовать их для усовершенствования системы в дальнейшем. «Суть «умного города» – превращение города на базе облачных технологий, искусственного интеллекта и возобновляемой энергии в единый организм посредством объединения всех структурных компонентов: дорожной сети, общественного транспорта, коммунальных систем, государственных услуг, экологического контроля» [4.С.1].

Действительно, Smart city становится технологией «модернизации городов», затрагивая все важные инфраструктурные элементы города: транспорт, комфортная среда, энергия и ресурсы, коммунальное хозяйство, безопасность, администрация. Smart-city предлагает сообществу сервисы, которые помогают контролировать и оптимизировать городские процессы: транспортные табло, видеонаблюдение и видеоаналитика, ситуационные центры, интеллектуальные транспортные системы, экологический мониторинг. Умный город экономит энергию, переиспользует ресурсы, в том числе данные. Внедряются электронные государственные услуги, автоматизируются процессы, горожане приглашаются к соучастию в решении городских проблем, характерна быстрая реакция на сложные задачи. Интернет вещей (IoT) – важная технология умного города, которая осуществляет связь физических объектов и устройств и включение их в информационную коммуникацию посредством стандартов соединения и сетей связи, в том числе беспроводных. Она лежит в основе всех возможностей умного города, осуществляя сбор информации о городской среде, обмен ею между различными системами, доставляя человеку или искусственному интеллекту для анализа.

Благодаря внедрению smart-технологий цифровизация с каждым годом охватывает все большее количество городов. Однако, до сих пор нет единого определения умного города.

Рассмотрим пример градостроительной концепции инногорода Скол-

ково. На этот раз, после десятилетнего российского опыта проб и ошибок в области инновационных проектов, в проекте Сколково концепция города стала не менее важной, чем инновационный и экономический элементы, ей уделили серьезное внимание.

25 февраля 2011 года Совет Фонда Сколково выбрал для центра градостроительную концепцию под условным названием Urbanvillages, разработанную французской компанией AREP, которая специализируется на транспортных решениях [5.С.1]. Вот основные черты этого проекта.

Решено было, что концепция должна быть гибкой и позволять городу меняться в зависимости от меняющихся условий – адаптивная способность. Учитывая долгосрочность проекта, а инногород строится уже более 10 лет, и проект строительства еще не реализован полностью, этот принцип оказывается очень выигрышным. Проект может меняться в деталях, интегрируя новые идеи или технологии, появляющиеся и, в том числе, разрабатываемые самим же инновационным центром. Здесь стоит вспомнить о концепции «Living Lab» города будущего: инногород повторяет идею постоянно саморазвивающейся системы, которая разрабатывает технологии по своему собственному запросу и реализует их в своем же пространстве.

Интересна и модель зонирования города: хордой протянут бульвар, на котором выстраивается разделение на зоны. Гостевая зона включает: конгресс-холл, бизнес-центр, культовые объекты, гостиницы, клинику, вокзал, спортивную и парковую зоны. Оставшиеся три зоны: зона университетского кластера, технопарк и его инфраструктура, жилая застройка. «Из 1,5 млн м² большая часть (600 тыс. м²) приходится на жилье, 98400 м² – на школы, больницы, детские сады, спорт; 117 тыс. м² – на университет и жилье для студентов и преподавателей, 377800 м² – на конгресс-центры, гостиницы и торговые центры, 88740 м² – на сервисные зоны и объекты коммунальной инфра-

структуры и только 315 тыс. м² (пятая часть) – на собственно инновационные объекты» [5.С.2]. То есть большая часть пространства отдана на общественные зоны и инфраструктуру, что явно апеллирует к стратегии работы с горожанами-резидентами. Среда инногорода стимулирует горожан к взаимодействию, и здесь очевидно заложена стратегия работы с сообществом.

Концепция инновационного урбанизма Сколково предлагает также принцип «4Э»: экономичность, экологичность, эргономичность, энергоэффективность. Этот принцип аналогичен некоторым чертам концепций экогорода и смарт-сити. К примеру, концепция Сколково отдает приоритет пешеходным зонам, экологичному транспорту, безавтомобильным зонам, большим паркам. Также здесь реализуется идея «городской деревни», характеризующаяся неплотной малоэтажной застройкой, пешеходными зонами и обширными общественными пространствами. Эта стратегия стала приоритетом в британской национальной политике планирования в период с 1997 по 1999 гг. Она призвана стать альтернативой децентрализации и разрастания городов, позволяет горожанам смешивать занятость и бытовую жизнь, возрождает автономные сообщества. Концепция использует морфологию традиционной деревни и предлагает консолидированное развитие.

Большое внимание уделяется энергоэффективности. Инногород Сколково предполагает переработку мусора с целью получения энергии, использование геотермальной энергии, тригенерации. В проект заложено применение технологии энергоэффективных стен, строительство систем сбора тепла и света. Все это представляет собой систему «умный дом» в масштабах города.

Для большей эргономичности функционирования инногорода предполагается интеллектуальное уличное освещение, планировка и зонирование пространства подчинено принципу сохранения шаговой доступности основных элементов инфраструктуры.

Внутренние коммуникации в инно-городе будет обеспечивать единое информационное пространство, оно свяжет все внутренние сервисы с каждым резидентом-пользователем. Само пространство города должно стать коммуникативной средой, площадкой для выработки синергии во взаимодействии пользователя со средой и пользователем между собой.

Подводя итог параграфа, стоит отметить, что концепция инногорода близка таким концепциям, как город будущего, эко-город, smart city. Это сходство, однако, касается внешних черт концепции инногорода. Если для эко-города самой его сутью является устойчивое развитие территорий, применение современных эко-технологий, сберегающих ресурсы планеты и энергию, то для инногорода это лишь качественное наполнение городского компонента самой концепции. Манифестируя себя как инновационный хаб, инногород интегрирует все современные технологии жизнеобеспечения города, подчинен подходу устойчивого развития, формирует активное местное сообщество. Ближе всего инногороду оказалась концепция города будущего. Их роднит и то, что города будущего в основном строятся «с нуля». Но город будущего так же, как и инногород, является цельной экосистемой, изучающей себя и обеспечивающей свою жизнедеятельность новейшими технологическими решениями – город-лаборатория.

Но ни одна из этих современных концепций не связана с экономическим потенциалом территории. Инногород же – это прежде всего экономический проект, инновационно-технологический кластер, в его основе лежит ОЭЗ. И главный компонент этого проекта – это инновационная инфраструктура, то есть комплекс экономических инструментов, стимулирующий научные экономически потенциальные инициативы, рост технологий, развивающий бизнес.

Литература

1. Панасенко С. Масдар-сити после кризиса: утраченные иллюзии и но-

вые надежды. Зеленый город. Город, 2016 (Из интервью с Энтони Мэллоуз). URL: <http://green-city.su/delat-bolshe-s-menshimi-resursami/>

2. Волошинская А.А., Комаров В.М. Концепции экогорода: рекомендации для России. Terra economicus, № 4, том 15, 2017 г. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2018/01/18/1251079709/Волошинская,%20Комаров.pdf>
3. Экологическая доминанта устойчивого развития. Urban agenda, № 7, 2017.
4. Привалов О. Город-сад по столичным лекалам. Будущее агломераций. Коммерсантъ, 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990018>
5. Градостроительная концепция «Сколково». Сайт Vseon.com. URL: <http://vseon.com/analitika/budushchee/1051-i>

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF A NON-RESIDENT CITY: GENERALIZATION OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

Kirsanova Yu.A.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

The article is devoted to the definition of the place of Innogorod in the terminological series of modern concepts of urban structure. In order to consider the «innovative city» project as an urban concept in the first approximation, we turn to the modern urban concepts of Smart city, Creative city, Innovation city, Global city, etc., which also appeal to innovativeness. And we will undertake the torture of comparative analysis in order to establish what their innovativeness is and how similar is Innogorod to these phenomena. All the above concepts are innovative in their own way, but using innovation in their device and producing innovation are different things. Is it possible to put a sign equal between one of these concepts and Innorod or Innorod – a phenomenon that supplemented the diversity in this series – this is the main research goal of this article.

In the course of the study, the author concludes that none of the concepts discussed above will be equivalent to the concept of innogorod. The idea of Innogorod is based on a strategy for developing the innovative potential of the econo-

my, that is a certain economic structure. And the city itself is more of a shell, an interface for users – residents of this economic ecosystem. However, this concept can embody the key features of smart city, eco-city or city of the future, etc. Thus, Innogorod is close to other concepts in appearance.

Keywords: innogorod, urban concept, innovation, city of the future, eco-city, smart city.

References

1. .com/analitika/budushcheePanasenko S. Masdar City after the crisis: lost illusions and new hopes. Green city. The City, 2016 (From an interview with Anthony Mallows).

URL: <http://green-city.su/delat-bolshe-s-menshimi-resursami/>

2. Voloshinskaya A.A., Komarov V.M. Eco-city concepts: recommendations for Russia. Terra economicus, No. 4, volume 15, 2017 URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2018/01/18/1251079709/Voloshinskaya,%20comars.pdf>

3. The ecological dominant of sustainable development. Urban agenda, № 7, 2017.

4. Privalov O. Garden city according to the capital patterns. The future of agglomerations. Kommersant, 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990018>

5. The urban planning concept of Skolkovo. Website Vseon.com. URL: <http://vseon/1051-i>

Теоретико-методологические аспекты изучения социальной адаптации работающих бедных

Литинская Елена Юрьевна,

ст. преподаватель кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет
E-mail: litinskaya_elena_yurevna@mail.ru

Матюшина Юлия Борисовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет
E-mail: sociabvsu@mail.ru

Петров Денис Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет
E-mail: den_petrov@rambler.ru

В центре внимания статьи актуальные проблемы социальной адаптации работающих бедных. Целью данной работы является рассмотрение теоретико-методологических аспектов изучаемого феномена: раскрываются ключевые понятия, предложенные различными авторами, подробно рассматривается история изучения явления в зарубежной и отечественной науке. Обозначено как современная западная социология внесла значительный вклад в изучение процессов социальной адаптации. Было выведено целостное определение феномена социальной адаптации работающих бедных. Выделены три основные группы трудностей, с которыми сталкиваются работающие бедные. Определены факторы, влияющие на состояние социальной адаптации работающих бедных, выделены несколько подходов в исследовании бедности: абсолютный, относительный и субъективный. Также изучен ряд важнейших факторов, оказывающих существенное влияние на успешность социальной адаптации работающих бедных.

Ключевые слова: социальная адаптация, бедность, работающие бедные, процесс, общество, индивид, социальная среда.

В условиях глобальной трансформации российского общества и динамического развития социальных процессов представляется необходимым изучение социальной адаптации населения. Учеными выделяется ряд факторов, способствующих массовому обнищанию, падению уровня жизни, поляризации общества и маргинализации населения. Среди них основными являются: рост дефицита государственного бюджета, либерализация цен, инфляция, разрастание теневого сектора экономики и др.

Большой теоретический и практический интерес вызывает такая социальная группа, как работающие бедные. Следует отметить, что данное явление особенно распространено в условиях российской действительности. Парадоксальным является тот факт, что большую часть работающих бедных составляют высококвалифицированные работники, в том числе, государственные служащие младших групп, военная интеллигенция, работники сферы здравоохранения, образования, науки и культуры.

Во-первых, является необходимым рассмотреть некоторые ключевые теоретико-методологические аспекты. Впервые термин «адаптация» был введен немецким физиологом Г. Аубертом в 1865 году, в переводе с латинского «adaptatio» – приспособляю [1]. Учеными выделяются несколько видов адаптации: физиологическая, психологическая, биологическая и социальная. В рамках данного исследования изучению подлежит социальная адаптация, само понятие было сформулировано американскими социологами У. Томасом и Ф. Знанецким в начале 20 века [2, С. 82]. Ученые доказывали, что адаптация всегда социальна, так как в процессе приспособления индивида к окружению происходит усвоение им норм и ценностей социальной группы.

Изучение социальной адаптации началось с классиков социологической мысли. Так Э. Дюркгейм под социальной адаптацией понимал внутреннее соответствие индивида существующим в обществе моральным нормам [3, С. 370–380]. М. Вебер связывал социальную адаптацию с рациональностью и эффективностью в достижении цели. Адаптации присваивалась роль механизма социального прогресса, так как человек, в процессе собственной адаптации, видоизменяет, оценивает и развивает социальные нормы [4].

Современная западная социология внесла значительный вклад в изучение процессов социальной адаптации. Теоретико-методологические основы ее понимания были заложены Дж. Мидом, Р. Линтоном, М. Крозье, Т. Сарбином и др. Социолог-теоретик Т. Парсонс, рассматривая адаптацию как двусторонний процесс, приписывает ей функцию поддержания равновесия, приспособления и контроля социальной системы над окружающей средой [5, С. 38]. Данный подход подвергал критике Р. Мертон, утверждая, что с точки зрения диалектики развития общество не является равновесным. Также, Р. Мертон, в отличие от Т. Парсонса, по-иному интерпретировал роль социальной адаптации в развитии общества. Т. Парсонс видел адаптацию, как критерий общественного прогресса, в то время как Р. Мертон рассматривал адаптацию как процесс, противоположный социальному прогрессу [6, С. 27]. Э. Гидденс, подчеркивая ролевую характеристику процесса адаптации, рассматривал ее как процесс социализации или приспособления к выполнению определенной социальной роли [7, С. 91]. В целом, можно выделить следующие подходы в изучении социальной адаптации: В современной социологии сложилось несколько методологических подходов в изучении сущности данного явления. Л.В. Корель выделяет несколько теоретико-методологических подходов и парадигм, это 1) парадигма социальных фактов, включающая структурно-функциональную, систем-

ную, конфликтную теории; 2) парадигма социального поведения, включающая теорию обмена, бихевиоризм; 3) парадигма социальных дефиниций, включающая символический интеракционизм, теорию социального действия, феноменологическую социологию, этнометодологию; 4) парадигма социально-экономического детерминизма. [8, 54–55]

В целом же, все подходы к рассмотрению социальной адаптации можно разделить на два направления – объективистские (нормативные) и субъективистские (интерпретативные), макро- и микросоциологические. В социологической литературе преобладает нормативизм при анализе адаптационных процессов. Нормативный подход акцентирует внимание на воздействие социума на личность. Единицами анализа в рамках данного подхода выступают структурные и функциональные характеристики адаптационного процесса: барьеры адаптации, адаптационный потенциал, удовлетворение потребностей в ходе адаптации, средства адаптации, адаптационную ситуацию. Истоки интерпретативного подхода коренятся в «понимающей социологии» М. Вебера и «философии жизни» В. Дильтея, далее уходит корнями в символический интеракционизм, этнометодологию, феноменологию и герменевтику. Адаптант, находясь в адаптивной ситуации, по-разному оценивает характер, долговременность направленность процесса адаптации. Призмой подобного истолкования жизненной ситуации служит иерархия личных ценностей индивида. На когнитивном уровне субъект адаптации интерпретирует адаптивную ситуацию, вырабатывая свои собственные модели поведения, будь то пассивная или активная адаптация, полная или частичная. Единицами методологического анализа выступают субъективная удовлетворенность адаптанта условиями жизнедеятельности, адаптационные стратегии, конструирование идентичности и мировоззренческих представлений о социальной среде.

Российская социология не оставила без внимания процесс социальной адаптации. В XIX веке интерес к проблеме социальной адаптации был привлечен в силу полемики вокруг идей социал-дарвинизма. Далее интерес к адаптации постепенно угас, но с 1960-х гг. исследование по данной проблематике интересовало широкий круг российских социологов. Процессы социальной адаптации и социализации занимались Г.В. Осипов, И.С. Кон, А.Г. Харчев, Б.Г. Ананьев, К.М. Хайлов, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов и др. Изучались отдельные стороны социальной адаптации: ее механизмы, проблемы социальной адаптации различных возрастных групп, процессы учебной и трудовой адаптации. С начала 1990-х гг. проблемами адаптации интересовались П.С. Кузнецов, Е.Г. Ясин, Л.А. Гордон, И.С. Дискин, М.В. Ромм, Т.И. Заславская, Е.М. Аврамова, Н.М. Римашевская и другие российские социологи. Значительная часть теоретико-методологических вопросов и эмпирических исследований в области социальной адаптации стоят на стыке социологии и социальной психологии, экономики. Тем не менее, несмотря на обращение к данной проблематике в научных кругах, методологические подходы, методика изучения социальной адаптации нуждается в дальнейшей концептуализации. Подобных чисто методологических попыток в российской социологии достаточно мало (М.В. Ромм, П.С. Кузнецов, Л.В. Корель). Большая заслуга в данной области принадлежит М.В. Ромму в создании интегрального нормативно-интерпретативного подхода, преодолевающего недостатки обоих подходов. В своих работах, он подробно остановился на сущности адаптации, ее структуре, опосредующих факторах.

По мнению Л.А. Беляевой, социальную адаптацию стоит рассматривать и как процесс, и как состояние. Как процесс она необходима для поддержания соответствия поведения индивида с господствующей системой норм и ценностей. Состояние адаптации – это харак-

теристика отношений индивида с внешней средой, которая служит выражением успешности адаптации как процесса [9, С. 45]. Л.Т. Волчкова и В.И. Минина писали, что социальную адаптацию необходимо понимать, как приспособление социального субъекта к новым условиям жизнедеятельности путем использования различных социально-экономических средств [10].

Особое внимание следует уделить трудам М.В. Ромма, который доказал, что социализация имеет определяющее влияние на характер, специфические особенности протекания и результативность социальной адаптации. По мнению ученого, изучая социальную адаптацию, необходимо обращать внимание на ряд немаловажных обстоятельств: в аналогичных ситуациях люди в силу психологических различий выстраивают отличные друг от друга стратегии поведения [11, С. 22, 25]. М.В. Ромм выделил следующие этапы адаптации:

1. Начальный этап, характеризующийся оценкой и ранжированием субъектом адаптации индивидуальных и социальных потребностей.

2. Этап стабилизации, на котором определяется круг наиболее эффективных способов деятельности.

3. Достижение искомого результата в процессе адаптивной деятельности. На данном этапе происходит объединение сравнений полученного результата с идеальной моделью и внесение значимых изменений.

Главной составляющей процесса приспособления является адаптивная деятельность, которая представляет собой целенаправленные поведенческие акты, способствующие освоению человека в условиях социальной среды. Адаптированность субъекта рассматривается как итог процесса адаптации [12, С. 34–35]. Стоит отметить, что успех процесса социальной адаптации зависит от наличия адапционных барьеров и помех. Среди них выделяются средовые и личностные. Под первыми понимаются условия социальной среды, а ко вторым можно отнести статусную позицию, социально-психологические

и биолого-физические характеристики субъекта адаптации.

Также следует рассмотреть такие важные критерии изучаемого явления, как формы и виды социальной адаптации. Можно выделить следующие виды приспособления индивида к изменяющимся условиям: пассивная и активная, позитивная и негативная, конструктивная и деструктивная социальная адаптация. При пассивных адаптациях среда активна по отношению к субъекту, при активных доминирует субъект. В случае, если сохраняется или повышается статус индивида или социальной группы, можно говорить о позитивной адаптации. Негативная адаптация выражается в понижении социального статуса и разрушении внутриличностных структур [13, С. 46–47]. Конструктивные адаптации являются по характеру созидательными, разумными и плодотворными. В деструктивных адаптациях присутствуют элементы эмоционального, спонтанного, не творческого, не рационального характера [14, С. 39].

В 1995 году Совет Министров ЕС вывел рабочее определение бедности, актуальное по сей день. Под «бедными понимаются индивиды, домохозяйства или группа, чьи ресурсы (материальные, культурные и социальные) настолько ограничены, что исключают их из минимально приемлемого образа жизни, который ведет большинство среднестатистических жителей страны» [15] Теоретические истоки изучения бедности отходят к эпохе индустриализации. Можно выделить несколько направлений в понимании бедности, сложившихся в 18–19 веках, социалдарвинизм (А. Смит, Т. Мальтус, Д. Рикардо, Ж. Прудон), эгалитаризм (Э. Реклю), марксизм. Конец 19 – начало 20 века ознаменовался формированием концепции прожиточного минимума в рамках статистико-социологического подхода (Ч. Бут и С. Раунтри). Исследование проблем бедности в 20 веке находит отражение в структурно-функциональной парадигме (К. Дэвис и У. Мур), концепции андеркласса (Г. Мердал, М. Херингтон, Э.О. Райт,

Д. Галли, У. Дж. Рансимен и др.), культуры бедности (О. Льюиса), концепции цикла депривации и консервации бедности (К. Джозеф), социальной эксклюзии (П. Абрахамсон, Р. Ленуар, В. Лоик, Р. Левитас, Х. Сильвер и С.М. Миллер) и др.

В настоящее время можно выделить несколько подходов в исследовании бедности: абсолютный, относительный и субъективный. Абсолютный подход связан с понятием черты бедности, прожиточного минимума, характеризует «бедных по доходам» и в своей основе имеет монетарное измерение. Относительный подход имеет монетарное и немонетарное измерение. В первом случае за основу черты бедности берется 40–60% от среднедушевого дохода, во втором – лишения, испытываемые в повседневной жизни индивидами или домохозяйствами. Субъективный же подход рассматривает бедность с точки зрения самого индивида, оценка им его благосостояния. Данный подход является очень эффективным при измерении социального самочувствия населения. В свою очередь первые два подхода позволяют выявить количество бедного населения, с разной долей точности.

Большой вклад в изучение проблем относительной бедности внес П. Таунсенд. Ученый считал, что бедность – относительная категория, которую следует рассматривать как недостаточность величины дохода по сравнению с доходами других членов общества [16, С. 29–31]. Разрабатывая данную концепцию, он выделил качественно новые критерии бедности. Это лишения в одежде, жилье, питании, образовании, работе, социальной среде и социальных условиях, принятых в обществе. Именно с П. Таунсенда бедность стали понимать не только как экономическое явление, но и как явление, характеризующее лишения различного рода потребностей.

Отечественная наука также не оставляет без внимания проблемы бедности. В советский период официального понятия бедности не суще-

ствовало, само явление обозначалось термином малообеспеченные. Активное изучение бедности началось с начала 1990-х такими исследователями как Н.Е. Тихонова, Т.И. Заславская, Л.Н. Овчарова, М.Н. Римашевская, Д.О. Попова, М.А. Можина М., В.С. Тапилина, Н.М. Давыдова, С.С. Ярошенко, М.Д. Красильникова и др. К середине 2000-х годов интерес к проблемам бедности стал постепенно угасать. Можно сказать, что в отличие от западной социологии, представители отечественной науки не выработали единого мнения в вопросах выбора параметров ее изучения.

Однако особенно следует обратить внимание на такую группу населения как работающие бедные. Несмотря на распространенность данного явления, в научной среде не существует точного определения понятия – работающие бедные, основной причиной этого является отсутствие всестороннего изучения данной проблематики.

По мнению В.В. Радаева, работающие бедные – это люди, которые имеют и жилье, и работу, причем полную/правильную штатную работу, но или вообще не получают заработной платы, или получают ее с большими задержками, или, наконец, их зарплата столь низка, что ее не хватает на сколько-нибудь приличное существование [17].

Можно сделать вывод, что социальная адаптация работающих бедных – это процесс приспособления к существующим социальным нормам людей, имеющих жилье и работу, но или вообще не получающих заработной платы, или получающих ее с большими задержками, или, наконец, имеющих столь низкую заработную плату, которая не позволяет им вести достойный образ жизни.

Важно отметить, что успешность процесса адаптации работающих бедных напрямую связана с наличием различных рода ресурсов. В приспособительных стратегиях чаще всего используются личные ресурсы, такие как, труд, знания, навыки, умения, собственность и т.д. В современных условиях выделя-

ют несколько наиболее распространенных стратегий адаптации работающих бедных. Одной из них выступает депрофессионализация, то есть преднамеренный отказ от работы по специальности и переход на более оплачиваемую, в том числе и менее квалифицированную.

Дополнительная или вторичная занятость является еще одним вариантом социальной адаптации работающих бедных. Кроме этого, другой формой адаптации представляется повышение квалификации, открытие своего собственного бизнеса, расширение круга должностных обязанностей [18, С. 52].

На заключительном этапе, в связи с постоянным увеличением масштабов изучаемого явления, целесообразно рассмотреть факторы, от которых зависит дальнейшие перспективы преодоления данной проблематики. Следует обратить внимание на ряд важнейших факторов, оказывающих существенное влияние на успешность социальной адаптации работающих бедных:

- *Институциональные.* Социальные институты являются важным регулятором и интегратором жизнедеятельности человека. Выделяют институциональную среду открытого и закрытого порядка. Успешному включению индивида во многие социальные институты способствует среда открытого порядка.
- *Личностные.* Факторы личностного типа представляют собой ресурсный потенциал адаптанта. Они определяются уровнем устойчивости социальных связей, выбранной профессией, качеством образования и наличием социального и адаптивного опыта в прошлом. Важнейшим регулятором деятельности человека выступают ценностные ориентации личности.
- *Индивидуально-психологические факторы* являются основой эмоционально-волевого каркаса адаптанта. Компенсаторную функцию в стрессовых ситуациях выполняют: оптимизм, стрессоустойчивость, воля и решимость.

- *Социально-демографические.* Пол и возраст также оказывают значительную роль на степень адаптации.
- *Социально-медицинские.* Физиологический капитал оказывает значительную роль на процесс адаптации. Такие факторы, как общий уровень здоровья, наличие хронических и профессиональных заболеваний и т.д., во многом определяют успешность адаптации индивида.

Социальную адаптацию работающих бедных можно определить, как процесс преодоления основных жизненных трудностей. Выделяют три основных группы трудностей, с которыми сталкиваются работающие бедные:

- *Материально-бытовые трудности.* Основной проблемой данной социальной группы является нехватка денежных средств.
- *Трудности профессиональной самореализации,* которые напрямую связаны с новым взглядом на выбранную ранее профессию, в связи с невозможностью использовать квалификацию.
- *Трудности социально-психологического плана* связаны с утратой чувства стабильности, безопасности и уверенности в завтрашнем дне. Можно отметить, что работающие бедные склонны занижать свой социальный статус.

Таким образом, проблема социальной адаптации работающих бедных в социологии обозначена недостаточно четко. Научкой изучены отдельные аспекты данного явления, такие как социальная адаптация и бедность. Можно сказать, что в действующих социально-экономических условиях данная группа населения нуждается в более детальном рассмотрении.

Литература

1. Aubert H. Physiologie der Netzhaut. – Breslau, 1865. – S. 286.
2. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль: Тексты – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 496.

3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Метод социологии. – М., 1991. – с. 575.
4. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. Избранные произведения. – М., 1999. – С. 495–546; Линдсей П. Переработка информации у человека – М.: Мир, 1974. – С. 52.
5. Парсонс Т. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – М., 1968. – С. 38.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура// Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 27.
7. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 704.
8. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики – Новосибирск: Наука –2005.
9. Беляева Л.А. Стратегия выживания, адаптации, преуспевания // Социс. – 2002. – № 6. – С. 43–53.
10. Волчкова Л.Т. Механизм социальной адаптации к экономическим реформам // Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. / Л.Т. Волчкова, В.И. Минина – Спб., 1995. – С. 75–80.
11. Ромм М.В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа. // Авторефер. дис. д-ра филос. наук. Томск, 2003.
12. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. – Красноярск, Издательство Красноярского университета, 1991. – 232 с. – С. 34–35.
13. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной» адаптации // Социологические исследования. –1999. –№ 4. – С. 46–57.
14. Данилова З.А. Социальные перемены: аспекты адаптации. – Улан-Удэ, 1999. – С. 35.
15. The Copenhagen Declaration and Programme of Action, World Summit for Social Development/ United Nations. 1995. 6–12 March. – New York.

16. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. – Berkeley: Univ. of California, 1979. – P. 29–31.
17. Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. – Washington. D.C.: The World Bank, 1998.
18. Готлиб А.С., Запорожец О.Н., Хасаев Г.Р. Социально-экономическая адаптация в постсоветской России: публичные и private практики // Социологические исследования. –2004. -№ 8. -С.52.
3. Durkheim E. On the division of social labor // Method of sociology. – М., 1991. – p. 575.
4. Weber M. About some categories of understanding sociology. Selected works. – М., 1999. – pp. 495–546; Lindsay P. Processing of information in humans – М.: Mir, 1974. – p. 52.
5. Parsons T. Structural and functional analysis in modern sociology. – М., 1968. – p. 38.
6. Merton R. Social theory and social structure// Sociological research. – 1992. – No. 3. – p. 27.
7. Giddens E. Sociology. – М.: Editorial URSS, 1999. – С. 704.
8. Korel L.V. Sociology of adaptations: questions of theory, methodology and methodology – Novosibirsk: Nauka –2005.
9. Belyaeva L.A. Strategy of survival, adaptation, prosperity // Socis. – 2002. – No.6. – pp. 43–53.
10. Volchkova L.T. Mechanism of social adaptation to economic reforms // Social reforms in Russia: history, current state and prospects. / L.T. Volchkova, V.I. Minina – Spb., 1995. – Pp. 75–80.
11. Romm M.V. Social adaptation of personality as an object of philosophical analysis. // Autorefer. dis. Dr. philos. sciences'. Tomsk, 2003.
12. Shpak L.L. Socio-cultural adaptation in Soviet society. – Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publishing House, 1991. – 232 p. – p.34–35.
13. Balabanova E.S. Socio-economic dependence and social parasitism: strategies of “negative” adaptation // Sociological research. –1999. -№.4. – pp. 46–57.
14. Danilova Z.A. Social changes: aspects of adaptation. – Ulan-Ude, 1999. – p. 35.
15. The Copenhagen Declaration and Programme of Action, World Summit for Social Development/ United Nations. –1995–6–12 March. – New York.
16. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. – Berkeley: Univ. of California, 1979. – p. 29–31.
17. Milanovic V. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. – Washington. D.C.: The World Bank, 1998.
18. Готлиб А.С., Запорожец О.Н., Хасаев Г.Р. Socio-economic adaptation in post-Soviet Russia: public and private practices // Sociological Research. –2004. – No. 8. – p.52.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING THE SOCIAL ADAPTATION OF THE WORKING POOR

Litinskaya E. Yu., Matyushina Yu.B., Petrov D.S.
Voronezh State University

The article focuses on the actual problems of social adaptation of the working poor. The purpose of this work is to consider the theoretical and methodological aspects of the phenomenon under study: the key concepts proposed by various authors are revealed, the history of the study of the phenomenon in foreign and domestic science is considered in detail. It is indicated how modern Western sociology has made a significant contribution to the study of the processes of social adaptation. A holistic definition of the phenomenon of social adaptation of the working poor was derived. There are three main groups of difficulties faced by the working poor. The factors influencing the state of social adaptation of the working poor are determined, several approaches in the study of poverty are identified: absolute, relative and subjective. A number of important factors that have a significant impact on the success of social adaptation of the working poor have also been studied.

Keywords: social adaptation, poverty, working poor, process, society, individual, social medium.

References

1. Aubert H. Physiologie der Netzhaut. – Breslau, 1865. – S. 286.
2. Znanetsky F. Initial data of sociology // American sociological thought: Texts – Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1994. – p. 496.

Развитие методологии социологического сопровождения групп военнослужащих, выполняющих профессиональные задачи в условиях социальной депривации

Тимофеев Максим Олегович,
 адъюнкт кафедры социологии
 ФГКВОВУ ВО «Военный университет
 имени Александра Невского»
 E-mail: Maks0890@yandex.ru

В статье раскрываются основные научные подходы в исследовании специфике социологического сопровождения военно-социальных подразделений, которые выполняют профессиональные задачи в условиях социальной депривации. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых по данному направлению позволил выделить существующие негативные феномены субъективно-личностного характера, возникающие в результате прохождения военной службы, связанной с повышенным уровнем социальной депривацией. Они проанализированы с точки зрения возможности их купирования в рамках выстраивания оптимальной стратегии социологического сопровождения и поддержки данных групп.

Ключевые слова: социальное сопровождение, социальная депривация, военная социология, изоляция, боевые задачи.

Актуальность проблемы. Сложность и важность выполняемых задач определяют специфику организации военных подразделений. Особенно это касается тех из них, которые несут службу в обстоятельствах высокой социальной депривации. В качестве очевидного примера выступают разведчики. Им приходится работать в том числе на вражеской территории, находясь в изоляции от Родины, собственного народа и, нередко, даже собственных сослуживцев. Они оказываются отрезанными от своих и находятся в чужеродной и стрессовой обстановке, в условиях постоянной опасности. Нередко в этих условиях приходится существовать очень долго, в некоторых случаях они затягиваются на десятилетия [9]. Другим очевидным примером являются морские подводники. Специальное предназначение подводных кораблей, распорядок боевого патрулирования, строжайший регламент деятельности корабельных специалистов, затрагивающий как индивидуальный, так и общественный аспекты, а также функциональная определенность действий, регламентированная в боевых и эксплуатационных инструкциях, зачастую формируют условия, влияющие на психологическую и социологическую деятельность корабельных специалистов.

Строгая нормативная база служит процессуальной основой для боевого патрулирования. Такой корабль оснащён ядерным оружием, он патрулирует районы, удалённые от своих сил и баз, в ходе патрулирования постоянно соприкасаясь с противодействующими силами вероятного противника. Постоянная боевая готовность, в том числе к внезапному нападению или получению боевого сигнала на применение оружия, а также повышенная сложность

навигационной деятельности в подводном плавании значительно влияют на корабельных специалистов с точки зрения психологии и социологии.

Негативное воздействие на мотивационные, эмоциональные, интеллектуальные, волевые и моторные процессы моряков происходит в результате изматывающей длительной вахтенной деятельности специалистов на боевых постах, а также вообще условия жизни под водой.

Многие из названных факторов частично нивелируются с помощью наличия внушительного опыта плавания у всех или хотя бы некоторых членов экипажа, а также при четкой организации всех процессов. Однако их постоянное влияние, хотя и воспринимается как неизбежное и привычное, продолжает негативно воздействовать. Подобная субъективная оценка в некоторых случаях, наоборот, усиливает отрицательное воздействие тяжелых условий на специалистов в областях их психической готовности и профессиональной эффективности.

Недооценка субъективного психологического фактора выявлена анализом боевого патрулирования подводных лодок. Недостаточный учёт этого обстоятельства приводит к тому, что корабельным специалистам и командирам кораблей угрожают специфические опасности, возникающие в условиях социальной депривации.

На первый план выдвигается необходимость обеспечения эффективной деятельности корабельных специалистов в особых условиях подводного плавания, требующих обеспечивать постоянную готовность использовать оружие по противнику в ходе боевого патрулирования, а также необходимость вести постоянную борьбу за живучесть корабля. Выявленные особенности деятельности корабельных специалистов позволяют отнести боевое патрулирование к разновидности деятельности в особых условиях. Важность исследования специфики социологического сопровождения таких подразделений является важным этапом в выработке

определения содержания и мер воздействия разнообразного влияния различных факторов.

Краткий обзор литературы. Весьма сложно, если вообще возможно рассматривать работы по направлению социальной депривации непосредственно в войсках. Данные по таким исследованиям обычно находятся в закрытом доступе. Причина секретности в том, что устойчивость к депривации относится к основным критериям, влияющим на боеготовность подразделений, занятых в подобных задачах. Но даже исходя из доступной информации на основании многих исследований можно сделать уверенный вывод о том, что сходные психические состояния могут вызываться различными видами деприваций. К таким последствиям как тревога, страх, депрессия могут приводить как социальная, так и сенсорная депривация [4].

Подобные изменения нередко происходят с психикой людей, оказавшихся в изоляции. К ним относятся путешественники-одиночки, пересекающие океан, и жертвы кораблекрушений, оказавшиеся на необитаемых островах. Аналогично страдают и узники одиночных камер, а также многие другие люди, попадающие в сходные обстоятельства. В ряде случаев в качестве последствий проявляются выраженные психические расстройства.

В критических ситуациях гибель людей нередко происходит непосредственно из-за паники и продуцируемых ею психических расстройств. Свойства окружающей среды вроде нехватки пищи и воды, тяжёлых погодных условий, враждебной фауны и тому подобные менее существенны. Из-за страха гибнет гораздо больше людей. Есть свидетельства о том, что потерпевшие кораблекрушение, при отсутствии сведений о своём реальном положении дел, не таком уж и бесперспективном, массово погибали буквально от страха. В то же время другие люди, терпящие буквально это же самое бедствие, но получившие информацию о том, что в течение суток их плавсредство долж-

но прибиться к берегу, без проблем выжили [7].

Существует так называемый «тюремный психоз». Его описание представлено в психиатрической литературе. Суть в следующем: заключённые, содержащиеся в одиночных камерах, нередко демонстрируют развитие специфических изменений психики. К ним относятся состояние угнетения, подавленность, нарушения сна, беспочвенный страх, зрительные и слуховые галлюцинации, приступы истерики, бредовые фантазии.

Можно ознакомиться с описанием психического расстройства. Оно возникло у шахтёра, засыпанного в шахте во время обвала [6].

Шахтёру удалось найти убежище в небольшой нише. Она оказалась соединена с внешним миром, поэтому с воздухом всё было в порядке. До обнаружения спасателями шахтёру пришлось провести под завалом восемь суток. Когда спасатели открыли ход к нише, шахтёр сознательно укрылся в глубине доступного ему пространства. Он не откликался на их призывные крики. Хуже того, шахтёр проявлял агрессию. В грубой форме он потребовал от спасателей, чтобы они не подходили к нему и держались подальше. Угрожал ожесточённым сопротивлением. Лишь в результате долгих уговоров с помощью сменного инженера удалось убедить этого человека покинуть нишу.

В результате медицинского осмотра у шахтёра были выявлены расстройства памяти, проблемы с ориентированием в пространстве и ощущением времени. Он сообщал бредовые идеи из разряда преследования: якобы во взрыве, приведшем к обвалу, виноваты злоумышленники, которые хотели его убить, а работы по спасению велись неправильно, поскольку в них участвовали их сообщники и так далее. В течение пяти дней качество памяти постепенно улучшилось и вернулось к нормальному функционированию, но параноидальный синдром оказался стойким и не поддавался коррекции [6].

Одиноким человеком нередко разговаривает непосредственно сам с собой. Существуют экспериментальные наблюдения того, как испытуемые люди общаются со своим зеркальным отражением, как будто ведя диалог с другим человеком [6]. Подобные феномены объясняются тем, что сознание человека диалогично. Мы эволюционировали таким образом, что для нормального функционирования мыслительной деятельности необходима обратная связь. Общеизвестно, что люди, первые годы жизни которых прошли без взаимодействия с другими людьми, например, выращенные животными, никогда уже не развивают полноценную способность к мышлению, общению и существованию в обществе. Обратная связь, получаемая в форме диалога, проявляется в таких формах как поддержка и порицание, советы и критика. При полном отсутствии этих реакций извне одинокий человек вынужден их «создавать», частично перенося собственные реакции во внешний мир. Использование речи помогает отчуждать эти реакции. Человек слышит мысль, которую он сам высказывает вслух. Нервная система воспринимает её почти так же, как пришедшую из внешнего мира. После некоторой тренировки такие реплики обрабатываются так же, как «нормальная» входящая информация из внешнего источника.

Интересно, что в стрессовых условиях разговоры вслух с самим собой помогают защититься от возникновения неврозов. Действия такого рода, создающие «собеседника» в той или иной форме, с которым можно вести диалог в ситуации одиночества, следует относить к защитным реакциям, находящимся в рамках психологической нормы [6]. Это противоречит шаблонному бытовому восприятию людей, которые говорят сами с собой и на основании этого считаются ненормальными. Напротив, для людей, оказавшихся в одиночестве и не пытающихся вести вслух диалоги, персонифицировать объекты или воображать собеседников, быстрее и чаще возникают и развиваются пограничные

состояния, находящиеся между нормой и психической патологией.

Актуальность потребности в общении повышается в ситуациях социальной депривации. Иногда для удовлетворения этой потребности люди находят специфический выход, выдумывая собеседника. В его роли могут выступать персонификации объектов, живых или неживых. Характерно нередко упоминание в западных культурных произведениях явление «воображаемых друзей», чаще всего создаваемых детьми.

У некоторых людей, оказавшихся в социальной изоляции, реакция принимает специфическую форму: им регулярно или постоянно кажется, будто за ними наблюдает посторонний. Присутствие невидимки может ощущаться непосредственно за спиной, либо где-то ещё в общем с людьми или соседнем помещении. Этот воображаемый наблюдатель следит за ними, молча ходит по пятам и ничего не предпринимает, что создаёт дополнительное напряжение. Считается, что одной из причин такой феномена является нехватка потребности в общении. За неимением лучшего, сознание создаёт хоть какую-то конструкцию, позволяющую избежать одиночества. Другой причиной именно такой формы защиты от социальной депривации является эмоциональная напряжённость. Возникающие у человека страхи, в том числе неопределённые и беспредметные, находят себе содержание. Психика проецирует их во внешний мир. Таким образом она пытается придать им форму, с которой можно работать, но обычно это ни у кого не получается [3].

Имеются сведения о том, как человек, в одиночестве путешествуя через океан, регулярно здоровался с восходящей Луной и общался с ней. За неимением иных собеседников, спутнику Земли сообщались все подробности событий и происшествий [9].

Другой одинокий человек неожиданно для себя ощутил привязанность к маленькому паучку. Человек разговаривал с ним и беспокоился за него. Жи-

вотное было персонифицировано. Оно воспринималось не как арахнид, занимающийся своими делами и вряд ли осознающий человека как существо, с которым можно взаимодействовать, как это делают домашние питомцы. В определённый момент человек по ошибке накормил паука неподходящей пищей, в результате чего тот умер. Для человека это оказалось большим ударом, сопоставимым с потерей как минимум кошки или собаки. Он сильно горевал [11].

В некоторых ситуациях одиночество может парадоксальным образом приводить не к мучению, а к развитию экзотических состояний, вплоть до эйфории. Женщине довелось провести более шестидесяти суток за полярным кругом. В книге автор делится пережитым. По её словам, в некоторый момент одиночество перестало тяготить, к ситуации возникла приязнь и даже любовь. В дальнейшем она испытала целый ряд сходных переживаний, среди которых приводится чувство гармоничного слияния со всей Вселенной. Оно сопровождалось галлюцинациями субъективно приятного характера, к счастью для автора [8]. Она не хотела покидать своё убежище, ставшее столь притягательным, и возвращаться домой. Впоследствии, придя в нормальное состояние, она проанализировала свои переживания. Со слов автора, они походили на погружение в религиозный экстаз или на состояние людей, принимающих наркотики. Очевидно, что несмотря на субъективно приятные ощущения от такой формы расстройств, связанных с одиночеством, ничего хорошего в них нет.

Результаты и их обсуждение. Существование в особых условиях депривации приводит к стиранию грани между личной жизнью и работой. Военнослужащие и прочие люди специфического труда постоянно чувствуют себя «на службе», даже во время отпуска. Все специфические феномены, связанные с социальной групповой изоляцией, вытекают именно отсюда. В таблице 1 приводится их описание, опирающееся

на результаты социологических опросов, проводимых среди служащих в подобных родах войск.

Таблица 1. Негативные феномены субъективно-личностного характера, возникшие в результате прохождения военной службы, связанной с высокой социальной депривацией

№	Феномен	Доля респондентов, среди которых наблюдался такой феномен
1.	Возникновение ощущения социальной уязвимости	69%
2.	Потеря независимости, связанной с личной жизнью	47%
3.	Истощение в связи с риском попадания под воздействие противника	46%
4.	Потеря путей для самоактуализации	33%
5.	Рутинность, нехватка любых позитивных внешних стимулов в процессе службы	20%
6.	Внутренние социальные групповые сложности по месту службы	12%

Приведённые сведения позволяют сделать следующий вывод: социальная депривация относится к существенным факторам, которые обязательно требуется принимать во внимание. Особенно высока важность этого фактора при комплектовании особых военных подразделений и при отправке их на выполнение специфических боевых задач. Никакой уровень подготовки не поможет без последствий бесконечно игнорировать воздействие на психику продолжительной социальной депривации. Её влияние, как в случае с любыми другими стрессовыми факторами, и в особенности при сочетании со всеми остальными такими факторами, характерными для службы в подобных родах войск, в определённый момент проявит себя. С ним столкнутся не только отдельные военнослужащие, но и целые военно-социальные группы цели-

ком, то есть военные подразделения. Это накладывает дополнительные риски на успешность при выполнении боевого задания. Одним из выводов следует то, что такие задания необходимо лимитировать по времени. С другой стороны, разумное сопровождение этих войск, учитывающее социологическую и психологическую поддержку, может позволить значительно продлевать это время. Зачастую этого продления может хватить для гарантированного выполнения поставленных боевых задач. Далее более подробно рассмотрим условия социальной депривации, характерные для военнослужащих, проживающих в условиях гарнизона.

Военнослужащие обеспечены правами и обязанностями наравне с прочими гражданами страны в соответствии с Уставом Вооружённых сил Российской Федерации, Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и другими внутренними нормативными актами. Вместе с этим военнослужащие несут повышенную ответственность. Право применения оружия никоим образом не выходит за общие нормы, регламентированные в мирных условиях. То есть военнослужащий, имеющий доступ к оружию, не имеет права применять его по собственной инициативе в обычных условиях мирной жизни и военной службы. С другой стороны, военнослужащие должны выполнять весьма тяжёлые воинские обязанности в военное время или иной боевой обстановке, и за их неисполнение они могут понести дополнительную юридическую ответственность.

Военнослужащие, проходящие службу в гарнизоне, приобретают специфическое правовое положение. Оно дополнительно ограничивает их в общегражданских правах и свободах, а также накладывает дополнительные обязанности. Например, в определённых обстоятельствах военнослужащий ограничивается в праве на свободу слова. Приказ командира или фактор государственной тайны лишают возможности свободно выражать мысли, касающиеся определённых вопросов. Также

военнослужащие не могут свободно участвовать в протестной деятельности, такой как митинги с различными требованиями к государственной власти. Их права на свободу передвижения снижены, а если это касается государственной тайны, то и вовсе серьёзно ограничены, даже после окончания прохождения срока службы. В высшей степени регламентирован распорядок дня военнослужащих и даже, казалось бы, сугубо личные свободы, такие как выбор места жительства даже на территории гарнизона. Ограничены их возможности по удовлетворению некоторых жизненных потребностей, в том числе по социальным контактам с людьми, проживающими вне гарнизона.

Кроме того, военнослужащие в подобных условиях регулярно должны выполнять дополнительные специфические обязанности. Зачастую они не связаны с их специальностью или могут быть нехарактерны для занимаемой должности. Разумеется, отказаться от их выполнения военнослужащий не имеет права. Время от времени подобные обязанности переходят из статуса временной необходимости в нечто более постоянное. Со временем они могут приобретать правовой характер, и мнение самого военнослужащего по данному вопросу отнюдь не всегда принимается во внимание. После чего нарушение таких обязанностей приводит уже не просто к недовольству командира, а к негативным правовым последствиям [3].

Когда речь заходит о специфической социологической поддержке военно-социальных групп, которые ведут службу в состоянии высокой социальной депривации, в первую очередь необходимо выявлять негативные феномены, которые можно и нужно купировать с помощью данной поддержки. В первом приближении список таких феноменов был приведён выше в таблице 1. Но для получения полного представления об основных проблемах, характерных для военнослужащих, занятых выполнением таких задач, реко-

мендуется ознакомиться с результатами ещё одного опроса, перечисленными в таблице 2. Этот опрос был проведён в одном из закрытых гарнизонов [7].

Таблица 2. Проблемы социального характера, связанные с несением военной службы в условиях закрытого военного гарнизона

№	Проблема	Доля респондентов, указавших на данную проблему
1.	Усталость, связанная с однообразием социальной группы	80%
2.	Дискомфорт от отсутствия возможности поменять место и род службы	77%
3.	Трудности с созданием или обустройством семьи	54%
4.	Крайняя скудность и ограниченность досуга	46%
5.	Сложности с получением социальных услуг	41%
6.	Запоздалое получение новостей и прочей информации	37%

С использованием вышеприведённых данных возможно выявление проблемных сфер жизненной деятельности в военно-социальных группах, служащих в обстоятельствах высокой социальной депривации, в первую очередь требующих работы социологов, выстраивающих стратегию и требуемую инфраструктуру, необходимые для задействования социологического обеспечения надлежащим образом. Современный мир предоставляет высокоразвитые информационные и коммуникационные технологии, поэтому существенную часть этих проблем возможно в значительной доле разрешить, используя средства связи на основе интернета и закрытых локальных сетей. По крайней мере в тех случаях, когда у военнослужащих есть доступ к этим средствам связи. При отсутствии возможности поддерживать постоянный доступ к связи с внешним миром, существуют альтернативные пути передачи

информации с использованием различных технических способов. Это может быть как прямая передача непосредственно в руки (карты памяти, жёсткие диски, компакт-диски, распечатки, пресса), так и дистанционная (использование облачных технологий, радиосигнал). В результате, специфическое социологическое сопровождение военной службы в особых воинских подразделениях должно в первую очередь опираться на доступные в конкретных условиях способы передачи информации в качестве социальных технологий, используемых для его реализации.

Выводы. Многие стороны жизни в гарнизоне воспринимаются как безусловно положительные. Речь о таких вещах как высокая безопасность на территории, централизованное решение проблем устройства быта, личное и семейное материальное обеспечение, автономность систем жизнеобеспечения. Однако, на их основе нередко зарождаются некоторые негативные последствия, проявляющиеся как у отдельно взятых личностей, так и у военного подразделения в целом. И эти последствия нельзя игнорировать, они весьма важны.

Первое: когда человек постоянно занят профессиональной деятельностью и практически не отвлекается на иные области жизнедеятельности, его мотивация ограничивается особым образом. Для таких военнослужащих всё, выходящее за рамки актуальной ситуации, теряет значение. Они начинают слишком уж жить сегодняшним днём или ближайшим будущим. Это огрубляет временную перспективу, ограничивает возможности к саморазвитию и ослабляет духовно-нравственные мотивы.

Второе: формирование пассивного отношения к жизни, обусловленное полным решением всех вопросов, связанных с бытовой жизнедеятельностью. Оно выражается как в моральном (через потерю личной инициативы, привычку выполнять приказы и ни о чём лишней раз не задумываться), так и в материальном («мещанская» потребительская психология) иждивенчестве.

Третье: особое чувство «Мы» довольно быстро формируется даже в сравнительно здоровых условиях социальной изоляции. На первых порах оно помогает преодолевать общие сложности. Человек значительно сближается с коллегами-сослуживцами. Они отлично понимают друг друга, поскольку переживают сходный опыт в одних и тех же условиях. Но служба в гарнизоне длится достаточно долго, 3 года и более. Впоследствии это же чувство перестаёт нести позитивный характер. Возникает усталость от публичности личной жизни и ограниченности социальных взаимодействий. Разнонаправленные эмоциональные межличностные отношения в группе изменяются хаотичным и непредсказуемым образом. Где-то крепнет дружба, сопоставимая с близкими семейными отношениями, а где-то может возникать скрытая агрессия и даже открытая вражда. В любом случае, отношения становятся излишне насыщенными. На военной службе подобное просто опасно, поэтому от военных социологов данный вопрос требует непосредственного внимания.

В статье описаны специфические особенности ситуации социальной депривации, характерной для военно-профессиональной деятельности. Раскрыт весь спектр факторов таких состояний, встречающихся у военнослужащих гарнизонов закрытого типа. Взаимно усиливая и дополняя друг друга, эти факторы создают условия для проявления результатов социальной депривации военнослужащих. Они могут быть представлены различным образом:

- Личное переживание ощущения одиночества, постепенно разрушающее психику. Это явление называется субъективной депривацией.
- Социальные проблемы в воинском коллективе. Обвинения, в том числе беспочвенные, переходящие в конфликты. Нередко выделяется отверженный «козёл отпущения», подвергаемый остракизму и бойкоту. Этот человек испытывает эмоциональное подавление группой, может быть до-

- ведён до отчаяния и сорваться с непредсказуемыми последствиями.
- Затянутая рефлексия, связанная с постоянным анализом, сравнивающим детали положения, успехов и прочих социальных факторов с другими сослуживцами. Многие люди, в том числе хорошо вписывающиеся в коллективное взаимодействие, подобной рефлексией в основном выявляют собственные недостатки, что приводит к фрустрациям.
 - Профессиональная конкуренция может приводить к эскалации конфликтов. Возникает личное соперничество, неприязнь. Отношения между сослуживцами портятся. Коллектив распадается на малые группы, враждующие между собой. При этом внутри самих групп также зарождаются области для соперничества. В результате под ковром гарнизонной жизни зарождается сложный и неочевидный клубок интриг, негативным образом влияющий на все области жизнедеятельности коллектива.
 - Упадок в сфере общественных отношений. Военнослужащие не способны свободно выбирать круг знакомств. По долгу службы приходится общаться с определёнными людьми, и не всегда эти контакты оказываются субъективно приятными. Также к этому фактору относится невозможность реализации интересов, характерных для сверстников. Например, гарнизонный военнослужащий не может свободно посещать концерты и клубы.
 - Проблемы в области личных отношений. В условиях гарнизонной жизни, когда «все друг друга знают», характерно развитие нездоровой публичности личной жизни. Семья, которая в нормальных условиях должна выполнять роль убежища, в котором человек восстанавливает психику прежде чем вернуться к выполнению не всегда приятных рабочих или служебных обязанностей, не справляется с этой задачей.
- Да и внутри самой семьи нормальные взаимоотношения постепенно деградируют.
- Формирование особого мировоззрения. В закрытом гарнизоне у людей вырабатываются характерные привычки и стереотипы. Они привыкают интерпретировать получаемую информацию определённым образом, приучаются к локальным нормам общения, как формальным так и неформальным. В итоге военнослужащие оказываются изолированными от гражданского общества и им оказывается трудно впоследствии снова в него вливаться.
 - Негативное воздействие со стороны командования. Некоторые авторитарные командующие могут относиться к подчинённому лишь как к инструменту, а не к личности. Такой стиль общения «субъект-объект» разрушительно воздействует на эмоциональное состояние военнослужащих, особенно если они вынуждены сосуществовать с ним долгое время, а в гарнизонах так и получается.
 - И другие возможные проявления.
- Изучение военнослужащих, несущих службу в гарнизонах закрытого типа, в совокупности с анализом теоретических сведений, позволяет выделить имеющийся ряд черт, проявляющихся в ходе их службы. Такие черты описываются в литературе, посвящённой изучению социальной депривации. Это позволяет относить службу в гарнизонах закрытого типа к разновидности жизни в условиях социальной депривации. Следовательно, такие военные подразделения требуют специальной социологической поддержки. Без её наличия возрастает риск психических расстройств, в том числе и необратимых, а также целого ряда иных личностных проблем, многие из которых, в связи с военной спецификой, опасны не только для страдающих от них людей, но и для окружающих. Поддержка должна быть направлена на обеспечение здоровых процессов активной жизнедеятельности и развитие естествен-

ных способностей у военнослужащих, выполняющих боевые задачи в условиях высокой социальной депривации.

Литература

1. Алексеевкова, Е.Г. Личность в условиях психической депривации: учеб. Пособие. СПб., 2009. – 123 с.
2. Бережнова, Л.Н. Методология предупреждения депривации в военных вузах внутренних войск // Отечественные традиции гуманитарного знания: история и современность: материалы VIII науч.-практ. конф. СПб., 2012.
3. Бондаренко, В.Ф. Социология военного управления // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 343–345.
4. Ермолов, Н.А., Карлова, Е.Н. Мотивация к военной службе как предмет теоретических и эмпирических исследований в военной социологии // Academy. 2018. № 1 (28). С. 86–100.
5. Zubov, I.V., Kochergin, V.B. Социология военного управления: задачи, функции и дисциплинарная специфика в трудах отечественных исследователей // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 4. С. 27–35.
6. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989. – 303 с.
7. Котляров, С.Е. Социальная депривация как механизм социально-экономического реформирования современного российского общества: автореф. канд. социол. наук. Ставрополь, 2006. – 23 с.
8. Риттер, К. Женщина в полярной ночи, 1938. – 223 с.
9. Слокам, Д. Один под парусом во круг света // СПб.: Амфора, 2016. 242 с.
10. Туринцева, Е.А. Особенности становления и развития семьи военнослужащего в условиях закрытой социальной системы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. – 20 с.
11. Siffre, M. Des merveilles sous la terre, Hachette, 1976. P. 58–71.

DEVELOPMENT OF THE METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL SUPPORT FOR GROUPS OF MILITARY PERSONNEL PERFORMING PROFESSIONAL TASKS IN CONDITIONS OF SOCIAL DEPRIVATION

Timofeev M.O.

Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article reveals the main scientific approaches in the study of the specifics of the sociological support of military social units that perform professional tasks in conditions of social deprivation. This area was analysed based on the studies performed by both foreign and domestic scientists working in this field. The result of this analysis made it possible to identify the existing negative phenomena of a subjective-personal nature that arise as a result of military service associated with an increased social deprivation amount. The purpose of the analysis was in searching for the options of lessening the social deprivation influence, using the framework of building an optimal strategy for sociological support and support for these groups.

Keywords: social support, social deprivation, military sociology, isolation, combat missions.

References

1. Alekseenkova, E.G. Personality in conditions of mental deprivation: textbook. Benefit. SPb., 2009. – 123 p.
2. Berezhnova, L.N. Methodology for the prevention of deprivation in military universities of the internal troops // Domestic traditions of humanitarian knowledge: history and modernity: materials of the VIII scientific-practical. conf. SPb., 2012.
3. Bondarenko, V.F. Sociology of military management // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. No. 3. S. 343–345.
4. Ermolov, N.A., Karlova, E.N. Motivation for military service as a subject of theoretical and empirical research in military sociology // Academy. 2018. No. 1 (28). pp. 86–100.
5. Zubov, I.V., Kochergin, V.B. Sociology of military administration: tasks, functions and disciplinary specifics in the works of domestic researchers // World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2019. V. 10. No. 4. S. 27–35.

6. Lebedev V.I. Personality in extreme conditions. M.: Politizdat, 1989. – 303 p.
7. Kotlyarov, S.E. Social deprivation as a mechanism for the socio-economic reform of modern Russian society: author. cand. sociological Sciences. Stavropol, 2006. – 23 p.
8. Ritter, K. Woman in the polar night, 1938. – 223 p.
9. Slocum, D. One sailing around the world // St. Petersburg: Amphora, 2016. 242 p.
10. Turintseva E.A. Peculiarities of the formation and development of the family of a serviceman in a closed social system: Ph.D. dis. ... cand. sociological Sciences. M., 2011. – 20 p.
11. Siffre, M. Des merveilles sous la terre, Hachette, 1976, pp. 58–71.

Стратегическая сессия как социальная технология формирования организационной культуры компании

Трифорова Виктория Юрьевна,

аспирант департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vitrif@mail.ru

В статье рассматриваются различные социальные технологии, формирующие организационную культуру их особенности и влияние на формирование корпоративной культуры внутри организации. Важными элементами корпоративной культуры являются командообразование и вовлеченность персонала, которые возможно укрепить за счет организации и проведения мероприятий. Самым эффективным из видов мероприятий можно рассматривать формат стратегических сессий, в связи с тем, что помимо неформального общения и элементов тимбилдинга появляется практическая значимость для организации и вырабатывается дальнейшая стратегия устранения слабых мест в компании.

Частое применение такого инструмента позволит вовлечь персонал в проблемы организации и сплотит коллектив. Стратегическая сессия как социальная технология является высоко эффективным инструментом для формирования и развития организационной культуры.

Ключевые слова. Социология управления, организационная культура, корпоративная культура, социальная технология, стратегическое планирование, стратегическая сессия (стратсессия), модератор, корпоративные праздники, тимбилдинг, командообразование, вовлеченность.

Организационная культура – это набор убеждений, ценностей и усвоенных способов решения реальных проблем, сформировавшийся за время жизни организации и имеющий тенденцию проявления в различных материальных формах и в поведении членов организации.

Организационная культура – это «комплекс базовых предположений, изобретённый, обнаруженный или разработанный группой для того, чтобы научиться справляться с проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции. Необходимо, чтобы этот комплекс функционировал достаточно долго, подтвердил свою состоятельность, и потому он должен передаваться новым членам организации как правильный образ мышления и чувств в отношении упомянутых проблем.

В каждой компании носителем организационной культуры является человек. В организациях, культура в которых уже устоялась, она как бы отделяется от людей и становится атрибутом организации, ее частью, оказывающей активное воздействие на членов организации, модифицирующей их поведение в соответствии с теми нормами и ценностями, которые составляют ее основу.

Так как культура играет очень важную роль в жизни организации, то она должна являться предметом пристального внимания со стороны руководства. Менеджмент не только соответствует организационной культуре и сильно зависит от нее, но и может, в свою очередь, оказывать влияние на формирование и развитие организационной культуры.

Внешняя среда оказывает значительное влияние на организацию, что, естественно, сказывается на ее культуре. Однако, как свидетельствует практика, две организации, функционирующие в одном и том же окружении и од-

ной и той же отрасли, могут иметь очень разные культуры. Это зависит в первую очередь от сформированной внутри корпоративной культуры. Корпоративная культура имеет более узкое понятие и входит в организационную культуру. Корпоративная культура – это внутренне воздействие со стороны лидеров и руководства, сложившегося формата взаимодействия между сотрудниками, поведения, сформированных ценностей и формата рабочего взаимодействия. В целом корпоративная культура является одной из форм проявления культуры общества, которая создается и действует по тем же законам, что и любая другая культура, но отличается своими особенностями.

Корпоративная (внутренняя или организационная) культура – система, состоящая из комплекса правил поведения, символов, ритуалов, традиций и ценностей, принятых в организации, обязательная для всех её работников, разделяемая и исполняемая ими. Эта система должна функционировать достаточно длительное время, стать привычной для работников, содействовать успешному взаимодействию и согласованным действиям работников и всех уровней управления организации для достижения её целей, и таким образом подтвердив свою состоятельность передаваться новым работникам как образец исполнения. Корпоративная культура напрямую зависит от целей организации, пронизывает всю её систему и является тем нематериальным активом, который обеспечивает успех или неуспех организации в будущем. Ключевую роль в реализации всего комплекса корпоративной культуры играет высшее руководство организации и руководители её подразделений. Корпоративная культура начинает давать положительные результаты тогда, когда её реально, а не на словах, разделяет и поддерживает большинство работников предприятия.

Сложившаяся корпоративная культура в первую очередь является результатом применяемых социальных технологий при формировании организаци-

онной культуры, а также самих людей, работающих внутри организации. Можно даже рассматривать подбор персонала как социальную технологию, так как уже здесь происходит немаловажный вклад в формирующуюся культуру внутри организации. Например, предположим, что организационная культура компании гласит: «У нас работают лучшие специалисты отрасли!». Каким бы профессионалом ни был специалист, если менеджером по подбору персонала заранее определено, что он не впишется в коллектив компании, предпочтение всегда будет отдано тому, заведомо «своему» соискателю, который и будет лучшим специалистом для компании.

Самой же эффективной социальной технологией являются **мероприятия**.

Чем разнообразнее и чаще проводятся мероприятия, тем быстрее формируется общая эмоциональная среда в коллективе, улучшается рабочее и личное взаимодействие, появляется командный дух, определяются общие ценности.

Мероприятия можно разделить на следующие виды:

- корпоративные праздники;
- стратегические сессии;
- обучающие мероприятия;
- тимбилдинги.

Корпоративные праздники – общенародные праздники (новый год, гендерные праздники, день победы и т.д.).

Стратегические сессии – встречи кроссфункциональных направлений или рабочих групп, где в ходе выбранного направления вырабатываются ряд мер дальнейшего развития, имеющий стратегическое значение для компании. Стратсессии проводят для решения системных и долгосрочных задач, влияющих на деятельность компании, а также наиболее сложных проблемных вопросов.

Обучающие мероприятия – обучение по той или иной теме одного или нескольких сотрудников компании с целью повышения компетенций.

Тимбилдинги – командообразующие мероприятия различного формата.

При постоянном комбинировании всех вышеуказанных форматов мероприятий можно создать настоящему сплочённый коллектив профессионалов. Стратегические сессии будут помогать коллективу смотреть в одно направление и двигаться к общей будущей цели, обучающие мероприятия сделают из коллег настоящих экспертов, а корпоративные праздники и тимбилдинги сделают из коллег друзей и настоящие рабочие команды.

Все виды мероприятий являются вспомогательным инструментом для развития корпоративной культуры, и чем чаще комбинировать и проводить их, тем насыщеннее будет жить у сотрудников и, соответственно выше лояльность к работодателю. Однако везде есть свои нюансы. Провести мероприятие – недешево для компании, а мотивировать и командообразовать сотрудников за их же счет – неэффективно, да и вряд ли будет пользоваться спросом.

Такая социальная технология как Стартсессия закрывает все эти нюансы. Во-первых, это стратегический элемент, которым нельзя пренебрегать в части вложений, во-вторых, данный формат мероприятия дает возможность встретиться коллективу вне рабочей обстановки, в-третьих, мероприятие имеет гибкий формат, и в него возможно включить и элементы обучения и тимбилдинга и праздника.

Идеальная программа стратегической сессии, которая будет способствовать командообразованию, повышению общей информированности о предстоящих задачах, целях и планах развития, мотивировать, создавать общие ценности и интересы, а также небольшие хитрости, выглядят следующим образом (табл. 1).

Некоторые особенности, на которые стоит обратить внимание:

- исключить однообразную активность на более чем 1,5 часа, чтобы удерживать внимание слушателей;
- вводная речь не должна быть длительной;

- крайне важно подобрать модератора, подходящего под тематику сессии и близкого по духу группе;
- стараться делать перерывы каждые 1,5 часа, можно проводить небольшую разминку, а перерывы с кофе и едой – каждые 2–2,5 часа;
- спортивные активности закрепляют командную сплочённость;
- обязательно завершить день неформальным общением.

Таблица 1

Примерная программа стратегической сессии		
Время	Наименование активности	Выступающий
9:00–9:30	Сбор гостей. Приветственный кофе-брейк	
9:30–09:40	Вступительное слово	ГД
9:40–10:30	Презентация материалов	Модератор/ Руководители
10:30–11:30	Работа в группах	
11:30–12:00	Представление результатов	Капитаны команд
12:00–12:20	Кофе-брейк	
12:20–12:35	Презентация материалов	Модератор/ Руководители
12:35–12:40	Постановка новой задачи	
12:40–13:40	Работа в группах	
13:40–14:00	Выступления групп	Капитаны команд
14:00–14:10	Заключительное слово	Модератор
14:10–15:00	Обед/совместная кулинарная активность	
15:00–16:30	Совместная спортивная активность	
16:30	Фуршет	

Стратегическая сессия как социальная технология является высокоэффективным инструментом для формирования организационной культуры. Помимо элементов командообразования, мероприятия такого формата эффективны еще тем, что сотрудники коллективно вовлечены в проблему и самостоятельно вырабатывают меры для ее решения. Это не навязанные стратегические задачи руководством сверху

или модератором со стороны, а самостоятельно поставленные задачи, которые не вызывают вопросов об их необходимости. Частое применение такого инструмента позволит вовлечь персонал в проблемы организации и сплотит коллектив.

Литература

1. Аксакова Н.В. Организационная культура корпоративных стандартов: понятие, структура, особенности [Текст] // Управление персоналом. – 2015.
2. Едигарева Ю.Г., Федюнина С.М. Организационная / корпоративная культура в контексте разрешения трудовых конфликтов [Текст] // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2016. – № 1. – С. 157.
3. Симоненко, И.Л. Теория организации: Учебное пособие / И.Л. Симоненко. – Рн/Д: Феникс, 2017. – 465 с.

STRATEGIC SESSION AS A SOCIAL TECHNOLOGY FOR THE FORMATION OF THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE COMPANY

Trifonova V. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is about various social technologies that form organizational culture, their features

and influence on the formation of corporate culture within the organization. Corporate culture consist of different important elements such as team building and staff involvement, which can be strengthened by organizing and holding events. The format of strategic sessions can be considered the most effective of the types of events, due to the fact that informal communication and team building elements, there is practical significance for the organization and a further strategy is being developed to eliminate weaknesses in the company.

Frequent use of such a tool will involve staff in the problems of the organization and unite the team. Strategic session as a social technology is a highly effective tool for the formation and development of organizational culture.

Keywords: Sociology of management, organizational culture, corporate culture, social technology, strategic planning, strategic session (strategy), moderator, corporate holidays, team building, team building, engagement.

References

1. Aksakova N.V. Organizational culture of corporate standards: concept, structure, features [Text] // Personnel management. – 2015.
2. Edigareva Yu.G., Fedyunina S.M. Organizational / corporate culture in the context of resolving labor conflicts [Text] // Bulletin of the Saratov State Technical University. – 2016. – No. 1. – p. 157.
3. Simonenko, I.L. Theory of organization: Textbook / I.L. Simonenko. – Ph/D: Phoenix, 2017. – 465 p.

Роль и место социальной консолидации в стратегии развития Республики Крым

Узунов Владимир Владимирович,

доктор политических наук, доцент, директор Крымского филиала ФНИСЦ РАН, Крымский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

В статье анализируются роль, место и особенности формирования процесса социальной консолидации населения Республики Крым – полиэтнического региона, относительно недавно вошедшего в состав Российской Федерации и ее макрорегиона Юга России. Характеризуются межэтнические отношения в Крыму в «украинский период», особенностью которых был курс Украины на явное и латентное противостояние основных по численности этносов полуострова. Доказывается стремление большинства крымчан на союз и воссоединение с Россией. Анализируются отечественные и зарубежные источники, на основании чего делается вывод о существовании двух траекторий – западной, направленной на противопоставление и разобщение этносов Крыма, и отечественной, направленной на их консолидацию. Приводятся основные направления консолидации крымского регионального сообщества, реализуемые на современном этапе его развития.

Ключевые слова: полиэтничный социум, межэтнические отношения, социальная консолидация, межэтническое противостояние, траектории развития.

Сегодня Крым ориентирован на развитие экономики, характеризующейся опережающим развитием науки и динамичной реализацией ее достижений. Стратегия выстроена на основополагающем тезисе, в соответствии с которым главной ценностью Республики Крым является человек, а все усилия органов власти направлены на улучшение качества жизни, создание лучших условий для всестороннего и гармоничного развития личности и ее самореализации.

К сожалению, анализ самой программы и особенностей ее реализации в 2016–2021 гг. фиксирует наличие актуальной проблемы, суть которой заключается в наличии реального противоречия между пониманием задач развития Республики Крым и неполным учетом необходимых факторов и стратегии их реализации, к которым, в первую очередь, принадлежат социальные траектории развития региона.

В связи с этим, сегодня следует учитывать, что, **во-первых**, Крым становится регионом со все возрастающей плотностью населения, в котором промышленность и сельское хозяйство соединены с такими отраслями, как рыболовство и рыбообработка, экскурсионная деятельность и туризм, деятельность лечебно-рекреативного плана, а также со сложной социальной инфраструктурой, когда, наряду с развитыми городскими поселениями, часть поселков и сел Крыма лишена элементарных условий, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность населения. Только в последние годы с помощью федерального центра развернуты масштабные работы по газификации и водоснабжению сел и поселков полуострова.

Во-вторых, как справедливо отметили В.А. Чигрин и В.В. Харабуга, «это проблема взаимодействия культур, языков, конфессий, которой, как показывает практика, украинские власти

не озаботились в должной мере за все 23 года «независимости» [2].

При определении социальных траекторий развития Крыма особо следует учитывать полиэтничный состав населения Крыма, как нового субъекта Российской Федерации. Здесь, по утверждению этнографов, проживают представители более полутора сотен разных этносов, оседавших на территории полуострова в разные исторические периоды.

В-третьих, социальный сегмент стратегии развития Республики Крым осложняется неблагоприятной демографической тенденцией естественной убыли населения. Миграционные потоки из других регионов России и стран СНГ обеспечивали прирост населения в 2014–2017 гг. Снижение притока мигрантов извне привело к тому, что уже в 2018 г. (по результатам полугодия) естественная убыль населения не перекрывалась прибывшими мигрантами, а пандемия коронавируса в 2019–2021 гг. сократила и этот приток.

Перспективы «сползания» Крыма в демографическую яму подталкивают к поиску ответов на обостряющиеся вызовы с помощью предлагаемой серии исследований. Использование качественных срезов общественного мнения может помочь выявить: 1) потенциал к увеличению показателей рождаемости среди основных социальных (этнических, демографических, территориальных, поселенческих) групп крымского регионального сообщества; 2) специфику ценностных ориентаций крымских семей, воспитательные ресурсы института семьи, потенциал смешанных браков; 3) основные макросы социально-психологической мотивационной базы, использование которых могло бы способствовать демографическому росту населения Крыма.

В-четвертых, Крым, в силу разнообразия природно-климатических зон полуострова, наиболее подвержен угрозам в трансформирующейся среде обитания, представляя собой, в этом смысле, серьезный фактор социальных рисков, осложнившийся после перекры-

тия Северо-крымского канала Украиной. Эти социальные риски просматриваются в необходимости перехода к выращиванию менее влагоемких сельскохозяйственных культур, к которому не готово население северных районов Крыма, в неразвитости экологического туризма как фактора сохранения и использования культурного и природного наследия полуострова, в дестабилизации ряда секторов рынка труда, наконец, в низком уровне экологической культуры населения.

Таким образом, поставленная автором задача имеет не только научное значение. Ее последовательное решение, накопление динамических рядов данных по Республике в целом и ее территориям, своевременно обработанное и переданное органам власти, поможет закрыть «утраченный» сегмент программы развития данного региона Российской Федерации и своевременно корректировать решение сформулированных в ней задач.

Можно отметить, что до этого проблематика определения развития Крыма как региона в составе Российской Федерации не была актуализирована в должной степени. Имея ряд разрозненных исследовательских инициатив, относящихся к тем или иным областям социальной жизни полуострова, тема социальной траектории Крыма не была представлена целостно. В этом контексте следует отметить сложность Крыма как региона с многосоставным характером его социальной среды, что выражается, в частности, в его полиэтничности, поликультурности, поликонфессиональности. Объективно складывающиеся условия недавнего вхождения Крыма в состав России ставят задачи интеграции крымского регионального сообщества как в целом в российский социум, так и в его институциональное поле.

Эта проблематика обозначена, в частности, в работах представительней исследовательского коллектива В.А. Чигрина [1, 2], А.А. Зоткина [3], В.В. Узунова [4], Е.Г. Городецкой [5], Н.В. Чигриной [6], В.А. Захаровой [7] и др.

В значительной степени помогает углубить понимание данной проблемы вышедшая в 2019 году монография Института социологии РАН [8] под редакцией В.В. Маркина и М.Ф. Черныша и последующие публикации членов этого коллектива.

Следует отметить, что ситуация, сложившаяся после воссоединения Крыма с Россией, безусловно, находится в постоянном тренде западных средств массовой информации. Исходя из общей концепции «анти-России», большинство западных изданий, хотя и констатирует положительные изменения в Крыму, но стабильно подает их «с точностью до наоборот». При этом в лучших традициях информационной войны некоторые издания используют даже материалы исследований московских ученых. Так, *The Economist* (Великобритания) в своей статье «Спустя пять лет после захвата Россией Крым все еще находится в подвешенном состоянии» указывал, что население Крыма, по его словам, «выявило недовольство российской бюрократической машиной, кадровой чехардой и коррупцией». И тут же, без видимой связи «Экономист» поминает все депортацию и «притеснения» крымских татар, этнических украинцев, чего на самом деле не существует. [9].

Правда, периодически в прессе появляются материалы противоположного характера. Так, еще в 2015 году «Forbes», ссылаясь на исследование, проведенное Gallup совместно с Наблюдательным советом по международному вещанию в 2014 году в Крыму, устами журналиста Кеннета Рапозы отмечает, что почти 83% жителей Крыма тогда сказали, что результаты мартовского референдума реально соответствуют чаяниям и устремлениям жителей полуострова. Почти 74% опрошенных были уверены, что воссоединение с Россией позитивно скажется на их качестве жизни, в обратном было уверено всего 5,5% людей... [10].

Подобные данные были получены и в исследовании, проведенном в январе-феврале 2015 года немецкой

компанией GFK. На авторов исследования тут же со всех сторон обрушились радетели «методологии и методики» социологических исследований. Хотя им не удалось выявить россиян в составе заказчиков исследования, вывод этих «критиков», к которым мы относим украинского политика А. Резникова [11] вполне однозначен: «Контраст между нынешним, военизированным Крымом и тем, каким он был до оккупации, — отмечал А. Резников, — разительный. Украинский Крым был мирным местом, где царила толерантность, а сам полуостров чаще всего ассоциировался с туризмом. Это был общий дом для этнических украинцев и русских, крымских татар и десятков других национальностей. Своим вторжением Россия нарушила это равновесие и превратила Крым в линию фронта новой холодной войны».

Таким образом, следует констатировать, что в идеологической войне Запада с Россией Крым был, и еще долго будет использоваться различного рода пропагандистами.

Что касается зарубежных ученых, прежде всего, социологов, то проблематика, связанная с этничностью и регулированием межэтнических отношений, является предметом исследований представителей многих университетов мирового уровня. На настоящем этапе исследования этничности, проблемам государственной политики в этой сфере большое внимание уделяют представители Университета Аризоны (США), Университета Джорджии (США), Северо-Западного Университета в Бостоне (США). Представители этих центров разрабатывают микросоциологические модели рискогенности межэтнического взаимодействия, исследуют закономерности расовой дискриминации и этнорасовой социализации в условиях социальных рисков.

Кроме того, в этом ключе представлены разнообразные научные организации, у которых наработан значительный объем знаний по близкой к проекту проблематике.

Однако из них мы можем выделить тех, кто особо изучал ситуацию в Кры-

му в разные исторические времена и в разных условиях.

Отдельные исследователи делали упор на поиск методологических основ изучения этносоциальных и политических аспектов проблемы. Так, Майкл Буравой предлагал делать различия между определенной принадлежностью (социальной или этнической) и самоидентификацией, которая может с этой принадлежностью не совпадать. Его предположение состоит в том, что политика идентичности составляет расширение социального горизонта [12].

О. Зевелева (Кембридж) рассматривала крымскую тематику через призму изменений в информационном поле полуострова до и после 2014 года. Важность своего исследования она определяла тремя причинами: «Во-первых, быстрота политических изменений, произошедших в этом случае, позволяет нам рассматривать смену политического режима и режима СМИ в отрыве от значительных технологических достижений. Во-вторых, этот случай включает в себя изучение медиа-режимов двух постсоветских государств, Украины и России, что представляет собой проблему для понимания того, как два национальных медиа-режима могут конфликтовать, взаимодействовать и пересекаться. В-третьих, изменения, произошедшие на спорных территориях Украины, привели к образованию «изгнанных» СМИ, которые сообщают о регионе извне» [13].

Целесообразно отметить, что большинство исследователей интересовали, прежде всего, проблемы этнонациональной, этноконфессиональной и языковой ситуации на полуострове. Особо выделялся своими антироссийскими инсинуациями советолог Тарас Кузьо [14,15], выводы которого легли в основу политики ряда президентов США относительно «мягкой экспансии» США в Крыму в «украинский период». Неудивительно, что его «изыскания» были напечатаны в Киеве в 2018 году.

Наиболее активно разрабатывались проблемы этногенеза, депортации, репатриации, политико-правового статуса

крымскотатарского этноса. Американские крымоведы А. Фишер и Э. Лазерни доказывали, что 20-е годы прошлого столетия получили статус «золотого века» или ренессанса крымскотатарской культуры [16].

Активно включились в данную проблематику и турецкие политологи и социологи: в частности, И. и А. Айдингю [17] позиции которых вполне понятны, поскольку односторонне декларируют проблемы этногенеза, депортации, репатриации и политико-правового статуса крымских татар.

Э. Бремер, Э. Вильсон, Г. Сасс акцентировали внимание на положении этнических русских на Украине и в Крыму, в частности, в разные периоды. В свою очередь, Орест Субтельный (Канада) неоднократно высказывал украиноцентричные взгляды на принадлежность Крыма [18].

Однако мы можем сделать однозначный вывод: проблемой социальных траекторий развития Крыма, за исключением выхваченных из ее контекста «крымскотатарских мотивов» никто из зарубежных исследователей серьезно не занимался, вследствие принятой на Западе концепции безусловной принадлежности Крыма Украине, которая игнорирует не только многочисленные данные социологических исследований, но и результаты референдумов, состоявшихся в Крыму в 1991 и в 2014 гг.

Напротив, стратегия развития такого полиэтничного региона Юга России, каким является Республика Крым, предполагает курс на последовательную консолидацию этносов, составляющих ее население. К реальным направлениям консолидации относятся:

1. Экономические перемены, ориентированные на повышение уровня жизни населения региона, независимо от его этнических особенностей, и его экономического потенциала во всех составляющих, отражающих все основные направления его хозяйственной деятельности.
2. Социальные перемены, ориентированные на рост социальной справедливости, снижение социального

- неравенства, борьбу с коррупцией и обеспечение безопасности жизни населения.
3. Политические перемены, ориентированные на развитие демократических свобод, гражданского общества и правового государства.
 4. Духовные перемены, ориентированные на возрождение традиционных нравственных и религиозных ценностей всех этносов полуострова.
 5. Перемены в сфере образования, науки, здравоохранения и культуры, включая языковую составляющую.
- При этом идейная основа социальной консолидации крымского социума, на наш взгляд, базируется на идее единения народов региона с другими народами России в целях ее возрождения как великой державы; идее единения народов региона с другими народами России в целях решения наиболее острых социальных проблем и повышения качества жизни жителей страны; идее укрепления региона с позиций развития демократических прав и свобод; наконец, на идее объединения народов региона для решения внутренних (социальных, экономических, политических, социокультурных) проблем, стоящих перед населением Республики Крым.
- ### Литература
1. Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтничный социум / В.А. Чигрин. – Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 84–94.
 2. Чигрин В.А. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества / В.А. Чигрин, В.В. Харабуга. – Текст: непосредственный // Вестник института социологии. – 2015. – № 4 (15). – С. 24–34.
 3. Зоткин А.А. Пятилетие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России / А.А. Зоткин. – Текст: непосредственный // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 5–23.
 4. Узнов В.В. Особенности формирования патриотизма в молодежной среде и его влияние на гражданскую идентичность: опыт Республики Крым / В.В. Узнов. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 7. – С. 135–141.
 5. Городецкая Е.Г. Особенности самоидентификации населения Крыма в условиях его воссоединения с Российской Федерацией / Е.Г. Городецкая. – Текст: непосредственный // Формирование российской, этнонациональной и национально-гражданской идентичностей в региональных сообществах на Юге России: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 18–19 октября 2018 г.). – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – С. 193–199.
 6. Чигрина Н.В. Геополитические и геокультурные факторы развития Республики Крым / Н.В. Чигрина, В.А. Чигрин. – Текст: непосредственный // Международный демографический форум: материалы заседания / отв. ред. д-р геогр. наук, проф. Н.В. Яковенко. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2020. – С. 119–123.
 7. Захарова В.А. Развитие туристско-рекреационной сферы Республики Крым в аспекте интеграции в социокультурное и правовое поле России / В.А. Захарова. – Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. – № 8. – С. 29–31.
 8. Малые города в социальном пространстве России: монография / А.Ю. Ардалянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский [и др.]; отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. ак. М.К. Горшков. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2019. – 545 с. – Текст: непосредственный.
 9. The Economist (Великобритания): спустя пять лет после захвата Россией Крым все еще находится в подвешенном состоянии. – Текст:

- электронный. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190610/245247802.html>.
10. Rapoza K. One Year After Russia Annexed Crimea, Locals Prefer / K. Rapoza. – Текст: электронный // Forbes. – 2015. – 20 Mar. – URL: www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/03/...w-to-kiev/.
 11. Резников А. The Atlantic Council (США): пора напомнить России, что Крым – это Украина / А. Резников. – Текст: электронный. – URL: inosmi.ru/Политика/20210809/250270635.html.
 12. Burawoy M. For Public Sociology / M. Burawoy. – Текст: непосредственный // American Sociological Review. – 2005. – № . 70. – P. 4–28.
 13. Zeveleva O. Studying conflict and media: Designing a sociological research project on contested territories / O. Zeveleva. – Текст: электронный. – URL: <https://www.law.ox.ac.uk/research-subject-groups/centre-criminology/centreborder-criminologies/blog/2017/12/studying-conflict?fbclid=IwAR15o5OM91qT17mOpkmdurKIK-ZTs64Cfk8ix9KuusKzQGub9XvkHihMd8>.
 14. Kuzio T. Ukraine-Crimea-Russia: Triangle of Conflict, Soviet and Post-Soviet Politics and Society series / T. Kuzio. –Текст: электронный. – Hannover: Ibidem-Verlag, 2007. – p. 223. – URL: <https://www.rapn.ru/library.php?d=479&n=35&p=1>.
 15. Кузьо Т. Війна Путіна проти України. Революція, націоналізм і криміналітет / Т. Кузьо; пер. з англ. Андрія Павлишина. – Київ: Дух і Літера, 2018. – 560 с. – Текст: непосредственный.
 16. Крымскотатарское искусство. Художники. Мастера. Дизайнеры. Станковое искусство. Т. 1: альбом / сост. И. Заатов, Э. Изетов. – Симферополь: Медиацентр им. И. Гапринского, 2019–208 с. – Текст: непосредственный.
 17. Aydingün I. Crimean Tatars Return to Home: Identity and Cultural Revival / Aydingün I., Aydingün A. – Текст: непосредственный // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2007. – № 33 (1) – P. 113–128.
 18. Subtelny O. Ukraine A history / O. Subtelny. – University of Toronto Press. – 2009. – 736 p. – Текст: непосредственный.

THE ROLE AND PLACE OF SOCIAL CONSOLIDATION IN THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Vladimir V.U.
Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes the role, place and features of the formation of the process of social consolidation of the population of the Republic of Crimea, a multiethnic region that relatively recently became part of the Russian Federation and its macro-region of Southern Russia. Interethnic relations in Crimea during the “Ukrainian period” are characterized, the peculiarity of which was the course of Ukraine towards a clear and latent confrontation of the main ethnic groups of the peninsula. The desire of the majority of Crimeans for union and reunification with Russia is proved. Domestic and foreign sources are analyzed, on the basis of which it is concluded that there are two trajectories – the Western one, aimed at contrasting and separating the ethnic groups of the Crimea, and the domestic one, aimed at their consolidation. The main directions of consolidation of the Crimean regional community, implemented at the present stage of its development, are given.

Keywords: polyethnic society, interethnic relations, social consolidation, interethnic confrontation, development trajectories.

References

1. Chigrin V.A. Features of the heavy ethnic groups of Crimea in the Russian multi-ethnic society / V.A. Chigrin. – Text: direct // Humanitarian of the South of Russia. – 2016. – Т. 20, № . 4. – P. 84–94.
2. Chigrin V.A. The situation in the Crimea and the formation of the historical memory of society / V.A. Chigrin, V.V. Kharabuga. – Text: direct // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2015. – № . 4 (15). – P. 24–34.
3. Zotkin A.A. Five years of the “Crimean Spring” and the problems of integration of Crimea into the political system of Rus-

- sia / A.A. Zotkin. – Text: direct // Power and elites. – 2019. – V.6. – № 2. – P. 5–23.
4. Uzunov V.V. Peculiarities of formation of patriotism in the youth environment and its influence on civil identity: the experience of the Republic of Crimea / V.V. Uzunov. – Text: direct // Social and humanitarian knowledge. – 2018. – № 7. – P. 135–141.
 5. Gorodetskaya E.G. Peculiarities of self-identification of the Crimean population in the conditions of its reunification with the Russian Federation / E.G. Gorodetskaya. – Text: direct // Formation of Russian, ethnonational and national-civil identities in regional communities in the South of Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, October 18–19, 2018). – Rostov-on-Don: Science and Education Foundation, 2018. – P. 193–199.
 6. Chigrina N.V. Geopolitical and geocultural factors of development of the Republic of Crimea / N.V. Chigrina, V.A. Chigrin. – Text: direct // International Demographic Forum: meeting materials / otv. ed. Dr. Geogr. sciences, prof. N.V. Yakovenko. – Voronezh: Digital printing, 2020. – P. 119–123.
 7. Zakharova V.A. Development of the tourist and recreational sphere of the Republic of Crimea in the aspect of integration into the socio-cultural and legal field of Russia / V.A. Zakharova. – Text: direct // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. – № 8. – P. 29–31.
 8. Small towns in the social space of Russia: monograph / A. Yu. Ardalyanova, P.V. Bizyukov, R.G. Braslavsky [and others]; resp. ed. V.V. Markin, M.F. Chernysh; foreword ak. M.K. Gorshkov. – Moscow: FNISTS RAN, 2019. – 545 p.
 9. The Economist (UK): Five years after Russia's takeover, Crimea is still in limbo. – Text: electronic. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190610/245247802.html>.
 10. Rapoza K. One Year After Russia Annexed Crimea, Locals Prefer / K. Rapoza. – Text: electronic // Forbes. – 2015. – 20 Mar. – URL: www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/03/...w-to-kiev/.
 11. Reznikov A. The Atlantic Council (USA): it's time to remind Russia that Crimea is Ukraine / A. Reznikov. – Text: electronic. – URL: inosmi.ru/Politics/20210809/250270635.html.
 12. Buraway M. For Public Sociology / M. Buraway // American Sociological Review. – 2005. – № 70. – P. 4–28.
 13. Zeveleva O. Studying conflict and media: Designing a sociological research project on contested territories / O. Zeveleva. – Text: electronic. – URL: <https://www.law.ox.ac.uk/research-subject-groups/centre-criminology/centreborder-criminologies/blog/2017/12/studying-conflict?fbclid=IwAR15o5OM91qT17mOpkm-durKIK-ZTs64Cfk8ix9KuusKzQGub9XvkHihMhd8>.
 14. Kuzio T. Ukraine-Crimea-Russia: Triangle of Conflict, Soviet and Post-Soviet Politics and Society series / T. Kuzio. – Text: electronic. – Hannover: Ibidem-Verlag, 2007. – p. 223. – URL: <https://www.rapn.ru/library.php?d=479&n=35&p=1>.
 15. Kuzio T. Putin's war against Ukraine. Revolution, nationalism and crime / T. Kuzio; lane from English Andriy Pavlyshyn. – Kyiv: Spirit and Letter, 2018. – 560 p.
 16. Crimean Tatar art. Painters. Masters. Designers. Machine art. Vol. 1: album / comp. I. Zaatov, E. Izetov. – Simferopol: Media Center. I. Gasprinsky, 2019. – 208 p.
 17. Aydingün I. Crimean Tatars Return to Home: Identity and Cultural Revival / Aydingün I., Aydingün A. – Text: immediate // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2007. – № 33 (1) – P. 113–128.
 18. Subtelny O. Ukraine A history / O. Subtelny. – University of Toronto Press. – 2009. – 736 p.

Проблема адаптации молодых специалистов к профессиональной деятельности в экстремальных условиях

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: Olga200663@gmail.com

Процесс адаптации нового специалиста считается успешным, если он четко понимает свое место в достижении целей и задач организации, осознает свои должностные обязанности и дополнительные функции, а также может принять корпоративные ценности, органично вписаться в коллектив, стать лояльным к организации и чувствовать себя комфортно, как с физической стороны, так и с морально-психологической. В связи с этим статья посвящена рассмотрению актуальных проблем, связанных с адаптацией молодых специалистов к профессиональной деятельности в экстремальных условиях. В процессе исследования обозначены особенности и трудности профессиональной адаптации сотрудников, занятых в особо трудных, опасных профессиях. Отдельное внимание уделено отличительным чертам молодых специалистов, которые необходимо учитывать в процессе их включения в коллектив и профессиональную деятельность. Практические аспекты профессиональной адаптации специалистов рассмотрены на примере МЧС России. Особый акцент сделан на этапах адаптации и их содержании. Также обозначено, что в текущей ситуации наблюдается невысокая степень эффективности включения молодых специалистов в рабочие процессы. С учетом имеющихся трудностей в МЧС РФ предложено использовать методы и инструменты адаптационного менеджмента.

Ключевые слова: адаптация, молодой специалист, опасные условия, менеджмент, психологические трудности, социализация, профессионализм.

В современном обществе в условиях рыночных отношений, демократизации, открытости, построения гражданского общества большое количество ученых и практиков из различных отраслей знаний уделяют повышенное внимание вопросам, которые связаны с развитием и реализацией адаптационных ресурсов человека [1]. Причем такой подход предусматривает не только проверку на соответствие работников физическим и психическим параметрам, которые установлены профессиональным стандартом, определение в какой степени они обладают определенными навыками и умениями, но и анализ наличия в структуре личности диспозиционных образований, которые обусловлены специфической работой и перечнем выполняемых обязанностей.

Развитие и становление профессионального мастерства, согласно указанным требованиями, происходит в процессе адаптации и социализации, которые реализуются непосредственно во время выполнения оперативно-служебных задач.

Социально-психологическая адаптация личности к условиям профессиональной деятельности – это сложная и многогранная проблема, которая приобретает сегодня особую важность в контексте выполнения молодыми сотрудниками функциональных обязанностей в особых условиях деятельности. От решения этой проблемы зависит результативность деятельности личного состава, сохранение психологического, физического здоровья, а в некоторых случаях и жизни как специалиста, так и субъектов, вовлеченных в сферу осуществления им профессиональных обязанностей. Формирование специалиста, отвечающего указанным требованиям, происходит в процессе профессионального становления личности при

ее включении в непосредственную деятельность на службе.

Условия, отнесенные к категории особых – это условия, при которых внезапно возникает ситуация, представляющая угрозу жизни субъекта и его окружения, что, соответственно, предполагает постоянное сопровождение профессиональной деятельности такими явлениями как стресс, эмоциональное напряжение, принятие решений в условиях дефицита времени, угроза жизни, ответственность за жизнь коллег и участников сложившейся ситуации и т.д. Особые условия характерны для таких сфер деятельности как пожарная охрана, охрана правопорядка, аварийно-спасательные работы, военная служба и т.д.

Профессиональное становление молодых офицеров, курсантов в этих сферах деятельности и происходящие в современном технологическом и информационном обществе изменения находятся в прямой взаимозависимости, что существенно влияет на динамику адаптации служащих к новым условиям жизнедеятельности. Эти обстоятельства требуют от каждого сотрудника умения использовать личные ресурсы для эффективного управления процессом профессионального становления, что будет способствовать своевременной подготовке к самостоятельному выполнению должностных обязанностей и профессиональных (служебно-боевых) функций [2].

Именно поэтому успешная адаптация новобранца к условиям служб специального назначения призвана обеспечить надлежащее овладение знаниями и умениями, которых требует специализация, что в дальнейшем станет основой для становления служащего в качестве профессионала.

Итак, не подлежит сомнению тот факт, что актуальность всестороннего исследования проблемы профессиональной адаптации персонала, работающего в экстремальных условиях, в настоящее время достаточно высока. В данной предметной плоскости представляется жизненно важным изучать

такую составляющую этой проблемы, как процессы адаптации молодых специалистов, и с учетом полученных данных разрабатывать для них специальные программы и технологии включения в профессиональную деятельность, учитывающие все современные требования, позитивный отечественный и зарубежный опыт.

Таким образом, обозначенные обстоятельства подтверждают актуальность выбранной темы исследования, а также свидетельствуют о ее теоретической и практической значимости.

Анализ результатов исследований, касающихся отдельных вопросов адаптации работников к условиям деятельности в своей профессии и требованиям организации, позволяет утверждать о высокой заинтересованности этими вопросами как представителей научного сообщества, так и практиков.

В частности, общая теория адаптационного синдрома очерчена в трудах Деминой М.А., Лаптевой, Белкиной Е.Н., Домнышева А.Д. А.И. Halperin, O.; Mashiach-Eizenberg, M., Herman, J.; Kapczynska, A.; Smietana, E.; Urbanik, A.

Раскрытию методологических основ адаптации личности в целом к новым условиям и профессиональной адаптации специалиста в частности посвящены работы Когай И.В., Ланиной С.Ю., Гармановой О.В., Дерягиной Л.Е. Heir G.M., Walton P., Pullen-Sansfacon, A.; Brown, M.; Graham, J.R.

В исследованиях последних лет рассмотрены разные аспекты профессиональной адаптации: проблемы психологического сопровождения молодых специалистов, формирование профессионально значимых качеств и умений. Развитием данной тематики занимаются Луценко Н.О., Андрушина Е.В., Корытков В.А., Голуб Л.Н., Медведева С.А., Kyröläinen, Heikki; Pihlainen, Kai; Vaara, Jani P.; Ojanen, Tommi; Santtila, Matti.

Однако несмотря на то, что в настоящее время сформирована фундаментальная эмпирическая и теоретическая база, следует отметить, что в научной среде наблюдается дефицит публика-

ций, в которых нашел бы свое отражение реальный процесс профессиональной адаптации молодых специалистов в службах и органах специального назначения, а также факторы, на них непосредственно влияющие.

Отдельного внимания заслуживают вопросы периодизации процессов адаптации и раскрытие особенностей участия командиров (начальников) всех уровней, должностных лиц органов воспитательной и социально-психологической работы, кадровых служб и служб обеспечения в процедуры профессионального включения молодых сотрудников.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в рассмотрении проблемы адаптации молодых специалистов к профессиональной деятельности в экстремальных условиях на примере МЧС России.

Адаптация к профессиональной деятельности молодых специалистов МЧС России представляет собой сложный, динамичный, внутренне противоречивый процесс, протекание которого зависит от большого количества объективных и субъективных факторов. Она предполагает формирование положительной профессиональной мотивации, выработку индивидуального стиля деятельности, трансформацию некоторых психологических особенностей личности и т.п. [3].

В то же время необходимо отметить, что период профессионального становления молодых спасателей, пожарных и других специалистов опасных профессий, занятых при устранении чрезвычайных ситуаций, характеризуется специфическими особенностями, обусловленными наличием некоторых характерных для этой категории офицерского состава черт и качеств.

С одной стороны, молодым офицерам присущ интерес и романтическое восприятие спасательной службы, профессиональное честолюбие, развитое чувство личного достоинства, добросовестность и энергичность, стремление к самостоятельности и самоутверждению, доверие к старшим командирам

и повышенная потребность в общении, близость к личному составу.

С другой – незначительный жизненный и профессиональный опыт, категоричность в рассуждениях и максимализм в оценке события и явлений; отсутствие устоявшихся убеждений, лихорадочность и поспешность в принятии решений; чрезмерное эмоциональное возбуждение и легкая уязвимость; недостаточная выносливость и склонность к конфликту; слабая психологическая готовность к действиям в экстремальных и нестандартных ситуациях; невысокий уровень практических профессиональных навыков; обостренные чувства одиночества и неудовлетворение проблемами в организации службы и быта [4].

Указанные особенности проявления активности молодых офицеров оказывают непосредственное влияние на процесс их профессиональной адаптации, придавая ему своеобразную психологическую уникальность.

Процесс адаптации молодых сотрудников МЧС России условно можно разделить на два этапа:

- первый этап – испытательный, в рамках этого этапа формализуется первая информация о новом сотруднике и представляется ему возможность ознакомиться с условиями и спецификой службы. Этот этап адаптации может быть критическим в зависимости от личных качеств, уровня развития профессионально важных навыков молодого специалиста, степени его готовности к исполнению должностных обязанностей. Он может длиться до трех месяцев, в результате чего формируется соответствующий тип поведения и поступков;
- второй этап – характеризуется переходом от одного вида деятельности (обучения) к практической занятости на своей должности и профессиональному становлению. В зависимости от желания сотрудника посвятить свою жизнь службе, его отношения к исполнению обязанностей по должности, взгляду на свое буду-

щее этот период может длиться несколько лет.

С точки зрения практики наибольшего внимания заслуживает первый адаптационный этап. В этот период у молодых специалистов в результате встречи с новыми людьми, ознакомления с традициями и обычаями коллектива, меняются поведенческие стереотипы. Кроме того, сложные и опасные условия труда приводят к переменам в системе питания, отдыха и сна. Существенным образом повышаются физические нагрузки, в результате чего происходит перестройка обменных, энергетических процессов, привычек поведения, динамических стереотипов, [5]. Некоторые сотрудники в состоянии самостоятельно справиться и пережить эти трансформации. Другим же требуется поддержка, а иногда и помощь психолога.

Важную роль в прохождении профессиональной адаптации сотрудников МЧС России играют особенности организации повседневной деятельности в подразделениях, частях, которые должны поддерживать мотивационные наставления, стремление приспособиться к сложившемуся в коллективе социально-психологическому климату, желание реализовать личные качества, связанные с возрастом, семейным положением.

Специфика профессиональной адаптации юных офицеров обусловлена характером служебной деятельности, а также условиями, в которых она осуществляется.

Чаще всего перед молодым работником, только что приступившим к исполнению должностных обязанностей, ставится задача самостоятельно идентифицировать и понять особенности и специфику коллектива, бесконфликтно включиться в сложный цикл межличностных отношений, найти свое место в ежедневной деятельности службы, самоутвердиться, а также наилучшим образом проявить свои способности и интересы. Кроме того, на адаптацию влияет объективность оценки результатов служебной деятельности. Молодой сотрудник, получающий объективную оценку своего труда, более уверен в своих силах и с большей ответственностью относится к делу.

К сожалению, в некоторых частях, подразделениях и службах МЧС России имеет место стихийный процесс профессиональной адаптации молодых специалистов, т.е. самостоятельное восполнение знаний, которых не хватает, отсутствие системы профессиональной поддержки, в связи с чем наблюдается низкая эффективность адаптации, которая как правило, длится от 3 до 5 лет (см. рис. 1).

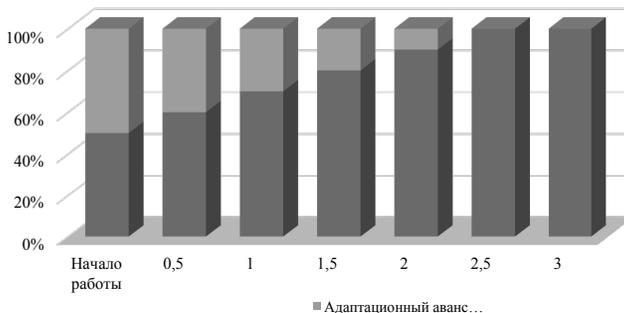

Рис. 1. Стихийный процесс адаптации в службах МЧС России¹

Для повышения эффективности и сокращения срока профессиональ-

ной адаптации молодых сотрудников МЧС представляется целесообразным внедрить в текущую деятельность инструменты адаптационного менеджмента.

¹ Составлено по данным социологических опросов, проводившихся в 2018–2019 гг. в разных службах и подразделениях МЧС России

Адаптационный менеджмент – это ряд «мини-концепций», взаимосвязанных между собой и дающих синергетический эффект от проведенных мероприятий по адаптации персонала [6].

Учитывая особенности и требования к персоналу спасательной службы, в рамках адапционного менеджмента следует использовать следующие инструменты.

Наставничество. Наставничество представляет собой один из самых эффективных инструментов, использование которого способствует наиболее оптимальному и безболезненному процессу адаптации. Его суть заключается в том, что молодой специалист получает поддержку и необходимые консультации со стороны более опытного и профессионального офицера. Наставник поддерживает и направляет как профессиональный рост, так и способствует личностному развитию молодого работника, посвящая его во все необходимые тонкости профессии и вопросы.

Цель наставничества – ускорение процесса становления служащего как специалиста своего дела, формирование у него морально-психологических и волевых качеств, необходимых для выполнения поставленных задач. Офицеры – наставники, должны знать соответствующие нормативные документы и владеть основами психологии, педагогики, военного права и воспитательной работы.

Психологическая поддержка новичка в коллективе. Многие молодые специалисты после начала службы испытывают трудности в отношении самоконтроля и самокоррекции поведения в служебной деятельности вследствие неадекватной самооценки. Как правило, не проверив себя в сложных условиях, такой специалист склонен превышать свои возможности, уровень знаний и умений. Однако, реально начав выполнять оперативно-служебные задачи, молодой работник испытывает сильную стрессовую нагрузку, к которой он не готов. Резкие, строгие замечания коллег, руководства могут привести у психологически слабого работ-

ника к отрицательной оценке себя как специалиста.

Поэтому психологическая поддержка старших коллег, руководства является критически важной в процессе профессиональной адаптации молодого специалиста.

Предоставление полной информации об условиях и особенностях работы. Формирование у молодого офицера четкого понимания критериев эффективности, необходимого уровня знаний, умений, навыков и результатов своей профессиональной деятельности для дальнейшей служебной перспективы. В начале работы молодому офицеру необходимо определить, по каким критериям и показателям оценивается его деятельность, каких результатов необходимо достичь, какие профессиональные и психические качества будут способствовать его дальнейшему профессиональному росту. Немаловажное значение имеет информирование новых сотрудников об особенностях материально-финансового обеспечения их службы, перспективах повышения зарплаты.

Результаты адапционного менеджмента могут быть оценены по ряду конкретных критериев:

1) успешность деятельности (рост квалификации, эффективное взаимодействие с членами рабочей группы и другими лицами);

2) способность избегать ситуаций, создающих угрозу для трудового процесса, и эффективно устранять возникшую угрозу (предотвращение травм);

3) осуществление деятельности без существенных нарушений здоровья.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Процесс профессиональной адаптации молодых сотрудников для работы в экстремальных условиях достаточно сложный и противоречивый, что обусловлено высоким уровнем ответственности, напряженности и опасности, характерных для данной профессиональной сферы. Не подлежит сомнению тот факт, что процесс адаптации должен находиться в фоку-

се постоянного внимания как представителей экспертного сообщества, так и непосредственно руководителей самих служб.

Для повышения эффективности профессиональной адаптации молодых сотрудников МЧС России в процессе исследования предложено использовать инструменты адаптационного менеджмента, которые нацелены на более комплексную подготовку молодых специалистов к выполнению будущих функциональных обязанностей, внимательное психологическое сопровождение несения службы.

Литература

1. Жуковский С.В. Организационно-педагогические условия педагогического сопровождения профессиональной адаптации молодых офицеров // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 3–1. С. 293–304.
2. Биболатова Э.И. Роль наставничества в адаптации молодых специалистов государственной гражданской службы // Экономика и социум. 2020. № 4 (71). С. 187–190.
3. Kunasegaran, Mageswari Talent development environment and workplace adaptation: The mediating effects of organisational support // European journal of training and development. 2016. Volume 40: Issue 6; pp 370–389.
4. Липатова И.М. Современные проблемы адаптации новых сотрудников в крупных организациях // Образование и наука в России и за рубежом. 2021. № 5. С. 99–104.
5. Сихымбай И.Б. Методика обследования адаптации молодых специалистов и ее характеристика // E-Scio. 2020. № 5 (44). С. 579–590.
6. Корытков В.А. Организационно-педагогические условия адаптации военных специалистов к профессиональной деятельности в процессе подготовки по военно-учетным специальностям // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 2. С. 238–245.

THE PROBLEM OF ADAPTATION OF YOUNG PROFESSIONALS TO PROFESSIONAL ACTIVITIES IN EXTREME CONDITIONS

Yakovleva O.I.

Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The process of adaptation of a new employee is considered successful if he clearly understands his place in achieving the goals and objectives of the organization, realizes job responsibilities, additional functions, and can also accept corporate values, fit organically into the team, become loyal to the organization and feel comfortable with physical side, and from the moral and psychological. In this regard, the article is devoted to the consideration of urgent problems associated with the adaptation of young specialists to professional activities in extreme conditions. In the course of the research, the features and difficulties of professional adaptation of employees employed in especially difficult, dangerous professions were identified. Special attention is paid to the specific features of young specialists, which must be taken into account in the process of their inclusion in the team and professional activity. Practical aspects of professional adaptation of specialists have been seen on the example of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Special emphasis is placed on the stages of adaptation and their content. It is also indicated that in the current situation there is a low degree of efficiency in the inclusion of young specialists in work processes. Taking into account the existing difficulties, it was proposed to use methods and tools of adaptation management.

Keywords: adaptation, young specialist, dangerous conditions, management, psychological difficulties, socialization, professionalism.

References

1. Zhukovsky S.V. Organizational and pedagogical conditions of pedagogical support for the professional adaptation of young officers // Pedagogical journal. 2020. Vol. 10. No. 3–1. pp. 293–304.
2. Bibolatova E.I. The role of mentoring in the adaptation of young specialists of the state civil service // Economics and Society. 2020. No. 4 (71). pp. 187–190.
3. Kunasegaran, Mageswari Talent development environment and workplace adaptation: The mediating effects of organizational

- support // European journal of training and development. 2016. Volume 40: Issue 6; pp 370–389.
4. Lipatova I.M. Modern problems of adaptation of new employees in large organizations // Education and science in Russia and abroad. 2021. No. 5. S. 99–104.
 5. Sihymbay I.B. Methodology for examining the adaptation of young specialists and its characteristics // E-Scio. 2020. No. 5 (44). pp. 579–590.
 6. Korytkov V.A. Organizational and pedagogical conditions for the adaptation of military specialists to professional activities in the process of training in military accounting specialties // Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2020. V. 39. No. 2. S. 238–245.

Воздействие русской культуры на социальные процессы: на примере города Самары

Пустарнакова Анна Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: apustarnakova@gmail.com

Нифатов Алексей Андреевич

магистрант кафедры социологии и культурологии, программы «Межэтнические отношения в современной России», Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: lex27-04@yandex.ru

Батищева Татьяна Александровна,

магистрант кафедры социологии и культурологии, программы «Межэтнические отношения в современной России», Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: lynx-81@mail.ru

В статье проводится анализ основных особенностей русской культуры в современном обществе, ее состояния, уровня просвещения граждан нашей страны по вопросам, связанным с культурой русского народа, в том числе на примере мероприятий, проводимых в г. Самара. С помощью качественного интервью были изучены представления жителей г. Самара об особенностях русской культуры, ее особенностях, ценностях, основных традиционных мероприятиях и праздниках, привычных для русского народа, были описаны особенности использования русских традиций и обычаев в повседневной жизни и отношение к ним. Также авторами сделаны выводы о состоянии русской культуры в современном российском обществе, были обозначены основные проблемы, связанные с данным вопросом и перспективы совершенствования процесса изучения культуры русского народа в настоящее время. По данным исследования, молодое поколение намного меньше интересуется русской культурой и традициями, чем старшее, не всегда могут получить доступ к культурными ценностям. В связи с этим необходимо совершенствовать процесс изучения русской культуры в образовательных учреждениях, повысить ее доступность для граждан.

Ключевые слова: этническая культура, русская культура, образование, культурные ценности, русский народ, просвещение, этнические традиции, этническая идентичность, быт, национальный костюм, православие.

Русская культура – это культура, отражающая душу русского народа, его особенность, самобытность и неповторимость. Она очень интересна и многообразна, что предопределяет ее особое место в системе мировой культуры. Актуальность вопроса изучения русской культуры сложно переоценить. Как справедливо отмечает А.П. Марков, она обусловлена фундаментальной ролью культуры в системе факторов устойчивости государства и социума в историческом времени, сохранения душевного здоровья русской нации и обеспечения духовной безопасности общества [3, с. 7].

Особый интерес к русской культуре вызван тем, что ее формирование происходило в условиях многонациональности и смешения различных культур. Д.С. Лихачев подчеркивал, что на русскую культуру оказали сильное влияние религия, своеобразие языка, как средства коммуникации. Помимо этого, автор указывал, что русская культура несёт на себе мощное влияние двух культур: Византии и Скандинавии. Византия передала России духовные традиции, веру, а Скандинавия политическую и военную культуру [2, с. 865].

Знание исконно русских обычаев, традиций и иных элементов культуры очень важно для русского народа в современный период времени. В настоящее время уровень изучения русской культуры постепенно падает. Научно-технический прогресс, развитие рыночных отношений, сложная ситуация в стране – все это приводит к тому, что изучение культуры русского народа уходит на второй план.

Если рассматривать данную проблему в образовательном контексте, то, к сожалению, в школьной программе нет отдельных предметов, направленных на изучение русской культуры, традиций. Частично она изучается в рамках такого предмета как мировая худо-

жественная культура. Аналогичная ситуация и в системы среднего и высшего образования, когда изучение русской народной культуры можно встретить только на факультетах культурологии, филологии, некоторых педагогических направлениях образования.

В первую очередь, для понимания русской культуры, важно выделить ее основные элементы. Можно сказать, что она включает в себя духовную культуру, духовные ценности, религиозные верования, обычаи, традиции, национальные праздники ритуалы и обряды, а также общий для русского народа язык.

Также русская культура отражается и в материальных ценностях – русский национальный костюм, жилище, отдельные элементы быта, орудия труда, которыми пользовался и пользуется народ в повседневной жизни, произведения литературы, живопись, скульптура.

Важное место в народной культуре русского народа занимает вера – христианство. Также, интересна и самобытна национальная одежда и быт русского народа. В целом мужской народный костюм представлял собой рубаху с вышитым воротом, штаны, лапти либо сапоги. Рубаху носили навыпуск и подбирали поясом из ткани. В качестве верхней одежды надевали кафтан. Женский народный костюм состоял из длинной вышитой рубахи с длинными рукавами, сарафана или юбки с оборкой, а сверху шерстяной юбки – поневы. Замужние женщины носили головной убор – повойник. Праздничным головным убором был кокошник. В настоящее время все эти предметы одежды практически не используются в повседневной жизни, остаются частью праздничной, сценической культуры.

Традиционным русским жилищем считают избу, построенную из бревен, с двухскатной крышей. Вход представлял собой крыльцо, в доме строили печь и погреб [1, с. 57]. В России до сих пор стоит много изб, например, в г. Вятка Арбажского района Кировской области, также создан музей русской избы в селе Кочемирово Кадомского района

Рязанской области, где можно увидеть не только настоящую избу, но и предметы домашнего обихода, печь, ткацкий станок и другие элементы русской культуры.

В сентябре 2021 года в г. Самара был открыт этнокультурный комплекс «Парк дружбы народов», расположенный территориально в Куйбышевском районе. Это архитектурный ансамбль из 20 подворий, посвященных этносам, проживающим на территории Самарской области. Одним из экспонатов данного комплекса является русский дом, в котором расположены элементы одежды и быта русского народа.

Если рассматривать мероприятия по просвещению граждан г. Самара, то можно заметить, что их достаточно мало. Так в 2021 году были проведены следующие мероприятия, отражающие культуру русского народа:

- 12 марта 2021 г. – «Самарская Масленица»;
- 18–25 апреля 2021 г. – Православная выставка-ярмарка «Благословенная Самара»;
- 31 декабря – празднование Нового года на площади Куйбышева и некоторые другие мероприятия;
- 19 января – Крещение и некоторые другие мероприятия.

Также, в городе проводятся различные выставки русского народного творчества, театральные постановки на произведения классической русской литературы.

Ранее проводились различные привычные традиционные и культурные праздники, которые привлекали внимание граждан к культуре народа. При этом, ввиду распространения в мире коронавирусной инфекции, на сегодняшний день отменено большое количество привычных и постоянно проводимых массовых мероприятий (например, празднование Масленицы, Рождественские гуляния и др.).

Стоит отметить такую проблему, как недостаточная доступность культуры для обычного народа. Так, если рассматривать с точки зрения месторасположения, то основные памятники рус-

ской культуры в г. Самара расположены в центральной части города, в то время как в большей части города нет никаких памятников культуры и не проводятся соответствующие мероприятия. Также с финансовой точки зрения не все граждане могут себе позволить поход на выставку или в театр, если рассматривать в качестве примера «Парк дружбы народов», то поход в него может обойтись около 2000 рублей на среднестатистическую семью.

В настоящее время проводится не так много ярмарок, которые также являются одним из элементов русской народной культуры, в основном проводимые ярмарки носят очень узкую направленность и нацелены преимущественно на получение прибыли, нежели на то, чтобы увеличить интерес граждан к культурным ценностям. Современные ярмарки, в большей степени напоминают рынок, основная цель продавцов на которых имеет сугубо предпринимательский характер, их нельзя назвать традиционными русскими народными мероприятиями с соответствующей народной музыкой и традициями. Во время традиционной народной ярмарки для развлечения и угощения гостей и покупателей всюду продавались различные сладости, фрукты и напитки как в палатках и лотках, так и специальными разносчиками. Организаторы современных ярмарок уходят от идеи сохранения и трансляции русской культуры, ориентируются в большей степени на прибыль, ярмарки становятся похожими на торговые места любого другого народа.

Для изучения знаний и представлений о русской культуре нами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 10 информантов от 22 до 57 лет, проживающие в г. Самара. В качестве метода исследования выступало качественное полуструктурированное интервью. Основными исследовательскими вопросами выступали представления жителей г. Самары об особенностях русского народа, об их этнической идентичности, особенностях проявления русских традиций

в повседневной жизни. Информантам были заданы вопросы о том, что такое в их представлении русская традиционная культура, об их отношении к русским традициям, о том, какие русские национальные праздники, отражающие культуру русского народа, они знают и отмечают.

В результате проведенного исследования были сделаны выводы о восприятии русской культуры и русских традиций жителями г. Самары (возраст и пол информантов указан с целью определения различий во взглядах информантов старшего и младшего поколения, мужчин и женщин).

По данным интервью, русская культура у информантов ассоциируется с патриотизмом, предполагает патриотизм. Информанты отождествляют свою «русскость» со своими близкими и родными, происхождением, страной, где они находятся. Например, один из информантов по этому поводу отмечает следующее: «Быть русским – это проявление патриотизма, заключается именно в любви к Родине и к своим близким, а именно: мать, отец, брат, сестра, то что ты любишь. Честность, благородство. [инф. 2, муж., 31 год]», жить по совести: «Русский тот, кто думает по-русски, кто во всем по совести живет.» [инф. 9, жен., 57 лет]. Некоторые информанты делают акцент на русском языке. Они считают, что необходимо быть представителем русской языковой общности, владеть нормами языка, активно использовать данный язык, думать, формулировать мысли на русском [инф. 9, муж., 50 лет; инф. 10, жен., 57 лет].

По мнению информантов, традициям русского народа в современном обществе, не уделяется много внимания. В интервью информант подтверждает общую тенденцию, что традиции играют всё меньшую роль в повседневной жизни: «Мы не уделяем много внимания традициям и обычаям это данность, это просто есть. Это праздники, которые мы отмечаем семьей. Это дни, которые мы проводим в кругу близких, друзей.» [инф. 5, жен., 22 года], а в интер-

вью другой информант утверждает, что русские не уделяют должного внимания традициям. Он ставит под сомнение само их наличие: «С традициями у нас вообще проблема, есть миф о том, что они как бы существуют, но на самом деле я что-то сомневаюсь, русские относятся к своей истории, к своим памятникам наплевательски.» [инф. 8, муж. 50 лет].

Религиозное воспитание, по мнению информантов, связано с традициями. Оно рассматривается опрошенными, как основа российской культуры. Информант 1 утверждает, что традиционно у русских в воспитании присутствует некоторая часть религиозности в виде праздников. Здесь он приводит в пример празднование Рождества верующими и не верующими: «Я думаю, что да, религиозное воспитание связано с традициями русского народа. Многие праздники, которые отмечаются, в нашей стране – религиозные. К примеру, Рождество, это больше относится к православным и его в той или иной степени отмечают и верующие и не верующие. Поэтому, я считаю, что праздники и религиозное воспитание, они, в этом случае, связаны [инф. 1, муж., 22 года]. Враждебным по отношению к науке, культуре и личной свободе называл религиозное воспитание информант 8. Он считает, что религиозное воспитание ничего не даёт и мешает рациональному мышлению. По его мнению, религиозное образование связано с иллюзиями о продолжении жизни после неё и это мешает в повседневной жизни: «Это мракобесие, это заблуждение, этого не должно быть. Человек должен научиться мыслить рационально, рациональное мышление, оно не даёт тебе вот этой вот иллюзии, что ты умрешь и будет продолжение вот этой вот вечной жизни. Я рациональный человек. Религиозное воспитание не даёт ничего. Оно и не нужно.» [инф. 8, муж., 50 лет].

Говоря о традиционных русских праздниках, стоит отметить, что 10 из 10 информантов отметили, что к традиционным праздникам относятся ре-

лигиозные. В отдельных случаях добавляются классические советские праздники такие как 1 и 9 мая, День учителя: «В основном православные. Троица, Пасха, Рождество, 1 мая, 9 мая. Отмечаем большинство.» [инф. 7, жен., 41 год], «9 мая в первую очередь. Ну, Новый год, я бы не сказал, это больше у нас пришло с Европы и это больше как языческий праздник. Рождество, Пасха.» [инф. 2, муж., 31 год], «Рождество, Пасха, Татьянин день. День учителя.» [инф. 4, жен., 27 лет].

По мнению некоторых информантов, «...традиционная русская культура – это совокупность всех наших произведений искусства, которые были сделаны, книг которые были написаны...», пятый информант заявила: «... что русская традиционная культура переходит от предков к их потомков. Это традиции, обряды. Тот же самый фольклор, искусство» [инф. 5, жен., 27 лет]. В данном случае информанты считают, что русская традиционная культура проявляет себя через фольклор, традиции, книги, обряды и она наследуема от наших предков.

Другие информанты считают, что культура современного человека, в первую очередь связана с нормами поведения в человеческом обществе и общим уровнем грамотности: «Культура современного человека – это, в первую очередь, поведение человека, точнее, общепринятые нормы поведения. Это грамотное владение своим родным языком, походы на концерты в филармонию, в театр, музеев...» [инф. 7, жен., 41 год]. По мнению опрошенных, культура современного человека заключается непосредственно в самом поведении человека, это может быть и грамотное владение родным языком, и приобщение к театральным постановкам. Во всех случаях, информанты отмечают, что составной частью культуры современного человека являются музеи, театры, фестивали, балет. Например, один из информантов указывает, что культура русского человека это и «манера поведения человека, умение одеваться, музеи, театры. Я за то, чтобы

наш русский язык не засорялся» [инф. 9, жен., 57 лет], а другой информант добавил к списку Грушинский фестиваль: «И сейчас все это есть, что перечислила выше. Музеи, театры, фестивали, например, Грушинский, балет.» [инф. 10, жен., 39 лет].

Некоторая часть опрошенных убеждена, что на данном этапе развития общества развитие русской культуры и русского языка зависит от политических решений и политической ситуации, выражают идеи о необходимости возврата политического воспитания в виде политэкономии, а следовательно его стоит рассматривать как элемент современной культуры: «Главное – это трезво оценивать нынешнюю ситуацию и понимать процессы которые происходят именно сейчас в политике. Необходимо анализировать. Необходимо вернуть политическое воспитание в учебных заведениях, политэкономии.» [инф. 6, муж., 44 года].

Результаты проведенного исследования показывают, что информанты владеют достаточно общими представлениями о русской культуре, при этом, чем меньше возраст и уровень образования опрошенных, тем меньшим объемом информации об особенностях культуры родного народа обладает информант. Всем известны базовые факты о народных традициях, основные праздники, которые получили распространение и отмечаются в современный период. Из этого следует, что с каждым новым поколением, интерес к русской культуре и русским традициям постепенно угасает, что безусловно является отрицательной тенденцией развития российского общества.

Стоит отметить тот факт, что уровень знаний и масштабы изучения русской культуры удовлетворяют в настоящее время именно молодых людей, они не считают ее столь значимой и подчеркивают тенденцию к уменьшению ее роли в современном обществе. Представители старшего поколения считают их недостаточными и подчеркивают неопределенность русской народной культуры, отсутствие должного внимания к ней.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время изучение русской традиционной культуры требует дальнейшего совершенствования. Ввиду повсеместной европеизации, традиции русской народной культуры смешиваются с традициями запада, теряя свою самобытность, что не может расцениваться как положительная тенденция, так как современные люди и будущие поколения должны знать и ценить свою культуру и передавать ее молодому поколению.

Авторам представляется, что без увеличения масштабов изучения русской народной культуры, повышения интереса граждан к ней невозможно выполнить данную задачу. Необходимо увеличивать количество мероприятий, отражающих русскую национальную культуру и традиции русского народа, проводимых в регионах, проводить больше культурных мероприятий, создавать больше выставок и музеев, в которых можно было бы познакомиться с традициями народа. При этом, очень важно сделать данные мероприятия доступными, как в с финансовой точки зрения, так и территориально, чтобы граждане с любым финансовым положением и вне зависимости от района проживания могли быть познакомиться с элементами русской национальной культуры.

Важным шагом в изучении русской культуры могло бы стать внедрение в школьную программу, программу обучения высших учебных заведениях соответствующих предметов, проведение мероприятий, отражающих культуру русского народа. Введение предложенных мероприятий может способствовать сохранению самобытности русской культуры, распространению знаний о ней и повышению интереса к ней в современном российском обществе.

Литература

1. Буторов С.А. Современная культура России: мифы и реальность// Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 1. – С. 57–63.

2. Худякова Л.В. Особенности русской культуры по Д. С. // Молодой ученый. – 2016. – № 4 (108). – С. 865–867.
3. Марков А.П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования /А.П. Марков. – СПб.: СПбГУП, 2017. – 453 с.

THE IMPACT OF RUSSIAN CULTURE ON SOCIAL PROCESSES: THE EXAMPLE OF THE CITY OF SAMARA

Pustarnakova A.A., Nifatov A.A., Batishcheva T.A.

Samara National Research University named after Academician S.P. Koroleva

Russian Russian culture in modern society, its state, the degree of study and the level of education of the citizens of our country on issues related to the culture of the Russian people are studied in the article. Using the example of events held in Samara, the author analyzes attempts to educate citizens of the region about the culture of the Russian people. Russian Russian citizens' knowledge of the peculiarities of Russian culture, their attitude to Russian culture,

its features, values, the main traditional events and holidays familiar to the Russian people was studied by the survey method. Russian Russian culture in modern Russian society, the main problems associated with this issue and prospects for improving the process of studying the culture of the Russian people at the present time are also drawn by the author.

Keywords: Russian culture, education, cultural values, Russian people, enlightenment, ethnic traditions, ethnic identity, way of life, national costume, Orthodoxy.

References

1. Butorov S.A. Modern culture of Russia: myths and reality // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2015. – No. 1. – S. 57–63.
2. Khudyakova L.V. Features of Russian culture according to D.S. // Young scientist. – 2016. – No. 4 (108). – S. 865–867.
3. Markov A.P. Russian civilization in the global world: challenges, threats, transformation resources / A.P. Markov. – St. Petersburg.: St. Petersburg State Unitary Enterprise, 2017. – 453 p.

Историческое познание в контексте социальной эпистемологии

Давыдов Вячеслав Александрович,

кандидат философских наук; кафедра философии, истории, политологии и права, ГОУВО МО
«Государственный социально-гуманитарный университет»
E-mail: va.davydov@bk.ru

В последние годы в парадигме научного знания особенно активно развивается социальная эпистемология – наука, изучающая социальные аспекты теории познания. Однако, исследование проблем социальной эпистемологии будет неполным, если обойти стороной роль истории в процессе познания. Автор данной статьи рассматривает особенности процесса исторического познания и анализирует различные подходы к изучению истории, уделяя особое внимание цивилизационному подходу, в основе которого лежит цикличность исторического развития. В статье рассматриваются три единицы измерения истории, которые направляют познающего субъекта в процессе познания истории. Автор статьи также поднимает вопрос реконструкции исторических знаний в зависимости от эпохи и состояния общества на определенном этапе развития, рассматривает необходимость исторического контекста для исследования проблем познания и останавливается на особенностях его социально-исторического характера.

Ключевые слова: социальная эпистемология, познание, история, цивилизация, эпоха, культура, общество.

В последние несколько десятилетий из эпистемологии – науки, изучающей теорию познания, выделилось направление, именуемое социальной эпистемологией. Эта дисциплина, которая активно развивается, продуцируя новые подходы и порождая новые дискуссии, исследует познавательный процесс в контексте его социальной природы и социальной обусловленности. Один из идейных создателей социальной эпистемологии, С. Фуллер, рассматривает данную науку «не просто как одну из версий современной теории познания, но как ее глобальную и интегративную перспективу» [9, с. 5].

Социальная эпистемология изучает различные формы познания, ориентированные на разные социальные потребности и социальные роли познающих субъектов [7, с. 10]. Но конкретный анализ источников показал, что общественное сознание является историческим. Причем не только в силу того, что его содержание с течением времени развивается и изменяется, но и потому, что определенной своей стороной оно «обращено» в прошлое, «погружено» в историю [1, с. 6].

По верному замечанию И.Т. Касавина, современное состояние знания всегда определяется историческим контекстом, поскольку «любая форма обоснования и аргументации предполагает ссылку на знание, полученное в прошлом» [6, с. 182]. Поэтому социальная эпистемология должна опираться на некоторую общую концепцию человеческой истории.

Некоторые ученые считают, что в процессе исторического познания акцент должен делаться «на описательной стороне исторических событий» [8]. Но, на наш взгляд, в основе фундаментальных задач исторического познания должна лежать проблема постоянного переосмысления исторической действительности, в основе которого ле-

жит выявление фактов прошлого, релевантных для актуального настоящего. В связи с этим принято утверждать, что историческое познание является предметом философии истории, а не истории как науки, которая описывает длинный путь человеческого общества, хотя до сих пор распространен взгляд на историю как на историю народов. «Народ – главный субъект истории», – утверждают историки. Но в последнее время у исследователей все чаще проявляется желание несколько индивидуализировать определение истории. А. Искандеров утверждает, что «в центре исторических исследований должна находиться человеческая личность» [5, с. 19], поскольку история предстает собой развитие деятельной природы человека, его активности по отношению к миру, другим индивидам и самому себе.

Во второй половине XX века исследователи подвергли сомнению прямолинейность исторического процесса и пришли к выводу, что подходить к изучению истории следует с позиций цивилизационного подхода, который, в отличие от формационного подхода, направленного на «признание решающей детерминантой общественно-исторического процесса развитие способа производства» [4, с. 232], «ставит в центр исторического анализа человека, личность с ее ментальностью» [4, с. 232].

Человеческая история, по мнению британского социолога А. Тойнби есть конгломерат цивилизаций. Понятие «цивилизация» было введено просветителями XVIII века для обозначения высокоразвитого в культурном отношении общества, основанного на государственно-правовых, разумных и справедливых началах и противопоставлялось патриархальным, родоплеменным отношениям отсталых в своем развитии народов [10, с. 647]. По мысли А.А. Ивина, цивилизация – это сложная, иерархически упорядоченная система «явных и неявных запретов, повелений, принципов и категорий теоретического и практического освоения мира, опре-

деляющих своеобразие мышления, строя чувств и действий своих индивидов» [3, с. 24].

Историческое познание, основанное на цивилизационном подходе, как считает Г.М. Ипполитов, опирается на многовариантность и цикличность исторического развития, на анализе ментальных (социально-психологических) особенностей того или иного общества и типа цивилизации [4, с. 232]. Н.Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» выделял свыше десяти цивилизаций, или культурно-исторических типов, как он их называл: от древних (египетской, китайской, халдейской и т.п.) до современных (славянской и романо-германской). При этом, по Данилевскому, славянская цивилизация как более молодая обладает духовными и социальными преимуществами перед романо-германской цивилизацией, что даст ей право доминировать в будущем [2].

Цивилизация, какой бы она ни была – коллективистской или индивидуалистической, подобна живому организму, проходящему путь от рождения до смерти, постоянно воспроизводящему себя и придающему неповторимое своеобразие всем протекающим в нем процессам.

Еще одной единицей измерения истории является эпоха, которая представляет собой своеобразную веху или рубеж в историческом процессе, воплощающую в себе важные, переломные в его ходе события, определяющие последующее развитие общества [10, с. 693]. В истории после архаического, или первобытного, общества выделяются следующие три основные эпохи: древнее аграрное общество; средневековое аграрно-промышленное общество; современное индустриальное общество. В рамках каждой из этих эпох могут существовать одна или несколько цивилизаций. Отдельная цивилизация не обязательно охватывает всю свою эпоху [3, с. 24].

С момента перехода человечества к цивилизации структурным элементом исторического познания является

культура, поскольку именно в культуре в ту или иную эпоху «отражаются господствующие представления о мире и месте в нем человека, об обществе» [1, с. 3]. Культура, по мысли И.Т. Касавина, «подчиняется цивилизации, однако последняя также трансформируется: она обретает разум и язык, которые делают возможным не только манипуляцию сознанием, но и коммуникативный дискурс» [6, с. 462]. В данном контексте понятной становится мысль М. Фуко о том, что «фактически нет различия между воздействием цивилизации на культуру и культуры на цивилизацию. Картина социальности в обоих случаях практически едина» [6, с. 462].

Итак, следует смотреть на историю как на смену цивилизаций, эпох, культур. Как отмечает А.А. Ивин, «принимаемое деление истории на основные периоды определяет ту перспективу, в которой располагаются все рассматриваемые исторические события и точкой схода которой является настоящее [3, с. 26].

В своих работах М.А. Барг отмечал, что человек – историческое существо не только в плане социальной природы, но и в плане его духовности, так как познание себя и своего места в окружающем мире идет посредством познания истории [1, с. 7]. Процесс познания имеет общественно-исторический характер:

- 1) все человеческое познание основано на практике;
- 2) мышление и познание человека опирается на накопленный предыдущими поколениями общественно-исторический опыт;
- 3) обязательным условием процесса овладения человеком общественно-исторического опыта – жизнь в обществе и коллективе;
- 4) уровень познания человека определяется непосредственно уровнем общественно-исторического развития человечества, уровнем развития знания, отображенных в материальной и духовной культуре, в категориальном строении мышления, в его структуре, в языке.

Важно понимать, что, как и любое другое, историческое познание субъективно, результатом которого прежде всего является существующее в сознании знание. Знание в данном случае есть субъективный образ объективной реальности. Во главу угла познания действительности на каждом историческом этапе стоит субъект познания, именно он характеризует интересы, задачи, потребности и возможности некой социальной группы или исторического общества в каких-то определенных условиях. Субъектами познания могут быть индивиды и иные члены общества. Проживая в определенной исторической эпохе, данные субъекты основываются в своем познании на те знания, которыми общество владеет в конкретном историческом времени, в том числе на некую определенную для данной эпохи культуру мышления.

Стоит отметить, что вся действительность – слишком обширный объем для познания, так как она неисчерпаема и бесконечна. Субъект и объект познания имеют конкретно-исторический характер, что означает, в данном контексте, что объектом познания является не вся действительность, а лишь та ее часть, которая непосредственно вписывается в период развития данного общества в конкретное рассматриваемое время.

В процессе исследования особенностей исторического познания можно выделить еще один важный аспект – противоречивость. В радикально трансформирующихся обществах уже не так важен опыт прошлых поколений. Изменения, происходящие с новым поколением, куда более значимы, на этом фоне опыт отцов и дедов теряет всяческую ценность, а иногда видится преградой. Культурно-историческая ценность прошлого теряется на фоне радикальных изменений современности и требует выстраивания новых отношений с историей. В виду выше сказанного нам видится, что новому поколению необходим некий новый продуктивный тип мышления, который будет способствовать целостному восприятию исто-

рии, а также поможет осмыслить историческую реальность в контексте прошлого и настоящего.

Литература

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
3. Ивин А.А. Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении: монография. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 570 с.
4. Ипполитов Г.М. Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его потенциал? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 6. – С. 231–239.
5. Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 19.
6. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013. – 560 с.
7. Познание в социальном контексте. – М.: ИФРАН 1994. – 174 с.
8. Семенов Ю.И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
9. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. – М.: «Канон+»; РО-ОИ «Реабилитация», 2010. – 712 с.
10. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.

HISTORICAL COGNITION IN THE CONTEXT OF SOCIAL EPISTEMOLOGY

Davydov V.A.

State University of Humanities and Social Studies

Nowadays social epistemology, a science that studies the social aspects of the knowledge theory has been developing especially active-

ly. However, the study of the problems of social epistemology will be incomplete if we ignore the role of history in the process of cognition. The author of this article examines the features of the process of historical cognition and analyzes various approaches to the study of history, paying special attention to the civilizational approach, which is based on the cyclical nature of historical development. The article considers three units of measurement of history, which guide the cognizing subject in the process of cognition of history. The author of the article also raises the question of the reconstruction of historical knowledge depending on the epoch and the state of society at a certain stage of development, considers the need for a historical context to study the problems of cognition and dwells on the features of its socio-historical character.

Keywords: social epistemology, cognition, history, civilization, epoch, culture, society.

References

1. Barg M.A. Epochs and Ideas: The Formation of Historicism. – M.: Thought, 1987. – 348 p.
2. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. – M.: Book, 1991. – 574 p.
3. Ivin A.A. social epistemology. Human cognition in the social dimension: monograph. – M.; Berlin: Direct-Media, 2017. – 570 p.
4. Ippolitov G.M. Formational approach to the knowledge of history: has its potential been exhausted? // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2009. – Т. 11. – No. 6. – S. 231–239.
5. Iskanderov A.A. Historical science on the threshold of the XXI century // Questions of history. – 1996. – No. 4. – P. 19.
6. Kasavin I.T. social epistemology. Fundamental and applied problems. – M.: Alfa-M, 2013. – 560 p.
7. Cognition in a social context. – M.: IF-RAN1994. – 174 p.
8. Semenov Yu.I. Philosophy of history: General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day. – M.: Modern notebooks, 2003. – 776 p.
9. Social epistemology: ideas, methods, programs / Ed. I.T. Kasavina. – M.: "Canon +"; ROOI "Rehabilitation", 2010. – 712 p.
10. Philosophical Dictionary / Ed. I.T. Frolova. – M.: Respublika, 2001. – 719 p.

Человеческий потенциал сквозь призму философии русского космизма

Колганов Сергей Витальевич,

кандидат философских наук, доцент; кафедра 517 «Философия»; Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
E-mail: reality731@yandex.ru

Глухов Петр Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент; кафедра 517 «Философия»; Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
E-mail: gluhov.p.s@yandex.ru

Данная статья исследует вопрос человеческого потенциала в контексте русской философии космоса, который рассматривается в свете мировоззренческих интенций XX–XXI вв. Особый акцент в статье делается на то, что русский космизм является своего рода попыткой глубокого рассмотрения взаимодействий в системе «Человек – Космос», в первую очередь, со стороны будущего человечества, напрямую связанного с будущим всего мироздания. Наряду с этим определены основные сферы философии русского космизма как значимого явления в мировой философии.

Философы, рассматривающие космическую проблематику, пытаются радикально по-новому взглянуть на предназначение человека в мире, явить перед ним ранее немислимый идеал и предложить действенные методы его воплощения. Они априори исходят из безграничных возможностей проявления человеческого потенциала, который в ближайшем будущем должен превозмочь материально-природные границы нашего существования. Отсюда, выдвинутая в русском космизме, идея овладения природой, управления космическими процессами и расселения в космосе.

Ключевые слова: русский космизм, общее дело, человеческий потенциал, биосфера, биоритмы, освоение космоса.

В настоящее время среди большого количества самых разнообразных философских учений, важное место отведено русскому космизму, который представляет собой философское направление, которое возникло на стыке XIX и XX веков. Творческое переосмысление национального философского наследия, к сожалению, можно наблюдать только в течение последних двух десятилетий. В советское время тема русского космизма была недостаточно изучена, поскольку присутствовали некие идеологические ограничения (в частности, в сфере исследования религиозно-философского направления). Исследования советского периода, посвященные творческому наследию этих авторов, отличаются критическим подходом. Например, наследие такой оригинальной внутренней, но малоизвестной тенденции, как биокосмизм, не развивалось с 1920–1930-х годов. Их главные представители были подавлены [3].

Выделяют несколько направлений русского космизма:

1. Естественнонаучное (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский).
2. Религиозно-философское (Н.Ф. Фёдоров, Е.И. Рерих и др.).
3. Художественно-поэтическое (А.В. Сухово-Кобылин, А.Н. Скрябин, В.Ф. Одоевский и др.).

В рамках данной статьи целесообразно охарактеризовать представителей естественнонаучного и религиозного направлений.

В отличие от ортодоксального христианства, по мнению Н.Ф. Федорова (основателя русского космизма), воскрешение человека должно произойти не в потустороннем мире (вспомним христианский праздник Пасхи), а в материальном мире, и не духовно, а через восстановление физического тела. Николай Фёдоров (1829–1903) настоящий гений-энциклопедист. Он работал би-

библиотекарем и привлекал к себе неординарными душевными качествами много учеников. Для современников он был носителем высокого нравственного чувства и сократической мудрости.

Большинство идей русского космизма, как всеохватывающего направления русской философии, Н.Ф. Федоров изложил в своей работе «Философия общего дела». По Федорову, человечество не сможет искоренить зло, пока все мы разъединены (в т.ч. родители и дети, разные поколения).

Подлинного единства человечество может достичь, лишь объединившись с ушедшими от нас поколениями. Оживление отцов – это предпосылка реализации христианской мечты о всеобщем воскрешении и рае. Уход каждого человека – невосполнимая потеря, как для близких, так и для всех людей, проживающих на нашей планете.

Возможно, в далёком будущем, научные центры смогут расшифровать информацию, заложенную в останках людей и воскресить предков. Для ее выполнения, по Федорову, надо собрать атомы и молекулы, некогда входившие в тела умерших предков. Важнейшей задачей науки сначала является максимальное продление жизни человека, а затем и соиздание его бессмертия – это есть главное дело (или «общее дело») всего человечества, победа над последним врагом – смертью.

Наш дом, по Федорову, это наша планета, превратившаяся в земноход, путешествуя на котором, человечество сможет покорить Космос, обеспечив себе место для достойного проживания. И при этом не нужно строить космические корабли и разрабатывать реактивные двигатели, разгоняющиеся до огромной скорости.

Другой представитель естественнонаучного космизма К.Э. Циолковский (1857–1935) – выдающийся русский ученый и философ, изобретатель ракетного двигателя. Он разработал теорию движения ракет (в том числе многоступенчатых), вдохновенно мечтал об орбитальных станциях и полетах человека к другим планетам.

В произведениях: «Монизм вселенной»; «Космическая философия»; «Вне земли»; «Научная этика»; «Нирвана» и многих других – он предстает перед нами как самобытный философ. Его философия исходила из убеждения, что весь Космос – это дом человечества, а Земля – только его колыбель. К.Э. Циолковский считал, что наша планета – это особая сфера, на которую высокоразвитые цивилизации занесли сознательную жизнь (т.е. придерживался теории панспермии).

По Циолковскому, все наши действия должны быть направлены на улучшение взаимодействия между Космосом и людьми [3]. Путь к этому лежит через исследование Космоса, как средствами науки, так и посредством изменения самого человеческого организма. Эта философия исходит из предположения, что в процессе освоения Космоса должен меняться сам физический организм человека. Здесь уделяется большое внимание искусственным аппаратам, которые расширяют возможности человека, дают человеку новые органы (приборы и машины, самолеты и космические корабли и т.д.).

В Калуге проживал не только знаменитый Циолковский, но и биофизик Александр Леонидович Чижевский. Оба эти человека встречались и подружились, считали себя «детьми космоса». Если Константина Эдуардовича сталинские репрессии не коснулись, то Чижевскому довелось познакомиться с лагерной жизнью. Посмертная реабилитация незаконно репрессированного Александра Леонидовича случилась в 1958 году.

Выдающийся русский биофизик А.Л. Чижевский (1897–1964) автор таких оригинальных работ, как: «Физические факторы исторического процесса», «Эпидемиологические катастрофы и периодическая деятельность Солнца» и др.

Изучая суточные биоритмы, француз Жан Меран в еще 1729 году экспериментировал с растениями. Особенно исследователя интересовал подсолнечник, «следящий за солнцем» в течение светового дня. Такие же опыты начал

делать и Чижевский много позднее. Биофизик открыл, что биоритмам подчиняются все живые организмы Земли вплоть до микробов. Исследования биофизиков СССР продолжались. В 1984 г. биологами был обнаружен и выделен ген – контролер биоритмов. Что касается человека, то каждый из нас имеет «внутренние часы», исправно действующие при изменении внешних условий обитания. Но спелеологами было открыто, что эти «часы» сбиваются с хода, если долго находиться в темноте пещер. А всего биоритмов у человека около трёхсот – от суточных до годовых. Физическая или эмоциональная деятельность подчинена биоритмам, как и интеллектуальная. Эти месячные промежутки времени действуют на протяжении жизни.

Можно ли биоритмами управлять? Как переводить свои биологические часы при дальних путешествиях, попадая в разные места планеты, а особенно в условиях космоса? Ведь страдает иммунная система при синдроме смены часового пояса, падает и работоспособность. Спортсменам приходится напрягать все силы, чтобы на чужой стороне выигрывать соревнования. Ученые говорят, что результаты уже есть, сдвигать биоритмы можно. Разрабатываются специальные препараты для этого и еще для адаптации космонавтов в условиях невесомости.

Различаются между собой физиологические и экологические ритмы. Есть среди них длинные и короткие (по времени). Солнце тоже «живет» ритмически, широко известен 11-годовой цикл нашей звезды. А у человека в течение суток наблюдаются еще циркадианные ритмы – околосуточные, продолжающиеся от 23 до 25 часов. Луна как спутник земной, воздействует массой на планету. Фазы же лунные влияют на поведение некоторых людей, особенно для них опасны новолуния с полнолуниями. Основных биоритмов у человека три. Они продолжаются от 23 до 32 суток. Но ученые отрицают наличие подобных циклических колебаний, считая это псевдонаучными представлениями.

Много оригинальных идей можно найти в творческом наследии знаменитого отечественного биогеохимика и оригинального мыслителя В.И. Вернадского. Он создавал не только естественнонаучные произведения, но и философские, в частности широко известную работу «Философские мысли натуралиста» [1].

В сокровищницу мировой науки вошла его концепцию ноосферы. Здесь гениальная мысль Владимира Вернадского резко противоречит западному «новому экологическому мировоззрению» первых 2-х десятилетий XXI века, согласно которому человек должен занять строго отведенное ему место в биосфере наряду с другими видами.

Геологической силой, по Вернадскому, является собственно вовсе не представитель человеческого рода, а его разум, научная мысль. Вернадский за гармоничные отношения между наукой, философией и религией, ибо только так возможно целостное понимание природы и Космоса. Любая конкретная наука не даст нового качественного скачка в своем развитии без философского взгляда на мир.

Видение космических процессов как движения направленного мы находим у В.И. Вернадского, для которого «появление в сфере разума, сознания, направляющей воли не может быть случайным»; более того, они «эволюционируют к новому жизненному проявлению» [2, с. 53]. В.И. Вернадский отмечал, что эволюционное развитие предрекает превращение человека из гетеротрофного животного в существо автотрофное. Уже сейчас на человека возложена задача поддержания жизни в структуре биосферы, а затем всеобщий опыт расширяется: сначала Земля, затем солнечная система, другие миры и Вселенная.

Помимо всего этого, русский космизм является философией, где произошло возрождение идеи античных философов относительно существования связей органичного характера между Вселенной и человеком. В результате этого русскими космистами человек

начал изучаться в качестве основного элемента Космоса, который находится в прямой зависимости от космического начала с одной стороны, с другой – как компонент эволюции. Это в свою очередь связано с тем, что произошло резкое ускорение научно-технического прогресса.

Для русских космистов человек – это существо, находящееся в процессе своего роста, в дальнейшем через эволюцию своей собственной природы. Речь также идет и об увеличении духовных сил каждого человека.

Важно указать на то, что космисты смогли объединить в себе общую заботу о Земле, биосфере, а также о Космосе с запросами каждого конкретного человека. Космизм призывает нас к целостному видению мира как единства в системе «Человек-Природа-Космос». Другой свойственной чертой русского космизма выступает гуманизм, базирующийся на всеобъемлющем знании, отражающем основные цели эволюции, как природы, так и Космоса. Эта философия не рассматривает естественную эволюцию лишенной внутренней закономерности, но утверждает ее решающий фактор в форме восхождения человеческого сознания.

Литература

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста – М.: Наука. 1988. – 522 с.
2. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки: 1922–1932 гг. / В.И. Вернадский. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – 249 с.
3. Дружинина И.А. Жизнь и смерть человека в философии эпохи поздней античности и русского космизма // Вестник Российского философского об-ва. – 2004. – № 4. – С. 133–136.
4. Миркин Б.М. Русский космизм: proetcontra // Экология и жизнь. – 2009. – № 7. – С. 21–25.

HUMAN POTENTIAL THROUGH THE PRISM OF THE PHILOSOPHY OF RUSSIAN COSMISM

Kolganov S.V., Glukhov P.S.

Moscow Aviation Institute (National Research University)

This article explores the issue of human potential in the context of the Russian philosophy of space, which is considered in the light of the worldview intentions of the XX–XXI centuries. Particular emphasis in the article is placed on the fact that Russian cosmism is a kind of attempt to deeply consider the interactions in the “Man-Space” system, first of all, from the perspective of the future of humanity, which is directly related to the future of the entire universe. Along with this, the main spheres of the philosophy of Russian cosmism are identified as a significant phenomenon in world philosophy.

Philosophers who consider space problems are trying to radically take a fresh look at the destiny of man in the world, to reveal to him a previously unthinkable ideal and to offer effective methods for its implementation. They a priori proceed from the boundless possibilities of the manifestation of human potential, which in the near future should overcome the material and natural boundaries of our existence. Hence, put forward in Russian cosmism, the idea of mastering nature, controlling cosmic processes and settling in space.

Keywords: Russian cosmism, common cause, human potential, biosphere, biorhythms, space exploration.

References

1. Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist – M.: Nauka. 1988. – 522 p.
2. Vernadsky V.I. Biogeochemical essays: 1922–1932 / V.I. Vernadsky. – Moscow; Leningrad: Acad. Sciences of the USSR, 1940. – 249 p.
3. Druzhinina I.A. Life and Death of Man in the Philosophy of Late Antiquity and Russian Cosmism // Bulletin of the Russian Philosophical Society. – 2004. – No. 4. – S. 133–136.
4. Mirkin B.M. Russian cosmism: proetcontra // Ecology and life. – 2009. – No. 7. – S. 21–25.

Феномен цаца в философии северного буддизма

Музафарова Наталья Раисовна,

аспирант кафедры философии, Бурятский
государственный университет им. Д. Банзарова
E-mail: muzafar-nr@mail.ru

Целью исследования является изучение феномена цаца в свете философии северного буддизма. Задачи, решаемые для ее достижения, следующие: сбор информации, систематизация информации и анализ данных об исследованиях, посвященных буддийской философии, буддийским религиозным практикам, буддийскому искусству скульптуры малых форм; апробация полученных данных в научном и педагогическом процессах. В ходе нашего исследования были сделаны следующие выводы: практикуемые по сей день виды искусства северного буддизма содержат философскую составляющую. Информация, полученная в ходе исследования, успешно применена в педагогической практике высшей школы по предметам: философия, религиоведение, искусствоведение, обществоведение. Объектом исследования является философия северного буддизма. Предметом исследования являются философская составляющая буддийского искусства. Для решения поставленных задач в работе применялись сравнительный, описательный, аналитический методы исследования. Материал исследования выбран из имеющихся литературных и электронных источников, опубликованных монографий и статей российских и зарубежных авторов. Как показала работа с имеющимися источниками, степень изученности проблемы недостаточна и требует современного осмысления. Для обеспечения однозначности понимания сути вся специфическая терминология в тексте продублирована на двух языках – санскрите и тибетском с транслитерацией Вайли.

Ключевые слова: северное буддийское искусство, философия, семантика, скульптура, цаца.

Введение

Северный буддизм/ ваджраяна (санскр.) богат ритуалами и практиками, аналогов которым нет в других культах. Одной из таких традиций, входящих в состав предварительных практик/ нёндро (тиб.) является изготовление скульптур мелкой пластики цаца (тиб.). Эти небольшие статуэтки героев буддийского пантеона и ступ делаются, как правило, из глины или гипса. Также при их изготовлении в особых случаях применяются драгоценные пилюли и пепел, оставшийся после кремации тел великих учителей. Хранят цаца в местах паломничества, на алтарях, в монументальных архитектурных ступах и домах цаца. В таких местах верующие делают обхождения вокруг/ кора (тиб.), простираются, подношения и другие духовные практики. Также цаца опускают в водоемы, как подношение водным духам/ нага (санскр.). [2, с. 45]

Все великие учителя считают изготовление цаца мощнейшей и обязательной практикой. По словам Сопыринпоче: «Цаца – содержат благословленные субстанции и являются священными предметами. Если сложить ладони всего лишь перед одной статуей, то это станет причиной для благого перерождения, ведущего к освобождению из сансары и далее к Просветлению. Сложив ладони перед сотней цаца, мы получаем сотню тысяч видов пользы. Сложив ладони в жесте/ мудра (санскр.) приветствия перед тысячей цаца, мы получаем в тысячу раз больше причин для освобождения. Делайте подношения цаца Будд и сорадуйте своим усилиям и священным образам, которые вы создали для этого мира». [5, с. 105]

Семантика

Как правило, цаца изготавливают в больших количествах, ибо тиражирование любых священных изображений способствует «освобождению через смотрение» множеству живых существ. Во время их

изготовления начитывают соответствующие мантры и делают необходимые визуализации. Не будем углубляться в сакральные тонкости практики, известные только практикующим, изложим общие принципы. [4, с. 78]

Как и все материальные объекты буддийского культа, цаца неотделимы от философской составляющей этого учения. Цаца являются символом ума Будды или его ушнишы (санскр.). Их создание считается практикой для накопления благих заслуг и хорошей кармы, средством для устранения препятствий и кармических долгов, для накопления причин пробуждения. Цаца можно делать в помощь для исправления негативной ситуации конкретным людям, которые сами не могут совершить эту практику. Например, для человека, который страдает от болезни, или жизни которого угрожает опасность. Или для покойника, чтобы он быстро освободился из низших миров и обрел хорошее рождение для практики Дхармы. [1, с. 67]

Как правило, цаца делаются от пяти до ста тысяч и более штук. Число пять не случайно, оно символ глав Будда-семейств, их качеств и определенной цели. Первая цаца делается для Трех Драгоценностей буддизма/ триратна (санскр.), чтобы Учение Будды/ Дхарма (санскр.) распространялось, развивалось и пребывало долго. Вторая цаца делается для учителя/ гуру (санскр.), с которыми есть прямая или косвенная связь, чтобы он или они обрели долгую жизнь, их святая активность развивалась и желания исполнялись, чтобы их святые деяния и опыт продолжились в учениках и увеличилось поле объектов, на которые направлены их деяния. Третье цаца делается для родителей прошлого, настоящего и будущего, обитающих в шести мирах, дабы все страдания каждого существа полностью очистились и они достигли состояния всеведения. Четвертая цаца делается для всех существ, которые умерли, пребывают в пограничном состоянии/ бардо (тиб.) и ещё не обрели новое рождение. Чтобы их умы очистились и они

достигли трех тел/ кайя (санскр.) просветления. Пятая цаца делается для себя и всех живых существ. Чтобы практикующий и все живые существа накопили заслуги и очистились от омрачений, чтобы исчезли все плохие условия, болезни и страдания, увеличился срок жизни, заслуги, процветание. [5, с. 123]

Как и во всем другом, у буддиста, делающего цаца, есть одна мотивация – ради блага всех живых существ. Перед ее началом любой практики он вспоминает основные философские принципы буддизма: Принятие Прибежища, зарождение Бодхичитты (санскр.) и понимание относительности всего сущего. Для этого практикующий выполняет семичленную практику обращения к гуру, как к основе всех реализаций: поклонение, подношение, покаяние, сорадование, просьбы о вращении колеса Учения и не покидать мир, посвящение заслуг. При этом поизносится семичленная молитва: «Почтительно склоняюсь совершенным телом, речью и умом Будды; подношу облака всех видов подношений, реальных и воображаемых; раскаиваюсь во всех своих негативных поступках, накопленных с безначальных времен; сорадуюсь заслугам святых и обычных людей; прошу, оставайтесь до конца циклического существования; вращайте колесо Дхармы для живых существ; посвящаю все мои заслуги и заслуги других великому Просветлению. Простираюсь перед гуру – прославленными спасителями живых существ, владыками всеведения и сострадания, объектом прибежища для всех, кто вращается в колесе сансары, путем к освобождению, полностью сокрушившими все препятствия. Прошу, даруйте мне и всем живым существам особые и обычные реализации. Чтобы накопить причины для пробуждения, я выполняю эту практику цаца». [6, с. 89]

Технология

Помимо традиционной практики создания цаца из земли, из глины или гипса, также цаца делают из воды и ветра. Для этого форму для изготовления цаца

поднимают навстречу ветру, она наполняется воздухом и получается тысяча Будд из ветра. Также и с водой сто тысяч раз. [8]

Процесс изготовления цаца состоит из трех частей: предварительной, основной и завершающей. Все это происходит в ментальной и материальной чистоте с повторением различных мантр и визуализациями на всех этапах процесса. Сейчас, помимо традиционных форм из металла, используют и силиконовые. [3, 371]

Перед началом практикующий визуализирует благословение своих учителя и идама (санскр.). Затем, проявившись идамом, принимает прибежище и зарождаёт бодхичитту. Очищает подготовленные материалы (форму, воду, гипс, глину, краски) мантрой и размышляет об отсутствии у них самобытия. При этом мудрость, осознающая пустоту сущего, проявляется в форме пяти слогов глав Будда-семейств. Слоги превращаются в гору драгоценностей и из них делаются цаца. После наполнения формы глиной или гипсом необходимо заложить в цаца свиток мантры/зунг (тиб.), или три освященных рисовых зерна, или благословенные субстанции. Если цаца имеет форму Будды или Бодхисаттвы, то мантру помещают на уровне сердца, а если форму ступы – в её центр, подобно тому, как помещаются в статуи для освящения. Высушенные цаца можно оставить естественного цвета, покрасить шафрановой водой с пилюлями амриты/мендруп (тиб.) или акриловой краской, покрыть сусальным золотом, лаком или мастикой для блеска. В конце делается посвящение заслуг от практики благом всех живых существ. [7]

Заключение

По сей день практика создания цаца, является обязательной в составе предварительных практик школы Гелуг Ваджраяны. Любой практикующий обязан сделать ее, прежде чем приступить к более сложным практикам и многолетнему ретриту. Современные буддийские отечественные и зарубежные центры ре-

гулярно проводят творческие занятия по созданию цаца для широкой публики, куда приглашают не только буддистов, но и всех желающих соприкоснуться с экзотической культурой. Такие творческие занятия многофункциональны. Они решают множество задач, одна из которых – процветание многовековой буддийской практики и соприкосновение с глубочайшей философией Учения Будды.

Литература

1. Берзин А., Общий обзор буддийских практик, СПб., 1993,– 183с.
2. Далай-лама, Мир тибетского буддизма. СПб., 1996,– 245с.
3. Кучин И.Л., Дхарма, П., 2017,– 567с.
4. Музафарова Н.Р., Традиции изобразительного искусства северного буддизма, Ч., 2021,– 186 с.
5. Сопа Ринпоче, Практика Будды медицины. Наставления в затворничестве, М., Ганден Тендар Линг, 2018, –512с.
6. Тхангтонг тулку, Как сделать цаца, М., 2018,– 167с.
7. <http://www.udel.edu/CHAD/clreedy>. <http://www.tsatsastudio.org/practice.htm>
8. https://fpmr.ru/group_practices/praktika-ca-ca/ htm

THE PHENOMENON OF TSATSA IN THE PHILOSOPHY OF NORTHERN BUDDHISM

Muzafarova N.R.

Buryat State University named after D. Banzarov

The aim of the study is to study the phenomenon of tsatsa in the light of the philosophy of Northern Buddhism. The tasks to be solved to achieve it are as follows: collection of information, systematization of information and analysis of data on studies on Buddhist philosophy, Buddhist religious practices, Buddhist art of small sculptures; approbation of the received data in scientific and pedagogical processes. In the course of our research, the following conclusions were made: the art forms of northern Buddhism practiced to this day contain a philosophical component. The information obtained in the course of the study has been successfully applied in the teaching practice of higher education in the following subjects: philosophy, religious studies, art history,

social science. The object of the research is the philosophy of Northern Buddhism. The subject of the research is the philosophical component of Buddhist art. Comparative, descriptive, analytical research methods were used to solve the tasks set in the work. The research material was selected from available literary and electronic sources, published monographs and articles by Russian and foreign authors. As work with available sources has shown, the degree of knowledge of the problem is insufficient and requires modern understanding.

Keywords: northern Buddhist art, philosophy, semantics, sculpture, tsatsa.

References

1. Berzin A., General review of Buddhist practices, St. Petersburg, 1993,– 183p.
2. Dalai Lama, The World of Tibetan Buddhism. SPb., 1996,– 245p.
3. Kuchin I.L., Dharma, P., 2017,– 567p.;
4. Muzafarova N.R., Fine art traditions of northern Buddhism, Ch., 2021, –186 p.
5. Sopa Rinpoche, The Medicine Buddha Practice. Instructions in retreat, M., Ganden Tendar Ling, 2018, –512p.
6. Thangtong tulcu, How to do caca, M., 2018, –167p.
7. <http://www.udel.edu/CHAD/clreedy>.
<http://www.tsatsastudio.org/practice.htm>
8. [https://fpmt.ru/group_practices/praktika-ca-ca/ htm](https://fpmt.ru/group_practices/praktika-ca-ca/htm)

Становление индивидуального бытия индивида в семейном бытии традиционного и включающего общества: экзистенциалистский и феноменологический аспекты

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Буланая Юлия Викторовна,

старший преподаватель кафедры философии МОН ДНР ГО ВПО «Донецкий Национальный университет экономики и торговли имени М. Туган-Барановского»
E-mail: ulikmarkina@gmail.com

В статье осуществляется комплексное исследование индивидуального бытия человека внутри пространства семейного бытия включающего и традиционного общества с позиций социальной феноменологии и экзистенциализма. Показывается, что основу исследования феноменологии семьи во включающем социуме обычно образует микроинтеракционистский подход, в рамках которого приоритетом становится выявление типификаций и допущений, направленных на конструирование мира повседневной жизни семьи. Постулируется, что трансляция социального опыта в контексте социализации выступает личностно-формирующим аспектом функционирования семьи и представляет ее как значимую форму социального бытия. Обосновывается, что трансформации современного общества привели к переосмыслению семейного бытия, так как становится достаточно очевидным негативное влияние на семейное бытие и семейные отношения постмодернистских индивидуалистических ориентаций в своих крайних формах, социального плюрализма и поливариативности субъективных предпочтений и выбора. Демонстрируется, что семья выступает как ценностная предпосылка общественного бытия относительно индивидуального бытия членов семьи. В концепте оценки коллективного бытия семьи индивид с ограниченными возможностями обычно выходит из пределов внутреннего существования в рамках семейного бытия и далее – в бытие социальной общности. Обращается внимание на то, что в семье как сегменте транс-

формирующегося общества ценностные ориентации и ценности, представляющие вид социально-информационной деятельности, формируют основу индивидуального существования людей в рамках семейного социального партнерства как уровня налично-семейного бытия включающего или традиционного общества.

Ключевые слова: включающее общество, семейное бытие, духовность, ценность, феноменология, интерсубъективность, индивидуальное бытие, ограниченные возможности (ОВ).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/>, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение. В современной фило-софской литературе возник интерес к рассмотрению различных аспектов становления индивидуального бытия человека внутри семейного бытия и пространства традиционного и включающего общества с позиций социальной феноменологии и экзистенциализма. Основу исследования феноменологии семьи во включающем социуме обычно образует микроинтеракционистский подход, в рамках которого приоритетом становится выявление типификаций и допущений, направленных на конструирование мира повседневной жизни семьи. При этом феноменология утверждает уникальность каждой семьи и ее отличие от мира повседневности, хотя семья и является его частью. Постулируется, что все семьи весьма схожи в воспроизведении социального мира, однако для каждой семьи характерно собственное понимание своей частной жизни.

Основная часть. Семейное бытие выступает необходимым звеном и специфической формой становления современной цивилизации, выступая как субъект социокультурного выражения и развития. В нем конструируются комплексы семейных ценностей, значимых для сферы духовной культуры социума. Трансляция социального опыта в контексте социализации выступает личностно-формирующим аспектом функционирования семьи и представляет ее как значимую форму социального бытия. В рамках семейного бытия осуществляется воспроизводство человека и при этом многосторонняя деятельность семьи с необходимостью стабилизирует социальную реальность. Конечно, семейное бытие не только реализует социально-значимые функции. Постулирование личностной мотивации человека представляет семейное бытие в качестве социокультурного феномена. Комплексное изучение феномена социального бытия предполагает его позиционирование как важнейшего элемента социального бытия. В современных условиях социокультурные трансформации обостряют противоре-

чия внутри семейного бытия, а также конфликт внесемейных и семейных отношений, что нередко называют «ценностным кризисом семьи».

Значимой особенностью фундаментальных проявлений индивида с ограниченными возможностями (ОВ) является его способность воплотить весь спектр духовных ценностей одновременно и в качестве объекта и в качестве субъекта социально-практической деятельности. Следовательно, духовность индивида с ОВ исходно формируется в семейном бытии, а затем становится значимым параметром, отличающим людей уникальной формой идентификации их как личностей. Бытие семьи как духовный фактор выступает в качестве основы самоидентификации индивида через аксиологическое воплощение и представленность. Необходимым условием самоидентификации индивида выступает семья как обязательный компонент социального бытия и сферы формирования духовного мира человека. Возникает проблема ценности семьи и семейного бытия как базиса становления духовности индивидов. В рамках решения таких проблем философское знание выполняет теоретико-методологическое основание относительно других наук, а также обеспечивает конструирование социальной модели комплексного рассмотрения сценариев решения различных аспектов семейного бытия в условиях социальных трансформаций.

Рассмотрение социальной ценности бытия семьи и семейных отношений вызывает интерес в условиях коренных политических, экономических и социально-идеологических преобразований. Исходим из того, что эффективность осуществления семьей своей функции исходной социализации представляется важной предпосылкой формирования адаптивно-креативных возможностей индивида и социума. В рамках семейного бытия определяется многогранность становления личности, развитие ее духовного мира, поэтапное вхождение индивида через семейное бытие в культуру общества.

Трансформации современного общества привели к переосмыслению семейного бытия, так как становится достаточно очевидным негативное влияние на семейное бытие и семейные отношения постмодернистских индивидуалистических ориентаций в своих крайних формах, социального плюрализма и поливариативности субъективных предпочтений и выбора. Семья становится своеобразным перекрестком социального кризиса и социальных проблем. Особо следует отметить негативное влияние социальных трансформаций на динамический аспект народонаселения, на морально-нравственное состояние социума, приоритет деструктивных моментов в социальном поведении.

Ценности семьи как выражение полисубъективности на подлинное семейное бытие изначально имеют феноменологический оттенок. Сами ценности отражают не просто основные характеристики семейного бытия индивидов с ОВ, а приоритет отдается свободе индивидов в семье относительно регуляторов социального бытия, то есть факторам внешней детерминации. Несомненно, ценности индивидов в семье определяются в русле свободной целепронацональной деятельности с учетом возможных индивидуальных особенностей (ограниченных возможностей) и предпочтений членов семьи, что важно в рамках синтеза эмоциональных и рациональных моментов в их жизнедеятельности. Общественные ценности и ценности семейные несут специфику своеобразного переживания индивидами внутрисемейного качества жизни, что формирует вектор ее постепенного совершенствования. Система семейных ценностей определяет и формирует базовые ценностные ориентации индивидов в семье. Следовательно, аксиологический аспект является основополагающим в рамках социализации индивидов в семейном бытии. При этом нередко высокая оценка индивидом роли семьи в его жизнедеятельности связывается именно с укреплением в семейном бытии его собственной по-

зиции. Причем полисубъективность индивидов с ОВ в семье вносит в обыденную жизнь новые ценности и смыслы, отражающие «подлинность» семейного бытия. Как реализацию собственных ценностных ориентаций индивид добивается в осмыслении и интерпретации специфики именно семейного бытия. Такое семейное бытие индивида непосредственно влияет на его рефлексивные возможности, что позволяет осознать меру «должного» в семейном бытии, определяющего характер интенциональности управления параметрами существования и функционирования семьи.

Семья выступает как ценностная предпосылка общественного бытия относительно индивидуального бытия членов семьи. Именно семья является для индивида пространством коллективного бытия по отношению к которому индивид реализует свои собственные интенции проживания и переживания семейного бытия. Имеем ситуацию соотносительности индивида и семьи в социальном конструировании их жизнедеятельности. Индивид реально включает такие ситуации в сферу собственных ценностно-субъективных процессов переживания семейного бытия. Поэтому процесс переживания подобного бытия является одновременно и его оценкой. В концепте оценки коллективного бытия семьи индивид с ОВ обычно выходит из пределов внутреннего существования в рамках семейного бытия и далее – в бытие социальной общности. В подобном случае постулируем приоритет индивидуально-семейных ценностей. Следовательно, ценность значима как фактор, не позволяющий индивиду изменять свое «наличное» бытие без изменения семейного бытия. Социальное пространство семьи индивид с ОВ осваивает через реализацию внутренних предпочтений. При этом индивид не утрачивает в семейном бытии ценности и уникальности своего индивидуального существования с учетом интеллектуальных и психологических параметров. Постулируем, что ценностный аспект семейного бытия правомер-

но рассматривать в качестве основания для синтеза рационального и эмоционального моментов жизнедеятельности семьи.

Конечно, семейные ценности аккумулируют социально и личностно-значимые аспекты, что предполагает соотнесение индивидуальных ценностей и ценностей семьи, отражающих в снятом виде ценности индивида. Подобные ценности приобретают не просто статус всеобщих ценностей для семьи, они синтезируют и систематизируют осмысление и переживание всего комплекса ценностей, характерных для индивидов данной социальной общности. Возникает ситуация общезначимости семейных ценностей. В этом процессе реализуется диалектика единичного, особенного и всеобщего в коллективном переживании и проживании семейного бытия. Отметим, что ценности выступают как системообразующий фактор социального пространства семьи. Он синтезирует нравственную, эмоциональную и интеллектуальную сферы жизнедеятельности индивидов. При этом ценности могут представлять сценарии или ориентиры «вхождения» индивидов с ограниченными возможностями в пространство семьи.

Возникает проблема реализации интерсубъективности в семейном бытии. То есть индивид с ОВ должен не только понимать задачи жизнедеятельности семьи, но уметь их осмыслить и интерпретировать с учетом целерациональных особенностей и установок социальной общности. Необходимо определить критерии комплексной оценки индивидом процессов внутри социального пространства семьи, принимая индивидуальные приоритеты всех членов семьи. В рамках интерсубъективности осуществляется оценка собственно событийности семьи и в этой связи в пределах семейного бытия возникает ценностно-эмоциональное пространство интерсубъективности. Причем корреляция индивидуальных ценностей и семейного бытия представляется как своеобразная интерпретация имеющихся смысловых оттенков дискурса членов се-

мьи. Такая интерпретация обозначает специфику ценностно-познавательного пространства семьи, в котором и происходят различные формы коммуникации. В семье как сегменте трансформирующегося общества ценностные ориентации и ценности, представляющие вид социально-информационной деятельности, формируют основу индивидуального существования людей в рамках семейного социального партнерства как уровня налично-семейного бытия. Индивидуальная ценность реально оказывает влияние на семейное бытие. Само социальное пространство семьи аккумулирует индивидуальные ценности, что определяет индивидуальные предпосылки становления интегральной характеристики интерсубъективности. Деятельность индивида получает направленность на осуществление конкретно-значимых задач семьи.

Конструктивистская философия утверждает, что социальная действительность реконструируется именно социально, однако интерпретируется в рамках индивидуального бытия. Поэтому конструктивизм весьма близок к экзистенциализму. Воссоздание социальной реальности происходит на основе индивидуальной и когнитивной перцептивности. Комплекс знаний о действительности распространяется посредством теоретических конструктов, и, в меньшей мере, как обращение к явлениям, фактам и процессам реальности. Социальное пространство семьи определяется целерационально в результате синтеза интерпретационных способностей и возможностей индивидов в трансформирующемся социуме. Индивид с ОВ «входит» в поле социальной реальности семьи, которое отличается наполненностью разнообразными смыслами и значениями как результатами ценностной и целерациональной деятельности индивидов, интерпретирующих и конструирующих свое индивидуальное бытие в семейном бытии.

Заключение. Социализация индивида с ОВ в семейном бытии предполагает внесение в русло его жизнедеятельности универсальных смыслов

и концептов, адаптирующих индивида к реалиям семейного бытия трансформирующегося включающего общества. При этом «интерпретация» представляется ключевым концептом социальной феноменологии и конструктивизма. Само представление о специфике интерпретации базируется на локальных системах своеобразных теоретических конструкторов как смыслообразующих понятий семейного дискурса. Таким универсальным понятием в феноменологии и конструктивистской философии является интерпретативная модель, иницирующая осмысление и понимание продуктов человеческого опыта. При этом экзистенциальный и феноменологический аспекты ценностного измерения семейного бытия выступают теоретическими основаниями становления духовности индивида с ограниченными возможностями.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. Научные исследования: информация, анализ, прогноз. – Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Корвин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонина Г.И., Складов И.Ю., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора О.И. Кирикова. Воронеж, 2003. Том 1. 224 с.
4. Научные исследования: информация, анализ, прогноз. – Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Ворони-
на Л.В., Гринь А.И., Гуцина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
5. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 76–83.
6. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 19–22.
7. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Самоорганизующиеся системы в контексте постнеклассической науки // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 3–2. С. 177–178.
8. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Фактор темпоральности, переходные состояния и социальные противоречия // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 8–2. С. 38–41.
9. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–1. С. 147–150.
10. Попов В.В., Музыка О.А. Концептуальный подход к транзитивному обществу // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12–3 (74). С. 128–130.
11. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъектив-

- ной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114–122.
 13. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–25. С. 5743–5747.
 14. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Фактор темпоральности, переходные состояния и социальные противоречия // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8–2. С. 38–41.
 15. Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации включающего общества: феноменологический аспект // Социология. 2020. № 2. С. 376–380.
 16. Хубиев Б.Б. Политика государства в отношении семьи в переходном обществе (социально-философские аспекты) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 3. С. 150–163.

THE FORMATION OF THE INDIVIDUAL BEING OF THE INDIVIDUAL IN THE FAMILY BEING OF A TRADITIONAL AND INCLUDING SOCIETY: EXISTENTIALIST AND PHENOMENOLOGICAL ASPECTS

Popov V.V., Bulanaya Yu.V.

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) Rostov state University of Economics (RINH), Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky

The article carries out a comprehensive study of the individual being of a person within the space of family life, including and traditional society, from the standpoint of social phenomenology and existentialism. It is shown that the basis of the study of the phenomenology of the family in an inclusive society is usually formed by a micro-interactionist approach, in which the

priority is to identify typifications and assumptions aimed at constructing the world of everyday family life. It is postulated that the transmission of social experience in the context of socialization is a personality-forming aspect of the functioning of the family and represents it as a significant form of social life. It is substantiated that the transformations of modern society have led to a rethinking of family life, as it becomes quite obvious the negative impact on family life and family relations of postmodern individualistic orientations in their extreme forms, social pluralism and the polyvariability of subjective preferences and choices. It is demonstrated that the family acts as a valuable prerequisite for social existence in relation to the individual existence of family members. In the concept of assessing the collective existence of a family, an individual with disabilities usually goes beyond the limits of internal existence within the framework of family existence and further into the existence of a social community. Attention is drawn to the fact that in the family as a segment of a transforming society, value orientations and values, representing a type of social information activity, form the basis for the individual existence of people within the framework of family social partnership as a level of cash-family being of an inclusive or traditional society.

Keywords: including society, family life, spirituality, value, phenomenology, intersubjectivity, individual being, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // Fundamental research. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
3. Scientific research: information, analysis, forecast. – Kravchuk P.F., Popov V.V., Lygina N.I., Kopylov V.I., Kirikov O.I., Korovin S.S., Ryndak V.G., Usenko N.I., Lazareva V. A., Nokhrina N.N., Semenchenko I.V., Shcheglov B.S., Petrushenko S.A., Gritsenko N.V., Ivanova R.P., Kornazhevskaya L.A., Simonova G.I. , Sklyarov I. Yu., Sokolova E.N., Kovelina T.A. and others. Under the general editorship of Doctor of Philology, Professor O.I. Kirikov. Voronezh, 2003. Volume 1. 224 p.
4. Scientific research: information, analysis, forecast. – Lipskaya T.A., Aldashova E.N.,

- Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. , Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
5. Pautova L.E. Acme-synergetic approach to positioning success in the system of inclusive education // *Inclusive education: continuity and succession*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 76–83.
 6. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // *Society: philosophy, history, culture*. 2016. No. 11. S. 19–22.
 7. Popov V.V., Loitarenko M.V. Self-organizing systems in the context of post-non-classical science // *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 3–2. pp. 177–178.
 8. Popov V.V., Loitarenko M.V. Temporality factor, transition states and social contradictions // *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 8–2. pp. 38–41.
 9. Popov V.V., Muzyka O.A. Historical Process: Alternatives and Evaluation // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–1. pp. 147–150.
 10. Popov V.V., Muzyka O.A. Conceptual approach to a transitive society // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2016. No. 12–3 (74). pp. 128–130.
 11. Popov V.V., Muzyka O.A., Dziuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality // *Eurasian legal journal*. 2017. No. 4 (107). pp. 419–421.
 12. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A., Ukolov A.O. The concept of transitivity in the context of the transformation of society // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2016. V. 5. No. 5A. pp. 114–122.
 13. Popov V.V., Timofeenko V.A. Methodological features of the transit period in the catch-up state // *Fundamental research*. 2015. No. 2–25. pp. 5743–5747.
 14. Popov V.V., Loitarenko M.V. Temporality factor, transition states and social contradictions // *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 8–2. pp. 38–41.
 15. Popov V.V. Psychological time in the context of the interpretation of an inclusive society: a phenomenological aspect // *Sociology*. 2020. № 2. pp.376–380.
 16. Khubiev B.B. State policy regarding the family in a transitional society (social and philosophical aspects) // *Uchenye zapiski Rossiiskoi gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2008. No. 3.S.150–163.

Феномен социального благополучия в виртуально-цифровой реальности

Капралова Екатерина Андреевна,

аспирант кафедры ЮНЕСКО РАНХиГС

E-mail: Kapralova13@yandex.ru

В статье дается обзор современных научных концепций развития искусственного интеллекта и виртуально-цифровой реальности с их влиянием на рефлексию феномена социального благополучия общества и индивида. Представлены ключевые подходы технооптимизма, технопессимизма и технореализма, а также концепция трансгуманизма и в более общем смысле концепция киберцентризма. В статье проводится анализ влияния технологического подхода и математизации сознания на современную трансформацию понимания социального благополучия общества. Эти концепции напрямую влияют на управляющих крупными компаниями в области информационных технологий, у которых практически полностью социальное благополучие ассоциируется только с материальным комфортом и хорошим здоровьем человека, что продиктовано математизацией мышления. Автор очерчивает важнейшие вызовы, с которыми общество сталкивается в области рефлексии социального благополучия в современном информационном мире с появлением киберцентризма, и которые влияют на рефлексию социального благополучия в будущем (и во многом в настоящем): мучительное ощущение несовершенства, математизация и технологизация мышления, технологическая безработица. Эти черты характеризует современный этап формирования рефлексии социального благополучия индивида, которые которого все больше определяются через виртуально-цифровую реальность.

Ключевые слова: социальное благополучие, киберцентризм, трансгуманизм, технооптимизм, технопессимизм, технореализм, технологическая безработица, технологизация сознания.

В существующих научных, практических и бытовых спорах о влиянии искусственного интеллекта на социальное благополучие существует несколько основных концептуальных подходов. Именно эти подходы определяют контуры феномена социального благополучия в XXI веке, где развитие общества, вероятнее всего, будет связано с развитием разумных машин. Условно размышления в этой сфере можно разделить на три направления в соответствии с логикой влияния на социальное благополучие людей в виртуально-цифровой реальности.

1. Технооптимизм.
2. Технореализм.
3. Технопессимизм.

Технооптимизм. Эта мировоззренческая концепция выражается в том, что научно-технический прогресс сможет решить большинство проблем, возникающих на пути развития общества. Существует мнение, что для более точного ответа на поставленный обществом вопрос (практически из любой сферы и любой сложности), нужно собрать как можно больше точных данных и информации [Курцвейл. 2020. С. 58–61]. В этом случае главными параметрами эффективности общественных процессов будут являться скорость операций и объем переработанной информации. Именно за таким подходом представители технооптимизма и видят будущее, в том числе внедрение новых социальных практик.

Вдохновлённые быстрым техническим развитием машин эти представители чаще всего ссылаются на возможность автоматизации практически всей жизни человека на основе кажущейся аналогии функционирования машин и мышления человека.

Так, один из идейных представителей технооптимизма Р. Курцвейл во многом отождествляет работу мозга человека и компьютера: «...ввиду уни-

версальности вычислительного процесса между мозгом и компьютером гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд» [Курцвейл. 2020. С. 38]. (хотя данная гипотеза часто подвергается критике в силу все еще открытых вопросов по работе мозга). В целом технооптимизм выражен словами: «Мы делаем машины умнее, и они помогают нам расширять свои возможности. В слиянии человечества с искусственным интеллектом нет ничего радикального: это происходит прямо сейчас» [www.the dendrum.com.news]. Новые технологии в мировоззрении технооптимизма часто описываются через повышение благополучия, «чтобы улучшить жизнь миллиардов людей, которые находятся в сложной жизненной ситуации, на грани выживания» [Diamantis. 2020].

Технопессимизм. Согласно этой мировоззренческой концепции, достижения научно-технического прогресса рассматриваются как главный источник дисбаланса в обществе, современных экологических и экономических проблем (М. Хайдеггер, К. Ясперс). «Когда непостижимая технология становится невидимой, нужно насторожиться. В этот момент ее предположения и намерения проникают в наши собственные желания и действия. Мы больше не знаем, помогает ли нам программное обеспечение, или же оно контролирует нас. Мы за рулем, но мы не можем быть уверены, кто за рулем на самом деле» [Carr. 2015. P. 45].

Многие представители этой концепции выдвигают гипотезу о том, что социальное благополучие индивида будет значительно ухудшено в силу экономического влияния дальнейшего внедрения машин в рабочие процессы [Hawkin. 2016]. Главный вызов социальному благополучию, о котором пишут эти эксперты, в усугублении технологической безработицы. Обычно под этим термином подразумевается сокращение рабочих мест (а также невозможность переобучить и трудоустроить высвободившихся специалистов), которые могли бы занимать профессионально обученные лю-

ди, по причине появления новых технологий (автоматизация, роботизация, упрощение процессов).

Еще одно влияние на социальное благополучие, которое обычно выделяют, – культурное. По мнению некоторых авторов, симбиоз искусственного интеллекта и человека приведет к снижению культурного уровня общества в целом и даже деградации целых областей общественной жизни [Grace, Salvatier, Dafoe. 2018. P. 729–754]. Связано это с лёгкостью и доступностью информационного контента, что парадоксальным образом приводит как к поверхностному образованию, так и к нежеланию глубоко изучать социально-исторические моменты и атрофии критического мышления – своеобразный «эффект википедии», а также другим вытекающим отсюда последствиям. «Подход к цифровой культуре... действительно превратит все книги мира в одну... Так происходит уже сейчас с большинством контента, который мы потребляем: часто мы не знаем, откуда взялся цитируемый фрагмент новости, кто написал комментарий или кто снял видео. Продолжение этой тенденции сделает нас похожими на средневековые религиозные империи или на Северную Корею – общество с одной книгой» [Lanier. 2010. P. 15].

Технореализм. Странники этой концепции выражают стремление объединить подходы технооптимизма и технопессимизма в поисках более комплексного видения. На рубеже XX и XXI веков идеи технореализма были опубликованы в соответствующем Манифесте (авторство этого Манифеста приписывается исследователям Э. Шапиро, Д. Шэнку, С. Джонсону), состоящим из нескольких пунктов. Наиболее важными, с точки зрения концепции социального благополучия, можно считать следующие принципы.

1. Технологии не нейтральны. Считать, что технологии сами по себе объективны и свободны от предвзятости – ошибочно. Технологии влияют на общество и индивида, которые их используют. Являясь сильными де-

терминантами, они влияют на культуру, психологию, социальные коммуникации и мировоззрение.

2. Развитие информационной культуры должно стать необходимым компонентом воспитания и развития гражданского общества. Технические устройства влияют на человека и общество даже сильнее, чем законы государства. Поэтому на технические устройства и системы их взаимодействия (сети, программы) должны распространяться правила регулирования.

Идею технореализма, в преломлении изучения социального благополучия, можно выразить словами папы римского Франциска: «Интернет можно использовать для построения здорового и открытого для совместного использования общества. Социальные сети могут содействовать благополучию общества, но они могут также привести к поляризации и разделению отдельных людей и групп. То есть, современная коммуникация – дар Божий, который влечет за собой большую ответственность» [Pullella. 2016].

Сделаем некоторые выводы на основе сравнения этих трех мировоззренческих концепций и возможного влияния осмысления роли искусственного интеллекта на социальное благополучие.

1. С одной стороны, рассуждения технооптимистов отличаются логикой, нацеленной на повышение комфорта индивида. С другой стороны, в этих рассуждениях не затрагиваются важные аспекты. Совершенство технологий подводит индивида к мысли о несовершенстве самого человека. Ситуация усугубляется именно в силу того, что все новые технологии, которые появляются с нарастающей скоростью и связаны с усложнением техники, «рождают в нас мучительное ощущение несовершенства» [Талев. 2020. С. 486]. Это ощущение становится частью культуры многих обществ и задает тон в рефлексии социального благополучия человека, подталкивая к мысли о безальтернативности и неизбежности будущего человечества через развитие машин.

Движение трансгуманистов идет еще дальше и приходит к мысли о создании цифровой копии мозга человека и вживления ее в любой технологический инструмент (так называемая «эмуляция мозга» [Sandberg, Bostrom. 2008]). То есть, по их мнению, человек в будущем с помощью «когнитивных улучшений» сможет бесконечно улучшать свое здоровье, тело и таким образом достигнет бессмертия, перейдя в свою цифровую копию. «Трансгуманисты верят, что мы можем и должны искоренить старение как причину смерти; что мы можем и должны использовать технологии, чтобы укрепить наши тела и расширить наш разум; что мы можем и должны, наконец, слиться с машиной, переделывая самих себя в соответствии с нашими собственными более высокими идеалами» [О'Коннелл. 2019. С. 10]. В России, например, эти идеи поддерживаются в рамках проекта «Россия 2045», в рамках которого ученые нескольких стран пытаются найти подходы к переносу личности человека в небиологическую форму, а также к возможному бессмертию личности через переход на технологические носители.

Безусловно, нужно отчетливо понимать, что некорректно говорить об искусственном интеллекте, а скорее о «вычислительном интеллекте» [Сасскинд. 2021. С. 90]. И даже в обозримом будущем программы искусственного интеллекта не будут способны овладеть элементами сознания, присущего человеческому существу. Поэтому сравнение мозга и искусственного интеллекта некорректно и ведет к неверным выводам. Однако важно заметить тенденцию к изменению рефлексии социального благополучия, в которой преобладают идеи невозможности стремления к совершенству и нежелание изучать окружающий мир, то есть к консервации творческого начала индивида и общества. Это своего рода средневековый нигилизм и нежелание развиваться (в надежде на комфорт при помощи искусственного интеллекта и киборгизации).

2. Следуя логике как технооптимизма, так и технопессимизма, человек

не сможет конкурировать с машиной. Так, Н. Бостром пишет: «Сейчас у любой человеческой деятельности, будь то политика, экономика или искусство, есть «бутылочное горлышко» – ограниченные способности нашего мозга. Сверхразум машин станет своего рода телескопом в будущее. Есть много вещей, которые теоретически возможны, например, колонии на других планетах или лекарства от всех болезней. Но наши умственные способности пока не могут указать дорогу к ним... Если появится сверхразум, он даст нам все это в течение, скажем, четырех лет» [pro.rbc.ru/news]. Подобные рассуждения основываются не на том, что искусственный разум обретет свое собственное сознание (до этого, если это возможно, еще очень далеко), а в большей степени на том, что он будет способен на высокой скорости обрабатывать почти безграничное количество данных (возможные варианты событий, эффект от изменения множества параметров и т.д.).

Более того, некоторыми исследователями делается вывод о том, что машины и искусственный интеллект будут эффективнее решать многие задачи, которые сейчас стоят перед человеком, вытесняя его из большинства сфер современной жизни (в том числе, потому что машины способны обрабатывать значительно быстрее информацию и подбирать оптимальное решение из различных комбинаций параметров). «Наша версия биологического тела 1.0 довольно хрупкая и имеет мириады сбоев, не говоря уже об обременительных процедурах обслуживания» [О'Коннелл. 2019. С. 85]. Эта гипотеза основана на двух важных постулатах, которых придерживаются как технооптимисты, так многие технопессимисты и технореалисты.

Первый – для решения социальных задач, в том числе задач из области управления социальным благополучием, необходимо набрать как можно больше данных и как можно быстрее их проанализировать (ведь, согласно этой логике, мир постоянно изменяется,

а количество информации каждый год растет по экспоненте). Однако скорость и эффективность не полностью определяют жизнь современного индивида и общества. Скорость принятия решений и обрабатывания данных не являются для большинства людей важными критериями повышения качества жизни. Все больший объем информации во всех сферах жизни не означает ее полезность для человека.

Второй – наличие развитых технологий и конкуренция (стран и компаний) по их совершенствованию приведут к внедрению оптимальных технологических решений для социальных задач. Такой подход по своей сути выстроен из ошибочной гипотезы – наличие развитых инструментов (технологий) не означает потребность их применения повсеместно. В большинстве социальных направлений новые технологии, возможно, менее востребованы по сравнению с проверенными временем подходами (основанными на общении с людьми, сочувствии, эмпатии и т.д.).

В целом эффект математизации в социальных процессах, где нужна глубокая рефлексия и умение осознанно анализировать феномены, достаточно точно описана знаменитой фразой Дж. фон Неймана, работы которого легли в фундамент современных исследовательских работ в области вычислительной техники: «In mathematics you don't understand things. You just get used to them» [Zukav. 1979. P. 28]. По-русски: «В математике вы не понимаете (не проникаете в сущности) вещей. Вы просто используете их (привыкаете к ним)». Именно к этому приводит автоматизм в наращивании роботизации и стремление к скорости обработки данных – к нежеланию и неумению осмысливать глубину феноменов, с которыми сталкивается общество. Об этом же говорил и А. Эйнштейн: «One is always seeing things without being sure that one does see them. Truth is a verbal concept, which cannot be submitted to mathematical proof» [Life Magazine. 1955]. что можно перевести как: «Каждый человек смотрит на вещи, не буду-

чи уверенным в том, что он видит. Истина – это словесная концепция, которая не может быть подвергнута математическому доказательству».

Это также относится и к динамике феномена социального благополучия, который у технооптимистов, управляющих крупными компаниями в области информационных технологий, практически полностью ассоциируется только с материальным комфортом и хорошим здоровьем человека, что, в первую очередь, продиктовано математизацией мышления.

3. Потенциально в будущем у человека появятся намного больше свободного времени, ведь большинство рутинных и даже творческих работ смогут делать роботы и алгоритмы. Справедливо заметить, что и ранее подобное уже проходило – автоматизация в сельском хозяйстве компьютеризация в промышленности в XX веке лишила многих привычной работы. А прогнозы о том, что человек будет проводить на работе значительно меньше времени, делали и экономисты в прошлом. Например, Дж. Кейнс. Он считал, что в среднем работники будут проводить в труде не более 15 часов в неделю [Кейнс. 1963. Р. 370]. Однако по своему масштабу роботизация начала XXI века кажется намного масштабнее, особенно с появлением искусственного интеллекта.

Исследователи, детально изучающие вопросы возможной технологической безработицы (в разное время и в разных странах) приходят к выводу, что все-таки полностью человек не утратит необходимости в работе (D. Autor, T. Cowen). Корректнее анализировать вопросы возможной безработицы в контексте замещающей и дополняющей силы [Autor. 2015. Р. 3–30]. Замещающая сила технологий действительно несёт высвобождение трудовых ресурсов в связи с автоматизацией, машинным обучением и т.д. Однако история показывает, что всегда в таких случаях действует и дополняющая сила, которая создает спрос на новые рабочие места. Этот эффект часто отмечается, и его очень сложно оценить

наблюдателям в момент самих технологических изменений. Люди обычно недооценивают остающийся спрос (после автоматизации) на рабочие места для людей. «В общем и целом, его всегда хватало, чтобы обеспечивать занятость» [Сасскинд. 2021. С. 52].

Именно дополнительно образующийся спрос на вновь созданных направлениях и нишах, образованный дополняющей силой, и будет тем, что поможет избежать того фатального риска использования новых технологий, о котором писал нобелевский лауреат по экономике В. Леонтьев (*Leontief W*). Он предупреждал, что в ближайшем будущем гонка новых изобретений приведет к масштабной замене человека в трудовых отношениях и это станет для индивида тем, чем когда-то для лошади стали автомобили, вытеснив животных из сферы перевозок практически полностью [Leontief. 1979. Р. 48–50]. Однако если проанализировать последние двести лет с точки зрения наличия труда для человека в общем смысле, то мы увидит, что автоматизация снизила трудовую нагрузку намного меньше, чем это принято было считать: труд человека «не устарел», а соотношение занятых к численности населения выросло в течение XX века (перераспределение между производственными сферами, повышение женской занятости и т.д.), хотя, очевидно, заметен циклический рост безработицы в периоды спада и изменений в экономике и никто не может гарантировать долгосрочного стабильного труда где бы то ни было.

Тем не менее в будущем действительно у человека может появиться больше свободного времени. И это, возможно, станет сильнейшим вызовом для управления социальным благополучием как для государства, так и для индивида [Loten, Hang. 2021]. Большинство социальных практик и норм в современном обществе базируются на вовлечении человека в трудовые отношения. Одно из неочевидных последствий и целей такой практики – это занятость человека, которая задает общественные рамки и не дает полностью

ощутить больше свободы, что, в свою очередь, дает возможность определённого контроля индивида со стороны общества и государства.

Явление снижения спроса на человеческий труд скорее всего имеет долгосрочную тенденцию. Вопрос труда и работы напрямую будет влиять на то, как общество будет менять свое отношение к свободному времени. В экономике, где будет меньше спроса на человеческий труд, возникнет потребность переосмыслить роль свободного времени и контроля человека через занятость. Государство, работодатели, социальные группы, симбиозы человека и машин – все акторы социальных практик будут создавать свои смыслы работы и свободного времени. Это осмысление будет менять феномен социального благополучия, где потенциал человека будет раскрываться не столько через работу и профессиональный статус, а через другие виды вовлечения человека. Досуг, обучение, семья – в этих сферах будут найдены новые смыслы социального благополучия.

Таким образом, мы очертили важнейшие вызовы, с которыми общество сталкивается в области рефлексии социального благополучия в современном информационном мире с появлением киберцентризма, и которые влияют на рефлексию социального благополучия в будущем (и во многом в настоящем): мучительное ощущение несовершенства, математизация и технологизация мышления, технологическая безработица.

Литература

1. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации / Пер. с английского Т.П. Мосоловой. – М.: Эксмо, 2020. – С. 58–61.
2. О'Коннелл М. Искусственный интеллект и будущее человечества / Пер. с англ. М. Кудряшова. – М.: Эксмо, 2019.
3. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться / Пер. с англ. под ред. А. Дунаева. – М.: Индивидуум, 2021. С. 90. – М.: Эксмо, 2019. С. 10.
4. Талеб Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Карасева. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 486.
5. Autor D. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // *Journal of Economic Perspectives* #29(3). 2015. P. 3–30.
6. Carr N. The Glass Cage: How Our Computers Are Changing Us. – W.W. Norton Company. 2015. P. 45.
7. Diamandis P. In the next 10 years, we'll reinvent every industry // *The Guardian*. 25.01.2020.
8. Grace K., Salvatier J., Dafoe A. When AI Exceed Human Performance? Evidence from AI Experts // *Journal of Artificial Intelligence Research*. 2018. № 82. P. 729–754.
9. Hawking S. This Is the Most Dangerous Time for Our Planet // *Guardian*. 01.12.2016.
10. Keynes J. Economic Possibilities for our Grandchildren. *Essays in Persuasion*. New York: W.W. Norton & Co. 1963. P. 370.
11. Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. *Deckle Edge*. 2010. P. 15
12. Leontief W. Is Technological Unemployment Inevitable? // *Challenge*. 1979. № 4 (22). P. 48–50.
13. Loten A., Hang K. How Computers With Humanlike Senses Will Change Our Lives // *The Wall Street Journal*. 08.07.2021.
14. Pallella P. Pope Francis: The internet, social networks and text messages are a gift of God // *Business Insider*. 22.01.2016.
15. Sandberg A., Bostrom N. Whole Brain Emulation: A Roadmap. Technical Report // *Future of Humanity Institute*, Oxford University. 2008. № 3.
16. The Death of Genius. Albert Einstein (1879–1955) // *Life Magazine*. 02.03.1955.
17. Zukav G. *The Dancing Wu Li Masters An Overview of the New Physics*. Bantam Books. 1979. P. 28.

18. <https://pro.rbc.ru/news/6074770d9a794730d4d43373>
19. <https://www.thedrum.com/news/2017/07/05/ray-kurzweil-father-the-singularity-brand-trust-how-ai-can-help-advertisers>.

THE PHENOMENON OF SOCIAL WELL-BEING IN VIRTUAL DIGITAL REALITY

Kapralova E.A.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article provides an overview of modern scientific concepts of the development of artificial intelligence and visual-digital reality with their appearance on the reflection of the phenomenon of social well-being of society and individuals. Ideas about the key approaches of techno-optimism, techno-pessimism and techno-realism, as well as the concept of transhumanism and, more generally, the concept of cybercentrism. The article analyzes the impact of the technological approach and the mathematization of consciousness on the modern transformation of the understanding of the social well-being of society. These concepts directly affect the managers of large companies in the field of information technology, for whom social well-being is almost completely associated only with material comfort and good human health, which is dictated by the mathematization of thinking. The author outlines the most important challenges that society faces in the field of reflection of social well-being in the modern information world with the advent of cybercentrism, and which affect the reflection of social well-being in the future (and in many respects in the present): a painful sense of imperfection, mathematization and technologization of thinking, technological unemployment. These features characterize the current stage of the reflection of the social well-being of the individual, which are increasingly determined through virtual digital reality.

Keywords: social well-being, cybercentrism, transhumanism, techno-optimism, techno-pessimism, techno-realism, technological unemployment, technologization of consciousness.

References

1. Kurzweil R. The evolution of the mind: how the development of artificial intelligence will change the future of civilization / Translation

- from English. P. Mosolova. – M.: Eksmo, 2020.
2. O'Connell M. Artificial intelligence and the future of mankind / Translation from English. M. Kudryashova. – M.: Eksmo, 2019.
3. Susskind D. The works without work. Technology, automation and whether to be afraid of them / Translation from English. A. Dunaeva. – M.: Individual, 2021.
4. Taleb N. Antifragility. How to profit from chaos / Translation from English. N. Karaseva. – M.: Colibri, Azbuka-Atticus, 2020.
5. Autor D. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // Journal of Economic Perspectives #29(3). 2015. P. 3–30.
6. Carr N. The Glass Cage: How Our Computers Are Changing Us. – W.W. Norton Company. 2015. P. 45.
7. Diamandis P. In the next 10 years, we'll reinvent every industry // The Guardian. 25.01.2020.
8. Grace K., Salvatier J., Dafoe A. When AI Exceed Human Performance? Evidence from AI Experts // Journal of Artificial Intelligence Research. 2018. № 82. P. 729–754.
9. Hawking S. This Is the Most Dangerous Time for Our Planet // Guardian. 01.12.2016.
10. Keynes J. Economic Possibilities for our Grandchildren. Essays in Persuasion. New York: W.W. Norton & Co. 1963. P. 370.
11. Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto. Deckle Edge. 2010. P. 15
12. Leontief W. Is Technological Unemployment Inevitable? // Challenge. 1979. № 4 (22). P. 48–50.
13. Loten A., Hang K. How Computers With Humanlike Senses Will Change Our Lives // The Wall Street Journal. 08.07.2021.
14. Pullella P. Pope Francis: The internet, social networks and text messages are a gift of God // Business Insider. 22.01.2016.
15. Sandberg A., Bostrom N. Whole Brain Emulation: A Roadmap. Technical Report // Future of Humanity Institute, Oxford University. 2008. № 3.
16. The Death of Genius. Albert Einstein (1879–1955) // Life Magazine. 02.03.1955.
17. Zukav G. The Dancing Wu Li Masters An Overview of the New Physics. Bantam Books. 1979. P. 28.
18. <https://pro.rbc.ru/news/6074770d9a794730d4d43373>
19. <https://www.thedrum.com/news/2017/07/05/ray-kurzweil-father-the-singularity-brand-trust-how-ai-can-help-advertisers>.

Развитие глобальной солидарности в религиозных общинах в условиях пандемии COVID-19: на примере Бали, Флоресе и Индонезии

Ни Ваян Радита Нови Пуспитасари,

аспирант, кафедра «Социальная философия», УрФУ
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: dita_puspitasari88@hotmail.com

Хендрикус Паулус Каунанг,

магистрант, кафедра «Международные отношения»,
Гаджах Мада Университет
E-mail: erichkaunang@ugm.ac.id

В этой статье рассматривается трансформация религиозных общин и их солидаристских движений в связи с глобальными изменениями пандемии коронавируса (COVID-19) на Бали и Флоресе. Последствия пандемии побуждают общество адаптироваться к новой жизни в условиях всеобщей угрозы неопределенности, скептицизма и паники. Бали как представитель индуистских общин и Флорес с его католическими приверженцами сталкиваются с проблемой адаптации к новому миру физического дистанцирования и онлайн-Генеральной Ассамблеи. Задача начинается тогда, когда необходимы религиозные ритуалы, такие как свадебные церемонии, похороны, индуистские и католические праздники. Таким образом, теоретическая основа “воображаемого сообщества” Бенедикта Андерсона и “глобальной солидарности” Славоя Жижека даст новое представление об изменении сообщества, основанного на физических данных, на цифровые собрания, где зависимость людей будет усилена за счет ценности солидарности. Опросив местных жителей и религиозных лидеров и используя вторичные данные в качестве основы источников, в этой статье будет рассмотрена социальная трансформация религиозных общин на Бали и Флоресе. В этом документе подтверждается утверждение о том, что солидарность усиливается в период пандемии COVID-19, когда люди поддерживают друг друга посредством виртуального общения.

Ключевые слова: религиозные общины, глобальная солидарность, пандемия COVID-19, Бали и Флорес.

I. Introduction

The Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) has impacted the social interaction between individuals. Indonesia, as one of the infected countries, implement lockdowns and semi-lockdowns through the period of 2020 until 2021. Thus, the Indonesian government are pushed to implement several strategies. One of them comes from the Regulation of Minister of Health Number 9 of 2020 on Guidelines to Large-scale Social Restrictions in Accelerating COVID-19 Mitigation (or *Pembatasan Sosial Berskala Besar/PSBB*). [14] As one of the largest Muslim country, Indonesia is applying the Regulation No. 9/2020 where the government banned massive religious activities. This regulation is implemented due to the restriction of Eid prayers 2021 (Shalat al Eid), in which the activity stimulate mass gathering of people. [15,16] These changes also impacted to other religious believes, such as Bali as Hindu believers and Flores as Catholic adherents. These two Indonesian regions are interconnected through socio-cultural and economic aspect, whereby religious ceremonies played significant role. Thus, the Regulation No. 9/2020 impacted to the restriction of both religious practices, such as daily sermons, marriage ceremonies, funerals, and Holy-days. By limiting the interaction between individuals, it has tendency to decline the interaction of the people. Therefore, this paper scrutinizes the social transformation of the religious communities in Bali and Flores by looking at the practices and adaptation to the new regulation during the pandemic. The paper also examines how the solidaristic bondage is being perceived in the period of COVID-19 pandemic through virtual meetings.

II. Theoretical Framework

In order to understand the adaptation of Hindu and Catholic communities with the new regulation of Large-scale Social Restrictions

and the prohibition of massive religious activities, the 'global solidarity' of Slavoj Žižek and the 'imagine communities' of Benedict Anderson can be used to build the framework of two religious' communities in Bali and Flores.

As a philosopher who consistently criticizes the ideology of neoliberalism, Slavoj Žižek describes neoliberalist policies bring havoc to global society with various consequences. It was mentioned in his book entitled *Pandemic!: COVID-19 Shakes the World* that those consequences are destroying biodiversity, harming democratic principles, exploiting natural resources through fantasy of free trade, creates economic disparities between developed and developing countries. [24] In his book, Žižek sees that the COVID-19 pandemic brings massive destruction to the foundations of human life, economic chaos will emerge as a result of the pandemic and this will bring so much suffering to human life. [25] However, there is another positive side to this situation. It can trigger the birth of global solidarity, where countries and groups of people are working together in dealing with the pandemic situation. The pandemic situation is a good time to rethink the most basic foundations of social life. [23] Thus, through Žižek's point of view, global solidarity can be achieved when people have the same goal for the goodness of the people.

Another work comes from the theoretical framework of Benedict Anderson. The COVID-19 pandemic has urged individuals to intensify their use of internets, social media, and shared digital culture to be connected with the society. Therefore, in his book of *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, he described imagined communities belongs to the modern nation. Anderson describes nation as an imagined political community, in which he outline the term imagined to illustrate "the smallest nation will never know most of their fellow-members, meet them, or even hear of them, yet in the minds of each lives the image of their communion." [2] In other words, community members can identify themselves to have similar interests and belong to one nation,

but they will never know all of their fellow members. Anderson refers the concept of community into the absence of the word 'society' in the Javanese language, whereby community is being defined as imagined – Javanese villagers are connected to the people they never see, who have the same kinship and their ties are in particular imagined. [22] In the pandemic era, Anderson's theory is suitable to look into the changing structure of the new normal that the decreasing physical contact of the people urge them to use digital platform more often than before.

The qualitative method will be the approach for analyzing the issue of religious communities in Bali and Flores in the COVID-19 period. In-depth interviews with the local religious leaders and adherents are the main sources for filling the gap of the paper. Secondary data of digital sources, newspapers, articles, and books become significant in giving general information about religious communities in Bali and Flores in particular.

III. Hindu – Balinese Community towards the Pandemic of COVID-19

In the midst of 2020, the government of Indonesia applied "large-scale social restrictions" (*Pembatasan Sosial Berskala Besar/PSBB*) due to the increasing number of COVID-19 patients. Bali, as the center of tourist attraction in Indonesia, was severely affected by the decline of economic development. In July 2021, the increasing of positive cases of COVID-19 with the new Delta variant made the central government changed PSBB into "enforcement of limitations on community activities" (*Pemberlakuan Pembatasan Kegiatan Masyarakat/PPKM*). Bali, once again, become the red zone of COVID-19 patients. The Governor assigned for every traditional villages to establish mutual task force to prevent the spreading of COVID-19 based on traditional village forces. [26, 10, 11] The main duty of the Task Force for Mutual Aid is to empower the villagers and the *Yowana* (the young generations) to prevent the spreading of COVID-19 in the scale of *sekala* (tangible) and *niskala* (intangible). Therefore, the structure of the society and the definition of the ritual will be described

clearly to understand the Balinese Hindu community.

3.1. The Rituals

The term of *sekala* and *niskala* are based on the definition of Hinduism, where religious principles become foundation of the Balinese society. [5, pp. 260] As Covarrubias defined Hinduism as an earthly religious believe, the concept of *sekala* and *niskala* are significant to understand Balinese Hindu itself. *Sekala*, in this term, is visible things and *niskala* is unseen things related to religious rituals and supernatural forces. In another word, *sekala* is a container of *niskala* power such as the holy water. [6, pp. 51] The water is holy and sacred that purifies every item when it touches. The offerings, then, are the tangible presents to the Holy Spirits, such as flowers, rice, fruits, chickens, and money with decorated beautifully and placed on high altars. [6, pp. 84–85; 5, pp. 276] Thus, the rituals are conducted by the *pedanda* or *pemangku* as the Hindu priests by which the adherents followed their instruction to pray in the temple. It also become the symbol that rituals are the bridge between the representation of the society and “the cult of the ancestors.” [5, pp. 58] However, the rituals are changing when the COVID-19 started in the beginning of 2020. Religious rituals are disrupted with social restriction and prohibition, limited number of adherents inside the temple, and limitation for social interactions between adherents are applied to prevent the spread of COVID-19.

3.2. The Balinese Community and Global Solidarity in the Outbreak of COVID-19

Balinese society is one of an independent community ruled by the representative council of the villagers (*krama desa*). It presents as a little republic where each individual has equal duties and rights. [5, pp. 58] Relations between villages is strongly attached by the association for worshipping a common ancestor in a temple called “temple of origin.” It is located in the “head” village and symbolizes as the oldest village. Thus, an independent village (named as *desa*) has three fragmentary temples of the civil temple (*pura desa*), the temple of “origin” (*pura puseh*),

and the temple of the dead (*pura dalem*). The role of these three temples are closely related to the religious rituals of *sekala* and *niskala*. Those temples are the place for practicing the rituals, in which are being organized by the head of the association (the *klian desa*). *Klian desa* is the ruler of the village and being elected by the councils. He, then, becomes the platform for bridging the central government and the villagers with the assistance of *pecalang*. They have the authority to keep the safety of the village, admonish every individual who has wronged the society according to the local law, and being the guard for the villagers.

In the midst of COVID-19 pandemic, the Balinese society is reshaping its structural interaction especially in the social and religious aspects. The limitation of social movements affects the religious ritual practices, such as the preparation of the offerings and the implementation of the ritual itself. According to I Wayan Suka Yasa, as one of the Academician, he acknowledges religious rituals should adjust to the Joint Decision. The Task Force of Mutual Aid with the help of *klian desa* organizes the representative from every household, which almost all of them are the head of the family. For attending the communal ritual in the temple, only 20 to 25 people can participate including the priests, the *klian desa*, the village councils, and household representatives. [27] Ida Bagus Wiryanatha, in his interviews, states that banners for promoting health protocols are placed in front of the temples. Washbasin also is prepared beside the entrance, that the adherents can wash their hands before entering the temple. Slogans in the local language are being used for adjusting into people’s understanding as “*Ida Dane sareng ke Pura, durusang dumun mencuci tangan, pakai masker dan jaga jarak*” which means “Everyone who wants to go to the temple, please wash your hands, use mask, and social distancing.” [26] The rest of the villagers are being assisted to pray in their own houses.

Moreover, the creation of offering is involving many female adherents. By the statement of Wiryanatha, there are 30 women who can make one kind of offerings

(named as *bebangkit*). They used to make it in one of the adherent's houses. *Bebangkit* is an offering symbolizes for charisma or authority, and it is used for the rituals. In this pandemic era, the preparation for offerings is affected by the decreasing number of female adherents. [26] Therefore, the adaptation for creating an offering is divided into several groups of women, in which one group consist of three people.

By the statement of Suyoga, it includes into violation of action, not as a rejection of the health protocols. Several associations are not used to the "new normal", [28] so that *pecalang* has a significant role in keeping the security of the village. The *klian desa* give the control power to *pecalang* as an unofficial officer to maintain the safety of the people. If one of the members of a family is infected COVID-19, *pecalang* has the role to monitor and arrange the isolation. They also need to provide food and medicine for the patients and family members.

By the implementation of social restriction and limited interaction within the community, the people are strengthening their kinship through social media. Most of the *klian desa*, member of the council, representatives of every household, *pecalangs*, and the female adherents creates their own WhatsApp group for discussing various matters regarding to the social and religious issues. Social media become the main vessel for communication and virtual interaction. Solidarity among Hindu adherents is strengthening with the adaptation in every aspect of life and the understanding for adapting into the "new normal."

IV. COVID-19 and Catholic Communities in Flores, East Nusa Tenggara

The island of Flores is located in the eastern part of Indonesia and become one of the administrative area of the province of East Nusa Tenggara. Before getting to know religion, the indigenous people of Flores knew the concept of religion in the form of belief in ancestral spirits. An important element in the original religion of the indigenous people of Flores is the belief in the Supreme God. The Manggarai people call the Supreme God as *Mori Karaeng*, while the Ngada people call him *Deva*. [20] Along with the times, the

concept of belief slowly underwent a transformation where people of Flores began to adhere to religious teachings such as Catholicism, Protestantism, Islam, Hinduism and Buddhism. [9]

4.1. COVID-19 as A Challenge to Faith and Reason

At the beginning of 2020 the people of the island of Flores were faced with an unprecedented event, namely the COVID-19 pandemic. The pandemic situation has a direct impact on all people's activities. As an area dominated by Catholics, the Bishop's ordination ceremony is a sacred moment. The celebration of the ordination raises pros and cons in the community and social media activists (netizens). From the central government, in this case the COVID-19 task force, humbly requested that the committee of the celebration could revoke the program for humanitarian reasons where this activity has the potential to become a cluster of the spread of virus because it will evoke large crowds of people. [12] However, the Manggarai Catholic Church as the authority holder continued to organize the ordination on the grounds with a reason that the celebration had been prepared long in advance and the Bishop's ordination is a sacred tradition in the church and an integral part of worship so it could not be cancelled. [8]

The pro and contra attitude towards the ordination of the Bishop of Ruteng is a natural thing to happen in the midst of a crisis situation, in this case the health crisis situation that is currently engulfing Indonesia and the whole world. This is inseparable from the situation where during a pandemic, the highest rule that must be carried out by all group is health-related regulations where this then transcends all group's interests, and all elements of society (including religious organizations, including the Church) must obey to the rules. [1] Refer to this statement, then the public criticism of the attitude of the Ruteng's Catholic Church which continues to carry out the Bishop's Ordination program is understandable because the Church is considered to have ignored the health regulations during the pandemic. [21]

The COVID-19 pandemic has had a significant impact on the ritual traditions of the Catholic Church, particularly on the island of Flores. The emergence of a regulation by the Indonesian central government to limit all activities that involve many people, including religious activities, is a challenge for Catholics in Flores. During the pandemic, the Indonesian government issued an appeal to work from home to support physical distancing policies. This also has an impact on religious activities where the government recommends that religious worships can be carried out from home (not in houses of worship) to avoid crowds of people. Especially for worship activities, religious communities (including the Catholic Church) then take a policy to optimize online worship using social media platforms.

For the Catholic Church, the transformation of religious rituals is a challenge in itself, where the Sacred Liturgy Document in the section entitled *Sacrosanctum Concilium* (Holy Council) emphasized that the liturgical celebration is a celebration of salvation and the culmination of the church's life in which Jesus Christ is present in this celebration. [4] The sacredness of liturgical celebration then demands the active participation of all Catholics in it because the unity and fellowship of the people are very important in the entire liturgical process.

One of the challenges faced by the people of Flores in implementing online liturgical celebrations is a technical problem related to the quality of the internet signal connection on the island. Until now, the quality of internet connection in the eastern part of Indonesia (including Flores Island) is still very limited when compared to the western part of Indonesia (Java & Sumatra). This is due to the availability of internet communication infrastructure which is still very limited in the eastern part of Indonesia so that there are still many areas that cannot be reached by internet services, especially rural areas. [17] The implementation of online/virtual liturgical celebrations will only run well and smoothly if it is supported by an adequate internet communication infrastructure.

4.2. COVID-19 as a Moment of Change: Solidarity Transformation & Increasing Social Cohesion

The online/virtual liturgical celebration is the impact of the pandemic situation where this policy was made to avoid the gathering of many people which can then become a new cluster for the spread of the virus. As a comparison, we can see the situation that occurred in South Korea where one of the clusters of the spread of COVID-19 was worship activities in churches. [18] The online liturgical celebration is an effort of the Church's solidarity with her people and also other religious communities to save people from the COVID-19 pandemic. Although the value of sacredness is different (from offline celebrations), people in Flores are trying to adapt because all of this is for the common good where by taking care of ourselves it could directly protect others from the threat of the spread of COVID-19. [30]

In 2020, two Catholic holiday celebrations, namely Easter and Christmas, both are held virtually at the global, national and regional levels (including in Flores). In the context of Flores, these two holidays are already be a part of the culture that is celebrated every year. One of the famous celebrations is *Semana Santa* tradition at Easter in East Flores Regency, Larantuka. Every year (before the COVID-19 pandemic) *Semana Santa* tradition always brings thousands of participants, both from within the country and from abroad. However, in 2020 and 2021, the tradition that has been undergone for hundreds of years has had to be temporarily suspended with the aim of protecting people from the threat of COVID-19.

Even if this tradition that has been going on for hundreds of years is abolished, it can be critically reflected that this is a true Easter moment, a moment to save lives. The church is showing its spirit of solidarity with all human beings in an effort to solve the problem of the pandemic. The church believes that getting out of the pandemic requires an active collaboration both within the church, as well as with other communities outside the church. In a pandemic situation, all individuals (without exception) are in a state of vulnerability to the virus. So,

to be able to survive and get out of a pandemic situation, it is necessary to have an active collaboration and solidarity among humans. [7]

In addition to the policy of changing the way of worship, the Catholic Church in Flores is also increasing social activities in collaboration with all existing religious communities to solve the problem of the COVID-19 pandemic. One example that can be raised is how the Catholic Church community in Ruteng (western part of the island of Flores) collaborates with other religious communities in conducting socialization related to the pandemic to the community. The social movement conducted by member of the JELITA (*Jembatan Lintas Agama/Interfaith Bridge*) group, is actively sharing information both offline (visiting the community while implementing strict health protocols) and also online (social media) to all people in the city of Ruteng regarding the COVID-19 pandemic and also promoting a healthy lifestyle as a way to reduce the potential spread of COVID-19. The initiative taken by the interfaith community arises from the awareness that everyone is vulnerable and can be infected by COVID-19. Therefore, in their opinion the pandemic is a problem for all communities which required active collaboration from all religious communities in dealing with the pandemic situations. [29] In addition to overcoming the pandemic problem, the demeanour of the Flores Catholic Church has a broader dimension, namely to bring about transformation in the midst of social life in Flores which is directed at the increasing of the quality of community's life by eliminating all forms of injustice, marginalization, and discrimination through the creation of a peaceful, just and prosperous social life system. [3] In this case, the importance of scientific developments in the world of health has become one of the main weapons in the effort to deal with the COVID-19 pandemic. [19] In addition, the pandemic situation has had an impact on the increasing solidarity of the Church with all religious communities. Everyone is vulnerable to COVID-19, this virus is a democratic virus which could infected

everyone regardless of the rich and poor, officials or ordinary people. Based on this situation, the Catholic Church in Flores is trying to initiate interfaith solidarity actions to deal with the COVID-19 pandemic because only with active collaboration and cooperation from all parties the pandemic slowly be overcome.

V. Conclusion

The COVID-19 pandemic has created "a new normal" for the people to live in the society. The prevention for having direct social interaction, especially in the religious rituals, establish a new foundation of online-gathering. With the government's program of the Regulation of Minister of Health Number 9 of 2020 on Guidelines to Large-scale Social Restrictions in Accelerating COVID-19 Mitigation (or *Pembatasan Sosial Berskala Besar/PSBB*), Bali and Flores decided to apply the enforcement of limitations on community activities within the year of 2020 and 2021. Through this regulation, both communities of Balinese and Flores societies are applying strict procedure for exercising the rituals. On the one hand, the Balinese was using limited number of participations for attending the ceremony in the temple. They draw some line across two meters each for implementing the regulation of social distance. On the other hand, the Catholic Church in Flores applied the online liturgical celebration in order to prevent the spread of COVID-19 pandemic. The scale of limited restriction is applied to the salvation of the community by online worship. They could hear the liturgical sessions through internet services, such as social media, Whatsapp group, Facebook, and other types of online platforms. Thus, the concept of "imagined communities" of Benedict Anderson and global solidarity of Slavoj Zizek can be applied in this phenomenon, where the people meet in a virtual world by becoming closer to have the same goal as achieving the goodness of the society. Overall, this pandemic period give us a lesson to adapt into the new normal, in which interaction is being limited and religious rituals need to be changed into virtual meetings.

BUILDING GLOBAL SOLIDARITY IN RELIGIOUS COMMUNITIES DURING THE COVID-19 PANDEMIC: CASE STUDIES IN BALI, FLORES AND INDONESIA

Ni Wayan Radita Novi Puspitasari, Hendrikus Paulus Kaunang

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Gadjah Mada University

This article scrutinizes the transformation of religious communities and its solidaristic movements due to the global changes of coronavirus (COVID-19) pandemic in Bali and Flores. The impact of the pandemic urges the society to adapt into new life within the universal threat of uncertainty, skepticism, and panic. Bali as the representation of Hindu communities and Flores with its Catholic adherents are challenged to adapt into the new world of physical distancing and Online-General Assembly. The challenge starts when the religious rituals are needed, such as wedding ceremonies, funerals, Hindu and Catholic celebrations. Thus, the theoretical framework of Benedict Anderson's "imagine community" and Slavoj Žižek's "global solidarity" will give a new insight on changing the physical-based community into digital meetings where the bondage of the people will be strengthened through the value of solidarity. By interviewing the locals and religious leaders and using secondary data as the basis of the sources, this paper will examine the social transformation of the religious communities in Bali and Flores. This paper espouses the statement that solidarity is intensified in the period of COVID-19 pandemic, where people are supporting each other through virtual communication.

Keywords: religious communities, global solidarity, COVID-19 pandemic, Bali and Flores.

References

- Aatola, Mika (2011). *Understanding the politics of pandemic scares: An introduction to global politosomatics*. London: Routledge.
- Anderson, Benedict (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Chomsky, Noam (1978). *Human Rights and American Foreign Policy*. New York: Oxford University.
- Constitution on the Sacred Liturgy Document (1963). *Sacrosanctum Concilium*. Vatican City: Vatican.
- Covarrubias, Miguel (1986). *Island of Bali*. London: KPI.
- Eiseman, Fred B. Jr. (1990). *Bali: Sekala & Niskala, Volume I: Essays on Religion, Ritual and Art*. HK: Periplus.
- Harari, Yuval Noah (2020). *In the Battle Against Coronavirus, Humanity Lacks Leadership*. Accessed from: <https://time.com/5803225/yuval-noah-harari-coronavirus-humanity-leadership/> (5 May 2021)
- Hariyadi, Mathias. *Tahbisan Uskup Ruteng dalam Bayang-bayang Coronavirus dan Hujatan yang Mengikutinya (The Ordination of the Bishop of Ruteng in the Shadow of the Coronavirus and the Blasphemy that Follows It)*. Accessed from: <https://www.sesawi.net/tahbisan-uskup-ruteng-dalam-bayang-bayang-coronavirus-dan-hujatan-yang-mengikutinya/> (1 May 2021)
- Jumlah Penduduk Pemeluk Agama di NTT Tahun 2019 (Number of Religious Populations in NTT in 2019). Accessed from: <https://ntt.kemenag.go.id/file/file/File%20Data/Data%20Umat%202019.pdf> (5 May 2021)
- Keputusan Bersama Gubernur Bali dan Majelis Desa Adat Provinsi Bali Nomor 472/1571/PPDA/DPMA, 05/SK/MDA-Prov Bali/III/2020 tentang Pembentukan Satuan Tugas Gotong Royong Pencegahan COVID-19 Berbasis Desa Adat di Bali (the Joint Decision between the Governor of Bali and the Traditional Village Council of Bali Province number 472/1571/PPDA/DPMA and number 05/SK/MDA-Prov Bali/III/2020 on the Establishment of a Task Force for Mutual Assistance on the Prevention of COVID-19 based on Traditional Village in Bali). Accessed in: <https://jdih.baliprov.go.id/produk-hukum/peraturan-perundang-undangan/kepber-gubernur-bali-dan-mda-provinsi-bali/25116> (23 June 2021)
- Keputusan Bersama Gubernur Bali dan MDA Bali, dibentuk SATGAS COVID-19 berbasis Adat (the Joint Decision between the Governor and MDA Bali formed SATGAS COVID-19 based on traditional values). Accessed from: <https://www.balipost.com/news/2020/03/30/112665/Keputusan-Bersama-Gubernur-dan-MDA...html> (23 June 2021).
- Nugraheny, Dian Erika. *Cegah Penularan Virus Corona, Kepala Gugus Tugas Minta Penahbisan Uskup Ruteng Ditunda (Preventing Corona Virus Transmission, Head of Task Force asks Ruteng Bishop's Ordination to be postponed)*. Accessed from: <https://nasional.kompas.com>

- com/read/2020/03/19/07593421/cegah-penularan-virus-corona-kepala-gugus-tugas-minta-penahbisan-uskup?page=all (18 June 2021)
13. Office of Assistant to Deputy Cabinet Secretary for State Documents & Translation. Health Minister Signs Regulation on Guidelines to Propose Large-scale Social Restrictions amid COVID-19 Pandemic. Accessed from: [https://setkab.go.id/en/health-minister-signs-regulation-on-guidelines-to-propose-large-scale-social-restrictions-amid-covid-19-pandemic/#:~: text=The%20 PSBB%20was%20regulated%20in, that%20hits%20by%20COVID%2D19](https://setkab.go.id/en/health-minister-signs-regulation-on-guidelines-to-propose-large-scale-social-restrictions-amid-covid-19-pandemic/#:~:text=The%20PSBB%20was%20regulated%20in,that%20hits%20by%20COVID%2D19) (24 April 2021)
 14. Office of Assistant to Deputy Cabinet Secretary for State Documents & Translation. Massive Religious Activities Banned in Regulation No. 9/2020. Accessed from: [https:// setkab.go.id/en/massive-religious-activities-banned-in-regulation-no-9-2020/](https://setkab.go.id/en/massive-religious-activities-banned-in-regulation-no-9-2020/) (27 April 2021)
 15. The Decision of MUI No. 14 of 2020 about Worship Events in the Outbreak of Covid-19 Pandemic in Majelis Ulama Indonesia. Accessed from: <https://mui.or.id/berita/27674/fatwa-penyelenggaraan-ibadah-dalam-situasi-terjadi-wabah-covid-19/> (18 June 2021).
 16. Orin Bao, Petu Sareng (1969). *Nusa Nipa: Nama Pribumi Nusa Flores (Warisan Purba) (Nusa NipaNative Name of Nusa Flores)*. Ende: Nusa Indah.
 17. Pertiwi, Wahyunanda Kusuma. *Melihat Besarnya Kesenjangan Internet antara Indonesia Barat dan Timur (Seeing the Big Internet Gap between West and East Indonesia)*. Accessed from: <https://tekno.kompas.com/read/2020/11/10/20020087/melihat-besarnya-kesenjangan-internet-antara-indonesia-barat-dan-timur?page=all> (18 June 2021)
 18. Putri, Aditya Widya. *Perlunya Modifikasi Ritual Agama di tengah Wabah Corona (The Need for Modification of Religious Rituals in the midst of the Corona Outbreak)*. Accessed from: <https://tirto.id/perlunya-modifikasi-ritual-agama-di-tengah-wabah-corona-eGqZ> (18 June 2021)
 19. Siegel, Ethan (2020). *The 3 Ways Science Will Get Us Through the COVID-19 Pan-*
 - dem. Accessed from: <https://www.forbes.com/sites/startswithabang/2020/04/07/the-3-ways-science-will-get-us-through-the-covid-19-pandemic/?sh=6abade452fc3> (18 June 2021).
 20. Sistem Kepercayaan Yang Ada Serta Berkembang Dalam Masyarakat Flores (The Belief System that Exists and Develops in the Flores Community). Accessed from: <https://www.materiedukasi.com/2017/09/sistem-kepercayaan-yang-ada-serta-berkembang-dalam-masyarakat-flores.html> (1 May 2021)
 21. Taylor, Steven (2019). *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*. Newcastle: Cambridge Scholar Publishing.
 22. Weiskirch, Kevin. "Digital Imagined Communities: The Role of the Internet in Creating, Maintaining, and Spreading the Resurgence of Transcontinental and Transitional Far Right Ideas" in *Compass: The Gallatin Research Journal*. Accessed from: <https://wp.nyu.edu/compass/2019/03/28/digital-imagined-communities-the-role-of-the-internet-in-creating-maintaining-and-spreading-the-resurgence-of-transcontinental-and-transitional-far-right-ideas/> (3 May 2021)
 23. Zizek, Slavoj (2020). *Coronavirus is 'Kill Bill'-esque blow to capitalism and could lead to reinvention of communism*. Accessed from: <https://www.rt.com/op-ed/481831-coronavirus-kill-bill-capitalism-communism/> (1 May 2021)
 24. _____ (2020). *Pandemic!: COVID-19 Shakes the World*. New York: OR Books.
 25. _____ (2020). *Pandemic! 2: Chronicles of A Time Lost*. New York: OR Books.
 26. Ida Bagus Wiryanatha, *Medical Doctor in Ayurwedha, Bali* (April 27, 2021)
 27. Prof. Dr. I Wayan Suka Yasa, M.S., *Docent in UNHI, Bali* (April 27, 2021).
 28. I Putu Gede Suyoga, *Docent in UNHI, Bali* (April 27, 2021)
 29. Ismail, *Lecturer in St. Paul Catholic University Ruteng, Flores* (5 May 2021)
 30. Ardus Gunar, *Civil Servant in West Manggarai, Flores* (19 June 2021)

Дуализм в общественном сознании: почему сложный концепт Спинозы оказался популярнее простого концепта Декарта

Сафронов Алексей Владимирович,

кандидат технических наук, соискатель, кафедра онтологии и теории познания,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: alexey.safronov.w@gmail.com

В статье рассматривается монизм как актуальная, но не единственно возможная парадигма научных исследований. Исследуется вопрос, почему эта парадигма как концепция Единого практически вытеснила рефлексию о Различном и в науке, и в общественном сознании европейского человека. Показано, что концепция Единого стала отправной точкой как мировых религий, так и европейской философии. Обсуждается идея, что развитие науки происходило до сих пор как развертывание проблемы Единого, научного обобщения и формирования целостного взгляда на мир. Еще в древнегреческой философии появилась рефлексия о Различном, которая не была востребована до Нового времени. Однако в Новое время дуализм снова не получает достаточного подкрепления, и монистическая концепция Спинозы становится основной доктриной исследований до наших дней. Необходимость прогресса в науках о человеческой природе, вероятно, потребует пересмотра основной парадигмы в сторону учета преимуществ дуалистических и плюралистических моделей.

Ключевые слова: Единое, Различное, монизм, дуализм, плюрализм, Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, исследовательская парадигма.

Подвержены ли онтологические рефлексии общественным запросам? Должен ли философ ориентироваться на условную полезность или вредность своих идей, на общественное восприятие своей онтологической концепции? Наверное, это один из самых непростых вопросов для философии вообще. С одной стороны, философ стремится к истине, и для него не должно играть роли, как эта истина будет воспринята: главное – быть честным перед самим собой. С другой стороны, какой смысл в философии, которая только создает людям трудности, не решая их проблем? Не полезнее ли для философа стремиться к общественному благу, созданию порядка и гармонии в обществе, а не к научной истине? Ответа на этот вопрос мы не найдем, но можем рассмотреть его чуть подробнее на примере концепта дуализма.

Дуализм – одна из древнейших философских концепций в мифологии и религии, и по сей день она живет у отдельных народов. Но даже в тех странах, где основной религиозной доктриной является дуализм, всегда имеет место «монистическая оговорка», что две силы, или две стихии, или два Бога изначально были одним или созданы одним. В политеизме в пантеоне Богов чаще всего есть верховное божество или демиург. В философии дуализм и плюрализм также почти всегда «производны» и обычно исходят из того, что изначально все было Единым, все движимо одним Богом или одной силой.

Так или иначе, идея единства всего представляется чем-то настолько глубоко вошедшим в общественное сознание, что всякое Многое рассматривается не иначе как порождение Единого. Эта мысль вдохновляла и Фалеса, и Платона, и Аристотеля, и Декарта, и Гегеля, и Эйнштейна. Может быть есть многообразие, но оно все порож-

дено единым источником. Согласно «бритве Оккама», такой взгляд на вещи является более предпочтительным, так как порождение новых сущностей без надобности не имеет никакого смысла. А значит, все новые сущности кроме одной бессмысленны, если есть объяснение, как все произошло от одного. Но есть ли такое объяснение? Ответом на этот вопрос философия и наука занимаются уже почти два с половиной тысячелетия. Ведь следствием индукции Единого является необходимость «обоснования многого из единого» – то, что мы выше назвали «монистической говоркой».

Все живые существа пошли от одного предка. Все планеты и звезды – от одного космологического события. Все законы науки стремятся к объединению в один закон. У любой организации есть руководство, единоначалие, у страны – правительство. И так далее, и тому подобное. Даже если существуют параллельные миры, которые никогда не пересекаются с нашим, мы полагаем, что и наш, и эти параллельные миры произошли от одного источника. Идея единой природы Всего зародилась на заре человеческой мысли, именно с нее началась философия, и именно она является основной доктриной в наше время.

Все познается в сравнении, но как сравнивать то, что не есть части Единого и не имеет ничего общего? Кажется, что поиск во всем Единого – единственно возможный путь познания. Но так ли это? Эту идею (производить любое сравнение явлений через поиск их единства) необходимо всесторонне критически изучить, ведь и у нее должен быть свой предел. Необходимо посмотреть, что способствует этой идее, откуда берутся ее истоки. Чем может нежелательно проявиться отхождение от этой идеи? Что бы изменилось в людях, в устройстве общества, если бы основной доктриной стал дуализм или плюрализм?

Для анализа и сопоставления будем использовать следующий метод. Будем исходить из того, что Единое может быть найдено или имеет место

не во всем. Примем за исходную посылку то наивное и исторически более раннее соображение древних людей, что мир не только многообразен, но и происходит от разных источников. А далее посмотрим, как эта посылка трансформировалась. Так или иначе, абстрактная идея Единого как основа монизма есть достижение нескольких тысяч лет европейской философской рефлексии. Мысль не могла начаться с этого, хотя, как уже было упомянуто, мы ведем историю европейской философии преимущественно именно с того момента, когда человеческая мысль объяла весь космос и заявила о единой первопринципе всего. Была ли это вода, как у Фалеса, или огонь, как у Гераклита, или идея, как у Платона.

В религии идея дуализма или политеизма предшествовала монистическим (монотеистическим) взглядам. Язычество было в основном политеистическим. Именно с монотеизмом мы связываем появление мировых религий: иудаизма, христианства, ислама и др. Представляется весьма замечательным, что идея Единого послужила началу современных религий, философии, физики и науки вообще. Если проследить историю развития философии и науки, то можно заметить, что проблема Единого и ее обоснование становятся чуть ли не основной движущей силой рационального познания. Можно даже предположить на уровне гипотезы, что наука стала системой понятий, которая обосновывает Единое как теоретический факт (мы используем это понятие в собственном смысле, но близко к понятию «всеобщее»). Наивное восприятие мира как разрозненного или нецелого обростае, как строительными лесами, философскими и научными теориями, связующими воедино не только все знания, но и то, что за ними стоит: все вещи. Чем сложнее оказывается связь вещей в природе, тем замысловатее и теория.

Древнейшей из сохранившихся монотеистических религий стал иудаизм, который возник во втором тысячелетии до нашей эры. По мнению разных исто-

риков религии, иудаизм либо изначально был монотеистическим, либо стал таким в эллинистический период. Так или иначе, для евреев единобожие стало элементом национального и культурного самоопределения.

«Согласно иудейской традиции, основателем религии считается Авраам, который перешел, с одной стороны, от свойственного всем его современникам многобожия (язычества) к монотеизму, а с другой стороны – перешел со своими последователями через Иордан и впервые поселился на территории современного Израиля. Поэтому Авраам, его последователей и их потомков стали считать “евреями”, что на иврите звучит как “иври” и означает “перешедшие” – к монотеизму и через Иордан», – пишет С.А. Репницкий [1].

Признание своего Бога единственным служило как единению народа, так и его обособлению. С одной стороны, это стало важным элементом самоидентичности, с другой – поставило и множество вопросов: о статусе богов других народов, о соотношении различных учений и т.д. Таким образом, идея Единого послужила сильнейшим мотивом для научной работы с Писанием, его толкования и т.д. Простое признание существования множества богов в языке включало понятную для общины проблему иерархии в пантеоне, но не ставило столь сложных научных проблем, как соотношение целых культур.

Неудивительно, что тексты иудаизма и их толкование и по сей день представляют собой сложный материал и сложную задачу, которой занимаются только специалисты. При этом этика в иудаизме подразумевает следование правилам, которые без помощи специалиста бывает сложно понять. Одно из направлений этой религии – каббала – является настолько непростой теорией, что ее изучением и развитием занимались ярчайшие умы человечества: Яков Беме, Карл Густав Юнг, Николай Бердяев, Владимир Соловьев, Бенедикт Спиноза, Соломон Маймон и др.

Осмысление Единого стало, несомненно, одной из важнейших тем

и в христианстве. Но если в иудаизме эта проблема начинается с национальной самоидентификации, то в христианстве она приобретает две важные специфические черты. С одной стороны, это тема единения и равенства людей перед единым Богом, идея справедливости и коммуны, чем и была христианская секта достаточно долго после образования. Однако впоследствии эта тема обретает и иной смысл: единовластие, божественное право, данное единым Богом монарху. Христианство становится фундаментом европейской государственности на тысячелетие.

Рассуждая о роли христианства в византийском типе государственности, И.А. Иванов пишет: «Византийскую цивилизацию невозможно помыслить без “святости” как идеала жизни и без религии, в данном случае христианства, как основы государственности. Соответственно, важнейшей частью концепции византизма является симфония светской и церковной властей, а также понимание государственной властью себя как силы, служащей Богу и выполняющей определенное, не только земное, послушание. Тем не менее, некоторые зарубежные исследователи, например, известный английский историк Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975), все еще склонны видеть в таком политико-идеологическом концепте модель тоталитарного государства, в котором на Церковь якобы оказывается пагубное влияние – она попадает в зависимость от императора и ставится на службу его интересам» [2].

Важно отметить, что христианство стало очень сильным фактором общественного и государственного устройства во многих странах. Но сама идея Единого божественного начала оказалась совсем непростой и породила массу вопросов. Почему, если есть только один добрый Бог, имеет место зло? Почему добрый Бог попускает зло? Не означает ли наличие зла, что есть независимые начала: скажем, Сатана, злой демиург и т.д.? Сама мысль о существовании зла в мире, созданном абсолютно милосердным и справедливым

Богом, оказалась, скажем на современный манер, интеллектоемкой. Ведь «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1Ин. 1:5).

Как писал Августин Аврелий: «Когда спрашивают, откуда зло, прежде всего надлежит выяснить, что такое зло. Ибо оно есть не что иное, как повреждение либо меры, либо образа, либо порядка природного. Злою, стало быть, называется та природа, которая была повреждена: ведь природа неповрежденная есть, вместе с тем, и благая природа. Но, даже и поврежденная, она благая, поскольку она природа, и она злая, поскольку повреждена» [3]. Очевидно, что такое обоснование лишь порождает новый вопрос: в чем заключается природа таких «повреждений»? Какая сила их порождает?

Проблема обоснования существования зла (теодицея, по названию Лейбница) существовала и до христианства, ее решал еще античный философ Эпикур и многие после него. Но это было связано с тем, что в пантеоне греческих богов был верховный бог, который теоретически мог бы ограничивать зло, производимое другими божествами, но не делал этого. Однако в монотеизме эта проблема перешла на принципиально более высокий уровень. А еще совсем недавно она серьезно занимала наших великих соотечественников, например, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева и многих других.

Концепция Святой Троицы в христианстве являет собой еще одну очень сложную монистическую конструкцию. С одной стороны, она возникает в связи с необходимостью обозначить различия между Отцом, Сыном и Святым Духом, так как имеет место библейское повествование, где все эти три «лица» выступают по-своему и находятся в отношениях друг с другом. С другой стороны, признать это вынужденное повествовательное различие за действительное различие невозможно. Писание говорит, что все трое суть одно: «Бог Отец не рождается и не исходит от другого Лица; Сын Божий предвечно рождается от Бога Отца; Дух Святой пред-

вечно исходит от Бога Отца. Все три Лица по существу и свойствам совершенно равны между собой. Христос – Единородный Сын Божий, рожден “прежде всех ве”, “свет от света”, вечно с Отцом, “единосущен Отцу”. Всегда был и есть Сын, как и Святой Дух, Через Сына все сотворено; “Им же вся быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть”» (Ин. 1:3)

Чтобы понять, почему Отец обрекает Сына на смерть, хотя при этом оба они суть Одно, необходимо обладать абстрактным мышлением и иметь развитую интуицию. Тот факт, что концепт Святой Троицы является чрезвычайно непростоим, не скрывается, а, напротив, популяризируется. Сама идея о том, что для постижения истины в вере требуется серьезное интеллектуальное и духовное усилие, делается «сильной стороной», а не «слабостью» христианства. Непостижимость или элитарность высших духовных знаний оказывается важной чертой и иудаизма, и христианства.

Интересно здесь сравнение иудаизма и христианства с зороастризмом, который существует и по сей день как дуалистическая религия. Концепция зороастризма изначально предполагает наличие двух исходных сил: доброго бога и злого бога, – поэтому необходимость в обосновании зла здесь отпадает. Оно задано изначально как факт бытия. Именно поэтому главным принципом зороастризма становится свободный нравственный выбор человеком благих мыслей, благих слов и благих деяний. Помогают человеку в этом его совесть, разум и вера, которые дают возможность отличить доброе от злого и сделать верный выбор. Концепция этой религии, таким образом, оказывается сравнительно более простой, не предъявляющей верующему серьезных интеллектуальных барьеров. Зороастрийцы верят, что добро рано или поздно полностью победит зло, если люди будут этому способствовать.

Сказанное выше не означает, что зороастризм как концепция не содержит никаких трудностей для восприятия и понимания. В частности остается

ся спорным обоснование того, почему Ахриман (олицетворение злого начала) является злым, а Ахура Мазда (добрый создатель мира) является добрым. По легенде, Ахриман со своим войском вторгся в мир, созданный Богом Ахура Маздой и осквернил землю, в связи с чем появились насекомые, змеи, вредные животные. Скажем, волк в отличие от собаки считается созданием Ахримана.

Для древнего, да и для современного человека захватчик всегда несет зло, поскольку он приносит в жизнь захваченной территории и людей свои порядки, ценности и правила. Таким злым захватчиком в истории Ирана был, например, Александр Македонский, которого там и по сей день называют «проклятым». Для европейца образ Македонского, напротив, овеян ореолом героизма и почти божественного успеха. Поэтому, хотя зороастрийцы и не должны решать вопрос о природе зла, приписывая его злomu Богу, их дуализм, как бы сказал европеец, не лишен слабых мест. Зло зороастризма абсолютно, и поэтому Александр Македонский становится его проявлением. Как видно, более древняя и более простая дуалистическая модель мира оказывается проще во всем, и, в том числе, она в меньшей степени соответствует интеллектуальному запросу человека. Тут важно отметить, что это не доказывает добрую природу намерений легендарного греческого завоевателя, но ярко демонстрирует тот факт, что запрос на монотеизм и монизм является в том числе и интеллектуальным. Поэтому то, что монистические концепции оказываются сложнее и порой даже замысловатее, не случайно.

Как и монистические религии, развитый зороастризм также отходит от классического дуализма. Все этические и онтологические интеллектуальные запросы современного человека пробивают себе дорогу и в этой религии. Как указывает, например, А.Б. Оришев: «На наш взгляд, так же как и на взгляд современных зороастрийцев, проживающих главным обра-

зом в юго-восточном Иране и западной Индии, дуализм этот эфемерный. Объяснение кроется в том, что противостояние Ахура-Мазды и Анхра-Манью не понималось предками талышей и современных иранцев как соревнование двух равных, извечно существующих начал. Начало – только одно, двух начал быть не может. Действительно, в Гатах – в наиболее почитаемой части Авесты – мы замечаем единого верховного бога – всесильного, всемогущего Ахура-Мазду. Он является творцом как физического, так и духовного мира. Анхра-Манью же, как совокупный образ, как воплощение злых, демонических сил, остается как бы в тени» [4].

Китайская религиозная традиция иногда считается одним из примеров дуализма, так как содержит концепцию двойственности Инь и Ян. Однако это не так. По духу это гегельянский диалектический монизм. Неудивительно, что китайцам «пришелся по вкусу» диалектический материализм. Согласно Лао-цзы, Инь и Ян порождаются Единым, которое в этой традиции называется Дао. Именно Дао становится источником всех форм возникающих в процессе творения. Из Дао происходит единица, из единицы – два: Инь и Ян, которые, придя в движение, становятся тремя и порождают весь мир. Примечательно и очень показательно, что именно монистический смысл Дао оказывается причиной того, что эта концепция является столь непростой, что ее нельзя описать, как говорят, в интеллектуальных понятиях. Из-за этого в китайской философии возникает множество парадоксов [5].

Один из таких парадоксов заключается в том, что Дао одновременно есть и единичное каждой вещи и каждого явления в отдельности, и Единое, универсальный закон Вселенной. Таким образом Дао объединяет все вещи и все явления в одно существование. Концепт Дао, или Единого, в китайской философии по праву считается одним из самых сложных и трудно понимаемых вообще в мировой культуре. Этот концепт был доступен очень немногим,

и на первых этапах даосизм был исключительно элитарным, даже, в какой-то степени, царским занятием. Не случайно его возникновение связывают с легендарным Желтым императором Хуанди.

Самая молодая из великих мировых религий – ислам – является монистической. Ислам также является авраамической религией, то есть признает Библию, но в первую очередь ориентируется на собственные священные тексты. Объединение разных священных текстов, а также признание достижений науки делает эту религию крайне сложной для толкования. Однако, в отличие от других религий, эта возникла в ответ на «дефицит» веры современного человека. Поэтому основа основ ислама заключается не в постижении Писания, а в практике веры и исполнении главных культовых обязанностей. Это позволяет быть правоверным мусульманином, не понимая многих элементов этой веры. Ислам оказался более эффективным, чем многие другие монистические религии, потому что оставил интеллектуальный запрос современного человек за скобками. Мусульманин чаще всего не озабочен мыслями о природе зла, как, например, христиане, но считает очень важным соблюдение ритуалов и совершение добродетельных поступков. Ислам является настолько развитой системой взглядов на Единое, что предлагает человеку путь внутреннего духовного единства и счастья в вере.

«В отличие от теоцентрически ориентированной моральной теологии, исламская этика обращена к человеку, ищущему земного счастья. Это этика мусульманина как человека и гражданина, нравственное бытие которого осуществляется в естественной и вполне определенной социальной среде. Многие этические вопросы традиционная исламская этика рассматривала в рамках догматики и права, не считая их предметом этики. Само понятие этика (адаб) толковалось довольно узко в сравнении с современным пониманием, охватывая преимущественно вопросы индивидуальной и семейной

этики в рамках религиозного понимания добра и зла. Ислам характеризуется нерасторжимой переплетенностью религиозной веры и моральной добродетели: мораль является здесь составной частью веры, а вера – способом нравственно-ответственного существования в мире. Вера есть определенное отношение человека к Богу, которое обнаруживается в поступках», – пишет Т.Э. Кафаров [6].

Парадоксы и научные вопросы, которых очень много в исламе как теории, не становятся предметом для обсуждения проповедников с верующими и остаются в ведении экспертов этой религии. Ислам не пропагандирует сложность своей теоретической концепции, как это делают, например, иудаизм и христианство. Однако это, конечно, не означает, что в исламе нет теоретических сложностей и головоломок. Более того, эта монистическая религия включает все сложности и головоломки, присущие иудаизму и христианству, а также имеет свои собственные.

Так же, как и в религии, в философии монизм связан с парадоксами и, как следствие, необходимостью их объяснений. Но если в религии парадоксы отвечают общему запросу верующего «верую, ибо абсурдно» и могут оставаться на уровне предмета верования, то в философии парадоксы должны разрешаться или получать объяснение. Это обстоятельство делает философию еще более изощренной формой человеческой мысли в обосновании Единого.

Как уже было сказано, понятие о Едином в противоположность дуализму и плюрализму не было исходным человеческим воззрением на создание и существование мира. Множественность, данная человеку в опыте, оказывается значительно более базовой и простой идеей, чем понятие о Едином. Поэтому замечательно, что столь разные мыслители, как Гегель и Ницше, начинают историю философии с Фалеса Милетского именно потому, что он был, вероятно, первым греческим мыслителем, кто рассуждал об этой категории.

Ницше пишет: «Греческая философия начинается, по-видимому, с нескладной мысли – с положения, будто вода – первоначало и материнское лоно всех вещей. Действительно ли на этом нужно всерьез остановиться? Да, и по трем причинам: во-первых, потому, что это положение высказывает нечто о происхождении вещей, во-вторых, потому, что оно делает это без иносказаний и притч; и, наконец, потому, что в нем, хотя и в зачаточном состоянии, заключена мысль: «Все – едино». Первое оставляет еще Фалеса в обществе религиозных и суеверных людей, второе выводит его из этого общества и показывает его нам естествоиспытателем, но в силу третьего – Фалес становится первым греческим философом» [7].

К сожалению, нам не так много известно о философии Фалеса, но можно предположить, что его рефлексия о Едином имела различные проявления, в том числе связанные с возможными парадоксами. Мы больше знаем о его последователе Анаксимандре, считавшем так же, как и Фалес, что мир имеет первоисточник, который он назвал «апейрон». По Анаксимандру, апейрон является бесконечным божественным началом, которому присуще непрерывное движение. Из апейрона все возникает, и в него все превращается, он неуничтожим и бесконечен во времени. В результате некоторого процесса апейрон разделяется на противоположности: горячее и холодное, влажное и сухое и т.д. Противоборство этих стихий порождает все остальное многообразие мира, включая жизнь.

Считается, что рассуждение о первоначале привели Анаксимандра к идее переходов противоположностей друг в друга, поскольку они есть одно. Горячее может остыть, холодное – нагреться и т.д. Эту идею позже развил и многократно усилили Гераклит и Аристотель, и далее она вошла в комплекс законов диалектики Гегеля как понятие о «единстве и борьбе противоположностей». Эта же идея стала основой научного понимания всевозможных явлений природы.

Так, теплое и холодное действительно являются проявлениями одного и того же явления – внутреннего движения материи, и его мера – температура. Прими наука в данном вопросе за основу дуалистический взгляд, что тепло и холод суть проявления стихий различной природы, она оказалась бы в тупике и не пришла бы к пониманию внутреннего движения материи. То же касается влажного и сухого, дня и ночи и т.д.

Таким образом рассуждения Милетских философов о Едином действительно придали импульс развитию философии и науки. Но для целой настоящей статьи здесь важно отметить и другое. Рассуждение о Едином имеет смысл образования теоретической связи вещей и явлений. Теплое и холодное стали Единым в рамках теории теплофизики, то есть на теоретическом уровне. Иными словами, различие теплового и холодного ограничено кругом явлений и заметно только на практическом уровне, когда речь идет о прикладном сопоставлении температур в отношении самого человека как наблюдателя. Именно так его видели древние греки. Теоретический же, объяснительный уровень, устанавливающий идеальную связь тепла и холода, стирает это практическое различие.

Видеть за вещами Единое – значит иметь по поводу этих вещей монистическую теорию. Само по себе то, что теплое и холодное есть одно и то же для древнего грека, должно было казаться парадоксальным. Возможно, что и не знакомые с физикой современные люди могли бы тоже удивиться этому факту. Единство противоположностей само по себе выглядит как нечто парадоксальное. Но то, что противоположности теплое и холодное оказались одним и тем же, означает не то, что все противоположности в мире суть одно, а то, что наука нашла такую теорию, которая объединяет теплое и холодное, – скажем, теорию внутреннего движения. Также наука нашла единство во многих других явлениях, создавая различные теории по этому поводу.

При этом нельзя сказать, что наука уже нашла теории, объединяющие все противоположности. Например, неизвестно, объединяет ли что-то совершенство и несовершенство, время и вневременность или даже случайность и необходимость. Более того, нет никаких оснований полагать, что успех науки в создании подобных «объединяющих противоположности» теорий означает, что возможна тотальная индукция к тому, что все есть Единое. Ведь это утверждение в действительности есть полная индукция, а значит, оно подвержено всем тем сложностям, которыми обладают индуктивные умозаключения. Когда говорят, что индуктивные умозаключения возможны вследствие того, что существует всеобщая связь явлений в природе, то это, конечно, ошибка. Все наоборот, и всеобщая связь явлений в природе есть само индуктивное умозаключение. А значит, оно вообще недоказуемо.

Как пишет Эмиль Бутру: «Прежде всего, что такое это абсолютное сведение множественного к единому, из ничего к постоянному, к которому стремится научная мысль? Не есть ли оно в конц концов только слияние противоречивых понятий? И если абсолютное постижимо для ума, законно ли такое слияние?» [8]

Удивительно, но процесс научных поисков сегодня все еще движим импульсом, который был задан Милетскими философами, и его можно явственно ощущать в самых современных исследованиях. После заявления А. Эйнштейна о своем намерении вывести Всеобщий закон всего это направление в физике до сих пор занимает одно из ключевых мест. Именно такого рода теорией, например, претендует быть теория струн [9] и многие другие. Однако пока это только теория, которая не оправдывает возлагаемых на нее надежд, и Всеобщий закон всего, обещанный Эйнштейном, все еще не найден.

Вопрос заключается в том, будет ли он найден. Или, точнее, будет ли он найден в той парадигме монизма, которая главенствует в науке уже более двух

тысячелетий? Возможно, масштаб рассматриваемой человеком проблемы наконец-то вышел за рамки того, чтобы увидеть Единое в том, что лишь выглядит как противоположности. Теплое и холодное, влажное и сухое и т.д. – часто это всего лишь степени какого-то одного типа состояния (теплота, влажность и пр.). Может быть, гравитация и электромагнетизм, которые обещал объединить Эйнштейн, или какие-то иные, еще не открытые силы природы действительно имеют разную природу и не являются частью Единого. Этот вопрос очень важен для дальнейшего развития науки в самых разных направлениях, но в первую очередь, конечно, в отношении развития наук о человеке.

Как пишет А.Л. Никифоров: «К концу XX в. было осознано, что экспериментальная наука Нового времени изначально свою основную задачу видела в совершенствовании техники, поиск истины был лишь средством решения ее главной социальной задачи. Во второй половине XX в. наука выполнила свою историческую миссию, создав техническую основу для формирования общества потребления. По-видимому, ее развитие закончилось. На место науки, занятой совершенствованием техники, приходят науки, предметом которых является человек и его совершенствование» [10].

Человек оказывается несоизмеримо сложнее как предмет для изучения, чем любой самый сложный известный нам предмет, скажем, в физике. Поэтому для научного прогресса в этой области, вполне вероятно, придется отказаться от некоторых общепринятых сегодня положений. И первая научная догма, о которой может идти речь в этом ключе, – это не критическое отношение к проблеме Единого.

Как было указано выше, дуализм или плюрализм, в отличие от монизма, есть нечто, что можно наблюдать почти непосредственно в мире вещей. Многообразие дано как факт наблюдения, а деление на противоположности заложено в отношении к самому наблюдателю, человеку. Поэтому такие концепции

о взаимодействии исходных первоэлементов возникали еще до философских теорий Милетской школы и являются, в какой-то степени, более «наивными». Как мы показали выше – и об этом еще будет сказано ниже, – монизм традиционно ставил перед человеческим интеллектом более сложные задачи. Однако из этого не следует, что дуалистический подход может быть только наивным и не содержит подлинных научных проблем. Скорее, это означает, что проблемы подобного рода относятся к другим типам объектов, они отличаются и имеют свою специфику.

В частности, на примере зороастризма мы показали, что дуализм содержит, например, следующую проблему. Почему доброе лучше злого? Или в общем виде, каким должно быть основание для сравнения явлений двух разных начал, не являющихся частями Единого. Почти всегда нам удается увидеть Единое, но значит ли это, что оно существует в природе, или мы достраиваем реальность Единым, чтобы проблема могла получить решение?

Например, мы указывали, что жители Ирана до сих пор называют Александра Македонского «проклятым», рассуждая так исключительно с позиции, что вражеский захватчик в принципе может быть только злым. Решая подобную проблему, житель России мог бы рассуждать более взвешенно, сравнивая таких захватчиков русской земли, как Наполеон Бонапарт и Адольф Гитлер: если второго мы считаем проявлением зла, то первого часто романтизируют. Почему мы можем рассуждать об этом, в отличие от жителя Ирана в отношении Александра Македонского? Потому, что для нас не существует дуализма между врагом и другом. Оба эти проявления человека относительны (в отношении единого для них понятия «человек»), и мы готовы видеть во враге Наполеоне великого человека и исторического персонажа. Мы оцениваем поступки двух этих завоевателей исходя из единых человеческих ценностей, как бы ставя себя на их место и анализируя их цели. «Мог бы я как за-

воеватель иметь такую цель?» – спрашивает себя человек и в зависимости от ответа проводит границу между этими двумя личностями. Существует ли Единое общечеловеческих ценностей или это удобная концепция, результат нашего достраивания реальности – вопрос открытый.

Далеко не все и не всегда может иметь «общее» для сравнения. Несмотря на то, что философия возникла как поиск Единого во всем, уже Платон проводит принципиальное различие между душой и телом, а Аристотель – между материей и формой. Хотя оба философа при этом имеют в виду единое начало в виде Бога (например, у Аристотеля Бог есть форма форм), тем не менее с них начинается философская рефлексия о Различном.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание. Большинство исследователей не считают, что, например, Платон был дуалистом. Есть мнение, что его позиция по вопросу души постепенно эволюционировала от диалога к диалогу. Так, С.Н. Поздняков пишет, что, начиная в первых диалогах с психофизической (дуалистической) проблемы души, Платон в итоге приходит к пониманию души как к идее одушевленности космоса [11]. С этим сложно и нет необходимости спорить, но здесь важно другое. У Платона мы впервые в истории мировой мысли встречаем зачатки не наивного рассуждения о дуализме. В его теории, пусть и временно, но появляется Различное как научная категория. Однако в то время наука о Едином обладала несоизмеримо большим исследовательским потенциалом, и Платон совершенно справедливо предпочел ее науке о Различном.

Это Различное присутствует и у Платона, и у Аристотеля – в чем-то схожее, в чем-то существенно отличается. С одной стороны, это Различное выступает здесь в том же ключе, в каком его понимает и современный человек: в виде кардинального различия свойств. Скажем, Платон считал, что тело смертно, а душа бессмертна. Раз они столь отличны, то имеют разную приро-

ду. Однако в каком смысле эта природа отличается? Онтологическое отличие и у Платона, и у Аристотеля почти нивелируется тем, что в конце концов все создано Богом. Поэтому, каким бы драматическим ни было отличие свойств, в обеих концепциях есть главенство одного из свойств над другим. У Платона основной является идея, ипостась души, а у Аристотеля – форма. Таким образом, общим у обоих мыслителей, как мы уже отметили, выступает вторичность Различного.

Не переходя пока ко второму, к отличию двух концепций, заметим здесь еще одно очень важное обстоятельство того, как пробивает себе дорогу мысль о дуализме в общественном сознании и как она в нем ограничивается. Рассуждая о душе, современный человек, подобно раннему Платону, с легкостью готов признать, что душа и тело принципиально различны и, видимо, имеют разную природу. С этим не станут спорить и многие современные психологи и даже нейрофизиологи. Хотя существует и иная точка зрения, которую сегодня особенно ярко отстаивает, например, Р. Сапольски [12], а ранее ее активно защищали Д. Деннет, Пол и Патриция Черчленды и ряд других философов. Тем не менее, эпифеноменализм Сапольски или Деннета контринтуитивен и для общественного сознания европейского человека оказывается слишком сложным концептом: большинство продолжает мыслить категориями «душа»/«тело». Признавая, что душа и тело различны, современный человек не готов пойти дальше и даже предположить, что душа и тело или как-то иначе разделенная на компоненты композиция человека состоит из элементов, не имеющих Единого источника происхождения. То есть, принимая дуализм или плюрализм в настоящем, мы не принимаем дуализм или плюрализм в прошлом, в акте (актах) творения.

Если некто придерживается сегодня точки зрения об особой природе души (мы не разделяем эту точку зрения), то он также почти наверняка будет

придерживаться и точки зрения о том, что душа, как и тело, созданы Единым – Богом или одной природой. Такая убежденность, такое содержание общественного сознания является, несомненно, интеллектуальным феноменом. И его необходимо изучать.

Надо отметить, что и современный натуралистический дуализм Д. Чалмерса имеет ту же самую «монистическую оговорку», которую мы уже упоминали в начале статьи. По Чалмерсу, сознание, вполне возможно, является таким же фундаментальным явлением природы, как заряд или масса [13]. Однако все эти явления происходят у него из Единого космологического события; точнее, философ просто не конкретизирует этот пункт своей философии, давая понять, что не претендует на собственную дуалистическую космологическую модель. Скажем, возможность того, что наша реальность находится на пересечении последствия двух или более «Больших взрывов» разной природы, им не обсуждается. Почему?

Как уже было отмечено, рассуждение об абсолютно Различном лишает нас, в какой-то степени, точки опоры в виде субстрата для сравнения. Иными словами, дуализм ставит перед нами специфическую для него проблему о соотношении несоотносимого, из которой произошел, например, спор о свободе воли. Если душа и тело не имеют ничего общего, то как же они могут сочетаться, как между ними возможна интеракция? И так далее. Возможно, проблема свободы воли возникает не из-за дуализма самого по себе, а из-за его платоновско-декартовской версии, которая только и доступна общественному сознанию.

В связи с этим вернемся к сравнению концепций дуализма Платона и Аристотеля. Их Различное отличается, если можно так сказать, по типу разделения. У Платона разделение проходит по тому, что можно хотя бы приближенно назвать эссенциями, сущностями или просто объектами. Как и понятие о теле, понятие о душе в общественном сознании до сих пор сопряжено с не-

коей объектностью. Даже платоновская идея как будто может быть представлена в виде некоторого целостного объекта. При этом Аристотелевское деление на форму и материю или, как сказали бы мы, форму и содержание, принципиально не сводимы к объектам. Аристотель смещает фокус с объектов вглубь сущностей, замечая в них взаимопроницающие материю и форму.

Такая (Аристотелевская) форма различения, основанная на его концепции причин, во многом замечательна, поскольку она дает первый в истории пример нелокальной теории. Вероятно, на данный момент концепция греческого философа является все еще единственной европейской философской теорией, которая абстрагировалась от того типа локализации и дискретизации явлений, который доступен только теоретическому познанию, но, возможно, не отражает ничего существующего в действительности. Это важный момент, к которому мы еще вернемся позже.

Ключевой фигурой, с которой дуализм начался как формализованный научный подход, стал Рене Декарт. И он же, к сожалению, стал его «могильщиком» на долгие годы. Вспоминая Декарта сегодня, принято говорить, что он дал импульс для развития двух отдельных направлений: наук о протяженном, то есть о том, что можно измерить, и наук о мышлении или человеке и пр. В первом случае импульс оказался очень сильным и продуктивным, а во втором, напротив, привел к парадоксам, бесконечным поискам подходов и, в конце концов, к пониманию, что дуализм ошибочен.

Уже Б. Спиноза предложил свою интерпретацию теории Декарта, в которой не оказалось места для дуализма. И это при том, что именно дуализм был пафосом философии Картезия, и при том, что именно Спиноза заслуженно считается одним из главных его критических продолжателей. Как могло так получиться, что спинозианская интерпретация Декарта, отвергнув его главное положение, оказалась значитель-

ного более востребованной, чем исходная?

Как пишет С.Р. Ковнер: «Был еще третий духовный ученик Декарта, это – Бенедикт Спиноза. Отношения его к Своему учителю уж совсем иные. Сначала, кажется, он идет по его следам и даже развивает его; но вдруг, неизвестно вследствие какого чуда или внутреннего процесса, он незаметно вырастает из-за его плеч, оставляя его далеко за собой, поражает современный мир целым рядом возвышенных идей...» [14].

В ответ на онтологическое Различие в мире протяженного и мыслящего своего предшественника Спиноза предложил такое Единое, такую «монистическую оговорку», такую теорию объединения Различного в одно целое, которая и по сей день является основной базовой доктриной в философии науки и в этике. Почему?

Это очень простой вопрос, рассмотрение которого заслуживает не одной книги, но мы хотели бы изучить его важный аспект. Это уже упомянутый в начале мотив исследований как исходный пункт философии. Мы начали эту статью с вопроса, какие цели должен преследовать философ. Должен ли он слепо идти к истине, чего бы это ни стоило, или же должен руководствоваться общественной пользой, последствиями для человечества. По этому критерию, у Декарта и Спинозы были противоположные подходы. Нельзя сказать, что Декарт был «ослеплен» Софией, но сам его метод более чем красноречиво говорит за себя. Картезий поставил во главу угла сомнение как путеводную звезду своего метода. Он решил, что все, что может вызвать сомнение, должно быть проверено, или, иными словами, никакие ценности, авторитеты или установки не играют роли. За этим методом легко разглядеть абсолютное стремление к истине, даже – додумываем мы за Декарта, – если эта истина может причинить вред.

В отличие от Декарта, Спиноза стремился к достижению человеком душевного равновесия, довольства и радо-

сти. Но не через богатство или славу. Он сам жил очень скромно, и его часто и в плане образа жизни, и в плане философии сравнивают со стоиками. Декарт был значительно богаче Спинозы и, кроме того, часть жизни прожил при королевском дворе. Спиноза считал, что скромность украшает, а с множественными желаниями и аффектами необходимо бороться, поскольку в них проявляется человеческое рабство.

Пожалуй, сердцевинной всей философии Спинозы, которая происходит из ее мотивации, стало его понимание того, как возможна человеческая свобода. Пожалуй, это именно тот ход мысли и та способность увидеть (достроить) Единое, за которую Спиноза считается одним из самых великих умов человечества. Его возводили на пьедестал мысли такие разные мыслители и творцы, как Иоганн Гете или, например, Альберт Эйнштейн. Последний даже ссылался на «старика Спинозу» в своем знаменитом споре с Нильсом Бором. В чем же тут дело?

Парадоксальность и гениальность идеи Спинозы заключается в синтезе, кажется, совершенно несинтезируемых категорий – свободы и несвободы. Спиноза усматривает за ними Единое, предлагая такую теорию, которая как бы отменяет необходимость в дуализме Декарта для объяснения свободы воли. Ведь одной из важных сторон декартовской концепции было то, что в ней человеческий разум в силу отдельной природы обладал свободой воли. Дуализм Декарта, по сути, делал свободу исходным свойством в системе разума и тела в силу Различного. Спиноза, как известно, объявил протяженную и мыслящую субстанции Декарта (разум и тело) лишь атрибутами единой субстанции, проявлениями Единого Бога. Поэтому свобода не была дана в спинозианской концепции как исходный пункт, но он должен был ее сконструировать, изобрести. Фактически, он должен был сделать то, что пытаются сделать сегодня эволюционные биологи, психологи и нейрофизиологи, пытаясь понять, как путем эволюции в ма-

терии зарождается способность к произвольным действиям.

Не случайно гегельянец и философ сознания Эвальд Васильевич Ильенков считал Спинозу предтечей Гегеля. Возможность монистических воззрений Гегеля – а значит, и монизма марксистской школы, – по его мнению, во многом обусловлена концепцией, предложенной именно Спинозой [15].

Как же Спиноза изобретает свободу? Прежде всего, он ее отрицает, ибо с подобного логического хода (с отрицания) начинают работу с Единым все монисты. Он отрицает свободу воли человека. В Этике он пишет, что идея свободы воли возникает из мнимого, кажущегося произвола действий людей: «Ибо, как я уже много раз говорил, свои действия и влечения они сознают, причин же, которыми они определяются к ним, не знают» [16]. Он пишет: «Точно так же ребенок убежден, что он свободно ищет молока, разгневанный мальчик – что он свободно желает мщения, трус – бегства. Пьяный убежден, что он по свободному определению души говорит то, что впоследствии трезвый желал бы взять назад» [Там же].

Также Спиноза отрицал и случайность, полагая, что идея случайности тех или иных явлений возникает лишь потому, что мы рассматриваем эти вещи изолированно, вне связи с другими. Он пишет: «Отсюда вместе с тем следует, что Бог не дает людям законов, чтобы награждать их за их исполнение, или, говоря яснее, что законы Бога не таковы, чтобы их можно было нарушить. Ибо если мы правила, установленные Богом в природе, по которым все вещи возникают и продолжают, назовем законами, то они таковы, что их никогда невозможно нарушить» [17].

Будучи этическим мыслителем, Спиноза не может лишить человека возможности действовать и совершать выбор. Иначе в чем был бы смысл этики, если не в помощи в совершении выбора. Но как совершить выбор в отсутствие свободы воли, когда также невозможно и случайность и все определено Богом? В этом месте уровень сложно-

сти теории Спинозы, если так можно выразиться, уходит в сингулярность. Спиноза говорит, что для этого необходимо познавать необходимость, и свобода как раз в этом и заключена, в «познанной необходимости», в понимании своих потребностей и управлении ими, избегании, как он говорит, рабства.

Конечно, идея Спинозы сама была обусловлена всем предшествующим ходом истории мысли, на его концепцию, несомненно, повлияли и его религиозные воззрения. Она не взялась из ниоткуда. Однако, здесь нельзя не заметить, что за философской дискуссией Спинозы с Декартом скрывается, как огромный носорог в комнате, принципиальный момент. Если Декарт познает потому, что сомневается, то есть ради истины, какой бы она ни была, то Спиноза делает это, чтобы быть свободным. Спиноза осознанно говорит, что свобода равна познанию, она приходит из знания, но на самом деле он также говорит и то, что познание равно свободе. То есть, что познание не только в выведении необходимости, но также возможно и познание воли, случайности, самой свободы. Однако последний смысл от него ускользает.

Мы далеки от того, чтобы упрекнуть Спинозу в выборе в пользу свободы против истины. Смысл нашего вывода заключается в другом: современная монистическая научная доктрина выросла из идеи, что свобода и несвобода суть одно и то же – проявления необходимости. Именно необходимость мы познаем самыми современными научными методами, всеми силами стараясь обосновать, как Единое порождает многообразие и волю. Как состоящее из молекул тело проявляет разум и имеет душу. И так далее.

Идея Спинозы, как бы примиряющая свободу и несвободу, случайность и необходимость, оказалась востребована сразу по многим причинам. Как мы уже указывали, Единое предпочтительнее для науки, так как оно не отвечает на вопрос прямо, а требует теории. Декарт постулировал свободу воли как естественное свойство своей онтоло-

гии, а Спиноза вывел ее как закон внутри Единого. Одной из слабых сторон дуализма считают, как ни странно, его простоту. Примкнуть к дуализму означает сегодня почти то же самое, что сдать (по выражению Деннета), или «расписаться в неспособности» создать достаточно сложную теорию.

Кроме того, в теории Спинозы есть также и обобщение. Она объединяет сущности, а не разъединяет их, создавая как бы более целостный взгляд на мир. Любопытно, что сами термины «обобщение» и «целостный взгляд на мир» в современном научном языке и в общественном сознании являются синонимами понятия «научное развитие». Научное развитие сегодня достигается за счет обобщений и формирования более целостного взгляда на мир. Использование этих слов означает некритичное следование идеалам монизма и игнорирование самой возможности какого бы то ни было исследования дуалистических и более сложных моделей.

Также немаловажно, что Спиноза отрицал случайность, а наука выбрала для себя в качестве пути развития поиск закономерностей. Сокровищница научных достижений человечества – это прежде всего описание установленных в природе закономерностей. Понятие «закон природы» было предложено упомянутым выше предшественником Спинозы Анаксимандром как распространение (обобщение) идеи о законах (ранее людских) на природу.

Наконец, учение Спинозы имеет два неоспоримых преимущества для общественной морали и государственного устройства. Этот мыслитель исходил из цели сделать человека довольным своей жизнью, по всей видимости, даже если эта жизнь трудна (как жизнь самого мыслителя). Но как этого достичь? Как примирить человека с его ношей в мире, в котором существует множество субстанций и нет Единого порядка? Дуалистический или плюралистический мир по определению не однополюсен, и можно искать своего счастья «у разных его полюсов». Если ребенку

что-то запретил отец, то есть еще возможность слукавить и попросить у матери. Каждая субстанция потенциально имеет свой закон, как это и было у Декарта. Но в однополярном мире нет места выбору «закона», которому ты хотел бы подчиниться, а значит, не возникает и «иллюзия», что закон можно обойти.

Дуализм в религии, как мы указывали, означает, что есть две независимые природы, два начала. Добро и зло – независимо друг от друга. Это значит, что теоретически можно пробовать искать счастья во зле. Мог ли Спиноза сомневаться, что многие люди именно так и поступают? Не находя счастья в добром, они испытывают зло – все то, что мы знаем как грех: обман, воровство, убийство и т.д.

Человек пробует: буду ли я счастлив, поступая так, или по какой-то причине нет. Дуализм как будто оправдывает такую попытку (в действительности – нет), но монистический взгляд на мир попросту исключает такую возможность, так как преступник оказывается вне системы добра, вне основной онтологии, как бы вообще за пределами Бога (в смысле человеческой природы). Преступник в монистической системе перестает в какой-то мере быть человеком, пока не раскается, что мы находим в творчестве Ф.М. Достоевского. Только искреннее раскаяние и принятие наказания возвращает Раскольникова в систему, где он может рассчитывать быть частью Единого. Для психологии европейского человека это оказывается крайне важно.

Иными словами, теория Спинозы как нельзя лучше вписалась почти во все возможные сферы человеческой жизни. От науки до этики. Она создавалась ради пользы человеку и, несомненно, принесла и приносит ее и по сей день. Даже то, что теория Спинозы выглядит крайне непростой для понимания, не смогло остановить ее влияния – даже способствовало ему. Здесь мы, конечно, видим параллель с распространением монистических религий, которые по своему идейному наполнению

стали на порядок более сложными, чем предшествующие верования. Их пространство в свое время подпитывалось «элитарностью», сложность предлагаемых идей.

Несмотря на то, что поистине гениальный Спиноза подарил миру шедевр человеческой мысли, нельзя сказать, что он опроверг дуализм как возможную научную парадигму. Он всесторонне показал ее полезность для своего и последующих периодов развития человечества, но он не доказал, что дуализм или плюрализм не имеют оснований и собственной ценности.

Как уже было отмечено, многообразие мира есть наивный факт наблюдения, а рассуждение о Едином, напротив – начало глубочайшей философии, живущей и по сей день. Однако всякий раз, когда наука сталкивалась с необходимостью обосновать человеческую волю, она неизменно вновь и вновь обращалась к идее многого или Различного. Это мы видим у упомянутых Платона и Аристотеля, а также Декарта или Лейбница. Это же встречается у У. Джеймса, К. Поппера, а сегодня – у Д. Чалмерса, Т. Нагеля, Ф. Джексона и многих других.

Попробуем же показать, что усилия этих мыслителей вовсе не случайны и не напрасны. Мы уже писали в статье «Аргумент случайности против физикализма. Трагедия, Картезий и прагматизм», что спинозианская мысль о том, что мыслящая и протяженная субстанции есть всего лишь атрибуты Единой субстанции, вовсе не опровергает возможный в другом отношении дуализм. Дуализм действительно может заключаться в ином типе деления. Точно так же, как было отмечено выше, существует несходство в формировании Различного у Платона и Аристотеля. То есть деление мира на протяженный и мыслящий не является единственно возможным.

Как и Платон, Декарт ориентирован на чувственный тип локализации явлений, выделяя вещи, которые ощущаются принципиально отлично: мысль и пространство. Именно поэтому его разделе-

ние привело к тем же парадоксам и трудностям. В дальнейшем это выразилось в весьма спорной дихотомии «субъект – объект», благодаря которой советская философская и психологическая школа так и не смогла отделить одно от другого в попытке разделить неразделимое. В объекте всегда есть субъект, а в субъекте всегда есть объект.

В статье «Есть ли материя на Марсе?» В. Межуев пишет: «Материя, с этой точки зрения, – не субстанция, а лишь атрибут предметно-преобразующей деятельности, столь же неотделимый от нее, как и сознание (идеальное). Недаром Маркс предпочитал пользоваться понятиями не “материя” и “дух”, а “материальное” и “духовное» [18].

Как видно из этой цитаты, Спинозинское объединение всего в атрибуты Единого вызвало немало сложностей. Сама постановка проблемы про «материю на Марсе» означает, что любой объект понимается в этой парадигме как продукт человеческой деятельности. Если человек (субъект) не был, скажем, на Марсе, то значит, там нет и объектов. Но здесь важно понимать, что описываемый Межуевым спор Э.В. Ильенкова и М.А. Лифшица – это все еще отголосок заочного спора Спинозы с Декартом.

У Спинозы, как и у Декарта, мы видим тот же тип локализации разделения на душу и тело. Он указывает: «Объектом идеи, составляющей человеческую душу, служит тело, иными словами, известный модус протяжения, действующий в действительности (актуально) и ничего более» [16]. Но верно ли Спиноза понял Картезия, и сказал ли последний именно то, что хотел?

Декарт хотел выделить в мире то, что принципиально Различно. Если бы он сделал это так же, как это сделал Аристотель, ему бы это, безусловно, удалось. Но выбор Декарта в выделении протяженной и мыслящей субстанции, к сожалению, не отвечает даже его собственному запросу. Если форму и материю Аристотеля можно представить себе как непересекающиеся оси координат, в которых разворачи-

вается картина его космологии, то обе субстанции Декарта соотносимы с третьим – временем. Точно так же, как душа и тело или сознание и тело, субъект и объект, картезианские пространство и разум не являются столь уж различными.

Это обстоятельство стало очевидным после открытия Эйнштейном Специальной теории относительности. Оказалось, что пространство не является чем-то отдельным или абсолютным. При этом именно абсолютности, среди прочего, мы ожидаем от независимой субстанции. По Эйнштейну, совершенно неожиданно таким абсолютным стало не пространство, а скорость – скорость света как базовая константа всех взаимодействий и характеристика всего движения в нашей Вселенной.

Говоря о субстанциях Декарта, мы можем оперировать временем и скоростью в них обоих. Более того, взаимодействие этих субстанций (опуская проблему интеракционизма) как раз и происходит во времени. Не удивительно, что Спиноза так скоро подверг положения Декарта сомнению. Тем более, что камнем преткновения его теории было как раз то, как именно взаимодействуют душа и тело. Ответ самого Декарта был весьма наивным, а попытки ответить на него в дальнейшем привели только к новым парадоксам.

Даже сегодня продолжают поиски декартовых субстанций в единицах, например, «ощущений» – квалиа. Под этим термином понимается то, как вещи выглядят для наблюдателя. Человека или, скажем, летучей мыши. Но «квалиа» – это всего лишь активное «пятно касания» мыслящей субстанции Декарта к его же протяженной субстанции. Здесь «я мыслю» просто заменяется на «я чувствую». Поэтому «квалиа», хотя и может быть удобным понятием для некоторых рассуждений, содержит все те же картезианские парадоксы. Разве мы готовы признать «Я чувствую, следовательно, я существую» бесспорным?

«Форма и материя» Аристотеля, в отличие от «протяженности и мыс-

ли» Декарта, не сопоставимы в третьем. Ведь форма здесь не есть форма конкретной вещи, которая имеет место где-то в пространстве и времени. Форма является идеей и существует, по Аристотелю, до материи, формирует ее. Форма и материя встречаются в вещах, но не как что-то, что можно сравнить. Кто-то может сказать: «Я думал об этом ровно столько, сколько шел от одного места до другого», – показывая Единое в протяженном и мыслящем Декарта. Но никто не может сказать: «Форма этой вещи такова, поскольку ее материя такова», – или наоборот. Между этими категориями имеет место свобода или случай.

Дуализм Аристотеля, как и Платона, по уже указанным причинам не является последовательным. Он все же признает, что форма первична по отношению к материи. Его система была бы дуализмом, если бы он указал, что существуют два независимых источника формы, на пересечении которых происходит их материализация. Или если бы он сказал, что существуют два разных независимых вида материи, а форма – суть результат их особого рода взаимодействия.

Для целей нашей статьи не столь важно, к чему именно привели бы Аристотеля и все человечество впоследствии такие мыслительные модели. Важно то, что такие модели возможны, содержат в себе большой теоретический потенциал для исследователей, но по многим причинам до сих пор остаются невостребованными. Хотя их незримое присутствие можно заметить в самых разных теориях.

У самого Аристотеля началом всего являются форма и движение. Но как возможно движение без уже существующего Различия в мире? Ведь движение как минимум подразумевает разнородность того, что движется, и среды, в которой происходит движение. Не случайно первым законом диалектики Гегеля стал закон «единства и борьбы противоположностей».

Используя идею Спинозы, Гегель постарался показать, что противополож-

ности Едины, и все же он был вынужден с них начать, но особым способом. Различие возникает у Гегеля путем отчуждения или отрицания (снова Спиноза). Однако возможно ли отрицание или отчуждение без движения? Гегель постулирует тождество бытия и мышления (онтологии и логики), поэтому для него отчуждение есть прежде всего отчуждение в логическом смысле. Но это все же не отменяет необходимости движения в каком бы то ни было виде. Что возвращает нас к обратно к Аристотелю и необходимости обосновать прежде всего источник движения.

В дуализме или плюрализме движение есть особого рода взаимодействие субстанций, и оно дано в этой концепции так же имманентно, как и случайность или свобода воли. Это сильные стороны дуализма. Но почему же тогда он не стал популярным?

По нашему мнению, причина в том, что время дуализма в эпоху Декарта еще не пришло, так как дуализм подразумевает более сложные предметы для изучения. В сущности, Декарт и не был дуалистом, подразумевая единый источник всего в Боге. Кроме того, дуализм до сих пор «не родил» своего Спинозу и такую же сильную идею, которая бы обосновала, как могут возникать и взаимодействовать Различные субстанции. Ведь если они возникают независимо, то и взаимодействие должно отсутствовать. Иначе, кажется, что либо они не независимы, либо имеет место парадокс.

Важно понимать, что это препятствие является теоретическим, а не онтологическим. Рано или поздно такая теория будет найдена, и наука сможет развиваться также и в этом направлении, то есть в направлении познания Различного, познания природы человека, сочетающего в себе Различное или даже Многое.

Какой же вывод мы можем сделать после рассмотрения всех этих вопросов? Парадигма научного и общественного сознания европейского человека, в которой мы живем сегодня – монизм, – была создана еще в Милетской

школе, но финально разработана Спинозой и поддержана базовыми общественными институтами, в частности – государством и наукой. В монизме Спинозы совпали такие мотивы, как познание и добро, и это невозможно переоценить. Означает ли это, однако, что данная парадигма является единственно верной? Можем ли мы сказать, что теория Спинозы на самом деле сделала людей добрыми? Пожалуй, нет. Она оказалась для мира «строгим воспитателем», но неужели только строгость и незыблемость доктрины Единого способны воспитывать? В этом отношении задачей данной статьи было показать, что монизм не единственная альтернатива, а дуализм вовсе не является исследовательской «слабостью». Дуализм и плюрализм связаны с решением других научных проблем, которые до сих пор не были успешно решены человеком: природа сознания, свободы воли, случайности и т.д.

Литература

1. Репинецкий, С.А. Лекция 5. Монотеистическая национальная религия иудаизм / С.А. Репинецкий // История религии (древние цивилизации и мировые религии): Курс лекций: в 2 книгах / Под общей редакцией А.В. Жукоцкой. – Москва: ГБОУ ВО МГПУ, 2015. – С. 94–121.
2. Иванов, И.А. Политическая философия римского императора Флавия Клавдия Юлиана: у истоков византизма (историографический аспект) / И.А. Иванов, И.Б. Гаврилов, И.А. Андрианов // Христианское чтение. – 2018. – № 4. – С. 133–149. – DOI 10.24411/1814–5574–2018–10091.
3. О природе блага против манихеев. Против ниспровергателей Закона и Пророков. Против послания манихея по имени Фундамент. / Пер. О.Е. Нестеровой. Об учителе. / Пер. В.В. Бибихина. // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. – М., 1998. – С. 147–208.
4. Оришев, А.Б. Дуализм зороастризма и проблема морального выбора в религиозном сознании талышского народа / А.Б. Оришев, А.А. Мамедов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 5(67). – С. 123–128.
5. Торчинов, Е.А. Даосизм. «Дао-дэ цзин» / Предисл. пер. с кит., коммент. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 288 с.
6. Кафаров, Т.Э. Принципы этики ислама: нравственный ориентир для мусульманина / Т.Э. Кафаров // Исламоведение. – 2010. – № 2(4). – С. 65–78.
7. Ницше, Ф. Философия в трагическую эпоху греков // Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. Пер. с нем. В. Бакусева, Л. Завалишиной и др.; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. – М.: Культурная революция, 2005. – Т. Т. 1: Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг.. – С. 301–366.
8. Бутру, Э. О случайности законов природы. – М., 1900. Стр. 5
9. Виноградова, Н.В. Теория струн как «теория всего» / Н.В. Виноградова, А.И. Недосеко // Философия инноваций и социология будущего в пространстве культуры: научный диалог: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 10 декабря 2020 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 157–162.
10. Никифоров, А.Л. Что такое научный прогресс? / А.Л. Никифоров // Вопросы философии. – 2021. – № 11. – С. 56–62. – DOI 10.21146/0042–8744–2021–11–56–62.
11. Поздняков, С.Н. Платон и древнеегипетские представления о бессмертии души: к проблеме влияния / С.Н. Поздняков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2010. – Т. 11. – № 3. – С. 46–55.
12. Сапольски, Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки = Robert Sapolsky. BEHAVE: The Biology of Humans at

- Our Best and Worst. – М.: Альпина Нонфикшн, 2018.
13. David Chalmers. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York: Oxford University Press, 1996.
 14. Ковнер С.Р. Спиноза, его жизнь и сочинения. Варшава, 1897.
 15. Ильенков, Э.В. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. Второе издание, дополненное. М.: «Политиздат», 1984.
 16. Бенедикт Спиноза: Этика. Серия «Эксклюзивная классика». – М.: Издательство АСТ, 2019 г., ISBN · 978–5–17–113049–7, 352с.
 17. Бенедикт Спиноза: Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика. – М.: Мир книги, 2007 г., 480с.
 18. Межуев, В. М. «Есть ли материя на Марсе?» // Журнальный клуб Интелрос. Альтернативы, № 2, 2013.

DUALISM IN THE PUBLIC MIND: WHY THE COMPLEX CONCEPT OF SPINOZA TURNED OUT TO BE MORE POPULAR THAN THE SIMPLE CONCEPT OF DESCARTES

Safronov A.V.

Moscow State University. M.V. Lomonosov

The article examines monism as an actual, but not the only possible paradigm of scientific research. The question is investigated why this paradigm as the concept of the One practically supplanted the reflection about the Different both in science and in the public consciousness of the European person. It is shown that the concept of the One became the starting point of both many world religions and European philosophy. The idea is discussed that the development of science has occurred so far as the deployment of the problem of the Unified, scientific generalization and the formation of a holistic view of the world. But at the same time, even in ancient Greek philosophy, there was also a reflection about the Different, which was not in demand until modern times. However, in modern times, dualism again does not receive sufficient reinforcement, and Spinoza's monistic concept becomes the main doctrine of research to this day. At the same time, the need for progress in

the sciences of human nature is likely to require a revision of the main paradigm towards taking into account the advantages of dualistic and pluralistic models.

Keywords: The One, The Different, monism, dualism, pluralism, Plato, Aristotle, Descartes, Spinoza, a research paradigm.

References

1. Repinetsky, S.A. Lecture 5. Monotheistic national religion Judaism / S.A. Repinetsky // *History of religion (ancient civilizations and world religions): Course of lectures: in 2 books / Under the general editorship of A.V. Zhukotskaya*. – Moscow: GBOU VO MGPU, 2015. – S. 94–121.
2. Ivanov, I.A. Political philosophy of the Roman emperor Flavius Claudius Julian: at the origins of Byzantinism (historiographic aspect) / I.A. Ivanov, I.B. Gavrilov, I.A. Andrianov // *Christian reading*. – 2018. – No. 4. – P. 133–149. – DOI 10.24411/1814–5574–2018–10091.
3. On the nature of the good against the Manichaeans. Against the overthrowers of the Law and the Prophets. Against the message of a Manichean named Fundament. / Per. O.E. Nesterova. About the teacher. / Per. V.V. Bibikhina. // *Monuments of medieval Latin literature IV–VII centuries*. – M., 1998. – S. 147–208.
4. Orishev, A.B. The dualism of Zoroastrianism and the problem of moral choice in the religious consciousness of the Talys people / A.B. Orishev, A.A. Mamedov // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. – 2015. – No. 5 (67). – S. 123–128.
5. Torchinov, E.A. Taoism. “Tao Te Ching” / Foreword. per. from Chinese, comment. – St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1999. – 288 p.
6. Kafarov, T.E. Principles of the ethics of Islam: a moral guide for a Muslim / T.E. Kafarov // *Islam Studies*. – 2010. – No. 2(4). – S. 65–78.
7. Nietzsche, F. Philosophy in the tragic era of the Greeks // *Complete Works: In 13 volumes / Institute of Philosophy*. Per. with him. V. Bakuseva, L. Zavalishina and others; total ed. I.A. Ebanoidze. – M.: Cultural Revolution, 2005. – T. 1: *The Birth of Tragedy. From the heritage of 1869–1873*. – S. 301–366.
8. Butru, E. On the randomness of the laws of nature. – M., 1900. Pp. 5

9. Vinogradova, N.V. String theory as a “theory of everything” / N.V. Vinogradova, A.I. Nedoseko // Philosophy of innovation and sociology of the future in the space of culture: scientific dialogue: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Ufa, December 10, 2020. – Ufa: Bashkir State University, 2020. – P. 157–162.
10. Nikiforov, A.L. What is scientific progress? / A.L. Nikiforov // Questions of Philosophy. – 2021. – No. 11. – P. 56–62. – DOI 10.21146/0042-8744-2021-11-56-62.
11. Pozdnyakov, S.N. Plato and ancient Egyptian ideas about the immortality of the soul: to the problem of influence / S.N. Pozdnyakov // Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities. – 2010. – T. 11. – No. 3. – S. 46–55.
12. Sapolsky, R. Biology of Good and Evil. How science explains our actions = Robert Sapolsky. BEHAVE: The Biology of Humans at Our Best and Worst. – M.: Alpina Nonfiction, 2018.
13. David Chalmers. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. New York: Oxford University Press, 1996.
14. Kovner S.R. Spinoza, his life and writings. Warsaw, 1897.
15. Ilyenkov, E.V. Dialectical logic. Essays on history and theory. Second edition, enlarged. Moscow: Politizdat, 1984.
16. Benedict Spinoza: Ethics. Series “Exclusive Classics”. – M.: AST Publishing House, 2019, ISBN • 978–5–17–113049–7, 352s.
17. Benedict Spinoza: A short treatise on God, man and his happiness; A Treatise on the Improvement of the Mind; Ethics. – M.: World of Books, 2007, 480s.
18. Mezhuev, V. M. “Is there matter on Mars?”// Intelros Magazine Club. Alternatives, No. 2, 2013.

Особенности восприятия брендов поколением Z

Шукшина Людмила Викторовна,

доктор философских наук, доцент, кафедра психологии, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Фирсов Анатолий Алексеевич,

кандидат медицинских наук, доцент, кафедра психологии, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
E-mail: afirs67@mail.ru

Мизонова Ольга Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра психологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»
E-mail: mizonovaov@mail.ru

Бренд – важнейший объект социального познания. Стратегии потребительского поведения отражают стратегии экономического поведения в целом и определяются личностными и социально-психологическими особенностями индивида, а также особенностями его социализации. Выявление взаимосвязи данных феноменов позволяет глубже понять психологические механизмы экономического поведения личности, а также особенности воздействия современных маркетинговых коммуникаций на потребителей. Наша работа актуальна в связи со скорым вступлением детей поколения Z в трудоспособный возраст, а значит и принятием на себя более активной потребительской роли. Маркетологам необходимо быть к этому готовыми, знать свою целевую аудиторию и грамотно составлять для неё маркетинговые стратегии, эффективно продвигать актуальные бренды с востребованными и принимаемыми поколением ценностями.

Ключевые слова: бренд, потребительское поведение, поколение Z, ценности, восприятие бренда.

Актуальность исследования обусловлена тем, что взрослеющее дети поколения Z в настоящее время готовы принять на себя роль самостоятельных потребителей. Старшим представителям этого поколения вскоре исполняется 18 лет, они уже начали или вскоре начнут самостоятельно зарабатывать и тратить. К 2026г доля представителей поколения Z на рынке труда будет близка к 25%. При этом, они уже сейчас влияют на потребительское поведение своих родителей определенными образом. Изучение потребностей, ценностей и предпочтений подрастающего поколения важно для планирования стратегий продвижения существующих брендов и создания новых.

Цель исследования: Изучение особенностей восприятия брендов поколением Z.

Гипотеза: потребительские предпочтения представителей поколения Z имеют свои особенности, обусловленные поколенческими ценностями и детством в период Кризиса.

Методы: методика «Ценностные ориентации» (автор М. Рокич), семантический дифференциал персонифицированных характеристик любимых брендов одежды.

Для статистической обработки результатов использовался коэффициент корреляции Пирсона, так же рассчитывалось стандартное отклонение.

Понятие бренда в науке традиционно рассматривается в контексте менеджмента и маркетинга. Однако в последнее время появляются исследования также в рамках социологии и культурологии, начинает разрабатываться психологический подход к этому понятию [5].

Так, Н.Ю. Черник описывает следующие подходы к определению понятия бренд:

1. Идентификационный подход. Для его сторонников бренд- это то, что позволяет отличить один товар от аналогичных ему товаров-

- конкурентов. Для этих авторов понятия торговой арки и бренда синонимичны.
2. Перцепционный подход. При этом подходе, бренд определяют как совокупность образов, ассоциаций в сознании потребителя. В таком случае, отождествляются уже понятия «бренд» и «имидж бренда».
 3. Ценностный подход. Сторонники этого подхода считают, что бренд выступает своеобразной добавочной ценностью к самому продукту, вызывая у покупателя различные эмоции, удовлетворяя его не только на функциональном и экономическом, но и на психологическом уровне потребностей.
 4. Преференциональный подход. Бренд определяется как все атрибуты и функции, которые обеспечивают устойчивый выбор потребителем конкретного товара или услуги из аналогичных.
 5. Подход «обещаний производителей». Провозглашает, что бренд представляет собой совокупность символов, которые покупатель использует для идентификации бренда и считывания обещания. Обещание дается в отношении того, что продукт обладает некоторым рядом положительных черт и удовлетворит определенные нужды потребителя. Однако стоит заметить, что согласно некоторым другим исследованиям в потребительском поведении доминирует эмоциональный аспект.
 6. Подход «Отношений производителя и покупателей». Бренд есть средство построения и поддержания длительных отношений производителя и покупателя, иногда приверженцы этого подхода говорят о персонализации бренда.
 7. Комплексный подход. Учитывает макро- и микроэкономический, социальный, психологический и т.д. аспект интерпретаций брендов. В данном подходе бренд определяют либо как сам товар или услугу, либо как набор таких характеристик

как репутация, история, маркетинговые кампании, цена, упаковка, присущих этому продукту или услуге.

Помимо вышеупомянутых подходов, можно выделить так же концепции, Community Approach (подход, рассматривающий бренд как фактор формирования сообществ вокруг себя) и Cultural Approach (подход, рассматривающий влияние бренда на культуру и феномен «культы» бренда) [2].

Социально-психологическое познание бренда происходит с позиции изучения коммуникаций. Благодаря развитию искусства рекламы, бренды смогли встроиться в социальную среду людей. Процесс восприятия бренда сходен с восприятием образа Другого, иными словами, мы воспринимаем бренды по сходным механизмам с познанием других людей вокруг нас.

Результат познания зависит одновременно от объекта познания и от познающего субъекта. Первый закладывает какое-либо значение, основу для коммуникации в себя. Воспринимающий субъект же интерпретирует его в соответствии со своими индивидуальными особенностями. Таким образом, то первичное заложенное создателями в бренд значение мы называем идентичностью бренда, а конечный результат познания бренда индивидом имиджем бренда. Имидж бренда в свою очередь может сформировать у потребителя установку по отношению к бренду. Механизм формирования установки очень важен в понимании восприятия бренда, поэтому мы рассмотрим его подробнее [1].

Выделим основные факторы, обуславливающие формирования установки:

- Опыт взаимодействия с брендом и продуктами
- Реклама и иная информация о бренде
- Покупательская стратегия человека
- Мотивационно-потребностная сфера

Характеризуем три компонента установок, сформировавшихся в связи с восприятием бренда:

Когнитивный компонент включает в себя знания о производителе, истории, символах, товарах бренда.

Аффективный компонент: все осознанные и неосознанные эмоции, испытываемые потребителем в отношении бренда и его товаров.

Поведенческий компонент: действия, совершаемые потребителем в отношении бренда: покупка, использование, демонстрация товаров или отказ от вышеперечисленного.

Помимо механизма формирования установок, при восприятии бренда реализуется также механизм социальной категоризации, персонификации и идентификации. Раскроем их подробнее.

Механизм социальной категоризации реализуется следующим образом. Категоризация социальных объектов, к которым мы уже отнесли бренд, отличается своим вероятностным характером. Главным образом она происходит на основе прошлого опыта взаимодействия с брендированными товарами. Потребитель формирует логический вывод, относя полученные сигналы к какой-либо категории, что позволяет ему в дальнейшем делать прогноз насчёт ещё не воспринятых свойств объекта. Категоризация способствует быстрому определению стратегии поведения, а значит, формирует потребительское поведение. При положительном опыте приобретения и использования товаров, бренд может сам выступить в роли категории, распространив позитивное отношение с одного приобретенного ранее товара на всю линейку продуктов данного бренда[4].

Персонификация бренда наделяет его свойствами и характеристиками, используемыми для описания человека. Проще говоря, персонификация является ответом на вопрос: «Если бы бренд был человеком, то каким бы он был?». В соответствии со шкалой Дж. Аакер, для описания персонификации бренда можно использовать следующие пять обобщенных факторов: искренность, яркость, компетентность, изысканность и сила. Обоб-

щенные факторы содержат в себе более частные компоненты 2-х уровней, всего компонентов таким образом выделяется 42.

Механизм идентификации. Воспринимаемая бренд и его персонифицированный образ, потребитель сравнивает индивидуальность бренда со своим собственным реальным и идеальным Я. Бренд тем больше нравится потребителю, чем больше его персонификация схожа с идеальным Я потребителя. Таким образом, выбирая данный бренд, пользуясь данными товарами, человек причисляет сам себя к желаемой категории. С другой стороны, имеет место обратный процесс. При продолжительном использовании бренда, его индивидуальные характеристики могут встроиться в личность потребителя, меняя его представление о себе в ту или иную сторону.

Тем не менее, не на любом примере бренда в любой индустрии мы можем во всей красе наблюдать описанные механизмы. Некоторые категории товаров способствуют гораздо большей вовлечённости потребителя в процесс выбора. Так, Н.В. Антонова и О.И. Патоша высказывают идею о классификации брендов по характеру использования [3]:

Бренды личного пользования (те, что обычно не демонстрируются)

Бренды публичного пользования (те, что открыто демонстрируются окружающим)

Они предполагают, что эмоциональная вовлечённость потребителя в выбор товаров публичного пользования значительно выше. Весьма ярким примером таких брендов будут различные бренды одежды. Одежда – это один из элементов, которые мы используем для самопрезентации в обществе, она очевидным образом влияет на наш образ в глазах других и самих себя.

Восприятие брендов одежды имеет свою специфику, в силу чего многие эффекты восприятия будут проявляться сильнее именно на этих брендах. Мы считаем целесообразным провести, эмпирическое исследование в рам-

ках данной работы именно на примере брендов одежды.

Таким образом, бренд определяющий это товар или услуга и набор таких характеристик как репутация, история, маркетинговые кампании, цена, упаковка, присущих этому продукту или услуге. Восприятие бренда осуществляется с помощью механизмов формирования установки, социальной категоризации, персонификации и идентификации.

Психологические особенности поколения Z

Н. Хоув и В. Штраус являются авторами теории поколений, согласно которой у человека в возрасте 12–14 лет формируются поколенческие ценности. Эти ценности могут быть неосознаны, могут не так ярко появляться, но тем не менее они влияют на формирование личности. В системе ценностей человека поколенческие ценности занимают промежуточное место между индивидуальными и общечеловеческими.

Людей внутри одного поколения объединяет их историческая локализация, демография, сходная структура жизненного пути, специфический общий опыт. Также, Х. Беккер отмечает важность для характеристики поколений таких факторов как состояние средств массовой информации в рассматриваемый период, социальная обстановка и институты социализации, социальные лифты, системные характеристики поколений. Для польского социолога В. Заборовского особенно значимыми представляются следующие факторы: 1. Экономическая ситуация, в большой степени определяющая социальное положение и условия существования людей и групп; 2. Доступ к получению образования и его особенности; 3. Субъективные характеристики индивидов внутри сходных по материальному положению групп.

Причастность к поколению, а точнее, субъективный ее аспект, может выражаться по-разному в зависимости от того, насколько индивид вовлечён в специфические для него страны и поколения исторические события, а также

в трудовую деятельность в существующих условиях. Осведомленностью человека об особенностях жизненного пути и личности людей своего поколения обуславливает осознание себя, как части поколения. Таким образом, поколение характеризуется не одним лишь фактом рождения в определенные года, а целым набором перечисленных выше факторов.

В данной работе пойдет речь о поколении Z, о котором так же говорят как о «цифровом поколении» или «сетевом поколении». Это поколение тех людей, чье детство и юность проходят в современном информационном обществе в тесном контакте с развитыми и доступными технологиями. Представители этого поколения прекрасно ориентируются в виртуальном пространстве, легко осваивают новые технологии и не могут сравнить жизнь с цифровыми технологиями и жизнь без них. Согласно исследованию Google и Ipsos, 98% молодых россиян используют интернет ежедневно, из них 27% проводят в сети более 5 часов. Другие исследователи отмечают у поколения Z так называемый синдром FOMO (Fear Of Missing Out) – боязнь пропустить что-то важное. Он выражается в очень частом обновлении лент новостей каждой социальной сети.

Активное, иногда избыточное использование интернета называют причиной снижения продолжительности и качества сна, что является фактором стресса, что в свою очередь способствует развитию подростковой депрессии. Помимо этого, интернет несёт в себе угрозу кибербуллинга. Также отмечается связь между вовлечённостью в использование социальных сетей и снижением субъективного благополучия и самооценки. Некоторые исследования показывают наличие корреляции между использованием социальных сетей и компьютерных игр с симптомами депрессии, однако причинность не установлена. В очередной раз сложно установить, носит ли тенденция к усилению депрессии поколенческую специфику или связана с текущей эпо-

хой кризиса. В любом случае, подростки сильнее ощущают на себе влияние стресса, поэтому вероятно это оставит на поколении некий отпечаток.

Всё больше увеличивается популярность многозадачности, подростки адаптируются к выполнению различных действий одновременно, например, смотрят фильмы и выполняют какую-то работу в одно и то же время или одновременно слушают диктора и следят за строкой субтитров и какими-либо графиками на экране. Результатом такой деятельности может быть снижение концентрации и увеличение объема внимания. В рамках нашего исследования, нас интересуют представители поколения Z в роли потребителей. Потребитель – это человек, намеревающийся приобрести какой-либо товар или услугу с целью использовать приобретенное для удовлетворения каких-либо потребностей: своих, своего домохозяйства или каких-либо иных, но не связанных с предпринимательством.

Взаимоотношения представителей цифрового поколения с брендами обладают следующими особенностями.

1. Коммуникация с брендами практически совсем перемещается из радио и телевидения в интернет, особенно активно развиваясь в социальных сетях. Самые эффективные с точки зрения маркетинга форматы этого статьи и видео. Также, с популяризацией видео-обзоров, которые снимают сами пользователи и потребители для таких же как они потребителей, возрастает влияние микроинфлуэнсеров, в то время как традиционные медийные личности, «звёзды», доверие поколения утрачивают. Зумеры более спокойно нежели предшествующие поколения реагируют на рекламу.
2. Геймификация в маркетинговых коммуникациях прекрасно работает с поколением Z. Игры привлекают внимание и увлекают, обещание быстрой награды удерживает.
3. Поколение Z обращает очень много внимания на визуальную составляющую, в связи с частым исполь-

зованием интернета, представители Зумеров видели очень много примеров продукции различных брендов, поэтому им есть, с чем сравнить, и планка высока.

4. Популярно мнение о том, что глобализация делает всех людей похожими, что особенно относится к поколению Z. Однако, как раз именно поэтому бренду важно создать атмосферу внимания к уникальности каждого потребителя. Помимо этого, в маркетинговых кампаниях бренда важно использовать убедительные и реальные образы, вместо нарочито идеальных моделей.

Некоторые исследователи также выделяют такие особенности как снижение внимания и как следствие трудности привлечения его к рекламе, но мы считаем, что для такого вывода оснований нет. Более того, поколение Z довольно лояльно к рекламе.

Таким образом, поколение Z растет одновременно в реальном и виртуальном мире, ощущают гнетущее давление депрессии, рискуют не развить в должной мере социальные навыки, но адаптировано к многозадачности, их критическое мышление не в опасности, и его представители ценят свое детство настолько, что не спешат из него выйти. На их взаимоотношения с брендами это влияет следующим образом: существенная доля всей маркетинговой коммуникации происходит через интернет и социальные сети, зумеры позитивно встречают элементы игры, ценят дизайн и эстетику продуктов, имеют сильную потребность в утверждении своей уникальности.

Организация и методы исследования, характеристика выборки

В исследовании приняли участие ученики 8–9 класса в возрасте 14–16 лет. Возрастной состав выборки обусловлен двумя факторами:

1. Испытуемый должен быть рожден после 2004 года, который является своеобразной точкой отсчёта для поколения Z.
5. Испытуемый также должен быть старше 14 лет, так в таком случае

мы можем говорить о форсированности у него поколенческих ценностей, особенности которых мы и собираемся диагностировать.

Мы опросили 60 человек. Таким образом, в нашей выборке оказалось 47% 14-летних, 23% 15-летних и 30% 16-летних. Среди них 26 девушек и 34 юноши.

Испытуемым было предложено пройти методику «Ценностные ориентации» М. Рокича, результатом которой для каждого из них стали два ранжированных списка ценностей: терминальных и инструментальных.

- Терминальные ценности (их ещё называют ценности-цели) касаются в большей мере того, как человек хочет прожить свою жизнь, её цели и смысла.
- Инструментальные же ценности (ценности-средства) отражают предпочтительный для отвечающего образ жизни, личностные свойства и характеристики.

Данная методика позволяет оценить качественные особенности системы ценностей, её форсированность и согласованность. Инструментальные ценности помогают реализовать терминальные при согласованности системы ценностей. Мы считаем уместным исследование ценностной сферы личности на достаточно юной выборке, так как в соответствии с теорией поколений поколенческие ценности формируются в 12–14 лет, а так как обещающим фактором выборки является именно поколение, данный уровень ценностей интересует нас главным образом. Безусловно, нельзя уверенно разграничить ценности каждого испытуемого на поколенческие и индивидуальные. Помимо этого, определенные сложности вносит неосознанный, глубинный характер поколенческих ценностей. Однако, мы надеемся усмотреть какие-либо закономерности в ценностной сфере поколения Z.

Анализ результатов по данной методике осуществляется качественным путем. В первую очередь мы обращаем внимание на какие-либо смысловые группы ценностей испытуемого,

насколько близки по смыслу первые выбранные ценности. Конкретные они или абстрактные, ориентирован человек на профессиональную самореализацию или на личную жизнь, насколько выражены ценности общения, дела, этики, насколько альтруистичным, конформным или индивидуалистичным испытуемый показывает себя, как в нем сочетается самоутверждение и принятие других такими, какие они есть.

Затем мы попросили испытуемых назвать их любимый бренд или один из их любимых брендов, а после этого представили им список вопросов для метода семантического дифференциала, отвечать на которые требовалось относительно названного бренда. Семантический дифференциал содержал характеристики бренда, призванные отразить особенности восприятия его потребителем. Всего список характеристик насчитывает 32 пары прилагательных, он составлен нами самостоятельно. Их испытуемым предлагалось оценить по девятибалльной шкале. Оценка 1 будет означать, что бренду подходит первая характеристика, 9- противоположная

Таким образом, мы получим представление о том, какие характеристики испытуемые приписывают своему любимому бренду. Рассчитав среднее значение по каждой характеристике, мы можем построить усредненный профиль любимого бренда поколения Z и использовать эту информацию, формируя маркетинговую стратегию, идентичность бренда. Помимо этого, рассчитав стандартное отклонение по каждому из пунктов, мы сможем понять, в каком диапазоне статистически вероятно будет располагаться оценка по данной характеристике, что тоже будет представлять собой достаточно интересную для маркетологов информацию. Помимо этого, мы предполагаем наличие взаимосвязи между оценками по отдельным характеристикам.

Анализ и интерпретация полученных результатов

Методика М. Рокича позволяет оценить особенности системы ценностей испы-

туемого, узнать, какие ценности для испытуемого являются доминирующими, а какие отвергаемыми. Чаще всего первыми шестью из списка терминальных ценностей испытуемые выбирали следующие пункты:

- 3) здоровье (физическое и психическое);
- активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни);
- 18) уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений);
- 14) свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках);
- 4) интересная работа;
- 6) любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком);

Выделить общую тенденцию к выбору конкретных или же абстрактных ценностей нельзя. Ниже список трех самых отвергаемых ценностей.

- 16) счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом);
- 9) общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе) – что интересно, в числе первых шести у наших испытуемых данная ценность практически никогда не оказывалась;
- 13) развлечения – точно также как девятый, этот пункт выбирали в первые шесть позиций очень редко;

Картина для списка инструментальных ценностей следующая. Первыми чаще всего выбирают:

- 2) воспитанность (хорошие манеры);
- 4) жизнерадостность (чувство юмора);
- 8) образованность (широта знаний, высокая общая культура);
- 12) смелость в отстаивании своего мнения, взглядов;
- 13) твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями);
- 9) ответственность (чувство долга, умение держать слово);

По большей части, все эти пункты можно охарактеризовать как относящиеся к сфере коммуникаций и восприятия другими.

Последними же чаще всего остаются:

- 7) непримиримость к недостаткам в себе и других;
- 3) высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания);
- 10) рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения);
- 14) терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения).

Интересно, что пункты 7 и 14 по смыслу во многом противоположны, и, хотя часто их понятным образом размещают в противоположных сторонах списка, иногда они оказываются совсем рядом: подряд или будучи разделенными всего одним другим пунктом. Это может говорить о том, что сам по себе вопрос терпимости и не терпимости не очень остро стоит среди наших испытуемых, они мало задумывались о том, как характеризовать себя с этой стороны. Или же, если такое положение вещей полностью осознано, то нетерпимость к недостаткам каким-то образом соседствует с терпимостью к мнениям и заблуждениям. Возможно, это обусловлено соседством прямолинейности и серьезного отношения к делам (ценность «ответственность» входит в топ первых) с человечностью или же вежливостью (помним, что «воспитанность» выбиралась наиболее часто). Мы решили проверить данное предположение настолько, насколько это возможно уже после проведения исследования. Действительно, одни и те же люди выбирали пункты 2 и 9 в числе самых первых и ставили 7 и 14 в самый конец. На основе данных, полученных в ходе изучения персонализированного восприятия испытуемыми поколения Z их предпочитаемых брендов одежды, мы составили семантический портрет любимого бренда.

Наибольшая величина стандартного отклонения примерно равная 2,93 принадлежит паре характеристик «Элитарный-массовый», а значит именно по данной паре мнение испытуемых наиболее разнородно. Наиболее схожи оценки по шкале «Щедрый-жадный», стандартное отклонение приблизительно составляет 1,38 при среднем значении 4,6 и моде 5. Между тем, «щедрость» бренда представляется нам достаточно важной характеристикой, показывающей потребительское доверие, веру в то, что он получает то, за что платит. Наши испытуемые чаще всего выбирают отметку 5, что происходит вероятно в связи с недостатком информации о финансовой составляющей деятельности брендов и компаний.

Помимо этого, с использованием коэффициента корреляции Пирсона, мы обнаружили следующие значимые при $p=0.01$ связи:

- Положительная корреляция между Презентабельностью и Этичностью (значение коэффициента 0,614156).
- Положительная связь между характеристиками «Расслабляющий» и «Доступный» (значение коэффициента 0,601267).

Первое наблюдение может отражать важность тренда на экологию для поколения, растущего в эпоху глобального потепления и экологических катастроф. Вторая упомянутая связь также не удивляет, ведь мы имеем дело с детьми Кризиса, для которых часто роскошь недоступна вовсе или требует огромных усилий для приобретения.

Это дает основание предполагать, что взросление в эпоху Кризиса не прошло бесследно, а напротив, оставила некоторый отпечаток на потребительских установках и паттернах поколения Z.

В данной области есть место для дальнейших исследований, так как и индивидуальные, и поколенческие, и общечеловеческие ценности личности выстроены в одну систему, нельзя отделить одно от другого. Поэтому, мы считаем, что с выходом из подросткового возраста произойдут некоторые изменения, а часть полученных резуль-

татов не столько специфична для поколения, сколь для возраста в целом.

Тем не менее, семантический портрет любимого бренда поколения, равно как и данные о связях между некоторыми характеристиками, могут быть актуальны и полезны уже сейчас при разработке маркетинговых стратегий брендов, чья целевая аудитория представляет собой поколение Z.

Литература

1. Анисимова Е.И., Гончаров Д.В. Роль бренда в современном мире // Научно-технический прогресс как фактор развития современного общества. – М., 2018. – С. 116–118.
2. Антасюк В.И. Ценность бренда для потребителя: обзор научной литературы // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/02/14070> (дата обращения: 26.12.2019).
3. Антонова Н.В., Патоша О.И. Особенности восприятия брендов людьми с различными стратегиями потребительского поведения // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. № 1. – С. 124–143.
4. Кучерихин В.В. Поколение Z – поколение «прямого эфира» и «историй» // Череповецкие Научные Чтения – 2017 Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 4х частях.. – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2018. – С. 70–72.
5. Черник Н.Ю. Основные подходы к определению категории «бренд» // Geroski, P.A. Innovation and the Evolution of Market Structure. Минск: Bseu Belarus State Economic University Library, 06.12. 2011.

FEATURES OF BRAND PERCEPTION BY GENERATION Z

Shukshina L.V., Firsov A.A., Mizonova O.V.

Plekhanov Russian University of Economics, National Research Ogarev Mordovia State University

The brand is the most important object of social cognition. Consumer behavior strategies reflect

the strategies of economic behavior in general and are determined by the personal and socio-psychological characteristics of the individual, as well as the characteristics of his socialization. The identification of the relationship of these phenomena allows a deeper understanding of the psychological mechanisms of economic behavior of the individual, as well as the peculiarities of the impact of modern marketing communications on consumers. Our work is relevant in connection with the imminent entry of children of generation Z into the able-bodied return, and hence the assumption of a more active consumer role. Marketers need to be prepared for this, know their target audience and competently develop marketing strategies for it, effectively promote relevant brands with values that are in demand and accepted by the generation.

Keywords: brand, consumer behavior, generation Z, values, brand perception.

References

1. Anisimova E.I., Goncharov D.V. The role of the brand in the modern world // Scientific and technological progress as a factor in the development of modern society. – M., 2018. – pp. 116–118.
2. Antasyuk V.I. The value of the brand for the consumer: a review of scientific literature // Humanitarian scientific research. 2016. No. 2 [Electronic resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/02/14070> (accessed: 26.12.2019).
3. Antonova N.V., Patosha O.I. Features of brand perception by people with different consumer behavior strategies // Social psychology and society. – 2018. – Vol. 9. No. 1. – pp. 124–143.
4. Kucherikhin V.V. Generation Z – generation of “live broadcast” and “stories” // Cherepovets Scientific Readings – 2017 Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference: in 4 parts.. – Cherepovets: Cherepovets State University, 2018. – pp. 70–72.
5. Chernik N. Yu. Basic approaches to the definition of the category “brand” // Geroski, P.A. Innovation and the Evolution of Market Structure. Minsk: Bseu Belarus State Economic University Library, 06.12. 2011.

Социальный механизм повышения уровня финансовой культуры

Голубева Ксения Александровна,

аспирант Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kseniaklepa@mail.ru,

В статье приведен обзор институционального механизма формирования финансовой культуры. Определен целостный подход, позволяющий управлять формированием различных социальных явлений. Подход описывается через социальные механизмы в рамках структурно-функционального подхода, где основные элементы механизма формирования финансовой культуры выполняют ряд функций. Рассмотрены социальные институты, которые вносят определённый вклад в формирование финансовой культуры студенчества. Представлено авторское социологическое исследование среди студентов Финансового университета, в ходе которого проведена оценка влияния факторов на формирование финансовых навыков, отношения к финансовой системе в целом. Рассмотрен социальный институт семьи, как первичный механизм формирования финансовой культуры, закладывающий основы ценностного отношения к финансовой системе, формирующий те образцы поведения, которые в дальнейшем изменяются под влиянием других социальных институтов и субъективных факторов.

Ключевые слова: финансовая культура; культура; социальный механизм; социальное управление; социальные институты.

Неблагоприятные экономико-политические условия для России активизировали поиск внутренних источников экономического развития. Среди них все чаще называются неэкономические факторы, которые представлены научными знаниями, информированностью, доверием, уровнем развития общей культуры, а также иные нематериальные факторы, способные определять развитие экономики. Стремление государства развивать финансовый сектор, стимулировать финансовую активность, в то же время сопровождается отсутствием системы исследований социальных механизмов формирования основ финансовой культуры, которая включает в себя совокупность традиций, норм и идей, отражающих уровень финансовой грамотности, навыки и поведение людей в области финансовых отношений, финансового планирования и распределения денежных средств при существующем уровне развития в обществе инфраструктуры рынка, финансовых институтов и различных ценностей финансовой сферы, имеющих материальное воплощение и созданных целенаправленным воздействием людей[9].

Весомый вклад в изучение теоретического и эмпирического состояния финансовой культуры и ее составляющих внесен отечественными экономистами и социологами, такими как Г.Г. Силласте[8], Т.И. Заславская[2], О.А. Александрова[1], А.В. Ярашева[11], К.П. Янковский[10], Н.И. Киселева[4], В.В. Радаев[7], А.И. Фатихов [9], Л.Н. Овчарова[6], Д.Х. Ибрагимова[3] и др.

Высокий уровень финансовой культуры, как одно из условий материального и социального роста благосостояния общества, формируется под воздействием множества факторов, которые определяют ее механизм целенаправленного формирования. Однако, формирование может иметь и стихий-

ный характер, обусловленный различными субъективными составляющими: получение собственного опыта, повышение уровня образования, уровень материального дохода и т.д. В целом, под социальным механизмом понимают способ упорядочения социального процесса, форму организации; взаимодействия общественных структур, посредством которого обеспечивается функционирование системы в целом[5].

В социологии сформировался целостный подход, позволяющий управлять различными социальными явлениями, этот подход описывается через социальные механизмы в рамках структурно-функционального подхода, где основные элементы механизма формирования финансовой культуры выполняют ряд функций (см. таблицу 1).

Таблица 1. Институциональный механизм формирования финансовой культуры

Субъект управления	Управленческое воздействие
I. Государство	
Законодательная и исполнительная власть	Нормативно-правовое регулирование социальной защищенности граждан, повышение уровня и качества жизни населения, развитие всех секторов экономики, обеспечивающих рост благосостояния в обществе; осуществление политики программно-целевого повышения социальной, в том числе финансовой культуры и отдельных её элементов (активность, информированность и др.)
II. Экономические институты	
Финансовые организации: налоговые, сберегательные, инвестиционные, страховые и т.д.	Генерируют и регулирует определённую степень финансовой активности человека путем предоставления или ограничения рынка финансовых услуг, а также предоставляет достоверную информацию о своей деятельности и перспективах развития сферы
III. Семья	
Семья	Воспитание личности: первичное усвоение финансовых норм и образцов поведения, ценностей (социализация); возможность получения первого финансового опыта; поощрение социальной активности и самостоятельности
IV. Образование	
Школа, вуз, ДПО	Интеллектуальное развитие – повышение экономических знаний, финансовой грамотности, информированности о закономерностях развития финансово-экономической сферы, стратегиях правовой защиты в финансово-экономических вопросах
V. СМИ	
Интернет, телевидение, радио, печатные издания	Формируют интерес и включенность в финансовую сферу; общую информированность о финансовой сфере. Формируют статусные ожидания, образцы идеального финансового успеха.

Источник: составлено автором.

Первым механизмом формирования финансовой культуры выступает семья – именно она с помощью первичной социализации приобщает к финансовой сфере, закладывает те базовые ценности, которые потом в течение жизни руководствуется человек. Проведенное исследование показало, что каждый студент отмечает первостепенную роль в формировании особенного отношения к финансовой сфере.

Институт образования, как механизм формирования, по мнению студентов, не оказывает значительного влияния на формирование определенного отношения к финансовой сфере. Образование формирует лишь интерес студенчества к различным областям экономики в процессе преподавания различных экономических/финансовых дисциплин, повышения лишь уровень знаний, но никак не влияя на ценностные качества человека.

Вместе с тем общественный интерес к финансам не является предметом дискуссии среди многих заинтересованных сторон в сфере финансов, поскольку это не часто обсуждается или даже не определяется в литературе (включая соответствующие законы) о финансах во всем мире. Нет ни одного закона, который бы отражал все стороны формирования «нужного» типа финансовой культуры для государства.

Каждый социальный институт вносит определённый вклад в формирование финансовой культуры студенчества. Семья закладывает основы финансовой культуры человека, но не всегда позволяет сформировать именно ту финансовую культуру, которая будет способствовать успешной экономической и финансовой деятельности в будущем. Система образования удовлетворяет потребности личности в духовном, интеллектуальном развитии, а также выступает как социальный институт, помогающий адаптироваться к жизни в обществе и определить профессиональную ориентацию, а также формирует грамотное и ответственное поведение на финансовом рынке.

Проведенное в 2019 году авторское социологическое исследование среди студентов Финансового университета (Москва, метод – фокус-групповое интервью, n=3) позволило провести оценку влияния всех перечисленных факторов формирования финансовых навыков, отношения к финансовой системе в целом, культурных ценностей, расширяющих и ограничивающих наше восприятие, поведение. Первоочередным источником единогласно выступила семья:

- «Первооснова – это семья»,
- «Да, мы в первую очередь действуем так, как нам показала семья и какие традиции заложены в семье»

Вторым по значимости фактором стал собственный опыт:

- «Сначала семья тебе дает какие-то первичные знания, чтобы ты в жизни совсем все плохо не было, потом опыт все-таки перекрывает то, что дала тебе семья и ты живешь со своим опытом»,

- «Гораздо быстрее и гораздо четче понимаешь, что ближе именно тебе. Потому что возможно цели, доходы и вообще возможности твоих родителей, стиль работы, способ зарабатывания денег будут кардинально отличаться и возможно стратегия твоих родителей вообще не будет применима на твою собственную жизнь, на твой способ зарабатывания денег»

- «То есть можно разделить финансовая грамотность и финансовое поведение. Мне кажется финансовое поведение, как и любое поведение человека, закладывается в детстве. Если ты привык тратить, то ты будешь тратить и по жизни. Если ты привык беречь деньги и не тратиться, то ты будешь беречь. Финансовая грамотность, мне кажется, она не зависит от родителей».

Также студенты отметили следующие факторы, влияющие на выбор стратегии финансового поведения и изменение ценностей с увеличением дохода, такие как качества человека, опыт, способ получения достатка, знания человека – «Иметь постоянно большое количество денег, не имея в себе багажа знаний, я считаю невозможно».

Несмотря на огромный поток информации, в представлении студентов СМИ не являются надежным источником новостей. В первую очередь, более надежным видится информация от самого банка: «точнее я бы дождалась заявления банка». Во-вторых, мнение родителей в отношении сложившейся ситуации остается для студентов на высоком месте: «я бы спросила у родителей, потому что у меня ее авторитет, даже не авторитет, – знания, больше влияют».

Таким образом, первичным социальным механизмом формирования финансовой культуры выступает семья, где закладываются основы ценностного отношения к финансовой системе, формируются те образцы поведения, которые в дальнейшем изменяются под влиянием других социальных институтов и субъективных факторов. Разви-

тие определенного типа финансовой культуры определяется интересами как государства, так и семьи, образования, экономических институтов и др. От выбора стратегии определенного института зависит социальный механизм формирования системы определенных ценностей, качеств, влияющих на финансовую активность человека. Задача повышения уровня финансовой культуры должна стать приоритетным направлением для государства, поскольку именно молодое поколение определяет будущее российской экономики и степень развития финансового рынка. Решение данной задачи возможно только путем тесного сотрудничества государства с финансовыми институтами, институтом семьи, СМИ и Интернетом, образовательными учреждениями, общественными организациями, поскольку каждая из них вносит определенный вклад в формирование достойного уровня финансовой культуры не только студенчества, но и всего населения в целом.

Литература

1. Александрова О.А., Ярашева А.В. Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения // Вопросы статистики. – 2016. – № 5. – С. 70–79.
2. Заславская Т. И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1991. – 448 с.
3. Ибрагимова Д.Х. Динамика доверия финансовым институтам и парадоксы сберегательного поведения населения // Банковское дело. 2015. № 12. С. 27–34.
4. Киселева Н.И. Методологические подходы к оценке финансовой грамотности населения России / Киселева Н.И., Новиков А.В. // Экономика. Бизнес. Банки, 2019 № 11. С. 8–20.
5. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: Более 10000 еди-

ниц / С.А. Кравченко. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 511 с.

6. Овчарова Л. Н., Синявская О.В., Ибрагимова Д.Х. Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / Отв. ред.: Л.Н. Овчарова. М.: НИСП, 2008.
7. Радаев В.В. Уроки финансовых пирамид, или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России: Социология, этнология. 2002. Т. 11. № 2. С. 39–69.
8. Силласте Г.Г. Жизнь или выживание в условиях кризисов: социальные уроки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11–1. С. 175–183.
9. Фатихов, А.И. Проблемы формирования финансовой культуры населения России сквозь призму социологических исследований / А.И. Фатихов, Р.Т. Набибуллин // Вестник ТГУ. 2010. № 2. с. 235–244
10. Янковский К.П. Слагаемые финансовой культуры и инвестиций // Актуальные проблемы финансов и банковского дела
11. Ярашева А.В., Аликперова Н.В. Доверие населения – фундамент стабильности функционирования финансовых институтов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 8.

SOCIAL MECHANISM FOR RAISING THE LEVEL OF FINANCIAL CULTURE

Golubeva Ks.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article provides an overview of the institutional mechanism for the formation of financial culture. A holistic approach is defined that allows controlling the formation of various social phenomena. The approach is described through social mechanisms within the framework of a structural and functional approach, where the main elements of the mechanism for the for-

mation of financial culture perform a number of functions. The social institutions that make a certain contribution to the formation of the financial culture of students are considered. The author's sociological research among students of the Financial University is presented, during which an assessment of the influence of factors on the formation of financial skills, attitudes to the financial system as a whole is carried out. The social institution of the family is considered as the primary mechanism for the formation of financial culture, laying the foundations of a value attitude to the financial system, forming those patterns of behavior that later change under the influence of other social institutions and subjective factors.

Keywords: financial culture; culture; social mechanism; social management; social institutions.

References

1. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V. Influence of economic expectations on the financial behavior of the Russian population // Questions of statistics. – 2016. – No. 5. – P. 70–79.
2. Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. Sociology of Economic Life: Essays on Theory. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch. 1991. – 448 p.
3. Ibragimova D. Kh. Dynamics of trust in financial institutions and the paradoxes of savings behavior of the population // Banking. 2015. No. 12. S. 27–34.
4. Kiseleva N.I. Methodological approaches to assessing the financial literacy of the Russian population / Kiseleva N.I., Novikov A.V. // Economy. Business. Banks, 2019 No. 11. P. 8–20.
5. Kravchenko S.A. Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary: More than 10,000 units / S.A. Kravchenko. – M.: Astrel Publishing House LLC: AST Publishing House LLC: Tranzitkniga LLC, 2004. – 511 p.
6. Ovcharova L. N., Sinyavskaya O.V., Ibragimova D. Kh. Russian households on the eve of the financial crisis: income and financial behavior / Ed.: L.N. Ovcharova. M.: NISP, 2008.
7. Radaev V.V. Lessons of financial pyramids, or what can economic sociology say about mass financial behavior // World of Russia: Sociology, Ethnology. 2002. V. 11. No. 2. S. 39–69.
8. Sillaste G.G. Life or survival in a crisis: social lessons // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. No. 11–1. pp. 175–183.
9. Fatikhov, A.I. Problems of formation of the financial culture of the population of Russia through the prism of sociological research / A.I. Fatikhov, R.T. Nabibullin // Vestnik TS-GU. 2010. № 2. from. 235–244
10. Yankovsky K.P. Components of financial culture and investments // Actual problems of finance and banking
11. Yarasheva A.V., Alikperova N.V. Trust of the population is the foundation for the stability of the functioning of financial institutions // Management of economic systems: electronic scientific journal. – 2015. – No. 8.

Типологические особенности служебного поведения военнослужащих ВС РФ: управленческий аспект

Погребной Дмитрий Николаевич,

адъюнкт кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: d.pogrebnoi@list.ru

Осипенко Эдуард Борисович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: ed.osip68@rambler.ru

В статье проводится аналитический обзор специфики служебного поведения военнослужащих при выполнении ими профессиональных обязанностей. Объясняется особенность различия между управлением военнослужащими в составе воинского подразделения и управлением поведением военнослужащих с точки зрения управленческого воздействия. Типологические особенности поведения военнослужащего в рамках выполнения им своих профессиональных обязанностей рассматривается с точки зрения отношения военнослужащих к институту военной службы, совокупности личных качеств индивида и уровня его профессиональной подготовленности. Предпринята теоретическая попытка типологии служебного поведения военнослужащих на основании определения личной ответственности и состояния правопорядка и воинской дисциплины в подразделении, наличии внутренних и внешних ситуационных признаков. Анализируется влияние несвойственных задач, не соответствующих профилю подготовки, на отношение к военной службе в целом.

Ключевые слова: служебное поведение, ответственность, военнослужащий, дисциплинированность, управление поведением, эффективность.

Глубокое изучение научных основ и совершенствование руководства всеми сферами жизнедеятельности общества – одна из важнейших задач управленческой деятельности. В этой связи особую актуальность приобретают и вопросы управления войсками.

В военной литературе последних лет управлению войсками уделяется все больше внимания. Однако некоторые авторы пытаются свести решение этой проблемы только к механизации и автоматизации процессов управления. Но нельзя забывать слова К.Ф. Скоробогаткина, который пишет, что управление – это прежде всего работа людей и с людьми, и осуществляется оно не только с помощью технических средств, но и через взаимоотношения [4].

Отличительной чертой служебного поведения военнослужащих с точки зрения социологической науки является смысл, вкладываемый индивидами в свои действия, в процессе выполнения служебных обязанностей.

Так, при материальной заинтересованности нахождения в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, качество и добросовестность, при выполнении задач, зависят от уровня материального вознаграждения, а не от глубины сформированного чувства выполнения воинского долга. При гармоничном соотношении материальной заинтересованности и желания служить делу по защите отечества, качество выполнения служебных обязанностей будет соответствовать не только требованиям военной организации, но и соответствовать целям и индивида. Преобладание чувства долга над материальной заинтересованностью в соответствии с необходимым уровнем профессиональной активности способно повысить качество достижения задач, поставленных перед подразделением.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть основы по-

ведения военнослужащих и воинского коллектива с помощью определения типов служебного поведения исходя из отношения к исполнению обязанностей самих военнослужащих.

Представителей военной науки не может не интересовать то внутреннее состояние человека, под влиянием которого ему приходится жить, действовать и, может быть, умирать. Военные руководители, вышедшие непосредственно из той среды, которой они признаны руководить, будучи органически связаны с ней, несравненно легче и лучше будут разбираться в ее сущности.

В ряду проблем, занимавших умы военных ученых еще со времен Советской власти, важное место отводилось изучению поведения военнослужащих и способов управления им. «Необходимо уметь заставить людей исполнить наше приказание или последовать выраженному нами желанию. А для этого надлежит уметь найти верные к ней подходы, отыскать достаточные стимулы, которые преодолели бы возможное сопротивление с их стороны» [6].

Авторы многих статей показывают важность специфической командирской способности воздействовать на поведение подчиненных в определенном направлении, указывают особенности управления людьми, происшедшие в связи с развитием военного дела тех лет. «...Лично управлять людьми в бою посредством подачи команды даже взводному стало если не невозможно, то крайне трудно», «теперь начальник не всегда найдет возможным «висеть» в бою над подчиненным и каждый его шаг его – толкать и понукавать...», таковы были некоторые новые условия, которые обязывали тщательно изучать способы управления поведением воинов.

В середине двадцатых годов предпринимаются попытки раскрыть сущность управления служебным поведением военнослужащих. Управление подразделением состоит в целесообразном сочетании людских потребностей и через их посредство, оружия для

победы в военное время и в целях боевой подготовки в мирное. Далее указывается, что управление подразделением как деятельность командира включает «предвидение командира в практической жизни. Элемент организации тоже важен и это – второй этап управленческих действий командира роты».

А. Таланкин считал, что «руководить поведением военнослужащего» – значит «предвидеть отдельные акты поведения и уметь на них воздействовать» [7].

Некоторые исследователи близко подходили к пониманию роли психологического в поведении воина, призывали к исследованию путей психологической подготовки личного состава, к формированию у командиров и политработников умения оказывать на подчиненных управляющее воздействие в бою. Другие недооценивали военнополитическую работу и политическую сознательность воинов, склонны были биологизировать поведение военнослужащих.

Следует отметить, что в развернувшихся дискуссиях вокруг поведения военнослужащих и возможных способов управления им не было четкой ясности о сущности их поведения.

Особое внимание военных ученых поведение военнослужащих привлекает уже в послевоенные годы. Особая заинтересованность проявляется в изучении психологических аспектов проблем обучения, воспитания и управления. С точки зрения самостоятельного направления войсковой практики изучение поведения не рассматривается.

Между тем, в условиях поддержания высокой боевой готовности наряду с совершенствованием процесса обучения и воспитания личного состава в деятельности командиров и заместителей по военно-политической работе важное значение имеет управления поведением подчиненного личного состава.

Деятельность командира, в первую очередь, включает в себя профессиональную подготовку военнослужащих, формирование у них необходимых знаний, навыков и умений, развитие необ-

ходимого мировоззрения и нравственного облика, доверия подчиненных своему непосредственному руководителю [2], наряду с функцией управления повседневным поведением подчиненных.

Управление подготовкой и управлением поведением представляют собой параллельные направления деятельности начальника по руководству подразделением. Независимо от того какую основную задачу решают командир и заместитель командира по военно-политической работе, в их деятельности всегда присутствует специфическое содержание – управление поведением военнослужащих и воинского коллектива, обеспечивающее эффективное выполнение служебных задач.

Управление подготовкой имеет целью изменение, развитие, совершенствование устойчивых индивидуальных особенностей военнослужащего и воинского коллектива.

Можно сказать, что если в процессе управления профессиональной подготовкой основное внимание уделяется субъективным качествам личности, то управление поведением ориентируется не столько на совершенствование личности, сколько на выполнение поставленной задачи и установленных норм поведения.

Различия между управлением подготовкой и управлением поведением существенны. Приведем пример: в подразделении есть хорошо подготовленные по специальности, не дисциплинированный солдат. Применительно к нему управление подготовкой главным образом сводится к перевоспитанию. Однако специфика военной службы такова, что ждать, пока полностью завершится процесс перевоспитания нельзя. Необходимо в каждый момент обеспечить такое поведение военнослужащего, которое хотя бы внешне (по результатам деятельности) не отличалось от дисциплинированного солдата.

Управление поведением, как функция, реализуемая начальником в процессе служебной деятельности может рассматриваться с точки зрения составной части управления войсками.

Управление поведением, обеспечивает качественное и своевременное выполнение должностных обязанностей и соблюдение моральных норм, одновременно предупреждает нарушения воинской дисциплины. Следовательно, под предупреждением нарушений воинской дисциплины можно понимать оптимальное управление поведением подчиненных, обеспечивающее добросовестное исполнение ими должностных обязанностей и строгое соблюдение моральных и правовых норм, установленных для военнослужащих ВС РФ.

Особое значение в современной практике управления воинскими подразделениями приобретает умение прогнозировать поведение военнослужащих «Широко известный тезис: руководить – значит предвидеть, имеет особенно глубокий смысл для военного руководителя» [1].

В процессе руководства подразделением прогнозирование в значительной степени связано с предвидением вероятностного поведения подчиненных. В процессе повседневной жизнедеятельности и подбора личного состава для выполнения поставленных задач, командир пытается предвидеть каким будет поведение подчиненных в процессе предстоящей деятельности и в какой степени данное подразделение справится с предстоящей задачей.

Процесс познания социальной сущности личности и коллектива, которым руководит командир, непрерывен. Вместе с тем в каждый момент времени начальник, опираясь на достигнутый уровень познания подчиненных, прогнозирует их поведение. В этой связи встает вопрос о признаках прогнозирования, т.е. о характере тех сведений, фактов, данных и т.д. о подчиненном, опираясь на которые можно предвидеть его вероятное поведение. Существует, по крайней мере, три группы признаков прогнозирования: биографические, поведенческие и ситуативные.

Биографические признаки – это прогностически значимые сведения, факты, события и т.д. из биографии военнослужащего, по которым можно

с той или иной долей вероятности предвидеть, каким будет поведение молодого солдата на службе. С накоплением опыта службы прогностическая роль биографических сведений постепенно утрачивается. Здесь начинают приобретать ведущее значение поведенческие и ситуационные признаки.

Поведенческие признаки – это особенности повседневного поведения на службе и в часы досуга, судя по которым можно в той или иной мере предвидеть, как будет вести себя солдат, по крайней мере, в ближайшем будущем хотя бы в процессе выполнения данной конкретной задачи.

Из большого многообразия особенностей поведения наибольшую прогностическую значимость имеют уровень профессиональной подготовки, степень усердия к службе и социальная активность, играющая особую роль в деятельности военнослужащих при выполнении ими поставленной задачи [3].

В практике военного управления встречается многообразие градаций уровней профессиональной подготовки, степени усердия и активности. О высоком уровне можно говорить в случае овладения военнослужащим в полной мере своей воинской специальностью, и способами выполнения отдельно поставленных задач, находящихся в рамках его должностных обязанностей. Встречается так же уровень профессиональной подготовки, который еще не достиг в своем развитии высшего предела мастерства, но все же оказывается в пределах допустимых нормативов профессиональной подготовки. Наконец в ряде случаев уровень профессиональной подготовки является недостаточным.

Примерно в такой же градации выступают отличия одних военнослужащих от других по степени усердия к службе, когда солдат, не жалея ни сил, ни времени, отдает всего себя добросовестному исполнению служебных обязанностей. При этом, максимальное усердие к службе не всегда сопровождается столь же большим успехом в боевой подготовке т.к. для этого

необходим определенный уровень профессиональной подготовки, а в ряде случаев нужны развитые когнитивные и физические способности. Можно указать еще две градации усердия к службе: среднее усердие, когда военнослужащий хотя не отдает службе все свои силы, но его отношение к служебным обязанностям резко не выходит за рамки правовых и моральных норм; недостаточное усердие, когда военнослужащий не проявляет достаточного стремления к выполнению обязанностей военной службы, а в некоторых ситуациях пытается от них склониться.

В практике военного управления командирам приходится сталкиваться с различными видами социальной активности подчиненных: а) военнослужащий инициативно и добросовестно выполняет указания, оказывает командиру помощь в наведении уставного порядка и удерживает сослуживцев от совершения проступков; б) военнослужащий относительно добросовестно относится к выполнению общественных поручений, но прямой помощи в наведении уставного порядка не оказывает; в) военнослужащий не участвует в общественно значимых для подразделения мероприятиях или участвует формально; г) выступает в поддержку нарушителей воинской дисциплины, хотя сам грубых нарушений не совершает.

Сочетание уровней профессиональной подготовки, усердия к службе и участия в общественно значимых мероприятиях могут обуславливать поведение военнослужащего. В зависимости от того, в каких сочетаниях встречаются эти показатели, существуют различные типы дисциплинированности:

– *высокая дисциплинированность* военнослужащих отличается максимальным усердием при выполнении должностных обязанностей, строгим соблюдением требований устава, отсутствием нарушений воинской дисциплины, оказание помощи командиру при управлении подразделением, соотносится с высокими достижениями по службе;

- *относительно высокая дисциплинированность* характеризуется усердием к службе и выполнению должностных обязанностей, высокий уровень профессионализма, в то же время отчетливо проявляется безынициативность социальная апатия, в повседневной жизнедеятельности возможны незначительные проступки, с последующим попаданием под влияние нарушителей воинской дисциплины;
- *дисциплинированность, не сочетающаяся с высокими достижениями* по службе, характеризуется большим усердием к службе и незначительными результатами из-за невысокого уровня профессионализма;
- *формальная дисциплинированность* при которой сам военнослужащий не совершает грубых дисциплинарных проступков, но способен оказывать негативное влияние на сослуживцев. Оказываясь в группе морально неустойчивых военнослужащих подстрекают их к совершению проступков, в том числе и в составе воинского коллектива;
- *недисциплинированность* военнослужащих проявляется в устойчивой склонности к нарушениям, низким уровнем усердия, пассивности, что в ряде случаев успешно совмещается с высоким уровнем профессионализма.

Таким образом, оценив соотношение уровня профессионализма, степень ответственности к выполнению обязанностей и активность конкретного военнослужащего, командир имеет возможность заранее предвидеть, какое поведение можно ожидать от подчиненного в процессе деятельности, в которую предполагается его включить и когда можно быть уверенным, что задача будет выполнена.

В этой связи можно утверждать, что поведение схожих по набору вышеуказанных качеств военнослужащих, может отличаться под влиянием внешних условий. Совокупность наиболее типичных изменений внешних условий, при которых происходит характерное изме-

нение поведения военнослужащих составляет группу ситуационных признаков прогнозирования.

Наиболее выраженными выступают две группы ситуационных признаков: а) отдельные факты и события личной жизни; б) периодические изменения атмосферы в воинском коллективе (напряженность, состояние правопорядка и воинской дисциплины).

События и факты личной жизни могут иметь и внутрикollectивное происхождение, когда, например, достигнутые по службе успехи благотворно влияют на поведение. И наоборот, неудачи, изменение отношения начальника и товарищей вызывают отрицательное настроение и негативно влияют на исполнение обязанностей.

На поведение, также могут влиять события и факты, имеющие внеcollectивное происхождение, а также типичные колебания воинской дисциплины подразделения.

Главным источником, побуждающим военнослужащего к соблюдению уставного порядка и дисциплины, является его преданность делу по защите отечества, состояние патриотического сознания, понимание важности выполнения долга перед Родиной и важности задач, стоящих перед Вооруженными Силами РФ [6].

В этой связи основными направлениями деятельности военных руководителей составляет идеологическая работа по укреплению правопорядка и воинской дисциплины в подразделениях.

К одному из таких направлений управляющего воздействия является организация условий воинского труда. Поведение военнослужащего в определенный момент времени напрямую зависит от характера, условий и вида его служебной деятельности.

Еще одним направлением выступает формирование в обществе значимости данного вида трудовой деятельности. При этом нельзя представлять, что это влияние незначительно: общественная значимость в той мере оказывается эффективной как детерминанта поведения, в какой осознается во-

еннослужащим в субъективном плане. Поэтому военно-политическая работа по разъяснению значимости выполняемых задач играет ведущую роль в том, как военнослужащий будет вести себя в процессе данной деятельности.

Его поведение в процессе профессиональной деятельности зависит также от того, насколько выполняемые задачи близки к его специальности. Так, например, специалисты, безукоризненно относящиеся к выполнению задач на военной технике, порой недооценивают значения строевой подготовки.

Учитывая это обстоятельство, при выполнении задач, кажущихся далекими от основной военной специальности, должна проводиться особо тщательная разъяснительная работа. Кроме того, важно, чтобы за успехи в этом не основном виде деятельности военнослужащие поощрялись также как за достижения по основной военной специальности.

Таким образом, возможность проявить себя в конкретном виде деятельности, показать себя с лучшей стороны, разнообразие выполняемых обязанностей, необходимость проявления в данной работе инициативы и творчества, состязательность, возможность совершенствования личностных качеств и свойств, высоко оцениваемых в юношеском возрасте, все это оказывает благотворное воздействие на военнослужащего. Но понимание всех этих особенностей деятельности приходит не автоматически: деятельность объективно может быть таковой, но военнослужащий сам этого может и не осознавать. Разъяснение эмоциональной привлекательности предстоящей работы, личной заинтересованности в качественном выполнении поставленной задачи приобретает здесь важное значение.

Литература

1. Захаров М.В. О научном подходе к руководству войсками. М.: Воениздат. 1967. С. 41.
2. Осипенко Э.Б., Сальников А.В., Барановский М.В. Авторитет и дове-

рие в структуре военного управления и военной мысли // Социология. 2020. № 6. С. 76–83.

3. Погребной Д.Н. Социальная активность военнослужащих как компонент служебного поведения // Социология. 2020. № 6. С. 112–116.
4. Скоробогаткин К.Ф. Управление войсками – прочную научную основу. Военная мысль, 1996. № 12.
5. Социальная психология и военное строительство. Военное дело: военно-научный журнал Рабоче-крестьянской Красной армии. – М., 1919, № 9–10, – С. 397.
6. Степанова Е.Е., Шевель П.П. О состоянии патриотического сознания российского общества. // Военный академический журнал. 2016. № 2 (10). С. 115–121.
7. Таланкин А. Военная психология и политическое воспитание в РККА. М.-Л.: Гиз., 1928, – С. 8.

ANALYSIS OF TYPOLOGICAL FEATURES OF SERVICE BEHAVIOR OF SERVICEMEN OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pogrebnoi D.N., Osipenko E.B.

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The article provides an analytical review of the specifics of service behavior of servicemen in the performance of their professional duties. The peculiarities of the distinction between the management of servicemen within a military unit and the management of servicemen's behavior in terms of managerial influence are explained. The typological peculiarities of a serviceman's behavior in performing his professional duties are viewed from the perspective of the servicemen's attitude to the institution of military service, the aggregate of the individual's personal qualities, and the level of his professional preparedness. A theoretical attempt to typologize military service behavior of servicemen based upon the definition of personal responsibility and the state of law and order and military discipline in a subdivision, and the presence of internal and external situational features has been undertaken. The influence of untypical tasks that do not correspond to the profile of training on the attitude to military service in general is analyzed.

Keywords: service behaviour, responsibility, soldier, behaviour management, efficiency.

Reference

1. Zakharov M.V. On the scientific approach to the leadership of troops. M.: Military publishing house. 1967, p. 41.
2. Osipenko E.B., Salnikov A.V., Baranovsky M.V. Authority and trust in the structure of military command and military thought // *Sociology*. 2020. No. 6. S. 76–83.
3. Pogrebnoy D.N. Social activity of servicemen as a component of service behavior // *Sociology*. 2020. No. 6. P. 112–116.
4. Skorobogatkin K.F. Command and control – a solid scientific basis. *Military thought*, 1996. No. 12.
5. Social psychology and military construction. *Military business: military-scientific journal of the Workers 'and Peasants' Red Army*. – M., 1919, No. 9–10, – S. 397.
6. Stepanova E.E., Shevel P.P. On the state of the patriotic consciousness of Russian society. // *Military academic journal*. 2016. No. 2 (10). pp. 115–121.
7. Talankin A. *Military psychology and political education in the Red Army*. M.-L.: Giz., 1928, – S. 8.

Эмоции молодежи в постковидном городе: социологический анализ. Специфика проявления эмоций

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: nickravochkin@mail.ru

В статье проводится социологический анализ эмоций молодежи в реалиях постковидного городского пространства. Во введении обосновывается значимость и подтверждается актуальность обращения к эмоциональным состояниям молодежи как одной из наиболее нестабильных социальных групп. Кроме этого, подтверждается, что в период пандемии именно эмоции претерпели наибольшие изменения по причине объективации возможностей и рисков нового качества. Рассмотрено содержание понятия «эмоции». Показано, что несмотря на свою значимость они все еще недостаточно изучены представителями частных наук, что требует восполнения пробела для проведения социологического исследования. Представлена классификация эмоций. Продемонстрирована роль эмоций для индивида и его адаптационных способностей и возможностей. Установлено, что эмоции всегда выражают палитру индивидуальных смыслов человека и определяют особенности его реагирования на метаморфозы окружающей среды. Выявлено, что основу генезиса эмоций составляют потребности личности.

Ключевые слова: эмоции, молодежь, повседневность, коронавирусная инфекция, пандемия, общество, взаимодействия, городское пространство.

Введение

Актуальность исследования. Пожалуй, 2020–2021 гг. стали тем переломным и одновременно с этим кризисным этапом как в жизни глобального социума, так и в пределах повседневности отдельной личности. Беспрецедентная скорость и масштабы распространения коронавируса и сопутствующим принятием национальными и региональными властями изоляционных мер не просто трансформировали привычные координаты социального бытия, но и подчеркнули, что человек должен адаптировать свою жизнедеятельность в любых ее аспектах, дабы успешно интегрироваться в новые реалии. В соответствии с этим возникает закономерный вопрос: «Как именно личность может сформировать свое поведение и преодолевать сложные жизненные ситуации, при этом не выпадая из (относительно) гармоничных взаимодействий с окружающими ее коммуникантами?».

Самоочевидно, что сложившаяся ситуация достаточно остро коснулась проблемы повышения уровня саморегуляции индивидов, прежде всего, их умений мобилизовать внутренние ресурсы для успешного выхода из многочисленных сопряженных с пандемией COVID-19 ситуаций и непрерывного саморазвития. В научной литературе рассматривается множество эффективных инструментов, используемых людьми в качестве «катализатора адаптации» к стремительно меняющимся условиям, одним из которых становится эмоциональный интеллект. Эта интегральная способность все чаще выступает объектом научного познания для целого ряда наук. Однако практически все исследователи, занятые дисциплинарными изысканиями, солидарны в том, что она обуславливает эффективность адаптации индивидов к новым условиям.

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что именно чувства пронизывают каждый аспект жизнедеятельности личности и социума, целесообразно обратить социологическую оптику на особенности проявления эмоций и их трансформаций в постковидном мире. Еще одним стресс из-за изменений рабочих процессов, еще 50% испытывают трудности с поиском баланса между работой и личной жизнью, а 39% испытывают стресс из-за увеличения семейных обязанностей [10]. Все это позволяет сделать вывод, что пандемия и связанные с ней события оказали весьма негативное влияние на состояние россиян.

Особую значимость приобретает трансформации эмоциональных состояний группы молодежи, поскольку их личностные качества и характеристики пребывают в состоянии своего становления, а их эмоциональное состояние часто является нестабильным. Соответственно, можно предположить, что эмоции молодых людей отличаются негативизмом, а в их структуре будут преобладать деструктивные состояния. Таким образом, исследование позволит лучше понять, каким образом изменились эмоции молодежи, как сказалась пандемия на чувствах и переживаниях молодых людей, что позволит выработать новые формы и методы работы с молодежью и их эмоциями в условиях новой социальности и темпоральности [9]. Целью исследования выступает изучение изменений молодежи до пандемии и сегодня с позиции теоретической социологии.

Эмоции: дефиниция, сущность

Логика проведения данного исследования требует определения понятия «эмоции» в современной научной литерату-

ре. Парадоксально, но в течение продолжительных периодов эмоции выпадали из поля зрения исследователей, пребывая на периферии внимания со стороны представителей различных социально-гуманитарных наук. Такое восприятие главным образом объяснялось редуцированными (преимущественно – биологизаторскими) подходами, значительно упрощавших сущность эмоций в сравнении, например, мышлением. При этом важно отметить, что именно эмоции лежат в основе многочисленных систем представлений о своеобразии репрезентаций индивидов. Несмотря на их связь с простыми перцептивными системами, именно эмоции конституируют и транслируют системы смыслов, следовательно, можно утверждать, что их значимость для индивидуального и коллективного опыта выглядит несомненной.

На основании фундаментальных исследований Дж. Мэйер, П. Сэловой и Д. Карузо приходят к таким умозаключениям по поводу того, что, в частности, опыт гнева во всем многообразии его внешних и внутренних проявлений свидетельствует о наличии какой-либо реально существующей или же во все воображаемой несправедливости, но в то же время он может быть связан и с невозможностью достижения людьми субъективно значимых целей [13]. Говоря другими словами, эмоции в первую очередь выполняют так называемую «информационную» функцию, предоставляя предварительную диагностическую карту индивида, затрагивая иные каналы, чем мышление. В дополнение к этому следует сказать, что эмоции имеют чрезвычайно ситуативное проявление, находясь в тесной связи с вполне конкретными социальными ситуациями, куда оказываются погружены индивиды. Тем самым можно согласиться с мнением, что эмоции программируют и направляют поведение людей, мотивируя их многочисленные ответные реакции на плюрализм воздействующих на них стимулов [2, с. 36].

Поскольку актуальность эмоций как объекта научных рефлексий имеет ярко выраженный продолжающийся харак-

тер, неудивительно, что какая-либо их универсальная классификация до сих пор отсутствует. Среди множества категорирований эмоций по различным основаниям одной из наиболее фундаментальных представляется классификация, предложенная А.М. Новиковым, в соответствии с которой чувства личности детерминированы исходя из дифференциации объектов их вызывающих и обладающих различной значимостью для индивидов. Изначально Новиков дихотомически разделяет всю совокупность эмоций на «Высшие чувства» и условно именуемые «Специфические виды». Затем в первой группе им выделяются нравственные, эстетические и интеллектуальные разновидности, а во второй – аффекты, настроения и страсти [8, с. 258–259], что отражено на представленном ниже рисунке (рис. 1).

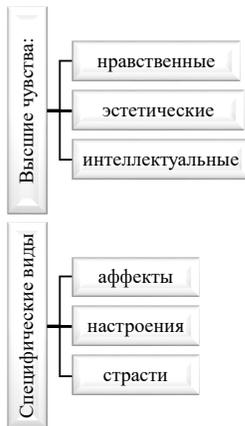

Рис. 1. Виды эмоций

Кроме этого, что эмоции ни в какой мере даже условно нельзя считать стабильными образованиями, поскольку они достаточно сильно подвержены изменениям и даже могут переходить в собственные противоположности, например, пары «любовь – безразличие», «дружба – вражда» и т.д. По сути, трансформации чувств, как и появление новых эмоциональных состояний, обуславливаются динамикой жизни индивидов и совокупностями происходящих вокруг них изменений в социокультурных пространствах.

В аспекте образования чувств большая роль принадлежит многообразным потребностям личности, которые отражаются в форме интересов и ценностных модусов, конституирующих различные виды социальной активности и программирующих поведенческие паттерны индивидов для успешной интеграции последних в систему intersubjective взаимодействий. Чувственно окрашенные отношения индивидов к определенным сторонам действительности, эмоции формируют убеждения и мировоззренческий каркас каждой отдельной личности. В последующем чувства находят свои проявления в действиях и поступках людей, сказываясь на развитии таких характеристик, как, к примеру, «активность», «настойчивость», «приверженность принципам» на пути к удовлетворению индивидами своих потребностей, находящихся на различных уровнях иерархии. Одновременно с этим, эмоции, полагаемые как ответные реакции на проявления конкретных аспектов действительности в наличных контекстуальных реалиях, всегда будут нести в себе определенную непредвиденность, поскольку индивиды по-разному контролируют их, что приводит к их не просто амби-, но поливалентной значимости в процессе реализации людьми своей деятельности.

Анализ работ исследователей, изучающих эмоции, позволяет выделить их сущностные черты (1) «динамичность» и «изменчивость»; (2) неподверженность какому-либо простому прямому наблюдению; (3) «кластерность» [6, с. 64]. Среди тех характеристик, которые бы дополнили базисный перечень и способствовали расширительному пониманию эмоций, также называются «адаптивность», «амбивалентность», «иерархичность», «пластичность», «суммативность», «укорененность в памяти» [3;4;5]. Разумеется, что вскрытые исследователями характеристики одновременно усложняют процесс познания эмоций и в некоторой мере затрудняют первое приближение к их, казалось бы, очевидному пониманию, но в то же время показывают их богатые возможности на практике,

в особенности это касается выстраиваемых индивидами интерпретаций различных аспектов социокультурной действительности.

Считаем, что наиболее подходящими дефинициями «эмоций» являются следующие: (1) «Упорядоченные реакции, пересекающие границы многих психологических подсистем, включая физиологическую, когнитивную, мотивационную, эмпирическую (связанную с опытом)» [7, с. 44]; (2) «Класс психофизиологических характеристик, представляющих собой внутреннее, субъективное переживание психических и физиологических состояний человека, сопровождаемое приятными или неприятными ощущениями» [1, с. 355]; (3) «Особую форму отношений человека к явлениям действительности, обусловленную их соответствием или несоответствием потребностям человека» [8, с. 259]. При этом важно добавить, что благодаря эмоциям становится возможен синтез ощущений и когниций, через что, по сути, и отражается окружающий индивидов мир, так как именно эти синтезы служат отправной точкой для наполнения мыслей теми или иными образами [11;12].

В дополнение следует указать, что эмоции всегда являются индивидуальными, в чем можно убедиться при элементарном анализе реакций индивидов и проявлений чувств, репрезентирующих чрезвычайный плюрализм вариантов. В качестве основных факторов, А.М. Новиков выделяет «направленность», «глубину», «устойчивость», «действенность» и «возбудимость» [8 с. 259].

Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что эмоции являются личностными конструктами и их можно интерпретировать в качестве результатов восприятия и оценивания индивидами различных срезов окружающей их социокультурной среды. Основу генезиса эмоций составляют материальные и/или духовные потребности, выстроенные личностью

в определенную иерархию. Именно чувства становятся мотивом к реализации людьми тех или иных видов деятельности. Принимая во внимание особенности кризисного периода пандемии, изменений как потребностей, так и видов деятельности, можно предположить, что привычные эмоциональные состояния личности подверглись существенным изменениям.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк: ПГУ, 2011. 388 с.
3. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных состояний. М.: Изд-во МГУ, 1976. 142 с.
4. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с
5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2006. 528 с.
6. Ионова С. В., Штеба А.А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (4). С. 63–81.
7. Комарова Э.П. Эмоциональный интеллект: понятие, роль и формы интеграции в социокультурное общение// Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 2–3. С. 43–46.
8. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. 268 с.
9. Равочкин Н.Н., Гилязов Р.Ш., Щенников В.П. Влияние пандемии COVID-19 на изменения темпоральности и социальности: социально-философский анализ // Социодинамика. 2021. № 4. С. 119–135.
10. Тревога, стресс и одиночество: влияние COVID-19 на работу// Ipsos. 20.12.2020. URL: <https://www.ipsos.com>

ipsos.com/ru-ru/covid-19-pandemics-impact-workers-lives

11. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронежский ун-т, 1987. 192 с.
12. Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации// Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.
13. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotion intelligence: theory, findings, and implication // Psychol. Inq. 2004. Vol. 15. № 3. pp. 197–215.

EMOTIONS OF YOUTH IN A POST-COVID CITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS. EMOTIONS MANIFESTATION SPECIFICITY

Ravochkin N.N.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

The article provides a sociological analysis of the emotions of young people in the realities of the post-COVID urban space. The introduction substantiates the importance and confirms the relevance of addressing the emotional states of young people as one of the most unstable social groups. In addition, it is confirmed that during the pandemic, it was emotions that underwent the greatest changes due to the objectification of opportunities and risks of a new quality. The content of the concept of “emotions” is considered. It is shown that, despite their importance, they are still insufficiently studied by representatives of private sciences, which requires filling the gap for sociological research. The classification of emotions is presented. The role of emotions for the individual and his adaptive abilities and capabilities is demonstrated. It has been established that emotions always express a palette of individual meanings of a person and determine the characteristics of his response to the metamorphoses of the environment. It was revealed that the basis of the genesis of emotions is the needs of the individual.

Keywords: emotions, youth, everyday life, coronavirus infection, pandemic, society, interactions, urban space.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages). M.: Publishing house IKAR, 2009. 448 p.
2. Andreeva I.N. Emotional intelligence as a phenomenon of modern psychology. Novopolotsk: PGU, 2011. 388 p.
3. Vilyunas V.K. Psychology of emotional states. M.: Publishing House of Moscow State University, 1976. 142 p.
4. Zinchenko V.P. Consciousness and the creative act. M.: Languages of Slavic cultures, 2010. 592 p.
5. Ilyin E.P. Emotions and feelings. St. Petersburg: Piter, 2006. 528 p.
6. Ionova S. V., Shteba A.A. Mixed emotions: on the question of linguistic representation and metalanguage of description // Questions of Psycholinguistics. 2019. No. 2 (4). pp. 63–81.
7. Komarova E.P. Emotional intelligence: the concept, role and forms of integration in socio-cultural communication // Bulletin of the Voronezh State Technical University. 2014. Vol. 10. No. 2–3. pp. 43–46.
8. Novikov A.M. Pedagogy: a dictionary of the system of basic concepts. M.: IET Publishing Center, 2013. 268 p.
9. Ravochkin N.N., Gilyazov R. Sh., Shchennikov V.P. The impact of the COVID-19 pandemic on changes in temporality and sociality: a socio-philosophical analysis // Sociodynamics. 2021. No. 4. S. 119–135.
10. Anxiety, stress and loneliness: the impact of COVID-19 on work// Ipsos. 20.12.2020. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/covid-19-pandemics-impact-workers-lives>
11. Shakhovsky, V.I. Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language. Voronezh: Voronezh University, 1987. 192 p.
12. Shakhovsky V.I. Emotional picture of the world in verbal presentation // World of the Russian word. 2019. No. 1. S. 35–43.
13. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotion intelligence: theory, findings, and implication // Psychol. inq. 2004 Vol. 15. No. 3. pp. 197–215.

Категория человеческого капитала в социологической vs экономической теории

Федоров Николай Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: ninani@mail.ru

Цель статьи – представить исходные понятия социологической теории человеческого капитала. Авторская трактовка существенно отличается от распространенного понимания существа человеческого капитала – совокупности знаний, образования, здоровья и пр., повышающей доходы. В экономических теориях множество социальных качеств участников процесса труда остается средством роста доходов, не является самодостаточным. Автор статьи считает, однако, что человеческий капитал является категорией, отражающей развитие личности работника и группы.

Человеческий капитал – это социальная деятельность и отношения работников. В его исследовании применяется метод аналогии: исходные понятия социологической теории человеческого капитала отражают логику его возникновения и представлены в виде логики живого труда. Она аналогична логике экономического капитала в теории К. Маркса: каждое понятие социологии о процессе труда (трудова операция, трудовая функция, знание, творческий труд), из которых возникает и существует движение человеческого капитала, сопоставляется с экономическим понятием (товар, стоимость, деньги, капитал).

Ключевые слова: человеческий капитал, работник, трудовая операция, трудовая функция, профессия, всеобщий социальный эквивалент, знание, информация

Введение

Человеческий капитал в научной литературе

Категория человеческого капитала, как известно, сформировалась в экономической теории и остается предметом экономической науки. Экономический человек У. Петти и А. Смита, его способности и качества рассматривались как капитал в экономических исследованиях К. Маркса, позднее – Л. Вальраса, А. Маршалла, Н. Сениора и др. С.Г. Струмилиным раскрыт факт более высокой экономической эффективности труда рабочих с более высоким уровнем образования [18], а Дж. Уолш рассчитал влияние профессионального образования на уровень национального дохода США [цит по: 10]. Именно экономисты Т. Шульц и Г. Беккер в 60-х гг. XX столетия обосновали эффективность «инвестиций в человека», его образование, здоровье и т.д. [1; 3; 21]. У истоков теории человеческого капитала в ее современном виде стоят такие известные экономисты, как Б. Вейсброд, Дж. Минцер, Л. Туроу, У. Боуэн, М. Фишер и др. В доминирующих научно-экономических позициях человеческого капитала трактуется в виде совокупности («запаса») знаний, способностей, образования, культуры и других качеств и соответствующих действий человека: чем выше их уровень, тем выше доходы наемного работника и предпринимателя, менеджера и фермера и др., тем выше экономическая эффективность труда, производства и управления. В теории человеческого капитала человек, группы людей, прежде всего, высокообразованных работников и менеджеров, рассматриваются как центральное звено современного экономического процесса.

Экономисты доминируют в понимании человеческого капитала и в современной России [8; 9; 10; 11; 14; 29; 30; 31; 32]. Только экономисты присутствуют и в списке из 187 наименований

с понятием «человеческий капитал» и близкими к нему понятиями, представленном в библиографическом указателе «Новая Россия» [16].

Экономическая направленность человеческого капитала стала общепринятой и в социологии. Так, В.В. Радаев определяет человеческий капитал как «...совокупность накопленных профессиональных *знаний, умений и навыков*, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход, – в виде заработной платы, процента или прибыли» [17, с. 128]. Ю.Г. Быченко, следуя междисциплинарному подходу, включает в структуру человеческого капитала капитал иного рода – биологический и культурный – и вместе с тем подчиняет его преимущественно экономической деятельности [5; 6]. Г.И. Бондаренко увязывает человеческий капитал с проблематикой социальных институтов и общественным развитием, используя, однако, именно у экономистов принятые его определения [4]. В.К. Королев и О.В. Евграфова включают понятие экономической культуры в качестве центрального проявления человеческого капитала, сохраняя при этом подчиненность человеческой субъективности экономическому процессу [13].

Таким образом, несмотря на важность своих социальных компонентов, человеческий капитал в социологических исследованиях, как и в экономических, играет роль не самостоятельного общественного феномена, служащего развитию человека, самодостаточно, а остается подчиненным экономическим процессам.

В отличие от этого, автор настоящей статьи в ряде своих работ стремился представить человеческий капитал как сугубо социологическую категорию, выражающую саморазвитие человека и социальной группы (23; 26; 28). Продолжая прежние исследования, в данной работе исходные понятия социологической теории человеческого капитала представлены в виде цепочки взаимосвязанных понятий, логика которых ведет к его возникновению и росту.

1. Человеческий капитал в социологии: постановка категории

Человеческий капитал, как и экономический, вырастает из процесса труда, именно в котором и должны развиваться необходимые для этого капитала социальные качества. Тогда человеческий капитал выступает как деятельное отношение между трудящимися по поводу развития их собственных социальных качеств – трудового мастерства, образованности, профессионализма, работоспособности, ответственности, предприимчивости и многих других.

Поэтому автор настоящей статьи полагает, что исходным понятием для построения теории человеческого капитала является понятие человека – создателя и обладателя этого капитала, субъекта его воспроизводства. Этот человек выступает в единстве и полноте своих разнообразных качеств – профессиональных, организационных, морально-трудовых, творческих и пр. Все остальные компоненты (вещи, деньги, информация и т.п.) являются лишь средством деятельности по производству человеческого капитала. И все разнообразие этих качеств должно быть логически сведено к одному из них, которое при-суще трудовому процессу, объединяет людей в единое целое в процессе трудовой деятельности и пронизывает все качества и действия работающего человека.

Человеческий капитал по смыслу понятия капитала представляет собой аналог капитала экономического. Последний выступает как процесс деятельности и взаимоотношений работников и капиталиста в процессах производственного труда и товарно-денежного обмена, распределения и потребления. Предлагаемая авторская трактовка является аналогом теории, представленной в «Капитале» К. Маркса [15]. В таком аналоге сохраняется логика «Капитала», а экономические понятия «переведены» на язык социологических понятий, таких, как трудовая функция, сложность, содержание и содержательность труда и другие, выражающие вли-

ание труда на развитие личности работника и персонала.

Исходной позицией «Капитала», как известно, является понятие товара, логическое развертывание которого перерастает в стоимость, деньги и капитал. При этом надо подчеркнуть, что товар и все идущее за ним создает человек, работник. Следовательно, исходной позицией «Капитала» предстает не просто товар, а человек в разнообразных своих ипостасях – рабочий, производитель, управленец и др. В процессе труда он производит товар – общественный предмет (вещь, услуга, работа, информация и пр.), предназначенный для продажи, с его потребительной и меновой стоимостью и главное – со стоимостью, которая определена вложенным в нее трудом; с обменом товара его производитель вступает в экономические отношения с другим производителем.

Так и в понимании человеческого капитала исходным является человек в процессе труда, работник. Только теперь исследованию подлежит не товар, а живой труд – деятельность работника. Аналогом потребительной стоимости выступает элемент труда – трудовая операция, или работа, – множество физических и умственных действий работника, объединенных производственной целью в одно законченное целое, например, у токаря – это замена резца или обтачивание детали на токарном станке, у слесаря-ремонтника – ремонт исполнительных органов станка, у инженера – подготовка технической документации для производства деталей, у руководителя – это анализ данных о количестве выпущенных деталей и решение об их дальнейшем производстве.

Человеческий капитал, как капитал, принадлежащий человеку, вырастает из деятельных социальных отношений работников между собой [25] и вместе с тем с кем-то третьим, кто и воплощает в себе этот капитал. Это происходит аналогично тому, как экономический капитал возникает в процессе труда и в отношениях между работником и капиталистом и становится собственностью последнего.

И не менее важная характеристика человеческого капитала: он самовозрастает, не имея границ своего роста, – подобно тому, как экономический капитал представляет собой самовозрастающие деньги – самовозрастающий капитал, что происходит за счет прибавочной стоимости, присвоенной капиталистом.

Таким образом, общая социологическая характеристика человеческого капитала складывается из основополагающего понятия деятельности человека и отношений между людьми – живого труда и трудовых отношений, начинается с элементарных действий в социальных деятельных отношениях между работниками, что должно развернуться в цепочку все более сложных понятий, ведущую к полноте категории человеческого капитала.

2. Трудовая операция – элементарное начало человеческого капитала

Трудовая операция – это, во-первых, множество предметных (производственных) действий, во-вторых, это *отношение*, в которое вступают работники между собой. Так, ремонтник отремонтировал станок, чтобы токарь обточил деталь; инженер подготовил чертежи детали, чтобы токарь мог ее производить; токари произвели детали, чтобы учетчик учел сделанные детали для работы экономиста, который, получив учетные документы, оценил затраты на выпуск; экономист делает это для руководителя, который по результатам оценок принимает решение о дальнейшем производстве. Иначе говоря, трудовая операция совершается одним работником на основе других операций других работников и для третьих работников. Каждая трудовая операция связывает этих людей между собой, ибо одна операция предполагает другую операцию и другого специалиста. В этом заключаются технологические и организационные отношения между работниками – отношения обмена операциями на основе их результатов. Тем самым трудовая операция становится аналогом меновой стоимости. Сама операция есть отношение между работниками и кон-

центрирует в себе способность к труду каждого из них, сформированную персоналом, – взаимодействием работающих личностей – членов организации.

В силу таких отношений операции различного производственного содержания становятся сопоставимыми и соизмеримыми между собой – подобно тому, как соизмеримыми становятся разные товары. Сопоставимость возникает в силу того, что они выполняются людьми и представляют собой социальную деятельность работников.

Из всех трудовых операций возникают трудовые функции, принадлежащие каждому из работников, – аналог стоимости, возникшей из произведенных и обмененных меновых стоимостей.

Операции в виде обработанной детали, управленческого документа и т.п., результата работы и в непосредственном общении между работниками, передаются от одного работника к другому; они «обмениваются» и «продаются» – аналогично тому, как обменивается и продается товар, который в руках продавца превращается в деньги. И если в детали и в документы вложены способности работника, то сложность последующей операции выше у каждого последующего работника, ибо он добавляет свою долю навыков и знаний в общий продукт и в общий труд, в общую функционально-трудовую деятельность персонала.

При этом каждый работающий человек должен знать не только свою операцию, но и операции предшествующих и последующих участников трудового процесса, ибо работает на их основе и создает такую же основу для последующего труда. При этом, однако, индивидуальный рабочий ограничен совокупностью собственных операций и не осваивает всех операций, которые выполняют другие работники, – подобно тому, как наемные работники, создавая товар, зарабатывают лишь часть дохода, полученного за этот товар капиталистом. Вкладывая свои способности в общую взаимосвязь операций, работник лишь в ограниченной степени приобретает способности, связанные

со всем кругом работ персонала. Персонал включает в свою деятельность, «присваивает» все то, что делает каждый индивидуальный работник, предоставляя ему лишь часть тех работ, которые выполняет персонал, и часть тех способностей, качеств, которыми персонал обладает. Существо же такого присвоения лежит в той личности, которая стоит за персоналом, концентрируя в себе его способности и обеспечивая их реализацию в трудовых операциях. Именно она представляет собой носителя человеческого капитала.

Теоретическое построение естественным образом ведет к методике и инструментарию исследования, качественного и количественного определения социальной сложности труда.

Для этого исходно надо определить – какой круг предметов охватывает каждая трудовая операция? В чем ее объект, образованный этими предметами и обусловленный целью работника, которую он поставил перед данной операцией? Иначе говоря, с какими частями оборудования (узлы, детали и пр.) и/или элементами организации и управления (финансовый отчет, технический проект и пр.) работник работает, включая в свою операцию? Отстраняя от своих действий все другие части и элементы, из которых состоит оборудование и организация, и с которыми не исполняется эта операция. И чем более сложным является объект, тем сложнее операция и вся совокупность операций, образующих трудовую функцию работника.

Операции и их объекты представлены в технических и других описаниях оборудования и работы с ним, в управленческих решениях, в учебных пособиях. С помощью этих описаний был составлен перечень характеристик, необходимых для работы с каждой частью объекта операции, т.е. характеристик части токарного оборудования у токаря и ремонтника, части отчетной документации предприятия о расходах и доходах у экономиста и др.

Этот перечень включает определения узла, детали, свойства и условия

работы, изменения предмета труда, внешние признаки нормальной и нарушенной работы исполнительных органов станка и технических характеристик готовой продукции, адекватного и неадекватного экономического результата, возможные причины нарушений и средства их устранения, указания на выполняемые действия, решения при норме и нарушении и др. У рабочих автор насчитал 10 характеристик, у специалистов, сложность труда которых намечено подсчитать, найдено более 15 характеристик. Каждая характеристика – это некоторая совокупность сведений. Список характеристик и сведений в каждой из них стандартизирован автором. Сложность операции выражена в количестве сведений, содержащихся в характеристиках ее объекта.

Таким образом, операционно-трудовой процесс, как исходный пункт человеческого капитала, представлен в виде своего социального содержания – действий работника, определяющего свой объект, характеристики составных частей объекта и содержащиеся в них сведения. Вместе с тем, труд сохраняет свою производственную определенность – часть оборудования, организации и управления [22, с. 96].

Для подсчета сложности трудовой операции следует, во-первых, подсчитать количество предельно простых предметов – компонентов объекта операции; во-вторых, перевести сведения об объекте в форму знания – всеобщего социально-трудового эквивалента [23, с. 224], что далее и будет сделано.

Заключение

В заключении автор статьи полагает необходимым подчеркнуть два важных отличия проводимого исследования. Во-первых, исходной точкой построения теории человеческого капитала является категория человека и понятие *социального* качества работника, менеджера и др. Следовательно, этот капитал является, прежде всего, *социальным* образованием, и его теория, прежде всего, – *социологической*. Во-вторых, понятие самого капитала не является одномерным,

и недостаточно трактовать его в виде какой-либо совокупности, «запаса» образования и здоровья и т.п., приносящего доход. Капитал – это всеобщие деятельные отношения между субъектами экономики по поводу ее элементов, деятельность и отношения, вырастающие из человеческих качеств [25; 26]. А также отметим, что абстрактные понятия теоретического построения, предлагаемые читателю, верифицируются в исследовательскую методику и инструментарий, с помощью которого собран и кратко описан эмпирический материал.

Литература

1. Беккер Г. 2003. Избранные труды по экономической теории. Перевод с английского – М., ГУ ВШЭ – 670 с.
2. Becker G.S. 1964. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. N.Y.
3. Becker G.S. 1962. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / The Journal of Political Economy, Volume 70, Issue 5, Part 2. (Oct.).
4. Бондаренко Г. И. 2006. Человеческий капитал: взаимодействие социальных институтов, власти и бизнеса в условиях трансформирующегося российского общества: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Уфа. – 490 с.
5. Быченко Ю.Г. 2000. Социологическая концепция человеческого капитала. Саратов: Поволжская академия государственной службы, – 109 с.
6. Быченко Ю.Г. 2007. Накопление человеческого капитала в экономике, основанной на знаниях: монография. – Саратов: СГСЭУ – 169 с.
7. Владимирова, М. П. и др. 2020. Становление теории человеческого капитала в рыночной экономике: монография – Москва: РУСАЙНС, – 94 с.
8. Грачев С. А., Гундорова М.А., Мошнов В.А. 2016. Инвестиции в человеческий капитал – Учебное пособие – Владимир – 170 с.

9. Денисенко М.Б., Саградов А.А. Сравнительная ценность различных форм человеческого капитала в России / Человеческий капитал в России в 1990-х гг. – М.: МАКС Пресс, 2000. – С. 32–52
10. Дятлов С.А. 1994. Основы теории человеческого капитала. – Санкт-Петербург: Издательство СПб УЭФ – 160 с.
11. Капелюшников Р.И. 2012. Сколько стоит человеческий капитал России? Препринт WP3/2012/06 Серия WP3 – М., ВШЭ – 74 с.
12. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») – Москва, 2010–193 с.
13. Королев, В.К. 2020. Экономическая культура человеческого капитала в методологии междисциплинарного дискурса: монография / О.В. Евграфова; В.К. Королев. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2020. – 128 с.
14. Критский М.М. 1991. Человеческий капитал – Л.: Издательство Ленинградского университета – 117 с.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга 1: процесс производства капитала. – М., 1967–907 с.
16. Новая Россия. НР. Электронный библиографический указатель. <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/newrus/index.ssi>
17. Радаев В.В. 2005. Экономическая социология. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, – 603 с.
18. Струмилин С. Г. 1982. Проблемы экономики труда. – М.: Наука, 471 с.
1. Scbulz L. 1962. Reflection on Investment In Man // The Journal of Political Economy. Vol. LXX. Suppl. Oct.
19. Scbulz L. 1962. Reflection on Investment In Man // The Journal of Political Economy. Vol. LXX. Suppl. Oct.
20. Schultz T. 1961. Investment in Human Capital // The American Economic Review. March, № 1.
21. Schultz T. 1960. Capital Formation by Education // The Journal of Political Economy. Vol. 68.
22. Федоров Н.Ю. 2002. К социологической теории труда. Философский взгляд на повседневную работу // Философские исследования – Москва – С. 83–106; URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view>
23. Федоров Н.Ю. 2006. Всеобщий эквивалент социально-трудовых отношений и система исходных категорий социологии труда. // Актуальные проблемы экономической социологии: Сборник научных трудов аспирантов и преподавателей кафедры экономической социологии и маркетинга. – Москва, КДУ, 2006 – С. 219–226
24. Федоров Н.Ю. 2006. Человеческий капитал // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь/ Отв. Ред.В.А.Ядов. – СПб.: Наука – С. 399–400
25. Федоров Н.Ю. 2014. К расширению круга базовых категорий социологии: конкретный человек, социальные качества, деятельные отношения // Современные концепции научных исследований. – Москва, 2014, № 9, часть 5 – С. 6–9
26. Федоров Н.Ю. 2014. К социологической интерпретации понятия «человеческий капитал» // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, № 10 (29), ч. 3. URL: <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2014/11/10–3–29.pdf>
27. Федоров Н.Ю. 2014. Труд как движение знания: методологические положения, методика и результаты исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 10 (69) октябрь. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-dvizhenie-znaniya-metodologicheskie-polozheniya-metodika-i-rezultaty-issledovaniya>
28. Федоров Н.Ю. 2018. К теории человеческого капитала: экономические истоки и доминирующее социальное содержание // Личность. Куль-

- тура. Общество. – Москва. – Т. 20. Вып. 1–2 (97–98). URL: https://iko.ru/2021/08/24/2018_20_1_2_97_98/
29. Человеческий капитал системы образования: учебник для магистрантов. 2018 / И.А. Ковалевич, В.Т. Ковалевич, О.В. Шайдурова, Н.А. Гончаревич – Красноярск: СФУ, 215 с.
 30. Человеческий капитал: теория и практика управления в социально-экономических системах 2017: монография // под общ. ред. Р.М. Нижегородцева, С.Д. Резника. – Москва: ИНФРА-Москва. – 290 с.
 31. Ширинкина Е.В. 2017. Формирование человеческого капитала в постиндустриальной экономике: монография – Барнаул: ИП Колмогоров И.А. – 223 с.
 32. Эффективность инвестиций в человеческий капитал в современных условиях: 2019. монография / Мельников Р.М., Марголин А.М., Устенко В.С. [и др.]; Р.М. Мельников – Москва: Проспект, – 348 с.

THE CATEGORY OF HUMAN CAPITAL IN SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC THEORY

Fedorov N. Yu.

Russian state University for the Humanities

The article purpose is to present the initial concepts of the human capital sociological theory. The author's interpretation differs significantly from the widespread understanding of the human capital essence – the totality of knowledge, education, health, etc., which increases income. In economic theories, many social qualities of the participants in the labor process remain a means of income growth and are not self-sufficient. However the author of the article believes that the human capital is a category that reflects the development of the employee's personality and group.

Human capital is social activity and employee relations. For his study the analogy method is used: the initial concepts of the human capital sociological theory reflect the its occurrence logic and are presented in the form of the living labor logic. It is similar to the economic capital logic in the theory of K. Marx: each concept of sociology about the labor process (labor operation, labor function, knowledge, creative labor), from which the human capital movement arises and

exists, is compared with an economic concept (goods, value, money, capital).

Keywords: human capital, employee, labor operation, labor function, profession, universal social equivalent, knowledge, information.

References

1. Becker G. 2003. Selected Works in Economic Theory. Translation from English – M., State University Higher School of Economics – 670 p.
2. Becker G.S. 1964. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. N.Y.
3. Becker G.S. 1962. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / The Journal of Political Economy, Volume 70, Issue 5, Part 2. (Oct.,).
4. Bondarenko G. I. 2006. Human Capital: Interaction of Social Institutions, Government and Business in the Conditions of a Transforming Russian Society: Thesis for the Degree of Doctor of Sociological Sciences. – Ufa. – 490 p.
5. Bychenko Yu.G. 2000. The sociological concept of human capital. Saratov: Volga Region Academy of Public Administration – 109 p.
6. Bychenko Yu.G. 2007. Accumulation of human capital in a knowledge-based economy: a monograph. – Saratov: SSEU – 169 p.
7. Vladimirova, M. P. et al. 2020. Formation of the theory of human capital in a market economy: monograph – Moscow: RUS-SIGNS, – 94 p.
8. Grachev S. A. 2016. Investments in human capital / Grachev S.A., Gundorova M.A., Moshnov V.A. Study guide – Vladimir – 170 p.
9. Denisenko M.B., Sagradov A.A. 2000. Comparative value of various forms of human capital in Russia / Human capital in Russia in the 1990s. – M.: MAKSS Press. – S.32–52
10. Dyatlov S.A. 1994. Fundamentals of the theory of human capital. – St. Petersburg: SPb UEF Publishing House – 160 p.
11. Kapelyushnikov R.I. 2012. How much is the human capital of Russia? Preprint WP3/2012/06 Series WP3 – M., HSE – 74 p.
12. Kapelyushnikov R.I., Lukyanova A.L. Transformation of human capital in Russian society (on the basis of the “Russian monitoring of the economic situation and health of the population”) – Moscow, 2010–193 p.
13. Korolev, V.K. 2020. Economic culture of human capital in the methodology of interdisciplinary discourse: monograph / V.K. Ko-

- rolev, O.V. Evgrafova – Rostov-on-Don: SFU Publishing House, 2020. – 128 p.
14. Kritsky M.M. 1991. Human capital – L.: Leningrad University Press – 117 p.
 15. Marx K. Capital. Criticism of political economy. Volume one. Book 1: The process of capital production. – M., 1967–907 p.
 16. New Russia. HP. Electronic bibliographic index. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/newrus/index.ssi>
 17. Radaev V.V. 2005. Economic sociology. – M.: Publishing house of the State University Higher School of Economics, – 603 p.
 18. Strumilin S. G. 1982. Problems of labor economics. – M.: Nauka, 471 p.
 19. Schulz L. 1962. Reflection on Investment In Man // The Journal of Political Economy. Vol. LXX. Suppl. Oct.
 20. Schultz T. 1961. Investment in Human Capital // The American Economic Review. March, № 1.
 21. Schultz T. 1960. Capital Formation by Education // The Journal of Political Economy. Vol. 68.
 22. Fedorov N. Yu. 2002. Toward a sociological theory of labor. Philosophical view of everyday work // Philosophical research – Moscow – P. 83–106 URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view>
 23. Fedorov N. Yu. 2006. The universal equivalent of social and labor relations and the system of initial categories of the sociology of labor. // Actual problems of economic sociology: Collection of scientific works of graduate students and teachers of the Department of Economic Sociology and Marketing. – Moscow, KDU, 2006 – S.219–226
 24. Fedorov N. Yu. 2006. Human Capital // Labor Sociology. Theoretical and applied explanatory dictionary / Otv. Ed.V.A.Yadov. – St. Petersburg: Science – S.399–400
 25. Fedorov N. Yu. 2014. To expand the range of basic categories of sociology: a concrete person, social qualities, active relations // Modern concepts of scientific research. – Moscow, 2014, No. 9, part 5 – P. 6–9
 26. Fedorov N. Yu. 2014. On the sociological interpretation of the concept of “human capital” // International Research Journal. Yekaterinburg, No. 10 (29), part 3. URL: <http://research-journal.org/wp-content/uploads/2014/11/10-3-29.pdf>
 27. Fedorov N. Yu. 2014. Labor as a movement of knowledge: methodological provisions, methodology and research results // Actual problems of the humanities and natural sciences. No. 10 (69) October. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-dvizhenie-znaniya-metodologicheskie-polozheniya-metodika-i-rezultaty-issledovaniya>
 28. Fedorov N. Yu. 2018. On the theory of human capital: economic origins and dominant social content // Personality. Culture. Society. – Moscow. – T. 20. Issue. 1–2 (97–98). URL: https://ko.ru/2021/08/24/2018_20_1_2_97_98/
 29. Human capital of the education system: a textbook for undergraduates. 2018 / I.A. Kovalevich, V.T. Kovalevich, O.V. Shaydurova, N.A. Goncharevich – Krasnoyarsk: SFU, 215 p.
 30. Human capital: theory and practice of management in socio-economic systems 2017: monograph // ed. ed. R.M. Nizhegorodtseva, S.D. Reznik. – Moscow: INFRA-Moscow. – 290 p.
 31. Shirinkina E.V. 2017. Formation of human capital in the post-industrial economy: monograph – Barnaul: IP Kolmogorov I.A. – 223 p.
 32. Efficiency of education spending, human capital, complexity of the economy and economic development of Russian regions 2020. / A.V. Bozhechkova, T.L. Klyachko, A. Yu. Knobel [et al.] Moscow: Delo, – 144 p.

Структура и функции общественного мнения в политике

Сингаевская Марина Владимировна,

аспирант кафедры политологии и социологии
политических процессов социологического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: singaevskaya.marina@yandex.ru

В анализе структуры и функций общественного мнения мы будем придерживаться динамической концепции М.К. Горшкова. В концепции М.К. Горшкова общественное мнение представляет собой «систему, причём систему целостную, динамичную, целесообразную». Данный подход к определению общественного мнения позволяет в данной статье рассмотреть его сущностную структуру и проявление функций в политике.

Рассмотрев комплексную характеристику общественного мнения как социологической категории и его функции, можно прийти к выводу о том, что общественное мнение является важным и неотъемлемым фактором политической жизни. Оно имеет целый арсенал способов воздействия на властные институты – от простого одобрения или неодобрения до диктования институтам власти и управления путей и способов проведения политики, решения конкретных проблем.

Ключевые слова: общественное мнение, структура общественного мнения, объект общественного мнения, субъект общественного мнения, функции общественного мнения в политике.

В анализе структуры и функций общественного мнения мы будем придерживаться динамической концепции М.К. Горшкова. В концепции М.К. Горшкова общественное мнение представляет собой «систему, причём систему целостную, динамичную, целесообразную»¹. Специфика структуры общественного мнения заключена в её центральном звене, в качестве которой выступает отношение *субъекта к объекту общественного мнения*, в процессе установления данного отношения становится возможным зарождение, формирование и возникновение феномена общественного мнения и становится выраженной внутренняя организация системы общественного мнения, её содержательные, сущностные начала, которые принято обозначать в рамках динамической концепции общественного мнения понятиями рационального, эмоционального и волевого. Выделение субъекта и объекта является одним из важнейших моментов теоретического анализа общественного мнения и уже последующего рассмотрения структуры общественного мнения и проявления его функций в политике.

«Следует признать, – отмечает М.К. Горшков, единственным *субъектом – всеобщим творцом общественного мнения* является народ – подлинный носитель общественных интересов, основная сила, творящая и революционно преобразующая социальное бытие, подлинный субъект истории»².

Помимо этого, качественная определённость субъекта общественного мнения неразрывно связана с его количественной определённостью. Она выражается понятием «большинство». По мнению М.К. Горшкова, иначе быть не может, «ибо массы и представляют

¹ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 203.

² Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 186.

собой большинство народа, большинство населения, выражающее в своём общественном мнении интересы и стремления всех трудящихся или их подавляющей части”³.

При этом понятие “большинство” имеет свои качественные и количественные характеристики. Например, и 51% и 99% граждан, которые занимают определенную позицию по конкретному социально-политическому событию или вопросу, считаются большинством. Поэтому, понятие “большинство” используется с такими дополнительными характеристиками, как «относительное большинство», «абсолютное большинство» и др.

Объектом выступает то, по поводу чего складывается общественное мнение. К ним относятся в соответствии с динамической концепцией общественного мнения М.К. Горшкова различные факты, события, явления, представляющие общественный интерес и имеющие высокую степень актуальности. Д.П. Гавра также полагал, что “объектом общественного мнения являются события, явления, социальные факты, затрагивающие интересы субъекта мнения”⁴. По степени сложности объекты общественного мнения дифференцируются на *объекты-факты*, *объекты-события*, *объекты-явления (процессы)*⁵.

Наиболее простым объектом реакции общественного мнения выступает тот или иной *факт действительности*. Однако, несмотря на внешнюю простоту “с точки зрения своей коммуникативной функции, т.е. как средство хранения и передачи определённой информации, он включается в систему взаимодействия людей и может выполнять роль стимула социальной активности, её ограничителя и т.п.”⁶. *В качестве*

³ Там же. С. 187.

⁴ Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб.: ИСЭП, 1995. С 10–12.

⁵ См.: Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 577.

⁶ Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. С. 211.

примера можно привести теракт, произошедший в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 г. Трагедия в питерском метро привлекла внимание абсолютного большинства населения России⁷.

Событие выступает достаточно сложным объектом общественной оценки, включающим в себя спектр определённых сведений (фактов), составляющих содержание объекта общественного мнения. Так, совокупность социальных фактов создает качественно новый объект оценок и суждений – событие, которое является более информативным. *В качестве примера* одного из главных политических событий в мире в 2021 году можно привести разработку вакцин от коронавируса⁸.

Самым сложным объектом общественного мнения выступает *явление (процесс)*, включающее в себя набор событий и фактов, которые необходимо рассматривать в динамике. Являясь отражением взаимодействия различных социальных сил, ориентированных друг на друга и имеющих собственную ценностно-мотивированную структуру, они требуют от субъекта умения видеть анализировать явления в динамике и развитии.

Сущностная структура общественного мнения включает в себя следующие взаимосвязанные компоненты: рациональный, эмоциональный, оценочно-ценностный и волевой. *Рациональный компонент* выступает определяющим в этой структуре и образуется из конкретных сведений, которые относятся к области рационального знания, имеющиеся у людей о фактах и событиях, явлениях и процессах, ставших объектом пристального общественного внимания и общественного интереса. Рукавишников В.О. следующим образом определяет данный компонент: “Заключение насчет рационально мыс-

⁷ См. об этом подробно.: ВЦИОМ: Теракт в Санкт-Петербурге: первые оценки. // Пресс-выпуск № 3350. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116155> (дата обращения: 05.08.2021 г.).

⁸ См об этом подробно.: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4834415 (дата обращения: 05.08.2021 г.).

лящей общественности можно делать при соблюдении следующих условий: 1. Люди получили достаточно информации по данному вопросу, ибо нельзя обсуждать вопрос, ничего не зная, либо зная очень мало, так что практически валидный вопрос здесь – это вопрос о коррективности, и количестве информации, необходимой для формирования мнения; 2. готовность отвечать на вопросы без эмоций; 3. если детальный анализ ответов на взаимосвязанные вопросы выявляет некоторую связь в ответах⁹.

Эмоциональный компонент связан с настроениями, чувствами, эмоциями, которые возникают по поводу объекта общественного мнения. “Эмоциональный компонент представляет собой своеобразный динамический синтез массового ощущения, массового настроения и социальных чувств, выраженных в непосредственном пристрастном переживании жизненного смысла фактов и явлений действительности, которые оказались объектом общественного внимания”¹⁰. Преобладание эмоциональной составляющей в структуре общественного мнения делает его более доступным для психологического давления и возможностей манипулирования.

Рациональный и эмоциональный компоненты неразрывно связаны в общественном мнении, “всегда представлены в сознании в единстве и взаимопроникновении, выступают в структуре общественного мнения как знание и переживание”¹¹.

При исключении рационального компонента из сущностной структуры, общественное мнение может даже не возникнуть, ибо оно представляет собой некий результат дискуссионного сравнения познанных и значимых для субъекта объектов, а сравнения, в свою очередь, как верно отмечают М.К. Горшков

и Ф.Э. Шереги основываются именно на знаниях. Данное сравнение, по мнению учёных, опирается на конкретные критерии, мерила и нормы. В подобном качестве выступают знания, представления и ощущения субъекта о предмете. Сравнения и оценки помогают субъекту прийти к оценочному суждению – мнению¹².

В результате взаимодействия и взаимопроникновения рационального и эмоционального складывается *оценочно-ценностная сторона общественного мнения, именуемая зачастую социальной оценкой*. Социальная оценка представляет собой “выражение одного из видов отношения объектов к субъекту, отношение, которое заключается в том, что субъект определяет соответствие объекта или его отдельных сторон и свойств критериям, им выдвигаемым”¹³. “Социальная оценка, выражение отношения в форме одобрения или осуждения является стержнем общественного мнения”¹⁴.

В качестве исходной формы общественное мнение выступает как оценочное суждение, то есть как духовный феномен. При определённых условиях мнение может преобразоваться в поведенческих акт (например, политическая акция в поддержку текущего политического курса и т.д.). Рассматривая сущностную структуру общественного мнения, мы не можем ограничиться только его характеристиками как духовной реальности, необходимо выделить в структуре и компонент, который выражает проявление “позиции людей”, “переход от слов к действию”. Таким компонентом выступает *воля*. Так, значимость общественного мнения проявляется тогда, когда оно выражается в дей-

¹² См. об этом подробн.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: Учебн. Пособие для вузов. М.: ФГАНУ «Центр социологических исследований», Институт социологии РАН, 2003. С. 106–107.

¹³ Коробейников В.С. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 13.

¹⁴ Коробейников В.С. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 20.

⁹ Рукавишников В.О. Рационально ли общественное мнение по вопросам экологии // СОЦИС. 1994. № 1.

¹⁰ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 205.

¹¹ Там же.

ствии и это связано с политической волей, которую выражают граждане.

Волевая составляющая структуры общественного мнения формируется на основе социальной оценки и характеризует направленность субъекта на практическую деятельность (“переход от слов к действию”) по реализации интересов, связанных с содержанием объекта. Иными словами, в волевых побуждениях людей запечатлевается факт глубокого понимания ими значимости занятой социально-политической позиции и, как следствие, готовность провести её в жизни. *Воля*, как таковая, представляет собой “способность к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для её осуществления”¹⁵.

Волевой компонент позволяет раскрыть активную, деятельную сторону изучаемого объекта. Благодаря общественной воле и психологическому настрою реализуются на практике те представления, взгляды и знания, которые составляют рациональный (интеллектуальный) костяк содержания общественного мнения. Как отмечал А.К. Уледов, “активное начало проявляется главным образом в позиции людей в отношении предмета мнения, в переходе от слов к действию”¹⁶. Тем самым волевые начала способствуют превращению общественного мнения в явление духовно-практическое; стимулируют к деятельности, обеспечивают воздействие на политическую систему. Так, общественное мнение, будучи изначально духовным отношением, обладает способностью стимулировать практическую деятельность людей и выступать уже как духовно-практическое отношение.

Становление и кристаллизация общественной воли – это длительный и сложный процесс. Он во многом обусловлен такими качествами субъекта,

¹⁵ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. URL: <https://readtiger.com/terme.ru/slovari/filosofskii-enciklopedicheski-slovar1.html> (дата обращения: 05.08.2021)

¹⁶ Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 216–217.

как сознательность, целеустремленность, решительность и настойчивость. Эти качества свойственны далеко не каждому человеку, а для перехода общественного мнения на данный уровень необходимо, чтобы вышеизложенные качества были присущи большинству. В случае преобразования, “общественное мнение как единство социальной оценки и общественной воли способно выполнять роль организатора совместной деятельности своих субъектов, направленной на удовлетворение их интереса”¹⁷.

Таким образом, общественное мнение без наличия волевого компонента выступает лишь как духовное отношение, неспособное оказывать воздействие на социальную действительность, неспособное проявить себя как “социальную силу”. Общественное мнение так и может остаться существовать в качестве социальной оценки, в виде некоего духовного образования. В качестве примера такой ситуации можно привести данные социологического опроса, приведённые в известной книге Э. Нозль-Нойман¹⁸. Один из опросов, заданных респондентам, был о том, что каждый хотел сделать для партии, наиболее близкой к его воззрениям. Помимо общих вариантов ответов, предлагались и варианты для застенчивых, чтобы и они могли проявить свою лояльность без публичного выражения симпатии, например, пожертвования денег. Результаты пилотажного опроса оказались довольно неожиданными. Респонденты ответили, что они ничего из перечисленного не стали бы делать для партии, которой симпатизируют¹⁹. Данный пример иллюстрирует то, что общественное мнение может проявляться лишь как оценочные суждения, в качестве только духовного образования.

¹⁷ Там же. С. 217.

¹⁸ См.: Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. С. 70–71.

¹⁹ См.: Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. С. 71.

Теперь, после того, как мы раскрыли сущностные структурные компоненты общественного мнения, можно утверждать, что взаимопроникая, дополняя и уравновешивая друг друга, эти компоненты структуры общественного мнения наделяют его качеством духовно-практической целостности. В таком разнокачественном образовании, общественное мнение становится стороной деятельности людей, реализуется в их практических делах и поступках. Разнокачественная сущность общественного мнения может проявляться в социальной практике на трёх уровнях – духовном, духовно-практическом и практическом субъектно-объектном. Трехединая сущность общественного мнения, его способность перекидывать “мостик” между духовными и практическими началами людей дают основание считать его не только разнокачественным отношением масс к действительности, но и своеобразным конкретно-историческим механизмом связи массовых оценочно-ценностных суждений и массовых поведенческих актов, массового сознания и массовых действий.

Поправки в Конституцию Российской Федерации, которые были утверждены большинством россиян 1 июля 2020 г., определили в числе прочих дополнений новый вектор развития закрепленного в ст. 7 Конституции России 1993 г. принципа социального государства, что подразумевает под собой исполнение государством своих социальных обязательств в полном объеме и качественно, а также более эффективную реализацию концепции социального государства. Иными словами, в обществе остается актуальным запрос на социально-ответственное государство, которое ставит в центр своей политики благополучие каждого человека.

Активность граждан в вопросах отстаивания своей гражданской позиции, прав и интересов является важной характеристикой гражданского общества. В Конституции Российской Федерации закреплено право каждого гражданина на защиту своих прав и свобод всеми

способами, которые не запрещены законом. Таким образом, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общественное мнение становится стороной деятельности людей, реализуется в их практических делах и поступках.

Как отмечает В.К. Падерин, “общественное мнение, выражая позицию одобрения или осуждения по общественным проблемам, регулирует поведение индивидов, социальных групп, институтов, насаждает определённые нормы общественных отношений. Оно действует как в рамках общества в целом, так и социальных групп”²⁰.

В отечественной литературе детально вопрос о функциях общественного мнения представлен в концепции М.К. Горшкова. Учёный полагает, что “разнокачественная природа общественного мнения переходит в многообразии форм его реализации, в результате чего можно выделить частные, отраслевые функции общественного мнения”²¹.

Способы и формы воздействия общественного мнения на властные институты весьма многообразны. *Регулятивная функция* является основной, интегративной функцией общественного мнения. Содержание регулятивной функции, как следует из её названия, заключается в осуществлении регулирующих воздействий на социальные субъекты, каковыми могут быть индивиды, социальные общности и социальные институты. Общественное мнение в своей регулятивной функции обеспечивает реализацию определённых норм общественных отношений, выработанных самостоятельно, либо привнесённых извне. Эта основная, интегративная функция общественного мнения, она проявляется в том, что в реальной практике различные функции общественного мнения взаимопроникают

²⁰ Падерин В.К. Общественное мнение в политической системе советского общества. М.: Знание, 1987. С. 42.

²¹ См.: Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 215–223.

и дополняют друг друга, обуславливая главный смысл его существования.

Механизм регулятивной функции основывается, прежде всего, на методе общественного воздействия. Данный метод стремится свести воедино правовые, нравственные и другие виды социальных норм, существующие в обществе, он апеллирует к сознанию людей, приводя их действия и поступки в соответствие с требованиями вырабатываемого им самим свода так называемых общечеловеческих неписанных законов²².

Воспитательная функция общественного мнения состоит в том, что мнение является важнейшим фактором, средством, условием социализации личности, её вхождения в социальную жизнь, обретения комплекса качеств социального существа. В рамках регулятивной функции можно выделить *регулятивно-воспитательную* функцию, которая способствует формированию в каждом члене общества (социальной общности) социально одобряемую систему ценностей и норм поведения.

Распространённой является *оценочная* функция общественного мнения, которая затрагивает проблемы политики и власти. Акцент на оценочной функции общественного мнения объясняется преимущественным пониманием его роли как индикатора системы ценностей, преобладающих в *массовом сознании* в конкретный исторический отрезок времени.

В компетенцию оценочной функции входит выражение ценностного отношения масс к тем или иным фактам, событиям, процессам социальной действительности, к деятельности официальных учреждений, должностных лиц. Можно говорить об организованной и неорганизованной форме подобной оценки. В неорганизованной, т.е. стихийной форме подобные оценки присутствуют в домашнем или рабочем кругу людей, в их неформальном общении, в дискуссиях о политической

“злобе дня”. “В организованной форме данные оценки чаще всего выявляются путём опросов общественного мнения, инициируемые структурами действующей власти, различными общественными организациями, партиями, движениями и иными негосударственными заказчиками”²³.

В России опросы общественного мнения демонстрируют, что социальная оценка гражданами деятельности политиков, которые занимают высшие политические должности, во многом характеризует взаимоотношения между обществом и государством и специфику легитимации политического режима страны. Учитывая высокий уровень персонализации государственной власти в России, можно полагать, что отношение к решениям главы Российской Федерации оказывает влияние на уровень доверия россиян ко всему государственному аппарату в целом.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, в 2021 г.,²⁴ россияне в кризисный пери-

²³ Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 585.

²⁴ Использованы материалы социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года. Исследовательский коллектив 51 этапа мониторинга: д-р соц.н. В.К. Левашов (руководитель), д-р полит.н. Н.М. Великая, канд. социол. наук И.С. Шушпанова, ст. науч. сотр. В.А. Афанасьев, мл. науч. сотр. О.В. Гребняк, ст. науч. сотр. О.П. Новоженкина, мл. науч. сотр. И.А. Полякова. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорции между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности в июле 2021 г. составил 1609 респондентов. Опрос населения проведен в период 28.05.2021–18.06.2021 в следующих регионах Российской Федерации: УрФО (Челябинская область, Екатеринбург, Свердловская область), СФО (Новосибирская область), ЮФО (Ростов-на-Дону, Азов, Краснодарский край), СКФО (Ставропольский край), ЦФО (Ярославская область, Москва, Московская обл.), ПФО (Нижегородская область, Татарстан), ДФО (Вла-

²² См. об этом подробн.: Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. Там же. С. 216.

од в развитии общества выше оценили политическую деятельность президента В.В. Путина по сравнению с деятельностью премьера М.В. Мишустина (6,09 против 5,2 баллов). Однако, позитивных оценок в массовом сознании деятельности ведущих политических лидеров в 2021 г. было больше, чем в 2020 году. Следует отметить, что повышение оценки деятельности М.В. Мишустина более заметно, по сравнению с В.В. Путиным

Весьма показательно, что данные социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, свидетельствуют о росте доли респондентов, чье мнение о главном политическом лидере страны В.В. Путине изменилось в худшую сторону по сравнению с 2018 годом, например (с 16% до 36% соответственно). Падение рейтинга Президента мы фиксируем с 2015 года. В 2021 году процент негативных настроенных респондентов оказался беспрецедентно высок, что коррелирует с сокращением почти вдвое количества людей, заявивших об улучшении своего отношения к Путину (с 39% в 2018 до 19% в 2021).

В известном смысле высокий уровень персонализации власти и высокие рейтинги лиц, занимающих высшие государственные и политические должности, определяют и степень доверия к тем или иным властным институтам. Согласно результатам социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, в 2021 г. в общем рейтинге доверия лидерами в России на протяжении последних 20 лет являются Президент, Армия и Церковь, в разные годы занимающие места в первой тройке. Индикатор доверия в рамках социально-политических исследований имеет особое значение, поскольку в данной работе доверие рассматривается и как социальный капитал, и как культурный

дивосток), СЗФО (Санкт-Петербург, Ленинградская область). Полевой этап в регионах осуществляли Общество с ограниченной ответственностью «Ю. Си. Пи.аР. – Ресерч».

ресурс²⁵, обеспечивающий социальное взаимодействие в обществе и позволяющий объективно оценить уровень публичной легитимности политической системы в целом и степень развитости гражданского общества в стране.

Напротив, рейтинги органов законодательной власти, в лице Совета Федерации, Государственной Думы и политических партий демонстрировали определенную устойчивость. Можно отметить, что с 2019 года прослеживается тенденция роста доверия к определенным политическим партиям. Вероятнее всего это связано с тем что некоторые политические партии заявляли о несогласии с государственной политикой в сфере ограничений при режиме самоизоляции, резко критиковали экономические меры правительства РФ и выступили против обязательной и принудительной вакцинации населения.

Особенно активны в этой связи были партии Справедливая Россия и КПРФ, активно настаивающие на бесплатном тестировании на COVID и на антитела²⁶, а позднее данные партии выступили против принудительной вакцинации²⁷, запустив соответствующие акции в ряде регионов, что способствовало выходу людей на митинги по всей стране²⁸.

ВЦИОМ 1 октября 2021 г. опубликовал результаты опроса с представленными рейтингами доверия. Уровень поддержки и одобрения партии «Единая Россия» составил в данный пери-

²⁵ Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 445 с.

²⁶ Сергей Миронов: тестирование на антитела к COVID должно быть массовым и бесплатным // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 23 марта 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11102910> (дата обращения 15.07.2021).

²⁷ Всероссийская пресс-конференция «Особенности принудительной вакцинации. Прививаться нужно, увольняться нельзя» // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 28 июля 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11392310> (дата обращения 30.07.2021).

²⁸ Старикова М. «Нагнетается определенный психоз»: Митинг КПРФ против принудительной вакцинации кончился задержаниями // Коммерсант. 26.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (дата обращения 15.07.2021).

од 29,5%, КПРФ – 23,3%, ЛДПР – 7,6%, “Справедливая Россия – Патриоты – За правду” – 6,4% и “Новые люди” – 8,4% соответственно²⁹.

ВЦИОМ ежегодно представляет данные исследований о том, как жители Республики Крым и всей страны в целом относятся к воссоединению Крыма с Россией. Спустя 7 лет в ходе опроса ВЦИОМ 2021 г. было выявлено, что основное чувство, которое испытывают россияне от вхождения Крыма и Севастополя в состав России, это гордость (48%). Также большинство россиян оценивают присоединение Крыма к России положительно (81%) и полагают, что Крым может стать курортом мирового уровня, по мнению 62% опрошенных³⁰ (табл. 1).

Контрольная функция общественно-го мнения является распространенной в сфере властных отношений. Через данную функцию общественное мнение

требует принятия и исполнения принятых решений. Выступая в своей контрольной функции, общественное мнение является “двигателем” механизма обратной связи в политической системе, выражая требования или поддержку.

Таблица 1. Как Вы в целом оцениваете воссоединение Крыма с Российской Федерацией: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)³¹

	Крым 2019	Крым 2020	Крым 2021
Безусловно положительно	69	66	46
Скорее положительно	24	27	35
Скорее отрицательно	2	3	6
Бесспорно отрицательно	1	1	7
Затрудняюсь ответить	4	3	6

В виде полноценной концепции социальный контроль как функция общественного мнения рассматривается в рамках демоскопической теории “спирали молчания” Э. Ноэль-Нойман³². Скрытая функция общественного мнения как социального контроля, полагает учёный, целью которой является интеграция общества и обеспечение достаточного уровня согласия. В качестве примера контрольной функции можно привести оценку текущего положения дел в стране.

Защитная функция общественного мнения достаточно близка по своей сути и характеру к контрольной функции; она является частным её проявлением, когда духовно-практическая составляющая общественного мнения выражена наиболее ярко. Активность граждан в вопросах отстаивания своей гражданской позиции, прав и интересов являет-

²⁹ Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров.

Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Для данной случайной (вероятностной) выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает для данных, собранных в течение семи дней (11200 человек), 1%. Помимо ошибки выборки смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ. 1600 опрошенных. В опросе принимало участие россияне в возрасте от 18 лет. До 17 июня 2018 г. включительно опрашивалось ежедневно 1000 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ. С 18 июня 2018 г. ежедневно опрашивается 1600 респондентов. Приведено среднее значение за семь дней опроса.

³⁰ Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ–Спутник» проведен 10 марта 2021 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. Выборка извлечена из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ. См подробн. на сайте ВЦИОМ: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726>

³¹ См подробн. на сайте ВЦИОМ URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726> (дата обращения: 05.10.2021)

³² См.: Ноэль–Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996.

ся важной характеристикой гражданского общества. В Конституции Российской Федерации закреплено право каждого гражданина на защиту своих прав и свобод всеми способами, которые не запрещены законом.

Именно через защитную функцию общественное мнение служит связующим звеном между социальными умонастроениями масс и их практическими действиями. Ибо через выражение мнения, с помощью четко обозначенной позиции по насущным вопросам люди могут отстаивать собственные интересы, помимо этого защищать свои собственные права и свободы.

Коронавирусная пандемия, которая началась в начале 2020 года, определила кризисный период в развитии общества и существенно обострила социально значимые для россиян проблемы и сложившиеся в социуме противоречия. По сравнению с 2020 годом в сложилась новая тенденция вы общественного мнении и несколько уменьшилась доля тех, кто потенциально может выйти на митинг или демонстрацию и тех, кто готов взять в руки оружие, если потребуется. Ряд ученых полагает, что цифровизация может существенно влиять на протестное поведение, формы его реализации и реализацию защитной функции общественного мнения. Чаще всего речь в данном контексте идет о возможностях протестной технологии мобилизации общественного мнения и вовлечении молодежи в протестное движение. Однако, существуют основания полагать, что с распространением информационных технологий выражение политических и протестных активностей может «уходить» в виртуальное пространство с реализацией технологии формирования общественного мнения в Интернете³³. Данная тенденция приобретает особую значимость в условиях самоизоляции, в которых роль информационных и медiateхнологий стремительно возросла. Стоит отметить, что количество росси-

ян, считающих, что их интересы достаточно защищены, стало больше, чем в прошлом году, возрос и процент тех, кто для защиты своих интересов готов подписать обращение к властям³⁴.

Почти половина (43%) россиян, согласно результатам социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года, не склонны предпринимать ни одну из предложенных форм защиты своих собственных интересов. Примечательно, что в 2021 году был выявлен самый высокий уровень неготовности граждан отстаивать свои интересы³⁵. Данную пассивную позицию среди россиян можно объяснить нежеланием граждан находиться среди большого скопления людей на митингах и демонстрациях в условиях сложной эпидемиологической ситуации из-за боязни заражения коронавирусом. Однако, существуют разные мнения и ряд экспертов полагает, что напротив, окончание очередной волны коронавируса дает россиянам надежду на спокойную жизнь, что сказывается на нежелании наших сограждан выходить на митинги и демонстрации³⁶. Возможно, что в нынешней ситуации влияет и роль вероятного усиления разрозненности общества вследствие введения режима самоизоляции в 2020 году.

Следует отметить еще одну причину стремления избегать активных действий по отстаиванию своих прав, которая связана с возможным ростом страхов граждан в связи с ужесточения политического режима в стране. Подавление протестов, целая серия судебных заседаний и обвинительных приговоров после протестов в 2020–2021 гг.

³⁴ Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020.

³⁵ Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020.

³⁶ Барышева Е. 5 фактов о протестных настроениях в России в 2021 году // Deutsche Welle: [сайт]. 31 марта 2021. URL: <https://p.dw.com/p/3rNLB> (дата обращения 11.10. 2021).

³³ Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. Т. 29, No 1. С. 84–90.

(в поддержку А. Навального) не могла не отразиться на «сворачивании» протестной активности в России.

Консультативная функция укрепляет механизм взаимодействия общества и власти. Не обязывая управляющих действовать тем или иным образом, общественное мнение может в то же время выступать в качестве морально-этического ориентира работы государственных структур, выполняя консультативную функцию. Данная функция позволяет носителям власти учитывать общественные настроения и прогнозировать потенциальную реакцию общественности на принимаемые решения.

Властным органам стоит учитывать общественным мнение потому, что оно не только определяет отношение больших групп людей к тем или иным явлениям, но и регулирует их поведение и практическую деятельность. Это своего рода народная мудрость, которая может помочь властному органу в решении сложных социальных, экономических и иных проблем. «Функция общественного мнения, – утверждает Е. В. Тихонова, – обратить внимание социальной системы на те дисбалансы в её структуре, которые требуют особого отношения»³⁷. Подключение широких слоёв населения к процессу выработки и принятия политико-управленческих решений значительно усиливает их социальную легитимность, утверждает в понимании народа факт их принятия сообща, всем миром.

Директивная функция общественного мнения подразумевает под собой, что общественное мнение народных масс может диктовать, предписывать органам социального управления; выносить решение по тем или иным проблемам общественной жизни, имеющим императивный характер. Данная функция проявляется себя, когда решение кардинальных вопросов государственной и общественной жизни выносятся на всенародное голосование (*ре-*

ферендум) и при проведении избирательных кампаний, когда люди делают свой политический выбор и определяют лицо новой власти. На всенародном голосовании, итоги которого являются обязательными, и при проведении избирательных кампаний императивный характер выраженного общественного мнения вытекает из конституционного населения народа ролью верховного суверена и главного источника власти.

Именно в ходе выборов (как процедуры легитимации власти) реализуется директивная функция общественного мнения. Однако все это справедливо только в том случае, если выборы (включая предвыборную кампанию и непосредственный процесс голосования) не превращаются в формальную процедуру, лишённую реального политического содержания, и не фальсифицируются. *В качестве примера* можно привести выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва, которые состоялись в период 17–19 сентября с завершением в единый день голосования 19 сентября 2021 года. По итогам обработки 100% итоговых протоколов в Госдуму VIII созыва прошли пять партий и три непарламентских партии представлены в ней одномандатниками.

В результате «Единая Россия» несколько ухудшила свои показатели по сравнению с 2016 годом, однако сохранила большинство, набрав по партиям 49,8% (рис. 1).

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ ПО СРАВНЕНИЮ С ПРОШЛЫМИ ВЫБОРАМИ (%) ДАННЫЕ ЦИК РФ НА 20:00 20 СЕНТЯБРЯ.

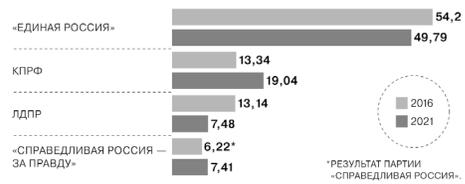

Рис. 1.

Источник: URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10.2021).

³⁷ Тихонова Е.В. Общественное мнение и управление социальными процессами в современном российском обществе. М.: Дело, 2000. С. 42.

Более того, Единая Россия провела в Госдуму сразу 198 одномандатников (всего ее кандидаты были зарегистрированы в 217 округах из 225). В итоге партия Единая Россия получила на 19 мест меньше, чем по итогам думских выборов 2016 года: 324 места из 450. Вместе с тем, она провела в Госдуму сразу 198 одномандатных депутатов (всего ее кандидаты были зарегистрированы в 217 округах из 225). Партия КПРФ соответственно провела 9 одномандатных депутатов, «Справедливая Россия – За правду» – 8 одномандатных депутатов и партия ЛДПР – 2 одномандатника (рис. 2).

Рис. 2.

Источник: URL: http://www.cikrf.ru/analogue/ediny-den-dolosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10.2021).

Явка избирателей на выборах в Госдуму 2021 составила 51,7% против 47,9% на думских выборах 2016 года (рис. 3).

Рис. 3.

Источник: URL: http://www.cikrf.ru/analogue/ediny-den-dolosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10.2021).

Однако, результаты выборов депутатов Государственной думы Феде-

рального собрания Российской Федерации VIII созыва и данные условия позволяют утверждать что сложившаяся модель рекрутирования политической элиты является мало-альтернативной и имеет застойный характер с отсутствием включения в список селектора новых людей. Несменяемость власти на федеральном, региональном и местном уровне в политических партиях снижает конкурентность политического процесса в стране, не способствует легитимности органов власти и развитию гражданского общества.

В качестве примеров референдумов, в которых напрямую реализуется директивная функция, можно привести референдум в Крыму о статусе автономии, который состоялся 16 марта 2014 г. Также ярким примером является референдум в Англии по случаю выхода Великобритании из ЕС («Брексит»).

Возможности познавательной функции «определяются синтезом теоретического и обыденного сознания, выражающим гносеологическую природу общественного мнения»³⁸. Все функции общественного мнения органично взаимосвязаны. За каждой из названных функций стоит реальная практика функционирования общественного мнения. Все они в той или иной мере несут в себе регулятивный и воспитательный заряд и в итоге интегрируются в единую регулятивно-воспитательную функцию.

Рассмотрев комплексную характеристику общественного мнения как социологической категории и его функции, можно прийти к выводу о том, что общественное мнение является важным и неотъемлемым фактором политической жизни. Оно имеет целый арсенал способов воздействия на властные институты – от простого одобрения или неодобрения до диктования институтам власти и управления путей и способов проведения политики, решения конкретных проблем. Дальнейшее исследование проблемы общественного мнения в структуре механизма функ-

³⁸ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. С. 222.

ционирования социально-политических систем требует раскрытия роли и места общественного мнения в механизме “обратной связи” функционирования политических систем.

Литература

- Барышева Е. 5 фактов о протестных настроениях в России в 2021 году // Deutsche Welle: [сайт]. 31 марта 2021. URL: <https://p.dw.com/p/3rNLB> (дата обращения 11.10. 2021).
- ВЦИОМ: Теракт в Санкт-Петербурге: первые оценки. // Пресс-выпуск № 3350. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116155> (дата обращения: 05.02.2021 г.).
- ВЦИОМ URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726> (дата обращения: 05.10.2021)
- Всероссийская пресс-конференция «Особенности принудительной вакцинации. Прививаться нужно, увольняться нельзя// Официальный сайт партии “Справедливая Россия”. 28 июля 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11392310> (дата обращения 30.07.2021).
- Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб.: ИСЭП, 1995. – 235 с.
- Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: Учебн. Пособие для вузов. М.: ФГАНУ “Центр социологических исследований”, Институт социологии РАН, 2003. – 312 с.
- Игнатовский Я.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 84–90.
- Коробейников В.С. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции. М.: Молодая гвардия, 1981. – 222 с.
- Нозль–Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия; Весь Мир, 1996. – 352 с.
- Падерин В.К. Общественное мнение в политической системе советского общества. М.: Знание, 1987. – 127 с.
- Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Издательство Юрайт, 2015. – 623 с.
- Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
- Рукавишников В.О. Рационально ли общественное мнение по вопросам экологии // СОЦИС. 1994. № 1.
- Сергей Миронов: тестирование на антитела к COVID должно быть массовым и бесплатным // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 23 марта 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11102910> (дата обращения 15.07.2021).
- Старикова М. «Нагнетается определенный психоз»: Митинг КПРФ против принудительной вакцинации кончился задержаниями// Коммерсант. 26.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (дата обращения 15.07.2021).
- Тихонова Е.В. Общественное мнение и управление социальными процессами в современном российском обществе. М.: Дело, 2000. – 318 с.
- Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. – 391 с.
- Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. URL: <https://readtiger.com/terme.ru/slovari/filosofskii-enciklopedicheskii-slovar1.html> (дата обращения: 05.03.2021).
- Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 445 с. URL: http://www.cikrf.ru/analogue/ediny-dengolosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения 11.10. 2021).

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF PUBLIC OPINION IN POLITICS

Singaevskaya M.V.

Lomonosov Moscow State University

In the analysis of the structure and functions of public opinion, we will adhere to the dynamic concept of M.K. Gorshkov. In the concept of M.K. Gorshkov, public opinion is a “system, and the system is integral, dynamic, expedient.” This approach to the definition of public opinion allows in this article to consider its essential structure and manifestation of functions in politics. Having considered the complex characteristics of public opinion as a sociological category and its functions, one can come to the conclusion that public opinion is an important and integral factor in political life. It has a whole arsenal of ways to influence government institutions – from simple approval or disapproval to dictating to the institutions of power and management the ways and means of conducting policy, solving specific problems.

Keywords: public opinion, structure of public opinion, object of public opinion, subject of public opinion, functions of public opinion in politics.

References

1. Barysheva E. 5 facts about protest moods in Russia in 2021 // Deutsche Welle: [website]. March 31, 2021. URL: <https://p.dw.com/p/3rNLB> (accessed 10/11/2021).
2. VTsIOM: Terrorist attack in St. Petersburg: first assessments. // Press release No. 3350. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116155> (date of access: 02/05/2021).
3. VTsIOM URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10726> (date of access: 05.10.2021)
4. All-Russian press conference “Peculiarities of compulsory vaccination. You need to be vaccinated, you can’t quit // Official website of the Just Russia party. July 28, 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11392310> (accessed 07/30/2021).
5. Gavra D.P. Public opinion as a sociological category and social institution. St. Petersburg: ISEP, 1995. – 235 p.
6. Gorshkov M.K. Public Opinion: History and Modernity. M.: Politizdat, 1988. – 383 p.
7. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Applied sociology: Textbook. Allowance for universities. M.: FGANU “Center for Sociological Research”, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2003. – 312 p.
8. Ignatovsky Ya.R. The role of digitalization in the transformation of Russian political protest // Power. 2021. Vol. 29, No. 1. pp. 84–90.
9. Korobeinikov V.S. Pyramid of opinions. Public opinion: nature and functions. M.: Young Guard, 1981. – 222 p.
10. Noel-Neumann E. Public opinion. The opening of the spiral of silence. Moscow: Progress-Academy; All World, 1996. – 352 p.
11. Paderin VK Public opinion in the political system of the Soviet society. M.: Knowledge, 1987. – 127 p.
12. Political sociology: textbook / ed. J.T. Toshchenko. M.: Yurait Publishing House, 2015. – 623 p.
13. Rakitov A.I. Historical knowledge: system-epistemological approach. M.: Politizdat, 1982. – 303 p.
14. Rukavishnikov V.O. Is public opinion on environmental issues rational? // SOCIS. 1994. No. 1.
15. Sergei Mironov: testing for antibodies to COVID should be massive and free // Official website of the Just Russia party. March 23, 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11102910> (accessed 07/15/2021).
16. Starikova M. “A certain psychosis is being pumped up”: the CPRF rally against forced vaccination ended in arrests // Kommersant. 06/26/2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (accessed 07/15/2021).
17. Tikhonova E.V. Public opinion and management of social processes in modern Russian society. M.: Delo, 2000. – 318 p.
18. Uledov A.K. Public opinion of the Soviet society. M.: Sotsekgiz, 1963. – 391 p.
19. Philosophical encyclopedic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1989. URL: <https://readtiger.com/terme.ru/slovvari/filosofskii-enciklopedicheskii-slovar1.html> (date of access: 03/05/2021).
20. Sztompka P. Trust is the basis of society. M.: Logos, 2012. 445 p. 21. URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (Accessed 11.10.2021).

Интеграция в полиэтническом обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы

Волков Юрий Григорьевич,

доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, научный руководитель Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Курбатов Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: kurbashy@list.ru

Хунагов Рашид Думаличевич,

доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем АГУ
E-mail: khunagov-rd@mail.ru

В данной статье обсуждаются проблемы этнической интеграции в полиэтническом обществе, которые имеют место на фоне глобальных мировых процессов. Показано, что интеграция осуществляется разными путями, целью которой является формирование культурного плюрализма, что реализуется посредством таких моделей, как бикультурализм, мультикультурализм, интеркультурализм, транснационализм и путь межкультурного развития. Дается характеристики мультикультурализма, являющегося альтернативой бикультурализму, выявляются его ограниченности. Как один из путей этнической интеграции рассматривается интеркультурализм, включающий в себя три взаимосвязанных элемента: межкультурный диалог, гибкость идентичности и чувство единства, рассматриваемый как альтернатива мультикультурализму. Адепты этого пути интеграции называют интеркультурализм новой идеологией этнической интеграции, а критики называют интеркультурализм «пост-мультикультурализмом» и всего лишь модификацией мультикультурализма. Рассматривается новый тренд этнической интеграции в виде транснационализма, который реализует идею создания публичного пространства и расширяет концепцию культурной интеграции, при этом гражданство становится правом страны проживания. Рассматриваются плюсы и минусы полиэтничности, как в виде ресурса развития, так и в виде этнической сегрегации, межэтнического напряжения и межэтнических кон-

фликтов. Формируется новый тренд в виде государственно-гражданской интеграции, которая является основой формирования гражданско-государственной (национально-гражданской) идентичности, для которой требуются необходимые условия (адекватная государственная национальная политика, переосмысление в научном и публичном дискурсе сущности редуцирования этнической розни и социальной дифференциации в государственно-гражданское единство) и достаточные условия, которые реализуются на уровне социальных чувств (которым относятся чувства социальной справедливости, чувства подлинного социального равенства и равноправия, чувства ответственности, подлинного реального равенства перед законом). Только в единстве необходимых и достаточных условий может сформироваться представление о подлинном гражданско-национальном единстве, без чего реальный процесс национально-этнической интеграции в полиэтническом обществе в принципе не может быть реализован. Обсуждение указанных вопросов формируют проблемные узлы научного исследования.

Ключевые слова: интеграция, полиэтничность, бикультурализм, мультикультурализм, интеркультурализм, транснационализм, государственно-гражданская интеграция, национально-гражданская идентичность.

Актуальность темы исследования

Процессы этнической интеграции имеют место на фоне глобальных мировых процессов, которые оказывают значительное влияние на них. К числу таких глобальных процессов нужно отнести прежде всего мировое миграционное движение, которое трансформировалось за последние годы в глобальную миграцию. Многие миграционные потоки являются двунаправленными или даже разнонаправленными. Примером этого являются миграционные потоки из Узбекистана в Россию и Казахстан или из Украины в Россию, ЕС и Турцию. Анализ показывает, что эти двух- или трехсторонние процессы охватывают большое количество разных стран в различных континентальных регионах.

Такие зарубежные исследователи, как Р. Виллемс, Х. Клерк, К. Тиммерман и К. Хеммерхтс отмечают, что возник новый динамический многополярный миграционный порядок и новая миграционная политика, связанная с новыми визовыми правилами, новые типы прав, которые определяют права мигрантов [1]. Д. Странджио и А. Де Роуз утверждают, что глобализация миграции с необходимостью выводят к жизни новые модели миграции [2].

Все это, по мнению Ф. Дювелла, характеризует возникновение нового социального порядка миграции, который реализуется на макроуровне. Это затрагивает самые разные социальные институты, такие как институты гражданского общества, семья, церковь, институты образования, правопорядка и СМИ, а также тесно связано с экономикой в целом и, политикой. Этот новый социальный порядок миграции выражается институциональной моделью, которая является структурированной, регулярной, включающей в себя отношения между государствами и отношения индивидов с государствами [3].

Концепция глобального миграционного порядка дополняет демографические, экономические и политические порядки и, как отмечают такие зарубежные исследователи, как Дж. Аран-

до, Х. Грэме, Д. Массей, А. Коаюси, А. Пеллегрини и Э. Тэйлор, выражаются моделями факторов макро-, мезо- и микроуровня, что способствует более полному анализу структурированного, регулярного, шаблонного поведения и взаимодействия между людьми, коллективами или организациями. Вывод, который делают указанные авторы таков: глобальная миграция является процессом не этническим, а социальным, экономическим и политическим. [4]. Глобальная миграция и новый социальный порядок, характеризующий новые типы отношений и реализующийся в различных моделях миграции, исследование которых также представляет значительный исследовательский интерес. Исследование этнической интеграции с учетом глобального миграционного порядка является актуальной теоретической и практической задачей.

Степень научной разработанности

Разработанность данной темы научного исследования связана с обсуждением сущности интеграции и путей ее реализации. Под интеграцией, как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, такие как Ж.А. Мингалева, И.О. Сорокина, Н.С. Тумаков, Л.А. Тыбылгинова, С.С. Чернов, С.Д. Баргер, Л.Ф. Беркман, Дж. Холь-Лунстад, М. Крисан, К. Картер, М. ван Лонден и другие, понимается процесс, посредством которого осуществляется объединение в некоторое единое целое отдельных частей или элементов, при этом указанные части или элементы прекращают свое обособленное состояние [5]. Применительно к полиэтническому обществу, процесс интеграции может осуществляться разными путями. Один из них – это ассимиляция (от лат. *assimilation* – употребление, слияние, усвоение), которая выражается в процессе слияния одного народа с другим, при этом один из народов обычно полностью или частично утрачивает свой язык, культуру и свое национальное самосознание.

Это, как отмечают исследователи, такие как Т.А. Рябиченко, Н.М. Лебедева, Р.М. Контини, процесс взаимопроникновения и слияния, который может

быть опережающей (реализующийся за счет большинства), вытесняющей (вытеснение национального меньшинства с некоторой территории) и конверсионной (реализующейся за счет смены идентичности ее носителями). Ассимиляция – это одна из форм аккультурации, вернее, это крайняя форма аккультурации, в соответствии с чем, происходит полное усвоение ценностей другой культуры и отказ от собственных норм и ценностей, целью которой является культурный плюрализм [6].

Культурный плюрализм как один из путей этнической интеграции содержится в себе целый спектр векторов, таких как бикультурализм, мультикультурализм, интеркультурализм и путь межкультурного развития. Термин «мультикультурализм» впервые вошел в обиход в 1960-х годах. Мультикультурализм, как характеризует его Р. Брубакер, был своеобразным вызовом национальному единству [7]. Т. Модуд считает, что мультикультурализм выступает как расширение концепции национального гражданства и национализма, называя данную идеологию «мультикультурным национализмом», который выражает возможность приспособиться к политической суверенности [8].

К важнейшим принципам мультикультурализма, как отмечает Г. Терборн, относятся следующие:

- признание культурного плюрализма как нормы современного демократического общества;
- гарантии индивидам и группам сохранения культурной идентичности и особенностей;
- недопущение дискриминации по культурным различиям;
- государственное и общественное противодействие ксенофобии [9].

Мультикультурализм стал своеобразной альтернативой бикультурализму, который выражает состояние наличия или наследования двух или более культур. Культуру в этом контексте определяли, как усвоенную систему смыслов, значений и поведенческих для определенной социальной группы. Бикультурализм, как отмечают

В. Бенет-Мартинец и Дж. Харитатос, в свою очередь заменил термин «культурный плюрализм» [10]. Как отмечают М. Веркуйтен, К. Югесварен, К. Мефан и С. Спронг, бикультурализм может включать в себя разные социальные чувства, среди которых чувство гордости, чувство особенности и уникальности, а также чувство общности и культурной истории. Но вместе с тем эти чувства включают в себя некоторую путаницу в формировании идентичности, поскольку на основе указанных чувств возникают двойные или даже множественные ожидания в процессе идентификации и способность предупреждать конфликты этнических ценностей [11].

На этой основе возникает идея межкультурного диалога, который, по словам И.Б. Пенаса и М.К. Лопеса-Саенца, является основой новой идеологии этнической интеграции, а именно, интеркультурализма. Интеркультурализм, по словам указанных авторов, ищет выхода из сложившегося положения, в результате чего возникает феномен множественности культур [12]. Но у такой новой идеологии этнической интеграции как интеркультурализм, есть и свои оппоненты. Так, Джеральд Деланти полагает, что интеркультурализм может в той или иной форме включать в себя мультикультурализм [13].

В настоящее время, на что обращают внимание М. Баррет, Н. Меер, Т. Модуд, и Р. Сапата-Барреро, идут оживленные дебаты относительно сходства и различия мультикультурализма и интеркультурализма [14]. Так, защитники интеркультурализма, в частности, Г. Бушар утверждает, что это новая идеология заявляют, что интеркультурализм избегает многих ловушек, связанных с мультикультурализмом [15], в то время как, критики этой новой идеологии, например, Т. Кэнтл, утверждают, что разница между интеркультурализмом и мультикультурализмом сильно преувеличена и интеркультурализм – это всего лишь модификация мультикультурализма [16]. С другой стороны, концепция интеркультурализма, соглас-

но Р. Сапате-Барреро, является «пост-мультикультурализмом» [17].

Интеркультурализм включает три взаимосвязанных элемента: межкультурный диалог, гибкость идентичности и чувство единства и предлагается как альтернатива мультикультурализму в том плане, что последний, по словам Г. Гудхарта, К. Джопке и Э. Сену, является основой формирования плюралистической монокультурности, которая связана с достаточно неопределенной идентичностью, в то время как интеркультурализм является идеологией создания межгрупповой гармонии в обществе, которая характеризуется сверхразнообразием, основанной на двойной идентичности [18]. При этом мультикультурализм в основном имеет отношение к идентичности меньшинств и их прав, в то время, как интеркультурализм, отмечают Г. Бушар и К. Тейлор, ориентируется и на права большинства [19]. Анализ соотношения и оценка таких путей этнической интеграции, как бикультурализм, мультикультурализм, интеркультурализм, транснационализм, является важным проблемным узловым пересечением исследовательского интереса.

Для различных путей этнической интеграции присущи различные тенденции, или, как их сегодня принято называть, различные тренды. Можно выделить несколько основных тенденций этнической интеграции: а) ускорение, согласно которой миграция приобретает массовый характер; б) многообразие форм, тенденция, согласно которой миграция характеризуется многообразием типов; в) глобализация, согласно, чему миграция становится общемировой; г) феминизация, которая характеризует рост числа женщин среди мигрантов. Различные пути и тенденции интеграции формируют важный проблемный узел, который требует своего исследования.

Согласно тому, что отмечают такие исследователи как Ф.Ф. Пароникьян, П. Вудс и Э. Гругеон, наряду с процессами интеграции имеют место и процессы дезинтеграции, в соответствии

с чем дезинтеграция приводит к понижению уровня межэтнического взаимодействия. Характеризуя процесс дезинтеграции как отрицательный процесс, поскольку он способствует ослаблению этнических традиций, а с другой – он является основанием трансформации национально-этнической солидарности в солидарность транснациональную, указанные авторы оценивают этническую дезинтеграцию как один из современных трендов [20]. Соотношение интеграции и дезинтеграции также формируют соответствующий проблемный узел.

Цель исследования

Целью исследования в настоящей статье является осмысление путей интеграции в полиэтничном обществе, выявление основных трендов интеграции и выявление тех узловых проблем, которые возникают на этом пути, в частности, осмысление глобальной миграции и нового социального порядка, который характеризует новые типы отношений, реализующиеся в различных моделях миграции, Целью исследования является выявление, анализ соотношения и оценка таких путей этнической интеграции, как бикультурализм, мультикультурализм, интеркультурализм, транснационализм, что выступает важным проблемным узловым пересечением исследовательских интересов. Важной целью является также выявление и характеристика плюсов и минусов полиэтничного общества как ресурса развития общества в форматировании необходимых и достаточных условий для формирования представлений о подлинном гражданско-национальном единстве, без чего реальный процесс национально-этнической интеграции в полиэтничном обществе в принципе не может быть реализован.

Авторская гипотеза

Процессы этнической интеграции имеют место на фоне глобальных мировых процессов, они затрагивают самые разные социальные и государственные институты, институты гражданского общества, семью, церковь, институты образования,

правопорядка и СМИ, при этом возникает новый социальный порядок, который определяет процессы интеграции, которые реализуются разными путями, такими как бикультурализм, мультикультурализм, интеркультурализм, транснационализм и путь межкультурного развития, которые имеют свои особенности, свои достоинства и свои недостатки, образуя новые тренды. Новый тренд реализуется в виде государственно-гражданской интеграции, являющийся основой формирования гражданско-государственной (национально-гражданской) идентичности. Для его полноценного воплощения требуются необходимые условия (адекватная государственная национальная политика, переосмысление в научном и публичном дискурсе сущности редуцирования этнической розни и социальной дифференциации в государственно-гражданское единство) и достаточные условия, которые реализуются на уровне социальных чувств (которым относятся чувства социальной справедливости, чувства подлинного социального равенства и равноправия, чувства социальной ответственности, подлинного реального равенства перед законом). Только в единстве необходимых и достаточных условий может сформироваться представление о подлинном гражданско-национальном единстве, без чего реальный процесс национально-этнической интеграции в полиэтничном обществе в принципе не может быть реализован. Обсуждение указанных вопросов формируют проблемные узлы научного исследования.

Методология исследования

Методологией настоящего исследования, равно как и выявленных проблемных узлов являются системные методы оценки институциональных характеристик процессов интеграции в полиэтничном обществе, комплексная характеристика и оценка научно-теоретического дискурса в виде различных концепций интеграции, публичного дискурса в виде масс-медийных практик и обобщение полученных результатов посредством выделения, сравнения, оценки и концеп-

туализации тенденций трансформации интеграционных процессов под действием глобальных изменений, вызванных формированием нового миграционного социального порядка.

Обсуждение

Характеризуя новые тренды этнической интеграции в полиэтничном обществе, Джейн Джекобс, канадско-американская писательница, активистка, теоретик городского планирования и одна из основоположниц движения нового урбанизма на примере городов США установила положительную корреляцию между «процветанием» города и «городским разнообразием». Среди факторов, влияющих на городское разнообразие, она выделяет в городе наличие высокой концентрации разных по социальным и национально-этническим характеристикам людей [21]. Выявление качественных и количественных маркеров соотношения динамики социального развития и этнического разнообразия указывают еще на один проблемный узел.

Соответственно, это ставит проблему выделения факторов и ресурсов этно-интеграции, которая в условиях полиэтничного общества может рассматриваться под разными углами зрения. С одной стороны, социальное разнообразие, включающее в себя полиэтничное разнообразие, является важными ресурсами и факторами динамичности его развития. С точки зрения таких отечественных исследователей, как И.Б. Бритвина, Г.А. Савчук, А.М. Бритвин, С.А. Жбанкова, В.Н. Найденко, В.В. Перская и зарубежных авторов таких, как И. Делaporte, Т. Модуд и других, является важным фактором этнической толерантности [22]. И если полиэтничное разнообразие выступает фактором этнической толерантности, то это тоже указывает на проблемный узел, исследование которого является важным и интересным.

Но есть и другая сторона этнической интеграции, которая имеет негативную коннотацию и выражается в самых разных, порою деструктивных последствиях. В частности, это выражается

формировании устойчивых этнических сепарациях, этнических диаспорах, а в крупных городских агломерациях в формировании так называемых «этнических кварталов». Это отмечает и автор теории аккультурации Дж. Берри, и отечественные исследователи, разрабатывающие методологический инструментарий такие, как З.Х. Лепшакова, Маркова С.Д., А.Н. Татарко [23].

Устойчивые этнические сепарации являются почвой для формирования межэтнического напряжения и межэтнических конфликтов. Этническая сепарация и конфликтогенность этнических диаспор, как отмечают такие отечественные исследователи, как В.А. Авксентьев, И.О. Бабкин, Н.П. Медведев, В.К. Полуянов, А.Ю. Хоц, В.В. Шнюков и другие, характеризуется тем, что они обусловлены зависимостью от сочетания различных социально-экономических факторов, таких как безработица, жизненно-бытовые условия, коррупция, этническая преступность. Свою роль играют социокультурные и социально-психологические факторы, в частности, культурная дистанция, языковые барьеры, негативные этно-национальные стереотипы и установки, которые создают следующий проблемный узел, который должен быть на острие исследовательских интересов [24].

Интеграция в полиэтническом пространстве приводит исследователей к новому проблемному узлу, «развязывание» которого связано с множеством понятий. Полиэтничность является существенным фактором развития многих государств в современном мире, которая проявляется в результате совместного существования многих народов, включая коренные народы и иммигрантов. Соответственно этому, современная полиэтничность тесно связана с глобальной миграцией. Полиэтничность как выражение глобальной миграции существенно влияет на внутреннее развитие многих стран такими способами, как социальное и социокультурное взаимодействие, которое характеризуются конкретными соци-

альными отношениями, относительной социальной близостью и конкретным практическим взаимодействием людей из разных этнических групп в пределах одной страны.

Полиэтничность есть сложное социальное явление, которое можно и нужно рассматривать с разных точек зрения. С одной стороны, полиэтничность может приводить к развитию социального и культурного капитала, что является результатом совместной экономической и этнокультурной деятельности различных этнических групп в принимающем обществе и укреплении отношений между ними. Но с другой стороны, это может приводить к этническому сепаратизму, росту напряженности, межэтническим конфликтам и ухудшению экономических условий в стране проживания.

Полиэтничность, как отмечает А. Хеаз, есть социальный феномен, который характеризуется тем, что в обществе наличествуют многообразные этнические и культурные группы, которые могут иметь социокультурное сходство и географическую близость ввиду диффузии культур посредством общей истории, религии и языка, который является важным средством порождения, поддержания и передачи этнической культуры из поколения в поколение [25].

Этническая сепарация и этнические диаспоры в процессе интеграции в полиэтническом обществе неизбежно выводят нас на понятие «культурный национализм». Культурный национализм, по мнению Елизабет Бишоп, – это социокультурное движение, ориентированное на возрождение национального сообщества, которое является как бы «предполитическим движением» и выступает как вспомогательное средство по отношению к ориентированному на государство национализму, что не исключает формирование этно-национальной идентичности и вдохновляет скорее коммунитарное, чем государственное видение политического порядка [26].

Как отмечает Марианна Хоровитц, культурные националисты акцентируют

внимание не на этнической принадлежности, а на этническую традицию, этническое наследие и этническую культуру. Это, по ее мнению, вводит в дискурс о полиэтническом обществе такие понятия, как «культурный национализм с национальным государством или без него», «культурный национализм и права человека», «модернизация культурного национализма», «культурный национализм, национальный язык и религия» и т.п. [27]. Как пишут в широко известной «Энциклопедия расы, этнической принадлежности и национализма Вили Блэквелла», термин «культурный национализм» относится к движениям групповой преданности, основанным на общем наследии, как в языке, истории, литературе, песнях, религии, идеологии, символах, земле или памятниках [28].

Интеркультурализм, по мнению М.К. Лопеса Саенца и И.Б. Пенаса – это выход за пределы обычного и пассивного факта принятия множественности культур, что свойственно мультикультурализму, и это способствует созданию межкультурного диалога [29]. В связи с этим возникла новая идеология, выросшая на противопоставлении мультикультурализма и интеркультурализма в виде поликультурности. Поликультурность как новая идеология основывается на взаимодействии и взаимосвязи между этносами, а не акценте на принадлежности к этническим группам. По мнению С. Леви и Л. Розенталя, именно это является реальностью межкультурных связей [30].

Указанные пути этнической интеграции формируют новый тренд, а именно, как отмечает Р. Касторьяно, транснационализм, который реализует идею создания публичного пространства и расширяет концепцию культурной интеграции. Транснационализм делает акцент на двойном гражданстве. Гражданство становится правом страны проживания. Это, по его мнению, осуществляется за счет формирования «политики диаспоры», как некоторого способа политики поддержания лояльности граждан «за границей» [31]. Та-

ким образом, транснационализм ставит проблему о национальном публичном пространстве. Соответственно, это расширяет культурную интеграцию порождает идею нетерриториальной государственности, что в какой-то мере соответствует тенденциям глобализации.

Результаты

Процессы интеграции в полиэтническом обществе имеют место на фоне глобальных мировых процессов, они затрагивают самые разные социальные институты, институты гражданского общества, семью, церковь, институты образования, правопорядка и СМИ, при этом возникает новый социальный порядок, который определяет процессы интеграции, которые реализуются разными путями.

В качестве путей реализации интеграции в полиэтническом обществе выявлены и оценены, как имеющие свою специфику, достоинства и недостатки, такие как бикультурализм, мультикультурализм, интеркультурализм, транснационализм и путь межкультурного развития.

Интеграция в полиэтническом обществе имеет свои результаты формирования такого качества, которое называют идентичностью, под которой понимается социальная категория, характеризующая атрибуцию членства некоторой социальной группы. Данные атрибции применительно к полиэтническому обществу связываются, как правило, с происхождением (генетически приобретенные качества, например, цвет кожи, пол, тип волос, цвет глаз), атрибуции, приобретенные через культурное и историческое наследие (имя, язык, место рождения и происхождение родителей и предков), или приобретенные в процессе персональной жизни, такие, как маркеры подобного наследования, например, фамилия или некоторые родовые или племенные маркеры.

При этом идентичность имеет многоуровневый характер, включая в себя лично-индивидуальные маркеры, маркеры, связанные с образом жизни, территорией проживания, профессией, социальным положением и со-

циальным статусом, социальными отношениями и политикой, определяющей формы адаптации, ассимиляции и аккультурации и даже с формально-бюрократическими форматами, определяющими гражданство, налогообложение и другие формы включенности индивида в общество. Обобщая сказанное, можно отметить, что весь процесс идентификации включает в себя личную самоидентификацию, идентификационную рефлексивность, включающую в себя самопредставление, самоопределение, самопрезентацию, групповую этническую идентификацию, витальную (жизненную) идентификацию, общественную социокультурную идентификацию и формально-бюрократическую государственную идентификацию. Это является основанием для того, чтобы такие исследователи, как Г. Вурзер, К. Коварик, Х. Решрейтер и другие говорили о том, что в процессе интеграции в полиэтничное общество, индивиды приобретают многоуровневую и множественную идентичность [32].

Новым трендом интеграции в полиэтничном обществе является государственно-гражданская интеграция, являющаяся основой формирования гражданско-государственной (национально-гражданской) идентичности. Ее в виде альтернативы транснационализму, как выражению нетерриториальной государственности, выявила и оценила такой отечественный исследователь, как Л.М. Дробышева. По ее мнению, гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность еще только формируется в современном российском обществе. Гражданско-государственная идентичность – это не только лояльность к РФ, это прежде всего, создание условий, чтобы человек ощущал себя гражданином, отождествлял себя не только с этнической группой, а со всеми согражданами. Этого можно добиться только тогда, когда возникает чувство личной и социальной ответственности за страну, за ее судьбу [33].

Гражданская идентичность или государственно-гражданская иден-

тичность, (национально-гражданская идентичность) есть индивидуальная атрибуция принадлежности к общности граждан конкретного государства. Структура гражданской идентичности, как отмечают, например, И. Петровска и И.Г. Томарева, включает в себя три основных элемента:

- когнитивный – знание о принадлежности к данной социальной общности;
- ценностный – наличие позитивного или негативного отношения к факту принадлежности;
- эмоциональный – принятие или непринятие гражданской общности.

Для формирования гражданско-государственной (национально-гражданской) идентичности недостаточно решения данных проблем на локальном (региональном) уровне. Это должно найти свое выражение прежде всего на уровне государственной национальной политики, т.е. это проблемы национально-государственного законодательного уровня. Но необходимо и изменить публичный дискурс, в котором должны быть переосмыслены такие понятия, как «гражданская общность», «российская нация», «российское гражданство», «народ России», что даст возможность сформировать в публичной сфере понятие национально-гражданской общности, а это должно позволить редуцировать этническую рознь и социальную дифференциацию в государственно-гражданское единство, сохраняющее существующее национальное и этническое разнообразие.

Решение данной проблемы, а именно, осуществления национально-этнической интеграции в полиэтничном современном российском обществе должно быть осмыслено научно-теоретически и реализовано практически на законодательном и дискурсивно-публичном уровне, как оптимальное соотношение традиционного и модернизационного, локального и глобализационного путей развития. Представляется, что решение данной проблемы только на институциональном (го-

сударственническом) уровне, только на публичном уровне в виде формирования нового публичного дискурса, в том числе дискурса СМИ и государственной пропаганды, а также только на когнитивном уровне в виде научно-теоретического осмысления, является необходимым условием проблемы, но не достаточным.

Требованиям достаточности отвечает экспозиция данной проблемы на аффективном уровне, на уровне социальных чувств, к которым относятся чувства социальной справедливости, чувства подлинного социального равенства и равноправия, чувства личной и социальной ответственности, подлинного реального равенства перед законом. Это социально-психологический уровень решения проблемы, уровень социальных впечатлений, уровень индивидуальных и массовых социальных эмоций. Только в единстве необходимых и достаточных условий может сформироваться представление о подлинном гражданско-национальном единстве, без чего реальный процесс национально-этнической интеграции в полиэтническом обществе в принципе не может быть реализован. Обсуждение указанных вопросов формируют проблемные узлы научного исследования.

Литература

1. Timmerman, C., Clerck, H.M.L., Hemmerchts, K., Willems, R. Imagining Europe from the outside: The role of perceptions of human rights in Europe in migration aspirations in Turkey, Morocco, Senegal and Ukraine. In N. Chaban, & M. Holland (Eds.), *Communicating Europe in times of crisis*. London: Palgrave Macmillan. 2014. – pp. 220–247.
2. Strangio, D., De Rose, A. A new Italian migration toward Australia: Evidences from the last decade and associations with the recent economic crisis. In F. Fauri (Ed.), *The history of migration in Europe* Abington: Routledge. 2015, – pp. 194–213.
3. Düvell F. Shifts in the global migration order and migration transitions in Europe: the cases of Turkey and Russia // *Comparative Migration Studies*. 2020. Vol. 8 (1), № 45, – 22 P. DOI:10.1186/s40878-020-00204-2
4. Massey, D., Arango, J., Graeme, H., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. *Theories of international migration: a review and appraisal // Worlds in motion. Population and Development Review*. Oxford: OUP. 2008. Vol. 19, No. 3 – pp. 431–466 <http://www.jstor.org/stable/2938462>. DOI: 10.2307/2938462 Corpus ID: 42915284
5. Сорокина И.О. Теоретические основы понятия «интеграция» и принципа ее осуществления // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2008, № 4. – С. 3–6. <http://dis.ru/library/manag/archive/2008/2/4931.htm>; Табылгинова, Л.А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» // *Ученые записки ЗабГГПУ. Горно-Алтайск*, 2011. – С. 196–204; Тумаков, Н.С. Понятие и сущность интеграции: гетерогенные представления // *Проблемы современной экономики: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 1 / Под общ. ред. Ж.А. Мингалева, С.С. Чернова*. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. – С. 38–43; Barger S.D. Social integration, social support and mortality in the US National Health Interview Survey. *Psychosom Med*. 2013, № 75, – pp. 510–517.; Berkman L.F., Glass T., Brissette I., Seeman T.E. From social integration to health: Durkheim in the new millennium. *Social Science Med*. 2000, № 51(6), – pp. 843–857.; Holt-Lunstad *Jornal Social Integration // https://doi.org/10.1161/circresaha.116.309443* (Date of appeal – 3.10.2019).; Krysan, M., Carter, C., van Londen, M. The diversity of integration in a multiethnic metropolis // *Exploring What Whites, African Americans, and Latinos Imagin*. Published online by Cambridge University Press. 2016. Vol. 14. Issue 1. 22 November.

6. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. (2016). Ассимиляция или интеграция: сходства и различия между аккультурационными установками мигрантов из Центральной Азии и русских в Центральной России. Психология в России: современное состояние, 2016. № 9 (1), с. 98–111; Contini R.M. New Generations and Intercultural Integration in a Multi-ethnic Society // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 16, pp.1819–1829.
7. Brubaker, R. Ethnicity without groups // Archives Européennes de Sociologie, 2002. Vol. 43(2), – pp.163–189.
8. Modood, T. Must Interculturalists misrepresent multiculturalism? // Comparative Migration Studies. 5(1). 2017. № 15. <https://doi.org/10.1186/s40878-017-0058-y> (Date of appeal – 8.09.2017)
9. Терборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Том. 1, № 1, – С. 50–67.
10. Benet-Martinez, V., Haritatos, J. Bicultural Identity Integration. Components and psychosocial antecedents // Journal of Personality, 2005. Vol. 73(4), – pp.1015–1050.
11. Verkuyten, M., Yogeewaran, K., Mepham, K., Sprong, S. Interculturalism: A new diversity ideology with interrelated components of dialogue, unity, and identity flexibility // European Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 50, – pp. 505–519. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2628>
12. Penas, I.B., López Sáen M.C. Interculturalism: Between Identity and Diversity. Bern: Peter Lang AG, 2006. – P. 15.
13. Delanty, G. Community: 2-nd edition. Routledge, 2009. – 208 P.
14. Barrett, M. (Ed.) Interculturalism and multiculturalism: similarities and differences. Publisher: Council of Europe. 2014. ISBN: 9789287176929; Meer, N., Modood, T., & Zapata-Barrero, R. (Eds.) Interculturalism and multiculturalism: Debating the dividing lines. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press. 2016. – 304 P. // <https://edinburghuniversitypress.com/book-multiculturalism-andinterculturalism.html>
15. Bouchard, G. What is interculturalism? McGill Law Journal, 2011. № 56, – pp. 435–468.; Taylor, C. Interculturalism or multiculturalism? // Philosophy and Social Criticism, 2012. № 38, – pp. 413–423.
16. Cante, T. The case of interculturalism, plural identities and cohesion. In N. Meer, T. Modood, & R. Zapata-Barrero (Eds.), Interculturalism and multiculturalism: Debating the dividing lines. 2016, – pp. 133–157.
17. Zapata-Barrero, R. Interculturalism in the post-multicultural debate: a defence // Comparative Migration Studies/ 2017. 5. <https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z>. (Date of appeal – 20.09.2017), DOI:10.1186/s40878-017-0057-z
18. Goodhart, G. The British dream: Successes and failures of post-war immigration. London, UK: Atlantic Books. 2013. Vol. 12, – pp. 448–449.; Joppke, C. (2006). European immigrant integration in change. Canadian Diversity, 2006. № 5(1), – pp. 145–148.; Sen, A. Identity and violence: The illusion of destiny. N.Y.: Norton. 2006. Vol.4.2010 pp.261–268. DOI:10.3126/dsaj.v4i0.4525
19. Bouchard, G. What is interculturalism? // McGill Law Journal. 2011. Vol. 56, – pp. 435–468; Taylor, C. Interculturalism or multiculturalism? // Philosophy and Social Criticism, 2012. № 38, – pp. 413–423.
20. Парокинян А.А. Интеграционные и дезинтеграционные процессы этнических сообществ в глобальном мире: вызовы и тенденции // Социология. 2016. № 8 (136), с. 160–166.; Woods P. Grugeon E. Pupils and 'Race': Integration and Disintegration in Primary Schools // British Journal of Sociology of Education Sociology of Primary Education. 1990. Vol. 11, No. 3, pp. 309–326.

21. Джекобс, Дж. Города и богатство наций: Принципы экономической жизни / О.Н. Лугового. Пер. с англ. Д.А. Ананьев. – Новосибирск: Культурное наследие, 2009. – 332 с.
22. Бритвина И.Б., Савчук Г.А., Бритвин А.М., Жбанкова С.А. Этническая культура как фактор интеграции жителей полиэтнической территории // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования и культуры. 2016. Т 22. № 4 (156). – с. 203–212; Найдено В.Н. Факторы этно-национальной конфликтности в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019 Vol. 19 No. 4, с. 707–721. <http://journals.rudn.ru/sociology> DOI: 10.22363/2313–2272–2019–19–4–707–721; Перская В.В. Интеграция в условиях многополярности. М., 2016,– 383 с.; Delaporte, I. Ethnic identity and the employment outcomes of immigrants: Evidence from France, School of Economics Discussion Papers, 2019. No. 1904, University of Kent, School of Economics, Canterbury. – 63 P.; Modood T. Multiculturalism and Integration. In: Race R., Lander V. (eds) *Advancing Race and Ethnicity in Education*. Palgrave Macmillan, London. 2014. https://doi.org/10.1057/9781137274762_10;
23. Лепшакова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество 2017. Т. 8. № 3. – С. 125–146. doi: 10.17759/sps.20170803010
24. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Медведев Н.П., Хоц А.Ю., Шнюков В.В. Ставрополье: этно-конфликтологический портрет. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 138 С.; Полуянов В.К. Диаспорные общины в Ростовской области: формирование, типология, проблемы адаптации. Автореф. дисс.к.социол.н.: Ростов-на-Дону, 2008. – 24 С.
25. Heath, A.F. European Standard Classification of Cultural and Ethnic Groups // Documentation Report Appendix. 2015, – pp. 27–34; Schneider, Silke L. and Anthony F. Heath. Ethnic and Cultural Diversity in Europe: Validating Measures of Ethnic and Cultural Background // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1550150>
26. Bishop, E. «Cultural Nationalism» // «New Dictionary of the History of Ideas», ed. Maryanne Cline Horowitz. New York: Charles Scribner's Sons. 2005, – pp. 132–141.
27. Horowitz M.C. Nationalism and Ethnicity: Cultural Nationalism // *Encyclopedias almanacs transcripts and maps*. Roycroft Press. The Columbia Encyclopedia, 6th ed. N.Y., 2017, – pp. 38–54.
28. The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity and Nationalism. John Stone (Editor), Rutledge M. Dennis (Editor), Polly Rizova (Editor), Anthony D. Smith (Editor), Xiaoshuo Hou (Editor). N.Y. 2016. – 2520 P. ISBN: 978–1–405–18978–1; Kendall, J.G. «Wiley Blackwell encyclopedia of race, ethnicity and nationalism», *Reference Reviews*, 2016. Vol. 30 No. 8, pp. 12–14. <https://doi.org/10.1108/RR-06–2016–0153>
29. Penas, I.B., López Sáenz, M.R. *Interculturalism: Between Identity and Diversity*. Bern: Peter Lang AG, 2006. – P. 15.
30. Rosenthal, L., & Levy, S. (2013). Thinking about mutual influences and connections across cultures relates to more positive intergroup attitudes: An examination of polyculturalism. *Social and Personality Psychology Compass*, 7, 547–558. <https://doi.org/10.1111/spc3.12043>
31. Kastoryano R. Multiculturalism and interculturalism: redefining nationhood and solidarity // *Comparative Migration Studies*. 2018. Vol, 6 (1). [https://www.researchgate.net/publication/325204457_\(Date_of_appeal_–_17.05.2018\)_DOI:10.1186/s40878–018–0082–6](https://www.researchgate.net/publication/325204457_(Date_of_appeal_–_17.05.2018)_DOI:10.1186/s40878–018–0082–6)
32. Wurzer, G., Kowarik, K., Reschreiter, H. (ed.) *Agent-based modeling and simulation*

- in archaeology (*Advances in Geographic Information Science*). Springer, Cham, Switzerland. 2015, – P. 435.
33. Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе // *Общественные науки и современность*, № 2, 2008, – С. 68–77.
 34. Томарева И.Г. Особенности гражданской идентичности в современной России // *Современные наукоемкие технологии*. – 2016. – № 1. – С. 188–191; URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35518> (дата обращения: 09.01.2022).
 35. Petrovska I. Measuring civil identity difficulties and solution // *Psychology and pedagogy in XXI century*. Ivan Franko National University of Lviv. 2019. – pp. 62–82. DOI:10.36059/978-966-397-176-6/62-82

INTEGRATION IN A MULTI-ETHNIC SOCIETY: WAYS, MODERN TRENDS AND PROBLEM NODES

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., Hunagov R.D.

Adyghe State University; South-Russian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Institute of Complex Problems of ASU

This article discusses the problems of ethnic integration in a multiethnic society, which take place against the background of global world processes. It is shown that integration is carried out in different ways, the purpose of which is the formation of cultural pluralism, which is realized through such models as biculturalism, multiculturalism, interculturalism, transnationalism and the path of intercultural development. The characteristics of multiculturalism, which is an alternative to biculturalism, are given, its limitations are revealed. Interculturalism is considered as one of the ways of ethnic integration, which includes three interrelated elements: intercultural dialogue, flexibility of identity and a sense of unity, considered as an alternative to multiculturalism. Adepts of this path of integration call interculturalism a new ideology of ethnic integration, while critics call interculturalism “post-multiculturalism” and just a modification of multiculturalism. A new trend of ethnic integration in the form of transnationalization is considered, which realizes the idea of creating a public space and ex-

pands the concept of cultural integration, while citizenship becomes the right of the country of residence. The pros and cons of polyethnicity are considered, both in the form of a development resource and in the form of ethnic segregation, interethnic tension and conflicts. A new trend is being formed in the form of state-civil integration, which is the basis for the formation of civil-state (national-civil) identity, for which the necessary conditions are required (adequate state national policy, rethinking in scientific and public discourse the essence of reducing ethnic hatred and social differentiation in state – civic unity) and sufficient conditions that are implemented at the level of social feelings (which include feelings of social justice, a sense of true social equality and equity, a sense of responsibility, true real equality before the law). Only in the unity of necessary and sufficient conditions can an idea of true civil-national unity be formed, without which the real process of national-ethnic integration in a multi-ethnic society, in principle, cannot be realized. Discussion of these issues form problematic nodes of scientific research.

Keywords: integration, polyethnicity, biculturalism, multiculturalism, interculturalism, transnationalism, state-civic integration, national-civic identity.

References

1. Timmerman, C., Clerck, H.M.L., Hemmerchts, K., Willems, R. *Imagining Europe from the outside: The role of perceptions of human rights in Europe in migration aspirations in Turkey, Morocco, Senegal and Ukraine*. In N. Chaban, & M. Holland (Eds.), *Communicating Europe in times of crisis*. London: Palgrave Macmillan. 2014. – pp. 220–247.
2. Strangio, D., De Rose, A. *A new Italian migration toward Australia: Evidences from the last decade and associations with the recent economic crisis*. In F. Fauri (Ed.), *The history of migration in Europe* Abington: Routledge. 2015, – pp. 194–213.
3. Düvell F. *Shifts in the global migration order and migration transitions in Europe: the cases of Turkey and Russia* // *Comparative Migration Studies*. 2020. Vol. 8 (1), № 45,– 22 P. DOI:10.1186/s40878-020-00204-2
4. Massey, D., Arango, J., Graeme, H., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. *Theories of international migration: a review and appraisal* // *Worlds in motion. Population and Development Review*. Oxford: OUP. 2008. Vol. 19, No. 3 – pp. 431–466

- <http://www.jstor.org/stable/2938462>. DOI: 10.2307/2938462 Corpus ID: 42915284
5. Sorokina I.O. Theoretical foundations of the concept of "integration" and the principle of its implementation // *Management in Russia and abroad*. 2008, No. 4. – S. 3–6. <http://dis.ru/library/manag/archive/2008/2/4931.htm>; Tabylgina, L.A. Basic scientific approaches to the concept of "social integration" // *Uchenye zapiski ZabGGPU. Gorno-Altaysk*, 2011. – S. 196–204; Tumafov, N.S. The concept and essence of integration: heterogeneous representations // *Problems of modern economics: collection of materials of the IV International scientific and practical conference: in 2 parts. Part 1 / Under the general. ed. J.A. Mingaleva, S.S. Chernov*. – Novosibirsk: NGTU Publishing House, 2011. – P. 38–43; Barger S.D. Social integration, social support and mortality in the US National Health Interview Survey. *Psychosom Med*. 2013, No. 75, – pp. 510–517.; Berkman L.F., Glass T., Brissette I., Seeman T.E. From social integration to health: Durkheim in the new millennium. *Social Science Med*. 2000, No. 51(6), – pp. 843–857.; Holt-Lunstad *Jornal Social Integration* // <https://doi.org/10.1161/circresaha.116.309443> (Date of appeal – 3.10.2019.); Krysan, M., Carter, C., van Londen, M. The diversity of integration in a multiethnic metropolis // *Exploring What Whites, African Americans, and Latinos Imagine*. Published online by Cambridge University Press. 2016. Vol. 14. Issue 1. 22 Nov.
 6. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M. (2016). Assimilation or integration: similarities and differences between the acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: current state*, 2016. No. 9 (1), p. 98–111; Contini R.M. *New Generations and Intercultural Integration in a Multi-ethnic Society* // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 16, pp. 1819–1829.
 7. Brubaker, R. *Ethnicity without groups* // *Archives Européennes de Sociologie*, 2002. Vol. 43(2), – pp.163–189.
 8. Modood, T. Must Interculturalists misrepresent multiculturalism? // *Comparative Migration Studies*. 5(1). 2017. № 15. <https://doi.org/10.1186/s40878-017-0058-y> (Date of appeal – 8.09.2017)
 9. Therborn G. *Multicultural societies* // *Sociological Review*. 2001. Vol. 1, No. 1, – S. 50–67.
 10. Benet-Martinez, V., Haritatos, J. *Bicultural Identity Integration. Components and psychosocial antecedents* // *Journal of Personality*, 2005. Vol. 73(4), – pp.1015–1050.
 11. Verkuyten, M., Yogeeswaran, K., Mepham, K., Sprong, S. *Interculturalism: A new diversity ideology with interrelated components of dialogue, unity, and identity flexibility* // *European Journal of Social Psychology*. 2020. Vol. 50, – pp. 505–519. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2628>
 12. Penas, I.B., López Sáen M.C. *Interculturalism: Between Identity and Diversity*. Bern: Peter Lang AG, 2006. – P. 15.
 13. Delanty, G. *Community: 2-nd edition*. Routledge, 2009. – 208 P.
 14. Barrett, M. (Ed.) *Interculturalism and multiculturalism: similarities and differences*. Publisher: Council of Europe. 2014. ISBN: 9789287176929; Meer, N., Modood, T., & Zapata Barrero, R. (Eds.) *Interculturalism and multiculturalism: Debating the dividing lines*. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press. 2016. – 304 P. // <https://edinburghuniversitypress.com/book-multiculturalism-andinterculturalism.html>
 15. Bouchard, G. What is interculturalism? *McGill Law Journal*, 2011. № 56, – pp. 435–468.; Taylor, C. *Interculturalism or multiculturalism?* // *Philosophy and Social Criticism*, 2012. № 38, – pp. 413–423.
 16. Cattle, T. The case of interculturalism, plural identities and cohesion. In N. Meer, T. Modood, & R. Zapata-Barrero (Eds.), *Interculturalism and multiculturalism: Debating the dividing lines*. 2016, – pp. 133–157.
 17. Zapata-Barrero, R. *Interculturalism in the post-multicultural debate: a defence* // *Comparative Migration Studies/ 2017. 5*. <https://doi.org/10.1186/s40878-017-0057-z>. (Date of appeal – 20.09.2017), DOI:10.1186/s40878-017-0057-z
 18. Goodhart, G. *The British dream: Successes and failures of post-war immigration*. London, UK: Atlantic Books. 2013. Vol. 12, – rr. 448–449.; Joppke, C. (2006). *European immigrant integration in change*. *Canadian Diversity*, 2006. No. 5(1), – pp. 145–148.; Sen, A. *Identity and violence: The illusion of destiny*. N.Y.: Norton. 2006. Vol.4 2010 pp.261–268. DOI:10.3126/dsaj.v4i0.4525
 19. Bouchard, G. What is interculturalism? // *McGill Law Journal*. 2011 Vol. 56, -pp. 435–468; Taylor, C. *Interculturalism or multiculturalism?* // *Philosophy and Social Criticism*, 2012. No. 38, – pp. 413–423.

20. Parokinyan A.A. Integration and disintegration processes of ethnic communities in the global world: challenges and trends // *Sociology*. 2016. No. 8 (136), p. 160–166.; Woods P. Grugeon E. Pupils and 'Race': Integration and Disintegration in Primary Schools // *British Journal of Sociology of Education Sociology of Primary Education*. 1990 Vol. 11, no. 3, pp. 309–326.
21. Jacobs, J. *Cities and the Wealth of Nations: Principles of Economic Life / O.N. Lugovoi*. Per. from English. YES. Ananiev. – Novosibirsk: Cultural heritage, 2009. – 332 p.
22. Britvina I.B., Savchuk G.A., Britvin A.M., Zhabankova S.A. Ethnic culture as a factor in the integration of residents of a multi-ethnic territory // *Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education and culture*. 2016. T 22. No. 4 (156). – from. 203–212; Naidenko V.N. Factors of ethno-national conflict in the Russian Federation // *Vestnik RUDN University. Series: Sociology*. 2019 Vol. 19 no. 4, p. 707–721. <http://journals.rudn.ru/sociology> DOI: 10.22363/2313–2272–2019–19–4–707–721; Perskaya V.V. Integration in conditions of multipolarity. M., 2016,– 383 p.; Delaporte, I. Ethnic identity and the employment outcomes of immigrants: Evidence from France, School of Economics Discussion Papers, 2019. No. 1904, University of Kent, School of Economics, Canterbury. – 63 R.; Modood T. Multiculturalism and Integration. In: Race R., Lander V. (eds) *Advancing Race and Ethnicity in Education*. Palgrave Macmillan, London. 2014. https://doi.org/10.1057/9781137274762_10;
23. Lepshakova Z. Kh., Tatarko A.N. Adaptation and modification of the methodology of acculturation expectations by John Berry // *Social psychology and society* 2017. V. 8. No. 3. – P. 125–146. doi:10.17759/sp.s.20170803010
24. Avksentiev V.A., Babkin I.O., Medvedev N.P., Hots A. Yu., Shnyukov V.V. *Stavropol: ethno-conflictological portrait*. Stavropol: SGU Publishing House, 2002. – 138 S.; Poluyanov V.K. *Diaspora communities in the Rostov region: formation, typology, problems of adaptation*. Abstract diss. Ph.D. in sociology: Rostov-on-Don, 2008. – 24 p.
25. Heath, A.F. *European Standard Classification of Cultural and Ethnic Groups // Documentation Report Appendix*. 2015, pp. 27–34; Schneider, Silke L. and Anthony F. Heath. *Ethnic and Cultural Diversity in Europe: Validating Measures of Ethnic and Cultural Background // Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. <https://doi.org/10.1080/08901461.2018.1550150>
26. Bishop, E. *Cultural Nationalism // New Dictionary of the History of Ideas*, ed. Maryanne Cline Horowitz. New York: Charles Scribner's Sons. 2005. – rr. 132–141.
27. Horowitz M.S. *Nationalism and Ethnicity: Cultural Nationalism // Encyclopedias almanacs transcripts and maps*. Roycroft Press. The Columbia Encyclopedia, 6th ed. N.Y., 2017, – pp. 38–54.
28. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity and Nationalism*. John Stone (Editor), Rutledge M. Dennis (Editor), Polly Rizova (Editor), Anthony D. Smith (Editor), Xiaoshuo Hou (Editor). N.Y. 2016. – 2520 R. ISBN: 978–1–405–18978–1; Kendall, J.G. "Wiley Blackwell encyclopedia of race, ethnicity and nationalism", *Reference Reviews*, 2016. Vol. 30 no. 8, pp. 12–14. <https://doi.org/10.1108/RR-06–2016–0153>
29. Penas, I.B., Lopez Saenz, M.R. *Interculturalism: Between Identity and Diversity*. Bern: Peter Lang AG, 2006. – P. 15.
30. Rosenthal, L., & Levy, S. (2013). Thinking about mutual influences and connections across cultures relates to more positive intergroup attitudes: An examination of polyculturalism. *Social and Personality Psychology Compass*, 7, 547–558. <https://doi.org/10.1111/spc3.12043>
31. Kastoryano R. *Multiculturalism and interculturalism: redefining nationhood and solidarity // Comparative Migration Studies*. 2018. Vol. 6(1). <https://www.researchgate.net/publication/325204457> (Date of appeal – 05/17/2018) DOI:10.1186/s40878–018–0082–6
32. Wurzer, G., Kowarik, K., Reschreiter, H. (ed.) *Agent-based modeling and simulation in archeology (Advances in Geographic Information Science)*. Springer, Cham, Switzerland. 2015, – R. 435.
33. Drobizheva L.M. *The processes of civil integration in a multi-ethnic Russian society // Social sciences and modernity*, No. 2, 2008, – P. 68–77.
34. Tomareva I.G. *Peculiarities of Civil Identity in Modern Russia // Modern High Technologies*. – 2016. – No. 1. – P. 188–191; URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35518> (date of access: 01/09/2022).
35. Petrovska I. *Measuring civil identity difficulties and solution // Psychology and pedagogy in XXI century*. Ivan Franko National University of Lviv. 2019. – pp. 62–82. DOI:10.36059/978–966–397–176–6/62–82

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Belozеров V.I.</i> Sociology of sports in Great Britain and in the USA.....	5
<i>Vasiliev V.P.</i> Institutional regulation of socio-economic dynamics: entering a sustainable development trajectory	15
<i>Kudryavtsev V.A., Grudina T.N., Los E.V.</i> Russian sociological thought about the death penalty problem	26
<i>Zuo Qi, Hu Yue.</i> Data in the digital economy.....	40
<i>Bloshko V.V., Kapustin V.V.</i> Development of the methodology of social technologies of patriotic education of youth	51
<i>Yagina O.M.</i> Modern methodological approaches to the study of mental health	60

EMPIRICAL STUDIES

<i>Anosov S.S.</i> Civic activity of non-profit organizations working with youth in the Siberian Federal District.....	70
<i>Ardashev R.G.</i> Features of the development of the consciousness of townspeople in a pandemic society.....	79
<i>Dzutshev Kh.V., Berezina (Kornienko) N.V.</i> Attitude towards traditional and other religions in the republics of the North Caucasus	87
<i>Ivanov R.V.</i> Enhancing youth participation in volunteering.....	101
<i>Oseev A.A.</i> Social functions and social portrait of pensioners in Russian society. Pensioners – a special social group of social integrity and a carrier of a social organization of society.....	123
<i>Pruzhinin A.N., Podzhidaeva A. Yu.</i> Models of legitimizing the development of human resources of non-profit organizations.....	144
<i>Treskin P.A.</i> Features of remote work: experience of adaptation of non-profit organizations	154
<i>Farakhutdinov Sh.F., Klyueva V.P.</i> Ethnic identity of the population of the Tyumen region.....	163
<i>Chudnovskaya I.N., Bukhtiyarova I.N., Lipatova M.E.</i> The model of communication in the digital educational space in the reflection of students.....	173

<i>Gavrilova Yu.V., Popova A.A.</i> The role of deprivation in the transformations of individual religious consciousness in the context of the COVID-19 pandemic.....	184
<i>Kostikova Y.V., Grigoryan M.I.</i> “Gramar-Nazi” as representatives of the internet youth subculture	193
<i>Koroleva-Konoplyanaya G.I.</i> Social adaptation of youth in the conditions of the information society	199

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Evenko S.L., Smirnov N.N.</i> Scientific approaches to managing the professional career of a serviceman in sociology	205
<i>Igumnov O.A., Ivanov S. Yu.</i> Socio-resource approach in social management: formulation of the problem	215
<i>Kirsanova Yu.A.</i> The content of the concept of a non-resident city: generalization of international experience.....	225
<i>Litinskaya E. Yu., Matyushina Yu.B., Petrov D.S.</i> Theoretical and methodological aspects of studying the social adaptation of the working poor.....	232
<i>Timofeev M.O.</i> Development of the methodology of sociological support for groups of military personnel performing professional tasks in conditions of social deprivation.....	239
<i>Trifonova V. Yu.</i> Strategic session as a social technology for the formation of the organizational culture of the company.....	249
<i>Vladimir V.U.</i> The role and place of social consolidation in the development strategy of the Republic of Crimea.....	253
<i>Yakovleva O.I.</i> The problem of adaptation of young professionals to professional activities in extreme conditions	260

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Pustarnakova A.A., Nifatov A.A., Batishcheva T.A.</i> The impact of Russian culture on social processes: the example of the city of Samara.....	267
--	-----

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE.
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY.
PHILOSOPHY OF CULTURE**

Davydov V.A. Historical cognition in the context of social epistemology 273

Kolganov S.V., Glukhov P.S. Human potential through the prism of the philosophy of Russian cosmism 277

Muzafarova N.R. The Phenomenon of Tsatsa in the Philosophy of Northern Buddhism 281

Popov V.V., Bulanaya Yu.V. The formation of the individual being of the individual in the family being of a traditional and including society: existentialist and phenomenological aspects 285

SOCIAL PHILOSOPHY

Kapralova E.A. The phenomenon of social well-being in virtual digital reality 292

Ni Wayan Radita Novi Puspitasari, Hendrikus Paulus Kaunang. Building Global Solidarity in Religious Communities During the COVID-19 Pandemic: Case Studies in Bali, Flores and Indonesia 299

Safronov A.V. Dualism in the public mind: why the complex concept of Spinoza turned out to be more popular than the simple concept of Descartes 307

Shukshina L.V., Firsov A.A., Mizonova O.V. Features of brand perception by generation Z 326

Golubeva Ks.A. Social mechanism for raising the level of financial culture 335

Pogrebnoi D.N., Osipenko E.B. Analysis of typological features of service behavior of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation 340

SCIENTIFIC LIFE

Ravochkin N.N. Emotions of youth in a post-COVID city: a sociological analysis. Emotions manifestation specificity 347

Fedorov N. Yu. The category of human capital in sociological and economic theory ... 352

Singaevskaya M.V. Structure and functions of public opinion in politics 360

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., Hunagov R.D. Integration in a multi-ethnic society: ways, modern trends and problem nodes 373

